РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

1888.

ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Д. И. Иловайскаго.

II. УССУРІЙСКІЙ КРАЙ. V. А. Я. Максимова.

III. ЗНАКОМСТВО СЪ ГЕРЦЕНОМЪ. (Отрывки изъ воспоминаній). А. П. Милюкова.

IV. МОЛОДЕЖЬ Романъ, часть третья, гл. VI—VIII. К. Ѳ. Орловскаго.

V. „МОРЕ". Стихотвореніе Е. В. Короля Оскара II пер. В. И. Головина.

VI. ДОМЪ БОЯРИНА XVII СТОЛѢТІЯ. Е. Н. Опочинина.

VII. ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ ИСКУССТВУ. Разсказъ. Н. И. Мёрдеръ.

VIII. НАШЕ ВОЕННОЕ ДѢЛО ЗА 1886 ГОДЪ. ***

IX. МОЛЕНЬЕ ВѢТРУ. (Изъ быта мурманскихъ поморовъ). Разсказъ К. К. Случевскаго.

X. „ЛУЧИ И ТѢНИ". Стихотворенія Н. П—о.

XI. ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ. Книга первая, главы XXI—XXV. Вс. В. Крестовскаго.

XII. КРИТИКА. I. Живой глаголъ русской археологіи. И. П. Хрущова.—II. Новая книга о Китаѣ. Принципы жизни Китая. С. Георгіевскаго. И. Н. Сугорскаго.

XIII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Воронежскіе акты. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Томъ первый. Воронежъ, 1887 г.—II. Архивъ юго-западной Россіи. Часть вторая, томъ II. Кіевъ, 1888 г.—III. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Петербургъ, 1889 г.—IV. М. В. Крестовская. Ранніе годы. Испытаніе. Внѣ жизни. Уголки театральнаго мірка. Петербургъ, 1889 г.

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Страхи „Вѣстника Европы“.—Его отвѣтъ на наши возраженія.—Въ чемъ состоитъ органическій порокъ нынѣшняго земскаго представительства? — Лжесвидѣтельствующіе мировые судьи. — По поводу мнѣній М. Н. Каткова.— Благонамѣренные либералы. — Податное верховенство земства; необходимость огражденія частныхъ интересовъ. — Подвиги либеральнаго художника.— Финансовый законъ 8 ноября, конверсія и „золотой заемъ“.

XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Положеніе дѣлъ въ Кореѣ. — Англійскія продѣлки въ Персіи и Друммондъ-Вольфъ.—Наша дипломатія и опять Корея.— Результаты политическихъ странствій —Балканскій вопросъ.—Переговоры Россіи съ Ватиканомъ.—Отношенія Австріи и Германіи. — Положеніе кн. Бисмарка. — Дѣла во Франціи.—Юбилей короля Христіана IX.—Новый брачный союзъ.— Послѣднія новости изъ Персіи.

XVI. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Финляндскія дѣла.— Погрѣшность редакціи 4-й статьи Т. I Свода Зак. Основныхъ (Сообщ. К. Ф. Ординымъ). — II. Изъ альбома автографовъ. (Сообщ. А. А. Катенинымъ). Письмо князя П. А. Вяземскаго къ С. А. Николаевскому.

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XVIII. ПРИЛОЖЕНІЕ: I. ЛОНДОНЦЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Э. Х. Муррея. Часть I-я. Главы V—VII. II. ПРОРИЦАТЕЛЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. Вальтера Безанта. Часть первая. Главы IV—IX.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

1888.

Декабрь.

Прох. 50

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1888.

БИБЛІОТЕКА • ЕЛИКОЛЬСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1889 году.

Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ мы уже говорили, что на будущій, 1889 годъ, имѣется въ распоряженіи редакціи обильный и интересный матеріалъ, который дастъ возможность еще лучше вести дѣло журнала. Годъ начнется повѣстью **Д. В. Григоровича** „Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“, большою повѣстью **П. П. Гнѣдича** „Свободныя художества“, кромѣ второй части „Тьмы египетской“ **Вс. В. Крестовскаго** и третьей части „Молодежи“ **К. Ѳ. Орловскаго**. Затѣмъ пойдетъ рядъ статей „Герценъ и его корреспонденты“, „князь Бисмаркъ“ и „Польскій вопросъ“, статьи **С. С. Татищева**, „Изъ воспоминаній“ **А. А. Фета**, „Севастопольцы“ **К. В. Тхоржевскаго**, „Въ лѣсу“ большая повѣсть **Н. И. Мёрдеръ**, „Вопросъ о прислугѣ и женскій вопросъ въ Германіи“ и „Русскіе въ нѣмецкомъ подданствѣ“ **В. Ѳ. Грабова**.

Статьи научнаго содержанія по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, историческія и политическія, для будущаго года, принадлежатъ выдающимся ученымъ и публицистамъ. Мы на-

зовемъ здѣсь имена: **С. С. Татищева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловскаго, Д. И. Иловайскаго, И. А. Бычкова, А. Г. Брикнера, И. П. Хрущова, И. В. Помяловскаго, К. Ф. Ордина, Я. К. Грота, Н. В. Покровскаго, С. А. Рачинскаго, Б. В. Струве, П. П. Карцова, Ю. Ѳ. Кулаковскаго, И. В. Цвѣтаева, Д. В. Цвѣтаева** и мн. др. По критикѣ философской литературѣ и по искусству назовемъ имена: **Н. Н. Страхова, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. П. Мальшинскаго, П. П. Гнѣдича** и др. По исторіи публицистики и литературѣ статьи: **Н. А. Любимова, А. П. Милюкова** и др. Сообщенія акад. **Грота, Бычкова**, и др. Посвящены будутъ самостоятельныя изслѣдованія культурнымъ задачамъ Россіи на нашихъ окраинахъ **А. Я. Максимовымъ, Н. И. Бобровскимъ** и друг.

Что касается вопросовъ практическихъ, внутренней жизни страны, то здѣсь какъ во „Внутрен. Обозр.“, такъ и въ остальныхъ статьяхъ, будутъ разсматриваться, по-прежнему подробно, реформы мѣстнаго управленія и наиболѣе насущные вопросы государственнаго и народнаго хозяйства и государственнаго кредита.

Въ особенности обращено будетъ вниманіе на *нужды нашего землевладѣнія, нужды и положеніе помѣстнаго дворянства.* Этотъ предметъ разработывался у насъ неоднократно, и въ будущемъ году мы посвятимъ ему особый отдѣлъ „Писемъ изъ губерніи“, „Изъ нашихъ окраинъ“ и „Изъ деревни“, которыя у насъ уже имѣются и въ коихъ разъясняются съ достаточною ясностью свойства препятствій правильному ходу хозяйствъ и средства къ ихъ исправленію.

Будутъ помѣщены стихотворенія: **К. Р., А. Н. Майкова, графа А. А. Голенищева-Кутузова, А. А. Фета, К. К. Случевскаго, кн. Д. Н. Цертелева** и друг.

Наружный видъ, увеличенный форматъ „РУССКАГО ВѢСТНИКА“, въ будущемъ году возстановляется, какъ онъ былъ до 1860 года, когда его велъ непосредственно М. Н. Катковъ.

Годовое изданіе **„РУССКАГО ВѢСТНИКА“**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1889 году стоитъ въ **Петербургѣ и Москвѣ** безъ доставки и пересылки **пятнадцать руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою **шестнадцать руб.**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **семнадцать руб.**

Допускается взносъ въ **ДВА СРОКА, только** черезъ контору редакціи журнала **„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“**, а именно: при подпискѣ **девять руб.**, а остальная сумма **къ 1-му іюня.**

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, **18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на **„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“** принимается въ Петербургѣ: для городскихъ въ конторѣ Журнала **„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“** въ **Товариществѣ „Общественная Польза“** (Больш. Подъяч., № 39), въ книжномъ магазинѣ **„НОВАГО ВРЕМЕНИ“** (Невск., 38), и въ Редакціи журнала (Больш. Морск., д. 32, кв. 7); въ Москвѣ: въ Редакціи **„МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“** на Страстн. бульв., въ книжн. магазинѣ **„НОВАГО ВРЕМЕНИ“** (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у **Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ** (Петровскія линіи).

Иногородные адресуютъ исключительно въ контору журнала **„РУССКАГО ВѢСТНИКА“** Спб., Больш. Подъяч. № 39, въ **Товарищество „Общественная Польза“.**

Всѣ новые подписчики на „**РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ по желанію могутъ получить начало романовъ: 1) „**Тьма Египетская**“ *Вс. В. Крестовскаго* 24 печ. лист. (402 стр.). 2) „**Молодежь**“ *К. Ѳ. Орловскаго* 38 лист. (608 стр.). 3) „**Лондонцы**“ 4½ лист. (72 стр.). 4) „**Проницатель**“ 6 лист. (96 стр.) всѣ четыре романа за **три руб.** съ перес.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Архимандрита Леонида „Откуда была родомъ св. княгиня Ольга“. *Ѳ. И. Успенскаго* „Русь и Византія въ X вѣкѣ“. *В. Г. Васильевскаго* „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“. *И. И. Малышевскаго* „Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. *М. Н. Петрова* „Исторія среднихъ вѣковъ“, въ обработкѣ *В. К. Надлера*. *Н. А. Оскина* „Исторія среднихъ вѣковъ“.

Въ іюлѣ 1888 года въ Кіевѣ праздновалось девятисотлѣтіе крещенія Руси. Хотя я и былъ на сторонѣ тѣхъ изслѣдователей, которые не совсѣмъ согласны съ общепринятою хронологіей въ данномъ случаѣ, и хотя доказывалъ, что крещеніе кіевлянъ происходило никакъ не ранѣе 989 года (см. замѣтку въ „Рус. Стар.“ 1888 г., апрѣль); однако совершившееся празднованіе имѣло за себя полное основаніе. Во всякомъ случаѣ походъ Владиміра на Корсунь, послужившій началомъ столь важныхъ событій, несомнѣнно былъ предпринятъ въ 988 году. Оставляя въ сторонѣ этотъ собственно хронологическій вопросъ, я въ настоящихъ своихъ замѣткахъ желаю прежде всего воспользоваться новымъ толчкомъ, который данъ былъ общему вопросу о происхожденіи русской національности, такъ какъ онъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о началѣ русскаго христіанства. Мнѣ, какъ автору *Розысканій о началѣ Руси*, весьма любопытно было слѣдить за тѣмъ, насколько предложенная этими „Розысканіями“ постановка вопроса отразилась или не отразилась въ многочисленныхъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ, вызванныхъ означеннымъ девятисотлѣтіемъ.

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія этой случайной (т. е. возникшей по извѣстному поводу) литературы, указываетъ на очевидную переходную ступень отъ безусловнаго повторенія старыхъ лѣтописныхъ басенъ и досужихъ домы-

словъ къ новымъ историко-критическимъ выводамъ. Подобный переходъ, конечно, исполненъ разнаго рода недоумѣніями, явными противорѣчіями и натяжками; тѣмъ не менѣе онъ важенъ какъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи русской исторической науки.

Не буду останавливаться на менѣе извѣстныхъ авторахъ, принявшихъ участіе въ данной литературѣ. Укажу наиболѣе заслуженныхъ тружениковъ науки.

Передъ нами любопытная статья извѣстнаго своими почтенными трудами въ области русскихъ древностей архимандрита Леонида: *Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга?* („Рус. Стар.“ 1888 г., іюль). Достоуважаемый авторъ ея нашелъ въ одномъ историческомъ сборникѣ XV вѣка, въ отрывкѣ изъ древняго лѣтописца, извѣстіе о томъ, что супруга Игоря Ольга была родомъ болгарская княжна – извѣстіе довольно достовѣрное и опровергающее лѣтописную легенду о ея простомъ происхожденіи изъ окрестностей Пскова. Авторъ заключаетъ, что она дѣйствительно могла быть изъ города *Плескова*, но только болгарскаго, а не русскаго, который, вѣроятно, она же и основала въ память своей родины. Народная же легенда смѣшала этотъ городъ съ болгарскимъ, перенесла на него мѣсто Ольгиной родины, указала на хранившіяся тамъ ея сани, и, прибавивъ домыселъ о ея простомъ происхожденіи, въ такомъ видѣ перешла въ позднѣйшіе лѣтописные своды и житія. Далѣе, отецъ Леонидъ, вслѣдъ за покойнымъ кн. М. Оболенскимъ, отождествляетъ священника Григорія, спутника Ольги въ Константинополь, съ болгарскимъ пресвитеромъ монахомъ Григоріемъ, сотрудникомъ болгарскаго царя Симеона, переводчикомъ греческихъ хроникъ Георгія Амартола и Іоанна Малалы. Въ особенности заслуживаетъ вниманія указаніе автора на связь болгарскихъ притязаній и походовъ Святослава съ болгарскимъ происхожденіемъ его матери Ольги. Дѣйствительно, это указаніе способно пролить не мало свѣту на русскія отношенія и событія того времени.

Итакъ мы получаемъ новое и притомъ вѣское свидѣтельство, подтверждающее древнѣйшія связи русскаго племени отнюдь не съ сѣверомъ, не съ Скандинавіей, а съ югомъ, съ странами, прилегавшими къ Черному морю. Достоуважаемый отецъ архимандритъ, хотя при семъ и не касается выдвинутаго мною вопроса о южномъ, а не сѣверномъ происхожденіи русскаго племени, однако въ концѣ своей статьи, въ примѣчаніи, если не прямо, то косвенно какъ бы связываетъ это происхожденіе съ норманской тео-

ріей. Предполагая *по всѣмъ соображеніямъ*, что ключница Ольги Малуша (мать Владиміра Великаго) была болгарка, онъ прибавляетъ: „Да и Ольга, *вѣроятно*, до замужества носила какое-либо славянское имя, а Ольгою названа, *какъ полагаютъ*, въ честь Олега, сродича и опекуна ея мужа Игоря?“ Слѣдовательно, авторъ склоненъ думать, что *Олегъ* и *Ольга* суть имена скандинавскія, тогда какъ это имена чисто русскія, т. е. славянскія, и Ольгѣ до замужества не было никакой нужды носить другое, славянское, имя. Къ статьѣ приложенъ самый текстъ лѣтописнаго отрывка. И этотъ текстъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ уже приведенныя мною указанія разныхъ источниковъ на то, что въ первоначальной лѣтописной редакціи говорилось не о призваніи варяговъ-руси разными племенами, а о призваніи варяговъ *Русью* и другими племенами. А именно: „Въ лѣто 63 (862) пріидоша русь, словены, чудь, лопь, кривичи къ варягамъ и спросиша себѣ у нихъ властелей“ и т. д. Слово *Лопь*, какъ и нѣкоторыя другія выраженія (напр. *Деревскую землю*, *реките Литву*) свидѣтельствуетъ объ искаженіяхъ, которымъ подверглась данная лѣтопись; но ея начальныя слова суть несомнѣнные слѣды первой, еще неиспорченной редакціи: стоитъ только сравнить ихъ съ тѣми лѣтописными текстами, которые указаны въ моихъ „Розысканіяхъ“ о началѣ Руси (стр. 109, 112, 465, 496).

Что же касается до Малуши, то едва-ли можно считать ее болгаркой. По лѣтописямъ извѣстно, что она была сестра Добрыни, дочь Малка Любечанина. *Малуша* есть женское ласкательное отъ имени отца *Малко*; сіе послѣднее есть уменьшительное отъ *Малъ*; а что имя Малъ существовало у русскихъ славянъ, о томъ свидѣтельствуетъ извѣстный древлянскій князь. (Въ своихъ „Розыск. о нач. Р.“ стр. 357, я предложилъ догадку—не болѣе,—что имя этой самой Малуши потомъ, ради почета, могло быть передѣлано въ *Малфрѣдь*, о кончинѣ которой русская лѣтопись упоминаетъ подъ 1100 годомъ).

Перейду теперь къ разсужденію профессора Ѳ. И. Успенскаго, нашего извѣстнаго византиниста, озаглавленному „Русь и Византія въ X вѣкѣ“.—„Рѣчь, произнесенная 11 мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси“ (Одесса. 1888).

Прежде всего надобно отдать справедливость автору въ томъ, что онъ прямо обращается къ вопросу о происхожденіи Руси, и откровенно заявляетъ, что обойти этотъ вопросъ

въ данномъ случаѣ невозможно. Затѣмъ онъ очерчиваетъ настоящее положеніе этого вопроса въ наукѣ, т. е. взаимныя отношенія двухъ противоположныхъ теорій. Но дѣло ъъ томъ, какъ очерчиваетъ? При какихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія? „Еслибы вы спросили меня теперь,—говоритъ Ѳ. И. Успенскій—къ которой школѣ самъ я присоединился бы охотнѣй, я бы отвѣтилъ: къ норманской, хотя не безъ сожалѣнія. На сторону норманской школы обязываетъ стать разсудокъ и логика сохранившихся текстовъ; но къ противоположной школѣ влечетъ чувство и опасеніе пожертвовать живой дѣйствительностью, наблюдаемой въ жизни и дѣятельности Русп. X вѣка". Эти слова указываютъ на нѣкоторое раздвоеніе или колебаніе, на ту переходную ступень отъ старой или норманской теоріи къ новой, славянской, о которой я сказалъ выше. Сила историческихъ фактовъ влечетъ автора къ послѣдней, а логика текстовъ удерживаетъ его на первой. На сторонѣ славянской теоріи чувство, на сторонѣ норманской разсудокъ. Это было бы прекрасно, еслибы такое раздвоеніе въ научныхъ вопросахъ могло быть нормально. Лично подобнаго раздвоенія я не признаю; оно можетъ корениться только въ недостаткѣ прямой, безпристрастной, всесторонней критики. Я самъ безусловно слѣдовалъ норманской системѣ, пока не занялся спеціально этимъ вопросомъ; а на такія спеціальныя занятія натолкнули меня недоумѣнія и противорѣчія ея съ фактами, невольно бросавшіяся въ глаза при сколько-нибудь подробномъ разсмотрѣніи нашей начальной исторіи. Когда же я подвергъ господствовавшую систему критическому анализу, то и пришелъ къ ея рѣшительному отрицанію. А когда я убѣдился, что русь туземное славянское племя, которое само основало свое могучее государственное зданіе, тогда дѣйствительно я вооружился, насколько могъ, противъ той вопіющей и вредной для нашего самопознанія клеветы на русскій народъ, которая извѣстна подъ скромнымъ именемъ „норманской системы". Но еслибы критика текстовъ и фактовъ вполнѣ подтвердила ея справедливость, то для историка истина прежде всего; чувство тутъ не при чемъ, какъ не при чемъ наше скорбное чувство при воспоминаніи о татарскомъ игѣ, ибо это иго историческій фактъ. Совсѣмъ другое дѣло норманская система, которая даетъ не факты, а домыслы, возникшіе изъ ряда ошибокъ и недоразумѣній. Самое разсужденіе достоуважаемаго Ѳ. И. Успенскаго служитъ тому яснымъ доказательствомъ.

Хотя онъ и колеблется въ своихъ окончательныхъ вы-

водахъ, однако, согласно его признанію, остается пока норманистомъ и относится къ текстамъ источниковъ съ норманской точки зрѣнія. Отсюда и „логика текстовъ“ получается у него въ смыслѣ норманской системы, съ обычными ея пріемами. Главную точку отправленія составляетъ для него извѣстное мѣсто лѣтописи: „И идоша за море къ варягамъ къ руси“ и т. д. Что это — легенда или историческій фактъ?—спрашиваетъ онъ. Но тутъ вопросъ ставится—не точно, и авторъ явно уклоняется отъ настоящей постановки вопроса; а на нее мы только-что указывали. Эта постановка (предложенная мною въ „Розысканіяхъ“) заключается въ томъ, что самый текстъ въ данномъ случаѣ есть не первоначальный, сохранившійся въ чистотѣ, а искаженный позднѣйшей редакціей. Въ настоящее время, по моему крайнему разумѣнію, для безпристрастнаго ученаго нѣтъ никакой возможности отстаивать искаженный текстъ и выдавать его за истинный, первоначальный. Цѣлый рядъ источниковъ убѣждаетъ насъ, что въ первоначальномъ текстѣ лѣтописи послы отправляются *не къ варягамъ къ руси*, а отправляетъ пословъ *русь къ варягамъ*. Если достоуважаемый профессоръ игнорируетъ мои указанія въ этомъ смыслѣ, то рекомендую его вниманію только-что вышедшій въ свѣтъ второй томъ замѣчательнаго сочиненія варшавскаго профессора-слависта О. О. Первольфа: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“. Тамъ, на стр. 432 и слѣд., онъ также найдетъ сводъ текстовъ, ясно обнаруживающихъ, что начальная русская лѣтопись не смѣшивала русь съ варягами. Въ этомъ-то смѣшеніи и заключается корень варяго-русскаго вопроса, а не въ самой легендѣ о призваніи варяжскихъ князей. Легенда эта первоначально имѣла характеръ чисто династическій, а не этнографическій, каковой получила вслѣдствіе искаженія текста.

Игнорируя этотъ первоначальный текстъ, авторъ естественно дѣлаетъ такое положеніе, будто бы „наши предки до образованія государства не называли себя русью, а имѣли племенныя имена: новгородцы, поляне, кривичи, древляне“ (6). Опроверженіе заключается въ той же лѣтописи, по которой именно поляне иначе назывались русью. А по извѣстію византійцевъ наши предки иначе и не называли себя какъ русь (или рось). Извѣстную дань норманизму авторъ платитъ и въ отношеніи къ свидѣтельствамъ Фотія и Константина Багрянороднаго. Будто бы изъ ихъ словъ нельзя понять, о какой руси они говорятъ: славянской или скандинавской? Напротивъ, приводимые авторомъ тексты

этихъ свидѣтельствъ ясно трактуютъ русь какъ народъ туземный, *скиѳскій* и, слѣдовательно, отнюдь не пришедшій изъ Скандинавіи. Далѣе Ѳ. И. Успенскій къ прежнимъ доказательствамъ туземства руси самъ прибавляетъ новыя. Кромѣ отрывка изъ Іоанна Геометра, называющаго русь скиѳами, онъ приводитъ двѣ византійскія загадки на слово *рось* (изъ бумагъ Газе въ Париж. Національ. Библіотекѣ), въ которыхъ этимъ словомъ означается *гордое языческое племя* или *варваръ скиѳъ*. „*Итакъ*—заключаетъ онъ,—*варваръ, скиѳъ и русскій народъ въ представленіи византійцевъ X в. суть равнозначащіе термины*“ (11). А на слѣдующей страницѣ опять запутываетъ вопросъ, говоря, что „въ русской лѣтописи двойникъ руси — варяги, въ византійской — скиѳы“. Причемъ, не замѣчая того, сопоставляетъ византійскія извѣстія IX и X вѣковъ (современныя мнимому призванію небывалыхъ варягоруссовъ) съ тою искаженной лѣтописной редакціей, которая по всѣмъ признакамъ появилась у насъ не ранѣе XIII вѣка. Понятно, что подобная логика текстовъ никакъ не можетъ замѣнить научной ихъ критики, и потому едва-ли въ этомъ случаѣ правъ разсудокъ, обязывающій стать на сторону норманской школы. За то, когда авторъ даннаго разсужденія переходитъ на почву историческихъ фактовъ X столѣтія, то онъ вездѣ находитъ ясныя указанія, что Русь была сильный туземный народъ, самъ основавшій свое государство, и не въ 862 году, а гораздо ранѣе. Таковы его выводы изъ разсмотрѣнія русскихъ торговыхъ сношеній съ сосѣдями, договоровъ съ греками, морскихъ и сухопутныхъ походовъ руси, широкаго распространенія русскаго элемента въ странахъ прикарпатскихъ, приазовскихъ и черноморскихъ.

Вообще нельзя не поблагодарить Ѳ. И. Успенскаго за его интересную рѣчь, въ которой сказывается многосвѣдущій, талантливый и до нѣкоторой степени безпристрастный изслѣдователь.

Затѣмъ обращу вниманіе читателей на любопытное изслѣдованіе проф. В. Г. Васильевскаго о „Древней торговлѣ Кіева съ Регенсбургомъ“ (журн. М. Нар.Пр. 1888 г., іюль), которое раскрываетъ передъ нами еще одну страницу изъ начальной исторіи Руси. Общій выводъ его тотъ, что въ IX и X вѣкахъ между кіевскою русью и подунайскими баварскими городами шла довольно оживленная торговля; причемъ изъ руси привозились преимущественно воскъ, рабы, лошади и мѣха. Этотъ выводъ, извлеченный главнымъ обра-

зомъ изъ Рафельштетенскаго таможеннаго устава, начала X вѣка (гдѣ руссы называются *ругами*), подтверждается также показаніями еврейскаго путешественника Ибрагима Ибнъ Якуба, который *около 865 года* писалъ о приходѣ русскихъ торговцевъ съ товарами черезъ польскій Краковъ въ чешскую Прагу. Подобныя торговыя сношенія начались, конечно, не въ то время, къ которому относится это извѣстіе, а существовали уже прежде. Отсюда ясно, кажется, слѣдуетъ, что кіевская русь также существовала давнымъ давно и никоимъ образомъ не могла быть народомъ, пришедшимъ изъ Скандинавіи въ 862—65 г.г. Однако почтенный авторъ воздерживается отъ сего неизбѣжнаго, окончательнаго вывода. А судя по его другому цѣнному произведенію, помѣщенному въ сентябрской книжкѣ Журн. М. Н. Пр. („Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи", гдѣ на стр. 122 предлагается сомнительное чтеніе *Струкунъ*, вмѣсто *Струвунъ*, одного изъ днѣпровскихъ пороговъ), онъ по-прежнему вѣритъ въ мнимое призваніе никогда не бывалаго народа варягоруссовъ.

Что же касается до народности древнихъ руговъ, обитателей Ругиланда, то я полагаю, что ихъ полная принадлежность германскому или собственно готскому племени едва-ли есть рѣшенный вопросъ. Извѣстно, какую путаницу представляютъ средневѣковые писатели временъ переселенія народовъ по отношенію къ многочисленнымъ народнымъ именамъ и племеннымъ связямъ. Напримѣръ, по словамъ Прокопія, аланы тоже „готскій народъ" (De bel. Vand. I 3); что, какъ мы знаемъ, не подтверждается фактически. Одоакровы наемныя войска, состоявшія изъ руговъ, геруловъ и скировъ, повидимому, находились не въ одной политической, но и въ племенной враждѣ съ остготами Теодориха Великаго, смѣнившими ихъ господство въ Италіи. Отношенія остготовъ къ ругамъ и скирамъ на Дунаѣ тоже указываютъ на племенную вражду. Придунайскій Ругиландъ географически лежалъ недалеко отъ позднѣйшей Угорской Руси, происхожденіе которой мы доселѣ не можемъ опредѣлить. Группа народовъ, напавшихъ въ началѣ V вѣка на Испанію, каковы вандалы, аланы, свевы, также едва-ли состояла большею частью изъ чистыхъ германцевъ. Эти народы были потомъ вытѣснены или покорены визиготами. Объ аланахъ не можетъ быть и спора. Но и вандалы, сдается мнѣ, подобно ругамъ, скирамъ и геруламъ, не были чисто германскимъ племенемъ, а скорѣе смѣшаннымъ германославянскимъ. Названіе вандалы (а также вандилы, виндилы), очевидно, по корню родственно названію венды. Из-

вѣстно, что вандалы дѣлились на два главные рода: аздинги и силинги. Послѣднее имя сильно напоминаетъ Силезію и силезянъ; да и вандалы вышли изъ страны если не тождественной, то близкой къ Силезіи. (Гельмольдъ балтійскихъ винуловъ или вандаловъ прямо причисляетъ къ славянамъ. Chron. Slav. Lib. I. C. I). Также и названіе свевы, по нѣкоторымъ даннымъ, обнимало не одно только германское племя (шваbовъ), а относилось иногда и къ славянамъ. Во всякомъ случаѣ у германцевъ и славянъ встрѣчаются общія (особенно по корню) племенныя названія. Кромѣ руговъ или руссовъ, силинговъ и силезцевъ, вандаловъ и вендовъ, напомню еще германскихъ бургундовъ и гуннскихъ бургундовъ, нѣмецкихъ англовъ и болгаро-русскихъ онгловъ или угличей. Не предрѣшая вопроса о народности руговъ, вандаловъ и пр., пользуюсь только случаемъ поставить и этотъ вопросъ на видъ русскимъ изслѣдователямъ, по поводу вышеназваннаго труда В. Г. Васильевскаго.

Начало русскаго христіанства находится въ тѣсной связи съ началомъ славянской церкви вообще, а слѣдовательно и съ дѣятельностью св. первоучителей Кирилла и Меѳодія. Въ 1885 году исполнилось тысячелѣтіе съ кончины моравскаго архіепископа Меѳодія; это тысячелѣтіе, въ свою очередь, оживило вопросы о древнемъ славянствѣ и вызвало цѣлый рядъ изслѣдованій и разсужденій, посвященныхъ памяти первоучителей. Въ то время я также отозвался на эти произведенія, по крайней мѣрѣ на тѣ, которыя наболѣе заслуживали вниманія. (См. „Рус. Старину“ 1885 г. ноябрь). Въ слѣдующемъ 1886 году вышло посвященное тому же предмету новое изслѣдованіе извѣстнаго ученаго и профессора Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго, подъ заглавіемъ „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. Это весьма обстоятельное изслѣдованіе отличается многими научными достоинствами и тщательною обработкою разныхъ подробностей. Но, къ сожалѣнію, не вездѣ можно согласиться съ критическими пріемами автора. Остановлюсь только на одномъ спорномъ пунктѣ, который въ своихъ *Розысканіяхъ* я подвергалъ также критическому анализу. Разумѣю извѣстное мѣсто паннонскаго житія Константина-Кирилла, гдѣ говорится, что во время своей миссіи въ Хазарію онъ нашелъ въ Корсуни „евангеліе и псалтырь, писанныя *русскими письменами*“—мѣсто первостепенной важности для рѣшенія вопросовъ о первыхъ славянскихъ переводахъ св. Писанія и о церковно-славянскомъ языкѣ,

а вмѣстѣ съ тѣмъ о народности руси и болгаръ. Какъ же авторъ относится къ такому важнѣйшему пункту? „Это загадочное мѣсто,—говоритъ онъ—служило и доселѣ служитъ предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ, перебирать которые не буду. Ограничимся изложеніемъ нашего взгляда на дѣло или, точнѣе, того изъ существующихъ мнѣній объ этомъ предметѣ, которое считаемъ наиболѣе основательнымъ“ (стр. 46). Послѣ чего рядомъ самыхъ произвольныхъ домысловъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что подъ русскими письменами тутъ разумѣются письмена *готскія*. Онъ говоритъ, что къ этому заключенію идетъ отъ такихъ *историческихъ фактовъ*, какъ существованіе таврическихъ готовъ, а также „существованіе священныхъ книгъ и богослуженія на готскомъ языкѣ“ (стр. 46—51). Но что это за аргументы? Готы дѣйствительно существовали въ Крыму; но рядомъ съ ними существовали гунно-болгары, также по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; а въ прибосфорскомъ краѣ также несомнѣнныя историческія свидѣтельства указываютъ на существованіе народа роксоланъ (или просто рось). Готскій переводъ св. Писанія существовалъ самъ по себѣ, а славянскіе переводы или, по крайней мѣрѣ, начатки этихъ переводовъ могли уже тогда существовать сами по себѣ. Другимъ исходнымъ историческимъ фактомъ для нашего автора въ данномъ случаѣ служитъ племенное родство скандинавовъ съ готами; а такъ какъ русь, по его мнѣнію, была скандинавское племя, то и выходитъ, что готскій переводъ св. Писанія могъ быть названъ и русскимъ. Мы только-что указали на новое подтвержденіе той мысли, что русь и варяги были два разные народа, а г. Малышевскій скандинаво-варяжское происхожденіе русскаго народа все еще считаетъ фактомъ *неопровержимымъ*. Далѣе, такъ какъ извѣстіе Житія о руси относится къ эпохѣ мнимаго пришествія въ Новгородъ и Кіевъ изъ Скандинавіи небывалыхъ варяговъ-руссовъ, то г. авторъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предположеніямъ о пришествіи руси изъ Скандинавіи еще раньше этого времени и притомъ прямо на берега Азовскаго моря. Наконецъ, Константинъ у него не случайно „обрѣлъ“ готское евангеліе и человѣка, говорившаго по-готски, а самъ искалъ ихъ, потому что зналъ „изъ Златоуста“ о готскомъ переводѣ и богослуженіи и хотѣлъ „воспользоваться ими для цѣлей своего призванія“ (50). Получается такимъ образомъ порядочная путаница идей и явное противорѣчіе съ тѣмъ самымъ паннонскимъ Житіемъ, достовѣрность котораго авторъ такъ усердно старается утвердить. Въ Житіи

кромѣ русскихъ письменъ ясно упоминаются и готы въ ряду народовъ, получившихъ св. Писаніе на своемъ языкѣ; слѣдовательно Житіе не смѣшиваетъ, а прямо различаетъ письмена готскія и русскія. На знакомство Константина съ готскимъ письмомъ и съ готскимъ языкомъ Житіе не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека; никакихъ его отношеній къ готамъ въ Житіи не указано, и для какихъ именно „цѣлей призванія“ понадобились Константину эти письмо и языкъ,— авторъ умалчиваетъ. Вотъ что значитъ не подвергнуть такіе важные вопросы основательному, самостоятельному изслѣдованію, а положиться на мнѣнія г. Голубинскаго, изложенныя въ его „Исторіи Русской Церкви“.

Нѣсколько ниже въ своей книгѣ И. И. Малышевскій возвращается къ тому же предмету; при чемъ идетъ еще далѣе въ своихъ домыслахъ: „Можно *предполагать*, что они (варягоруссы) на нѣкоторое время и поддержали этотъ языкъ, и что въ тѣхъ варяжскихъ (?) церквахъ св. Иліи константинопольской и кіевской, которыя упоминаются въ договорѣ Игоря, было именно богослуженіе готское“ (115). Но если кіевская русь временъ Олега и Игоря пользовалась готскими письменами и готскимъ богослужебнымъ языкомъ, почему же ихъ договоры съ греками оказались написанными по-славянски, о готскомъ же письменномъ языкѣ въ нашихъ источникахъ не сохранилось никакого намека, и какъ это совсѣмъ незамѣтно для исторіи готскій языкъ потомъ перешелъ въ церковно-славянскій въ русскомъ богослуженіи? Такимъ образомъ повторяется невозможное мнѣніе г. Голубинскаго, по которому выходитъ, что варяги, въ то время уже латино-католики, ввели въ Россіи греческое православіе, съ прибавленіемъ богослуженія на готскомъ языкѣ, по переводу Ульфилы. Къ подобнымъ невозможнымъ выводамъ приводятъ якобы такіе *неопровержимые* факты какъ неславянство руссовъ и болгаръ (117). Вслѣдствіе такихъ невѣрныхъ точекъ отправленія и вообще весь вопросъ о языкѣ славянскихъ переводовъ не только не выясняется, а запутывается еще болѣе.

Повторяю однако, что изслѣдованіе достоуважаемаго автора тамъ, гдѣ дѣло не касается его безусловной вѣры въ теоріи норманизма и туранизма, является вполнѣ научною и весьма добросовѣстною работою. То же самое мы и прежде замѣчали относительно тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые, слѣпо подчиняясь названнымъ теоріямъ, отказываются отъ самостоятельнаго и тщательнаго ихъ анализа.

Если—какъ мы видимъ изъ послѣдняго примѣра—въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ славянству, такъ слабо изученіе важнѣйшихъ, относящихся къ нему вопросовъ, то чего же можно ожидать у насъ для этихъ вопросовъ отъ общихъ историческихъ курсовъ? И дѣйствительно, эти курсы страдаютъ большею частью поверхностнымъ къ нимъ отношеніемъ и голословнымъ повтореніемъ чужихъ, по преимуществу нѣмецкихъ, мнѣній.

Передъ нами недавно появившійся въ печати университетскій курсъ по средневѣковой исторіи харьковскаго профессора М. Н. Петрова. „Лекціи по всемірной исторіи“ Петрова являются посмертнымъ изданіемъ, въ обработкѣ его учениковъ приватъ-доцентовъ А. Н. Деревицкаго (Древняя Исторія), В. П. Бузескула (часть Новой Исторіи) и его коллеги профессора В. К. Надлера (Средняя Исторія). На сей разъ мы остановимся только на Средней Исторіи. Въ предисловіи къ ней г. Надлеръ сообщаетъ намъ, что „здѣсь покойный лекторъ въ полномъ смыслѣ слова даетъ non multa, sed multum, мастерски уясняетъ общій ходъ историческаго прогресса, господствуетъ надъ фактами и подробностями, но не подчиняется имъ, не увлекается ими“. И далѣе: „Исторія славянскаго міра, отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ громадномъ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ и общихъ сочиненій по этому отдѣлу всемірной исторіи, стоитъ у М. Н. Петрова на первомъ планѣ, излагается даже съ большею подробностью нежели исторія западнаго романо-германскаго міра, и, что самое главное, не стоитъ особнякомъ какъ бы приставленная съ боку“. „Изъ книги Петрова всякій читатель вынесетъ самое ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основу исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. И въ этомъ отношеніи покойный профессоръ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на высотѣ современной науки“ и т. д. Естественно, подобное предисловіе возбуждаетъ въ читателѣ большія ожиданія, и онъ заранѣе разсчитываетъ вслѣдъ за авторомъ подняться на высоту современной науки. Но, увы! разочарованіе наступаетъ быстрое и тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ живѣе были возбужденныя ожиданія. Оказывается, что коллега оказалъ медвѣжью услугу покойному автору, а вмѣстѣ и самому себѣ какъ его сотруднику.

Естественно читатель, сколько-нибудь понимающій историческую суть, прежде всего спѣшитъ просмотрѣть, какъ

„Исторія среднихъ вѣковъ“ излагаетъ великое переселеніе народовъ, т. е. какое при семъ мѣсто она отводитъ славянамъ, которыхъ нѣмецкіе историки обыкновенно въ этомъ отдѣлѣ игнорируютъ. Читаете и находите, что славянамъ тутъ никакого мѣста не отводится; да и весь трактатъ о великомъ переселеніи скомканъ на двухъ или трехъ страничкахъ; при чемъ о главномъ факторѣ этого движенія—о гуннахъ и ихъ народности—ни слова, а говорится собственно о „способѣ германскихъ завоеваній“ (12—14). Затѣмъ идетъ обычный, можно сказать, стереотипный, очеркъ романо-германскаго міра. Въ отдѣлѣ же Византійской Имперіи мимоходомъ упоминается и о славянахъ. Такъ, бо́льшая устойчивость Восточной Римской Имперіи сравнительно съ Западной по-старому объясняется не силою государственной централизаціи (правительственная система Юстиніана В., по нѣмецкому рецепту, подвергается порицанію), а только крѣпкимъ положеніемъ столицы, превосходной военной организаціей, ловкой политикой и тѣмъ, „что главные враги, съ которыми Византіи пришлось имѣть дѣло—славяне хотя и не уступали германцамъ въ свирѣпой воинственности, но были *менѣе ихъ способны къ завоеванію и основанію прочныхъ государствъ*“ (72). Но на слѣдующихъ страницахъ неоднократно говорится о широкихъ завоеваніяхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; слѣдовательно къ завоеваніямъ они какъ-будто были способны. А что они были способны и къ основанію государствъ, это они ясно доказали фактически, т. е. цѣлымъ ихъ рядомъ, каковы: Болгарское, Сербское, Хорватское, Моравское, Чешское, Польское и Русское—всего семь болѣе или менѣе крупныхъ, да нѣсколько мелкихъ (напримѣръ, у славянъ балтійскихъ). Но, разумѣется, благодаря старымъ и новымъ домысламъ, болѣе половины крупныхъ государствъ является основанною не самими славянами, а какими-то инородцами. Какъ авторъ, такъ и его посмертный сотрудникъ широко пользуются этими домыслами, чтобы сколько-нибудь подтвердить свою мысль о неспособности славянъ къ государственной организаціи.

Обратимся къ спеціальному отдѣлу книги о славянахъ. (стр. 82 и слѣд.).

Авторъ или точнѣе авторы держатся взгляда старыхъ, собственно австрійскихъ, славистовъ—взгляда въ сущности ни на чемъ серьезномъ неоснованнаго—что первобытной европейской родиной славянъ, *вѣроятно*, были прикарпатскія страны, откуда они, *надо полагать*, и распространились по

всей восточной Европѣ; при чемъ древніе писатели, начиная съ Геродота, постоянно *смѣшивали ихъ* со скиѳами и сарматами (83). Стало быть, славяне и сарматы суть разные народы. Между тѣмъ выше (на стр. 14 въ примѣчаніи) говорится, что сарматы и языги, эти „два народа были несомнѣнно славянскіе". (Замѣтимъ, что тутъ родъ смѣшанъ съ видомъ: языги принадлежали къ народамъ сарматскимъ). Такое же противорѣчіе находимъ и въ характеристикѣ славянъ. На стр. 15 они названы „грубыми, свирѣпыми варварами", на 72 говорится, что они „не уступали германцамъ въ свирѣпой воинственности", а на стр. 90 узнаемъ, что свидѣтельства византійскія, западныя и арабскія рисуютъ намъ славянъ „какъ народъ искони *земледѣльческій, осѣдлый* и *миролюбивый*". (Любопытно, что чисто историческихъ свидѣтельствъ въ такомъ исконномъ смыслѣ почти нѣтъ; мы попросили бы указать хотя два, три). Вообще характеристика славянъ представляетъ явный наборъ фразъ и мыслей, нисколько не провѣренныхъ, не продуманныхъ и часто противорѣчивыхъ. Да оно и понятно. Прежде всего надобно опредѣлить, какіе народы принадлежали славянскому міру; тогда самъ собою выяснится и тотъ типъ, съ которымъ они явились въ исторіи. Доселѣ обыкновенно подъ именемъ славянъ исторіографія описывала преимущественно, во-первыхъ, ихъ иллирійскую вѣтвь, которая у писателей VI вѣка называется склавинами, а, во-вторыхъ, славянъ полабскихъ и балтійскихъ, которыхъ позднѣйшіе нѣмецкіе хронисты прямо называютъ этимъ именемъ. Большинство же славянскихъ народовъ остается внѣ славянской исторіи, ибо за таковыхъ не признается современными нѣмцами и ихъ пособниками. А потому быть, характеръ и учрежденія славянъ трактуются совершенно вкривь и вкось. Напримѣръ: „въ противуположность общинѣ древнеклассической и германской славянская не знала ни людей полусвободныхъ, ни рабовъ". „Не видно у славянъ никакихъ зародышей аристократіи, подобной германскимъ эдплингамъ". „Городовъ тоже почти нѣтъ". „У нихъ нѣтъ ни военныхъ боговъ, ни военныхъ учрежденій". Отличительная черта ихъ отъ германцевъ—„это сильная наклонность къ *общественному равенству* и *общественной свободѣ*" и т. п. (88—90). Отличительный характеръ старославянскаго строя „составлялъ *демократическій духъ*". „Оттого *народовластіе* было любимѣйшей формой у всѣхъ вообще славянъ" (116). Подобная характеристика невѣрна и по отношенію къ помянутымъ славянскимъ вѣтвямъ, а по отношенію ко всему славянству

это не картина, а скорѣе каррикатура. Напротивъ, воинственность свою славяне ясно обнаружили, вытѣснивъ германцевъ силою оружія, на глазахъ исторіи, изъ восточной и отчасти средней Европы и занявъ огромныя пространства. Тотъ не историкъ, кто не понимаетъ, что даромъ, безъ кровопролитныхъ битвъ съ другими народами, было бы невозможно имъ занять свою обширную территорію. Далѣе у славянъ, точно также какъ и у германцевъ, была княжеская власть, были военныя дружины и были высшіе дружинники или *бояре*— слѣдовательно была военная (и прибавимъ поземельная) аристократія, были также и рабы. Пора оставить сантиментальныя и совершенно неосновательныя мнѣнія старыхъ австрійскихъ славистовъ о мирномъ, земледѣльческомъ и пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ необыкновенной общественной свободѣ и общемъ равенствѣ и по преимуществу демократическихъ учрежденіяхъ. Родовыя общины и народныя собранія или вѣча равно встрѣчаются у германцевъ и славянъ, рядомъ съ княжескою властію. Дружина княжеская положила основаніе государственному быту также равно у германцевъ и славянъ. Выше мы видѣли, что славяне выставляются малоспособными къ основанію государствъ, а слѣдовательно къ государственному быту вообще. Какъ же согласить съ этимъ основаніе цѣлаго ряда славянскихъ государствъ? Да очень просто. По домысламъ досужихъ историковъ, большая часть этихъ государствъ основана была не славянами. Авторы „Средней Исторіи“ повторяютъ въ ней всѣ подобные домыслы съ особымъ, такъ сказать, пристрастіемъ. Болгары это какой-то урало-чудской народъ, и мнѣніе сіе будто бы „должно считаться и по сію пору неопровергнутымъ“ (91—92). Относительно руси *несомнѣнный факт*, что это „пришлыя съ Балтійскаго моря дружины“, которыя, слѣдуя по великому водному пути въ Черное море, такъ сказать, мимоходомъ основали Русское государство (111). Относительно Польскаго государства *не подлежитъ сомнѣнію*, что оно основано „какимъ-то пришлымъ народомъ, называвшимся лехитами или ляхами“ (109. Повторяется нелѣпая догадка такого неглубокаго хотя и даровитаго историкописателя, какъ Шайноха). Даже и относительно полумиѳическаго Само, какъ основателя Чешскаго государства, г. Надлеръ указываетъ на извѣстіе хрониста Фредегара, „по словамъ котораго Само былъ не славянинъ, а франкъ, бѣжавшій изъ своей родины“ (98). Но при семъ онъ умалчиваетъ о другомъ болѣе достовѣрномъ извѣстіи (баварс-

скаго анонима), по которому Само былъ туземецъ славянинъ. Вообще своей тенденціей умалять и искажать древнее славянство авторъ „Средней Исторіи“ и его коллега г. Надлеръ едва-ли не превзошли самихъ нѣмцевъ. Въ отдѣлѣ романо-германскомъ точно также мы видимъ большею частью голословное, почти рабское послѣдованіе за нѣмецкой исторіографіей. И вообще, вопреки противуположному увѣренію г. Надлера, эта книга именно не соотвѣтствуетъ латинскому изреченію non multa, sed multum. Она трактуетъ обо всемъ по-немногу, скользитъ по поверхности исторіи и нигдѣ не спускается въ ея глубины. Ее, пожалуй, можно рекомендовать какъ весьма скромный компендіумъ, но никоимъ образомъ нельзя возводить *на высоту современной науки*.

Приблизительно такое же повтореніе старыхъ домысловъ о славянахъ вообще, о гуннахъ и болгарахъ въ частности, представляетъ и другой недавно вышедшій въ свѣтъ университетскій курсъ средневѣковой исторіи, принадлежащій казанскому профессору Н. А. Осокину. Но общими своими достоинствами онъ далеко оставляетъ за собою курсъ профессоровъ Петрова и Надлера; при чемъ въ предисловіи своемъ нисколько не претендуетъ давать послѣднее слово наукп. Между тѣмъ какъ средневѣковой курсъ Петрова — Надлера представляетъ довольно тощую книгу, около 300 страницъ, курсъ Осокина, или собственно только первый томъ его, простирающійся до XIII столѣтія, заключаетъ въ себѣ около 750 страницъ и снабженъ обширнымъ очеркомъ средневѣковой исторіографіи. Главная суть дѣла, конечно, не въ объемѣ; но въ данномъ случаѣ самое изложеніе отличается и обстоятельностью, и талантомъ. Мы нашли здѣсь не мало прекрасно написанныхъ страницъ, наполненныхъ мѣткими характеристиками и любопытными подробностями. И если не всѣ отдѣлы равнаго качества, а отдѣлъ о первоначальной исторіи славянъ, съ нашей точки зрѣнія, не удовлетворителенъ, то этотъ недостатокъ, повторяемъ, выкупается многими достоинствами книги, представляющей университетскому юношеству обильный матеріалъ какъ для всякаго рода справокъ и для научнаго руководства, такъ и для полезнаго чтенія вообще.

Проф. Осокинъ въ исчисленіи пособій для исторіи романо-германскихъ государствъ не счелъ нужнымъ упомянуть нѣмецкіе историческіе романы Феликса Дана. За то проф. Надлеръ, при всей скудости своей книги, успѣлъ рекомендовать рядъ этихъ *превосходныхъ* романовъ, гдѣ буд-

то бы „изображена чрезвычайно вѣрно и живо эпоха переселенія народовъ“. Особенно онъ рекомендуетъ романы „Борьба за Римъ“ и „Гелимеръ, послѣдній король вандаловъ“. Дѣйствительно, романы Дана написаны хорошо, съ талантомъ и знаніемъ эпохи, но до чрезвычайной исторической вѣрности имъ еще далеко. Любопытно, что въ „Борьбѣ за Римъ“ онъ совершенно игнорируетъ славянъ, изъ которыхъ большею частію состояли войска Велизарія, и, сколько помнится, выводитъ только какія-то тѣни желтокожихъ (?) гунновъ. Готы у него идеализуются до крайности. А въ романѣ „Гелимеръ“ онъ также идеализуетъ вандаловъ, которыхъ, ничто же сумняся, считаетъ чистокровными германцами. Но, отбросивъ ихъ тенденціозность, нашимъ историческимъ изслѣдователямъ и писателямъ дѣйствительно не мѣшало бы поучиться у нѣмцевъ той усердной пытливости и той любви, съ которыми они относятся къ своимъ предкамъ, вообще изучаютъ и воспроизводятъ родную старину, хотя бы и очень отдаленную.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.[1]

V.

Инородческое населеніе края.

Китайцы (маньцзи).

Самую многочисленную часть инородческаго населенія Уссурійскаго края составляютъ китайцы, которые подраздѣляются на осѣдлыхъ, или постоянныхъ, и пришлыхъ, или временныхъ. Уссурійскіе китайцы извѣстны подъ названіемъ маньцзи. Слово это, по разъясненію извѣстнаго синолога, профессора Васпльева, не значитъ бродяга, какъ утверждали нѣкоторые путешественники, и не имѣетъ такого значенія ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Маньцзи, по дополнительному разъясненію извѣстнаго архимандрита Палладія, не болѣе какъ китайскіе выходцы. Слово это старинное; подъ названіемъ *мань* были извѣстны въ древности инородцы южнаго Китая. Когда монголы овладѣли сѣвернымъ Китаемъ, то назвали южныхъ китайцевъ, бывшихъ подъ властью дома Сунъ, изъ презрѣнія *маньцзи*, въ смыслѣ помѣси китайцевъ съ инородцами. Съ тѣхъ поръ названіе это существовало долгое время и часто упоминалось въ корейской исторіи.

Трудно съ точностью опредѣлить историческое происхожденіе осѣдлаго китайскаго населенія; когда явилось оно въ край—никто не знаетъ; объ этомъ знаменательномъ фактѣ не сохранилось никакихъ преданій. Достовѣрно можно толь-

[1]) См. „Р. В.“ кн. VIII.

ко сказать, что въ былыя, очень давнія, времена Уссурійскій край былъ населенъ довольно густо; тамъ были, судя по замѣчательнымъ древнимъ остаткамъ, памятникамъ и развалинамъ, не только обширныя укрѣпленія и военные лагери, но и правильно построенные города и селенія. Эти древности разсѣяны по всему Южно-Уссурійскому краю; онѣ не разъ обращали на себя вниманіе путешественниковъ, старавшихся выяснить состояніе края въ давнія времена. Труды ихъ, къ сожалѣнію, не дали пока осязательныхъ результатовъ, и прежняя жизнь страны продолжаетъ быть таинственной. Въ китайской литературѣ есть лишь отрывочныя, сбивчивыя свѣдѣнія объ историческомъ прошломъ Уссурійскаго края, свѣдѣнія, къ которымъ нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Изъ нихъ можно только вывести, что въ очень давнія времена, Южно-Уссурійскій край игралъ роль китайской колоніи, извѣстной подъ названіемъ Воцзи. Колонія была цвѣтущая и богатая, здѣсь было немало городовъ и крѣпостей; но въ началѣ семнадцатаго столѣтія край подвергся цѣлому ряду страшныхъ набѣговъ маньчжурскихъ полчищъ и былъ опустошенъ; часть жителей была вырѣзана, а часть уведена въ неволю. Благоденствіе китайской колоніи перешло въ область преданій. Край опустѣлъ и долгое время находился въ полномъ забвеніи, пока китайское правительство не сдѣлало его мѣстомъ ссылки преступниковъ. Въ Маньчжурію проникли слухи о благоденствіи ссыльныхъ (лоху), занявшихся хлѣбопашествомъ, добываніемъ золота и драгоцѣннаго корня жень-шень. Въ край хлынули добровольные переселенцы; многіе переселялись съ семьями и основали въ лучшихъ мѣстахъ множество земледѣльческихъ, звѣропромышленныхъ и рыболовныхъ фермъ. Образовалось осѣдлое населеніе, занявшееся хлѣбопашествомъ. Одновременно съ семейными переселенцами, Уссурійскій край привлекъ массу всевозможныхъ бродягъ, бобылей и даже бѣжавшихъ изъ Китая преступниковъ. Край потерялъ значеніе ссылочнаго мѣста и сталъ играть опять роль китайской колоніи. Колонія эта, хотя и составляла одно цѣлое съ Поднебесной Имперіей, пользовалась все же извѣстною самостоятельностью, благодаря отдаленности центральной власти. Колонисты-маньцзи управлялись своими общественными собраніями и старшинами, творившими судъ и расправу, словно деспотическіе правители отдѣльныхъ округовъ.

Съ присоединеніемъ Уссурійскаго края къ Россіи, по-

ложеніе маньцзъ рѣзко измѣнилось. Доступъ туда женщинъ китаянокъ былъ строго воспрещенъ китайскимъ правительствомъ, и всѣ семейные маньцзи, продолжавшіе считаться вѣрноподданными богдыхана, поспѣшили возвратиться на родину. Въ краѣ остались наиболѣе неблагонадежные, продолжавшіе заниматься хлѣбопашествомъ, звѣроловнымъ промысломъ, но преимущественно хищнической разработкой золота, а также добываніемъ жень-шеня. Многіе, побогаче, наименовались купцами и поспѣшили захватить въ свои цѣпкія руки всѣ торговыя сношенія съ коренными жителями края. Торговля эта приняла вскорѣ эксплоататорскую форму, и инородцы оказались закабаленными.

Отдаленныя земледѣльческія, звѣропромышленныя и рыболовныя фермы маньцзовъ разбросаны по всему Уссури и его притокамъ, но особенно много ихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, въ плодороднѣйшихъ долинахъ рѣкъ Сучанъ, Пхусунъ, Ула-хэ, Та-зуши, Лифу-динъ и др. Этотъ трудолюбивый народъ извлекаетъ изъ земли и моря разнообразныя, неистощимыя богатства. Продукты, добытые маньцзами, отправляются большею частью на китайскіе рынки и въ восточную Маньчжурію сухимъ путемъ или же при содѣйствіи собственныхъ джонокъ, совершающихъ нерѣдко продолжительные и длинные морскіе переходы.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію разнообразной дѣятельности маньцзъ въ краѣ, дадимъ читателямъ общее понятіе объ ихъ жилищахъ, одеждѣ, характерѣ и религіозныхъ воззрѣніяхъ, представляющихъ извѣстный интересъ.

Маньцзи любятъ селиться преимущественно отдѣльными фермами, ютящимися въ наиболѣе привлекательныхъ мѣстностяхъ края. Постройка ихъ жилищъ (фанзъ) очень незамысловата: ставится рядъ столбовъ, соединенныхъ плетнемъ изъ тальника, обмазаннымъ снаружи и внутри глиной, смѣшанной съ крошеннымъ сѣномъ или соломой. Подобныя стѣны, не болѣе четверти аршина толщиной, бѣлятся известью и это придаетъ фанзамъ очень чистенькій и привѣтливый видъ. Крутая крыша кроется обыкновенно на два ската, большею частью соломой или камышемъ, искусно и прочно подобраннымъ. Окна устраиваются съ солнечной стороны и занимаютъ, вмѣстѣ съ дверьми, почти всю длину зданія, представляя собой какъ бы одно громадное окно, частая рама котораго заклеена тонкою, но прочною бумагою, замѣняющею у китайцевъ стекла. Верхняя половина единственной двери также рѣшетчатая и проклеена бумагой.

Такимъ образомъ свѣту въ фанзѣ вполнѣ достаточно и вентиляція безпрепятственна, такъ какъ двойныхъ рамъ маньцзи не знаютъ. Обыкновенно фанзы имѣютъ отъ пяти до семи саженъ въ длину и около четырехъ саженъ въ ширину. Подраздѣленія на отдѣльныя каморки отсутствуютъ, вслѣдствіе чего фанзы очень похожи на сарай. Полъ изъ битой глины, потолка нѣтъ. Насколько привлекаетъ фанза своею бѣлизною снаружи, настолько же она внутри неряшлива. Въ небольшомъ зданіи, квадратныхъ аршинъ въ 20, нерѣдко помѣщаются до пятидесяти и болѣе человѣкъ. Общею постелью служатъ обыкновенно деревянныя, низкія нары (каны), тянущіяся вдоль сѣверной стѣны и прикрытыя искусно сплетенными тростниковыми циновками. Подъ нарами проходитъ дымовая труба отъ низкой глиняной печи, поставленной въ одномъ концѣ фанзы; въ печь вмазанъ большой общій котелъ, въ которомъ маньцзи варятъ себѣ пищу. Вслѣдствіе цѣлесообразной прокладки дымовой трубы подъ нарами, здѣсь всегда тепло; но стоитъ только сойти съ наръ, какъ чувствуешь сырость нежилаго покоя. Зимой температура въ фанзахъ распредѣляется еще болѣе неравномѣрно: если лечь на нары, то на одинъ бокъ слишкомъ жарко, на другой—пронизывающій зимній холодъ. Маньцзи не смущаются этимъ; переворачиваясь съ боку на бокъ, они такимъ образомъ согрѣваются. Кромѣ печи, посреди фанзы есть небольшой очагъ, на которомъ почти всегда что-нибудь жарится, распространяя вокругъ удушливый чадъ и отвратительный запахъ кунжутнаго масла. Этимъ ѣдкимъ запахомъ невыносимо пропитывается вся фанза и всѣ живущіе въ ней; онъ свойственъ маньцзамъ, какъ евреямъ чесночный запахъ. Къ чаду очага прибавляется обыкновенно вонь всевозможной сырой рухляди, развѣшанной подъ крышей, на поперечныхъ жердяхъ, и ѣдкая копоть дыма, пробивающагося въ фанзу изъ плохо устроенной печи и дымовой трубы. Внутреннее убранство этого жилища состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ столовъ и скамеекъ, врытыхъ ножками въ глиняный полъ, а также изъ многочисленныхъ деревянныхъ ящиковъ и сундуковъ, въ которыхъ хранится кое-какое имущество маньцзовъ. Фанза, вмѣстѣ въ пристройками (амбарами, конюшнями и хлѣвами), обнесена обыкновенно высокимъ и крѣпкимъ частоколомъ, служащимъ надежной защитой противъ тигра или барса. При всѣхъ почти фанзахъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, есть небольшая часовня или молельня, съ рѣшетчатою широкою дверью,

за которой легко разсмотрѣть огни свѣчей и множество изображеній буддійскихъ божествъ. Эти молельни очень почитаются. Ни одинъ маньцзи, ни одинъ орочонъ или гольдъ не пройдетъ мимо, чтобы не преклониться передъ божествами и не поднести имъ какое-либо приношеніе, въ родѣ камешка, ленточки, палочки, куска матеріи или горсти пшена. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ и всегда обильныхъ приношеній молельни бываютъ буквально завалены разными вещами.

Изображенія божествъ находятся въ каждой молельнѣ. Кромѣ того, ихъ можно встрѣтить на перекресткахъ дорогъ и тропинокъ, на горныхъ перевалахъ, въ наиболѣе посѣщаемыхъ промышленниками мѣстахъ необъятной тайги. Благочестивые маньцзи всюду воздвигаютъ миніатюрныхъ бурхановъ, дабы дать путникамъ возможность помолиться и попросить заступничества того или другаго божества. Эта черта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Вообще же характеръ ихъ представляетъ странную смѣсь безусловно хорошихъ и столь же безусловно дурныхъ началъ. Съ одной стороны, маньцзи грубы, неряшливы, жадны и не отличаются нравственною чистотою. Съ другой стороны, они гостепріимны и честны; среди ихъ очень развито чувство товарищества и взаимной помощи. Хозяинъ фанзы не запираетъ дверей, уходя изъ дому, а только подпираетъ ее коломъ, чтобы не распахнулась. Каждый путникъ можетъ войти въ фанзу совершенно безпрепятственно, можетъ ѣсть, что найдетъ, отдохнуть и идти дальше. При этомъ маньцзи никогда не возьметъ что-либо изъ имущества. Напротивъ, если путникъ замѣтитъ, что огородъ отсутствующаго хозяина нуждается въ поливкѣ либо расчисткѣ, или въ фанзѣ недостатокъ топлива, онъ непремѣнно приведетъ въ порядокъ огородъ, нарубитъ дровъ и со спокойною совѣстью будетъ продолжать свою дорогу, отблагодаривъ за гостепріимство. Каждый путешествующій—для маньцзи желанный гость, котораго онъ готовъ пріютить безплатно на нѣсколько дней. Больные пользуются еще болѣе широкимъ гостепріимствомъ; нерѣдко они проживаютъ на полномъ иждивеніи какого-либо земляка по нѣсколько мѣсяцевъ, пока совсѣмъ не поправятся. Въ послѣднемъ случаѣ гость старается отплатить хозяину работой по усмотрѣнію гостя; понуканій со стороны хозяина не бываетъ. Изслѣдователь Уссурійскаго края, Надаровъ, указываетъ на особую *братскую* клятву (кады), вошедшую въ обычай среди китайцевъ, во время праздно-

ванія новаго года. Кады отъ кэ-тоу—значитъ земной поклонъ. Обыкновенно собираются нѣсколько человѣкъ и отправляются въ кумирню; тамъ пишутъ на бумагѣ свои имена и дѣлаютъ другъ другу земной поклонъ, который налагаетъ на членовъ товарищества обязательство взаимно помогать другъ другу. Такимъ образомъ бѣдный маньцзи, связанный кады по взаимному согласію съ богатымъ, отправляется къ нему и живетъ на всемъ готовомъ, помогая при домашнихъ работахъ. Кады воспрещается въ Китаѣ строго, изъ боязни организованія революціонныхъ обществъ. Эта мѣра станетъ понятна, если знать правила кады, по которымъ если одинъ изъ участниковъ кады одной партіи, состоящей, положимъ, изъ тридцати душъ, заключилъ кады съ кѣмъ-либо изъ другой партіи, состоящей изъ сорока душъ,—всѣ семьдесятъ душъ считаются между собою кады и обязаны помогать другъ другу.

Мы указали выше, что въ китайцахъ какъ-то странно вяжутся иногда между собой дурныя и хорошія черты характера. Вспыльчивые, азартные игроки, они частенько въ пылу спора совершенно забываютъ о своей братской связи и рѣжутъ другъ друга или увѣчатъ. Въ разгарѣ страстнаго возбужденія почти каждый маньцзи становится какимъ-то бѣшенымъ и готовъ на самое безсмысленное преступленіе.

Между тѣмъ проступки караются выборными старшинами общинъ чрезвычайно жестоко. Хотя, по принятой въ краю системѣ гражданскаго управленія, маньцзи подчинены русскимъ чиновникамъ и русскому суду, но въ дѣйствительности это подчиненіе фиктивное. Маньцзи остались при своемъ самоуправленіи. Весь Уссурійскій край подраздѣленъ негласно на округа, во главѣ которыхъ стоятъ выборные окружные старшины. Округа, въ свою очередь, дѣлятся на деревни, къ которымъ приписывается извѣстное число фанзъ. Деревни подчинены деревенскимъ выборнымъ старшинамъ, которые признаютъ за „старшаго“ своего окружнаго старшину, подъ предсѣдательствомъ котораго и происходитъ обсужденіе общественныхъ дѣлъ, устанавливаются цѣны на продукты, производятся судъ и расправа надъ провинившимися товарищами. Приговоры, весьма жестокіе, даже смертные, приводятся въ исполненіе немедленно. Выборные китайскіе старшины не стѣсняются сосѣдствомъ русскихъ чиновниковъ и творятъ свою расправу совершенно невозбранно. Слухи о жестокихъ самосудахъ

иногда доходятъ до административныхъ властей края, но они не въ силахъ возстановить иной порядокъ вещей. Благодаря крѣпкой связи маньцзовъ, развившей систематическое укрывательство, русскіе чиновники поставлены въ невозможность разслѣдовать случаи постоянно повторяющихся самосудовъ и поневолѣ смотрятъ сквозь пальцы на явное господство въ краѣ китайцевъ; китайцы считаютъ русскихъ временными пришельцами, которые, рано или поздно, будутъ прогнаны опять за Амуръ. Надо сказать, что значительнѣйшая часть Уссурійскаго края для мѣстныхъ дѣятелей не болѣе какъ terra incognita, съ которою они и не стараются знакомиться. Окружные начальники по большей части разъѣзжаютъ только по хорошо извѣстнымъ мѣстамъ, опасаясь тревожить болѣе отдаленные китайскіе улы. Это отчасти и понятно, потому что даже въ посѣщаемыхъ мѣстахъ, гдѣ маньцзи уже достаточно освоились съ подчиненіемъ русской власти, мѣстное начальство иногда подвергается оскорбленіямъ и насиліямъ—русская власть не признается въ краѣ господствующею. Но униженно и раболѣпно преклоняются тѣ же маньцзи передъ какимъ-нибудь мелкимъ китайскимъ чиновникомъ, тайно проникшимъ въ наши предѣлы, или же передъ своими старшинами. Наѣзды китайскихъ чиновниковъ въ Уссурійскій край—не новость.

Представители богдыхана невозбранно появлялись въ нашихъ предѣлахъ *для сбора ясака съ русскихъ подданныхъ* инородцевъ и для судебныхъ разбирательствъ.

Не говоря уже объ отдаленныхъ, мало извѣстныхъ уголкахъ края, даже во Владивостокѣ, центрѣ русской административной дѣятельности, маньцзи еще не такъ давно проявляли столько своеволія и неповиновенія, что начальство было *принуждено* отмѣнять нѣкоторыя свои постановленія. Продажная уступчивость иныхъ представителей нашей власти роняла обаяніе русскаго вліянія, возбуждала къ нимъ среди маньцзи полное презрѣніе. Правда, послѣдніе достаточно привыкли къ продажности китайскихъ чиновниковъ, но тѣ далеко не показываютъ такой трусливой уступчивости, такой нерѣшительности, какая иногда свойственна русской мѣстной власти. Напримѣръ, строго воспрещены азартныя игры; игорныхъ домовъ, пользующихся покровительствомъ властей, не можетъ быть. Китайцы, страстные, азартные картежники, проигрывающіе въ вечеръ не только все свое имущество, но и себя, не хотятъ подчиняться этому, и обратились къ губернатору съ просьбой разрѣшить имъ во Вла-

дивостокѣ игорные дома. Для большаго успѣха въ своемъ дикомъ ходатайствѣ, они предложили выплачивать ежемѣсячно за право игры, въ пользу города и городскаго благотворительнаго общества, значительную сумму. Вскорѣ были основаны во Владивостокѣ первые въ нашей Имперіи „монопольные“ игорные дома, находившіеся подъ „оффиціальнымъ“ покровительствомъ мѣстныхъ властей. Трудно вообразить, что творилось въ этихъ домахъ; игра нерѣдко оканчивалась дракою, изувѣченіями и убійствомъ. Въ эту оффиціальную трущобу не рисковали входить даже полицейскія власти. Разъ они рискнули на это, но разгорячившіеся маньцзи приколотили не только городовыхъ, но и полицеймейстера. Я умалчиваю о дальнѣйшихъ подробностяхъ. Вотъ сообщенія очевидца, подполковника генеральнаго штаба И. Надарова:

Въ концѣ мая 1883 года, въ фанзу, расположенную на рѣкѣ Кубур-хэ (притокъ Уссури), пришелъ неизвѣстный маньцзи, который, проработавъ съ мѣсяцъ, покушался убить, съ цѣлью грабежа, хозяина фанзы. По счастливой случайности послѣдній отдѣлался лишь нѣсколькими ранами, а преступникъ скрылся, захвативъ съ собою кое-какія вещи. Г. Надаровъ зашелъ въ эту фанзу спустя три дня послѣ совершенія преступленія. Въ это время уже было получено на китайской сторонѣ извѣстіе о случившемся и оттуда снарядили отрядъ гольдовъ для поимки преступника. Преступникъ былъ взятъ на русской территоріи, на рѣкѣ Сунгачѣ. Его просто изрубили топорами... Далѣе, въ верховьяхъ Бикина издавна живетъ богатый китаецъ Сун-зци, старикъ болѣе восьмидесяти лѣтъ, эксплоатирующій половину бикинскихъ орочонъ. Въ то время, когда Сун-зци съ сыновьями находился по дѣламъ въ Хабаровкѣ, хунхузы напали на его фанзу и разграбили. Семья Сун-зци спаслась у ближайшихъ орочонъ. Хунхузы отправились внизъ по Бикину; лодку ихъ въ одномъ мѣстѣ разбило и двое изъ нихъ утонули. Остальные, боясь выйти на Уссури, близъ устья Бикина, отправились черезъ горы къ устью Имана. Что было съ ними дальше—неизвѣстно, но одного изъ хунхузовъ, Ван-нуя, поймали на Иманѣ,—привезли въ предѣлы Китая, въ деревню Има-хоцзу, гдѣ расположенъ китайскій военный постъ и передали его для суда и расправы китайскому нойону (чиновнику) Виколо. Этотъ нойонъ собралъ судъ и приговорилъ Ван-нуя къ обезглавленію. Этимъ дѣло не кончилось. Голову хунхуцза положили въ деревянную

клѣтку съ надписью о его преступленіи и хотѣли ее повѣсить при устьѣ Бикина, въ виду станицы Васильевой; но на это не согласился поселковый атаманъ. Тогда китайцы повѣсили клѣтку съ головой на нашей же территоріи, на островѣ, въ трехъ верстахъ ниже устья Бикина. Вся станица Васильева знала объ этомъ, но не видѣла въ этомъ ничего особеннаго. 18 сентября 1883 года, г. Надаровъ, съ людьми экспедиціи, наткнулся на эту клѣтку, зарылъ голову въ землю, а переднюю часть клѣтки съ надписью, взялъ съ собой. Надпись впослѣдствіи была переведена: она заключала въ себѣ рѣшеніе суда, состоявшагося въ Има-хоцзѣ.

Нойонъ Виколо переходилъ иногда на нашу территорію для суда и расправы. Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ того же года онъ былъ вытребованъ по телеграфу Даубихинскимъ китайскимъ старшиной Пе-тин-таномъ въ Лазарево по какому-то важному судебному дѣлу. Телеграмму эту возилъ самъ начальникъ телеграфной станціи, прочиталъ ее при г. Надаровѣ нойону Виколо, разъяснялъ ему непонятное и ничего особеннаго не видѣлъ въ призывѣ китайскаго чиновника для суда на русскую территорію... Слѣдующій случай особенно характеренъ.

У одного начальника телеграфной станціи, на рѣкѣ Даубихэ, маньцзи работникъ началъ изъ мести портить и ломать вещи.—Кому жаловаться? Изъ предыдущей практики начальникъ станціи пришелъ къ горькому убѣжденію, что изъ жалобы на маньцзу русскимъ властямъ не будетъ никакого толку. И рѣшилъ пожаловаться одному изъ китайскихъ старшинъ въ Даубихэ. Тотъ немедленно собралъ судъ, который и постановилъ характерное и справедливое рѣшеніе: такому-то маньцзи воды изъ бассейна Даубихэ больше не пить (т. е. его выслали), а матеріальный убытокъ пополнить на общественный счетъ. Рѣшеніе суда было немедленно приведено въ исполненіе: начальникъ станціи получилъ вознагражденіе, а мстительнаго маньцзи выслали съ приказаніемъ никогда не возвращаться на Даубихэ. Преступникъ хорошо зналъ, какой подвергнется жестокой карѣ, если вздумаетъ побывать здѣсь опять.

Понятно, какое, въ виду этого, нравственное вліяніе имѣютъ китайскіе чиновники и старшины въ Уссурійскомъ краѣ.

Маньцзи тайно курятъ обыкновенно два сорта водки: сули, которую гонятъ изъ картофеля, и ханшинъ, выдѣлываемый изъ буды-сяомидзы (просо особаго вида). Дурно

очищенные напитки эти весьма вредно дѣйствуютъ; они производятъ быстрое и буйное опьяненіе и разрушаютъ физически. Эти напитки — медленно дѣйствующій ядъ.

Кромѣ винокуренія, маньцзи-землепашцы занимаются разведеніемъ обширныхъ маковыхъ плантацій и изготовленіемъ другаго, еще болѣе ужаснаго яда—опіума. Опіумъ везутъ для тайной продажи въ Китай; только незначительная его часть потребляется мѣстнымъ инородческимъ населеніемъ. Земледѣліе у маньцзи доведено до совершенства; обработка полей образцовая. Китайскія поля рѣзко отличаются отъ русскихъ пашень, которыя переполнены сорными травами. Наши переселенцы получаютъ съ каждой десятины всего около пятидесяти пудовъ зерна, маньцзи собираютъ отъ 80 до 100, а въ урожайные годы и до двухъ сотъ пудовъ съ десятины. Китайцы придерживаются плодоперемѣнной системы. Правильное удобреніе почвы, тщательное удаленіе сорныхъ травъ, полотье и поливка овощей, даютъ имъ возможность собирать обильную жатву безъ истощенія почвы. Маньцзи сѣютъ преимущественно просо (ихъ главная пища), горохъ, ячмень, пшеницу, фасоль, баклажаны, капусту, стручковый перецъ, чеснокъ, табакъ, конопляю, кунжутъ и картофель. Все это имѣетъ въ краѣ хорошій и выгодный сбытъ. Винокуреніе даетъ имъ баснословные барыши; изъ конопли приготовляются веревки и пряжа, выгодно сбываемая гольдамъ и орочонамъ; а сѣмена этого растенія, а также кунжута, идутъ на приготовленіе масла. Скотоводствомъ маньцзи не занимаются, но имѣютъ при себѣ только нужное число рабочаго скота. Разводятъ только свиней, мясо которыхъ охотно потребляютъ въ пищу. Что касается рогатаго скота,—маньцзи считаютъ за большой грѣхъ употреблять въ пищу рабочее животное. Съ удовольствіемъ ѣдятъ они мясо всякихъ дикихъ звѣрей и звѣрьковъ, не исключая даже крысъ и бурундуковъ. Вообще вкусъ китайцевъ очень оригиналенъ. Напримѣръ, они выносить не могутъ соли, которая совсѣмъ ими не употребляется, за то любятъ подправлять пищу ѣдкимъ перцемъ, чеснокомъ, лукомъ, рѣдькой и проч. Ѣдятъ маньцзи три раза въ день: рано утромъ, около полудня и вечеромъ по окончаніи работъ. Всегда обильную ѣду щедро заливаютъ ханшиномъ, который пьютъ иногда безъ мѣры, что вызываетъ опьяненіе и происходятъ буйныя затѣмъ драки. Вечеромъ, послѣ ужина, болѣе состоятельные маньцзи курятъ опій. Нѣкоторые изъ нихъ

предаются этой пагубной страсти до истощенія умственныхъ и физическихъ силъ...

Маньцзи-звѣропромышленники наносятъ краю большой вредъ; они эксплоатируютъ животное царство такъ хищнически, что край, недавно еще богатый разнообразнымъ звѣремъ, начинаетъ уже ощущать недостатокъ въ той или другой породѣ. Ради пары пантовъ [1]), маньцзи готовы истребить хоть тысячу головъ всякаго звѣрья. Они вырываютъ на всѣхъ звѣриныхъ тропахъ множество ямъ, занимающихъ иногда площадь въ нѣсколько десятковъ квадратн. верстъ. Для ловли звѣря въ ямы, прежде всего устраивается засѣка изъ поваленныхъ деревьевъ, до двухъ аршинъ вышиной; въ ней вырываютъ нѣсколько глубокихъ ямъ (отъ 10 до 14 футовъ), съ широкимъ основаніемъ и менѣе широкимъ отверстіемъ; такимъ образомъ бока ямы наклонны. Отверстія ямъ закладываютъ сухою травою, мелкими сучьями и тростникомъ, такъ что ловушка совершенно незамѣтна. Въ концѣ концовъ, передъ ямами вбиваютъ рядъ кольевъ, на которые кладутъ жердь, чтобы заставить звѣря непремѣнно сдѣлать прыжокъ, и звѣрь падаетъ на дно. Возлѣ засѣкъ строятся фанзы, окруженныя высокимъ, крѣпкимъ тыномъ, въ огражденіе отъ нападеній тигровъ. Въ этихъ фанзахъ живутъ только во время промысловъ, съ осени до весны; остальные мѣсяцы онѣ пустуютъ. Въ звѣровыя ямы попадаютъ тысячами не только козы, олени и косули, но также кабаны, волки, лисицы, еноты, иногда тигры; послѣдній, впрочемъ, легко выскакиваетъ изъ предательской ловушки. При этомъ замѣчательно, что какъ бы тигръ ни голодалъ, онъ никогда не станетъ ѣсть пойманныхъ туда же въ яму, вмѣстѣ съ нимъ, животныхъ, но спѣшитъ выбраться. Ему не до ѣды, очевидно. Между тѣмъ, медвѣди нерѣдко забираются въ ямы добровольно и тамъ питаются попавшимися въ яму звѣрями. Медвѣдь притаскиваетъ какое-нибудь бревно, бросаетъ его въ яму и затѣмъ лѣзетъ по нему, какъ по лѣстницѣ. Звѣроловы выбираютъ въ ямахъ только пятнистыхъ оленей и зубровъ, которыхъ приводятъ домой живыми, держатъ въ особыхъ стойлахъ и кормятъ, пока у нихъ не опадутъ ста-

---

[1]) Пантами русскіе называютъ молодые оленьи и зубровые рога; китайцы изготовляютъ изъ нихъ крѣпительное лекарство. Пара пантовъ цѣнится, смотря по достоинству, отъ 150 до 300 серебряныхъ рублей.

рые рога и не замѣнятся новыми (пантами). Всѣ остальные звѣри, попавшіеся въ ямы, не удостоиваются вниманія и околѣваютъ въ ямахъ. Это наноситъ краю несомнѣнный вредъ. Маньцзи, несмотря на строгія запрещенія, продолжаютъ рыть все новыя ямы, не зарывая старыхъ, въ которыхъ гибнетъ совсѣмъ напрасно масса особенно подростковъ, легко попадающихъ въ ямы, даже не прикрытыя хворостомъ или травой. Мѣстная администрація нѣсколько разъ предписывала китайцамъ засыпать ямы и не рыть новыхъ. Но маньцзи, по обыкновенію, не повели даже ухомъ. Только вблизи Владивостока удалось уничтожить звѣровыя ямы (въ 1880 году), но въ другихъ мѣстностяхъ, мало доступныхъ для русскихъ, этотъ хищническій промыселъ продолжаетъ практиковаться.

На ряду съ звѣринымъ промысломъ, китайцы наносятъ значительный вредъ краю другимъ промысломъ—грибнымъ. Маньцзи валятъ ежегодно много дубовыхъ деревьевъ, на которыхъ, какъ только они начинаютъ гнить, появляются слизистые, безформенные, черные наросты (мурръ). Наросты эти срѣзаютъ, сушатъ и затѣмъ везутъ на продажу въ Маньчжурію. Китайцы считаютъ эти наросты лакомымъ блюдомъ. Они цѣнятся, сравнительно, дорого, отъ десяти до пятнадцати рублей пудъ. Грибной промыселъ считался еще недавно выгоднымъ, и имъ занимались всѣ почти осѣдлые маньцзи, уничтожая для этого вокругъ своихъ фанзъ прекрасные дубовые лѣса. При этомъ такъ же мало обращалось вниманія на запрещенія. Теперь грибной промыселъ значительно уменьшился—уничтожены уже многіе дубовые лѣса вблизи жилыхъ мѣстъ.

Съ первыми теплыми днями поднимается обыкновенно на ноги все бездомное и бродячее населеніе сосѣдней Маньчжуріи и толпами переходитъ въ Уссурійскій край, представляющій для него обширное поприще для всевозможной эксплоатаціи. Земля привлекаетъ золотомъ и корнемъ женьшень; а море — огромными массами трепанговъ и морской капусты. Морской промыселъ производится въ нашихъ предѣлахъ безконтрольно и безпошлинно. Тысячи всевозможныхъ бродягъ то прибываютъ, то опять убываютъ, никого не признавая, не давая никому никакого отчета, просто не считая нашъ край за землю, намъ принадлежащую. Распоряжаются на нашихъ прибрежьяхъ съ бо́льшимъ своевольемъ, чѣмъ у себя дома. Наши власти стали выдавать на промыселъ билеты, но это не принесло никакой пользы.

Выдача билетовъ представляла массу затрудненій, вслѣдствіе трудности удостовѣрить ту или другую личность, а также систематическаго надувательства китайцевъ, постоянно мѣняющихъ свои имена и передающихъ билеты одинъ другому. Промыселъ морской капусты принимаетъ съ каждымъ годомъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры.

Морская капуста — особый видъ водоросли (fucus), извѣстной у китайцевъ подъ названіемъ хай-дай; она растетъ на днѣ моря въ видѣ куста длинныхъ, студенистыхъ листьевъ, подымающихся почти до самой поверхности моря и достигающихъ до полуаршина ширины и до сорока пяти футъ длины. Полнаго развитія листья достигаютъ на второй годъ и затѣмъ увядаютъ. Морская капуста произрастаетъ преимущественно на каменистомъ днѣ и во многихъ мѣстахъ покрываетъ поверхность моря, у прибрежья, сплошною массою, затрудняющею даже движеніе шлюпки. Она имѣетъ, въ сушеномъ видѣ, прекрасный сбытъ во всемъ Китаѣ,— это одно изъ наиболѣе лакомыхъ блюдъ. Промышленники ревниво охраняютъ намѣченныя мѣста промысловъ и оказываютъ энергическое противодѣйствіе попыткамъ русскихъ заняться добываніемъ морской капусты. Посторонняго промышленника въ ихъ районѣ они нерѣдко попросту убиваютъ. Недавно были зарѣзаны въ бухтѣ Пластунъ сыновья и прикащики одного купца, рискнувшаго заняться промысломъ морской капусты въ захваченномъ китайцами районѣ. Страшное убійство осталось безнаказаннымъ по физической невозможности розыскать убійцъ въ этомъ дикомъ краю и вполнѣ освободило китайскихъ бродягъ отъ опасной конкурренціи. Такимъ образомъ промыселъ остается исключительно въ рукахъ Хунъ-Чунскихъ купцовъ, ежегодно высылающихъ въ наши предѣлы по нѣсколько тысячъ рабочихъ. Довѣрители купцовъ отправляются вмѣстѣ съ партіями; на ихъ обязанности лежитъ присмотръ за ловомъ капусты, ея приготовленіемъ, также за прокормленіемъ нанятыхъ работниковъ. Партіи высылаются изъ Хунъ-Чуна и Нингуты нѣсколькими путями; наиболѣе многочисленная слѣдуетъ изъ залива Посьетъ, вблизи котораго обыкновенно зимуютъ тысячи лодокъ промышленниковъ. Лодки эти обыкновенно вмѣщаютъ каждая не болѣе двухъ, трехъ ловцовъ.

Съ наступленіемъ весны, вся эта многочисленная флотилія выходитъ на промыселъ; занимаются имъ до глубокой осени. Тогда вся добытая и высушенная морская капуста

грузится на джонки и отправляется въ ближайшій китайскій портъ. Иные промышленники остаются на зиму въ нашихъ предѣлахъ, въ фанзахъ своихъ соплеменниковъ и проводятъ время въ праздности и азартныхъ играхъ. Для края это пришлое населеніе очень опасно; оно при каждомъ представившемся удобномъ случаѣ готово завести серьезные безпорядки.

Особенно опасны для спокойствія края хищники-золотопромышленники, тайно приходящіе въ наши владѣнія для разработки извѣстныхъ имъ издавна золотыхъ розсыпей. Мѣстонахожденіе золота не только на историческомъ островѣ Аскольдѣ (китайцы называютъ его Зеленымъ островомъ—Цинъ-Дао), но по всѣмъ берегамъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ склоновъ хребта Сихотэ-Алинь. Маньцзи тщательно скрываютъ отъ русскихъ наиболѣе сносныя розсыпи и обманываютъ золотоискателей ложными указаніями на несуществующіе или уже истощенные пріиски.

Начало золотопромышленности въ краѣ относится къ сѣдой древности. На нѣкоторыхъ отвалахъ, на выкидахъ изъ шурфовъ уже выросли гигантскіе дубы болѣе чѣмъ въ обхватъ толщиной. Китайскіе хищники съ своевольнымъ нахальствомъ занимаются золотопромышленными работами всюду, гдѣ находятъ это удобнымъ. Почти ежегодно приходится посылать военныя команды для прекращенія этихъ хищническихъ работъ, но не всегда эти экспедиціи оканчивались благополучно. Такъ, одна изъ подобныхъ экспедицій вызвала извѣстное маньзинское возстаніе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, нанесшее нашему обаянію довольно чувствительный ударъ. Яблокомъ раздора между китайскими выходцами и нашими властями послужилъ островъ Аскольдъ, въ двадцати пяти миляхъ отъ Владивостока, отдѣленный отъ материка лишь узкимъ проливомъ. Въ 1867 году разнесся слухъ, что на этомъ островѣ открыты золотыя розсыпи; слухъ этотъ распространился среди всего мѣстнаго инородческаго населенія, передался въ сосѣднюю многолюдную Маньчжурію, и съ китайской территоріи повалили на Аскольдъ за добычей толпы хунхузовъ, всякій сбродъ, который мечталъ о легкой и скорой наживѣ русскимъ золотомъ. Къ концу 1867 года на Аскольдъ перебралось уже нѣсколько сотъ хунхузовъ, расположившихся какъ дома почти на глазахъ нашихъ властей. Эта наглость показалась послѣднимъ переполнившимъ чашу всякаго терпѣнія поступкомъ, а потому было рѣшено принять мѣры къ прекращенію такихъ выхо-

докъ. Послана была на Аскольдъ небольшая военная шхуна „Алеутъ“. Хунхуцзы были невооружены и безпрекословно выполнили требованія командира судна: сломали свои золотопромышленныя постройки и удалились съ острова.

На слѣдующій годъ хунхуцзы воспользовались отсутствіемъ военной шхуны и вновь хлынули на Аскольдъ, но еще въ бо̀льшей массѣ; они взяли съ собой и оружіе. Власти, какъ только узнали о новомъ нашествіи, немедленно выслали къ острову ту же шхуну „Алеутъ“; но результатъ посылки вышелъ совсѣмъ иной. По примѣру прошлаго года, командиръ шхуны высадился съ двадцатью человѣками на островъ и потребовалъ прекращенія работы; но не успѣлъ онъ высказать свое требованіе, какъ былъ окруженъ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ хунхуцзовъ, которые отвѣтили на его требованіе градомъ пуль и камней. Отрядъ оказался въ ужасномъ положеніи; уничтоженіе его было почти неминуемо; но, благодаря мужеству командира, пробившагося съ револьверомъ въ рукѣ черезъ тѣсно сплоченные ряды хунхуцзовъ, отрядъ успѣлъ добѣжать до шлюпокъ и отвалить отъ берега. На шхунѣ между тѣмъ замѣтили критическое положеніе десанта и немедленно открыли огонь изъ небольшихъ орудій. Ядра, по отдаленности берега, не долетали и только рикошетировали по гладкой поверхности бухты Наѣзднпкъ. Въ результатѣ отрядъ потерялъ трехъ матросовъ, изрубленныхъ во время отступленія, и имѣлъ восемь человѣкъ раненыхъ (въ томъ числѣ двухъ офицеровъ). Одна изъ шлюпокъ, вслѣдствіе этого, досталась въ добычу непріятелю.

Кровавое столкновеніе на Аскольдѣ послужило сигналомъ къ страшному возстанію и убійствамъ. Переправившись на материкъ, хунхуцзы вырѣзали нашъ несчастный военный постъ Стрѣлокъ и, разсѣявшись затѣмъ по всему Южно-Уссурійскому краю, стали жечь и грабить наши, только-что основанныя, поселенія, убивать и истязать жителей. Были выжжены русскія селенія, расположенныя по долинамъ рѣкъ Цымухэ, Монгучая и Суйфуна; въ числѣ ихъ было уничтожено лучшее и богатѣйшее селеніе края Никольское. Шайки бродягъ стали даже угрожать Владивостоку и Камень-Рыбасову, военному посту на южномъ берегу озера Ханка. Недостатокъ путей сообщенія, испорченные китайцами телеграфы, безпорядокъ въ личномъ составѣ, незначительность боевой силы края—все это было причиной, что едва могли собрать двѣсти человѣкъ солдатъ, казаковъ и

вооруженныхъ крестьянъ, чтобы остановить грабителей, убѣгавшихъ въ Маньчжурію съ многочисленнымъ обозомъ, нагруженнымъ добычей. О дѣлѣ, при этомъ происшедшемъ, всѣ, принимавшіе въ немъ участіе, вспоминаютъ съ негодованіемъ оскорбленнаго національнаго чувства. Шесть часовъ длилась перестрѣлка, безъ вреда для сторонъ, не смотря на массу выпущенныхъ пуль. Двѣсти человѣкъ хорошо вооруженнаго, сравнительно, отряда не рѣшились энергично аттаковать сбродъ, вооруженный лишь фитильными ружьями, топорами, пиками и дубьемъ. Между тѣмъ одного случайнаго фланговаго движенія, совершеннаго однимъ храбрымъ унтеръ-офицеромъ во главѣ лишь двадцати человѣкъ, было достаточно, чтобы обратить хунхуцзовъ въ безпорядочное бѣгство и усѣять „поле битвы“ ихъ трупами. Преслѣдованіе хищниковъ было вдругъ, безъ всякой причины, прекращено; затѣмъ военачальники провели двое сутокъ въ отдыхѣ. Бродяги между тѣмъ перебрались со всѣмъ обозомъ награбленной добычи и золота въ китайскіе предѣлы. Наши начальники не сумѣли воспользоваться легкою побѣдою; но воспользовались случаемъ написать трескучую реляцію о содѣянныхъ ими подвигахъ. Въ результатѣ, всѣ почти они были награждены за свое поведеніе въ этомъ позорномъ для русской чести дѣлѣ противъ китайскаго сброда.

Кромѣ раззоренія поселеній и гибели жителей, матеріальный ущербъ, причиненный краю и казнѣ такъ-называемой „маньцзинской войной“, состоялъ въ безполезномъ передвиженіи войскъ изъ Амурской области и Забайкалья и въ прекращеніи полевыхъ работъ. Переселенцы наши однако выносливы. Они опять обстроились на своей благодатной землѣ и зажили по-прежнему, хотя и подъ понятнымъ страхомъ возможнаго повторенія хунхуцзскихъ набѣговъ.

Сосѣдняя Маньчжурія изобилуетъ бездомнымъ, голоднымъ, разбойничьимъ населеніемъ, и шайки этого сброда появляются нерѣдко въ нашихъ предѣлахъ даже въ настоящее время и доставляютъ много хлопотъ, несмотря на солидную военную силу, которую мы содержимъ теперь въ Уссурійскомъ краѣ. Изъ всѣхъ этихъ набѣговъ хунхуцзовъ, разскажемъ о наиболѣе характерномъ, почти невѣроятномъ, имѣвшемъ мѣсто не такъ давно, именно въ 1883 году.

Одинъ китаецъ-авантюристъ, Ли-Чжуй, перешелъ границу во главѣ сотни отчаянныхъ и хорошо вооруженныхъ людей, пробрался въ плодородную долину Сучана, выстроилъ тамъ укрѣпленіе и прямо присвоилъ себѣ права власти

не только въ отношеніи маньцзовъ, но и въ отношеніи русскихъ казаковъ и ссыльно-поселенцевъ деревень Владиміровки и Александровки. Вдали отъ Владивостока, Ли-Чжуй сталъ распоряжаться словно самостоятельный царекъ, творилъ судъ и расправу, взималъ подати, страшно угнеталъ взрывами дикаго своеволія инородцевъ и русское населеніе. Ли-Чжуй нагналъ на всѣхъ паническій страхъ. Появилась наконецъ въ долинѣ Сучана казачья сотня, высланная нашими властями для возстановленія порядка. Не говоря о забитомъ, страшно угнетенномъ туземномъ населеніи, даже русскіе переселенцы опасались громко заявить начальнику прибывшей сотни о вытерпѣнныхъ ими насиліяхъ. Не только инородцы, казалось, потеряли вѣру въ русское могущество и власть, но даже сами русскіе начали сомнѣваться: они ли, дѣйствительно, господствующая въ краѣ народность и не находятся ли они въ кабалѣ у китайцевъ? Дальнѣйшія обстоятельства еще болѣе убѣдили туземцевъ и нашихъ переселенцевъ въ томъ, что русская власть въ краѣ—далеко не установившаяся власть, которую легко можетъ похитить даже китайскій разбойникъ, во главѣ всего какой-нибудь сотни товарищей. Когда прибывшая въ долину рѣки Сучана казачья сотня расположилась лагеремъ, и начальникъ ея потребовалъ къ себѣ Ли-Чжуя, тотъ явился въ полномъ парадѣ, въ золоченой одеждѣ, въ сопровожденіи вооруженной свиты изъ своей шайки. Командиръ сотни, вмѣсто того, чтобы схватить его немедленно и доставить въ Владивостокъ для расправы, растерялся въ виду внушительной обстановки сучанскаго узурпатора и послалъ нарочнаго къ мѣстнымъ властямъ *за дальнѣйшими инструкціями*. Получены ли были имъ какія-либо дополнительныя инструкціи—намъ не извѣстно, но хорошо извѣстно, что Ли-Чжуй явился въ русскій лагерь какъ самостоятельный властитель и вернулся въ свое укрѣпленьице съ торжествомъ, какъ побѣдитель. Черезъ нѣкоторое время онъ пропалъ куда-то со всей своей шайкой, оставивъ командира сотни ждать дальнѣйшихъ инструкцій. Но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе его поступка и малодушія русскаго начальника крѣпко засѣло въ представленіи инородцевъ и переселенцевъ. Тѣ и другіе справедливо трепетали за себя, они хорошо понимали, что, съ возвращеніемъ сотни на квартиры, Ли-Чжуй можетъ явиться опять и продолжать свои неистовства. Дѣйствительно, хунхуцзы сдѣлались въ краѣ почти постояннымъ, трудно отвратимымъ зломъ. Совершая частыя нападенія на одинокія

фермы и даже селенія, они держатъ въ вѣчномъ страхѣ инородцевъ и русскихъ переселенцевъ.

Маньцзи поддерживаютъ разбойниковъ, снабжаютъ ихъ пищей, одеждою, сообщаютъ о предпринимаемыхъ противъ нихъ со стороны нашихъ властей мѣрахъ, словомъ, вполнѣ повторяютъ дѣйствія итальянскаго сельскаго населенія относительно бандитовъ. Сами маньцзи, въ случаѣ какой-либо серьезной неудачи въ торговлѣ или картежной игрѣ, легко становятся хунхуцзами (бродягами). Нѣкоторые богатые маньцзи, по заявленію подполковника Надарова, хорошо изучившаго Уссурійскій край, содержатъ шайки разбойниковъ за свой счетъ, получая отъ нихъ за свое покровительство львиную долю изъ награбленнаго имущества. Положеніе инородцевъ и русскихъ переселенцевъ, при такихъ условіяхъ, нельзя назвать благопріятнымъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ военной силы. Еще до сихъ поръ свершаются въ краѣ частыя звѣрства, при чемъ русскіе переселенцы, доведенные до отчаянія насиліями хунхуцзовъ, рѣшаются на жестокія отместкн, при которыхъ нерѣдко попадаетъ и укрывателямъ разбойниковъ--маньцзамъ. Между маньцзами и русскимъ населеніемъ поддерживается глухая вражда, которая повлечетъ за собой въ будущемъ, конечно, не мало кровавыхъ вспышекъ, если отношенія эти не будутъ урегулированы какими-либо энергичными и безотлагательными мѣрами. Озлобленіе маньцзовъ противъ русскихъ переселенцевъ вполнѣ объяснимо. Еще недавно они владѣли лучшими землями въ краѣ, а теперь эти земли постепенно передаются русскимъ крестьянамъ, постоянно прибывающимъ изъ сердца Россіи. Понятно, почему именно учащались въ послѣдніе годы случаи нападеній хунхуцзовъ на зарождающіяся русскія поселенія. Китайскіе разбойники какъ-бы мстятъ за своихъ единоплеменниковъ, у которыхъ они всегда находили готовый пріютъ и поддержку для своихъ кровавыхъ подвиговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хунхуцзы хорошо сознаютъ, что съ увеличеніемъ въ краѣ русскаго населенія имъ придется прекратить свои набѣги, и они прилагаютъ всѣ старанія, чтобы затормозить, по возможности, опасную для нихъ, русскую колонизацію. Но это имъ, конечно, не удастся.

Особую группу инородческаго населенія края составляютъ корейцы, прибывшіе въ край уже послѣ того, какъ мы въ немъ утвердились. Первое движеніе среди корейской народности началось въ 1863 году, и уже къ 1869 году перешло въ наши предѣлы болѣе трехъ тысячъ человѣкъ.

Чтобы дать точное понятіе о причинахъ этой безпримѣрной эмиграціи въ Уссурійскій край, обратимъ вниманіе на трудное положеніе корейцевъ на ихъ родинѣ. При чрезвычайно густомъ населеніи, Азіятская Италія-Корея страдаетъ недостаткомъ удобной для хлѣбопашества земли. Малѣйшая причина, вліяющая на результатъ посѣвовъ, малѣйшій недоборъ въ хлѣбѣ уже порождаетъ голодъ, особенно грозный при скученности населенія. Къ этому присоединяется постоянная борьба въ странѣ всевозможныхъ партій, которая еще болѣе вредитъ общему благосостоянію.

Вслѣдствіе разныхъ подобныхъ исключительныхъ условій, положеніе корейскаго народа, о внутренней жизни котораго, правда, мало извѣстно, должно быть весьма тяжело. Между тѣмъ это народъ несомнѣнно умѣренный, честный и трудолюбивый. Въ Кореѣ издревле сложилось знаменательное народное сказаніе, что избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ придетъ, рано или поздно, съ сѣвера, со стороны бѣлолицыхъ иноземцевъ. Вотъ почему, едва успѣли мы появиться на границѣ многолюдной Кореи, народъ встрепенулся, и началось энергичное движеніе навстрѣчу давно ожидаемыхъ сѣверянъ.

Первыми прибыли въ край тринадцать семействъ земледѣльцевъ и просили принять ихъ подъ высокую руку Бѣлаго Царя.

Ихъ приняли радушно и поселили на рѣкѣ Тызын-хэ, близъ корейской границы. Эмигранты скоро обстроились и зажили въ полномъ довольствѣ. Успѣхъ первой попытки произвелъ въ Кореѣ сильное впечатлѣніе, и эмиграція въ наши предѣлы разомъ приняла довольно обширные размѣры, несмотря на усилія корейскаго правительства остановить вредное для страны народное движеніе. Переселенцевъ десятками хватали на границѣ и предавали даже смертной казни за попытку выселенія, но они продолжали переплывать рѣку Тумень-Ула или же тайкомъ шли черезъ границу Маньчжуріи.

Мѣстная наша администрація принимала переселенцевъ первое время благосклонно, это были не кочующіе, нищіе, голодные орочоны, гиляки или тунгусы, не безнравственные

и грубые маньцзи, при ихъ безсемейности не могущіе быть полезными колонистами — корейцы добрые, трудолюбивые рабочіе и землепашцы, въ которыхъ чувствовался тогда въ краѣ большой недостатокъ; они принадлежали къ здоровому, осѣдлому, земледѣльческому народу, съ чистыми нравами и крѣпкою семьей. Потянулись въ наши предѣлы и вполнѣ зажиточные корейцы, съ значительнымъ имуществомъ, скотомъ, и начали понемногу заселять богатыя, пустынныя земли Уссурійскаго края. Одни выходцы образовали нѣсколько селеній на рѣкахъ Янчи-хэ, Сидими и Монгугай; другихъ переслали на отдаленный Амуръ, на которомъ они основали большую колонію вблизи Благовѣщенска. По разсказамъ корейскихъ выходцевъ, цѣлыя селенія желали перейти въ наши предѣлы. Къ сожалѣнію, наши власти не имѣли въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ и даже нашли переселеніе корейцевъ въ наши предѣлы черезчуръ сильнымъ, и эмиграція ихъ была разомъ пріостановлена. Это случилось въ 1870 году и вотъ при какихъ тяжелыхъ осложненіяхъ, оправдывающихъ взглядъ нашей мѣстной власти. Въ 1869 году, въ сѣверной части Кореи сдѣлался, вслѣдствіе повсемѣстныхъ наводненій, страшный голодъ; жители въ отчаяніи бросили свои дома и толпами хлынули въ наши предѣлы, въ которыхъ уже нашли пріютъ и благосостояніе до полутора тысячи ихъ единоплеменниковъ. Это движеніе началось въ концѣ сентября, а 8 октября уже насчитывали въ Южно-Уссурійскомъ краѣ до двухъ тысячъ человѣкъ бѣглецовъ. Со стороны корейскаго правительства началось жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и даже казни. Много собравшихся переселяться, безъ различія пола и возраста, гибли въ рукахъ палачей; остальные, бросивъ на произволъ имущество, появились въ наши предѣлы въ видѣ безпорядочной, охваченной паническимъ ужасомъ, толпы нищихъ и больныхъ, вытерпѣвшихъ въ дорогѣ всякія бѣдствія и страданія. Положеніе переселенцевъ было критическое. Разслабленные продолжительной голодовкой, въ состояніи полнаго отчаянія, они нуждались въ немедленной, энергичной помощи. Наши власти просто потеряли голову, не подготовленныя къ такому обстоятельству. Запасы хлѣба въ магазинахъ, разсчитанные лишь на находящіяся въ краѣ войска, не позволяли удовлетворить голодающихъ переселенцевъ. Часть изъ нихъ кормили уменьшенными дачами хлѣба; остальные мучились отъ голода. Наступила зима, и за положительнымъ недостаткомъ свобод-

ныхъ помѣщеній, казенныхъ или частныхъ, люди стали гибнуть сотнями. Движеніе же изъ Кореи не прекращалось, напротивъ, начало принимать еще большіе размѣры. Нашли необходимымъ пріостановить движеніе во что бы то ни стало, опасаясь повальныхъ болѣзней отъ непогребенныхъ труповъ несчастныхъ. На корейской границѣ былъ выставленъ военный кордонъ, которому предписали не допускать въ наши предѣлы ни одного эмигранта. Кордонъ этотъ оказался безполезнымъ. Корейцы массами продолжали переходить границу, при чемъ, при встрѣчѣ съ кордонной линіей, бросались передъ солдатами на колѣни, обнажали грудь и знаками просили колоть штыками, но не гнать обратно: они предпочитали умереть отъ штыка русскаго солдата, чѣмъ попасть въ руки своихъ палачей на мученія. Не поднималась рука на несчастныхъ, изможденныхъ страданіями— ихъ кормили, и по возможности пропускали во внутрь края.

Губернаторъ Приморской области приказалъ нашему пограничному коммисару, князю Трубецкому, войти въ непосредственные переговоры съ начальникомъ корейскаго города Кычен-Пу [1]) и настоять, чтобы корейскія власти прекратили во что бы то ни стало, дальнѣйшіе переходы эмигрантовъ въ наши предѣлы, и объявили бы полную амнистію тѣмъ изъ нихъ, кто пожелалъ бы возвратиться на родину. Князь Трубецкой заключилъ съ начальникомъ Кычен-Пу письменное условіе, по которому тотъ обѣщалъ исполнить желаніе нашихъ властей. Дѣйствительно, движеніе корейцевъ въ наши предѣлы прекратилось, мѣры были приняты корейскими властями: они просто рѣзали головы пытавшимся перейти границу. Что касается объявленной амнистіи, то воспользоваться ею никто изъ переселенцевъ не рѣшился. Такимъ образомъ всѣ прибывшіе въ край корейцы, въ числѣ шести [2]) тысячъ человѣкъ, остались въ нашихъ предѣлахъ. Часть ихъ была отправлена на работы во Владивостокъ, другая—на рѣку Даубн-хэ, для проведенія дороги. Работали охотно только за пищу и кровъ. Съ на-

---

[1]) Городъ Кычен-Пу расположенъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Новгородской гавани (часть залива Посьетъ), на лѣвомъ берегу довольно широкой рѣки Туманги.

[2]) Съ прибывшими раньше, т. е. съ 1863 года, всѣхъ корейскихъ выходцевъ насчитывали въ краѣ болѣе восьми тысячъ.

ступленіемъ весны (1870 года), ихъ разселили по рѣкамъ Суйфуну и Майхэ, гдѣ эти трудолюбивые люди вскорѣ обстроились и зажили въ нѣкоторомъ довольствѣ своими хозяйствами, не требуя даже себѣ никакой помощи.

Между тѣмъ, китайское правительство вошло въ 1871 году, черезъ посредничество Хунчунскаго губернатора, съ дерзкимъ требованіемъ немедленно выдать всѣхъ корейскихъ выходцевъ, какъ китайскихъ подданныхъ. Это требованіе исполнено не было. Всѣ корейцы, отдавшіеся подъ высокое покровительство Бѣлаго Царя, признаны русскими подданными. Генералъ-губернатору восточной Сибири, Синельникову, сообщено, чтобы корейскихъ выходцевъ въ Корею не возвращать,—такъ какъ съ государствомъ этимъ Россія не заключала никакихъ договоровъ. И всѣ корейцы, переселившіеся въ наши предѣлы съ 1863 по 1870 годъ, въ числѣ болѣе восьми тысячъ человѣкъ, остались въ Уссурійскомъ краѣ, разселившись, согласно указаніямъ, дальше отъ границы и по возможности такъ, чтобы они не образовали сплошнаго корейскаго населенія. Въ виду этихъ, весьма разумныхъ, соображеній, между русскими поселеніями Новокіевскимъ и Богословскимъ были основаны девять корейскихъ деревень; въ окрестностяхъ села Никольскаго, на правомъ берегу рѣки Суйфуна, семь деревень. Остальные выходцы были разселены на рѣкѣ Лефу, близъ Лоренцовой телеграфной станціи, на рѣкахъ Сучанѣ, Майхэ и Цымухэ. Часть же переселенцевъ, какъ мы упомянули выше, отправили на Амуръ, въ числѣ 102 семей (431 душа), гдѣ они основали, на рѣкѣ Самаркѣ, большое село Благословенное.

О корейцахъ многіе путешественники имѣютъ совершенно превратное и даже нерѣдко предвзятое, ложное понятіе. Лица, мало знакомыя съ ихъ нравственною стороною, описываютъ ихъ въ неприглядномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые утверждаютъ, что кореецъ чуждъ всякихъ нравственныхъ принциповъ. Корейцевъ называютъ слабосильными, безпечными, лукавыми, съ наклонностью къ воровству. Мнѣнія эти были высказаны на Хабаровскомъ съѣздѣ лицами, будто бы хорошо знакомыми съ корейскою народностью. Въ дѣйствительности же они не видѣли ни одного корейца и не прослѣдили за его нравственною семейною жизнью, заслуживающею высокой похвалы. На томъ же съѣздѣ увѣряли, что корейцы съ русскими не смѣшиваются, языка русскаго не изучаютъ, а православіе принимаютъ только наружно изъ личныхъ выгодъ. На основаніи этихъ вполнѣ не-

вѣрныхъ свѣдѣній о характерѣ корейцевъ, Хабаровскій съѣздъ пришелъ къ странному заключенію, что не слѣдуетъ допускать дальнѣйшихъ ихъ переселеній въ край, какъ элементъ безусловно вредный. Намъ пришлось приглядываться къ корейцамъ очень близко въ теченіе пяти лѣтъ, и мы пришли къ заключенію, совершенно противоположному. Наши наблюденія подтверждаютъ хорошіе отзывы о корейцахъ извѣстнаго путешественника г. Пржевальскаго, а также гг. Венюкова, Алябьева и другихъ, имѣвшихъ случай сталкиваться съ этою народностью. Корейцы легко уступаютъ, воспринимая обычаи и порядки народа, среди котораго живутъ. Они не чуждаются русскихъ какъ китайцы, любятъ русскую жизнь, имъ нравятся русскія постройки; многіе переселенцы уже выстроили избы на русскій ладъ и стремятся усвоить себѣ русскіе обычаи, хозяйство и языкъ. Они быстро освоились съ нашимъ плугомъ, онъ почти уже во всеобщемъ употребленія. Овладѣвъ русскимъ языкомъ настолько, что бы обсуждать вопросы обыденной жизни, большинство корейцевъ желаетъ имѣть русскія школы. Грамотность среди корейцевъ сильно развита. Въ каждомъ почти селеніи есть школа, заведенная на средства переселенцевъ. Они охотно принимаютъ православіе. Эта воспріимчивость даетъ увѣренность, что всѣ выходцы, въ теченіе одного только поколѣнія, совершенно усвоятъ русскую жизнь и вполнѣ сольются съ русскою народностью. Такой народъ должно считать драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Положительно необходимо не тормозить, а поощрять переселеніе корейцевъ въ наши предѣлы и давать имъ почувствовать всѣ выгоды подданства Россіи. Надо пользоваться выгоднымъ для насъ движеніемъ корейской народности и заселять ею необъятныя земли богатагоЮжно-Уссурійскаго края, гдѣ столько пустопорожнихъ, но удобныхъ земель, что смѣло можно бы принять еще до десятка тысячъ корейскихъ семействъ, безъ стѣсненія русской колонизаціи.

Корейцы чистоплотны, лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ихъ бѣлоснѣжная одежда, состоящая у мужчинъ изъ широкихъ, бумажной матеріи, шароваръ, коротенькой рубахи и бѣлаго халата съ широкими рукавами и отложнымъ воротникомъ. Одежда женщинъ мало отличается отъ одежды мужчинъ; онѣ носятъ такой же халатъ и шаровары; только вмѣсто рубахи одѣваютъ коротенькую кофту, а сверхъ шароваръ—юбку съ разрѣзами по бокамъ. На головѣ корейцы носятъ шляпу, плетеную или изъ соломы, или волоса; шп-

рокополая и высокая, она имѣетъ видъ усѣченнаго конуса; форма эта позволяетъ корейцамъ сохранять свою оригинальную прическу, которая состоитъ изъ пучка собранныхъ на темени волосъ, укладываемаго въ наклонномъ положеніи кпереди. На ногахъ корейцы носятъ толстые, бѣлые носки, поверхъ которыхъ надѣваютъ туфли.

Корейцы трудолюбивы, хотя кажутся на видъ малоповоротливыми и апатичными, кротки нравомъ, гостепріимны, прекрасные семьяне и высоко цѣнятъ въ человѣкѣ нравственныя качества. По корейскимъ понятіямъ, главныхъ нравственныхъ качествъ четыре: доброта, справедливость, мудрость и знаніе и, наконецъ, строгость въ соблюденіи церемоній.

Мы уже упомянули, что корейцы представляютъ для православнаго миссіонерства широкое, плодотворное поле; они воспринимаютъ совершенно искренно новыя религіозныя начала. При разумной миссіонерской дѣятельности, православіе можетъ укорениться здѣсь очень легко и послужитъ прочною основою для обращенія этого азіатскаго народа.

Корейскіе селенія въ нашихъ предѣлахъ многолюдны, довольно цвѣтущи и богаты. Всюду чистота, порядокъ и домовитость; видна заботливая, трудолюбивая хозяйская рука. Селенія эти могутъ служить и нашимъ станицамъ недурнымъ образцомъ для подражанія. Они раскинуты сравнительно очень просторно; фанзы, перемѣшанныя съ избами, построенными на русскій ладъ, расположены одна отъ другой въ растояніи 150—300 шаговъ. Между фанзами тянутся огороды, а нѣсколько въ сторонѣ обширныя поля, обработка которыхъ положительно образцовая. Сѣютъ: просо, составляющее ихъ главную пищу, ячмень, кукурузу, гречиху, табакъ, картофель и т. п. Для лошадей разводятъ въ большомъ количествѣ бобы, которые сохраняются въ высушенномъ видѣ; передъ дачей лошадямъ бобы размачиваютъ. Изъ огородныхъ овощей видное мѣсто занимаютъ: огурцы, арбузы, красный перецъ, тыква, рѣдька, салатъ, капуста и лукъ. Кромѣ того, корейцы сѣютъ кунжутъ, изъ сѣмянъ котораго приготовляютъ масло. Они пашутъ на быкахъ и коровахъ, вслѣдствіе чего мясо послѣднихъ, какъ рабочихъ, въ пищу не употребляютъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, жители которыхъ уже освоились съ русскими обычаями, начинаютъ и ѣсть это мясо. Развивается и скотоводство для сбыта мѣстнымъ войскамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, инородцы постепенно пріучаются къ доенію коровъ и къ приготовленію разныхъ молочныхъ

продуктовъ, исключительно для продажи, такъ какъ сами молока не употребляютъ. На ряду съ рогатымъ скототомъ, разводятъ свиней и собакъ, составляющихъ ихъ главную мясную пищу; при этомъ собачье мясо считается однимъ изъ любимыхъ блюдъ.

Въ послѣднее время многіе корейцы занялись искусственнымъ разведеніемъ дорогаго цѣлебнаго корня жень-шеня. Въ послѣднее время одинъ изъ русскихъ извѣстныхъ профессоровъ обратилъ на жень-шень особенное вниманіе, желая выяснить его значеніе, какъ медицинскаго средства. Во всякомъ случаѣ, вѣра въ цѣлебныя свойства жень-шеня на крайнемъ востокѣ чрезвычайно упорна. Онъ и цѣнится почти на вѣсъ золота. Особенно дорогъ дико ростущій корень. Добываніе его сопряжено съ лишеніями и опасностями; онъ служитъ предметомъ упорныхъ, постоянныхъ исканій. Это своего рода драгоцѣнный алмазъ дальняго востока, добываніе котораго очень часто окупается человѣческою жизнью. Счастливцы же, нашедшіе корень, не рѣдко обогащаются, такъ-какъ стоимость жень-шеня доходитъ до баснословныхъ суммъ. Жень-шень принадлежитъ къ семейству аралій; онъ обыкновенно ростетъ въ самыхъ дикихъ, малодоступныхъ, лѣсистыхъ ущельяхъ мрачнаго хребта Сихотэ-Алинь. Страсть къ быстрой наживѣ превозмогаетъ страхъ возможной встрѣчи съ тигромъ, барсомъ, свирѣпымъ палевобурымъ медвѣдемъ и краснымъ волкомъ. Жень-шень не любитъ солнечнаго свѣта; онъ попадается только въ глубокихъ, дикихъ ущельяхъ, среди дѣвственной заросли, въ которой господствуютъ вѣчный мракъ и безмолвіе. Солнечные лучи никогда не проникаютъ въ эту таинственную трущобу. Сырая тучная почва никогда не просыхаетъ. Жирный черноземъ вѣчно прикрытъ толстымъ, мягкимъ ковромъ гніющихъ листьевъ. Страшно здѣсь человѣку. Онъ беззащитенъ. Вокругъ него и надъ нимъ таятся опасные враги. Но это не устрашаетъ корыстолюбивыхъ искателей жень-шеня, идущихъ каждое лѣто сотнями въ эти заповѣдныя пади. Счастливый искатель можетъ найти до осени нѣсколько корней, стоимостью отъ пятидесяти до двухъ сотъ серебряныхъ рублей каждый. Нерѣдко случается, что цѣлая партія пробродитъ нѣсколько мѣсяцевъ по тайгѣ безрезультатно и возвращается домой съ пустыми руками, потерявъ въ трущобѣ нѣсколькихъ товарищей. Все это заставило многихъ китайцевъ и корейцевъ заняться искусственнымъ разведеніемъ жень-шеня, требующимъ чрезвычайно тщательнаго ухода и большихъ хлопотъ.

Плантаціи этого корня разбросаны по всему Южно-Уссурійскому краю. Садятъ его сѣменами или корнями въ тщательно вспаханныя гряды изъ лучшаго, просѣяннаго черезъ рѣдкія сита, чернозема. Мы уже указали выше, что жень-шень не любитъ солнечныхъ лучей; принимаются всѣ мѣры, чтобы защитить его отъ солнца. Съ наступленіемъ зимы, навѣсы снимаютъ, и гряды заносятся или засыпаются снѣгомъ, что считается необходимымъ для сохраненія корня отъ суровыхъ морозовъ. Жень-шень растетъ медленно и только черезъ пять и шесть лѣтъ достигаетъ величины [1]), нужной въ продажѣ. Цѣна корня прогрессивно увеличивается съ его старостью, при чемъ онъ постоянно приближается своей оригинальной формой къ человѣческой фигурѣ. Такіе корни собственно изъ дико растущихъ, оцѣниваются въ нѣсколько тысячъ серебряныхъ рублей каждый и должны дѣлаться, согласно съ китайскими законоположеніями, исключительною собственностью богдыхана. Каждый искатель жень-шеня, нашедшій подобную рѣдкость, обязанъ представить ее, за извѣстное, довольно щедрое вознагражденіе, китайскому чиновнику, для отправленія ко двору повелителя Поднебесной Имперіи. Никто, изъ простыхъ смертныхъ, не имѣетъ права сдѣлаться обладателемъ корня, возвращающаго *разслабленнымъ организмамъ, по твердому убѣжденію всѣхъ китайцевъ*, бодрость, молодость и свѣжесть. Разведеніе искусственнаго жень-шеня представляетъ большія выгоды. Каждая небольшая плантація можетъ, по истеченіи десяти лѣтъ, обогатить хозяина, если онъ приложитъ къ дѣлу терпѣніе и заботливость. Въ этомъ отношеніи корейцы вполнѣ удовлетворяютъ требуемымъ условіямъ, и ихъ плантаціи жень-шеня могутъ считаться образцовыми. Корейцы очень напоминаютъ японцевъ, значительно превышая однако ихъ ростомъ, они статны и довольно сильны. Блѣдножелтыя лица, съ выдающимися скулами, небольшимъ слегка приплюснутымъ носомъ, приподнятыми бровями и карими ласковыми, глазами, очень симпатичны. Волосы у корейцевъ жесткіе, черные. Мужчины волосъ на головѣ не подбриваютъ, какъ китайцы, но тщательно собираютъ на темени въ пучкахъ. Женщины заплетаютъ длинные волосы свои въ косы, которыя укладываютъ кругомъ головы. Въ виду этого, многія

---

[1]) Корень жень-шень, достигшій глубокой старости, бываетъ не больше указательнаго пальца человѣческой руки.

кокетки, особенно обиженныя природою, носятъ искусственныя косы, работа которыхъ доведена у корейцевъ до рѣдкаго совершенства. Мужчины, въ большинствѣ случаевъ, совершенно лишены бороды и усовъ; только у немногихъ можно видѣть на подбородкѣ и верхней губы слабую растительность—одинъ лишь легкій намекъ на усы и бороду.

Въ большинствѣ случаевъ корейцы идолопоклонники. Главный богъ называется Путэ-Нимп, храмъ котораго находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы Кореи—Сеулы. Кромѣ этого высшаго божества, каждый кореецъ признаетъ собственнаго своего домашняго бога, покровителя дома, хозяйства и семьи. Они не олицетворяютъ его въ видѣ какого-нибудь идола, а признаютъ лишь въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Корейцы имѣютъ понятіе о душѣ и загробной жизни. Душа (хони), по ихъ мнѣнію, разставшись съ тѣломъ благочестиваго человѣка, послѣ его смерти, летитъ на небо, въ рай (Ханыри), гдѣ наслаждается радостями загробной жизни, подъ покровительствомъ высшаго божества Путэ-Ними. Замѣчательно, что среди ихъ сохранились нѣкоторыя преданія, какъ бы заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта; между ними и преданіе о всемірномъ потопѣ. Корейцы чрезвычайно религіозны и любятъ всевозможные обряды; похороны, поминки, рожденіе ребенка и т. п. обстоятельства ихъ жизни всегда сопровождаются торжественными церемоніями. Миссіонеры иначе, къ сожалѣнію, смотрѣли на свое святое дѣло, какъ на ремесло, хлопотали о цифровыхъ данныхъ, а не о нравственномъ возрожденіи инородцевъ. Матеріальные разсчеты бросались въ глаза даже грубымъ инородцамъ. Внѣшняя обстановка жизни нашихъ миссіонеровъ совершенно не соотвѣтствовала ихъ ученію о всеобщей любви, благочестію, воздержанности, кротости и другимъ принципамъ христіанской религіи. Это явное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ смущало корейцевъ, имѣющихъ извѣстныя нравственныя воззрѣнія, по существу своему чрезвычайно высокія и заслуживающія полнаго вниманія. Вообще, наши миссіонеры не были людьми, до фанатизма преданными своему святому дѣлу; ихъ слишкомъ свободная жизнь производила на инородцевъ тяжелое впечатлѣніе. Вотъ причина, почему еще не всѣ корейцы приняли православіе, почему многіе даже изъ крещеныхъ смотрятъ на свою религію не съ должной точки нравственнаго воззрѣнія. Вся тяжкая вина въ этомъ отношеніи должна лечь на нашихъ бывшихъ миссіонеровъ, впервые столкнувшихся съ невѣже-

ственными инородцами. Настоящимъ и послѣдующимъ проповѣдникамъ слова Божія предстоитъ приложить много труда, разумной энергіи и благочестивой жизни, чтобы изгладить въ корейцахъ дурное впечатлѣніе о служителяхъ православія и воскресить дѣло христіанской пропаганды, едва не погибшее окончательно.

А. МАКСИМОВЪ.

Знакомство съ А. И. Герценомъ [1]).

(Отрывки изъ воспоминаній).

...Я не былъ лично знакомъ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ до моей поѣздки заграницу въ 1857 году. Оригинальный талантъ автора „Писемъ объ изученіи природы“ давно уже пользовался громкою извѣстностью, и всѣ знали, кто скрывался подъ псевдонимомъ „Искандера“. Я, какъ и многіе, былъ увлеченъ блестящими идеями смѣлаго публициста, хотя и не раздѣлялъ нѣкоторыхъ его взглядовъ, но мнѣ не удалось встрѣтиться съ нимъ до выѣзда его изъ Россіи, а онъ зналъ меня только потому, что за годъ до моего путешествія я послалъ ему съ однимъ знакомымъ мою книжку „Очеркъ исторіи русской поэзіи“. Черезъ нѣсколько дней получилъ я отъ него любезное письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за посылку и высказывалъ желаніе познакомиться со мною, если я буду когда-нибудь заграницей. А этого мнѣ давно хотѣлось.

Въ Лондонъ пріѣхалъ я утромъ, 28-го мая, и остановился въ центральной части города, на Gerrard street, въ Versailles-Hôtel. Послѣ завтрака въ общей залѣ, въ кругу разноплеменныхъ туристовъ, жившихъ въ этой гостиницѣ, я взялъ кэбъ и отправился въ Сити узнать въ книжномъ магазинѣ Трюбнера адресъ А. И. Герцена. Мнѣ сказали, что

---

[1]) Дѣятельность этого блестяще-талантливаго публициста и агитатора, полная крайнихъ увлеченій, агитатора, сдѣлавшаго столько зла Россіи и жившаго такъ привольно и богато въ Лондонѣ, — теперь перешла въ область исторіи. Настоящія любопытныя замѣтки нашего почтеннаго писателя, г. Милюкова, имѣютъ значеніе и для характеристики внѣшней обстановки жизни Герцена, въ виду статей о немъ, предполагаемыхъ нами къ помѣщенію въ будущемъ году.

онъ живетъ не въ Лондонѣ, а въ мѣстечкѣ Пётней, отстоящемъ отъ города на двадцать минутъ ѣзды по сѣверо-западной желѣзной дорогѣ. Я тутъ же написалъ ему записку, въ которой спрашивалъ, когда могу застать его не безпокоя, и при этомъ сообщилъ и мой адресъ.

На другой день, когда я, послѣ продолжительной прогулки по Лондону, возвратился къ завтраку въ отель, мнѣ сказали, что меня спрашивалъ какой-то господинъ и обѣщалъ придти опять въ 5 часовъ. Въ назначенное время ко мнѣ постучались; это былъ Герценъ. Я узналъ его по знакомому мнѣ еще въ Петербургѣ портрету. Хотя въ это время ему было уже слишкомъ сорокъ пять лѣтъ, но его невысокая, плотная фигура поражала энергіей и живостью, а красивая голова, съ откинутыми назадъ длинными темнорусыми волосами и умными, выразительными глазами, съ перваго взгляда привлекала вниманіе. Невзгоды, прожитыя имъ въ Россіи съ самаго выхода изъ московскаго университета, и почти десять лѣтъ, проведенныхъ въ самомъ вихрѣ бурныхъ волненій заграницей, не оставили слѣдовъ ни на его наружности, ни на характерѣ. Смотря на него, никто не подумалъ бы, сколько нравственныхъ потрясеній и горькихъ разочарованій испыталъ этотъ человѣкъ. Послѣ обмѣна немногими фразами, обычными при первомъ свиданіи, онъ пригласилъ меня ѣхать къ нему обѣдать, и когда я замѣтилъ, что затрудняюсь поздно возвращаться въ городъ, совсѣмъ еще не знакомый мнѣ, онъ сказалъ: да вы и ночуйте у меня, а завтра можете ѣхать съ первымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Разумѣется, я съ радостью согласился.

Александръ Ивановичъ занималъ въ Пётнеѣ отдѣльный двухъ-этажный домъ, расположенный въ глубинѣ небольшаго двора и выходившій другой стороною на прекрасный планированный садъ, съ сочной, бархатной зеленью, какую можно видѣть только въ Англіи. Помѣщеніе отличалось тѣмъ комфортомъ и чистотою, которыми справедливо гордятся англичане. Въ нижнемъ этажѣ была пріемная зала, столовая и кабинетъ, въ верхнемъ—спальня и дѣтскія комнаты; вездѣ камины и ковры. Только-что мы вошли въ залу, какъ изъ сада прибѣжали дѣти Герцена - Саша, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, и двѣ дѣвочки, Наташа, годами двумя моложе брата, и Ольга, малютка лѣтъ семи, а черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Николай Платоновичъ Огаревъ съ женою. Александръ Ивановичъ познакомилъ меня со всѣми. Въ 7 часовъ пригласили насъ въ столовую. Обѣдъ съ шампанскимъ и фруктами прошелъ очень оживленно и весело, и когда за-

тѣмъ перешли курить въ кабинетъ, можно было подумать, что мы уже знакомы нѣсколько лѣтъ. Герценъ обладалъ той сообщительностью, которая чрезвычайно облегчаетъ и ускоряетъ короткое сближеніе.

Мы просидѣли до глубокой ночи. Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ у него часто бывали русскіе, но съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ Англіи, почти никто не навѣщалъ его, кромѣ итальянскихъ и польскихъ эмигрантовъ. Онъ съ горячимъ участіемъ разспрашивалъ меня о томъ, что дѣлается въ Россіи съ воцареніемъ новаго Государя, о настроеніи общества, объ административныхъ реформахъ, о слухахъ насчетъ освобожденія крестьянъ, о литературѣ и журналистикѣ. Всѣ эти вопросы сильно занимали его, и онъ съ одинакой живостью высказывалъ какъ свои надежды, такъ и опасенія. Огаревъ также этимъ интересовался, но не съ такой впечатлительностью. Они, какъ извѣстно, были близкими друзьями съ дѣтства, но легко было замѣтить, что это натуры совсѣмъ не сходныя: одинъ кипучій, живой какъ ртуть, другой спокойный и сдержанный. Герценъ поражалъ своей бойкостью и остроуміемъ: рѣчь его сверкала непстощимымъ каскадомъ остротъ, шутокъ, каламбуровъ, блестящей игрою неожиданнаго сближенія мыслей и образовъ. Огаревъ говорилъ со строгой, какъ бы заранѣе обдуманной точностью, не чуждой вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то мечтательности. У того и другаго были одни и тѣ же политическіе, соціальные и литературные взгляды, но въ одномъ сказывался публицистъ и агитаторъ, въ другомъ поэтъ и мечтатель. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ думается, что Огаревъ безъ вліянія Герцена не увлекся бы политической и соціальной пропагандою, а остался бы вѣренъ одному художественному призванію своей поэтической натуры.

На другой день утромъ я возвратился въ Лондонъ съ сыномъ Александра Ивановича, который учился тогда въ какой-то коллегіи и ежедневно ѣздилъ въ городъ на лекціи. Всю дорогу мы проговорили. Онъ съ живымъ участіемъ вспоминалъ о Россіи и въ особенности о Москвѣ, очень жалѣлъ, что принужденъ жить вдали отъ родины, и спрашивалъ меня: есть ли какая-нибудь надежда, что отцу его будетъ позволено когда-нибудь возвратиться въ отечество. Конечно, я не могъ сказать на это ничего опредѣленнаго.

Въ Англіи прожилъ я двѣ недѣли и во все это время почти каждый день видался съ Герценомъ: съ ранняго утра до седьмаго часа обыкновенно я гулялъ по Лондону, осматривалъ его достопримѣчательности и ѣздилъ по окрестно-

стямъ, въ Гринвичъ, Ричмондъ, Виндзоръ, а затѣмъ отправлялся обѣдать и ночевать въ Пётней. Послѣобѣденныя бесѣды въ кабинетѣ Герцена, за бутылкой шампанскаго, продолжались съ тѣмъ же одушевленіемъ и интересомъ. Александръ Ивановичъ любилъ разсказывать о своемъ ссыльномъ житьѣ-бытьѣ въ Вяткѣ, Владимірѣ и Новгородѣ и при этомъ приводилъ много анекдотовъ изъ провинціальныхъ нравовъ, которые въ его своеобразномъ разсказѣ получали особенный интересъ. Большая часть этого вошла въ его записки, изданныя потомъ подъ заглавіемъ „Былое и думы", но нѣкоторые изъ слышанныхъ мною отъ него комическихъ анекдотовъ, кажется, не появлялись въ печати.

Онъ разсказывалъ, напримѣръ, что, въ бытность его во Владимірѣ, губернатору нужно было по какому-то дѣлу сдѣлать визитъ пріѣхавшей въ городъ старухѣ-помѣщицѣ, и онъ сказалъ объ этомъ безъ всякой задней мысли полицеймейстеру, а тотъ, можетъ быть, уже съ задней мыслью насчетъ чистоты и *трезвости* улицъ, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать начальникъ губерніи, сообщилъ о предстоящемъ визитѣ частному приставу. Этотъ съ своей стороны передалъ слова полицеймейстера квартальному въ такой неясной или, можетъ быть, наставительной редакціи, что исполнительный полицейскій чиновникъ тотчасъ же отправился къ старухѣ и взялъ съ нея подписку о невыѣздѣ изъ города впредь до распоряженія господина губернатора. Съ большимъ комизмомъ разсказывалъ также Герценъ забавный анекдотъ, слышанный имъ въ Новгородѣ отъ сослуживцевъ. Въ одномъ изъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи начальникъ инвалидной команды проходилъ однажды черезъ пустырь, который изъ вѣжливости величался площадью. Тутъ, у дома городничаго, бродили индюшки, и передъ ними, распустивъ вѣеромъ хвосты и растопыря крылья, двигалось строемъ съ полдюжины индѣйскихъ пѣтуховъ. Поровнявшись съ ними, офицеръ изъ шалости поднялъ руку подъ козырекъ фуражки и крикнулъ: „здорово, ребята!" Индюки, подобравъ мгновенно крылья и вытянувъ шеи, дружно откликнулись на привѣтствіе своимъ громкимъ бормотаньемъ. Городничій видѣлъ это и тотчасъ же послалъ въ Новгородъ рапортъ „о происшествіи", донося, что начальникъ инвалидной команды издѣвается надъ военной службою и дерзнулъ осмѣивать высочайшіе смотры и парады.

Насмѣшливое и даже враждебное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей общественной жизни и рѣзкія на-

падки на грубость и произволъ властей не мѣшали Герцену любить Россію и вспоминать съ горячимъ сочувствіемъ о многихъ подробностяхъ изъ своего прошлаго. Съ особенной любовью говорилъ онъ о московскомъ университетѣ и томъ литературномъ кружкѣ, въ которомъ сблизился съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ. О славянофильской партіи онъ отзывался уже не съ тою рѣзкостью, какой прежде отличались его нападки на людей этого направленія. Смѣясь надъ ихъ стремленьемъ возвратиться „къ допетровской лежанкѣ“ и оттуда бесѣдовать съ народомъ, облачась въ охабень и мурмолку, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость патріотизму и талантливости Хомякова, Аксаковыхъ. Я замѣтилъ даже, что въ это время Герценъ по нѣкоторымъ своимъ сужденіямъ приближался къ той партіи, которую прежде такъ безпощадно осмѣпвалъ. Въ его взглядахъ на русскій народный характеръ, на общину и круговую поруку было много общаго съ славянофильскими журналами; а отзывы его о европейскомъ обществѣ въ отношеніи къ явленіямъ, возникшимъ послѣ событій 1848 и 1849 годовъ, невольно напоминали извѣстныя іереміады о гніющемъ Западѣ. Что касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ, то во всѣхъ главныхъ основаніяхъ его онъ прямо примыкалъ къ славянофиламъ. Мнѣ думается, что впослѣдствіи онъ могъ бы согласиться и съ другими принципами этой партіи, за исключеніемъ развѣ ея религіозныхъ убѣжденій.

Меня удивлялъ только односторонній взглядъ Герцена на польское дѣло. Въ этомъ вопросѣ онъ никакъ не могъ примириться съ историческимъ фактомъ паденія Польши, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея собственнаго анархическаго строя, и настаивалъ на возможности ея самостоятельнаго возрожденія. По его мнѣнію, народная и государственная совѣсть Россіи будто бы обязывала ее развязаться съ Польшею и дать ей полную независимость. Это убѣжденіе Герцена, которое впослѣдствіи отшатнуло отъ него людей, искренно уважавшихъ его талантъ и личность, казалось мнѣ тѣмъ непонятнѣе, что онъ самъ былъ невысокаго мнѣнія о полякахъ. Онъ прямо говорилъ мнѣ, что изъ всей толпы польскихъ эмигрантовъ зналъ только двухъ истинно порядочныхъ людей — Ворцеля и Свентославскаго. Помню, какъ желчно смѣялся онъ надъ низкопоклонствомъ поляковъ передъ Мицкевичемъ на какой-то агитаціонной сходкѣ и надъ ихъ поклоненіемъ Наполеону, культъ котораго, по его выраженію, довели они до какого-то мистическаго фетишизма. Надобно видѣть, говорилъ онъ, съ какимъ комиче-

*

скимъ благоговѣніемъ подходитъ полякъ въ Hôtel des Invalides къ гранитной гробницѣ Наполеона и какъ набожно опускаетъ глаза передъ этою святая-святыхъ. А между тѣмъ это были люди, которые громко заявляли о своемъ отреченіи отъ всякихъ авторитетовъ.

Александръ Ивановичъ много разсказывалъ о своей жизни въ Италіи и Франціи во время революціи и наступившей затѣмъ реакціи, и однажды прочелъ мнѣ главу изъ своихъ записокъ, напечатанную впослѣдствіи въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Былое и думы“. Онъ думалъ одно время написать обличительный памфлетъ: Les refugiés peints par eux mêmes, но рѣшился ограничиться этой болѣе спокойной, но все же не лестной для многихъ статьей. Правда, онъ съ уваженіемъ относился къ нѣкоторымъ лицамъ, игравшимъ выдающуюся роль въ событіяхъ или публицистической борьбѣ той эпохи, какъ, напримѣръ, Маццини, Гарибальди, Прудонъ, но вообще разноплеменные революціонеры и эмигранты представлялись въ его разсказѣ далеко не въ привлекательномъ видѣ. Особенно смѣялся онъ надъ тѣми французскими и нѣмецкими скитальцами, которыхъ называлъ кофейными агитаторами и хористами революціи.

— Для этихъ революціоннаго дѣла подмастерьевъ, говорилъ онъ, свобода и деспотизмъ безразличны: для нихъ баррикады, какъ искусство для искусства, нужны только для самаго процесса криковъ и стрѣльбы.

Герценъ съ отвращеніемъ вспоминалъ о грубости и угловатости нѣмцевъ-агитаторовъ и съ сожалѣніемъ отзывался о легкомысленной самонадѣянности эмигрантовъ-французовъ, которые и въ изгнаніи не переставали питаться несбыточными иллюзіями. Но онъ съ уваженіемъ относился къ итальянцамъ. Лучшими днями его заграничной жизни, по его словамъ, были тѣ, которые онъ провелъ въ Италіи, а самыми симпатичными людьми — итальянскіе борцы за свободу своего отечества. Это, говорилъ онъ, не революціонные буршы и не бульварные клубисты, а люди, понимающіе, чего хотятъ и за что борются.

Мнѣ пришлось видѣть одного изъ эмигрантовъ, котораго особенно любилъ Герценъ. Однажды послѣ обѣда Александръ Ивановичъ, особенно весело настроенный въ этотъ вечеръ, вспомнилъ о своихъ московскихъ развлеченіяхъ и предложилъ спѣть хоромъ русскую пѣсню. Всѣ мы, не исключая дѣтей, усѣлись на коврѣ въ два ряда, лицомъ одни къ другимъ, изображая такимъ образомъ лодку, и затянули, какъ умѣли: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Въ

шумѣ этого патріотическаго упражненія мы не слыхали, что на дворъ въѣхали гости, и замѣтили ихъ только тогда, какъ они вошли уже въ залу. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчиво-кроткимъ лицомъ, въ темносѣромъ фракѣ, какіе надѣваютъ при верховой ѣздѣ, а съ нимъ, закинувъ на руку тренъ синей амазонки, шла молодая, стройная женщина въ фетровой шляпкѣ, изъ-подъ которой опускались бѣлокурые локоны. Всѣ мы поднялись.

— Что это такое? спросилъ съ улыбкой гость.

— C'est un chant des brigands du Volga! отвѣтилъ Герценъ, смѣясь и протягивая руку пріѣзжимъ: намъ хотѣлось спѣть ее на берегахъ Темзы.

Это былъ Саффи, одинъ изъ тріумвировъ, который во время недолгаго существованія римской республики послѣ бѣгства Пія IX, стоялъ вмѣстѣ съ Маццини и Армелини во главѣ временнаго правительства и организовалъ оборону Рима отъ французовъ въ 1849 году. Молодая дама, съ которою онъ пріѣхалъ, была его невѣста, родомъ шотландка. Гости просидѣли съ полчаса и уѣхали. Герценъ, сколько я замѣтилъ, очень любилъ Саффи и считалъ его самой симпатичной личностью изъ всѣхъ знакомыхъ итальянцевъ. Онъ съ одушевленіемъ говорилъ о его беззавѣтной преданности родной странѣ и о томъ, что этотъ человѣкъ вынесъ послѣ того, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ Гарибальди покинуть Римъ.

Однажды Герценъ спросилъ меня, что я успѣлъ осмотрѣть въ Лондонѣ. Когда я сказалъ, между прочимъ, что еще не былъ въ Британскомъ Музеѣ, онъ предложилъ ѣхать туда вмѣстѣ. Конечно, я былъ очень радъ. Britisch Museum, безъ сомнѣнія, одно изъ учрежденій, которыми имѣютъ право гордиться англичане. Мы подъѣхали къ огромному двухъ-этажному зданію, окаймленному съ улицы красивой чугунной рѣшеткой. Входъ открытъ безъ всякихъ формальностей, за исключеніемъ читальной залы, куда допускаются только съ билетами или рекомендательными письмами отъ лицъ извѣстныхъ главному библіотекарю. Осматривающимъ музей не позволяется снимать шляпъ, чтобы они по неосторожности чего-нибудь не попортили. Въ залахъ разставлены диваны для отдыха, и расхаживаютъ сторожа въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Мы поднялись сначала въ верхній этажъ. Прежде всего открываются зоологическій и минералогическій кабинеты, удивительные по количеству и разнообразію собранныхъ коллекцій, а затѣмъ слѣдуетъ

отдѣлъ допотопныхъ ископаемыхъ. Тутъ вы видите цѣльные скелеты мастодонтовъ и мегатеріевъ, уцѣлѣвшіе отъ антиделювіальной эпохи, оттиски на каменныхъ глыбахъ чудовищныхъ формъ ихтіосавровъ и плезіосавровъ и наконецъ остовъ первобытнаго человѣка, рѣзко отпечатавшійся на большой плитѣ твердой известковой породы. Обзоръ этихъ галлерей съ такимъ знатокомъ естественныхъ наукъ, какъ авторъ „Писемъ объ изученіи природы“, былъ для меня въ высокой степени интересенъ при его дѣльныхъ и остроумныхъ замѣчаніяхъ.

Въ другой половинѣ верхняго этажа вы входите сперва въ отдѣлъ египетскихъ древностей, гдѣ въ особенности замѣчательно собраніе мумій во всѣхъ видахъ—то окутанныхъ въ погребальные покровы, то съ полуоткрытыми верхними пеленами и наконецъ совершенно обнаженныхъ. Затѣмъ идутъ залы этрусскихъ, греческихъ и римскихъ древностей, наполненныя множествомъ всевозможныхъ античныхъ вещей, наглядно переносящихъ васъ въ жизнь древняго міра. Но едва-ли не болѣе богата и любопытна слѣдующая затѣмъ галлерея этнографическая. Здѣсь, кажется, собраны предметы всѣхъ народностей земнаго шара, какъ существующихъ, такъ и исчезнувшихъ: одежды, оружіе, лодки, музыкальные инструменты китайцевъ, индусовъ, полинезійцевъ, древнихъ мексиканцевъ и перуанцевъ. Между прочимъ тутъ есть нарядъ туземцевъ Новой Зеландіи, сплетенный изъ тонкихъ веревокъ, одежда отаитянъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, идолы съ Сандвичевыхъ острововъ, съ огромными головами, у которыхъ глаза сдѣланы изъ раковинъ, а на мѣсто зубовъ вставлены рыбьи кости.

Отсюда мы спустились въ нижній этажъ, гдѣ помѣщаются историко-художественныя коллекціи Музея. Въ трансептѣ расположены разнообразные памятники ассирійскаго искусства, а влѣво и вправо идутъ съ одной стороны залы античной скульптуры, установленныя статуями, саркофагами, капителями и цѣлыми колоннами изъ древнихъ храмовъ, а съ другой стороны знаменитая галлерея лорда Эльджина съ сокровищами, вывезенными имъ изъ аѳинскаго Акрополя. Этотъ отдѣлъ въ особенности интересовалъ Герцена. Дѣйствительно, при видѣ собранныхъ тутъ вѣковѣчныхъ памятниковъ, чувство наслажденія смѣшивается съ негодованіемъ: изумляешься человѣческому генію и видишь человѣческое варварство. Предъ вами идеалы высшей красоты, но испорченные и обезображенные. Фризы и барельефы съ Парѳенона, каріатиды изъ храма Эрихтея, статуи съ Тразивулова

монумента и другихъ аѳинскихъ памятниковъ всѣ страшно пострадали: нѣтъ ни одной совершенно цѣльной фигуры; у немногихъ торсовъ остались головы и руки, да и тѣ повреждены. Однѣ потерпѣли отъ фанатизма древнихъ христіанъ и нашествія разныхъ варваровъ на Элладу, другія испорчены при снятіи съ Акрополя и при перевозкѣ въ Англію. Герценъ напомнилъ мнѣ чье-то выраженіе: quod non fecerunt Goti, hoc fecerunt Scoti, и то негодованіе, какимъ Байронъ, въ сатирѣ „The curse of Minerva“, заклеймилъ грабителя Аѳинъ, шотландца Эльджина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійское правительство, уплатившее ему тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ за похищенныя имъ въ Греціи сокровища. Но странное дѣло: какъ ни изуродованы эти статуи—онѣ обаятельно привлекаютъ васъ. Смотришь на уцѣлѣвшій женскій торсъ съ туникой, охватывающей живописными складками грудь, и кажется, будто видишь самое лицо богини и даже его выраженіе. Тутъ не одинъ художникъ чувствуетъ благоговѣніе передъ святыней красоты.

— Я уже нѣсколько разъ былъ въ Эльджинской галлереѣ, замѣтилъ Герценъ, и всегда выношу изъ нея новое наслажденіе и примиряющее чувство жизненнаго довольства.

Александръ Ивановичъ, между прочимъ, говорилъ, что еще не бывалъ въ Тоуэрѣ. Я предложилъ ему теперь же посмотрѣть знаменитую крѣпость, памятную въ англійской исторіи кровавыми драмами. Мы взяли кэбъ и черезъ полчаса уже были передъ этой массой безобразно нагроможденныхъ строеній разнаго стиля, надъ которыми возвышается такъ называемая Бѣлая Башня, построенная Вильгельмомъ Завоевателемъ. При входѣ взяли съ насъ по шиллингу, и проводникъ въ красномъ камзолѣ и беретѣ, съ вышитымъ золотомъ гербомъ на груди и на спинѣ, повелъ насъ по заламъ, галлереямъ и капелламъ и, наконецъ, въ ту историческую тюрьму, гдѣ жили и простились съ жизнью столько государственныхъ людей доброй старой Англіи. Мы устали бродить по этому громадному лабиринту. Прославленныя Crown jewels, или государственныя драгоцѣнности, на мой взглядъ, уступаютъ тому, что хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Зато тутъ много исторической старины. Нашъ красный проводникъ съ особымъ участіемъ обращалъ почему-то вниманіе на плаху, бывшую на эшафотѣ при казни Анны Болэнъ, и на топоръ, которымъ отрублена была голова графа Эссексъ. Въ заключеніе онъ указалъ на ружья и колокола, привезенные изъ Бомарзунда въ качествѣ русскихъ трофеевъ.

— Да это не русскіе колокола, сказалъ Герценъ:—на нихъ шведская надпись!

Въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но англичанинъ нашъ не повѣрилъ и посмотрѣлъ на насъ съ неудовольствіемъ, какъ будто мы покушались отнять эту славную добычу.

Въ этотъ день я не поѣхалъ въ Пётней, а провелъ вечеръ въ Lyceum Theatre, гдѣ въ первый разъ видѣлъ извѣстную Ристори. На меня она не произвела особеннаго впечатлѣнія, и Герценъ, при разговорѣ объ этомъ, сказалъ, что, по его мнѣнію, Ристори безъ сравненія ниже Рашели.

Меня интересовало мнѣніе Александра Ивановича объ Англіи, и мы много говорили объ этомъ, какъ на вечернихъ бесѣдахъ въ Пётнеѣ, такъ и во время нашихъ прогулокъ по Лондону. Онъ далеко не восхищался ея политическимъ и общественнымъ строемъ, но относился къ англичанамъ не съ такой желчью и насмѣшками, какъ къ нѣмцамъ и французамъ. Настоящее положеніе Англіи онъ сравнивалъ съ вулканомъ, который еще только дымится и далекъ отъ изверженія, хотя когда-нибудь взрывъ его и превзойдетъ всѣ другія общественныя потрясенія. Опасность, говорилъ онъ, не въ отпаденіи нищей и безсильной Ирландіи, чего такъ боятся, и не въ отдѣленіи Индіи, что можетъ случиться развѣ въ далекомъ будущемъ. Гроза подготовляется, какъ онъ выразился, не въ центростремительномъ, а въ центробѣжномъ направленіи.

— Мы вотъ видѣли съ вами у Сенъ-Джемскаго парка старуху, въ великолѣпномъ экипажѣ, съ лакеями и кучерами въ завитыхъ, напудренныхъ парикахъ. Это, если не ошибаюсь, герцогиня Аргайль. У нея въ Лондонѣ нѣсколько собственныхъ улицъ, а въ провинціяхъ десятокъ замковъ и сотня тысячъ акровъ земли. А вы мнѣ говорили, что въ самыхъ людныхъ частяхъ города видѣли людей въ такихъ лохмотьяхъ, какими побрезгуетъ и ветошникъ, разгребающій сорныя ямы. Вотъ въ этихъ-то двухъ крайностяхъ, болѣе рѣзкихъ здѣсь, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, и скопляются элементы неминуемаго взрыва. Онъ давно бы уже и разразился, еслибы англичане не принимали мѣръ противъ грозящей катастрофы: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столькихъ благотворительныхъ заведеній. Общество тратитъ на это громадныя суммы, но пролетаріатъ ростетъ, и голодная нищета все съ большей ненавистью проходитъ мимо аристократическихъ дворцовъ и роскошныхъ магазиновъ и сурово посматриваетъ на людей, задыхающихся въ излишествахъ.

Хорошо помню я и то, что Герценъ говорилъ объ ан-

глійской конституціи. По его мнѣнію, не смотря на средневѣковыя формы этой государственной машины и монархическій подборъ ея ржавыхъ колесъ, смазываемыхъ отъ времени до времени смягчающими биллями, въ англійскомъ правительствѣ болѣе республиканскихъ элементовъ, чѣмъ въ блаженной памяти французскихъ учредительныхъ собраніяхъ и конвентахъ.

— Французы по натурѣ монархисты, говорилъ онъ: ихъ попытки основать республику всякій разъ напоминаютъ латинскую пословицу: parturiunt montes, nascitur mus. Послѣ первой революціи, не смотря на всю народную энергію, гора родила мышь, которая и попалась тотчасъ въ лапы корсиканскаго кота; а теперь вотъ новая республика задохлась въ ловушкѣ, въ которую заманила ее буржуазія. Такъ и всегда будетъ у французовъ, при ихъ поклоненіи авторитетамъ и любви къ казарменнымъ порядкамъ. Англичанъ не собьешь съ толку шаблонными эффектами и либерально-трескучимъ краснобайствомъ; у нихъ уваженіе къ личности создало больше республиканскихъ устоевъ и въ частномъ быту, и въ общественной жизни.

— Однако жъ у этихъ республиканцевъ есть королева, замѣтилъ я, и кажется, они любятъ ее.

— Что же такое? отвѣчалъ онъ: это только прихоть великой націи...

Герценъ сознавался, что ему многое не по душѣ въ Англіи, но въ ней, говорилъ онъ, свободномыслящему человѣку живется покойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на континентѣ, не исключая и Швейцаріи. Наполеонъ III успѣлъ выжить изъ Женевы непріятныхъ ему людей, но здѣсь никакія его угрозы не заставятъ правительство предпринять какія-нибудь насильственныя мѣры противъ французскихъ эмигрантовъ. Здѣсь не придетъ къ вамъ, какъ напримѣръ, въ Парижѣ, полицейскій коммиссаръ освѣдомиться, съ какой цѣлью вы участвовали въ какомъ-нибудь митингѣ. Англійскій законъ одинаково всѣхъ связываетъ и всѣхъ равно охраняетъ. Разумѣется, есть законы стѣснительные и даже нелѣпые, но подчиненіе имъ менѣе тягостно, когда знаешь, что они обязательны для всѣхъ. При этомъ Александръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ любопытный случай, характеризующій англійскіе нравы.

Однажды принцъ Альбертъ катался въ кабріолетѣ по зарѣчной части города и хотѣлъ возвратиться въ Букингэмскій дворецъ по Ватерлоскому мосту. Мостъ этотъ построенъ былъ частной компаніей съ правомъ пользоваться

въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ опредѣленнымъ сборомъ съ проходящихъ и проѣзжающихъ. Срокъ контракта еще не кончился. Когда принцъ подъѣхалъ къ барьеру, мостовой сборщикъ подошелъ получить обычный пенни, назначенный по таксѣ за проѣздъ въ экипажѣ. Оказалось, что у принца Альберта не было съ собою денегъ.—Ты меня знаешь, сказалъ онъ сторожу: пропусти, я пришлю деньги.—Сэръ, отвѣчалъ тотъ, въ такомъ-то параграфѣ данной намъ инструкціи предписывается брать мостовую плату при самомъ проходѣ и проѣздѣ.—Такъ вотъ возьми это въ обезпеченіе, сказалъ принцъ, подавая ему свои часы.—Сэръ, возразилъ сборщикъ, въ такомъ-то параграфѣ нашей инструкціи запрещается принимать заклады.—И супругъ королевы Викторіи долженъ былъ повернуть назадъ и переѣхать черезъ Темзу по другому мосту.

—Конечно, это мелочная ненужность, говорилъ Герценъ, но она показываетъ, въ какой степени дорожатъ здѣсь законностью. Въ этомъ, разумѣется, не мало напускнаго педантизма, а все же вы здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь чувствуете уваженіе къ человѣческой личности.

Однимъ изъ пріятныхъ дней моего житья въ Англіи была поѣздка съ Герценомъ и Огаревымп въ Сиденгэмъ на большой музыкальный праздникъ въ Кристальномъ дворцѣ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ я уже слышалъ, что Общество Sacred harmonie устроиваетъ концертъ-монстръ изъ произведеній Генделя, котораго англичане считаютъ своимъ величайшимъ композиторомъ, хотя онъ былъ родомъ нѣмецъ и только провелъ нѣсколько лѣтъ и умеръ въ Англіи. Наконецъ явились афишп съ извѣщеніемъ, что 15 іюня н. с. въ Сиденгэмскомъ дворцѣ назначенъ Grand Handel festival, на которомъ исполнена будетъ знаменитая его ораторія „Мессія“. Мнѣ хотѣлось быть на этомъ праздникѣ, и я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Николая Платоновича Огарева ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Герценъ сначала отказывался отъ этой поѣздки, но по просьбѣ мадамъ Огаревой согласился быть нашимъ товарищемъ. Въ одиннадцать часовъ мы были уже на желѣзно-дорожной станціи у Лондонскаго моста, откуда отправляются поѣзда въ Сиденгэмъ. Нигдѣ я не видалъ такого движенія, какъ на этомъ семимильномъ клочкѣ рельсоваго пути. Такъ какъ билеты на концертъ заранѣе продавались въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ платой за входъ оплачивался и проѣздъ, то пассажиры шли прямо на платформу, моментально наполняли вагоны, и поѣздъ уходилъ, а за нимъ являлся другой, такъ же быстро

забиралъ массу народа и мчался за первымъ, очищая мѣсто новому поѣзду съ десятками вагоновъ. Нѣсколько поѣздовъ шло въ близкомъ разстояніи, на виду одни у другихъ, такъ что это казалось какою-то непрерывною процессіею дымящихся локомотивовъ, влекущихъ за собой длинные хвосты безчисленныхъ экипажей.

— Посмотрите, какая прелесть! сказалъ Герценъ, указывая въ окно вагона.

Я выглянулъ. Сиденгэмскій Кристальный дворецъ, эта довольно безвкусная громада безчисленныхъ стеколъ въ чугунныхъ скрѣпленіяхъ и переплетахъ, при блескѣ лѣтняго солнца, казался издали причудливымъ видѣніемъ изъ волшебныхъ сказокъ. Весь онъ, прозрачный и сіяющій, походилъ на какую-то исполинскую игрушку, изваянную изъ чистаго кристалла.

Не смотря на то, что на праздникъ съѣхалось, какъ потомъ писали въ газетахъ, болѣе двадцати пяти тысячъ человѣкъ, благодаря указаніямъ, напечатаннымъ на билетахъ, не было никакой тѣсноты и безпорядка ни при входахъ въ трансепты, ни при занятіи мѣстъ. Галлереи дворца до того обширны, что въ антрактахъ между частями ораторіи половина публики прогуливалась здѣсь безъ всякаго стѣсненія. За нѣсколько минутъ до начала концерта пріѣхала королева Викторія съ принцемъ Альбертомъ. При входѣ ихъ всѣ поднялись, и многотысячная масса, болѣе съ усердіемъ, чѣмъ съ умѣньемъ и стройностью, запѣла God save the Queen. Мы занимали мѣсто недалеко отъ прохода, и я хорошо видѣлъ королеву. Не смотря на то, что въ это время ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, она казалась стройной, изящной женщиной, въ полномъ цвѣтѣ красоты. Принцъ былъ также очень красивый мужчина. Они вошли въ ложу и поклонились голосящей публикѣ.

Фестиваль исполнялся въ большомъ трансептѣ Кристальнаго дворца. Въ глубинѣ этой громадной залы устроенъ былъ амфитеатръ, на которомъ помѣщалось двѣ тысячи пѣвцовъ и пятьсотъ музыкантовъ. Передъ нижнимъ уступомъ стоялъ колоссальный органъ, въ 30 футовъ длиною, нарочно сдѣланный для этого музыкальнаго торжества. Ораторія началась, какъ было объявлено, ровно въ часъ. Оркестромъ и хорами управлялъ Коста, а басовыя партіи пѣлъ знаменитый Формесъ, извѣстный петербургской публикѣ своимъ могучимъ голосомъ въ роляхъ Оровеза и Марселя. При такомъ грандіозномъ исполненіи знаменитая „Мессія“ Генделя производитъ сильное впечатлѣніе, хотя по своей об-

ширности утомляетъ не особенно увлекающихся духовной музыкой. Огаревы все время оставались въ залѣ, а Герценъ послѣ второй части ораторіи сказалъ, что усталъ, и мы пошли бродить по музеямъ Кристальнаго дворца, а оттуда спустились въ садъ съ фонтанами и цвѣтниками. Александръ Ивановичъ говорилъ, что онъ промѣняетъ всѣ эти ораторіи на двѣ-три оперы Россини и Мейербера.

Не разъ въ Пётнеѣ завязывался у насъ разговоръ о поэзіи. Однажды я засталъ Герцена въ кабинетѣ съ книжкою Байрона въ рукахъ. Когда я замѣтилъ, что не ожидалъ встрѣтить его за чтеніемъ давно знакомаго поэта, онъ спросилъ: А знаете ли вы мою статью „Записки одного молодаго человѣка"? Я отвѣчалъ, что читалъ ее когда-то и помню, что онъ разсказалъ въ ней впечатлѣнія своей молодости.— Такъ не хотите ли, я прочту изъ нея страницу, которая будетъ моимъ отвѣтомъ на ваше замѣчаніе?— Я попросилъ его объ этомъ. Онъ досталъ изъ шкапа книгу и прочиталъ мнѣ выдержку изъ своей статьи. Потомъ я пріискалъ ее въ собраніи его сочиненій. Вотъ эта страница. „У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maëstri: Гёте, Шекспира, Пушкина, Вальтеръ-Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно „украсить" свой умъ произведеніями гг. А. В. С.?— Да въ томъ-то и дѣло, что не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно живыхъ произведеніяхъ маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю привычки перечитывать: по этому я наглядно измѣряю свое возростаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности, и надъ Моромъ, Позой выставилась мрачная, задумчивая тѣнь Валленштейна, и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы—и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей... Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть. Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это у него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Грецiя развилась, она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Эврипидомъ, Эсхиломъ повторила образы, завѣщенные колыбельной пѣснею ея, Иліадой; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ посвоему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками — Расиномъ; потомъ падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ

Германія возсоздала своимъ Гёте Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его"...

— Послѣ того, что я пережилъ въ недавніе годы, сказалъ Герценъ, бросивъ книгу, необходимо перечитать Байрона. Въ немъ выступаютъ теперь стороны, которыя прежде заслонялись. Въ молодости мы увлекались разочарованнымъ Чайльдъ-Гарольдомъ, да приключеніями Донъ-Жуана, а теперь изъ-за нихъ выдвигается оскорбленный и мстящій Марино Фальеро, за нимъ встаетъ Каинъ во всей дерзости мучительнаго сомнѣнія и холоднаго отрицанія, а затѣмъ все завершается страшной картиной The Darkness. Перечитывая все это, повѣряешь свое сердце, свою любовь и злобу, и все яснѣе понимаешь, что Байронъ послѣдній представитель нашей эпохи, и послѣ него, безъ какого-нибудь соціальнаго обновленія общества, невозможна уже никакая поэзія, кромѣ развѣ ироніи Гейне.

Это была моя послѣдняя бесѣда съ Герценомъ.

Давнишнее желаніе побывать въ Италіи и Греціи не позволило мнѣ долго оставаться въ Англіи. Но двѣ недѣли, проведенныя мною въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, и особенно знакомство съ Герценомъ и пріятные вечера въ Пётнеѣ,— были самыми свѣтлыми эпизодами моей заграничной поѣздки. Подробности этихъ дней живо остались въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что во все время я велъ дневникъ и постоянно записывалъ свои впечатлѣнія. При послѣднемъ свиданіи Александръ Ивановичъ подарилъ мнѣ на память свои „Письма изъ Франціи и Италіи"—по моему мнѣнію, лучшее и самое сердечное изъ его сочиненій, въ которомъ вполнѣ выразились его блестящій талантъ и характерная личность. Послѣ этого недолгаго знакомства мнѣ не пришлось уже болѣе видѣть Герцена.

А. МИЛЮКОВЪ.

МОЛОДЕЖЬ [1].

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI.

Когда Олли вернулась домой, Марья Борисовна встрѣтила ее недовольнымъ восклицаніемъ:—Гдѣ ты пропадала такъ долго? Опять у этихъ Непрядвиныхъ была?

— Да, я сейчасъ отъ нихъ,—былъ спокойный отвѣтъ дѣвочки, не лгавшей никогда.

— Хорошо ты меня слушаешься!—раздраженнымъ голосомъ продолжала Марья Борисовна.—Сколько разъ я тебѣ твердила...

— Вы знаете, мама, что кромѣ Наташи у меня подругъ нѣтъ, все съ тѣмъ же спокойствіемъ возразила Олли, и мать ея тотчасъ смолкла передъ этимъ напоминаніемъ ихъ измѣнившагося общественнаго положенія, благодаря которому были порваны всѣ ихъ прежнія связи. Олли считала себя вправѣ не слушаться матери, когда изъ-за слѣпой и упрямой ненависти къ Наташѣ Марья Борисовна ей запрещала видѣться съ ея единственнымъ другомъ. За то дѣвочка и не скрывала отъ матери своего непослушанія. Гнѣвныя вспышки матери она встрѣчала съ молчаливой почти-

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“, кн. XI.

тельностью, спокойно отстаивая юную свою самостоятельность. А вспышки эти повторялись все чаще и чаще. Рѣзкій переломъ въ жизни тяжело отразился на характерѣ Мери. Разставаясь съ привычной обстановкой, она не задумывалась надъ тѣмъ, что ожидало ее впереди. Гнѣвъ и отчаяніе придавали ей силы, и подвигъ самоотреченія—первый и единственный подвигъ въ своей жизни—Мери совершила также необдуманно и быстро, какъ прежде она принимала любое изъ своихъ рѣшеній. Она, конечно, знала, что отъ многаго, очень многаго, ей придется теперь отказаться. Но сперва ее даже тѣшила мысль о предстоявшихъ лишеніяхъ. Въ нихъ была и какая-то очистительная жертва за прошлое, и какой-то мстительный вызовъ мужу. Въ минуту полнаго крушенія ея надеждъ на будущее, у нея, по крайней мѣрѣ, оставалось одно—гордое сознаніе своего нравственнаго превосходства. Но этого утѣшенія не на долго хватило. Прошлая ея жизнь до того избаловала Мери, до того походила на ровную ѣзду въ экипажѣ съ отличными рессорами, что про трудности и неровныя дороги она не имѣла никакого понятія. И споткнуться ей пришлось какъ разъ на самыхъ простыхъ, на самыхъ обыденныхъ затрудненіяхъ. Еслибы ей понадобились самоотверженныя, даже геройскія усилія, она, можетъ быть, стойко выдержала бы свою роль, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Но предстоявшія ей задачи не требовали никакого геройства: это были все мелочные, обыденные вопросы о деньгахъ, объ устройствѣ жизни по-новому, о наймѣ квартиры и прислуги,—вопросы съ перваго взгляда не трудные, но заставшіе Марью Борисовну совсѣмъ неподготовленною. Она въ сущности вовсе не знала, во что обходится такая-то обстановка и какъ можно устроиться на опредѣленную сумму. Она говорила себѣ, конечно, что прежнихъ удобствъ, прежней роскоши уже не будетъ, но въ чемъ именно ей придется отказывать себѣ, она опредѣлить не умѣла. Бѣда была въ томъ, что Мери не подозрѣвала вовсе, какъ велика была ея прежняя роскошь и какъ недоступны для огромнаго большинства людей такія вещи, которыя ей казались совершенно необходимыми. Ея собственное небольшое имѣніе аккуратно давало пять съ половиной тысячъ въ годъ, и эта небольшая сумма до сихъ поръ незамѣтно терялась въ безпорядочныхъ расходахъ Столѣпинскаго дома. Теперь на эту сумму приходилось жить, то есть оплачивать изъ нея наличными деньгами такія статьи своего бюджета, о стоимости которыхъ

Марья Борисовна имѣла очень смутныя понятія. Баронъ Гейзенъ, человѣкъ практическій и смышленый, какъ всѣ люди, прошедшіе сквозь огонь и воду, пріискалъ ей очень уютную квартирку за полторы тысячи въ годъ въ третьемъ этажѣ очень приличнаго дома на Торговой. Квартирка эта съ окнами, выходившими на солнце, глядѣла даже очень нарядно, когда ее отдѣлали коврами и мебелью изъ Столѣпинскаго дома. И Марьѣ Борисовнѣ ея новоселье въ первые дни сперва даже понравилось. Правда, было какъ-то смѣшно и тѣсно въ этихъ шести небольшихъ комнаткахъ, послѣ широкихъ размѣровъ Столѣпинскаго палаццо на Милліонной, но самая эта тѣснота служила живымъ доказательствомъ добровольно принятаго отреченія. А такъ какъ тутъ подъ рукою были всѣ привычныя вещи,—и мебель, и картины, и бронза, и фарфоровыя бездѣлки,—отреченіе казалось не слишкомъ труднымъ. Марья Борисовна сознавала, что нельзя будетъ здѣсь принимать и давать обѣды—да кто же впрочемъ и даетъ обѣды въ такой конурѣ, гдѣ-то „au diable vert, dans la Colomna, un quartier impossible“. Нельзя будетъ тоже ѣздить въ театры и держать своихъ лошадей, и наконецъ,—это было всего важнѣе—заказывать платья не только въ Парижѣ, но даже у хорошихъ петербургскихъ портнихъ. „Eh bien, je porterai de toutes petites robes, comme une simple bourgoise“ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ говорила себѣ Марья Борисовна, воображавшая, что этимъ достигаются вершины человѣческихъ лишеній. Да на первое время и лишать себя не приходилось. Гардеробъ Марьи Борисовны былъ такъ великъ, что его могло хватить на долго. У Олли тоже не было недостатка въ хорошенькихъ платьицахъ. Вообще напрасно воображаютъ, что внезапное обѣдненіе рѣзко сказывается въ обстановкѣ: можно стоять на самомъ порогѣ нищеты и очень долго одѣваться нарядно и носить дорогія бездѣлки. Всего важнѣе было то, что парижская горничная Марьи Борисовны, ея знаменитая Victoire не покинула своей госпожи въ тяжелую минуту: „je suis trop dévouée à madame pour la quitter jamais“, объявила француженка, укладывая въ огромные ящики безчисленные наряды Мери. А Victoire была куда какъ мастерица кроить. Съ нею можно было, пожалуй, обойтись и безъ помощи модныхъ портнихъ.

Но главнаго, то-есть сущности безчисленнаго ряда мелочей, все-таки, Марья Борисовна не предвидѣла. Столъ—конечно самый скромный, завтракъ въ какія-нибудь два

блюда и обѣдъ въ четыре,—обходился слишкомъ по триста рублей въ мѣсяцъ, а когда ужаснувшаяся Мери сдѣлала повару рѣзкое замѣчаніе, онъ немедленно потребовалъ разсчета, не смотря на то, что уже цѣлыхъ пять лѣтъ служилъ у Столѣнинныхъ въ качествѣ помощника главнаго повара француза. Также поступилъ человѣкъ Никаноръ, тоже одинъ изъ прежнихъ столѣнинскихъ слугъ, когда ему былъ сдѣланъ выговоръ за поданный счетъ по части освѣщенія. Надо было пріискивать новыхъ людей, которые всѣ оказывались какими-то неотесанными, глупыми, словомъ „pas du tout stylés“, то-есть совсѣмъ не того пошиба, какой требуется въ порядочныхъ домахъ. А всего несноснѣе было то, что надо было вникать во всѣ эти ужасныя подробности счетовъ, узнавать цѣны такихъ предметовъ, какъ свѣчи и керосинъ, о которыхъ даже стыдно говорить людямъ ея круга, и вступать въ эти отвратительные споры о копѣйкахъ, да видѣть вокругъ себя постоянную наклонность къ воровству, „ce vice inherent au peuple russe“, какъ мысленно твердила Марья Борисовна. И въ концѣ концовъ, не смотря на всѣ усилія, не смотря на то, что Мери жила настоящей отшельницей, пять съ половиной тысячъ были истрачены въ первые же три мѣсяца, а къ новому году Мери была кругомъ въ долгу. И что это были за глупые, за презрѣнные долги—въ какія-то лавки, мясную и зеленную, да за какіе-то нелѣпые, грошевые предметы, въ родѣ сливокъ, керосина, хлѣба и тому подобнаго. Да и во всѣхъ этихъ лавченкахъ, о которыхъ прежде и слышать не доводилось, отказывались вѣрить въ долгъ, требуя немедленно денегъ. Занимать квартиру въ третьемъ этажѣ, на какой-нибудь Торговой, было совсѣмъ не то, что жить въ собственномъ домѣ на Милліонной.

Да, это было совсѣмъ не то и въ иномъ отношеніи. Марья Борисовна чувствовала себя будто сдвинутой съ привычнаго мѣста, и войти въ новыя рамки ей никакъ не удавалось. Съ ней происходило то, что случается съ растеніемъ, только-что пересаженнымъ въ свѣжую почву и, вдобавокъ, небрежною рукой плохаго садовника. Всѣ неуловимыя нити, связывавшія ее съ остальнымъ міромъ, словно порвались вдругъ, и самый воздухъ, которымъ ей дышалось на новомъ мѣстѣ, казался ей чужимъ и враждебнымъ. Прежніе друзья и знакомые не то, чтобы отвернулись отъ нея—напротивъ, въ ихъ обращеніи былъ какъ будто оттѣнокъ сострадательнаго участія. Напрасно думаютъ, что по-

теря состоянія непремѣнно влечетъ за собою и потерю общественнаго положенія. Въ свѣтѣ не мало очень небогатыхъ людей, окруженныхъ даже почетомъ. Свѣтское общество какъ будто намѣренно кичится передъ ними своимъ пренебреженіемъ къ деньгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ кумиръ, которому оно поклоняется всенародно, совсѣмъ не деньги, а тщеславіе. Но Марьѣ Борисовнѣ отъ того было не легче. Какъ ни старались ей показать, что никакой перемѣны съ нею не случилось, она сама чувствовала себя неловко среди прежнихъ друзей. Она будто стыдилась чего-то, сознавая, должно быть, про себя, что она можетъ, пожалуй, оставаться равноправнымъ членомъ своего круга, но что блестящая ея роль сыграна окончательно. Какъ устарѣвшая примадонна, она должна сойти со сцены или довольствоваться второстепенными партіями. А свѣтъ имѣлъ для нея прелесть и значеніе только пока она оставалась въ немъ своенравнымъ баловнемъ, которому позволено все. Безъ этого искусственнаго освѣщенія блеска и мотовства ея жизнь становилась безцвѣтною и тусклою, какъ театральная сцена, на которой только-что загасили огни.

Все это она, конечно, не почувствовала сразу. Щемящее горе разлуки съ любимымъ человѣкомъ заглушало въ ней всѣ прочія ощущенія, да и поддерживала ее гордая мысль ея побѣды надъ мужемъ и надъ собой. Кстати наступало лѣто, когда пріемовъ и выѣздовъ не бываетъ. Но гдѣ провести это лѣто? Уѣхать заграницу или нанять дачу ей было не по средствамъ. Къ счастью, друзья подоспѣли на помощь. Ея давнишняя пріятельница, графиня Татà, предложила Мери пріѣхать къ ней въ ея деревню, въ знаменитую Павловку, одно изъ причудливыхъ созданій Екатерининскаго вѣка. И какъ просто и радушно предложила это графиня, точно спрятавъ на этотъ разъ свои благовоспитанные когти, никогда прежде не щадившіе Мери. Въ Павловкѣ, отстоявшей всего часа два отъ Петербурга, такой прекрасный огромный домъ, что Мери будетъ чувствовать себя тамъ какъ нельзя лучше и, конечно, ужь никого не будетъ стѣснять. Тамъ она увидитъ своихъ обычныхъ друзей: Борисоглѣбскаго, Гейзена, Пестрецова и, благодаря этому, она почти не почувствуетъ случившейся перемѣны. Мери поѣхала въ Павловку, взявъ съ собою и Олли, но увы! перемѣна эта сказалась очень скоро и рѣзко, какъ разъ благодаря привычной обстановкѣ. Видѣть себя опять въ круговоротѣ оживленнаго бездѣлья, слушать знакомыя шутливыя рѣчи, и все

это въ чужомъ домѣ, гдѣ Мери чувствовала себя почти какою-то приживалкой, это разомъ освѣтило для нея пропасть, въ которую она скатилась. И какъ ни держались съ нею по-дружески просто и мило, ея болѣзненно чуткое ухо то и дѣло подмѣчало какой-то неуловимый оттѣнокъ покровительства. Она чувствовала себя развѣнчанной царицей, и та самая осторожность, съ которою избѣгали при ней упоминать о случившемся, о ея мужѣ, о Двинскомъ, вызывала въ ней обидчивую, болѣзненную раздражительность. Да, положеніе ея среди общества испорчено не потому только, что она бѣдна, а вслѣдствіе явной неловкости ея роли полуразведенной жены. Пока она была любовницей Юрія и всѣ про это знали, никто не думалъ явно осуждать ее. Еслибы она развелась съ мужемъ и вышла за другаго, даже по одной прихоти, безъ малѣйшаго повода со стороны Владиміра Валеріановича, такой поступокъ никого бы не возмутилъ, и сочувствіе общества было бы скорѣе на ея сторонѣ. Но теперь въ ея жизни было что-то ненормальное, что-то не подходящее подъ опредѣленную кличку, и всѣмъ какъ-то было съ нею неловко, потому что всѣ чувствовали, что сама она должна страдать отъ неопредѣленности своего положенія. Она въ сущности принадлежала теперь къ категоріи тѣхъ женщинъ, съ которыми можно позволять себѣ очень многое, которыя, въ силу какого-то признаннаго права, служатъ законною добычею для перваго встрѣчнаго. И та непринужденность обращенія, какую всѣ обыкновенно разрѣшаютъ себѣ съ такими женщинами, совсѣмъ уже не походила на прежнюю милую фамильярность, допущенную въ обществѣ Мери. Но въ то же время нельзя было говорить этимъ слегка презрительнымъ языкомъ съ той самой Марьей Борисовной, у которой всѣ они, и Борисоглѣбскій, и Гейзенъ, и Пестрецовъ, такъ недавно еще бывали въ качествѣ близкихъ друзей. И въ концѣ концовъ всѣ они хорошенько не знали, какъ держать себя съ нею, и оттого всѣмъ имъ было скучно и не по себѣ. Мери чувствовала это и раздражалась все болѣе. Ея нравъ становился неровнымъ. Она всѣмъ безпричинно говорила колкости, въ особенности графинѣ. И въ одинъ прекрасный день, послѣ маленькой стычки, въ которой Тата Блонская дала ей вѣжливо почувствовать, что въ ея новомъ положеніи надо держать себя скромнѣе, Мери открыто разссорилась съ бывшей пріятельницей и вернулась въ Петербургъ, не дождавшись конца лѣта.

Петербургъ ей показался ужаснымъ. Никогда прежде

она не проводила тамъ августъ и сентябрь, когда въ городѣ нѣтъ ни души, и весь неприбранный и пыльный, онъ смотритъ такимъ неряшливо-унылымъ.

Мери сказала себѣ, что съ прежнею жизнью надо покончить разъ навсегда, безъ малодушныхъ колебаній. Да, пора, пора кончить, повторяла она себѣ съ горькой и злою улыбкой, „я вѣдь ужь не молода, совсѣмъ не молода, у меня вѣдь почти взрослая дочь“...

Но мысленно повторяя это въ сотый разъ, Марья Борисовна въ сущности не вѣрила тому, что твердило ей озлобленное чувство. Потребность жить для себя, на время заглушенная горемъ разлуки съ Юріемъ, въ ней не угасла. И мало-по-малу тоскливая петербургская осень вызвала у нея новый приливъ жажды привычныхъ удовольствій, жажды движенія и шума, безъ которыхъ она томилась и увядала, какъ цвѣтокъ безъ солнечныхъ лучей. И когда стали понемногу съѣзжаться, Мери вдругъ сказала себѣ, что въ тридцать четыре года жизнь не кончена, что глупо запираться какъ отшельница, точно въ самомъ дѣлѣ ей стыдно глядѣть на людей. У нея такая вѣдь обширная и богатая родня, столько хорошихъ друзей, и всѣ они, всѣ ей твердили, что будутъ какъ нельзя болѣе рады ее видѣть у себя. Марья Борисовна наняла у извощика лошадей и пустилась объѣзжать родныхъ и знакомыхъ. Могла ли она думать, сказала она себѣ, садясь въ свою нарядную карету, что ей придется когда-нибудь ѣздить на извощичьихъ клячахъ, ей, у которой была вѣдь чуть не первая конюшня въ городѣ?..

Мери отправилась съ визитомъ и къ тѣмъ изъ своихъ родственниковъ, у которыхъ она прежде не считала нужнымъ бывать. И совершенно невольно—она примѣтила это потомъ ужь—ея обхожденіе со всѣми какъ-то измѣнилось. Тонъ ея сталъ необыкновенно вѣжливымъ и мягкимъ, даже съ такими людьми, которыхъ она и въ грошъ не ставила прежде. Бойкая и задорная Мери ощущала теперь наплывъ какой-то странной робости.

Никто ей не давалъ чувствовать перемѣну въ ея положеніи; сама она какъ-то невольно выбирала себѣ мѣсто пониже, заискивала и угодничала передъ другими. Уходя изъ какой-нибудь гостиной, она подслушивала, что говорилось за ея спиной, и ей мнились не то насмѣшка, не то сожалѣніе на ея счетъ. Это ненавистное ей состраданіе, которое вездѣ она читала на лицахъ, особенно ее оскорбляло и бѣсило.

Ея болѣзненно настроенное воображеніе усиливало до крайности эти мелочные неуловимые оттѣнки и, вернувшись домой, иной разъ, въ припадкѣ оскорбленнаго гнѣва, она рвала на себѣ дорогія кружева. Она, прежде никогда не соблюдавшая условія вѣжливости, теперь съ злобой высчитывала, сколько проходило дней, пока иная изъ ея знакомыхъ не отдавала ей визита. Ея мужчины друзья всѣ, конечно, перебывали у ней, но и въ ихъ обращеніи Мери подмѣчала перемѣну, горько повторяя себѣ, что тѣ самые люди, которые прежде чуть не каждый день просиживали у нея цѣлые часы, теперь изрѣдка лишь навѣдываются къ ней, точно изъ милости.

Она никакъ не хотѣла помириться съ своимъ измѣнившимся положеніемъ и оттого становилась все раздражительнѣе.

— Ma chère, сказала ей разъ ея кузина, княгиня Зоя Варенцова,—vous avez vraiment tort de tant exiger de vos amis. Le dévouement se lasse... Et d'ailleurs, ехидно добавила княгиня,—il est temps pour nous de passer aux mères nobles.

Это смѣла ей говорить та самая княгиня Зоя, которая была на цѣлыхъ двадцать лѣтъ ея старше и прежде такъ заискивала въ ней! Горькой истины однако нечего было отъ себя скрывать: каждый день приносилъ ей новыя доказательства, что прошлое утрачено на всегда.

Все ея блестящее положеніе держалось тѣмъ лишь, что любили въ ней веселаго добраго малаго, съ которымъ можно было шутить, не стѣсняясь, и еще болѣе любили широкое, удобное гостепріимство ея дома, куда привыкли ѣздить каждый день. Настоящихъ друзей у нея не было, да она ими и не дорожила. Теперь не было уже этого дома, веселый шалунъ-Мери превратилась въ несчастную женщину, потерявшую состояніе и покинутую любовникомъ, и привычка часто бывать у нея исчезла сама собой. Она возненавидѣла вдругъ этотъ дорогой ей міръ блестящаго легкомыслія, показавшій ей теперь свою непривлекательную, черствую изнанку. И самая красота ея, моложавость ея подвижнаго лица, до сихъ поръ остававшаяся нетронутою, теперь разомъ поблекла, точно сохраниться могла эта красота, какъ нѣжное растеніе, только въ искусственномъ, тепличномъ воздухѣ, и какъ отъ рѣзкаго дыханія холода увяла она, едва коснулось ея суровое горе.

И надо отдать справедливость Мери—она бороться не стала, не стала навязывать себя обществу, среди котораго ей

уже не было мѣста. Она заперлась у себя и удивительно скоро ей доказали, позабывъ о ней, что, поступая такъ, она была совершенно права. Но одиночество не каждому дается. Мери тяжело скучала, безпомощно отдаваясь гнетущей тоскѣ, и то и дѣло въ ней вспыхивало раздраженіе, давая себя чувствовать бѣдной Олли. Тутъ на зло случилась новая бѣда.

Въ одинъ прекрасный день француженка-горничная исчезла изъ дома и не возвращалась. Перепуганная этимъ, Мери принялась шарить въ своихъ вещахъ и съ ужасомъ увидѣла, что пропали самыя дорогія ея кружева и наиболѣе цѣнные брилліанты. Вѣрная француженка оказалась заурядной воровкой. Подняли на ноги полицію, но слѣдъ бѣглянки успѣлъ уже простыть. Это былъ чувствительный ударъ, особенно потому, что пропавшія вещи были бы такъ кстати, чтобы отсрочить надвигавшуюся нужду. Мери приходилось уже думать о томъ, какъ бы обратить въ деньги все, что было у нея цѣннаго. Стараясь держаться строгой бережливости, она разомъ иногда, безъ всякой нужды, бросала сотню другую на безполезную прихоть. Потребность мотовства, какъ запой у пьяницъ, возвращалась къ ней урывками.

Эти причуды матери приводили въ отчаяніе Олли. Марья Борисовна давно свалила на нее всѣ хлопоты по домашнему хозяйству, и дѣвочка силилась свести концы съ концами, отстаивая чуть не каждый грошъ и отъ недобросовѣстности прислуги и отъ неосторожности матери. И всѣ ея старанія приводили лишь къ тому, что мать почти насильно отбирала у нея назадъ деньги, только-что передъ тѣмъ отданныя на необходимые расходы, а потомъ на нее же обрушивала свой гнѣвъ, какъ скоро являлся кто-нибудь, настойчиво требуя уплаты по счету.

Самолюбіе Марьи Борисовны не устояло въ этой постыдной ежедневной борьбѣ. Постоянная нужда въ деньгахъ очень скоро довела ее до унизительнаго обращенія къ посторонней помощи. Когда она въ первый разъ попросила взаймы у одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ, чувство стыда въ ней заговорило живо, хотя самая просьба была выражена почти въ шутливомъ тонѣ, какъ нѣчто самое обыденное. И этотъ первый шагъ на скользкомъ пути могъ бы сразу удержать Марью Борисовну отъ новыхъ униженій, до того недвусмысленно и обидно ей дали понять, что значила оказанная ей услуга. Но Мери какъ будто не почувствовала обиды. За первой просьбой очень скоро послѣдовали другія, и въ общественномъ положеніи недавно еще

блестящей и избалованной женщины разомъ сказалась крутая перемѣна. Та мнимая равноправность, какую она пока еще для вида сохраняла въ обществѣ, мигомъ исчезла. Она стала попрошайкой, и хотя ей сперва не отказывали, ей очень скоро дали почувствовать всю горькую подчиненность нужды, утратившей свое достоинство. Съ ней обращались небрежно, а въ нѣкоторыхъ домахъ ее и вовсе перестали принимать. Ея записки оставлялись безъ отвѣта. Марья Борисовна не вытерпѣла и съ трескомъ порвала съ многими изъ прежнихъ даже самыхъ близкихъ друзей. Но это была уже послѣдняя вспышка умирающей гордости. Отказать себѣ въ томъ, чего ей въ данную минуту хотѣлось, было для Мери еще труднѣе, чѣмъ вынести лишнее униженіе. И новая записка отсылалась въ какой-нибудь знакомый домъ, гдѣ была еще надежда получить деньги, а когда послѣ ряда отказовъ эти деньги у нея были въ рукахъ, онѣ тратились на самое ненужное, на какой-нибудь новый вѣеръ или зонтикъ, на ложу въ итальянской оперѣ, а неотвязчивые долги такъ и оставались неуплаченными.

Къ одному только Владиміру Валерьяновичу Мери не обратилась ни разу. Ненависть къ мужу говорила въ ней громче самолюбія. Впрочемъ Столѣпинъ и не могъ бы помочь женѣ. Самъ онъ дошелъ до того отчаяннаго положенія, когда дѣла уже не только плохи, но и самихъ-то дѣлъ по-настоящему вовсе уже нѣтъ. Знаменитая конюшня была распродана давно. Главное харьковское имѣніе пошло съ молотка за долгъ банку. Теперь продавался и домъ на Мильонной, и всѣ крупныя суммы, получаемыя за это, шли мимо владѣльца, не оставляя ему даже чѣмъ расплачиваться за мелкіе текущіе расходы. Владиміръ Валерьяновичъ все еще бодрился. Всегда щегольски одѣтый, съ лихо закрученными усами, его все еще беззаботное, свѣжее лицо, носило уже печать совершившагося надъ нимъ заслуженнаго приговора судьбы. Преждевременныя морщины на лбу какъ-то странно противорѣчили здоровымъ румянымъ щекамъ и привычной улыбкѣ губъ, а въ глазахъ, недавно еще насмѣшливыхъ и надменныхъ, теперь читалась униженная покорность и постыдное сознаніе проигранной жизни.

VII.

Гришу разбирало нетерпѣніе поскорѣе узнать, къ чему привело объясненіе Наташи съ Юріемъ. И все-таки узналъ

онъ про это лишь на слѣдующее утро. Надо было въ министерство, гдѣ онъ не былъ еще въ этотъ день, чтобы окончить тамъ одну спѣшную работу. Онъ думалъ, что это займетъ всего какой-нибудь часъ, но дѣло затянулось, пришлось собирать разныя справки и обширныя залы министерства давно опустѣли, когда Гриша дописалъ послѣднюю страницу. Ему часто доводилось засиживаться за работой почти до вечера, вызывая этимъ насмѣшки сослуживцевъ, и сторожъ, подававшій ему свѣчи, не разъ говаривалъ, мотая сѣдой головой: „Что, ваше благородіе, глазъ своихъ не жалѣете. Вонъ, смотрите, всѣ до послѣдняго писца давнымъ давно отсюда убрались...“ А Гришѣ нравилась эта одинокая работа въ поздніе часы, когда кругомъ него стояла чуткая тишина, и огромныя, опустѣлыя залы, едва освѣщенныя слабымъ пламенемъ двухъ свѣчей, фантастически выростали передъ его глазами, уходя своими высокими стѣнами въ какую-то загадочную полутьму. И расправляя утомленные члены послѣ долгаго, усидчиваго труда, онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то особое удовольствіе исполненнаго долга.

Было уже шесть, и надо было торопиться домой, чтобы переодѣться къ обѣду у графини Елизаветы Андреевны, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Нелли. Дома онъ сестры не засталъ, и съ тревогой на сердцѣ Гриша отправился къ теткѣ. Тамъ въ этотъ день было довольно большое общество, въ томъ числѣ Павелъ Александровичъ съ дочерью. Во все время обѣда только и было рѣчи, что о новомъ назначеніи.

Всѣ въ одинъ голосъ высказывали общее чувство одобренія и радости, будто стараясь перещеголять другъ друга въ выраженіяхъ безграничнаго довѣрія къ новому руководителю, словно всѣ праздновали какую-то общую побѣду. И всѣхъ громче высказывалъ эти чувства довѣрія и радости генералъ Ломовисовъ; потому, должно быть, что до самой послѣдней минуты онъ былъ въ числѣ противниковъ новаго властителя! онъ спѣшилъ теперь усердно заявить о своей покорности. Гриша, не знавшій еще о случившейся перемѣнѣ, съ жадностью ловилъ каждое слово, и общее радостное чувство находило въ немъ живой откликъ. Въ молодые годы легко поддаешься надеждѣ, что все новое непремѣнно должно быть и лучшимъ. Да и можно было, развѣ, усомниться на этотъ счетъ, когда въ числѣ побѣдителей былъ и Павелъ Александровичъ, въ котораго по-прежнему Гриша вѣрилъ такъ безгранично. И онъ не могъ не замѣтить, какъ въ

одинъ этотъ день Коловратскій выросъ въ общемъ мнѣніи. Павелъ Александровичъ за столомъ говорилъ мало, но за то къ каждому его слову прислушивались усердно, какъ бы стушевываясь передъ нимъ. И генералъ Ломовисовъ, его всегдашній противникъ, теперь за нимъ явно ухаживалъ, почти глядя въ его присутствіи какимъ-то мальчикомъ. Гриша чистосердечно радовался за своего начальника, ощущая въ себѣ приподнятое, счастливое настроеніе. Даже съ Нелли онъ разговаривалъ мало. Въ такую минуту ему чѣмъ-то почти неприличнымъ показалась бы заводоить съ молодой дѣвушкой обычную, шутливую болтовню. За это, впрочемъ, онъ могъ вознаградить себя въ тотъ же вечеръ. Тетка послѣ обѣда предложила ему пріѣхать къ ней въ ложу въ итальянскую оперу, гдѣ съ нею будетъ Нелли.

— Vous pourrez faire votre cour plus à l'aise qu'ici, добавила она, слегка улыбнувшись однѣми губами.

Разумѣется, Гриша поѣхалъ и, разумѣется, тоже совсѣмъ не слушалъ оперу. На его счастье, въ ложѣ графини были одни только немолодые мужчины—генералъ Ломовисовъ, да одинъ старичекъ дипломатъ съ раздушенными сѣдинами, отличавшійся необыкновенно сладенькой и въ то же время какъ бы затхлой любезностью, отъ которой вѣяло будто высохшими цвѣтами. Графиня все время поддерживала съ ними политическій разговоръ, совсѣмъ не интересный для Нелли, и все свое вниманіе она дарила Гришѣ. Правда, нельзя было много говорить и особенно смѣяться, такъ какъ шла новая опера съ первоклассной пѣвицей, и Нелли сама нѣсколько разъ останавливала Гришу, когда онъ забывалъ, что надо слушать музыку и говорилъ слишкомъ громко. Но въ то же время въ самомъ этомъ стѣсненіи была какая-то особенная прелесть. И глазки Нелли, когда она останавливала его, такъ лукаво и поощрительно улыбались, что эта пустая болтовня, обрывавшаяся на полусловѣ, получала для Гриши особое значеніе, понятное только для нихъ обоихъ.

И потомъ, когда она уѣхала, послѣ втораго акта—у Коловратскихъ въ этотъ вечеръ были гости—какъ мило она ему напомнила, что онъ непремѣнно долженъ быть у нихъ послѣ оперы; и что-за сладкій трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу, когда онъ окутывалъ ея плечи легкой, прозрачной накидкой. Во время антракта Гриша спустился въ партеръ, гдѣ онъ передъ тѣмъ замѣтилъ Двинскаго. Юрій, конечно, ему все скажетъ! „Какъ странно только, подумалъ онъ сбѣ-

гая съ лѣстницы, что про это приходится узнавать отъ него"...

Гриша съ трудомъ протискивался черезъ проходъ къ первому ряду креселъ, гдѣ, прислонившись къ барьеру, стоялъ Юрій.

— Что, знаешь великую новость?—остановилъ его попавшій ему на встрѣчу Леонтій, улыбаясь своими пристальными, холодными глазами.

— Знаю, знаю, пусти меня!—нетерпѣливо отвѣтилъ Гриша.

— И отъ того видъ у тебя такой растерянный? Ну, да, впрочемъ...—беззвучно засмѣялся Леонтій—когда кто битыхъ два часа захлебывается отъ счастья, общественные вопросы въ голову не лѣзутъ.

Гриша его не слушалъ. Онъ стремился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Двинскій, но заговорить съ пріятелемъ ему не удалось. Юрій, казалось, все свое вниманіе отдалъ бесѣдѣ съ двумя стоявшими возлѣ него господами и, увидавъ Гришу, только кивнулъ ему головой, ласково протягивая руку. На лицѣ его Гриша ничего не могъ прочесть. Только на мигъ насмѣшливое выраженіе чуть-чуть показалось на углахъ его губъ. Гриша постоялъ немного, ожидая конца разговора, но Юрій какъ будто не примѣчалъ его.

Вернувшись въ ложу, Гриша засталъ тамъ вдвоемъ съ графиней Леонтія Радугина. Разговоръ у нихъ шелъ, повидимому, самый оживленный. По крайней мѣрѣ, злые огоньки то и дѣло мелькали въ зоркихъ глазахъ Елизаветы Андреевны, и, наполовину закрывъ лицо вѣеромъ, она не разъ одобрительно посмѣивалась въ отвѣтъ на то, что говорилъ молодой человѣкъ. Гриша хорошо зналъ этотъ смѣхъ тетки, короткій и почти беззвучный, всегда готовый отозваться на злое, острое словцо. Между тѣмъ антрактъ кончился, Леонтій всталъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра отобѣдать,—сказала графиня, протягивая Леонтію руку,—мы будемъ продолжать этотъ разговоръ.

Леонтій молча поклонился и вышелъ. Елизавета Андреевна пересѣла на переднее мѣсто и съ минуту продолжала смѣяться, очевидно, припоминая что-то особенно забавное. Потомъ она заговорила съ племянникомъ.

— Вотъ, Гриша, вамъ бы съ него примѣръ брать. Онъ совсѣмъ еще новичекъ, и въ обществѣ нѣтъ у него ни связей, ни почти даже знакомыхъ, а посмотрите, какъ онъ живо пробиваетъ себѣ дорогу. Съ первыхъ же своихъ ша-

говъ онъ научился не робѣть... Впрочемъ,—добавила она, улыбаясь,—я вами довольна сегодня. Съ нѣкоторыхъ поръ вы себя ведете какъ слѣдуетъ. И, кажется, дѣла ваши подвигаются!

Гриша вспыхнулъ отъ этихъ словъ.

— Не краснѣйте, мой милый, рѣшительно незачѣмъ. Со мною вы можете быть откровеннымъ. Неужели вы думаете, я давно не догадалась... Только вотъ вамъ мой совѣтъ: не теряйте времени. Вы знаете, надо ковать желѣзо... Вѣдь для васъ это такая блестящая партія...

Краска на лицѣ Гриши еще усилилась, но уже совсѣмъ отъ иного, почти гнѣвнаго чувства. Его часто коробили иные, беззастѣнчивые совѣты тетки. Блестящая партія!.. Вотъ, стало быть, какъ она смотрѣла на его чувство. И нашла она кого ставить ему въ примѣръ—этого ненавистнаго ему эгоиста Леонтія, который на жизнь смотритъ, какъ на карточную игру, гдѣ все основано на разсчетѣ и удачѣ!..

Отвѣтить что-либо теткѣ Гриша не успѣлъ. Дверь растворилась, и вошелъ старичокъ дипломатъ, тотчасъ принявшійся ей сладостно лепетать какіе-то приторные комплименты. Графиня ихъ выслушивала съ любезною улыбкой на устахъ, а минуту спустя вполголоса опять обратилась къ племяннику.

— Гриша, я не хочу васъ удерживать. Поѣзжайте къ Коловратскимъ, иначе опоздаете. Я думаю, вы и такъ сидите на иголкахъ.

У Коловратскихъ въ этотъ вечеръ было особенно весело. Гришѣ показалось, что не только сама Нелли, но и всѣ прочіе, бывшіе тутъ, держатъ себя какъ-то необыкновенно просто и непринужденно. Хохочутъ и болтаютъ отъ души, безъ малѣйшей задней мысли. И всѣ они были, очевидно, самые милые, хорошіе люди, съ которыми можно быть совсѣмъ откровеннымъ. Въ сущности, разумѣется, ничего особеннаго не было. Но для Гриши его собственное праздничное настроеніе, вызванное ласковою простотою обращенія съ нимъ Нелли, окрашивало въ радужные цвѣта весь этотъ, прежде такъ не любимый имъ, свѣтскій міръ, обнаружившій передъ нимъ вдругъ негаданныя имъ симпатичныя свойства. Какъ водится, отъ того, что ему было такъ хорошо въ этотъ вечеръ, его какъ бы подмывало усиленное ощущеніе непринужденной веселости, онъ самъ казался остроумнѣе и живѣе, и отъ того нравился всѣмъ бывшимъ тутъ, а вслѣдствіе того и они ему нравились. Нелли все это понимала, какъ нельзя лучше, и забавлялась этимъ какъ новымъ до-

казательствомъ своей власти надъ Гришей. А на нее просто нашелъ причудливый стихъ какой-то, и ей хотѣлось казаться совсѣмъ простой и доброй, отъ того, можетъ быть, что за послѣднее время ей не разъ случалось своимъ измѣнчивымъ нравомъ доводить молодаго человѣка почти до отчаянія, и она считала себя передъ нимъ немножко виноватою. А когда стали разъѣзжаться и кто-то изъ молодыхъ людей предложилъ ѣхать ужинать всей компаніей, Гриша не отсталъ отъ прочихъ, до того охватило его настроеніе общей товарищеской дружбы, такъ легко, правда лишь на нѣсколько часовъ, зарождающейся въ молодые годы. И это общее пріятное настроеніе поддерживалось за весь ужинъ. Всѣмъ бывшимъ тутъ, въ томъ числѣ и Гришѣ казалось, будто все, что ни говорилось и ни дѣлалось, было необыкновенно забавно и умно, хотя въ сущности ничего особенно остроумнаго сказано не было, и забава была самая заурядная.

Гриша вернулся домой въ три часа съ головой немножко отуманенной и въ то же время ощущая въ себѣ необыкновенно радостный и нѣсколько восторженный подъемъ духа. Весь этотъ день былъ наполненъ такимъ множествомъ смѣнявшихся впечатлѣній. Ему казалось, что жизнь его какъ-то наполнилась вдругъ и стала быстрѣе уносить его впередъ. Его точно поднимала широкая волна. И самый Петербургъ, имъ прежде не любимый, сталъ ему вдругъ дорогимъ и близкимъ, точно онъ чувствовалъ въ себѣ какой-то отголосокъ общей могучей жизни большаго города. Видъ заспаннаго лакея, отворившаго ему, разсмѣшилъ его, хоть и стало ему потомъ немножко совѣстно. Ему припомнилось, что до сихъ поръ отъ ничего не узналъ про сестру. „Встану пораньше, и все узнаю“, говорилъ онъ себѣ, проходя на цыпочкахъ по корридору. Но вотъ растворилась дверь въ комнату младшихъ братьевъ, и показалась взъерошенная фигура Андрюши съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, въ одной рубашкѣ и съ босыми ногами.

— Какими судьбами ты еще не спишь?! воскликнулъ удивленный Гриша, и въ то же время почему-то засмѣялся, вскидывая на брата блестящими глазами. Онъ все еще находился въ томъ же возбужденномъ, праздничномъ настроеніи, не покидавшемъ его во весь вечеръ. „А что, подумалъ онъ въ тотъ же мигъ, коль Андрюша примѣтитъ, что я пьянъ?“ И ему стало вдругъ очень стыдно.

Но Андрюша ничего не примѣтилъ.—Все тебя поджидалъ, проговорилъ онъ густымъ шепотомъ. Въ голосѣ его уже прорывались хриплыя басовыя ноты, забавно смѣняв-

пiяся тонкимъ дискантомъ.—Войди сюда пожалуйста и посмотри, что съ Митей дѣлается.

Андрюша разсказалъ брату, что Митя всю ночь не даетъ ему спать, то и дѣло безпокойно ворочаясь на кровати.—Жаръ у него, должно быть. Лобъ весь горитъ, да и бредитъ онъ, кажется...

У Гриши хмѣль мигомъ исчезъ. Онъ осторожно, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату. Митя лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами, скинувъ съ себя одѣяло, и тяжело, порывисто дышалъ.

— Что съ тобой? спросилъ у него старшій братъ, бережно касаясь рукой до его головы.

Но мальчикъ не отвѣтилъ. Онъ былъ, очевидно, въ безпамятствѣ.

— Э, да тутъ дѣло серьезное! щупая пульсъ у брата, съ безпокойствомъ проговорилъ Гриша.—Доктора надо. Да какъ же никто до сихъ поръ не распорядился? Мама развѣ не знаетъ? Надо бы сказать отцу.

— Папа нѣтъ дома, отвѣтилъ Андрюша,—а то бы я ему давно сказалъ. А мамашу будить нельзя. Да и на что?!.. Засуетится, растеряется...

Гриша остановилъ брата.—Пойдемъ, здѣсь разговаривать нельзя.

Увелъ онъ его обратно въ корридоръ.—Разскажи мнѣ, какъ все это случилось?

— Легли мы съ нимъ оба въ десять, все тѣмъ же громкимъ шепотомъ заговорилъ Андрюша,—мама еще не пріѣзжала отъ старой княгини... Ничего, кажется, не было, только жаловался онъ весь вечеръ, что у него голова болитъ. Только, было это часу во второмъ, должно быть, проснулся я какъ-то и слышу, онъ говоритъ во снѣ, и какъ-то странно говоритъ, не своимъ голосомъ, будто зоветъ кого-то и дышетъ тяжело, какъ вотъ сейчасъ. Я къ нему и подошелъ, и вижу, что дѣло неладно, ну съ тѣхъ поръ я и не засыпалъ больше, все тебя дожидался... И Андрюша широко зѣвнулъ во весь ротъ.

— Ты это хорошо сдѣлалъ, спасибо! Ну, а теперь ложись, а то самъ захвораешь.

Андрюша разсмѣялся сквозь зѣвокъ.—Что мнѣ сдѣлается? ужь чистымъ басомъ произнесъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, пятнадцатилѣтній Андрюша, много выросшій за послѣдній годъ, совсѣмъ глядѣлъ силачемъ. Онъ не походилъ уже на круглаго и краснощекаго мальчугана, какимъ онъ былъ въ Солнцевѣ за два года передъ тѣмъ, и не сложился въ стройнаго юношу, какимъ былъ Гриша въ его годы. Широ-

коплечій, неуклюжій, съ большими красными руками и съ желтовато-смуглой кожей на лицѣ, онъ смотрѣлъ какимъ-то обрубкомъ, въ которомъ сказывалась грубая, но словно придавленная сила.

— А ты не знаешь, опять остановилъ его Гриша,—отчего это съ нимъ случилось?

— А чортъ его знаетъ, хрипло отозвался мальчикъ.— Много ли ему надо, чтобъ расхвораться. На что онъ похожъ: муха, и та его обидитъ. Пошли мы съ товарищами вчера послѣ классовъ играть въ снѣжки. Онъ не хотѣлъ идти. Ты знаешь, дѣвчонка: всего боится. Мы его и пристыдили. Ну, а какъ стали въ снѣжки тамъ играть—и засыпали его всего, а потомъ вдобавокъ, за то, что больно ужь онъ неловокъ въ игрѣ, въ снѣгъ его повалили. Простудился, должно быть.

— Еще бы! И какъ ты это позволилъ. Хорошъ!

— Да надо же мальчугана проучить, а то что онъ, право, знаетъ только зубрить свой греческій языкъ. Куда онъ годится!

Гриша пожурилъ брата, но, сообразивъ, что времени терять нечего, сказалъ, что самъ поѣдетъ за докторомъ, живо вернулся въ переднюю и накинулъ шубу.

— Скажи папашѣ, когда онъ вернется, приказалъ онъ удивленному слугѣ,—что Митя нездоровъ, и что я за докторомъ поѣхалъ.

На лѣстницѣ онъ наткнулся на Михаила Андреевича, только-что вернувшагося изъ англійскаго клуба.

— Ты куда? изумился онъ, увидѣвъ сына. Гриша въ короткихъ словахъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

На оживленномъ лицѣ Михаила Андреевича тотчасъ же выразилось то недовольное изумленіе, то упорное нежеланіе услыхать недобрую вѣсть, какое бываетъ у людей, которыхъ неожиданно вырываютъ изъ круга пріятныхъ и веселыхъ мыслей, заставляя ихъ разомъ перейти къ совершенно иному роду впечатлѣній. Бываютъ минуты, когда непріятныя извѣстія особенно непріятны. Михаилъ Андреевичъ почувствовалъ, что ему надо войти въ свою роль отца семейства и немедленно разстаться съ тѣмъ оживленнымъ, возбуждающимъ настроеніемъ, какое оставилъ въ немъ весь этотъ день, проведенный внѣ дома. А день этотъ былъ особенно богатъ сильными впечатлѣніями. За послѣднее время у Михаила Андреевича произошла небольшая размолвка съ его вдовушкой. Госпожа Бакалейцова въ первый разъ дала ему понять, что пятидесятилѣтній возрастъ такой смертный грѣхъ, который можно искупить только щедрыми приношеніями.

Оскорбленный Михаилъ Андреевичъ сперва было покипятился и попытался было стряхнуть свои незаконныя узы. Но борьба длилась недолго. И въ этотъ самый день, примирившись со своей ролью сѣдаго любовника, Михаилъ Андреевичъ принесъ повинную, что обошлось ему очень не дешево, но въ награду за это онъ вновь такъ сладко отвѣдалъ отъ кубка наслажденій, что принесенное покаяніе ему показалось настоящей побѣдой. Онъ повезъ свою вдовушку обѣдать въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ и тамъ провелъ съ нею съ глазу на глазъ еще нѣсколько очаровательныхъ часовъ. Выходя оттуда, онъ чувствовалъ себя опять совершенно молодымъ и поѣхалъ въ клубъ необыкновенно довольный собою. Въ клубъ онъ вошелъ совершеннымъ козыремъ, съ какимъ-то добродушнымъ состраданіемъ посматривая на знакомыхъ. Тамъ шли оживленные толки о событіи дня, и Михаилъ Андреевичъ громко и увѣренно разглагольствовалъ на эту тему, и все, что ни говорилъ онъ, казалось ему чрезвычайно умнымъ и мѣткимъ. Выпивъ лишнюю бутылку, онъ усѣлся за винтъ, а въ четыре часа ночи, съигравъ шесть роберовъ, всталъ изъ-за стола, съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ заплативъ клубный штрафъ слишкомъ въ двадцать рублей. И теперь вдругъ эта неожиданная болѣзнь сына, заставлявшая его вспомнить про забытыя родительскія обязанности! Онъ былъ привязанъ къ мальчику и перепугался не на шутку.

— Что-жъ они раньше не подумали за докторомъ послать!? съ безпокойствомъ проговорилъ онъ, но тотчасъ припомнилъ, что въ его отсутствіи и послать-то было некому.—Ну поѣзжай, поѣзжай, а я присмотрю за Митей.

Гриша съ трудомъ отыскалъ извощика. Усталая лошадь медленно зашлепала по мокрому снѣгу. Гриша погонялъ извощика, весь охваченный безпокойствомъ и нетерпѣніемъ. А его все сильнѣе пробиралъ холодъ сырой ночи, а обрывки мыслей, подгоняя другъ друга, путались въ его головѣ, отяжелѣвшей отъ безсонницы. Его вдругъ поразило что-то нехорошее, словно расшатанное въ жизни семьи,—братишки, оставленные какъ бы на произволъ судьбы, и отецъ, засиживающійся въ клубѣ до поздней ночи. „Ну и самъ я тоже... нечего сказать!“ добавилъ онъ мысленно. „Весь вечеръ болталъ всякую чепуху... потомъ этотъ глупый ужинъ, да пьянство...“ И Петербургъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ казавшійся ему милымъ и дорогимъ, вдругъ ему опротивѣлъ. Удивительно мрачно смотрѣли на него широкія

улицы съ сырыми пятнами на домахъ, съ грязнымъ покровомъ таящаго снѣга.

— Пошелъ, пошелъ!—лишній разъ прикрикнулъ онъ на извощика, все плотнѣе кутаясь въ шубу.

Ему пришлось вернуться ни съ чѣмъ. Молодой докторъ, уже второй годъ ѣздившій къ нимъ въ домъ, былъ, правда, на ногахъ, когда Гриша позвонилъ у его квартиры, но отправиться съ нимъ онъ на отрѣзъ отказался. Его ожидали къ опасно больному, и какъ ни умолялъ его Гриша, докторъ съ нимъ ѣхать не могъ.

— Помилуйте, батенька,—твердилъ ему докторъ,—говорятъ вамъ—серьезный случай—апоплексія, а у васъ я увѣренъ, совершенные пустяки. Ну, простудился мальчикъ, экая важность! И завтра поспѣю.

Докторъ былъ очень добрый человѣкъ, но выражался онъ съ той предвзятой, откровенной грубоватостью, какую любятъ напускать на себя молодые врачи. Гриша отъ него поѣхалъ къ другому, болѣе извѣстному медику, имѣвшему большую практику и жившему въ бель-этажѣ. Тамъ его даже не впустили. Лакей объявилъ сердитымъ тономъ, что у барина до двухъ часовъ были гости, и что онъ запретилъ себя будить.

Гриша вернулся домой въ скверномъ расположеніи духа, не зная даже хорошенько, противъ чего онъ раздраженъ,—противъ безсердечія врачей, казавшагося ему ужаснымъ, или противъ самого себя. Дома все было тихо. Михаилъ Андреевичъ, заглянувъ въ дѣтскую и рѣшительно не зная, какъ помочь больному сыну, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ на ночь ему ставили складную кровать: за послѣднее время онъ зачастую поздно возвращался домой и предпочиталъ не заглядывать къ супругѣ, чтобы отложить по крайней мѣрѣ до утра неизбѣжную сцену. Гриша усѣлся возлѣ кровати больнаго. Митя лежалъ теперь спокойно съ закрытыми глазами. Былъ это сонъ или безпамятство, Гриша рѣшить не могъ. Его томило сознаніе полной невозможности чѣмъ-нибудь помочь брату и эта глупая необходимость бездѣйствовать и ждать. Ему казалось постыднымъ и ужаснымъ, что, въ виду надвигавшейся, быть можетъ, грозной опасности, никто въ домѣ не дѣлаетъ ничего, чтобы отвратить эту опасность. Ужасно было именно это отсутствіе борьбы съ болѣзнью, это кажущееся равнодушіе къ бѣдному мальчику. Онъ почти обвинялъ отца и мать за то, что ихъ нѣтъ тутъ, у его кроватки, хоть и было совершенно очевидно, что они оба, какъ и онъ самъ, ничего предпринять не могутъ до

пріѣзда доктора, который будетъ не раньше девяти часовъ. И Гриша сталъ упрекать самого себя въ непростительномъ эгоизмѣ. Какъ могъ онъ такъ глупо провести этотъ день, думая только о самомъ себѣ. И ему вдругъ живо представилось, что младшіе братья какъ будто заброшены и забыты семьей. Да, Митя, очевидно, учится сверхъ силъ, и это вѣчное сидѣнье надъ книгами можетъ отозваться на его слабомъ здоровьѣ. А старшій братъ, Андрюша—онъ крѣпокъ и силенъ—это правда, но онъ какъ-то загрубѣлъ и одичалъ; не такимъ онъ былъ еще за годъ тому назадъ. Говоритъ и держится онъ совсѣмъ какъ неотесанный мальчуганъ, а въ словахъ его то и дѣло прорывается явное неуваженіе къ родителямъ. Душный воздухъ комнаты, порывистое дыханіе больнаго и мѣрное тиканье карманныхъ часовъ на столѣ,—все это наводило на него тоскливое чувство, все это давило его, словно тяжесть какая-то ложилась къ нему на голову. Время шло, и неподвижно-однообразная мысль, засѣвшая у него въ мозгу, стала расползаться какъ бы по частямъ, и онъ уже не могъ остановить на ней свое утомленное вниманіе. И какъ слабѣющій отголосокъ чего-то иного, хорошаго къ ней стали примѣшиваться обрывки воспоминаній проведеннаго вечера, веселый смѣхъ Нелли, безсвязная болтовня за ужиномъ и мотивъ изъ слышанной оперы,—все это перепутывалось въ какую-то пеструю сѣть, въ которой ужь ничего разобрать было нельзя...

Передъ самымъ разсвѣтомъ Гриша уснулъ тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ. Разбудилъ его уже въ началѣ девятаго часа безпокойный, немного крикливый голосъ Варвары Петровны. Отъ своей горничной она узнала про болѣзнь сына, и безпокойство за него прежде всего выразилось рядомъ упрековъ всѣмъ домашнимъ. Зачѣмъ ее не разбудили!? Зачѣмъ не послали за докторомъ! Лакей разсказалъ, правда, что молодой баринъ за докторомъ изволили ѣздить, но за то она услышала отъ него, что Григорій Михайловичъ вернулись домой въ три часа, а Михаилъ Андреевичъ слишкомъ въ четыре. И Варвара Петровна тотчасъ разгнѣвалась на мужа и на сына. „Хороши они оба!“ подумала она. и тутъ же спросила громко:—А докторъ все-таки не былъ?—Я такъ и знала,—продолжала она, получивъ отвѣтъ,—что безъ меня ничего не сумѣютъ сдѣлать... Варвара Петровна очень бы затруднилась придумать, что могла бы сдѣлать она сама. Но въ ней заговорила потребность найти виноватаго, на комъ бы лежала отвѣтственность за то, что не сдѣлано ровно ничего. И вдобавокъ ей наканунѣ вечеромъ еще не-

редали, что князь Двинскій пріѣзжалъ въ четвертомъ часу и долго разговаривалъ вдвоемъ съ барышней. Это ее тревожило еще болѣе, чѣмъ болѣзнь Мити. Узнать что-либо отъ Наташи ей не удалось. Молодая дѣвушка заперлась у себя въ комнатѣ, и, какъ ни стучалась къ ней мать, Наташа ей не отперла. Да, тяжела ея доля! Мужъ въ пятьдесятъ лѣтъ принялся кутить да волочиться за женщинами, дочь, за которую она такъ хлопочетъ, отъ нея недовѣрчиво хоронится, и вдобавокъ теперь это безпокойство за Митю. Стоитъ имѣть дѣтей, чтобы видѣть отъ нихъ одну неблагодарность, да тревоги! Ну хоть оба эти мальчика, куда они годятся!? Старшій какимъ-то косматымъ, взъерошеннымъ дикаремъ глядитъ, вѣчно въ изодранной курткѣ да съ замазанными руками, младшій то и дѣло простужается. И забота о больномъ Митѣ вдругъ превратилась у нея въ какое-то раздражительное настроеніе противъ этого самаго Мити.

Войдя въ дѣтскую, она пощупала у мальчика пульсъ, обтерла ему лобъ батистовымъ платкомъ, бережно прикрыла его одѣяльцемъ, но затѣмъ она рѣшительно не знала, что сдѣлать дальше. Мальчикъ по-прежнему тихо лежалъ, тяжело дыша. Варвара Петровна рѣшительно недоумѣвала, что это за странная болѣзнь.

— Это корь, должно быть, ваше превосходительство,— сказала вошедшая съ нею бойкая горничная, спльно шумѣвшая накрахмаленными юбками.

Корь?! Нѣтъ. Отчего вы такъ думаете? И пожалуйста не шумите здѣсь, моя милая! сердито проговорила Варвара Петровна.

Горничная вышла. Варвара Петровна обратилась къ проснувшемуся Гришѣ.

— Ну что, много ты помогъ, что сидѣлъ здѣсь и спалъ? Лучше бы меня велѣлъ разбудить. Въ четвертомъ часу вернулся, хорошъ! А какъ ты думаешь,—вдругъ спросила она, смягчившись,—что это такое съ Митей?

— Можетъ быть, не будетъ ничего серьезнаго,—отвѣтилъ Гриша, чтобы успокоить мать, хоть у него на языкѣ вертѣлось страшное слово „тифъ“.

Но мысли Варвары Петровны разомъ приняли вдругъ иное направленіе. Въ комнату входила Наташа. Увидавъ дочь, Варвара Петровна тотчасъ на нее накинулась.

— Здѣсь тебѣ дѣлать нечего. Мнѣ съ тобой переговорить надо. Вчера я къ тебѣ стучалась, стучалась... На что это похоже мнѣ не отпирать, мнѣ, твоей матери!

И не давъ Наташѣ отвѣтить, Варвара Петровна увела

дочь изъ комнаты. Полчаса спустя, она входила въ кабинетъ мужа. Михаилъ Андреевичъ проснулся поздно. Въ первый мигъ пробужденія онъ вспомнилъ, какъ провелъ онъ вчерашній день, и сладко улыбнулся въ отвѣтъ на воскресшія передъ нимъ игривыя воспоминанія. Но тутъ ему пришла на память болѣзнь сына, и улыбка исчезла съ его губъ, согнанная чувствомъ стыда и безпокойствомъ за сына. Варвара Петровна застала его сидящимъ на кровати съ сапогомъ въ рукахъ, который онъ собирался надѣть на правую ногу. Увидавъ жену, онъ скорчилъ невольную гримасу. Онъ ожидалъ бурнаго объясненія, но Варвара Петровна заговорила неожиданно спокойнымъ голосомъ, хотя глаза у нея лихорадочно горѣли и на щекахъ выступили красныя пятна.

— Знаете вы,—произнесла она по-французски,—знаете вы, что у васъ дѣлается въ домѣ? Вы вѣдь отецъ семейства, и должны бы, кажется, знать!..

— Да, да, Митя боленъ... Я его видѣлъ ночью, и за докторомъ послано... Я сейчасъ...

— Я слышала, въ которомъ часу вы видѣли Митю,—съ убійственнымъ хладнокровіемъ продолжала Варвара Петровна,—и за докторомъ послали не вы, а Гриша съѣздилъ за нимъ самъ... Только я не объ этомъ хотѣла съ вами переговорить. Я не судья вашему поведенію: оно до меня не касается.

Въ отношеніяхъ Варвары Петровны къ мужу давно наступила перемѣна. Чувство оскорбленія, вызванное у нея первымъ открытіемъ измѣны мужа, мало по малу притупилось, какъ стихаетъ каждая острая боль. Сознаніе невѣрности Михаила Андреевича вошло въ ея жизнь, какъ нѣчто привычное, какъ глухое, хроническое страданіе, съ которымъ не стоитъ бороться. Она уже не дѣлала мужу ревнивыхъ сценъ, хоть и говорила себѣ зачастую, что не имѣетъ права смотрѣть сквозь пальцы на его поступки, что это лишь малодушное послабленіе его безнравственности. За то она пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы уколоть мужа и доказать ему, какъ дурно онъ исполняетъ свою роль отца семейства. Она облекалась при этомъ въ презрительную холодность, но скрытое раздраженіе нѣтъ-нѣтъ, да пробивалось наружу. И подавленная ревность съ какимъ-то наслажденіемъ хваталась за каждый поводъ, какъ голодный за пищу. Михаилъ Андреевичъ сносилъ эти нападенія съ невозмутимымъ равнодушіемъ, самодовольно вспоминая, что, каковъ онъ ни на есть, а все-таки семья живетъ на его сред-

*

ства и ему обязана тѣмъ излишкомъ довольства, которымъ она пользуется теперь.

— Я хотѣла переговорить съ вами про Наташу,—продолжала Варвара Петровна, и при этихъ словахъ голосъ ея задрожалъ. — Знаете ли вы, что вчера князь Юрій Александровичъ былъ здѣсь и сдѣлалъ ей формальное предложеніе? А она... она ему отказала!

Малиновыя ленты, украшавшія головной уборъ Варвары Петровны, зашевелились; до того сильно было ея волненіе.

— Быть не можетъ! вскочилъ съ кровати Михаилъ Андреевичъ, успѣвшій надѣть сапоги.—Она влюблена въ него по уши.

— Она сама мнѣ созналась во всемъ...

— Да это просто какая-нибудь дѣвичья причуда!—воскликнулъ Михаилъ Андреевичъ, запахивая халатъ.—Пустяки одни, минутная вспышка, поссорились, да помирятся опять.

— Вотъ какъ всегда относитесь вы ко всему, что дѣлается у васъ въ домѣ! И вотъ отчего все идетъ у насъ вкривь и вкось! Еслибы вы держали вашихъ дѣтей въ рукахъ, еслибы вы не позволяли этой глупой дѣвчонкѣ разсуждать, да своевольничать—этого бы не было. А теперь все кончено, все! Это не вспышка, какъ вы говорите, это разрывъ. Понимаете вы: то, о чемъ я такъ долго хлопотала, было у насъ въ рукахъ, и она, эта съумасшедшая дѣвчонка, сама отказалась отъ своего счастія!

— Да отчего же наконецъ, отчего?! Михаилъ Андреевичъ въ недоумѣніи разводилъ руками.

— Ага, вотъ, отчего!? Подите, переговорите съ ней. Да что говорить, теперь поздно! Зачѣмъ, зачѣмъ я не была дома вчера, когда это случилось?!..

И Варвара Петровна заплакала. На бѣдную женщину смотрѣть было больно. Она стояла точно на обломкахъ своего воздушнаго замка, и хоронила свою дорогую мечту. Страдало въ ней, правда, обманутое тщеславіе, но горе ея было все-таки искреннимъ. И непоправимая гибель того, къ чему она такъ пламенно стремилась, сокрушила ее какъ утрата дорогаго существа. Михаилу Андреевичу стало ее жаль.—Самъ онъ лично для себя не особенно тужилъ о случившемся.—И онъ подыскивалъ слова, чтобы хоть сколько-нибудь утѣшить жену, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ. Это былъ докторъ. Варвара Петровна къ нему выбѣжала, и одинъ видъ его, напомнившій ему про болѣзнь Мити, быстрѣе разсѣялъ ея скорбь о неудавшемся

замужествѣ Наташи, чѣмъ могли бы то сдѣлать самыя краснорѣчивыя утѣшенія Михаила Андреевича.

— Что?—весело заговорилъ докторъ, снимая пальто и галоши.—Вотъ молодой человѣкъ себя не хорошо ведетъ, простудился немножко? Ну-съ посмотримъ, посмотримъ. И надѣюсь, скоро его поставимъ на ноги... Морозъ какой сегодня, послѣ вчерашней оттепели,—потирая себѣ руки, сказалъ докторъ, входившему Михаилу Андреевичу.

Но веселое настроеніе доктора мигомъ исчезло, когда онъ увидалъ Митю. Лицо его приняло строгое, почти сердитое выраженіе. Онъ внимательно пощупалъ пульсъ, да постукалъ больному грудь и оглянулъ всѣхъ присутствующихъ такъ, какъ-будто всѣ они были виноваты въ чѣмъ-то, и никто здѣсь кромѣ его одного не въ состояніи постичь, что надо сдѣлать для больнаго, а онъ сдѣлаетъ это какъ слѣдуетъ, и никто не долженъ позволять себѣ разспрашивать его и сомнѣваться. Докторъ молча выжидалъ, пока термометръ, положенный подмышку больному, покажетъ температуру тѣла. Варвара Петровна все время не сводила съ него глазъ. Посмотрѣвъ на термометръ, онъ произнесъ:

— Такъ, такъ, совсѣмъ не простуда, скорѣе инфекціонный случай.

— Инфекціонный?!.. тревожнымъ шепотомъ спросила Варвара Петровна.—Что хотите вы этимъ сказать?

Докторъ сперва немного снисходительно поверхъ очковъ повелъ глазами на Варвару Петровну и затѣмъ произнесъ:—Мы называемъ инфекціонными болѣзнями тѣ, которыя происходятъ отъ зараженія микробами, напримѣръ, тифъ... Но увидавъ, какъ она сразу измѣнилась въ лицѣ, онъ тутъ же добавилъ:—Пожалуйста не пугайтесь, добрѣйшая Варвара Петровна. Совсѣмъ это не такъ страшно, какъ вы думаете. При настоящемъ методѣ лѣченія, тифъ имѣетъ почти всегда благопріятный исходъ...

Но слова доктора ее ничуть не успокоили.—Это, стало быть, тифъ!—задрожавшимъ голосомъ проговорила бѣдная мать, и все, что тревожило ее такъ сильно за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, ея разбитыя мечты, страданіе наболѣвшаго самолюбія,—мигомъ стушевалось и исчезло передъ опасностью, грозившею ея больному ребенку. Пока эта опасность была чѣмъ-то неопредѣленнымъ, она могла отдаваться горькимъ сѣтованіямъ на постигшее ее разочарованіе, но теперь пугливое материнское чувство заглушило въ ней все остальное, и вся она отдалась заботѣ, какъ бы отстоять больнаго сына, надъ кроватью котораго она видѣла

уже носившійся тамъ грозный призракъ смерти. Она закидала доктора безсвязными вопросами, умоляя его спасти ея Митю, точно отъ него зависѣло измѣнить неумолимый ходъ грозной болѣзни. Онъ выслушивалъ ее съ добродушнымъ нетерпѣніемъ, стараясь ее ободрить, и въ то же время сознавая полное безсиліе всѣхъ своихъ доводовъ, основанныхъ на совершенно непонятныхъ для нея указаніяхъ медицинскаго опыта.

— Ну что прикажете дѣлать,—схвативъ Гришу за локоть и уводя его въ сосѣднюю комнату, заговорилъ докторъ—вѣдь не переубѣдить вашу матушку, что тифъ совсѣмъ не опасная штука. Экая, право, съ дамами возня!..

Онъ искренно хотѣлъ подыскать слова участія и утѣшенія, а между тѣмъ все, что ни говорилъ онъ, выходило сухо и жестко.—И я знаю,—продолжалъ онъ,—будетъ у насъ эта неизбѣжная борьба съ закоренѣлыми предразсудками. Такъ извольте видѣть—побольше воздуху въ комнатѣ больнаго, да ванны каждый день. Я все это запишу. И другаго вашего братца удалить надо.

Онъ наскоро записалъ что-то совсѣмъ неразборчивымъ почеркомъ.—А теперь позвольте закурить?—вдругъ спросилъ онъ совсѣмъ уже веселымъ тономъ.

Гриша машинально пододвинулъ къ нему коробку со спичками. Онъ не боялся за брата подобно матери. У него была иная забота на сердцѣ. Разговоръ съ сестрой убѣдилъ его, что ея рѣшеніе безповоротно. И ему не только было грустно за нее—онъ чувствовалъ, что съ этой минутой что-то порвалось между нимъ и Наташей. Едва упомянулъ онъ про Леонтія,—и самое имя этого человѣка возбуждало въ немъ непобѣдимую ненависть—ея лицо опять приняло то каменное, упорное выраженіе, какое Гриша увидалъ на немъ во время ихъ ночной бесѣды послѣ бала. „Эхъ! раздумывалъ онъ свою горькую думу“, вѣдь счастіе давалось само собой, а она упрямо отъ него отворачивается“.

Жизнь еще не научила Гришу, что мы тогда только умѣемъ цѣнить счастіе, когда оно приходитъ въ пору. Явись оно къ намъ слишкомъ рано, или черезчуръ поздно, мы зачастую не признаемъ его и гонимъ отъ себя какъ непрошеннаго гостя.

VIII.

Вѣчно скучающій, ко всему равнодушный, Петербургъ теперь проходилъ черезъ рядъ непривычныхъ для него сильныхъ ощущеній. Сперва охватилъ его не то чтобы страхъ, а неопредѣленное чувство робкаго уваженія, и нельзя даже сказать, чтобы ему особенно непріятно было чувствовать надъ собою палку. Всѣ присмирѣли въ ожиданіи, а многіе почти даже обрадовались тому, что возжи попали наконецъ въ крѣпкія руки. Толпа всегда любитъ, чтобы ее вели куданибудь за собой. Но вотъ понемногу стало прокрадываться у всѣхъ сознаніе, что палка, которой сперва испугались, бьетъ совсѣмъ ужь не такъ больно. Появились одинъ за другимъ признаки новаго, совсѣмъ неожиданнаго теченія. Въ коммисію были призваны для совѣщанія разные извѣстные и популярные дѣятели. Многимъ изъ сосланныхъ за послѣдніе годы было разрѣшено вернуться. И присмирѣвшіе еще такъ недавно мигомъ воспрянули духомъ, почуявъ, что вѣтеръ подулъ совсѣмъ не съ той стороны, какъ они думали. И ощущеніе крѣпкой власти смѣнилось инымъ, не столь успокоивающимъ, но еще болѣе новымъ и пріятнымъ. Съ петербургскимъ обществомъ случилось то, что бываетъ въ открытомъ морѣ съ кораблемъ, идущимъ подъ крѣпкимъ вѣтромъ съ натянутыми парусами, когда вѣтеръ этотъ вдругъ перескакиваетъ въ противоположную сторону.

Особенно сильно ощущалъ эти перемѣны Михаилъ Андреевичъ. Болѣзнь младшаго сына его не долго тревожила. Съ первыхъ же дней обнаружилось, что тифъ, по выраженію доктора, принялъ совершенно нормальное теченіе. Варвара Петровна, конечно, на этомъ не успокоилась. Она почти не отходила отъ кровати больнаго, и даже ночью отдыхала лишь немногіе часы. Она словно хотѣла загладить какую-то вину передъ дѣтьми. Характеръ ея совсѣмъ измѣнился и ко всему, что прежде волновало ее, она стала теперь совсѣмъ безучастна. Даже Наташу она оставляла въ покоѣ. Словомъ, вся ея жизнь замкнулась въ дѣтской. Но Михаилъ Андреевичъ, сперва перепугавшійся тоже, не былъ способенъ такъ долго оставаться подъ гнетомъ одной тяжелой заботы. Онъ скоро воспрянулъ духомъ и снова завладѣли имъ многочисленные интересы, наполнявшіе его жизнь въ сторонѣ отъ семьи. Толки о новымъ порядкахъ его сильно занимали. Сперва онъ только никакъ не могъ попасть въ

настоящій тонъ. Въ своемъ комитетѣ, по-прежнему аккуратно собиравшемся по четвергамъ, онъ попытался было отпустить нѣсколько громкихъ фразъ по адресу диктатора, обозвавъ его даже великимъ визиремъ, но, къ немалому его удивленію, слова эти не нашли отголоска. Ему отвѣтили лишь неловкимъ молчаніемъ, отъ него какъ-будто даже отворачивались. Михаилъ Андреевичъ совсѣмъ не могъ понять, какъ всѣ эти чиновные господа, недавно еще такъ открыто либеральничавшіе, теперь какъ-будто поджали хвосты. И вдругъ все пошло опять на иной ладъ. Почему-то всѣ почувствовали, что снова развязаны языки. И даже газеты, недавно еще такія безцвѣтныя, сперва осторожно, а потомъ все увѣреннѣе заговорили давно неслыханнымъ языкомъ. „Что жъ, можно, стало быть, дозволено?“ будто спрашивали другъ у друга при встрѣчѣ знакомые, не совсѣмъ довѣрчиво отдаваясь новому теченію. Но скоро всѣ сомнѣнія разсѣялись, и Михаилъ Андреевичъ, узнавъ про самыя послѣднія мѣры, да про тѣ еще, которыя навѣрно будутъ приняты на дняхъ, вернулся разъ домой въ томъ особомъ, чисто дворянскомъ, праздничномъ настроеніи, какое прежде всегда охватывало его въ шумные дни губернскихъ выборовъ. Въ такомъ настроеніи, извѣстное дѣло, любой русскій дворянинъ, хотя бы самый раззоренный, не жалѣетъ послѣдняго рубля, чтобы выпить за здоровье какого-нибудь мѣстнаго дѣятеля, будь это губернаторъ, увольняемый отъ должности, или передовой дѣлецъ, уѣзжающій не по своей волѣ отдыхать въ мѣста не столь отдаленныя. И Михаилъ Андреевичъ за обѣдомъ, приказавъ раскупорить бутылку шампанскаго, громко провозгласилъ тостъ во-первыхъ за диктатора, потомъ за Россію и наконецъ за скорое осуществленіе надежды всѣхъ истинно-честныхъ людей. При этомъ онъ даже обратился къ Андрюшѣ, торжественно объявляя, что юное его поколѣніе гораздо счастливѣе своихъ отцовъ, такъ какъ ему на зарѣ жизни суждено увидать счастіе и свободу Россіи. Но пятнадцатилѣтній Андрюша совсѣмъ не былъ способенъ раздѣлять воодушевленіе отца. Онъ весь погрязъ въ дебряхъ греческихъ спряженій и думалъ лишь о томъ, какъ черезъ два мѣсяца онъ сдастъ экзаменъ въ пятый классъ, и на цѣлое лѣто выбьется на дорогую ему деревенскую волю.

Михаилъ Андреевичъ обратился къ Гришѣ:

— Ну, а у васъ въ министерствѣ что дѣлается?—спросилъ онъ, устремивъ на Гришу глаза, заблестѣвшіе отъ волненія и отъ выпитаго шампанскаго.— Я думаю, чай, горы проектовъ?..

— Все по-старому, папа, какъ будто не совсѣмъ охотно отвѣтилъ Гриша.—Дѣла всегда много...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не про то, энергически покачалъ головой Михаилъ Андреевичъ.—Дѣло ваше казенное, Богъ съ нимъ, кому оно нужно? Должно быть, готовится что-нибудь особенное, важное.

Гриша чуть-чуть улыбнулся. Неужели его отецъ, теперь уже два года членъ одного изъ столичныхъ присутствій, могъ еще сохранять иллюзіи, которыя самъ онъ, Гриша, начиналъ терять? Неужели Михаилъ Андреевичъ могъ наивно думать, что какія-нибудь важныя мѣры, если онѣ даже и затѣваются въ кабинетѣ министра, могутъ чѣмъ-нибудь нарушить непробудную гладь канцелярскаго дѣлопроизводства?

Да, Гриша понемногу терялъ свои иллюзіи. Не говоря уже о томъ, что привезенная имъ изъ-за границы та самая работа, окончаніемъ которой его торопили, твердя ему, что она изъ числа самыхъ важныхъ, вотъ уже цѣлыхъ три мѣсяца лежитъ никѣмъ не читанная на письменномъ столѣ правителя дѣлъ Варсонофьева, — не говоря уже объ этомъ маленькомъ личномъ разочарованіи, Гриша съ удивленіемъ подмѣчалъ, какъ мало отражался на его министерствѣ поворотъ въ правительственной системѣ. Недавно еще, послѣ катастрофы 5 февраля, онъ видѣлъ слѣды непривычной тревоги на безмятежномъ лицѣ своего начальника, а на лицахъ главныхъ дѣльцовъ министерства онъ видѣлъ то неподвижное, тусклое выраженіе, какое бываетъ, должно быть, у разбитыхъ на голову полководцевъ, — то выраженіе, какое на чиновныхъ лицахъ вызывается ожиданіемъ смѣны начальника. Но гроза миновала. Коловратскаго не только не смѣнили, онъ былъ въ числѣ побѣдителей. И Гриша ожидалъ, что теперь-то вотъ начнется та живая, кипучая дѣятельность, въ которой скажется весь творческій духъ Павла Александровича. Но дни проходили, никакой дѣятельности не обнаруживалось. Павелъ Александровичъ сдѣлался только еще любезнѣе, еще доступнѣе. На своихъ оффиціальныхъ пріемахъ онъ чуть не каждаго просителя дарилъ ласковымъ словомъ. Роль либеральнаго сановника, послушнаго духу времени, онъ игралъ мастерски. Но министерство — этотъ сложный механизмъ, предназначенный работать послушно подъ давленіемъ опытной руки Павла Александровича, министерство даже не всколыхнулось. Текущія дѣла также медленно и невозмутимо текли, казенная фигура Варсонофьева въ обычные часы также аккуратно исчезала за

дверьми кабинета Павла Александровича и показывалась оттуда съ тѣмъ же сухимъ выраженіемъ на желтоватомъ лицѣ, съ тѣми же противно моргавшими опухлыми вѣками. Докладъ о наградахъ къ будущей Пасхѣ давно уже былъ готовъ, и остаточныя суммы давно распредѣлены, но про какія-нибудь серьезныя работы, про настоящее дѣло не было и слышно. Огромная машина выполняла свою всегдашнюю работу, какъ дѣлаетъ это настоящая бездушная машина на фабрикѣ. Чиновники противуположныхъ направленій,—консерваторы и передовые,—при новыхъ порядкахъ, также безучастно, какъ и при старыхъ, строчили и подписывали свои записки и отношенія. „Да они точно также“, думалось Гришѣ, „исчертятъ любую бумагу, исполнятъ любое дѣло, кромѣ развѣ одного только, на которое они не способны,—упразднить самихъ себя въ сознаніи своей безполезности“.

И Гриша, недавно еще такъ преданный своему министерству, понемногу ожесточался противъ него, самъ того не примѣчая. Разъ онъ сидѣлъ за однимъ изъ многочисленныхъ столовъ канцелярской комнаты, нетерпѣливо перелистывая длиннѣйшую переписку по необыкновенно важному вопросу о томъ, слѣдуетъ ли возвратить крестьянскому обществу деревни Нижней Болановки три рубля пятьдесятъ семь копѣекъ, неправильно взысканные съ него становымъ приставомъ. А глаза его бѣгали по направленію дверей въ кабинетъ Павла Александровича, то и дѣло раскрывавшихся въ это утро, впуская и выпуская самыхъ разнообразныхъ лицъ и очень важныхъ, и не особенно чиновныхъ. Тамъ, за этими дверями,—Гриша чувствовалъ это,—обсуждались кипучіе вопросы, тамъ сосредоточивалась вся жизнь съ виду дремлющаго министерства. А Гришѣ приходилось терять время надъ этимъ безсмысленнымъ дѣломъ о выѣденномъ яйцѣ. Прежде было не такъ. Прежде, хоть и былъ онъ совсѣмъ еще новичкомъ, ему поручались не такіе вопросы. За послѣднее время Павелъ Александровичъ какъ будто не такъ уже благоволилъ къ нему. Начальникъ рѣдко призывалъ его къ себѣ и не вступалъ ужь съ нимъ, какъ прежде, въ пространныя объясненія. Гриша не зналъ еще по опыту, что длинныя записки по теоретическимъ вопросамъ тогда только составляются въ министерствѣ и начальники тогда только пускаются въ разговоры съ молодыми подчиненными, когда настоящихъ, серьезныхъ вопросовъ нѣтъ. А теперь они имѣлись въ избыткѣ. Только не проекты, какъ думалось Гришѣ, сочинялись въ кабинетѣ Павла Александровича, а дѣлалось тамъ настоящее, важное дѣло—опредѣля-

лись и складывались личныя отношенія. Павелъ Александровичъ теперь крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Всякій день онъ могъ убѣдиться въ этомъ, примѣчая, какъ усердно заискиваютъ въ немъ тѣ самые люди, которые недавно еще числились его врагами. Но тѣмъ не менѣе ему надо было считаться съ подавленною досадою этихъ людей. Новую кухню стряпали многіе изъ прежнихъ поваровъ, и надо было пріучить ихъ къ новымъ пріемамъ, стараясь какъ можно менѣе задирать ихъ раздражительное самолюбіе. И въ то же время надо было поддерживать отношенія съ тѣми господами изъ неоффиціальнаго міра, которые всегда считали Павла Александровича своимъ человѣкомъ, а теперь, при новыхъ вѣяніяхъ, особенно часто появлялись въ его министерскомъ кабинетѣ. Этихъ людей слѣдовало и ласкать и сдерживать въ то же время. Павелъ Александровичъ даже подыскалъ фразу, какъ нельзя болѣе, по общему мнѣнію, подходившую къ новому положенію—Россія, сказалъ онъ разъ такъ, чтобы слова его были услышаны и подхвачены,—Россія похожа на задерганную лошадь. Шпорить мы ее не станемъ, конечно, но мы ей отдаемъ поводья...

Павелъ Александровичъ, вообще скупой на слова, совсѣмъ не былъ охотникъ до фразъ, но иной разъ онъ былъ не прочь отчеканить свою мысль, придавъ ей ироническую форму. А теперь иронія какъ-то особенно просилась къ нему на языкъ. Недавно еще, когда ему приходилось выслушивать испуганные возгласы, и въ присутствіи его предлагались отчаянныя мѣры, едва замѣтная насмѣшка всегда слышалась въ его короткихъ отвѣтахъ. Краснаго призрака Павелъ Александровичъ не боялся, считая его для Россіи именно только призракомъ. Да и вообще онъ не былъ пугливаго десятка. Теперь такая же насмѣшливая улыбка играла на его губахъ, когда ему доводилось слышать о горячихъ надеждахъ на какое-то обновленіе. Онъ въ сущности такъ же мало вѣрилъ въ либеральное лѣкарство, какъ и въ революціонную болѣзнь. И въ рѣдкіе часы, когда мозгъ его отдыхалъ отъ усиленной работы и короткое раздумье на мигъ овладѣвало имъ, Павелъ Александровичъ иногда спрашивалъ себя, ради чего собственно онъ напрягаетъ умъ и волю, къ какой цѣли направлены его усилія. Честолюбіе его удовлетворено, но что жъ дальше? У него власть и почести, а впереди, если онъ сумѣетъ удержаться на мѣстѣ, почести еще бо́льшія; но власть тогда только имѣетъ цѣну, когда она средство для чего-то высшаго, а внѣшнія отличія могутъ тѣшить одно мелкое тщеславіе. Онъ

получаетъ большія деньги и, какъ человѣкъ дѣловой, легко можетъ въ своемъ положеніи увеличить и безъ того крупное состояніе. Но Павелъ Александровичъ въ сущности былъ равнодушенъ, если не къ самымъ деньгамъ, то ко всему тому, что пріобрѣтается ими. Роскошь онъ не любилъ, и свой большой домъ поставилъ на такую широкую ногу потому только, что онъ, недавно разбогатѣвшій человѣкъ, долженъ былъ выставлять напоказъ свое богатство. И дѣлалъ онъ это, всегда немного презрительно оглядываясь на убранство комнатъ, нужное совсѣмъ не для него, а для постороннихъ людей, которымъ надо было бросить пыль въ глаза. А между тѣмъ иныхъ, болѣе возвышенныхъ цѣлей у Коловратскаго не было. Убѣжденій онъ не имѣлъ никакихъ. Благо человѣчества звучало въ его ушахъ какъ пустое слово. Онъ могъ, конечно, выставить и защищать хорошо обдуманную программу, какъ ловкій адвокатъ находитъ средство выиграть запутанное дѣло. Но въ такой программѣ интересовалъ его только успѣхъ, умѣнье преодолѣть трудности, а вовсе не то, ради чего этотъ успѣхъ достигался. Павелъ Александровичъ, когда ему доводилось заглянуть въ себя и быть откровеннымъ съ собою, съ какимъ-то холоднымъ ужасомъ отворачивался отъ того, что находилъ на днѣ своего сердца. Этотъ умный человѣкъ сознавалъ тогда, что вся его жизнь, съ ея многочисленными ураганами, въ сущности безцѣльна. Павелъ Александровичъ не любилъ такія минуты, и когда имъ овладѣвало почти испуганное сознаніе пустоты и въ самомъ себѣ, и въ своей жизни, онъ тотчасъ упрямо приподнималъ голову, и говорилъ себѣ, что жизнь ничто иное, какъ борьба и что дорогъ въ ней успѣхъ самъ по себѣ, хотя бы то, что дается этимъ успѣхомъ, не имѣло, въ концѣ концовъ, никакой цѣны.

Да и нечего сказать, игра была куда какъ интересна и по величинѣ ставокъ, и потому въ особенности, что она давала иной разъ такъ глубоко заглядывать въ разсчеты партнеровъ. Какъ разъ сегодня къ Павлу Александровичу заѣзжалъ генералъ Авиновъ все по тому же дѣлу о сверхсмѣтной ассигновкѣ по его вѣдомству. Теперь шла рѣчь о возобновленіи этой ассигновки. И Павлу Александровичу было забавно видѣть, съ какою покорною лестью обратился къ нему въ этотъ разъ его всегдашній противникъ. Всего нѣсколько дней тому назадъ, въ засѣданіи комитета, Коловратскій разбилъ его на голову, неопровержимо доказавъ, какъ неразсчетливы и ошибочны были всѣ доводы генерала. И

вотъ Авиновъ являлся къ нему какъ смиренный проситель. Теперь обстоятельства измѣнились, Павелъ Александровичъ могъ уже диктовать свои условія. Они заключались въ томъ, во-первыхъ, чтобы Авиновъ отказался отъ своей постоянной оппозиціи и, во-вторыхъ, чтобы онъ согласился дать въ своемъ вѣдомствѣ назначеніе двумъ лицамъ, которыхъ Павлу Александровичу надо было пристроить. Создавать себѣ повсюду какъ можно больше кліентовъ было его всегдашней политикой.

Послѣ генерала въ этотъ день у Коловратскаго перебывали двое финансовыхъ тузовъ, Іосифъ Абрамовичъ Венцельштейнъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ петербургскихъ жидовъ, и московскій воротило, Кузьма Адріановичъ Осьминниковъ. Оба они хлопотали объ одной очень важной концессіи, ссылаясь при этомъ на самые противуположные доводы. За евреемъ стояла цѣлая кучка берлинскихъ аферистовъ и онъ, не стѣсняясь, говорилъ о необходимости уважить интересы заграничныхъ фирмъ, содѣйствіе которыхъ такъ важно для Россіи. Осьминниковъ, напротивъ, все широкое лицо котораго съ густой, рыжей бородой, дышало самоувѣренностью русскаго толстосума, ударяя себя кулакомъ въ грудь, увѣрялъ громкимъ голосомъ, что крупные барыши пригодны лишь для патріотическихъ кармановъ. Слушая ихъ поочередно, Коловратскій внутренно посмѣивался. „Какъ они въ сущности, думалъ онъ, другъ на друга похожи. И всего забавнѣе, что сами они о томъ не догадываются“... Всѣ симпатіи Павла Александровича тянули его въ сторону еврея-космополита. Онъ самъ плохо вѣрилъ въ способность русскихъ капиталовъ обходиться безъ иностранной помощи, да и глубоко претило ему это патріотическое краснобайство, такъ охотно заглядывавшее въ казенный сундукъ. Теперь, когда одного слова Павла Александровича было довольно, чтобы доставить милліоны тому или другому соискателю, къ нему чуть не каждый день являлись крупнѣйшіе дѣльцы, и чувствовать за собою власть надъ денежнымъ міромъ доставляло ему особое жгучее наслажденіе. Павелъ Александровичъ охотно выслушивалъ, что говорили ему эти люди. У него всегда была склонность къ финансовымъ дѣльцамъ: онъ любилъ ихъ складъ ума и самую грандіозную смѣлость крупныхъ спекуляцій. Да и слѣдовало новую либеральную эру ознаменовать подъемомъ русской промышленности. Не разъ при этомъ Коловратскому приходилось выслушивать предложенія, въ которыхъ прозрачно намекалось на крупныя выгоды для него самого. Стоило ему захотѣть, и свое со-

дѣйствіе онъ могъ продать за дорогую цѣну. И Павелъ Александровичъ съ самодовольною гордостью чувствовалъ, какъ недоступенъ онъ подобнымъ искушеніямъ. Его богатство позволяло ему съ презрѣніемъ смотрѣть на тѣхъ, кто поддается блеску чужаго золота. Ему такъ легко можно было обогащаться еще болѣе и безъ этого. Онъ могъ помѣщать свои капиталы навѣрняка и развѣ чуть-чуть наклонять вѣсы въ сторону тѣхъ обществъ, гдѣ онъ былъ соучастникомъ. За то для близкихъ людей онъ не прочь былъ поступиться своими правилами и доставлять имъ тѣ выгоды, отъ которыхъ брезгливо отказывался для себя. Онъ умѣлъ цѣнить оказанныя ему услуги и щедро платилъ за нихъ на чужой счетъ. Какъ разъ сегодня, разговаривая съ Венцельштейномъ, онъ устроилъ одно такое дѣло для графини. И когда пріемъ кончился, онъ принялся ей писать, чтобы сообщить ей объ этомъ. Дружба съ этой умной женщиной, сперва основанная на разсчетѣ, мало по малу приняла болѣе нѣжный оттѣнокъ, и Павелъ Александровичъ, заканчивая свою записку нѣсколькими сердечными словами, совсѣмъ не примѣтилъ, какъ въ кабинетъ, мягко наступая по ковру, вошелъ правитель дѣлъ Варсонофьевъ.

— Ваше высокопревосходительство,—началъ онъ, подходя къ столу.

— Что, что такое?—немного морщась, проговорилъ Павелъ Александровичъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобы его заставали врасплохъ. Но лицо его тотчасъ приняло обычное выраженіе.—Я васъ слушаю,—проговорилъ онъ, быстро укладывая въ конвертъ свою записку.

У Варсонофьева въ рукахъ былъ проектъ отзыва на одно представленіе въ Государственный Совѣтъ. Въ этомъ отзывѣ доказывалось, что представленіе не состоятельно, потому что оно противорѣчитъ такимъ-то статьямъ такихъ-то уставовъ. Павелъ Александровичъ, тотчасъ же принявшійся внимательно слушать, сразу понялъ, что это было совсѣмъ не то, что слѣдовало. „Какъ этотъ Варсонофьевъ однако мелко плаваетъ“, подумалъ онъ. „Неужели онъ не понимаетъ, что законъ самъ по себѣ ничего не значитъ, и за него можно ухватываться лишь какъ за удобный предлогъ“... А это представленіе надо было напротивъ поддержать, такъ какъ оно исходило отъ лица, въ которомъ Павелъ Александровичъ нуждался.

— Хорошо,—сказалъ онъ, отпуская правителя дѣлъ,—я это обдумаю. Пришлите мнѣ Радугина.

Леонтій недавно былъ назначенъ чиновникомъ по осо-

бымъ порученіямъ съ жалованьемъ въ три тысячи. Это было очень быстрое повышеніе. Но Павелъ Александровичъ, умѣвшій цѣнить людей, не забылъ про услугу, оказанную ему Леонтіемъ въ прошломъ году.

— Леонтій Петровичъ,—сказалъ онъ вошедшему Радугину,—просмотрите эти наброски, сдѣланные мною на представленіи въ Государственный Совѣтъ, и составьте по нимъ записку. Вы поймете мою мысль, я въ этомъ увѣренъ. Это будетъ лично для меня,—добавилъ онъ,—для преній во время засѣданія, и поэтому вы можете быть краткимъ въ своемъ изложеніи. Впрочемъ, чего васъ учить... А оффиціальный отзывъ, который я подпишу, приготовитъ мнѣ Николай Арсеньевичъ.

Онъ торопливо подалъ руку Леонтію. Павелъ Александровичъ не любилъ терять времени; въ Леонтіи ему нравилось именно то, что молодой человѣкъ схватывалъ его мысль на полусловѣ.

— Что, милый мой,—съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи проговорилъ Леонтій, проходя мимо стола, за которымъ сидѣлъ Гриша,—все еще корпишь надъ своей важной работой?

— Какъ видишь,—процѣдилъ сквозь зубы Гриша, не поднимая головы.

— Ты, кажется, не въ духѣ?—отозвался на это Леонтій, намѣренно растягивая слова.—Брось-ка лучше, да пройдемся по Морской: погода отличная! Полагаю, вопросъ о трехъ рубляхъ съ копѣйками не настолько важенъ...

— Отстань пожалуйста,—весь вспыхнувъ, рѣзко отвѣтилъ Гриша.—Мнѣ теперь не до твоихъ шутокъ и не до прогулокъ съ тобой.

Леонтій посмотрѣлъ на него съ холодной насмѣшливостью и повелъ плечами.

— Какъ хочешь, сеньоръ,—проговорилъ онъ,—до пріятнаго свиданья!

За послѣднее время Гриша выказывалъ бывшему товарищу явную враждебность, избѣгая даже вступать съ нимъ въ разговоръ. Но Леонтій намѣренно не хотѣлъ этого примѣтить и дѣлалъ видъ, что въ ихъ отношеніяхъ не произошло никакой перемѣны. Ему нельзя было ссориться съ человѣкомъ, сестру котораго онъ страстно полюбилъ. А Гриша, отлично понимавшій его разсчетъ, раздражался за то еще больше. Вѣдь благодаря Леонтію произошла размолвка Наташи съ Юріемъ, и его собственныя отношенія къ сестрѣ теперь стали такими натянутыми. Всѣ его по-

пытки предостеречь Наташу, изобличить въ ея глазахъ истинную натуру Леонтія, безсильно разбивались, лишь создавая между ними какое-то небывалое прежде отчужденіе. Къ этому чувству у Гриши съ нѣкоторыхъ поръ примѣшивалось иное. Онъ видѣлъ, что Леонтій овладѣлъ довѣріемъ Павла Александровича, что ему поручались самыя важныя дѣла, между тѣмъ какъ его, Гришу, занимали пустою, никому ненужною работою. И всегда чистосердечный съ собой, Гриша укорялъ себя за это недостойное чувство зависти.

„Неужели, говорилъ онъ себѣ, я такъ не взлюбилъ этого человѣка за то, что онъ перебиваетъ мнѣ дорогу, и только стараюсь увѣрить себя, что безкорыстно негодую на него за сестру?“.. Онъ старался разсѣять въ себѣ это постыдное, завистливое чувство. „Да и какое у меня право,—продолжалъ онъ раздумывать,—ненавидѣть этого человѣка и презирать его? Чѣмъ въ сущности заслужилъ онъ это презрѣніе?“.. И Гриша тутъ же припомнилъ иные поступки Леонтія, которые явно говорили о безкорыстіи и благородствѣ. Вѣдь Леонтій не разъ горячо заступался передъ Варсонофьевымъ за иныхъ сослуживцевъ, навлекшихъ на себя неудовольствіе всесильнаго правителя дѣлъ. Не разъ онъ помогалъ менѣе способнымъ изъ своихъ товарищей по исполненію порученной имъ работы. А въ самомъ началѣ этой зимы, когда открылась вакансія на штатное мѣсто и Леонтію это мѣсто предложили, онъ добровольно уступилъ его одному очень небогатому молодому товарищу. Все это было очень хорошо и несомнѣнно говорило въ пользу Леонтія. А между тѣмъ чутье подсказывало Гришѣ, что онъ не ошибается на его счетъ, что, несмотря на всѣ эти хорошіе поступки, Леонтій все-таки двуличный эгоистъ, готовый развѣ въ мелочахъ выставить напоказъ мнимое великодушіе.

Продолжать работу Гриша теперь уже не могъ. Онъ вышелъ на улицу, чтобы на свѣжемъ воздухѣ разогнать свои мрачныя думы. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ по тротуару, ему попалась навстрѣчу неуклюжая фигура въ поношенномъ драповомъ пальто и въ стоптанныхъ галошахъ, одѣтыхъ неизвѣстно зачѣмъ, такъ какъ было совершенно сухо. Въ этой фигурѣ, по одной ея торопливой и въ то же время нерѣшительной походкѣ Гриша, уже издалека призналъ бывшаго учителя своихъ братьевъ, Клирова.

— Ксенофонтъ Матвѣевичъ, какъ я радъ!—воскликнулъ онъ, протягивая руку.—Вотъ ужь не ожидалъ встрѣтить!

— Какъ же-съ, какъ же-съ, и узнали меня-таки,—улы-

боясь всѣмъ своимъ широкимъ ртомъ и слегка краснѣя, отвѣтилъ Клировъ.

Все въ немъ, и одежда, и самое лицо съ давно нестриженными волосами и съ несовсѣмъ опрятной, жидкой бородой, носило признаки тяжелой, упорной бѣдности.

Они пошли рядомъ.—Ну, разсказывайте,—заговорилъ Гриша,—давно вы въ Петербургѣ? Что подѣлывали все это время?

Клировъ нерѣшительно, какъ бы смущаясь, принялся разсказывать. За полтора года, что они не видались, онъ маялся изъ города въ городъ, все отыскивая занятій и переходя отъ одной неудачи къ другой. Но молодой человѣкъ видимо не унывалъ.

— Много, много было хорошаго за это время,—говорилъ Клировъ, хотя ровно ничего хорошаго съ нимъ, повидимому, не случилось.—Сколько преотличныхъ людей я встрѣчалъ, сколько видѣлъ добрыхъ начинаній... Да что про мою особу толковать, когда у насъ, на Руси, дѣлаются такія великія дѣла! Наконецъ-то, наконецъ! Я всегда говорилъ, что скоро наступятъ ясные дни, и вотъ наступили.

Глаза его при этомъ засвѣтились. Онъ принялся съ жаромъ, хоть и сбиваясь немного и какъ бы робѣя, излагать Гришѣ свои радужныя надежды.

— Слышали, продолжалъ онъ,—всѣхъ нашихъ, которые сосланы были изъ-за пустяковъ, вернули назадъ,—Перекатова, Дымченко, Павловскаго, ну всѣхъ, всѣхъ. Мнѣ такъ это отрадно, словно меня самого изъ тюрьмы выпустили.

И у самаго Гриши тоже отрадно стало на сердцѣ. Этотъ бѣдняга, у котораго не было вѣрнаго куска хлѣба, думалъ прежде всего не о себѣ, а о своихъ товарищахъ, радовался ихъ радости. Въ немъ одномъ Гриша находилъ отголосокъ собственнымъ мечтамъ, глохнувшимъ среди Петербургскаго сухаго безучастія. „И этотъ человѣкъ воображаетъ себя матеріалистомъ!“ думалось Гришѣ.

— Ну, а вы какъ въ Петербургъ попали? спросилъ онъ, немного погодя.

— Да такъ. Есть у меня товарищъ здѣсь одинъ, съ которымъ мы прежде были очень дружны, Радугинъ, сынъ извѣстнаго профессора. Вотъ я узналъ недавно, что онъ мѣсто получилъ и пошелъ, какъ говорится, въ люди. Ну вотъ я и надумался къ нему написать, можетъ быть, онъ меня и пристроитъ. Говорю вамъ, большіе друзья мы съ нимъ были.

„Ну ужь нашелъ къ кому обратиться!“ подумалъ Гриша. Но ему не хотѣлось разсѣять иллюзіи Клирова.

— Я самъ за васъ постараюсь, Ксенофонтъ Матвѣевичъ, сказалъ онъ. —Я съ Радугинымъ въ одномъ Министерствѣ служу. Можетъ быть, и удастся... А Перекатовъ, говорите вы, тоже здѣсь. Стало быть земскую статистику бросилъ?

— Въ столицу захотѣлось, что дѣлать! добродушно засмѣялся Клировъ.—Онъ высокаго полета птица.

— Ну ужь не такого высокаго! вполголоса отозвался Гриша.—Заходите къ намъ, заходите! настаивалъ онъ, видя, что Клировъ не рѣшается сразу принять его приглашеніе.

Долго они протолковали, ходя взадъ и впередъ по улицѣ, какъ толкуютъ только русскіе молодые люди, долго не видавшіе другъ друга. И Грищѣ хорошо было слушать его восторженныя рѣчи, полныя вѣры въ будущее, и ни на одного изъ своихъ блестящихъ, свѣтскихъ знакомыхъ не промѣнялъ бы онъ этого полунищаго Клирова съ его неряшливой одеждой и невзрачной наружностью.

Леонтій между тѣмъ прямо изъ Министерства направился на Дворцовую набережную къ дому, гдѣ жила графиня Елизавета Андреевна. Онъ позвонилъ у подъѣзда, и по одному выраженію лица швейцара, когда тотъ его впустилъ, видно было, что принимаютъ его здѣсь часто и охотно. Графиня была дома. Когда часъ спустя онъ выходилъ отъ нея, на его губахъ блуждала самодовольная, торжествующая улыбка. То же самодовольное торжество было въ самой его походкѣ, пока онъ шелъ къ себѣ на Васильевскій островъ. Сближаясь съ Елизаветой Андреевной, онъ искалъ у нея одного лишь—доступа въ тотъ избранный кругъ, къ которому онъ самъ не принадлежалъ, а нашелъ онъ между тѣмъ нѣчто совсѣмъ иное. Онъ не могъ уже сомнѣваться въ томъ, что и развитый его умъ, и еще болѣе, можетъ быть, его счастливая наружность пришлись по вкусу молодой вдовѣ. Какъ женщина совершенно свободная, въ особенности свободная отъ предразсудковъ, тридцатилѣтняя графиня могла очень недвусмысленно дать ему понять, что онъ ей понравится. Связь съ Павломъ Александровичемъ не удовлетворяла ея потребности въ сильныхъ ощущеніяхъ. Холодный разсчетъ, руководившій жизнью графини, не могъ заглушить въ ней того, что женщины любятъ называть голосомъ сердца, хотя сердце тутъ большею частью не при чемъ. Сама графиня не нравилась Леонтію ни чуть,—воображеніе его всецѣло было занято Наташей—но отвѣтить на ея прихоть и, главное, воспользоваться ею молодой человѣкъ былъ совсѣмъ не

прочь; слишкомъ ужь много выгодъ самаго положительнаго свойства сулило ему это сближеніе. У него даже голова немного закружилась отъ задорной мысли, что ему такъ легко будетъ съ ея помощью осуществить свои честолюбивые замыслы. Забавляла его даже какъ-то особенно эта будущая роль соперника Павла Александровича и самая двусмысленность этой роли, и ему это нравилось. Нѣсколько разъ, пока онъ шелъ домой, у Леонтія невольно прорывался веселый, хоть и сдержанный хохотъ. Но по мѣрѣ того, какъ молодой человѣкъ подходилъ къ своему дому, онъ невольно замедлялъ шагъ, и мысли приняли другой оборотъ. Дома его ждало не совсѣмъ пріятное объясненіе съ отцомъ. Въ первый разъ ему приходилось у Петра Кирилловича просить денегъ. До сихъ поръ онъ умѣлъ обходиться полутора тысячами, которыя давалъ ему отецъ. Леонтій зналъ, что больше этого Петръ Кирилловичъ, получавшій тысячъ семь въ годъ за свои лекціи въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ, дать едва-ли въ состояніи. Но за послѣднее время, при всей его осторожности, у Леонтія завелись долги. Свѣтская жизнь требовала расходовъ, на которые скупиться было нельзя по самому очевидному разсчету.

Леонтій засталъ отца въ сильно возбужденномъ настроеніи. Петръ Кирилловичъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и, увидавъ сына, воскликнулъ:

— Поздравь меня, Леонтій, мнѣ предстоитъ дѣло, о которомъ я мечталъ давно. Мнѣ разрѣшено издавать большую политическую газету съ самыми широкими правами. Теперь, когда снова зашевелилась у насъ общественная жизнь, я надѣюсь, мы увидимъ повтореніе начала шестидесятыхъ годовъ, нуженъ въ печати честный и независимый голосъ... и правительство это, кажется, поняло...

— И вы будете издавать газету на собственныя деньги?— спросилъ нѣсколько озадаченный Леонтій: онъ зналъ, что у отца есть небольшой капиталъ тысячъ въ тридцать, но этого было явно недостаточно для ежедневной газеты.

— Нѣтъ... мнѣ фонды обѣщалъ... одинъ капиталистъ... —Петръ Кирилловичъ нѣсколько замялся,—ну, словомъ баронъ Венцельштейнъ,—немного пристыженно добавилъ онъ.

„Ага, дѣло, стало быть, серьезное!“ подумалъ Леонтій. „И какъ смѣшно, что онъ будто конфузится этого!“

— Стало быть газета ваша будетъ органомъ барона?— спросилъ онъ громко.

— Леонтій, ты меня, кажется, знаешь,—нѣсколько торжественнымъ и въ то же время обиженнымъ тономъ прого-

ворилъ Радугинъ.—Знаешь, что я неспособенъ ни на какія сдѣлки съ совѣстью...

„Во всякомъ случаѣ, деньги будутъ—это главное," опять подумалъ Леонтій и тутъ же осторожно приступилъ къ изложенію своей просьбы.

— Какъ, тебѣ не хватаетъ денегъ? У тебя долги?—изумился Петръ Кирилловичъ.—Да вѣдь ты недавно получилъ мѣсто?

Леонтій улыбнулся.

— Даже очень хорошее,—отвѣтилъ онъ.—Но жалованье я вѣдь получу не разомъ. Жизнь, которую я теперь веду, требуетъ издержекъ. И повѣрьте мнѣ, издержки эти не пропадутъ даромъ.

И Леонтій сталъ объяснять отцу, почему онъ уже не можетъ жить теперь такъ скромно, какъ прежде. Но Петръ Кирилловичъ, очевидно, совсѣмъ не понималъ доводовъ сына. Его даже нѣсколько коробило отъ совершенно новыхъ для него соображеній, въ которыя пустился Леонтій.

— Хорошо, я дамъ тебѣ тысячу рублей,—сказалъ Петръ Кирилловичъ съ непривычною суровостью въ голосѣ.—Но, признаюсь, мнѣ не совсѣмъ нравится, что ты...

— Вамъ не нравится, что я умѣю пробивать себѣ дорогу?—развязно спросилъ Леонтій.

— Ты не хочешь меня понять!—морщась какъ бы отъ боли, возразилъ Радугинъ.—Съ нѣкоторыхъ поръ я примѣчаю въ тебѣ какіе-то странные, почти циническіе взгляды. Берегись, Леонтій, помни, что дорога вверхъ—скользкая дорога; что прежде всего не людямъ надо угождать, а заслужить одобреніе своей совѣсти.

„Хотѣлъ бы я видѣть", подумалъ Леонтій, подавляя на губахъ улыбку, „какое повышеніе на службѣ мнѣ дало бы хорошее мнѣніе обо мнѣ моей почтенной совѣсти!".

Но главное было достигнуто—деньги получены, хотя и въ недостаточномъ количествѣ. И, поблагодаривъ отца, Леонтій сошелъ къ себѣ внизъ.

Въ своей комнатѣ, теперь убранной гораздо лучше, чѣмъ за два года передъ тѣмъ, Леонтій засталъ, къ своему удивленію, не совсѣмъ желаннаго гостя. Безцеремонно развалившись на диванѣ, у него сидѣлъ Варѳоломей Перекатовъ.

— Видите, батенька,—не трогаясь съ мѣста,—заговорилъ онъ,—едва въ Петербургѣ, и счелъ долгомъ явиться. Надѣюсь, вы тронуты?

— Даже польщенъ!—довольно холодно протянулъ ему руку Леонтій.—Чѣмъ могу служить?

— Ого, какъ оффиціально! Сейчасъ видно, что важнымъ чиновникомъ стали. А вы-таки не ошиблись: я въ самомъ дѣлѣ къ вамъ съ просьбой о товарищеской услугѣ.

„Хочетъ попросить денегъ, ну его къ чорту!“ сказалъ себѣ Леонтій и тутъ же разсудилъ, что отдѣлается отъ него двадцатью пятью рублями.

Но Перекатову нужны были не деньги. Онъ попросилъ Леонтія его пристроить въ Министерствѣ и по обыкновенію просьбу свою выразилъ почти какъ требованіе.

— На счетъ моихъ способностей, — сказалъ онъ, — не извольте безпокоиться: въ Рязанской управѣ я кое-чему научился. А теперь хотѣлъ бы заняться чѣмъ-нибудь посущественнѣе, чѣмъ статистика эта. Ну и время къ тому самое подходящее; теперь, я думаю, спросъ пойдетъ на тѣхъ, у кого былъ волчій паспортъ. Да и вы, я думаю, не прочь пособить бывшему товарищу, да вдобавокъ единомышленнику. Вы тоже, помнится, охотно пускались въ неблагонамѣренныя разсужденія.—И Перекатовъ разсмѣялся непріятнымъ смѣхомъ.

— На службѣ, я думаю,—сдержанно отвѣтилъ Леонтій,—неблагонамѣренность надо оставить въ покоѣ.

— Еще бы, мы тоже не дураками рождены!—Перекатовъ всталъ и прошелся по комнатѣ.—А что до васъ касается, такъ одного взгляда на вашу особу, да на квартиру вашу совсѣмъ достаточно, чтобы понять сразу, какъ хорошо вы вытравили изъ себя весь этотъ неприличный духъ вольномыслія.

Леонтій начиналъ бѣситься.

— Послушайте, Перекатовъ, — сказалъ онъ нетерпѣливо,—оставьте пожалуйста этотъ тонъ, довольно странный вдобавокъ, когда просишь у кого-нибудь одолженія. Да и кстати сказать,—оглянулъ онъ всю крупную фигуру Перекатова,—вы тоже, кажется, сочли за благо измѣнить свою внѣшность?..

Въ самомъ дѣлѣ костюмъ Перекатова былъ совершенно приличный, коротко остриженные волосы были гладко прячесаны, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ глядѣлъ почти джентльменомъ.

— Еще бы!—усмѣхнулся онъ.—Это пустое ряженье мы теперь бросили. Зачѣмъ на себя ярлыкъ надѣвать? Только полицію дразнишь напрасно. Не во внѣшности, кажется, дѣло. Наша служба мундира не требуетъ.

— Ну, вотъ видите,—примирительно возразилъ Леон-

тій,—и я совершенно то же говорю себѣ. Можно оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ...

— Полно, Радугинъ!—грубовато перебилъ его Перекатовъ.—Не мнѣ бы вы это разсказывали; я вѣдь васъ еще въ университетѣ раскусилъ. Мы съ вами не одного поля ягоды. Никакихъ убѣжденій у васъ нѣтъ, да и не было никогда, развѣ одно только—себя не забывать.

Леонтій вспыхнулъ.

— Послушайте однако, Перекатовъ, началъ онъ, возвышая голосъ.

Но Перекатовъ его опять перебилъ.

— Полноте, говорятъ вамъ, кипятиться тутъ нечего. Вы умный вѣдь человѣкъ, а умные люди умѣютъ правду высказывать. Я давно знаю, что вамъ нашъ братъ всегда смѣшнымъ казался, потому что въ вашихъ глазахъ чѣмъ-либо жертвовать для какого-то общаго дѣла непростительная глупость.

Леонтія взорвало. „Да чего въ самомъ дѣлѣ“, пронеслось у него въ головѣ, „мнѣ передъ этимъ оборванцемъ трусить, да скрытничать!..“ И ему вдругъ захотѣлось высказать передъ нимъ съ полной циничной откровенностью свои настоящіе взгляды.

— Да, воскликнулъ онъ, и глаза у него разгорѣлись,—вы мнѣ точно смѣшными кажетесь, ptoому что вы непослѣдовательны. Вы вѣдь все отвергаете, и религію, и нравственный долгъ, потому что вѣдь какой же можетъ быть долгъ передъ не существующимъ Богомъ. И надъ всѣми такъ-называемыми принципами вы смѣетесь, называя ихъ побрякушками глупаго идеализма. А все-таки на мѣсто всего этого вы сочинили себѣ какой-то новый кумиръ—человѣчество, ради котораго вамъ угодно распинаться. Умно, нечего сказать! Да, коли Бога нѣтъ и нравственности тоже, для какого чорта жертвовать хотя бы малѣйшимъ своимъ удовольствіемъ изъ-за блага какихъ-то мнимыхъ братьевъ. И потому они развѣ братья намъ, что происходимъ мы всѣ отъ какой-то допотопной обезьяны. Нѣтъ, ужь по-моему, коли отрицать все, такъ нечего передовыя нюни распускать, это, по крайней мѣрѣ, будетъ логично.

Насмѣшливое выраженіе теперь совсѣмъ исчезло съ лица Перекатова.

— Да, проговорилъ онъ медленно,—логично оно, это правда, только знаете что, Радугинъ, за такую логику, когда она переходитъ отъ слова къ дѣлу, порядочные люди руки не протягиваютъ.

— Ну, не протягивайте, да и чортъ съ вами!—вспылилъ Леонтій.

Перекатовъ взялся за шляпу и выпрямился во весь свой огромный ростъ.

— Ну, милый мой, не кричите, не испугаете вѣдь! А правду вы сказали, что странно къ людямъ приходить за одолженіемъ, когда хочется этимъ людямъ наговорить дерзостей. Не совсѣмъ оно практично, разумѣется, да и то сказать, иной разъ слишкомъ ужь пріятно облегчить душу, да выложить свое настоящее мнѣніе. Ну-съ, до свиданья! Желаю вамъ всякихъ успѣховъ!

Сказавъ это, Перекатовъ вышелъ.

— Дрянной мальчишка! проговорилъ ему вслѣдъ Леонтій. Но какъ ни увѣрялъ онъ себя, что ни въ грошъ не ставитъ мнѣніе Перекатова, прежней, спокойной увѣренности въ себѣ онъ долго вернуть не могъ. Не ловко бываетъ иной разъ самымъ беззастѣнчивымъ людямъ сознавать, что ихъ видятъ насквозь, и чувствовать на себѣ гнетъ неумолимаго презрѣнія.

К. ОРЛОВСКІЙ.

МОРЕ.

Стихотвореніе короля Оскара II [1]).

(Съ шведскаго).

Ты, синее море, что столько вѣковъ
Съ утесами Скандіи билось,
Что каждой зеленой весной, безъ оковъ,
Свободное, въ даль уносилось,
Тебѣ моя пѣсня, къ тебѣ я стремлюсь
При плескѣ валовъ твоихъ въ скалы.

Свободенъ твой вѣтеръ, могучъ твой призывъ,
Какъ вешнія бури играютъ;
То зеленъ, то синь твоихъ волнъ переливъ,
И гребни, вздымаясь сверкаютъ!
Ихъ пѣнистый рядъ ослѣпительно бѣлъ,
Дробясь о кремнистыя скалы.

---

[1]) Оскаръ II, докторъ философіи на королевскомъ престолѣ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ шведскихъ писателей и поэтовъ. Какъ поэтъ-переводчикъ, король извѣстенъ прекрасными переводами на шведскій языкъ „Торквато Тассо“ Гёте, полнаго цикла испанскихъ романсовъ о Сидѣ, разныхъ стихотвореній изъ Байрона, Мура, Гюго и пр. Какъ самостоятельный поэтъ, Оскаръ II написалъ рядъ прекрасныхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Изъ лѣтописей шведскихъ мореходовъ“ и множество картинокъ и лирическихъ пьесъ, составляющихъ плоды впечатлѣній вѣнценоснаго скальда во время его многочисленныхъ и интересныхъ, отдаленныхъ путешествій. Приведенное здѣсь стихотвореніе заимствовано изъ „Лѣтописей шведскихъ мореходовъ“, за которыя королю присуждена медаль шведской академіи наукъ и искусствъ. Мы имѣемъ переводы еще нѣсколькихъ стихотвореній короля Оскара, которыя помѣстимъ вслѣдъ за этимъ.

Но шумнымъ крыломъ грозно буря взмахнетъ,—
И пепельны станутъ ланиты
У дѣвы морской и въ клочки разорветъ
Вмигъ парусъ мой вѣтеръ сердитый,—
Еще горделивѣй воспрянетъ мой духъ
Средь волнъ, ударяющихъ въ скалы,

Мнѣ слышится словно звонъ стали въ волнахъ,
Звонъ дивный, и яркій, и жгучій;
То борется смерть на морскихъ глубинахъ,
То подвигъ отваги могучей!..
Пусть вѣтеръ поетъ свою буйную пѣснь
При плескѣ валовъ твоихъ въ скалы!

О, труденъ и страшенъ томительный бой
Пловца съ этой грозною силой:
Отважно стоитъ онъ за утлой доской
Надъ синей, глубокой могилой,
Межъ бурныхъ пучинъ пролегая свой путь
При плескѣ валовъ твоихъ въ скалы!

Грозятъ ему вѣтры на этомъ пути,
Туманы, буруны, стремнины;
Какъ часто онъ шепчетъ надеждѣ „прости!“
Во мглѣ полуночной пучины...
Не люди—свидѣтели всѣхъ его битвъ,
Ихъ видятъ лишь волны да скалы.

Но что ему буря?—Привыкъ онъ къ бѣдамъ
И любитъ онъ море, какъ друга,
И тянетъ его къ бѣлопѣннымъ волнамъ
Отъ мирнаго крова и плуга;
И какъ обаятеленъ онъ для него—
Плескъ волнъ, ударяющихъ въ скалы!

Пою васъ я, волны,—и сердце въ огнѣ!
Гляжу, какъ, кипя и качая,
Шумятъ вокругъ Скандіи древней онѣ,

Путь славы для насъ открывая,
И тысячью сагъ изъ минувшихъ временъ
Звучатъ, ударяясь о скалы.

Ты, вольный, ты, гордо-сверкающій валъ,
Бѣгущій путемъ безконечнымъ,
Повѣдай о битвахъ, какія видалъ,
Ты мнѣ языкомъ своимъ вѣчнымъ—
Я жадно внимаю сказаньямъ твоимъ,
Вѣка оглашающимъ скалы.

Но если увидишь ты вражьи суда,
Бѣгущія въ злую ловитву,
Сзывай въ громоносный свой рогъ ты тогда
Насъ всѣхъ на кровавую битву!
Сзывай, не напрасно раздастся твой кличъ,
Пробудитъ угрюмыя скалы!

Себя еще помнитъ сквозь славную даль
Народъ,—онъ давно тебя знаетъ,
Знакомы ему твои бури и сталь,
Онъ рѣчи твои понимаетъ...
И врагъ, намъ грозящій, могилу найдетъ
Въ волнахъ, ударяющихъ въ скалы.

В. ГОЛОВИНЪ.

Домъ боярина XVII столѣтія.

„Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“. Изданіе Археогр. Коммисіи Спб. 1884—1888 г.

Четыре года тому назадъ, Археографическая Коммисія Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданіемъ перваго тома „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“, положила начало обнародованію обширнаго ряда документовъ, освѣщающихъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ русской исторіи, именно—начало царствованія Петра Великаго съ сопровождавшими его событіями: открытіемъ заговора окольничаго Шакловитаго и окончаніемъ борьбы Петра съ царевной Софьей, борьбы, благопріятный исходъ которой для царя легъ въ основу благодѣтельныхъ реформъ, создавшихъ могущество и славу Россіи.

Всѣ документы, вошедшіе въ названное изданіе Археографической Коммисіи, имѣютъ весьма важное значеніе для нашей исторической науки. Прежде всего, ихъ появленіе въ печати, при той полнотѣ, съ какою они изданы, даетъ возможность дополнить существующія историческія розысканія объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Петра многими цѣнными подробностями, а также провѣрить и исправить, на основаніи документальныхъ данныхъ, показанія нашихъ историковъ о событіяхъ той эпохи. Затѣмъ „Дѣла о Шакловитомъ“ заключаютъ въ себѣ богатый историко-юридическій матеріалъ, пользуясь которымъ можно возстановить во всей полнотѣ порядокъ стариннаго русскаго слѣдствія и дѣлопроизводства. Но самое важное значеніе представляютъ эти документы для исторіи старо-русскаго быта, позволяя до мельчайшихъ подробностей вос-

произвести обстановку жизни нашихъ бояръ въ концѣ XVII вѣка.

Наибольшимъ интересомъ въ этомъ отношеніи отличаются описи имущества въ дѣлѣ о ссылкѣ князей Голицыныхъ. Этими документами мы и воспользуемся, главнымъ образомъ, въ настоящей статьѣ, для того чтобы нарисовать возможно полную картину той обстановки, въ которой жили наши бояре въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. Помянутыя описи заключаются частію въ вышедшемъ недавно III томѣ „Розыскныхъ дѣлъ“, частію же составляютъ IV т. изданія, уже приготовленный къ печати.

Не менѣе интересный бытовой матеріалъ представляетъ дѣло другаго осужденнаго по дѣлу о Шакловитомъ и его сообщникахъ, именно—стольника Андрея Безобразова, вошедшее въ составъ ранѣе изданнаго II тома. Это дѣло особенно интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ, въ показаніяхъ многочисленныхъ лицъ, равно какъ и въ приложенныхъ къ слѣдственнымъ документамъ письмахъ Безобразова, рельефно выступаетъ любопытная сторона отношеній боярина къ семьѣ, хозяйству и своимъ подданнымъ—дворовымъ и крѣпостнымъ людямъ. Это же дѣло даетъ понятіе о массѣ суевѣрныхъ обычаевъ и предразсудковъ, коренившихся тогда въ средѣ даже такихъ людей, какъ стольникъ Безобразовъ, который самъ погибъ жертвою распространенной въ то время вѣры въ колдовство и иныя темныя силы.

Дѣло Андрея Безобразова возникло уже послѣ ссылки Голицыныхъ, въ то время, когда все, казалось, должно было уже утихнуть, такъ какъ глава заговора—Шакловитый былъ казненъ, а Софья заключена въ монастырь. Въ это-то время, неизвѣстно почему, стольникъ Андрей Безобразовъ получилъ царскій указъ о назначеніи его воеводою на Терекъ. Отправляться въ эту далекую сторону ему видимо не хотѣлось, и онъ всячески медлилъ въ дорогѣ, пока не добрался, наконецъ, до Нижняго-Новгорода.

Дальше ѣхать ему не пришлось, такъ какъ туда явился подполковникъ московскихъ стрѣльцовъ Иванъ Башевъ, арестовалъ его и увезъ на Москву. Вскорѣ затѣмъ Безобразовъ былъ осужденъ, какъ сказано въ приговорѣ, за то, что „умышлялъ на здоровьѣ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и матери его великаго государя, великія государыни благовѣрныя царицы и великія княгини Наталіи Кириловны, злое дѣло и ожидалъ смутнаго времени

и на бояръ, и на ближнихъ людей побѣды и убивства, и для возмущенія людей своихъ посылалъ въ стрѣлецкія слободы и съ Ѳедкою Шакловитымъ списывался, и поѣдучи съ Москвы на Терекъ Москвою и Окою рѣками, съ струговъ посылалъ по городамъ и по селамъ, и по деревнямъ людей своихъ, въ неволю, по ворожей и по волхвовъ верстъ по пятидесятъ и больши; и тѣхъ ворожей къ нему приводили: на Москвѣ, Сенку Мелника, на Коломнѣ, мужика Ганку, въ Касимовѣ, жонку татарку, въ Нижнемъ, нижегородскихъ жителей — коновала Дорошку, портного мастера Ивашку, Оску Охапкина, и что онъ же, воръ и богоотступникъ, умышлялъ на Ихъ государское здоровье и дьявольскимъ наученіемъ сыскалъ въ Нижнемъ вора волхва Дорошку коновала, накупя его, давъ ему денегъ и запасовъ и вина, прислалъ къ Москвѣ съ человѣкомъ своимъ, съ Ивашкою Щербачовымъ, чтобъ тому волхву Дорошѣ, по его, Андрюшкину, злому умыслу, на великаго государя и на мать его государеву напустить дьявольски по вѣтру, чтобъ онъ, великій государь и мать его государева были до него добры и велѣли бы его взять къ Москвѣ". Самымъ важнымъ преступленіемъ А. Безобразова были, конечно, сношенія съ Шакловитымъ: „что онъ (Безобразовъ) съ Ѳедкою Шакловитымъ списывался", послѣ свиданія съ нимъ на стругу подъ Данпловскимъ монастыремъ, куда пріѣзжалъ къ нему для прощанія Ѳ. Шакловитый передъ отплытіемъ его Москвою рѣкою „на Терки". На допросахъ Безобразовъ и привлеченные по его дѣлу колдуны Дороѳей Прокофьевъ и Ѳедоръ Бобылевъ повинились въ своихъ преступленіяхъ и были приговорены къ смертной казни: Безобразовъ—черезъ обезглавленіе, а послѣдніе двое—черезъ сожженіе въ срубѣ, вмѣстѣ съ сумкою и бобами, въ ней находившимися [1]). Казнь эта была совершена въ Москвѣ, на Болотѣ.

Ранѣе своего ареста, по дорогѣ на далекое воеводство, Безобразовъ безпрестанно посылалъ „грамотки" всѣмъ вліятельнымъ боярамъ съ просьбами о заступленіи за него передъ царями и царицей, чтобъ „на Теркѣ ему не быть за совершенными его лѣты и за великими болѣзньми и за увѣчьемъ". Одновременно онъ часто писалъ и своей женѣ, Агаѳьѣ Васильевнѣ, давая наказы ѣздить ко всѣмъ сколько-нибудь значительнымъ лицамъ и просить у нихъ милости и состраданія; въ одномъ изъ его писемъ мы встрѣчаемъ цѣлый списокъ лицъ, къ которымъ ей слѣдовало ѣздить самой и бить

[1]) Одно изъ гаданій „колдуновъ" производилось на бобахъ.

челомъ, или посылать людей. Этотъ наказъ Безобразовъ заключаетъ совѣтомъ: „не гнѣватца, хоть и отказывать станутъ, одно—ѣздить почаще и людей посылать". Такія хлопоты и просьбы о заступленіи обходились, повидимому, въ то время не безъ расходовъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что́ писалъ изъ Нижняго Безобразовъ своей женѣ вмѣстѣ съ наказами безпрестанно ѣздить и бить челомъ: „за дачю не за что стоять—говоритъ онъ—что имъ толко потребно будетъ, лишь бы толко меня пожаловали, поворотили. Вѣдаешь ты и сама, что мнѣ есть что дать: запасъ у меня есть, сѣдла у меня есть, челдары, узды хорошія у меня есть, сабли у меня есть; я и за иное ни за что не постою; будетъ деньги,—я и денегъ дамъ, ржевскую деревню продамъ, я и тысечу дамъ, а будетъ и деревня кому понадобитца, я и деревню дамъ,—лишь бы меня пожаловалъ кто, заступился".

На ряду съ этими просьбами о заступничествѣ, опальный стольникъ не забывалъ и различныхъ распоряженій по хозяйству, иногда даже мелочныхъ. „Писалъ я, говоритъ онъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ къ женѣ: — въ деревни бѣлевскія, въ кромскія, въ орловскія, на Вологду, о винѣ, о свиныхъ мясахъ; а мяса велѣлъ со крестьянъ болши старова слишкомъ взять; также вели полотки гусиные, и утиные, и куря индѣйскіе и поросячьи слишкомъ изготовить; и вели тѣ мяса къ Москвѣ везть не мѣшкавъ, чтобъ поранѣй ихъ осолить; и пно изготовить: крупъ грешневыхъ, овсяныхъ, яшныхъ, толокно, сухари, хмѣль, масло коровье и конопляное".

Потрясенный упавшей на него нежданной бѣдой, въ постоянной тревогѣ за будущее и, кромѣ того, разстроенный труднымъ путешествіемъ на стругахъ, Безобразовъ постоянно болѣлъ и потому нуждался въ лѣкарствахъ. Что это были за медикаменты — можно видѣть также въ одномъ изъ его писемъ, въ которомъ онъ проситъ прислать ему: „кропова (укропнаго?) масла, гвоздишного масла", а также — „*духи оленья мисѣтуры, духа изъ оленья рогу*" и еще какого-то „*алексиру*".

Приведенныя выписки изъ дѣла Безобразова далеко не исчерпываютъ всего, заключающагося въ немъ, бытоваго матеріала. Онѣ могутъ служить только образцами цѣлой массы документовъ, въ которыхъ, во всѣхъ своихъ любопытныхъ чертахъ, отразился тогдашній бытъ.

Обратимся теперь къ Голицынымъ.

Заговоръ Шакловитаго и участіе въ немъ князей Василія и Алексѣя Голицыныхъ, въ общихъ чертахъ, извѣстны

всѣмъ изъ многочисленныхъ, посвященныхъ этому событію, трудовъ. Поэтому здѣсь мы коснемся только тѣхъ моментовъ эпилога тяжелой драмы, омрачившей начало царствованія Петра, которыми ознаменовалось собственно дѣло о ссылкѣ князей Голицыныхъ.

Какъ извѣстно, Шакловитый былъ привезенъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ находился тогда Петръ, 7-го сентября 1689 года. Въ тотъ же день пріѣхалъ туда съ своими „держальниками“ и сыномъ Алексѣемъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. 9-го сентября, вечеромъ, Голицыныхъ уже позвали во дворецъ, гдѣ былъ имъ объявленъ царскій указъ, которымъ они лишались чести боярства и ссылались съ своими женами и дѣтьми въ ссылку въ Каргополь. Имѣнія ихъ, по тому же указу, отписывались на Царя. „198 г. (1689), сентября въ 9-й день, гласитъ этотъ указъ, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы указали у князь Василія и сына его князь Алексѣя Голицыныхъ честь ихъ боярство отнять за то: какъ они, великіе государи, изволили содержать прародительскій престолъ, и сестра ихъ, великихъ государей, великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна безъ ихъ, великихъ государей, совѣту во всякое самодержавіе вступила, а они, князь Василій и князь Алексѣй, угождая и доброхотствуя сестрѣ ихъ, великихъ государей, о великихъ дѣлехъ мимо ихъ, великихъ государей, докладывали сестрѣ ихъ, а имъ, великимъ государямъ о тѣхъ дѣлехъ было неизвѣстно; и во всякихъ дѣлехъ сестру ихъ, великихъ государей, писали обще съ ними, великими государи, и посылали они, князь Василій и князь Алексѣй, въ малороссійскіе городы ихъ, великихъ государей, грамоты и въ книгахъ имя сестры ихъ, великихъ государей, великія княжны Софіи Алексѣевны, велѣли печатать общежъ съ ними, великими государи, безъ ихъ, великихъ государей, указу; также и въ приказахъ во всякихъ дѣлехъ велѣли писать сестру ихъ, великихъ государей, общежъ съ ними, великими государи, и о томъ изъ Посолскаго приказу въ Розрядъ прислали память. Да онъ же, князь Василій, прошлаго 197-го году посланъ съ ихъ, великихъ государей, ратными людьми для промыслу на крымскія юрты; и пришедъ къ Перекопи, промыслу никакова не чинилъ и, постоявъ самое малое время, отступилъ и тѣмъ своимъ нерадѣньемъ ихъ, великихъ государей, казнѣ учинилъ великіе убытки, а государству раззореніе и людемъ великую тягость. И за тѣ

ихъ вышеименованныя вины указали великіе государи: ихъ, князь Василія и князь Алексѣя, сослать въ ссылку въ Кargополь за приставомъ; а въ приставехъ у нихъ быть Ѳедору Бредихину. А помѣстья ихъ и вотчины и дворы московскіе и животы отписать на себя, великихъ государей; а людей ихъ кабальныхъ и крѣпостныхъ, опричь крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей, отпустить на волю".

Приведеннымъ указомъ, повидимому, еще далеко не разрѣшается вопросъ: за какую именно вину столь тяжко пострадали князья Василій и Алексѣй Голицыны, точно также какъ и боярин Леонтій Неплюевъ, также безъ розыска и суда отправленный въ ссылку въ Кольскій острогъ?

По этому поводу приводится небезосновательное предположеніе: „не заключается ли тайная виновность князя Василія Голицына и боярина Леонтія Неплюева въ томъ, что они домогались получить отъ вселенскихъ патріарховъ благословенную грамоту на вѣнчаніе царевны Софьи Алексѣевны царскимъ вѣнцомъ, помимо воли и желанія московскаго и всея Россіи патріарха Іоакима? Указаніе на это обстоятельство имѣется въ одномъ документѣ, напечатанномъ въ „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Государя Императора Петра Великаго", изданномъ трудами и иждивеніемъ Ѳедора Туманскаго, гдѣ въ 6-й части, на страницахъ 255—259, помѣщена выписка изъ статейныхъ книгъ пріѣздовъ греческихъ духовныхъ особъ, слѣдующаго содержанія: „7200 (1691) г. ноября въ 15 день, въ государственномъ посольскомъ приказѣ думному дьякону Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарыщи, Аѳонскія горы Георгіевскаго Павловскаго монастыря архимандритъ Ісаія, который (по грамотѣ великихъ государей, писанной къ цесарскому величеству Римскому) свобожденъ изъ неволи, и въ Москву пріѣхалъ ноября 5-го, сказалъ: „какъ въ прошломъ де въ 197 (1689) году пріѣхалъ онъ, по жалованной великихъ государей грамотѣ, изъ монастыря своего бити челомъ о милостынѣ и тогда, при отпускѣ его съ Москвы, призвавъ его, князь Василей Голицынъ говорилъ ему, чтобы онъ, бывъ у святѣйшаго патріарха и взявъ благословеніе въ путь свой, пришелъ къ нему, князь Василью, для нѣкотораго тайнаго дѣла, о которомъ прикажетъ онъ съ нимъ ко вселенскимъ патріархомъ, и по приказу де князь Васильеву онъ, архимандритъ, у святѣйшаго Іоакима патріарха былъ, и о томъ патріарху, что князь Василей ему говорилъ, извѣ-

стилъ и патріархъ де ему сказалъ: я де то дѣло знаю, о которомъ князь Василей хощетъ съ нимъ приказать и отъ великихъ патріарховъ домогается, — и говорилъ: „чтобъ де святѣйшіе вселенскіе патріархи прислали благословенную грамоту такову, чтобы царевна Софья Алексѣевна могла носити царскую корону и вкупѣ съ великими государи во всякомъ правилѣ ей поминатися“ — и то де ему святѣйшій патріархъ сказавъ, запретилъ судомъ Божіимъ съ клятвою, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ не ходатайствовалъ и въ то не вступался, и того дѣла не чинилъ. — И тотъ архимандритъ на тотъ приказъ никакова ему отвѣта дать не могъ, только такъ сказалъ: „буде то дѣло по его силѣ и по Бозѣ, долженъ потрудиться и послужить великимъ государемъ; а патріаршихъ словъ ему, князь Василью, онъ, архимандритъ, не открылъ и поѣхалъ съ Москвы. А какъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ, и его де призывалъ къ себѣ Леонтей Неплюевъ и, разговаривая съ нимъ о иныхъ дѣлехъ, велѣлъ притти поутру. И когда онъ поутру пришелъ, и онъ де Леонтей ему, архимандриту, говорилъ, что приказала великая государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна и князь Василей Голицынъ ему, архимандриту, черезъ Леонтья сказать, чтобъ онъ грамоту исходатайствовалъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ о ней, государынѣ царевнѣ, дабы она могла носить царскую корону и въ правилахъ церьковныхъ поминовеніе имѣти вкупѣ съ великими государи, и то сказавъ ему, приказывалъ именемъ и указомъ великихъ государей и великія государыни, и приказомъ же князь Васильевымъ, чтобъ конечно то дѣло у святѣйшихъ патріарховъ онъ исправилъ. И онъ де, архимандритъ, видя такое великое дѣло и немочь свою, и памятуя святѣйшаго патріарха московскаго претительное слово, сказалъ ему, Леонтью, такъ: что по указу великихъ государей долженъ онъ тѣ слова святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ донесть; а чтобъ то дѣло конечно учинить не емлется для того, что де святѣйшіе патріархи о томъ дѣлѣ много будутъ разсуждать и будутъ ли то чинить, или нѣтъ — того не вѣдаетъ, понеже знаетъ онъ, архимандритъ, что святѣйшіе патріархи дали власть патріарху московскому во всякихъ дѣлахъ церьковныхъ и царскихъ, и имѣетъ онъ власть вязати и рѣшити и достоитъ таковаго благословенія просити у него, святѣйшаго московскаго патріарха, и не для чего о такихъ дѣлахъ въ Турскія области посылати, котораго дѣла совершенство въ Московскомъ государствѣ имѣете“. — И Леонтей де на то слово такъ ему сказалъ: „что мы отъ сего нашего патріарха ни благословенія,

ни клятвы не ищемъ (плюнь де на него)".—И онъ, архимандритъ, такому безстрашію и безбожію удивился. И говорилъ ему Леонтей, что дастъ онъ ему человѣка, который съ нимъ у святѣйшихъ патріарховъ будетъ говорить. И онъ де, архимандритъ, сказалъ, что человѣка о томъ напрасно трудить не надобно, и самъ онъ о томъ святѣйшихъ патріарховъ доложитъ, и буде воля ихъ будетъ и сами они сіе и безъ человѣка сдѣлаютъ. А то де онъ, архимандритъ, отговаривалъ, памятуя святѣйшаго патріарха московскаго слова и разсужденіе, и въ совершенство того дѣла и человѣка съ собою брать для того не похотѣлъ,—и тѣмъ отъ Леонтья отговорился.—А что де ему святѣйшій московскій патріархъ тайно говорилъ и разсуждалъ, о томъ онъ патріархомъ вселенскимъ сказать было хотѣлъ, вѣдая что естьлибъ патріархи услышали про святѣйшаго московскаго патріарха о томъ дѣлѣ неблаговоленіе и неблагословеніе, никоимъ бы образомъ того дѣла совершенна учинити не похотѣли.—И поговоря съ нимъ, архимандритомъ, онъ, Леонтей, отпустилъ его въ дорогу, а человѣка никакова съ нимъ не послалъ".

Весьма вѣроятно, что указываемое приведеннымъ документомъ обстоятельство, не оглашенное въ свое время при розыскахъ и извѣстное только патріарху Іоакиму, послужило достаточною причиною для ссылки безъ розыска и суда князя Василія Голицына со всѣмъ его семействомъ, равно какъ и другаго участника дѣла—боярина Неплюева. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что патріархъ принималъ въ дѣлѣ личное и сильное участіе. По мнѣнію г. Труворова, на это указываетъ то обстоятельство, что къ розыску о старцѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ патріархъ представилъ найденные въ кельѣ этого старца гравированные портреты царевны Софьи Алексѣевны, гдѣ она изображена въ томъ самомъ санѣ, который приверженцы ея желали ей доставить помимо московскаго патріарха черезъ посредство вселенскихъ патріарховъ, то-есть въ царской коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ и съ прописаніемъ полнаго царскаго титула, какъ самодержицы всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи,—что̀ именно, какъ вещественное доказательство замысла, усугубило виновность подсудимыхъ, участвовавшихъ въ заказѣ и распространеніи портретовъ.

Какъ бы то ни было, но Голицыны были приговорены къ ссылкѣ въ Каргополь, куда, тѣмъ не менѣе, имъ попасть было не суждено, такъ какъ 18 сентября 1689 года послѣдовалъ именной указъ о ссылкѣ ихъ вмѣсто Каргополя въ

Яренскъ. При этомъ въ приставахъ у нихъ, на мѣсто назначеннаго первоначально Ѳедора Бредихина, приказано быть стольнику Скрябину. Послѣдній, 23 сентября того же года, принялъ ссыльныхъ отъ Ѳ. Бредихина и 25 сентября повезъ ихъ въ „Еренской городокъ".

Путешествіе Голицыныхъ до Яренска, вслѣдствіе непроѣздныхъ осенніхъ дорогъ, заняло много времени, именно около трехъ мѣсяцевъ. Съ дороги, въ Тотьмѣ, кн. Голицыны подали черезъ Скрябина челобитную Царямъ, въ которой описывали свой тяжелый путь и просили о помилованіи. „По вашему, великихъ государей царей и великихъ князей, указу—писали они—посланы мы въ ссылку въ Еренскъ, а домишки наши и деревни, и пожитки отписаны на васъ, великихъ государей. И ныне страждемъ мы, бѣдные, близь конца живота своего".—„А какъ насъ, холопей вашихъ, везли къ Тотьмѣ,—говорится между прочимъ въ челобитной,—и не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людишекъ въ воду обломились и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безпамятствѣ многое время, какъ о томъ вѣдомо всему городу".

Наконецъ, послѣ многихъ приключеній, 6 января, на четвертый мѣсяцъ пути, Голицыны съ своимъ приставомъ Скрябинымъ и сопровождавшими ихъ дворовыми людьми (ихъ было позволено взять 15 человѣкъ) прибыли на мѣсто ссылки, въ Яренскъ, откуда 16 января снова послали черезъ Скрябина челобитную Царямъ. „Мы бѣдные невинные,—писали они между прочимъ—и съ малыми червями не имѣемъ у себя ничего, но въ заточеніи пребываемъ, и въ зломъ житіи и въ отчаяніи живота своего помираемъ голодною томною смертію. А которая малая самая рухледишка у насъ была оставлена и тое размѣтали за безцѣнокъ; а досталной никто въ Еренску купити не можетъ, потому что мѣсто самое нужное и худое и безлюдное и всякими потребами, чего и тамошніе бывателі терпѣти не могутъ".

Приставу при Голицыныхъ, Павлу Скрябину, было тоже не легко. Это можно видѣть изъ письма его къ боярину Тихону Никитичу Стрешневу, отъ 16 января. „Въ Еренской, государь, пріѣхалъ,—писалъ Скрябинъ боярину,—генваря въ 6-мъ числѣ, совсѣмъ въ цѣлости. А ѣзда, государь мой, была такая: лутче бы, государь, я болѣзнію какою лежалъ или въ полону былъ, а нежели бы, государь мой, въ такомъ мученіи единъ день былъ. Толко, государь, единому Творцу моему извѣстно, какъ я съ нимъ (кн. В. В. Голицынымъ)

мучился. Всему, государь, свѣту вездѣ на меня являетъ, что я его разоряю и внучатъ его будто, государь, я жъ поморилъ. А ноня, государь, и поготову съ нимъ мучитца: никуда его не пустятъ ни малаго времени, окромѣ Божія церкви въ воскресные дни и въ господскіе праздники; а все, государь, съ нимъ самъ я хожу. А поставленъ, государь, на постояломъ одномъ дворишкѣ, какъ и поготову, государь, гнѣваетца, что по указу великихъ государей поставилъ ихъ на одномъ дворѣ умершаго протопопа *въ двух избахъ черныхъ*, и приказалъ, государь, у нихъ быть на караулѣ капитаномъ по перемѣнамъ, чтобы никто къ нему (къ Василью Голицыну) не ходилъ и они бы, государь, никуда бы со двора также не ходили". О самомъ городѣ Яренскѣ Скрябинъ пишетъ, что это „городишко самое убогое—всего и съ церковниками, и съ подъячими, и съ приставы — 30 дворишекъ", что „уѣздные люди въ городѣ мало бываютъ: всѣ сами промежъ собою судятся, а государскія всякія подати выбираютъ промежъ себя". „Лишь, государь,—заключаетъ Скрябинъ свою характеристику Яренска — наша сухота".

Пока Голицыны были въ Яренскѣ, дѣло о сообщникахъ Ѳ. Шакловитаго продолжалось: являлись доносы, возникали новыя обвиненія, производились розыски и допросы. Между прочимъ была найдена переписка В. В. Голицына съ Шакловитымъ во время перваго крымскаго похода, изъ которой явствовало, что онъ дружилъ съ Шакловитымъ, а не былъ, какъ говорилъ на допросахъ, простымъ его знакомцемъ. Затѣмъ возникъ доносъ, что князь В. В. Голицынъ отступилъ отъ Перекопи, потому что взялъ деньги съ хана, а 7-го января 1691 года началось розыскное дѣло по ложному извѣту на князя В. В. Голицына разстриги Ивашки, закончившееся 7-го марта того же года,—приговоромъ, которымъ Голицыны ссылались изъ Яренска въ Пустозерскій острогъ „на вѣчное житье". Но были ли дѣйствительно князья Голицыны сосланы въ Пустозерскъ—остается невыясненнымъ. Изъ документовъ видно, что князья Голицыны были отправлены изъ Архангельска въ Пустозерскъ моремъ 1-го іюля 1691 года, но, вслѣдствіе бурной погоды, пробывъ въ морѣ до 29 го іюля, были занесены отъ Моржевскаго острова въ устье рѣчки Семки, къ Кузнецовой слободѣ, гдѣ и пробыли до состоявшагося 9-го декабря указа о дозволеніи имъ пробыть до весны въ Мезени. Въ 1692 году имъ былъ объявленъ именной указъ о томъ, что великіе государи „не велѣли ихъ въ Пустоозерскій острогъ посылать, а велѣли имъ

до своего, великихъ государей, указу, быть въ Кевролѣ". Тамъ Голицыны и находились до 27-го февраля 1694 года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отписка кеврольскаго и мезенскаго воеводы Мины Хомутова. Что же касается вопроса о томъ, были ли послѣ указаннаго времени князья Голицыны отосланы изъ Кевролы въ Пустозерскъ и оттуда возвращены на жительство въ Волокопѣнежскую волость, или они, не будучи отосланы въ Пустозерскъ, прямо изъ Кевролы были переведены туда — документы не даютъ отвѣта. Извѣстно только, что въ концѣ концовъ Голицыны попали въ Волокопѣнежскую волость, гдѣ 21-го апрѣля 1714 года и скончался князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ, повидимому, достаточно обрисовывается жалкая участь, постигшая боярина-царедворца, одного изъ первыхъ по вліянію и богатству людей своего времени, человѣка образованнаго, съ развитыми, утонченными вкусами... Ужь если для пристава Павла Скрябина пребываніе въ назначенномъ первоначально мѣстѣ ссылки—Яренскомъ городкѣ, было „сухотою", — то какимъ оно должно было казаться князю Голицыну, въ своихъ московскихъ хоромахъ, также какъ и въ безчисленныхъ вотчинахъ, привыкшему къ роскошному, богатому житью, среди изысканной для того времени роскоши и множества слугъ, предупреждавшихъ всѣ его желанія.

Въ ссылкѣ ему пришлось извѣдать всякую нужду и даже голодъ... „Пришли мы, — писалъ онъ въ челобитной царямъ Іоанну и Петру изъ Яренска,—въ крайнее изнищаніе, не токмо въ одеждѣ но и въ пищѣ и странствуемъ въ такомъ зломъ житіи и въ заточеніи съ *малыми нашими бѣдными червями, невидающими яко бы свѣта* и не знающими никакого дѣла". „А я, холопъ вашъ Васка, — пишетъ далѣе кн. Василій Голицынъ,—отъ вашего государскаго гнѣву и отъ злого заточенія смертнаго, въ болѣзни и въ печали превеликой и въ дряхлости лежу..."

Какъ рѣзокъ этотъ переходъ отъ богатства и роскоши, отъ власти и честолюбивыхъ, едва не увѣнчавшихся успѣхомъ стремленій, къ униженію и тяжкой безвыходной долѣ, безъ будущаго и какихъ-либо надеждъ, среди скорби и нищеты... Какъ бы ни было тяжко преступленіе Голицына, онъ искупилъ его долгими годами страданій, прежде чѣмъ смерть принесла ему освобожденіе... Лишеніе чести боярства и всего имущества, тяжелый, полный приключеній путь въ ссылку на далекій безвѣстный сѣверъ, житье—„сухота" въ Яренскѣ, опасное путешествіе моремъ въ Пустозерскъ,

жизнь на Кевролѣ и въ Волокопѣнежской волости; однимъ словомъ, 24 года ссылки въ невообразимой нуждѣ и лишеніяхъ, въ дикой безлюдной сторонѣ, — вотъ картина того существованія, которое влачилъ опальный бояринъ со своей семьей, искупая тяжкій грѣхъ честолюбія, грѣхъ, подвигшій его попрать исконный завѣтъ отцовъ — вѣрность своему Государю...

О томъ, какъ жили Голицыны въ Москвѣ, можно судить по предлагаемому здѣсь описанію ихъ „большаго двора", который, вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ сосланной княжеской семьи, былъ отписанъ на Царей. Это описаніе, основанное исключительно на современныхъ документахъ, можетъ въ то же время быть и вообще картиною внѣшней обстановки быта русскихъ бояръ въ XVII столѣтіи.

„Большой дворъ" князей Голицыныхъ, въ которомъ они жили въ Москвѣ, находился въ такъ-называемомъ *Бѣломъ городѣ*, между Тверской и Дмитровкою. Здѣсь, на просторномъ дворѣ, стояли „жилыя полаты" Голицыныхъ, занимавшія болѣе тридцати трехъ саженъ въ длину, десять саженъ въ ширину и до восьми саженъ въ вышину. Въ домъ вели два крыльца—переднее и заднее: первое предназначалось для самихъ хозяевъ и гостей, а второе—для безчисленной княжеской челяди, бѣдныхъ, убогихъ, странниковъ и инаго разнообразнаго люда, какимъ любили себя окружать въ старину русскіе бояре. Домъ состоялъ изъ пятидесяти трехъ комнатъ (вмѣстѣ съ погребами). Невдалекѣ отъ него на дворѣ находилась домовая церковь Голицыныхъ, во имя Живоноснаго Воскресенія Христова, соединявшаяся съ „полатами" крытыми переходами или галлереями болѣе сорока саженъ въ длину и до трехъ саженъ вышиною. Съ разныхъ сторонъ домъ окружали службы, конюшни и другія строенія, — въ большинствѣ каменныя, какъ и самыя „полаты": „да на томъ же дворѣ, — читаемъ мы въ описи — по улицѣ съ лица по воротамъ, отъ угла до угла длиннику *конюшнямъ* и *жилымъ полатамъ* съ вороты девятнадцать саженъ съ полсаженью, поперечнику— на осми саженяхъ, вышина четыре сажени; на томъ основаніи *тринадцать* житей и съ конюшнею". Со стороны улицы во дворъ проникали черезъ каменныя ворота, съ деревянными щитами, надъ которыми находилась жилая „полатка", вѣроятно для сторожа. „А на полаткѣ,—говорится въ описи—шатеръ каменной же, прикрытъ черепицею. На

шатрѣ желѣзномъ прорѣзномъ, въ прапорѣ [1]), человѣкъ на конѣ. Кругъ того шатра, съ четырехъ сторонъ, въ одномъ во дворѣ отъ полатъ стрѣла да шахмахъ штигранной; а отъ улицы шестоперъ да крыло деревянные". О размѣрахъ голицынскаго дома и о его помѣстительности можно судить уже по числу дверныхъ и оконныхъ затворовъ, которыхъ въ описи насчитывается болѣе *двухсотъ*.

Слѣдуя за думнымъ дворяниномъ Иваномъ Семеновичемъ Ларіоновымъ и дьякомъ Яковомъ Никоновымъ, производившими опись имущества князей Голицыныхъ,—мы, прежде всего, войдемъ въ верхнюю „большую столовую полату" голицынскаго дома. Здѣсь, какъ водится, передній уголъ и часть примыкающей къ нему стѣны увѣшаны иконами, въ различныхъ окладахъ, нѣкоторыя въ иконостасахъ, съ висящими передъ ними лампадами. Къ удивленію, въ столовой полатѣ иконы не отличались особеннымъ богатствомъ: большинство ихъ въ мѣдныхъ окладахъ, съ такими же вѣнцами. Лампады также всѣ мѣдныя. Вся полата между оконъ „писана цвѣтнымъ аспидомъ" (т. е. отдѣлана подъ мраморъ), а съ одной стороны, противъ улицы, („отъ города") обита золочеными „нѣмецкими кожами". Стѣны украшены портретами и картинами: тутъ прежде всего „въ рамехъ деревянныхъ девять персонъ": 1) великаго князя Владиміра Кіевскаго, и царей: 2) Іоанна Васильевича, 3) Ѳеодора Ивановича, 4) Михаила Ѳеодоровича, 5) Алексѣя Михайловича, 6 и 7) два портрета царя Ѳеодора Алексѣевича (у одного изъ нихъ „завѣсъ атласу китайскаго мелкотравнаго"), 8) портретъ царя Іоанна Алексѣевича и 9) Петра Алексѣевича.—Тутъ же находились какіе-то три королевскихъ портрета—„три персони королевскихъ",—да надъ дверьми портретъ польскаго короля верхомъ на конѣ. Окна, которыхъ въ этой комнатѣ 46, расположены въ два ряда, какъ говорятъ теперь—въ два свѣта, или, какъ выражается опись—„въ дву поясехъ". Нѣкоторыя изъ оконныхъ стеколъ росписныя „съ личины", а на двухъ верхнихъ окнахъ—„двѣ персони писаны живописью; у нихъ волосы и крыле; на нихъ же платье: на одномъ нижнее тафты рудожелтой, а верхнее объярей бѣлыхъ; на другомъ—нижнее отласъ червчатой, а верхнее объярей же бѣлыхъ".

Накатной потолокъ „столовой полаты" прикрытъ загрунтованнымъ (левкашеннымъ) холстомъ, на которомъ въ

[1]) Въ настоящемъ случаѣ подъ „прапоромъ" слѣдуетъ разумѣть флюгеръ.

кругу съ лучами находится надпись: „Іисусъ Христосъ“. Въ самой срединѣ на потолкѣ—„солнце съ лучами“, вызолоченное сусальнымъ золотомъ; кругомъ него „бѣги небесные съ зодіями и съ планеты, писаны живописью“. Здѣсь отъ центра, т. е. отъ изображенія солнца, спускается на трехъ желѣзныхъ прутахъ бѣлое костяное „паликадило“ (люстра) о пяти поясахъ, съ восемью подсвѣчниками въ каждомъ. Вокругъ всего этого на потолкѣ идетъ рядъ изображеній пророковъ и пророчицъ, въ двадцати золоченыхъ рѣзныхъ „клеймахъ“.

На стѣнахъ „въ розныхъ мѣстехъ“ висятъ 5 зеркалъ: два въ золоченыхъ рѣзныхъ рамахъ, одно—въ черепаховой, съ бронзовыми высеребренными рѣзными наугольниками, и два въ простыхъ деревянныхъ. Кое-гдѣ между зеркалъ на стѣнахъ виднѣются посеребреные чеканные „шанданы“ о дву подсвѣчникахъ. Въ комнатѣ стоятъ три стола: два на точеныхъ деревянныхъ ногахъ съ аспидными досками, и одинъ простой дубовый. Около столовъ помѣщается нѣсколько, скамей, обитыхъ краснымъ „анбурскимъ“ (гамбургскимъ?) сукномъ. У стѣнъ—стулья, обитые волнистымъ трипомъ. Наконецъ, обстановку столовой полаты дополняютъ: органъ, стоящій на особомъ крашеномъ рундукѣ, и большой дубовый, нѣмецкой работы, шкафъ „о четырехъ створахъ съ замки“, оклеенный орѣховымъ деревомъ и украшенный по створамъ и по сторонамъ рѣзнымъ орнаментомъ и мѣстами рельефными фигурами („мѣсты и личины есть“) шкафъ сверху до низу наполненъ серебряною и пною столовою посудою всевозможныхъ видовъ и формъ.

Надо замѣтить, что серебряная и въ рѣдкихъ случаяхъ золотая посуда послѣ иконъ являлась едва-ли не первою статьею комнатнаго убранства, замѣняя для того времени произведенія изящныхъ искусствъ, скульптуры, вазы, бронзы, которыми убирали комнаты въ XVIII в. и убираютъ теперь [1]).

Въ торжественныхъ случаяхъ, во время пировъ и семейныхъ празднествъ, богатая серебряная посуда выставлялась на показъ на столахъ и поставцахъ. Безъ сомнѣнія, и у Голицыныхъ въ подобныхъ случаяхъ она выбиралась изъ шкафовъ на болѣе видныя мѣста и служила для украшенія комнатъ. Среди серебра, сохранявшагося въ шкафу въ большой столовой, находилось нѣсколько вещей, замѣчательныхъ по формѣ и работѣ. Такъ, здѣсь были: Кубокъ

[1]) И. Е. Забѣлинъ: „Бытъ русскихъ царей“, стр. 189.

лощатой (плоской, ложкообразной формы), на поддонѣ; межъ кубка и поддона въ виноградѣ мужикъ золоченъ; другой кубокъ, у котораго „межъ кубка и поддона“ также „мужикъ“, но уже „съ крыльемъ и съ лукомъ“. Затѣмъ — „кубокъ лощатый безъ кровли на поддонѣ; межъ кубка и поддона сидитъ баба, въ рукахъ держитъ цвѣтокъ“, и проч. Было также нѣсколько вещей съ надписями, какъ напримѣръ: „братина на поддонѣ, вырѣзано на ней имя боярина Василья Ивановича Стрешнева“, или „кружка гладкая, на 3-хъ пукляхъ (шарообразной формы ножкахъ), на кровлѣ орелъ пластаной; подписано, что „та кружка ему, князь Василью, дана государева жалованья за взятую кружку жъ“. Упомянутые здѣсь кубки, братина и кружка не даютъ еще понятія о всемъ разнообразіи формъ и работы серебра, сосредоточеннаго въ голицынской столовой. Поэтому, не лишнимъ будетъ назвать здѣсь еще нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся, судя по описанію, вещи, перечисленныя оцѣнщиками. Таковы, напримѣръ: „кубокъ пупчатый на поддонѣ; межъ поддона и кубка мужикъ на деревѣ съ топоромъ“; другой кубокъ, у котораго „мужикъ на деревѣ колетъ медвѣдя“; у третьяго—„нѣмчинъ на деревѣ съ топоромъ“ и проч.

Не менѣе любопытны были и кружки, среди которыхъ, между прочимъ, находились: „кружка съ рукоятью, на трехъ пукляхъ, пукли во птичьихъ ногахъ чеканныя золочены, рукоять чеканная жъ“; „кружка гладкая съ кровлею, на трехъ лвахъ, у львовъ по пуклѣ“ и др.

Судя по всему:—размѣрамъ (о которыхъ можно составить себѣ понятіе по числу оконъ), количеству мебели и убранству, описанная „столовая полата“ была одной изъ парадныхъ комнатъ въ домѣ. Была у князя Василья Васильевича Голицына и другая столовая значительно меньше первой и далеко не съ той роскошью убранная; но ее опись застаетъ и называетъ „не отдѣланною“. Она помѣщалась надъ поварнею и видимо предназначалась для своей семьи; по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ отсутствіе въ ней той роскоши, которой отличалась „большая столовая полата“; на это указываетъ также находившаяся въ ней скромная столовая посуда, вся изъ олова, предназначенная, очевидно, для будничнаго семейнаго обихода. Немногочисленными принадлежностями роскоши въ этой полатѣ были: помѣщавшаяся на одной изъ стѣнъ, написанная „на бѣлыхъ объяряхъ“ картина Страшнаго Суда и „персоня“ (портретъ) князя Василья Васильевича Голицына, „на желтомъ отласѣ“ въ черной рамѣ, да небольшіе „ар-

ганы". Особенно много въ этой комнатѣ люстръ или „паликадилъ". Изъ нихъ одно хрустальное, 3 мѣдныхъ и одно оловянное.

Изъ семейной столовой мы переходимъ въ смежную съ нею спальню князя Василья Васильевича. Это очень небольшая комната въ три створчатыхъ окна. Здѣсь прежде всего нѣсколько иконъ въ позолоченныхъ деревянныхъ кіотахъ: „образъ всемилостиваго Спаса", „Пресвятыя Богородицы", „архангеловъ Михаила и Гавріила", и др. По стѣнамъ географическія карты въ деревянныхъ золоченыхъ рамахъ („5 землемѣрныхъ чертежей нѣмецкіе, печатаны на полотнѣ"), какой-то „листъ нѣмецкой", по сторонамъ котораго написана „пара пистолей", и нѣсколько небольшихъ, задрапированныхъ краснымъ сукномъ зеркалъ. По поводу загадачнаго „нѣмецкаго листа"—возможно предположеніе что это былъ знаменитый въ настоящее время по рѣдкости и разыскиваемый всѣми собирателями гравюръ портретъ Андрея Виніуса, извѣстный подъ названіемъ „l'homme aux pistolets".

На убранствѣ всѣхъ комнатъ князя Василія Голицына лежитъ отпечатокъ вкусовъ ихъ хозяина: вездѣ замѣчается стремленіе сколько возможно болѣе украсить свое жилище, привязанность къ заморскимъ диковинкамъ, во всемъ сказываются причудливыя затѣи весьма развитаго для того времени вкуса. Тѣ же черты носитъ на себѣ и спальня кн. Василія Васильевича. Такъ, здѣсь, въ числѣ бездѣлушекъ и украшеній, мы находимъ двѣ статуэтки, или, какъ ихъ называетъ опись: „двѣ личины человѣческихъ каменныхъ, арапскія". Меблировка комнаты небогата: ее, какъ видно, составляли простыя лавки, покрытыя красными съ желтымъ суконными шитыми полавочниками. Такихъ полавочниковъ въ описи значится три; лавокъ же не записано вовсе, вѣроятно вслѣдствіе ихъ незначительной стоимости. Главное украшеніе княжеской спальни составляетъ орѣховая, „нѣмецкой" работы, кровать, представлявшая собою, какъ видно изъ описанія, цѣлое довольно сложное сооруженіе, съ балдахиномъ на четырехъ столбахъ, съ зеркаломъ и иными необычными для того времени на Руси затѣями. Вотъ какъ описана она въ описи: „кровать нѣмецкая, орѣховая рѣзная, съ низу съ четырехъ сторонъ и кругъ четырехъ столбовъ, подъ верхомъ подзоръ; по орѣховому дереву рѣзь сквозная: личины человѣческія, и птицы, и травы; на кровати верхъ орѣховой рѣзной; въ срединѣ зеркало круглое; кругъ зеркала рѣзь".

Кн. Василій Голицынъ, по своей близости къ царской семьѣ, своему значенію, знатности, богатству, наконецъ, посольской службѣ, которую онъ неоднократно несъ,—является примѣромъ исключительнымъ. Обстановка жизни другихъ бояръ была, однако, безъ сомнѣнія, также богата. Объ этомъ неоспоримо свидѣтельствуетъ, между прочимъ, опись имущества стольника Андрея Безобразова и сосланнаго боярина Леонтія Неплюева.

Въ помянутомъ документѣ перечислено подробно все, что было съ Неплюевымъ въ Вологдѣ (по дорогѣ въ кольскій острогъ), и изъ чего ему позволено было взять съ собою въ ссылку лишь на 300 рублей. Самая опись [1]) раздѣлена, поэтому, на двѣ части: въ первой перечислены вещи, взятыя Неплюевымъ, во второй—оставленныя въ Вологдѣ на храненіи у стольника Якова Дивова „до указу великихъ государей“. Кромѣ того, у насъ имѣются указанія на недвижимую собственность Неплюева, изъ которыхъ видно, что въ Москвѣ у него, кромѣ многочисленныхъ деревянныхъ построекъ и хоромъ, былъ каменный дворъ. На этомъ дворѣ—читаемъ мы въ оцѣночной или „цѣновной“ записи: „полаты длинныку на 17 саженяхъ да поперечнику на полупятѣ сажени; и у всѣхъ полатъ и погребовъ своды каменные; и на томъ основаніи полатъ и съ выходомъ и съ обходомъ 9 житей; да деревяннаго строенія на немъ двѣ избы, межъ ними поварня; конюшня 10-и стоялъ, два погреба дубовыхъ“ и пр.

Въ описи движимости, взятой Неплюевымъ въ ссылку, первое мѣсто занимаетъ одежда. Тутъ мы находимъ 5 кафтановъ, шубу, кушакъ, шапку. Особенно замѣчательны богатствомъ отдѣлки: „кафтанъ атласъ осиновый цвѣтъ, травы по немъ золото съ серебромъ, мѣхъ соболей пластинной, опушенъ соболемъ, въ рукавахъ недособолки, завязки тканыя золото жъ съ серебромъ, на концахъ пугвицы, обнизныя жемчюгомъ; кафтанъ, объярь турецкая цвѣтъ таусинной, по немъ травы золотныя и серебряныя, мѣхъ соболей пупчатой, рукава бѣлые черевьи, вокругъ снурокъ золотной тканой; кафтанъ суконной, поношенъ, коришной цвѣтъ, мѣхъ соболей пупчатой, полы опушены огонками, запаны золото дѣланое съ винифтомъ и съ алмазными и съ яхонтовыми искрами“ [2]). Затѣмъ слѣдуетъ оружіе: сабля, полоса булатная, черенъ и на ножнахъ оправа серебряная съ

[1]) „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ“ Т. II ст. 554—558.
[2]) Ibid. Т. II ст. 741—2.

чернью и съ камешки, достоканцы крыты хозомъ чернымъ, поясъ—тесма серебряная тканая; еще двѣ сабли съ серебряными съ чернью оправами, два сѣдла, обложенныя серебромъ и 5 уздъ съ серебрянымъ наборомъ. Изъ вещей, отобранныхъ у Неплюева, перечислимъ только наиболѣе выдающіяся. Къ такимъ безспорно принадлежатъ: кружка серебряная вѣсомъ 3 фунта съ четвертью, пуговица золотая болшая съ финифты и съ каменьи, изумруды и яхонты, часики *зепные* мѣдные позолочены съ ключемъ золоченымъ, часики жъ серебряные; 4 мѣста запонковъ кафтанныхъ по серебру съ финифтомъ съ изумрудцы и съ камешки, 3 запонки кафтанныхъ съ камешки жъ. Далѣе видимъ сѣдло бархатное, обложенное серебромъ, нѣсколько паръ пистолей съ золотыми насѣчками, наручники серебряные, кованые, и проч.

Хотя въ этой описи мы и не видимъ серебряной посуды, но несомнѣнно, что у Неплюева ея было немало. Такъ въ „сказкѣ казначея Леонтія Неплюева, Ивана Андреева, о количествѣ денежной казны и серебряной посуды, принадлежащей Леонтію Неплюеву“ [1]), говорится: „да у меня жъ въ пріемѣ 64 мѣста серебреной посуды“... Но даже и безъ этого документа, присутствіе въ описи такихъ вещей, какъ *зепные* часики, разныя „золотыя пуговицы и запонки, кованыя серебряныя наручи“, и проч.—обнаруживаютъ у владѣльца всѣхъ этихъ предметовъ значительную привычку къ роскоши.

Но обратимся къ прерванному описанію дома Голицына.

Пропуская темную „кладовую полату“, гдѣ сложена коекакая мебель и щетки, „что обметаютъ поставцы“,—мы вступаемъ въ сѣни у большой столовой верхней полаты, предшествующія „шатровой“ полатѣ. Здѣсь стѣны обиты краснымъ „англинскимъ“ сукномъ. Потолокъ—слюдяной, „въ вырѣзной жести да въ рамехъ“; отъ него сверху спускается на проволокѣ съ хрустальными пронизями маленькая хрустальная же люстра „безъ шандановъ“. Оконъ здѣсь два; они, какъ и въ большинствѣ другихъ комнатъ,—слюдяныя. Образа составляютъ необходимую принадлежность каждой комнаты. Ихъ мы находимъ и здѣсь въ числѣ пяти. Повидимому, эти сѣни служили спальнею кому-нибудь изъ домочадцевъ, такъ какъ тутъ единственною мебелью является кровать, не такой роскошной отдѣлки, какъ въ спальнѣ кн. Василія Васильевича, но и не совсѣмъ простая:—она

[1]) „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ Т. II ст. 613.

„писаная“, т. е. раскрашенная, и по бокамъ и исподу обита цвѣтною камкой, по которой, въ видѣ бордюра, пропущенъ нешироκій серебряный галунъ, прикрѣпленный мѣдными гвоздиками.

Слѣдующая затѣмъ „шатровая полата“ представляетъ собою большую комнату, съ оригинальнымъ, на четыре прямыхъ ската, потолкомъ, въ видѣ шатра, отъ котораго она и получила свое названіе. Отдѣлка „шатровой“ не представляетъ ничего выдающагося: стѣны „съ дву сторонъ“ обиты краснымъ сукномъ и холщаными живописными обоями „во шти (6-ти) рамехъ“; два наугольника мѣстами оклеены золочеными нѣмецкими кожами. Полъ здѣсь кирпичный „аспидной“. Потолокъ заканчивается вверху „кругомъ“, въ которомъ, въ 8-и мѣстахъ, въ рамахъ *чистыя* стекла. Отъ круга, на трехъ проволочныхъ нитяхъ съ хрустальными пронизями спускается „палникадило“ также хрустальное, въ шесть подсвѣчниковъ, среди которыхъ помѣщается „яблоко“. Позади „круга“, съ четырехъ угловъ, идутъ наугольники прорѣзнаго желѣза со слюдой. Надъ полатою, въ шатрѣ, въ три ряда расположено 24 окна со слюдяными оконницами; кромѣ того, внизу еще 4 окна, также слюдяныя, съ желѣзными затворами. Надъ шатромъ, по желѣзной рѣшеткѣ, покрыто листовою мѣдью. Въ убранствѣ „шатровой полаты“, какъ и нѣкоторыхъ другихъ комнатъ голицынскаго дома, видную роль играютъ портреты. Въ „шатровой полатѣ“ опись упоминаетъ о какихъ-то 11 „персонѣхъ нѣмецкихъ“ въ рамахъ, очевидно, висѣвшихъ на стѣнахъ.

Проходя далѣе черезъ сѣни, которыя служили складочнымъ мѣстомъ для запасныхъ принадлежностей спанья: подушекъ, постелей, наволокъ, ковровъ, а также кое-какой домашней утвари и разныхъ мелкихъ предметовъ [1]),—мы проникаемъ на половину князя Алексѣя Васильевича, которая начинается столовой полатой. Въ эту комнату ведутъ особыя сѣни, гдѣ надъ дверьми виситъ образъ Спаса—„во облацѣ“. Самая столовая полата представляетъ большую комнату, въ 24 окна, отдѣланную съ большою для того времени роскошью. Потолокъ и стѣны, отдѣляющія ее отъ сѣней, обиты шпалерами; въ разныхъ мѣстахъ на стѣнахъ висятъ зеркала (ихъ 10), большею частью въ рѣзныхъ зо-

[1]) Въ числѣ найденныхъ здѣсь оцѣнщиками вещей, находимъ, кромѣ различныхъ „бумажниковъ“ съ „зголовьями“, подушекъ, наволокъ атласныхъ и камчатыхъ,—двѣ клѣтки птичьихъ „въ станкахъ цѣнинныхъ“, какой-то „зубъ рыбей“—неизвѣстно для какого употребленія, большую „свертную, окозрительную“ трубу, и проч.

лоченыхъ рамахъ [1]), портреты и, наконецъ, картины. Меблировку полаты составляютъ 26 стульевъ, изъ которыхъ 8 обиты „косматымъ“ бархатомъ и 18 цвѣтнымъ трипомъ, кресла, обитыя темно-зеленымъ сукномъ, расшитымъ разноцвѣтными шелками, рѣзной орѣховый шкафъ, два стола: одинъ осмигранный, оклеенный орѣхомъ, и другой—круглый, на 4-хъ ножкахъ, писанный „разными краски“ и, наконецъ,—„арганы“, поставленные на деревянномъ станкѣ. Кромѣ того, здѣсь находятся двое часовъ: стѣнные съ гирями, и столовые „мѣдные“ (по всей вѣроятности бронзовые) и небольшое оловянное „паликадило“ съ 8-ю подсвѣчниками. Лучшимъ украшеніемъ этой комнаты были несомнѣнно „шпалеры“, покрывавшіе съ одной стороны ея стѣны и потолокъ. Когда участь кн. Голицыныхъ была рѣшена, эти шпалеры, по особому указу, было велѣно снять и, по описи и оцѣнкѣ, отдать въ продажу на „гостинъ дворъ гостю Игнатію Могутову съ товарищи“. Благодаря этому, среди документовъ дѣлъ о кн. Голицыныхъ сохранилось описаніе этихъ шпалеръ, изъ котораго можно видѣть, что большинство бывшихъ на нихъ изображеній представляли охотничьи сцены и пейзажи. Такъ, на одномъ изъ шпалеръ, по наивному описанію современника, были представлены,—„древа всякія, въ древахъ (же) человѣкъ стрѣляетъ по птицамъ“, на другомъ—„человѣкъ стрѣляетъ по птицамъ, а у него у ногъ собака“ и тутъ же: „птицы плаваютъ, два нѣмчина съ мушкеты; на древахъ сидятъ птицы“; на третьемъ—„лѣсъ, среди лѣсу деревня, у деревни ходятъ скотъ, въ лѣсу человѣкъ стрѣляетъ, у человѣка у ногъ собака“, и т. д.—все въ томъ же родѣ. Первобытная наивность и краткость этихъ описаній не даетъ, конечно, возможности сколько-нибудь представить себѣ изображенія на шпалерахъ столовой полаты. Можно лишь съ увѣренностью сказать, что большинство ихъ представляли охотничьи сцены. О нѣкоторыхъ, впрочемъ, нельзя сказать и того, ибо описанія въ родѣ, напримѣръ, такихъ, какъ—„шпалеръ, а на немъ 2 человѣка ѣдутъ на коняхъ и иныя личины человѣческія“, или же: „шпалеръ, а на немъ: мужикъ съ бородою, передъ нимъ мужикъ стоитъ“,—не даютъ возможности дѣлать какихъ-либо заключеній.

За столовою князя Алексѣя Голицына идетъ рядъ комнатъ, подробное описаніе которыхъ не представляетъ особеннаго интереса, въ виду того, что ихъ убранство совершенно почти одинаково съ описанными выше.—По-

[1]) Одно въ черепаховой рамѣ.

этому мы ограничимся здѣсь лишь перечисленіемъ этихъ комнатъ и краткимъ упоминаніемъ наиболѣе выдающихся принадлежностей ихъ обстановки. Первымъ за столовою полатою мы встрѣчаемъ въ описи „спальной чюланъ“ кн. Алексѣя, „въ переградкѣ“ (т. е. за перегородкою). Въ убранствѣ этой комнаты заслуживаютъ упоминанія висѣвшіе на стѣнахъ индѣйскіе ковры, повидимому, замѣчательной работы, затѣмъ—стѣнное украшеніе въ видѣ искусственныхъ „нѣмецкихъ“ цвѣтовъ въ двухъ рамахъ—подъ слюдою, да въ золоченой рамѣ, подъ стекломъ гербъ. Упомянутые „индѣйскіе“ ковры были „въ срединѣ бархату краснаго“, по которому, равно какъ и на каймахъ, „шиты золотомъ и серебромъ и шелками личины человѣчьи и птицы и травы“. Оконныя стекла въ спальномъ чюланѣ—расписныя „съ личины“.

Далѣе слѣдуютъ еще двѣ полаты князя Алексѣя Голицына: „новая“ и „казенная“. Первая изъ нихъ, „новая“, названа такъ, вѣроятно, потому что опись застаетъ ее неотдѣланною. Эта полата освѣщалась десятью окнами, всѣ съ стеклянными оконницами, представлявшими тогда дорогое нововведеніе [1]); большинство оконъ въ домѣ, какъ мы видѣли, было изъ слюды. Во вновь же пристраивавшихся комнатахъ, по всей вѣроятности, тогда уже рѣшено было дѣлать стеклянныя окна. „Новая“ полата убранствомъ не отличалась: въ ней даже почти не было мебели, если не считать трехъ обитыхъ краснымъ сукномъ лавокъ, да еще небольшаго четыреугольнаго стола, весьма, повидимому, простаго, такъ какъ опись оцѣниваетъ его всего въ одинъ рубль.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что та или другая оцѣнка въ описи даетъ нѣкоторыя указанія на достоинства описываемыхъ предметовъ: цѣна вещамъ художественной работы, хотя бы и не изъ дорогаго матеріала, назначалась оцѣнщиками всегда выше, нежели такимъ же вещамъ болѣе грубой работы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалъ, изъ котораго онѣ были сдѣланы, представлялъ большую

[1]) До Петра Великаго стекла замѣняла слюда, извѣстная въ глубокой древности. Слюдяныя оконницы устраивались изъ бѣлаго или краснаго желѣза—въ сѣтку, основаніемъ которой служили четыре желѣзные прута, составлявшіе собственно рамку. Сѣтка дѣлалась въ видѣ *образцовъ* т. е. четыреугольниковъ и треугольниковъ и въ видѣ *рѣпьевъ*, *круговъ*, *кубовъ*, *косяковъ*, въ которыхъ укрѣплялась слюда и отъ которыхъ оконницы назывались *обращатыми*, *рѣпчатыми*, *кручатыми*, *кубчатыми* и *косящатыми* См. „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII ст.“ И. Забѣлина, стр. 114.

цѣнность. Иногда, какъ увидимъ ниже, оцѣнщики дѣлали прямыя указанія на художественныя достоинства предмета, оттѣняя ихъ какимъ-нибудь наивнымъ замѣчаніемъ, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ описаніи шпалеръ.

Что касается „казенной“ [1]) полаты князя Алексѣя, то въ ней мы не находимъ ничего, кромѣ створчатой шкатуны, оклеенной красной кожей и обитой прорѣзнымъ узорчатымъ желѣзомъ, да писанаго „розными краски“ нѣмецкаго сундука.

Въ слѣдующей затѣмъ полатѣ жены князя В. В. Голицына, — княгини Авдотьи, можно отмѣтить необыкновенно роскошную отдѣлку стѣнъ и потолка, обитыхъ нѣмецкими золочеными кожами, которыхъ пошло на это до двухъсотъ. Въ остальномъ, убранство этой комнаты не представляетъ ничего замѣчательнаго; мебель здѣсь по большей части—старая, далеко не роскошная. Исключеніе составляетъ только дубовый четырехъ-створный зеркальный шкафъ.

Отсюда мы проникаемъ въ деревянный спальный чуланъ самого князя Василья Васильевича. Это—небольшая, но очень комфортабельно устроенная комната, при отдѣлкѣ которой было, повидимому, обращено большое вниманіе на то, чтобы сдѣлать ее непроницаемою для вѣтра и холода. Съ этою цѣлью чуланъ былъ обитъ бѣлымъ листовымъ желѣзомъ и поверхъ его, по потолку и стѣнамъ—краснымъ сукномъ. Здѣсь въ числѣ образовъ мы уже встрѣчаемъ, судя по указаніямъ описи, тѣ изумительные образцы древнерусскаго искусства, которые нынѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ сохраняются, какъ величайшая рѣдкость, въ нашихъ музеяхъ. Изъ такихъ иконъ въ описи названъ образъ Пресвятыя Богородицы и другой „на малой цкѣ“ съ четырьмя ликами и надписями, которыхъ, по заявленію оцѣнщиковъ—„прочесть невозможно, потому что рѣзба мелка“. Мебели и здѣсь очень немного: столъ „штигранный“ дубовый, кровать, да зеркало въ орѣховой рамѣ,—вотъ и все, что было въ этой комнатѣ. Главное украшеніе здѣсь, какъ и въ другихъ спальнахъ,—кровать. Она отличается большой затѣйливостью: она изъ орѣховаго дерева, рѣзной работы, съ балдахиномъ на витыхъ столбахъ, верхъ котораго украшенъ какой-то фигурой („на верхней доскѣ персоня“); по сторонамъ и снизу кровать обита нѣмецкой камкой осиноваго цвѣта. Постельный уборъ чрезвычайно роскошенъ; наволоки на бумажникѣ и подушкахъ изъ алаго и рудожелтаго атласу и камки „жаркаго цвѣту“, а двѣ подушки,

[1]) Казенная полата—родъ кладовой, гдѣ хранились разныя драгоцѣнности и дорогое платье.

кромѣ того, обшиты: одна золотнымъ, а другая серебрянымъ кружевомъ; въ нихъ, по словамъ описи, „духи травъ нѣмецкихъ“—роскошь, почти неизвѣстная въ то время въ Россіи и, очевидно, заимствованная, какъ и многое во дворцѣ князя В. В. Голицына, съ Запада. Самая кровать была также нѣмецкаго дѣла.

Описанный постельный уборъ, какъ видно, былъ дѣйствительно не совсѣмъ обыченъ для своего времени и заинтересовалъ даже царицу Наталью Кирилловну, которая указала начальнику приказа розыскныхъ дѣлъ Тихону Никитичу Стрешневу „отпустить въ свою, великія государыни, мастерскую полату князь Васильевыхъ и князь Алексѣевыхъ животовъ Голицыныхъ: бумажникъ да взголовье, да три подушки пуховыхъ“ и, между прочимъ, двѣ подушки „съ духами травъ нѣмецкихъ“. Эти-то духи и были, по всей вѣроятности, предметомъ соблазна.

Кромѣ описанной спальни кн. Василія Голицына у него были еще двѣ другія: *лѣтняя и зимняя*. Онѣ были расположены рядомъ одна съ другой и находились надъ заднимъ крыльцомъ. Зимняя спальня поражаетъ бѣдностью своей обстановки, которая рѣзко выдѣляется среди другихъ комнатъ голицынскаго дома: здѣсь даже образа безъ окладовъ и какого-либо убора; всю меблировку составляетъ одинъ только простой круглый столъ. Окна въ этой комнатѣ были съ желѣзными затворами. Насколько проста была обстановка зимней спальни,—можно видѣть изъ того, что оцѣнщики опредѣлили ея стоимость всего въ 1 р. и 5 алтынъ [1]). Лѣтняя спальня, наоборотъ, была очень просторна и отдѣлана съ большой роскошью, хотя мебели и здѣсь, кромѣ кровати, не было совсѣмъ. Это была комната въ 16 оконъ „въ дву поясехъ“, съ слюдяными оконницами—„мелкія слюды“ [2]). Потолокъ, стѣны и простѣнки между оконъ блестѣли позолотою и серебромъ панелей, писанныхъ по полотну и заключенныхъ въ черныя рамы. Кровать,—замѣчательной работы, помѣщалась на особомъ деревянномъ рундукѣ, расписанномъ красками.—Ея „исподъ“, утвержденный на 4-хъ деревянныхъ пукляхъ, оканчивающихся „птичьими ногтями“, былъ весь мелкаго рѣзнаго дѣла.—Остальныя части, какъ видно, были не менѣе роскошны и богаты:—„кругомъ кровати—говорится въ „описи“—верхніе и исподніе подзоры рѣзные, вызолочены; а межъ подзоровъ писано

[1]) Т. IV, столбцы 27 и 28.
[2]) Въ мелкихъ переплетахъ.

золотомъ и расцвѣчено красками; а въ ней исподъ и стороны настланы хлопчатою бумагою и обиты рудожелтою луданною камкою; передъ кроватью, по нижнему приступу, *болясы* мелкія писаны краскою". Къ сожалѣнію, въ „описи" не упомянуто, какой работы была эта кровать: русской или *нѣмецкой*,—какъ это встрѣчалось при описаніи другихъ принадлежностей обстановки и даже кроватей. Впрочемъ, судя по особенностямъ отдѣлки, въ которой, между прочимъ, мы видимъ золото, расцвѣченное красками, можно съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, что эта кровать была русскаго дѣла. Къ этому предположенію приводитъ и такая подробность въ ея описаніи, какъ упоминаемыя въ „описи" мелкія расписанныя „болясы", составлявшія въ старину одинъ изъ наиболѣе любимыхъ типовъ мебельныхъ украшеній.

Пропуская *переднюю* полату князя Михаила Васильевича Голицына, въ которой нѣтъ ничего, на чемъ бы стоило остановиться [1]), а также хоры, находившіеся между верхней столовой и шатровой полатами, мы входимъ въ такъ называемую *крестовую* полату, гдѣ было сосредоточено большинство цѣнной посуды и множество иныхъ мелочей—принадлежностей тогдашняго обихода и роскоши. Здѣсь же хранилась и большая часть книгъ, составлявшихъ семейную голицынскую библіотеку. Въ виду особеннаго интереса, какъ самаго убранства этой комнаты, такъ и сохранившихся въ ней утвари и иныхъ предметовъ,—мы остановимся на ней нѣсколько дольше, чѣмъ на другихъ полатахъ голицынскаго дома, и перечислимъ не только выдающіяся особенности ея обстановки и отдѣлки, но и наиболѣе интересныя изъ наполнявшихъ ее мелочей. Послѣднихъ въ крестовой было особенно много, вслѣдствіе чего эта комната представляла собою какъ бы складъ наиболѣе цѣннаго имущества. Въ настоящее время крестовая со всѣмъ, что въ ней находилось, была бы прекраснымъ бытовымъ музеемъ XVII ст., музеемъ, подобнаго которому, по полнотѣ коллекціи и богатству составлявшихъ ее предметовъ, если не считать сокровищницы Московскихъ палатъ (Грановитой, Оружейной и Золотой),—у насъ нѣтъ ни одного.

Описаніе крестовой полаты мы начнемъ съ иконъ, для

---

[1]) Въ этой комнатѣ, довольно большой—въ 10 оконъ, кромѣ нѣмецкихъ кожъ (числомъ 60), которыми она была обита, по выраженію оцѣнщиковъ, „иныхъ нарядовъ и никакихъ животовъ" не было.

которыхъ, главнымъ образомъ, она и предназначалась [1]), часто замѣняя въ боярскихъ хоромахъ домовую церковь. У Голицыныхъ эта комната, впрочемъ, не имѣла исключительно такого назначенія: у нихъ средоточіемъ святыни была церковь, какъ мы видѣли выше, находившаяся на дворѣ и соединенная съ домомъ особыми крытыми переходами. Тѣмъ не менѣе, и въ крестовой полатѣ иконъ было не мало. Ими, по обычаю того времени, была занята цѣлая стѣна, представлявшая собою подобіе церковнаго иконостаса. Здѣсь, какъ видно изъ описи, находились въ одномъ ряду: рѣзной Животворящій крестъ, янтарное распятіе, рядомъ — другое (какой работы и изъ чего сдѣланное — неизвѣстно), затѣмъ, по правую сторону — образъ Пресвятыя Богородицы, а по лѣвую — Іоанна Богослова. Подъ переименованными иконами „въ нижнемъ поясу“ въ иконостасѣ помѣщались восемь образовъ Страстей Христовыхъ. Затѣмъ, здѣсь, уже въ рамахъ, висѣли иконы: „Отечество“ (св. Отцовъ Церкви) Пресвятыя Богородицы, апостоловъ и иныхъ святыхъ. Не безъинтересно, между прочимъ, отмѣтить здѣсь одну подробность относительно украшенія иконостаса, именно, что онъ около столбовъ былъ обложенъ гладкимъ серебромъ, по которому шли „накладныя травы“ изъ золоченаго серебра. Наконецъ, тутъ же находились въ „двунадцати рамехъ черныхъ 12 Страстей Христовыхъ на камняхъ бѣлыхъ алебастровыхъ“ и хоругвь, „писанная по червчатой камкѣ золотомъ и серебромъ и розными краски“. На одной сторонѣ хоругви было изображено Воскресеніе Христово, на другой—Благовѣщеніе, а по сторонамъ—Господскіе праздники.

Центръ потолка крестовой полаты былъ украшенъ рѣзнымъ золоченымъ изображеніемъ одноглаваго орла съ укрѣпленнымъ въ лапахъ желѣзнымъ стержнемъ, на которомъ была прикрѣплена вызолоченная же „лосеная (лосиная) глава деревянная съ рогами“ и шестью подсвѣчниками. Эта оригинальная люстра заканчивалась „писаннымъ нѣмецкимъ яблокомъ“. На одной изъ стѣнъ висѣли въ черныхъ деревянныхъ рамахъ два портрета или „персоны“ царя Ѳеодора Алексѣевича и патріарха Никона, изображеннаго въ полномъ святительскомъ облаченіи: саккосѣ, омофорѣ, палицѣ и панагіи, которые, по словамъ описи, были „нарѣзаны и

[1]) Крестовая полата была въ XVII ст. необходимою принадлежностью каждаго боярскаго дом . Она предназначалась для утреннихъ и вечернихъ молитвъ, а также для домашнихъ богослуженій: молебствій, всенощныхъ, вечерень и проч.

наклеены разныхъ цвѣтовъ объярьми", т. е. сдѣланы рельефно изъ разноцвѣтныхъ матерій. У портретовъ находился полосатый китайскій завѣсъ.

Переходимъ къ библіотекѣ. Безъ сомнѣнія, выраженіемъ умственной жизни и развитія народа въ тотъ или другой періодъ его историческаго существованія является его литература. По отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ примѣнимо то же соображеніе, но въ болѣе узкихъ рамкахъ: что больше читалось въ то или другое время извѣстнымъ лицомъ, что составляло для него необходимую потребность, то, конечно, ближе всего выражаетъ характеръ и размѣры его требованій и интересовъ. Составъ той или другой домашней библіотеки является, нѣкоторымъ образомъ, выразителемъ интересовъ и степени развитія ея владѣльца. Приводимъ здѣсь перечень книгъ библіотеки князя Василія Васильевича Голицына цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ его даетъ намъ опись, со всѣми особенностями тогдашняго правописанія.

Первыми перечислены въ спискѣ книги духовнаго содержанія: 1) „О титлѣ вѣнца Христова" въ десть; печать кіевская; 2) „Евангеліе толковое"—печать московская; 3) „Оглавленіе звѣзды пресвѣтлой"; 4) „Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ" — книга „писменная", въ полдесть; 5) два „Патерика"—кіевской печати; 6) пять книгъ въ полдесть, кіевской печати: „Акаѳисты Богородичны, и прочіе спасительные молебны"; 7) Акаѳистъ же, въ восмуху листа. Затѣмъ слѣдуютъ: 8) книга „Алексиконъ", въ полдесть, кіевской печати; 9) „Полууставъ" кіевской печати, въ десть; 10) книга писменная: „О святей мудрости, яже избавляетъ и спасаетъ держащихся ея"; 11) книга въ полдесть, печатная: „Слово, благодарное Господу Богу, за Его великую милость, яко благоволилъ чудеснымъ Своимъ промысломъ Церковь Свою Святую отъ тоя отступниковъ и злыхъ навѣтчиковъ, въ лѣто 7190 (1682) іюля въ 5-й день, избавить"; 12) „О благоговѣйномъ стояніи во храмѣ Божіи", въ полдесть; 13) „Руно одушевленное", въ полдесть, кіевской печати; книга писаная: „О Антихристѣ и о иныхъ изрядныхъ вещахъ"; 14) книга въ полдесть, писаная: „Похвала благочестивымъ Царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго" — въ бумагѣ *волнистой*; 15) книга печатная: „Благодарственная къ великимъ государемъ"; 16) книга писаная: „Врученія Благородной и Христолюбивой Великой Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ

привиліе на Акамедію (академію?) въ лѣто отъ созданія міра 7193-го (1685)". Далѣе въ списокъ занесено подрядъ нѣсколько рукописей, главнымъ образомъ, свѣтскаго содержанія, какъ-то: 17) „О гражданскомъ житіи, или о направленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обща народу"; 18) „Тестаментъ или Завѣтъ Василія Царя Греческаго сыну его Лву Философу"; 19) повѣсть о томъ, „Како Царица Олунда близнятъ породи, и како ихъ свекровь еѣ, мать цесарева, хотя погубити".

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ спискѣ: 20) „Граматикъ" печатный; 21) какую-то книгу, писаную съ золотомъ, на полскомъ языкѣ; 22) книгу въ десть, писменную „Іева Людолфа", нѣсколько переводныхъ сочиненій, какъ напримѣръ; 23) „Мелетія діакона" отъ вселенскихъ патріарховъ; 24) „Алкоранъ Махметовъ"—переводъ съ полскаго; 25) книга писаная съ полскаго письма, съ „исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ".—Кромѣ того, въ библіотекѣ находились: 26) книга въ четверть листа „Преосвященнаго Аѳанасія, патріарха Александрійскаго; 27) Книга писаная „О послѣхъ, гдѣ, кому, въ которомъ государствѣ поклонитца"; 28) четыре какихъ-то *нѣмецкихъ* книги, 29) четыре *писменныхъ* книги: „О строеніи *камедіи*"; 30) восемь календарей „розныхъ лѣтъ" и, наконецъ,—„въ чехлѣ суконномъ, въ черной кожѣ" какая-то *каменная небольшая книга*.

Приведенный списокъ еще не обнимаетъ собою всей голицынской библіотеки: часть книгъ хранилась въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, именно въ такъ называемой „*нижней казенной полатѣ*". Тамъ, кромѣ церковно-служебныхъ и богословскихъ книгъ, мы находимъ нѣсколько книгъ научнаго и литературнаго содержанія. Между прочимъ, въ описи названной полаты, среди книгъ, значатся: „Собранія разныхъ посланій"; „Рифмотворная", печатная; „Право или Уставы воинскіе Галанскія земли", писменная; „Пѣвчая", нѣмецкаго языка; „Граматикъ полскаго и латынскаго языка"; „Исторія", писменная, полскаго языка; „Календарикъ", прошлыхъ лѣтъ, на нѣмецкомъ языкѣ; писменная „Конской лечебникъ"; „Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣремъ въ лицахъ"; „Исторія", писменная; „Лазаря Бороновича"; Лазаря жъ Бороновича „рѣчь къ великимъ государемъ"; „Родословная"; „Артикулная"; „Писменная, Юрія Сербенина"; „Поученіе о нашествіи варваръ"; „Соловецкая челобитная" и „Книга О ратномъ строю".

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, какъ помѣщалась въ крестовой библіотека, въ шкафу—такъ-называемомъ по-

ставцѣ [1]), или какъ-нибудь иначе, такъ какъ въ описи нѣтъ на это никакихъ указаній. Вѣроятно, оцѣнщики переписывали книги, вынувъ ихъ изъ того вмѣстилища, гдѣ онѣ находились, и потомъ подвергли его оцѣнкѣ вмѣстѣ съ другой мебелью, не упоминая уже о его назначеніи. Всего вѣроятнѣй, конечно, что книги лежали въ шкафу, но въ какомъ именно—остается неизвѣстнымъ, ибо въ описаніи крестовой полаты мы встрѣчаемъ ихъ три, а именно: „шкафъ, оклеенный орѣхомъ и мѣстами украшенный рѣзьбою, „съ личины и травы", другой—также оклеенный орѣхомъ, но болѣе простой работы, и, наконецъ третій—въ видѣ шифоньера, съ 8-ю ящиками.

Изъ остальной мебели, находившейся въ крестовой, замѣчательны два стола: одинъ съ подножьемъ, на которомъ нарѣзаны раковины, и другой аспидный, на рѣзныхъ деревянныхъ золоченыхъ ножкахъ, съ рѣзнымъ фигурнымъ бордюромъ—(„опушкою") вокругъ, на которомъ изображены „два лва, да двѣ травы". Изъ 36-и украшавшихъ крестовую малыхъ и большихъ зеркалъ въ различныхъ рамахъ: рѣзныхъ золоченыхъ и деревянныхъ гладкихъ, съ бронзовыми инкрустаціями и проч., заслуживаютъ упоминанія два, въ позолоченыхъ рѣзныхъ рамахъ „съ указными часами". Послѣдніе, впрочемъ, не составляли особенной рѣдкости въ домѣ Голицыныхъ: кромѣ крестовой, гдѣ ихъ было до десяти, они встрѣчаются еще и въ другихъ комнатахъ дома. Упомянутые „указные часы" интересны только по мѣсту своего нахожденія на зеркалахъ, украшеніемъ которыхъ они служили. Вообще часы, разнообразныхъ формъ и видовъ, въ XVII столѣтіи не составляли у насъ большой рѣдкости не только во дворцахъ, но и въ хоромахъ богатыхъ московскихъ боляръ. „Еще въ первой половинѣ XV в.,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ—въ московскомъ дворцѣ стояли часы башенные. Но всему вѣроятію, къ тому же времени должно отнести и употребленіе комнатныхъ часовъ—*столовыхъ* и стѣнныхъ, или *гирныхъ*, указныхъ, а также воротныхъ или *зепныхъ* т. е. карманныхъ, которые носили на цѣпочкахъ на вороту, въ зепи, или карманѣ. Тогда такіе часы были большою рѣдкостью въ Москвѣ и привозились иностранцами, продававшими ихъ, вѣроятно, за очень дорогую цѣну. Когда Москва, въ XVI вѣкѣ, завязала частыя посольскія сношенія съ западными государствами, то въ числѣ даровъ, подносимыхъ государю, не послѣднее мѣсто

[1]) Поставцы для книгъ назывались книгохранительницами.

занимали и часы болѣе или менѣе хитраго и затѣйнаго устройства.

Такъ, въ 1557 г. шведскіе послы поднесли царю Ивану Васильевичу кубокъ золоченъ съ покрышкою, поставной, а на верху, въ покрышкѣ—часы. Въ 1594 г. цесаревъ-посолъ Варкачь поднесъ царю Ѳедору Ивановичу отъ цесаря: „часы меденые золоченые съ планитами". Въ 1597 г. послы императора Рудольфа, между прочимъ, поднесли государю въ поминкахъ отъ императора часы съ перечасьемъ, съ людьми и съ трубы и съ накры и съ варганы; а какъ перечасья и часы забьютъ, и въ тѣ поры въ трубы и въ накры и въ варганы заиграютъ люди, какъ *живые* [1]).

Такія подношенія бывали нерѣдко, и къ XVII столѣтію въ дворцовыхъ комнатахъ скопилась цѣлая любопытная коллекція часовъ, описаніе которой даетъ И. Е. Забѣлинъ въ своей книгѣ, посвященной описанію быта русскихъ царей въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

Въ „крестовой" Голицыныхъ мы не встрѣчаемъ, конечно, столь затѣйливыхъ часовъ, какъ во дворцѣ, но и между находившимися здѣсь были довольно интересные. Такъ въ описи мы, между прочимъ, находимъ: часы столовые, боевые, съ минютами, во влагалищѣ золоченомъ, съ серебрянымъ вызолоченымъ верхомъ, на которомъ „пукля, а на пуклѣ мужикъ съ знакомъ",—часы во влагалищѣ черепаховомъ; а на немъ травы оловянныя и мѣдныя;—часы во влагалищѣ оклееномъ усомъ китовымъ, и проч. Тутъ же упомянуты „нѣмчинъ на конѣ, подъ нимъ подножье, а въ подножьѣ ящикъ выдвижной, въ лошади часы заводные" и, наконецъ, любопытная дпковинка—механическая чудодѣйственная игрушка: „олень серебряный на поддонѣ, въ поддонѣ—заводныя колеса, а на оленѣ мужикъ, а подъ оленьими задними ногами мужикъ же на конѣ; на поддонѣ жъ двѣ собаки на чепяхъ".

Одной изъ распространенныхъ въ старину принадлежностей комнатнаго убранства служили шкатуны, шкатунки, ларцы и подголовки, помѣщавшіеся въ шкафахъ и поставцахъ, или же прямо на лавкахъ. Въ „крестовой" мы встрѣчаемъ особенно много такихъ шкатунъ, частію съ различною утварью, частію порожнихъ. Многія изъ нихъ отличаются затѣйливостью работы и богатствомъ самаго матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы. Такъ, между прочимъ,

[1]) Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Москва 1862 г., стр. 173 и слѣд.

тутъ была шкатунка „ентарная съ двѣмя кровли“, съ четырьмя янтарными же выдвижными ящиками, оцѣненная въ громадную для того времени сумму—въ 500 рублей. Столь высокая оцѣнка этой шкатунки была вызвана, конечно, тѣмъ, что она была изъ янтаря, который тогда цѣнился едва-ли не выше золота. Затѣмъ тутъ же находилась „шкатуна нѣмецкая на шти (шести) подножкахъ витыхъ; а въ ней за затворами въ срединѣ пять стеколъ, да посторонь 7 ящиковъ выдвижныхъ; да съ лица во всей шкатунѣ 12 ящиковъ большихъ и малыхъ выдвижныхъ же; а по ящикамъ съ лица нарѣзаны, по черепахѣ, травы оловомъ; на верху шкатуны *гзымзъ* (карнизъ), а у него внизу по двѣ личины человѣчьихъ съ крыльями золочеными, а на верху и посторонь 3 шахматца золоченыхъ; подъ шкатуною внизу, межъ подножекъ личина да двѣ рѣзбы золочены“. Другая шкатуна, также нѣмецкая, стояла на особомъ станкѣ на 4-хъ подножкахъ; въ ней помѣщались, кромѣ 4-хъ выдвижныхъ ящиковъ, „цымбалцы“ и „клевпкорты“, да на верху маленькіе часы. Снаружи и внутри она была расписана золотомъ и красками. Было, кромѣ того, нѣсколько шкатунъ „оптешныхъ“ (т. е. аптечныхъ), съ стклянками, предназначенными для медикаментовъ, и множество другихъ (оклеенныхъ бархатомъ, кожею, обитыхъ прорѣзнымъ желѣзомъ и проч.) [1]), въ которыхъ помѣщалась мелкая, главнымъ образомъ, хрупкая посуда (хрустальная, стеклянная, цѣнинная, алебастровая и проч.). Такъ, въ одной изъ шкатунъ лежали 12 стоканцовъ стеклянныхъ, рѣзныхъ; въ другой—6 сулеекъ стеклянныхъ; въ третьей—12 четвертинокъ малыхъ алебастровыхъ, граненыхъ и проч.

При описаніи большой столовой полаты было перечислено нѣсколько наиболѣе выдающихся вещей изъ серебряной посуды. Что касается утвари, находившейся въ крестовой, то она не поражаетъ особеннымъ богатствомъ, но за то отличается большимъ разнообразіемъ. Здѣсь—цѣлая масса чарокъ, кубковъ, братинъ, четвертинъ, стокановъ и стоканцевъ, кружекъ, кувшинцевъ, чашекъ, сулей и сулеекъ, ковшей, росольниковъ и другой посуды изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: серебра, янтаря, кости, стекла, цѣнины и даже—дерева.

Много здѣсь было и одинаковой, болѣе простой посуды, въ особенности „торелей“ и блюдъ, очевидно, служившихъ

[1]) У одной изъ шкатунъ ящики были оправлены сканнымъ серебромъ.

въ домашнемъ обиходѣ. Такъ, оцѣнщики упоминаютъ, между прочимъ, нѣсколько дюжинъ „торелей цѣнинныхъ“, 17 блюдъ бѣлыхъ венецейскихъ, 10 ложекъ яблоновыхъ, и проч. Но наряду съ этимъ встрѣчаются и вещи въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли въ большой столовой, и которыя подавались только въ торжественныхъ случаяхъ, служа болѣе для украшенія, нежели въ обиходѣ. Изъ послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе: чарка янтарная „съ двѣмя пріемцы“ (ручками) и лягушкой внутри; кубокъ серебряный съ фигурною ножкой („межъ кубка и поддона—мужикъ“), братина яшмовая на трехъ пукляхъ, въ серебряной съ финифтью оправѣ, и, въ особенности—2 серебряныя, съ кровлями и рукоятми, кружки на которыхъ „накладки костяныя, бѣлыя прорѣзныя; а въ накладкахъ нарѣзаны притчи Соломона царя; лицы всѣ рѣзныя“. Изъ вещей съ надписями въ крестовой былъ только одинъ „шанданъ круглой“ „съ трубкою и со втулкою, съ чипцомъ и съ подблюдникомъ“; надпись на этомъ шанданѣ указывала, что онъ былъ „Государева жалованья“.

Изъ приведеннаго краткаго перечня того, что находилось въ крестовой, можно видѣть, какая масса разнообразныхъ вещей была здѣсь сосредоточена. Это, какъ мы сказали выше, былъ цѣлый домашній складъ или музей, и музей не маленькій, такъ какъ занимаемая имъ комната въ 38 оконъ была весьма значительныхъ размѣровъ.

Въ одномъ этажѣ съ крестовой и другими вышеописанными полатами находились еще двѣ комнаты: одна на переднемъ крыльцѣ передъ большой столовой и другая—рядомъ съ нею. Послѣдняя называется малою и назначеніе ея неизвѣстно. Что касается первой, то она замѣчательна только тѣмъ, что была безъ сводовъ, которые, вѣроятно, еще не были достроены, и стояла подъ полотняннымъ шатромъ.

Въ среднемъ этажѣ, проходя черезъ переднее крыльцо и сѣни, откуда начинались переходы, ведущіе въ церковь, мы вступаемъ въ переднюю и оттуда въ другую крестовую полату голицынскаго дома. Это небольшая комната, въ 7 оконъ съ большими оконницами, въ которыхъ „многія стекла нѣмецкія цвѣтныя“. Убранство ея очень интересно. Обычная принадлежность крестовой — иконостасъ — здѣсь рѣзнаго дѣла; стѣны расписаны „евангельскими притчи“; потолокъ отдѣланъ съ большой роскошью. На немъ прежде всего — большой деревянный рѣзной, покрытый мѣстами золотомъ и расцвѣченный красками репей съ луча-

ми, около котораго, въ лучахъ же, 12 рѣзныхъ мѣсяцевъ. Изъ центра, т. е. изъ самаго репья, исходитъ деревянная рука, поддерживающая деревянную рѣзную золоченую люстру, въ видѣ головы буйвола, съ шестью золочеными же мѣдными подсвѣчниками. У послѣднихъ снизу висятъ на проволокѣ 5 восковыхъ репьевъ, покрытыхъ „розными краски“ и имѣющихъ въ срединѣ „восковые виноградъ“. На самыхъ репьяхъ помѣщаются пять деревянныхъ птичекъ. Что касается мебели, которой была обставлена эта комната, то она не представляетъ ничего необычнаго, за исключеніемъ раздвижнаго съ чинаровыми досками стола, у котораго „кругомъ верхнія доски опушка деревянная золоченая, станокъ и ноги рѣзныя“, а внизу „на липовыхъ доскахъ сдѣлано мѣсто“ и на немъ „поставленъ прекрытый вохрою левъ“. Изъ бывшихъ тутъ украшеній заслуживаетъ еще упоминанія портретъ святѣйшаго патріарха Іоакима, писанный на полотнѣ. Какихъ-либо интересныхъ для насъ мелочей на поставцахъ или въ шкафахъ — здѣсь не было совсѣмъ. Шкафъ, правда, былъ и здѣсь, но въ немъ была собрана почти исключительно разрозненная и битая посуда: рюмки безъ „кровель“ (крышекъ) и даже безъ донъ, битые кувшины и стаканы и т. п., очевидно, уже не употреблявшіяся въ обиходѣ вещи. Крестовая средняго этажа, расписанная, какъ мы видѣли „евангельскими притчи“, не была единственнымъ образцомъ этого рода хоромныхъ украшеній въ домѣ. Кромѣ ея было еще нѣсколько расписанныхъ комнатъ и библейскими сюжетами и просто травами по полотну, не говоря уже о писаныхъ подволокахъ или плафонахъ, которые уже встрѣчались въ настоящемъ очеркѣ.

По своей обширности, роскоши палатнаго убранства и такимъ затѣямъ, какъ особая оружейная полата, домъ князей Голицыныхъ былъ, можно сказать, сколкомъ, конечно, въ миніатюрѣ, съ царскаго дворца. Подражаніе дворцовому убранству мы видимъ во всемъ, начиная съ рѣдкихъ для того времени шпалеръ, рѣзныхъ украшеній и кончая росписью комнатъ библейскими сюжетами. Какъ уже упомянуто, такихъ комнатъ у Голицыныхъ было нѣсколько, а именно: крестовая полата (въ среднемъ этажѣ), писанная „евангельскими притчи“, нижняя столовая — писанная „притчи изъ Библеи“, и двѣ спальни — князя Василья и княгини Авдотьи. О сюжетахъ стѣнной живописи послѣднихъ двухъ комнатъ оцѣнщики, къ сожалѣнію, не нашли нужнымъ упомянуть, ограничившись только наименованіемъ ихъ „писаными“.

Когда появился на Руси такой родъ комнатной отдѣлки,

какъ стѣнная живопись—сказать съ точностью нельзя. Несомнѣнно только, что обыкновеніе расписывать стѣны и потолки въ палатахъ великихъ князей завелось ранѣе XVI столѣтія. По крайней мѣрѣ, московскій великокняжескій дворецъ былъ украшенъ стѣнописью вскорѣ послѣ его отстройки, при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ. Въ 1547 году, при возобновленіи царскихъ палатъ послѣ извѣстнаго московскаго пожара, онѣ были расписаны заново стѣннымъ *бытейскимъ письмомъ*, подъ наблюденіемъ знаменитаго совѣтника Іоанна Грознаго, попа Сильвестра. Художественный разсказъ о томъ, что явилось послѣдствіемъ этой работы, мы находимъ у Забѣлина [1]). По его словамъ, Сильвестръ едва-ли не въ первый разъ рѣшился изобразить на стѣнахъ царскихъ палатъ содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ догматовъ *притчи*, въ лицахъ. Приверженцамъ строгой старины это показалось несогласнымъ съ преданіями церкви, потому что до того времени иконопись, не уклоняясь ни одною чертою отъ древнихъ византійскихъ образцовъ и подлинниковъ, ограничивалась только болѣе или менѣе вѣрнымъ раболѣпнымъ ихъ переводомъ. Однимъ изъ главныхъ дѣйствователей въ этомъ случаѣ былъ дьякъ Иванъ Висковатый, писавшій, между прочимъ, о царскомъ дворцѣ, что „въ палатѣ царской притчи писаны не пополобію: написанъ образъ Спасовъ, да тутоже близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ; а подписана подъ нею: блуженіе, а иное ревность и иныя глумленія“. Для разрѣшенія вопроса объ умѣстности такихъ изображеній созванъ былъ соборъ. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ недоумѣніе Висковатаго и объяснилъ ему, что въ палатѣ написано было *притчи Спасово человѣколюбіе еже о насъ ради покаянія*. Описаніе изображеній, въ которыхъ выражена была эта притча, встрѣчается въ актахъ того же собора: „Писано въ палатѣ въ большой (средней золотой) въ небѣ, на срединѣ, Спасъ на Херувимѣхъ, а подпись: *Премудрость Іисусъ Христосъ*. Съ правыя стороны у Спаса дверь, а пишетъ на ней: 1) *мужество*, 2) *разумъ*, 3) *чистота*, 4) *правда*. А съ лѣвыя стороны у Спаса же другая, а пишетъ на ней: 1) *блуженіе*, 2) *безуміе*, 3) *нечистота*, 4) *неправда*. А межъ дверей высподи, діаволъ седмиглавый, а стоитъ надъ нимъ Жизнь, а надъ тѣмъ стоитъ Ангелъ, Духъ страха Божія. А за дверью съ правыя стороны писано *земное основаніе* и *море*, и преложеніе тому во сокровенная его; да Ангелъ, Духъ благоче-

[1]) „Бытъ русскихъ царей“, стр. 123.

стія, да около того четыре *вѣтры*. А около того все вода, а подъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падаяй при водѣ; да Ангелъ, Духъ благоумія, а держитъ солнце. А подъ нимъ отъ полудня гоняется послѣ дни нощь. А подъ тѣмъ добродѣтель да Ангелъ; а подписано: *раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ*. А на лѣвой сторонѣ, за дверью, писано тоже твердь, а (на) ней написанъ Господь, акн Ангелъ; а держитъ зерцало да мечъ; Ангелъ возлагаетъ вѣнецъ на него. И тому подпись: *Благословиши вѣнецъ лѣту благости Твоея*. А подъ нимъ колесо годовое; да у году колесо; съ правую сторону любовь да стрѣлецъ, да волкъ; а съ лѣвыя стороны году *зависть*, а отъ ней слово къ зайцу: *зависть лютъ вредъ, отъ того бо начень и прискочи братоубійцъ*; а завпсть себѣ пронзе мечемъ; да смерть; а около того все твердь; да Ангели служатъ звѣздамъ и иныя всякія утвари Божія. Да 4 Ангелы по угломъ (палаты): 1) духъ премудрости, 2) духъ свѣта, 3) духъ силы, 4) духъ разума [1]).

Такова была стѣнопись въ XVI столѣтіи. Несомнѣнно, что и въ XVII вѣкѣ, когда она сдѣлалась болѣе обычнымъ украшеніемъ царскихъ палатъ и даже, правда, въ рѣдкихъ случаяхъ, попадалась и въ боярскихъ домахъ—ея характеръ измѣнился мало, и въ изображеніяхъ преобладали библейскіе сюжеты и притчи. Даже у такого западника, какъ В. В. Голицынъ, въ домѣ котораго мы видимъ множество „нѣмецкихъ“ диковинокъ, и, между прочимъ, шпалеры съ пейзажами и фигурами, очевидно иностраннаго происхожденія,—стѣнная живопись остается традиціонно вѣрною старозавѣтнымъ сюжетамъ.

Вышеописанныя комнаты представляютъ собою почти всѣ типы палатнаго убранства въ домѣ князей Голицыныхъ. Что касается остальныхъ комнатъ, то ихъ описаніе не даетъ ничего новаго, и потому мы ограничимся лишь ихъ перечисленіемъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ значатся въ описи, да указаніями на такіе предметы, въ нихъ находившіеся, о которыхъ еще не приходилось говорить въ настоящемъ очеркѣ.

Кромѣ упомянутой *столовой писаной полаты*, внизу были еще слѣдующія комнаты: 1) *нижняя казенная полата*, 2) *Князь-Васильева спальня*, „*которая къ модикимъ хоромамъ на площадкѣ*“, 3) другая его спальня, такъ называемая *нижняя писаная*, 4) *Князь Васильевы жены, княгини Авдотьи, спальня*. 5) *Княгини*

[1]) „Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“; годъ третій; № 3. Москва 1847 г.

Авдотьи передняя полата, 6) *князь Алексѣева спальня* 6) около нея—*мыльня* и 8) возлѣ *мыльни—казенная полата княгини Авдотьи*. Наконецъ, рядомъ съ нею находилась *богодѣльная полата* въ 2 окна, въ которой жили *богадѣльные нищіе*. Выше упомянутой казенной, помѣщалась другая полата того же названія, гдѣ, кромѣ кое-какой рухляди, главнымъ образомъ мягкой, сохранялись *овощи*. Затѣмъ, „подъ верхними и средними полаты", въ нижнемъ поясу—находились погреба; вслѣдъ за послѣдними въ описи упоминается еще *винная* полата, *ледникъ* и два *запасные погреба*.

Многочисленная дворня Голицыныхъ жила въ нѣсколькихъ комнатахъ нижняго этажа и въ подклѣтахъ. Въ „описи" мы находимъ слѣдующее перечисленіе этихъ комнатъ съ указаніями, гдѣ онѣ находились: „Подъ крестовою полатою жены его, князь Васильевы, княгини Овдотьи, подъ еѣ жъ княгини Овдотьи заднимъ крыльцомъ полата. Подъ столовою полатою князь Алексѣя Голицына подклѣтъ. Подъ мылнею ихъ подклѣтъ же. Подъ богодѣльною подклѣтъ же. Возлѣ запасного теплого погреба басманная полата да поварня; а отъ поварни подклѣтъ же. Мастерская полата, а подъ нею поклѣтъ же. Отъ поварни жъ въ проѣздѣ поварня жъ. Передъ передними сѣнями поклѣтъ же. Да противъ передняго крыльца подъ церковными переходы, двѣ полаты. У воротъ къ церкви двѣ полаты на жилыхъ поклѣтахъ". Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ жила, какъ видно изъ заголовка приведеннаго описанія[1]), дворня князей Голицыныхъ, которая, судя по числу людскихъ, была очень многочисленна.

Въ нижней казенной полатѣ сохранялось разное имущество, но главнымъ образомъ матеріи и платье. Среди послѣдняго мы находимъ разнообразныя принадлежности мужскаго и женскаго туалета: кафтаны, шубы, зипуны, азямы, бешметы, емурлуки, портища, а также тѣлогрѣи, лѣтники шубки и проч.—изъ различныхъ матерій. Для того чтобы дать понятіе о княжескомъ гардеробѣ, мы приведемъ здѣсь краткій перечень того, что наиболѣе выдается въ спискѣ платья, помѣщенномъ въ описи. Въ немъ между прочимъ перечислены. Кафтанъ—байберекъ рудожелтой на горностаяхъ, опушенъ соболми кругъ его круживцо серебреное съ городы, а въ рукавахъ исподъ бѣлей червей. Кафтанъ – байберекъ осиновой на птичьемъ мѣху, кругъ его снуръ золотной по вороту 12 пуговицъ плоскихъ сканныхъ, золочены. Каф-

[1]) „На томъ же ихъ князь Васильева и князь Алексѣева дворѣ полатъ, въ которыхъ жили люди ихъ".

танъ—объярь цвѣтъ цѣнинной на собольихъ пупкахъ, кругъ ворота и передовъ опушенъ огонками, а въ рукавахъ бѣльи черева, а переды и станъ подпушка—байберекъ бѣлъ, кругъ всего круживо золотное съ городы. Кафтанъ—камка лудянъ песочной цвѣтъ, на собольихъ лапахъ, а въ рукавахъ бѣльи черева, кругъ кафтана круживо золотное съ городы, опушенъ кругомъ огонки. Кафтанъ—сукно поморанцовой цвѣтъ на горностаяхъ, опушенъ горностаями жъ, въ рукавахъ исподъ бѣлей черевей, по вороту 4 пуговицы золотыхъ рѣзныхъ съ олмазы. Кафтанъ,—сукно малиновое на бѣлыхъ хребтахъ, кругъ опушенъ огонками, по вороту 6 пуговицъ золотыхъ, въ нихъ искры изумрудныя и лаловыя. Кафтанъ—байберекъ золотной, травы серебреныя опушенъ огонками, подложенъ отласомъ алымъ. Кафтанъ—байберекъ по осиновой землѣ травы золотныя и серебреныя подкладка бархатъ косматъ зеленъ, а подъ рукавами тафта зеленая, кругомъ всего, и зепи и рукава опушены соболемъ.

Кафтанъ—сукно цвѣтъ сѣрогорячей, подложенъ тафтою соломеннаго цвѣту. Емурлукъ,—сукно вишневое, подкладка—тафта струйчатая вишневая, кругъ вороту снуръ золотной, по вороту 6 гнѣздъ нашивки горощатой длинной, да 6 гнѣздъ нашивки горощатой же короткой; у длинной нашивки гапли бѣлыя, а у короткой нашивки гапли съ финифтью. Тѣлогрѣя—объярь золотная по красной землѣ, а на ней травы, золото жъ съ серебромъ, круживо серебреное съ городы, 20 пуговицъ малыхъ сканныхъ, вызолочены, подкладка желтая, подпушка—кушня красная. Тѣлогрѣя—объярь рудожелтая, круживо серебреное съ городы, на ней 20 пуговицъ небольшихъ сканныхъ, подложена зейденью, подпушка—камка красная. Лѣтникъ—отласъ желтой, вошвы шиты по бархату червчетому золотомъ и серебромъ, подолникъ—тафта красная, подложенъ киндясомъ желтымъ. Лѣтникъ, объярь серебреная, по ней травки разныхъ шелковъ, вошвы шиты по черному бархату, подолникъ—отласъ червчетой, подложенъ тафтою желтою. Азямъ китайской, по таусинной землѣ травы золотныя разныхъ цвѣтовъ подложенъ тафтою осиновою.

Бешметъ, камка китайская дымчатая, подкладка, киндякъ темномаковъ, у ворота пугвица обшивная, на рукавахъ 6 гапель. Портище женское китайское безъ рукавовъ цвѣтное, по бѣлому отласу подпушено и опушено алою тафтою.

Кромѣ упомянутыхъ нами платьевъ и матерій въ этой же казенной полатѣ хранились ковры и шпалеры. Послѣднія,

судя по описанію оцѣнщиковъ, были очень оригинальны. Такъ, напримѣръ, были тамъ: „Шпалеръ, а въ немъ птица баба и павлинъ и иныя птицы. Шпалеръ же по немъ мѣсты рыси и жаравли и иныя птицы, каймы желтыя цвѣтныя. Шпалеръ, а на немъ большое дерево, подъ деревомъ птицы большія и малыя. Шпалеръ гарусный, на немъ библейная притча съ личины“ и проч.

Помимо своего назначенія для храненія дорогаго платья, *нижняя казенная полата* служила и домашнимъ *архивомъ*, такъ какъ въ ней были сложены разныя дѣловыя бумаги—*отпускныя* и *кабальныя* записи, а также документы о службѣ князя В. В. Голицына. Между прочимъ тутъ были *72 тетрати* 190 (1682 г.) году,—„а въ нихъ написанъ блаженныя памяти, великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича указъ князь Василью Голицыну съ товарищи, о сидѣньяхъ въ отвѣтной полатѣ за ратными дѣлами.—А что по тому, великихъ государей, указу учинено, и то писано въ тѣхъ тетратехъ имянно“. Большая часть бумагъ лежала по „коробьямъ“ (сундукамъ), замѣнявшимъ тогда современные картоны. Въ описи такихъ *коробій* и *коробочекъ* съ бумагами перечислено нѣсколько,—а именно: 5 коробій съ полковыми Путивльскими дѣлами 7184—7188 годовъ (1676—1680). Затѣмъ „коробочка небольшая безъ покрышки, а въ ней 4 столпа: два 188 году, Путивльской службы, а два 195 (1687) году; одинъ грамотной съ милостивымъ словомъ. Въ двухъ липовыхъ ящикахъ—(и одинъ изъ нихъ мѣстами былъ окрѣпленъ желѣзомъ)—хранились—въ одномъ также Путивльскія дѣла 188 и 189 (1680—1681) годово, а въ другомъ—„наказъ полковой князю Василью Голицыну, 197 году,—въ немъ же великихъ государей грамоты къ нему, князь Василью и къ ратнымъ людемъ, за службу 197 году, съ милостивымъ словомъ, да грамоты къ къ нему жъ, князь Василью, изъ розныхъ приказовъ, о всякихъ полковыхъ дѣлехъ, и сказки ратныхъ людей и смотреной списокъ, да смотреной же списокъ ротмистромъ, столникомъ и стряпчимъ, за руками ротмистровъ, 195 году“. Любопытно находившееся тутъ же „письмо“ (росписка) въ томъ, что „197-го жъ году, іюня въ 28-мъ числѣ, взято у князь Василья Голицына взаймы въ Розрядной шатеръ 200 рублевъ, на жалованье дохтуру и лекарямъ и иныхъ чиновъ людемъ; у того писма припись дьяка Еремея Полянскаго“. Наконецъ въ двухъ коробьяхъ была „всякая разнь“: „совѣтныя грамотки, и черныя челобитныя, и выписки, и

записныя книги платью и оружейному и конскимъ нарядомъ прошлыхъ лѣтъ".

Въ спальнѣ князя Алексѣя Голицына обращаютъ на себя вниманіе такія принадлежности меблировки, какъ кресла, обитыя червчатымъ бархатомъ, съ шелковою, прибитою мѣдными золочеными гвоздями, бахромою, или стулья съ шитыми подушками. Такая мебель заставляетъ предполагать, что потребности въ комфортѣ въ XVII столѣтіи у богатыхъ людей едва-ли были ниже современныхъ. Въ комнатѣ молодаго Голицына были также *арганы* и *клевикорты*. Изъ мелочей, находившихся тутъ же, заслуживаютъ упоминанія—*волосы накладные* и трость; послѣдняя опредѣлена въ описи въ слѣдующемъ, случайно полурифмованномъ описаніи: „трость, на ней въ верху кость, а съ низу оковецъ мѣдной".—Что касается *мыльни*, бывшей рядомъ со спальней Алексѣя Голицына, то о ней мы знаемъ только, что она была обита тесомъ и освѣщалась тремя окнами съ цвѣтными стеклянными окончинами.

Подражая во всемъ дворцовымъ порядкамъ, Голицыны имѣли у себя и особую *оружейную*, а также *конюшенную* полаты. „У воротъ къ церкви,—читаемъ мы въ описи,—двѣ полаты на жилыхъ подклѣтахъ (лодскія). А по другую сторону воротъ ихъ же полаты: *оружейная* да *конюшенная*, да люцкая полата; а подъ ними конюшня да *коретная* полата".

Оружейная или *оружничья* полата въ царскомъ дворцѣ служила хранилищемъ дорогихъ вооруженій и всего царскаго доспѣха, со множествомъ разныхъ другихъ рѣдкостныхъ предметовъ [1]). Въ домѣ Голицыныхъ она исполняла то же назначеніе, но являлась исключительно арсеналомъ. Какъ музей, она была крайне бѣдна, ибо въ ней, кромѣ нѣсколькихъ картинъ, писанныхъ на полотнѣ, не было ничего, что можно было бы назвать рѣдкостями, даже по тому времени. За то оружія здѣсь было очень много, и оно отличалось почти царскою роскошью и богатствомъ. Тутъ были собраны почти всѣ виды древне-русскаго вооруженія и доспѣховъ: мечи, булавы, буздыганы, сабли, топорки, обухи, чеканы, протазаны, пищали, пистоли, фузеи, карабины, мушкатаны, ганчеры, сулебы, луки, копья, рогатины, кинжалы, бердыши, а также „шапки ерихонки", мисюрки, пансыри, наручи, колчюги и проч. Чтобы можно было судить о томъ богатствѣ, какимъ отличалась отдѣлка всѣхъ этихъ предметовъ, мы приведемъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, на основаніи „описи". Въ числѣ другаго оружія и доспѣ-

[1]) Забѣлинъ: „Бытъ русскихъ царей" стр. 140.

ховъ въ ней значатся: „Мечь сталной волнистой, на немъ съ обѣихъ сторонъ насѣкано золотомъ, а въ золотѣ по орлу пластаному, да травы, у черена крыжъ мѣдной, позолоченъ, черенъ оклеенъ червчатымъ бархатомъ и перевитъ плетешкомъ серебренымъ, у черена жъ на концѣ двѣ головы орловыя мѣдныя, золочены, ножны оклеены бархатомъ червчатымъ, оправлены желѣзомъ прорѣзнымъ позолоченымъ; сабля булатная, насѣчена золотомъ, черенъ яшмавой, на черену и на ножнахъ оправа серебреная позолоченая съ финифтью, на крыжу бирюза, поясъ на ремнѣ, тесмянной съ золотомъ. Пара пистолей, по стволамъ отъ замковъ чеканено, у ложей, противъ замковъ, травки прорѣзныя, а скобки и наболдашникъ серебряные. Пара топорковъ огненныхъ, насѣканы золотомъ, у нихъ черены вороненые и втираны кости и раковины. Обухъ, у него стволъ вороненый, насѣченъ золотомъ, въ ложѣ втираны раковины и кости, да вырѣзана львова глава. Обухъ сталной прорѣзной, на немъ вырѣзана змѣя. Чеканъ сталной, на немъ вырѣзаны звѣриныя личины. Пищаль гладкая, стволъ краснаго желѣза, насѣченъ золотомъ и серебромъ, огибы серебреныя и золочены, ложа съ костьми и раковины. Пищаль, по стволу насѣкано золотомъ и серебромъ, 2 обоймицы серебряныя, по стволу втираны королки красные. Фузея нѣмецкая, стволъ весь золоченъ, петли и скобка и наболдашникъ и доска противъ замка прорѣзная золочена. Палашъ сталной, ножны оклеены бархатомъ червчетымъ, на черену и на ножнахъ оправа серебреная, а по ней камни бирюзы, поясъ дву шелковъ, красной съ бѣлымъ. Ганчеръ сталной, черенъ и ножны оправлены серебромъ и позолочены, на ножнахъ и на черену бирюза. Сулеба булатная, на черену и на крыжу оправа серебреная, на крыжу жъ у обѣихъ сторонъ и на концѣ у черена 3 запоны. Саадашное лубье (лукъ) на нихъ оправа серебреная съ чернью, шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ, въ нихъ же королки бѣлые и красные, у колчана чепь тройная серебреная плетеная. Копье троегранное сталное, по немъ и по трубѣ насѣкано золотомъ и серебромъ. Кинжалъ булатной, оправа серебреная съ финифтью. Шапка ерихонка сталная, кругъ черена и наушекъ обложена серебромъ, позолочена, сверху мишень серебреная чеканная. Шапка жъ ерихонка, по ней полосы насѣканы золотомъ“ и проч.

Въ оружейной же хранились литавры, завѣсы отъ нихъ, и, наконецъ,—военные „знаки“ или знамена. Между послѣдними былъ какой-то „знакъ ветхой, писанъ золотомъ, а въ серединѣ мужикъ“.

Прежде чѣмъ закончить описаніе московскаго дома Голицыныхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ экипажахъ, въ которыхъ ѣздилъ боярин-вельможа. Для лѣтнихъ выѣздовъ у него имѣлась въ коретной полатѣ „корета нѣмецкая большая рѣзная, золочена, по окнамъ обита кожею черною, въ окнахъ и въ дверяхъ стекла болшія, у стеколъ тесмы съ кистми шолковыми красными; въ ней обито бархатомъ краснымъ по золотной землѣ, подушка и свѣсы того жъ бархату; въ коретѣ верхъ обитъ круживомъ плетенымъ съ городы и съ кистми—шолкъ алой съ золотомъ, да по дверямъ 4 снура шолковые красные съ кисти шолковыми жъ съ золотомъ; въ коретѣ средина обита кожею красною гвоздми мѣдными золоченымі; у ней столбы съ личинами рѣзные, золочены; станокъ и колеса крашены киноварью“. Было еще нѣсколько малыхъ коретъ, коляска нѣмецкая „съ лица съ трехъ сторонъ писаны травы розными краски, а въ четвертой рѣзба золочена; внутри обита бархатомъ, двери обиты кожею черною, у станка столбики деревянные, переднiе витые, покрыты краскою лазоревою, а на заднихъ столбикахъ вырѣзаны личины“ и проч. Для зимняго пути имѣлось нѣсколько саней, также богато убранныхъ, писаныхъ золотомъ, обитыхъ бархатомъ съ серебряными галунами, съ бархатными *свѣсами*. Для дальнихъ дорогъ употреблялся возокъ, крытый кожею и обитый прорѣзнымъ золоченымъ желѣзомъ, съ стеклянными окончинами: внутри возка стѣнки и подушки были обиты „бархатомъ „гвоздишнымъ“ съ галуномъ шолковымъ съ золотомъ и серебромъ“ и т. д.

Такой же роскошью отличается и сбруя, хранившаяся въ конюшенной полатѣ Голицыныхъ. Были тутъ „муштуки“, узды, арчаги съ серебрянымъ золоченымъ или незолоченымъ наборомъ, съ финифтью, съ бирюзою и даже „съ яхонтовыми искры“, шелковые съ золотомъ повода и проч. Вотъ для образца описанія нѣкоторыхъ предметовъ упряжи и сбруи: „Муштукъ, оправа серебряная позолоченая съ бирюзы и съ смазни лаловыми и изумрудными, на сафьянѣ красномъ; узда, наборъ серебряной на тесмѣ шолковой съ золотомъ, на ней напой золотые съ искры яхонтовыми. Арчагъ, оправа серебряная съ финифтью, подушки и крыльца-бархатъ рытой зеленой, кольца и ввяски серебрянные золочены, наконешники серебряные, стремена мѣдныя золоченыя. Сѣдло гусарское, оправа серебряная, напои золотые, въ костяхъ искры яхонтовыя, въ передней лукѣ 2, а на задней 3 жимы, въ жимахъ искры яхонтовыя, стремена желѣзныя, обогнуты серебромъ, въ серебрѣ бирюзы“ и т. д.

Мы пользовались для нашего очерка почти исключительно „описью“ имущества Голицыныхъ. Приведенныя изъ нея выдержки довольно ясно рисуютъ домашнюю обстановку московскихъ бояръ въ XVII столѣтіи. Что касается характеристики князя В. В. Голицына, какъ полководца и государственнаго человѣка, то она не входитъ въ задачу настоящаго очерка, могущаго составить только одну изъ страницъ исторіи старорусскаго быта.

Е. ОПОЧИНИНЪ.

ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ ИСКУССТВУ.

РАЗСКАЗЪ.

Послѣ обѣда пріятель мой сталъ звать меня въ театръ.

Я долго отказывался; вечеръ былъ прелестный, тянуло за городъ, на свѣжій воздухъ, въ зелень.

— Да и что у васъ тутъ смотрѣть, я и въ Петербургѣ въ театры не хожу.

— Да у насъ, батенька, такая тутъ проѣздомъ душка!

— Которая это? Обо всѣхъ театральныхъ душкахъ говорятъ въ газетахъ...

— Эту ты не знаешь. Готовъ пари держать, какъ увидишь ее, такъ и растаешь. И наконецъ, что тебѣ стоитъ, чѣмъ въ душномъ номерѣ сидѣть...

— Зачѣмъ въ номерѣ, я могу прогуляться по берегу, нанять лодку...

— Накатаешься, надоѣстъ еще качка-то! Ну, пожалуйста, пойдемъ въ театръ. Я велѣлъ оставить намъ два кресла рядомъ. Въ антрактахъ кое съ кѣмъ тебя познакомлю. У насъ здѣсь общество дружное, скучно не будетъ. Для меня, прошу тебя! сколько лѣтъ не видались, столкнула судьба, одинъ день, и ты мнѣ его даже вполнѣ отдать не хочешь. Не хорошо съ твоей стороны, дружище, право!

Онъ былъ обиженъ и огорченъ, это и по голосу его было слышно, и по выраженію лица можно было замѣтить. Я сталъ подаваться, но не вдругъ.

— Да тебя-то тамъ что прельщаетъ?

— Жить безъ этого не могу!

— Безъ чего?

— Безъ театра. Актеры, сцена, кулисы, репетиціи, вся эта театральная возня, я такъ къ ней привязался, жить безъ

нея не могу, проговорилъ онъ, не безъ смущенія однако, точно сознаваясь въ несчастной страсти какой-нибудь.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Ему было лѣтъ подъ сорокъ и всегда, даже въ заведеніи, гдѣ мы вмѣстѣ воспитывались, слылъ за скромнаго, дѣловаго и благоразумнаго малаго; давно ужь занималъ онъ видное мѣсто въ служебномъ мірѣ, и въ министерствѣ на него указывали какъ на человѣка, который „пойдетъ“. Мы не видались лѣтъ двѣнадцать, съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ служить въ провинцію, но я тотчасъ же его узналъ, не взирая на солидную полноту, просѣдь, пробивающуюся въ его аккуратно подстриженныхъ бакенбардахъ, внушительное благообразіе фигуры и развязную, красивую рѣчь человѣка, привыкшаго занимать предсѣдательскія мѣста—все, однимъ словомъ такъ, какъ слѣдуетъ быть, и вдругъ, такая слабость! Ужь не влюбленъ ли онъ въ какую-нибудь актрису? Но предположеніе это было не вѣрно, несчастный былъ дѣйствительно влюбленъ и влюбленъ самымъ безнадежнымъ образомъ, но не въ актрису, а—въ театръ. Напавъ на любимую тему, онъ оживился, глаза его засверкали, и въ голосѣ послышались восторженныя нотки.

— У насъ ужь пятый годъ организовано драматическое общество, восторгался онъ,—по всѣмъ правиламъ—и я одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ.

— Ты не играешь на сценѣ?

— Играю. Все играю: первыхъ любовниковъ, резонеровъ, благородныхъ отцовъ, злодѣевъ, все, однимъ словомъ. У насъ какъ у мейнингенцевъ... Я настоялъ на этомъ, безъ этого нельзя, понимаешь? У насъ никто не смѣетъ ни отъ какой роли отказываться. По-моему, если ужь разъ посвящаешь себя искусству...

— Боже мой! Боже мой! мысленно воскликнулъ я.

— Надо предаться ему всецѣло, и всякое ложное самолюбіе отложить въ сторону... Что ты на меня такъ смотришь? Тебѣ ужь не кажется ли, что я съ ума сошелъ?

— А служба твоя какъ же?

— Что же, служба не теряетъ. Каждое утро ѣзжу я въ судъ, выслушиваю доклады, все, что нужно, подписываю донесенія и предписанія, распредѣляю роли... то бишь, работу между товарищами. У меня ихъ трое; себѣ я оставляю самое трудное, запутанное и отвѣтственное—кажется, больше и требовать отъ меня нельзя; все у меня исправно и на все хватаетъ досуга. Вотъ только во время сессій тяжело подчасъ приходится. Выдаются дѣла, что тянутся иногда по два, по

три дня, особенно если свидѣтелей много, ну, тогда приходится откладывать спектакли и заниматься однѣми репетиціями... Очень досадно!

— Какъ же учить роли, когда нужно сидѣть въ судѣ?

— Ахъ, голубчикъ, была бы охота. Нашъ прокуроръ сочиняетъ же стихи во время засѣданій, а членъ каррикатуры премило рисуетъ, отчего же мнѣ роли не учить? И, наконецъ, не все же время я предсѣдательствую, бываютъ перерывы. Разумѣется, дирижировать постановкой пьесъ мнѣ ужь тогда неудобно, но у меня есть помощникъ, штабсъ-капитанъ Николаевъ, у этого много свободнаго времени и онъ тоже, какъ и всѣ мы, всей душой преданъ искусству. Ну, вотъ, тебѣ теперь все извѣстно и ты, я надѣюсь, не захочешь испортить мнѣ сегодняшній вечеръ и поѣдешь со мной аплодировать Майской.

— Да, вѣдь, она пріѣзжая, не изъ вашихъ, какой же тебѣ особенный интересъ аплодировать ей?

— Ничего ты, я вижу, не понимаешь. Для настоящаго любителя всякая игра интересна. Вѣдь мы смотримъ не такъ, какъ вы, обыкновенная публика, мы все съ критической точки зрѣнія, намъ все идетъ въ прокъ, и то, что прекрасно, и то, что плохо. Мы говоримъ себѣ: вотъ это надо усвоить, а этого слѣдуетъ избѣгать, понимаешь? Мы изъ всего пользу себѣ стараемся извлекать.

— Гм... и вамъ это удается?

— Еще бы! Да у насъ такіе вырабатываются таланты— прелесть! Правда, мы ничего для этого не жалѣемъ, ужь служить искусству, такъ служить. У насъ есть гимназисты и гимназистки, которые еще въ приготовительномъ классѣ мечтаютъ о театрѣ, и мы всѣми силами стараемся ихъ поощрять. Мы ведемъ постоянную войну и съ родителями, и съ мужьями, и хотя, разумѣется, всегда побѣждаемъ, однако это не даромъ намъ и дается, тутъ нужна большая сноровка, тактъ и энергія, главное энергія. Ты представить себѣ не можешь, что здѣсь за отсталый народъ! Это не то, что у васъ въ Петербургѣ, гдѣ столько обществъ любителей драматическаго искусства. Здѣсь къ этому не привыкли, мужья не могутъ, напр., равнодушно видѣть, когда женъ ихъ посторонніе мужчины цѣлуютъ на сценѣ. Конечно, такихъ чудаковъ годъ отъ году меньше, но попадаются и довольно часто... Однако, я заболтался, а время летитъ...

Онъ взглянулъ на часы и, какъ ужаленный, сорвавшись съ мѣста, сталъ поспѣшно натягивать перчатки.

— Семь часовъ! А у меня букетъ не заказанъ. Букетъ

пріѣзжей артисткѣ отъ представителя здѣшняго общества любителей драматическаго искусства, это обязательно,—понимаешь?

Мы отправились въ цвѣточный магазинъ, на углу Соборной площади, рядомъ съ кондитерской.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша провинція заразилась маніей театра, нѣтъ такого губернскаго города, гдѣ бы не было цвѣточнаго магазина. Даже и въ уѣздныхъ стали они заводиться. И торгуютъ бойко. Въ промежуткахъ между посѣщеніями разныхъ знаменитостей изъ театральнаго міра, вошло въ моду подносить цвѣты по торжественнымъ днямъ знакомымъ дамамъ, украшать обѣденные столы, устраиваемые въ честь отбывающаго или прибывающаго начальства, а также гробы покойниковъ. Цѣны на цвѣты неимовѣрныя; за довольно простенькій букетъ изъ лилій и розъ съ пріятеля моего содрали двадцать пять рублей и изъ того, какъ спокойно вынулъ онъ деньги изъ бумажника, можно было заключить, какъ привыкъ онъ къ такимъ издержкамъ.

— Пришлите въ театръ и вложите между цвѣтами вотъ это, приказалъ онъ приказчику, подавая ему визитную карточку.—Да не перепутайте, пожалуйста, какъ тогда. Ленъ не надо, ленты надоѣли. Пронести прямо въ оркестръ и передать капельдинеру для г-жи Майской. Впрочемъ, я самъ тамъ распоряжусь. Эту пестроту, вѣрно, Матвѣй Ивановичъ заказалъ? продолжалъ онъ, слегка презрительно указывая на огромный снопъ изъ цвѣтовъ всевозможныхъ оттѣнковъ.

— Точно такъ-съ! Сто рублей изволили заплатить. На лентѣ надпись золотыми буквами, пояснилъ приказчикъ.

— Вижу, вижу, нетерпѣливо прервалъ его мой пріятель, — „Несравненной и незабвенной...“ все то же, ничего поновѣе не сумѣли придумать! прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— А вотъ это г-нъ Воробьевъ изволили заказать, продолжалъ приказчикъ, вынимая изъ картонки другое подношеніе изъ цвѣтовъ затѣйливой формы, въ видѣ лиры.

Но пріятель мой не пожелалъ даже взглянуть на заказъ г-на Воробьева и, повторивъ еще разъ внушительнымъ тономъ, чтобъ букетъ его не смѣли смѣшивать съ остальными, поспѣшно вышелъ.

— Дураки воображаютъ, чѣмъ букетъ огромнѣе и чѣмъ больше за него заплачено, тѣмъ онъ лучше. Тутъ вкусъ нуженъ, изящество, langage des fleurs, цѣлая наука! воскликнулъ онъ съ горькой проніей, сквозь которую просвѣчивала и зависть, и обида.—Напихаютъ всякой дряни безъ

толку и смысла, всякихъ тамъ георгинъ, маковъ, піоновъ... видѣли? ну, и бьетъ въ глаза, разумѣется. Впрочемъ, отъ такого индивидуума, какъ этотъ Лещовъ и ждать больше нечего: въ томъ кабакѣ, что держалъ его отецъ и гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, чему можно было научиться, а Воробьеву деньги ни почемъ, онъ самъ ихъ дѣлаетъ, прибавилъ онъ съ язвительной усмѣшкой.

— Какъ это самъ дѣлаетъ?

— Ну, если не самъ, то его отецъ. Вѣдь онъ сынъ того самаго Воробьева, что въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ былъ замѣшанъ, помните?

— Вотъ уже какъ!

Мы подходили къ довольно обширному деревянному зданію. Къ подъѣзду, украшенному фонарями, на которомъ стояли жандармы, народъ валилъ пѣшкомъ и въ экипажахъ.

— Однако хорошо, что я впередъ запасся билетами, замѣтилъ мой спутникъ, ускоряя шагъ и озабоченно посматривая по сторонамъ,—зала будетъ полна. Я-то, разумѣется, нашелъ бы себѣ мѣсто, но тебя хорошо помѣстить было бы труднѣе.

Онъ не ошибся. Всѣ мѣста, не только въ райкѣ и въ партерѣ, но и въ ложахъ начинали наполняться. Пріятеля моего тотчасъ же окружили съ разспросами о Майской. Наканунѣ, у предводителя она пила шампанское, и у нея разболѣлась голова, а отъ катанья на лодкѣ по рѣкѣ ей стало еще хуже. Какъ-то пройдетъ сегодняшній спектакль? Вопросъ этотъ озабочивалъ всѣхъ. Весь день она никого не принимала, и докторъ, за которымъ она посылала, чтобъ онъ прописалъ ей какого-нибудь снадобья вродѣ морфія или опіума, разсказывалъ, что она сильно простудилась и что лучше бы всего уложить ее въ постель на недѣльку.

— Вздоръ, вздоръ, не безпокойтесь, господа, не безпокойтесь, у нея здоровье желѣзное, возражалъ на всѣ эти соображенія авторитетнымъ тономъ мой пріятель.

— Да какъ же, помилуйте! Развѣ вы вчера не видѣли ее въ лодкѣ? Она вся посинѣла и дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Ничего не значитъ, она была легко одѣта, вотъ и все.

— Такъ легко, что Матвѣй Ивановичъ ее въ свое пальто закуталъ.

— Дамскій угодникъ, ха-ха-ха!

Пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій съ приказаніемъ начинать въ восемь часовъ. У губернатора обѣдалъ пріѣзжій флигель-адъютантъ, вмѣстѣ пріѣдутъ смотрѣть

Майскую. Флигель-адъютантъ большой также любитель. Разумѣется, губернаторъ предложилъ ему мѣсто въ своей ложѣ.

А Майская, какъ нарочно, заставляла себя ждать.

— Послать бы узнать...

— Да посылали, два раза посылали.

— Сейчасъ пріѣдетъ, все съ той же самодовольной усмѣшкой объявилъ мой пріятель.

— А вы почемъ знаете? Развѣ вы ее сегодня видѣли?

— Нѣтъ, я сегодня весь день вотъ съ нимъ пропутался... другъ дѣтства, десять лѣтъ не видѣлись... позвольте познакомить...

Пришлось пожимать руки и говорить съ разными незнакомыми людьми, съ которыми я, вѣроятно, во всю мою жизнь никогда больше не встрѣчусь и которымъ было также мало до меня дѣла, какъ и мнѣ до нихъ. Но мой другъ дѣтства намѣревался еще вести меня по ложамъ, на показъ знакомымъ дамамъ и дѣвицамъ, когда судьба послала мнѣ избавителя въ лицѣ розоваго, безбородаго юноши съ взъерошенными волосами, выскочившаго изъ маленькой двери, что вела за кулисы. Онъ подбѣжалъ къ намъ съ извѣстіемъ, что Лидія Васильевна пріѣхала. Всѣ переполошились и стали разсаживаться на свои мѣста.

— Васъ, Викторъ Петровичъ, она проситъ пожаловать къ ней въ уборную, прибавилъ юноша, весь красный отъ волненія, обращаясь къ моему пріятелю.

Этотъ ликовалъ.

— Ну, что я вамъ говорилъ, господа! О! я эти нервныя натуры знаю! Всѣ артистки таковы.

И сунувъ мнѣ въ руку зеленый билетикъ съ номеромъ кресла, онъ поспѣшно послѣдовалъ за юношей въ маленькую дверь, а я отправился на свое кресло.

Стрѣлка часовъ надъ занавѣсью, разрисованной довольно аляповато, дошла до восьми, въ губернаторской ложѣ появился на минуту полицеймейстеръ и, передвинувъ въ ней стулья, вышелъ. Музыканты принялись настраивать свои инструменты. Мнѣ какъ-то стало еще тоскливѣе.

Пріѣхалъ я сюда сегодня утромъ, послѣ четырехъ-суточнаго путешествія по желѣзной дорогѣ, въ надеждѣ въ тотъ же день ѣхать дальше на пароходѣ. Но росписанія, вывѣшенныя на станціяхъ и пропечатанныя въ газетахъ и путеводителяхъ, всегда врутъ, пароходъ отправлялся только на другой день въ пять часовъ утра. Приходилось здѣсь ждать цѣлыя сутки, чему я былъ отчасти радъ, разсчитывая хоро-

шенько выспаться, отдохнуть и собраться съ силами на дальнѣйшее путешествіе. Но возвращаясь съ пристани, куда я ходилъ за справками объ отходѣ парохода, судьба столкнула меня съ Викторомъ Петровичемъ, и всѣ мои планы разлетѣлись въ прахъ. Съ неумолимостью человѣка, жаждавшаго новостей отъ пріѣзжаго и мучимаго потребностью высказаться передъ знакомымъ, съ которымъ онъ цѣлыхъ десять лѣтъ не видѣлся, вцѣпился онъ въ меня, какъ клещъ, повелъ осматривать достопримѣчательности города, строющееся зданіе судебныхъ учрежденій, какой-то пустырь, обсаженный прутьями съ зелеными около нихъ стойками—будущій городской садъ—губернаторскій домъ, соборъ; заставлялъ меня подниматься на какую-то пыльную и крутую гору, съ которой открывался дѣйствительно великолѣпный видъ на окрестность; кормилъ меня недурнымъ, но слишкомъ сытнымъ обѣдомъ въ лучшемъ ресторанѣ и непремѣнно напоилъ бы меня допьяна, еслибъ я категорически не отказался даже отъ рюмки вина передъ обѣдомъ, ссылаясь на доктора, запретившаго мнѣ, подъ угрозой скоропостижной смерти, употребленіе водки. Къ довершенію мытарствъ, мнѣ еще предстояло просидѣть нѣсколько часовъ въ душной и затхлой атмосферѣ, пропитанной запахомъ керосиновыхъ лампъ и дыханіемъ толпы человѣкъ въ двѣсти, скученной въ тѣсномъ пространствѣ, смотрѣть на плохую, по моему мнѣнію, пьесу и аплодировать какой-то провинціальной знаменитости. Съ какимъ удовольствіемъ ускользнулъ бы я отъ всего этого, но это было невозможно. Въ губернаторской ложѣ уже появились какія-то дамы и адъютантъ, оркестръ грянулъ какую-то бравурную увертюру, и мой пріятель, багровый отъ волненія и обтирая крупныя капли пота на лбу, появился изъ таинственной маленькой дверки, которая вела въ уборную. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ возлѣ меня.

— Изъ-за тебя я тамъ замѣшкался, проговорилъ онъ вполголоса, многозначительно мнѣ подмигивая.

— Изъ-за меня?

— Ну, да, она закидала меня разспросами на твой счетъ. Ей кричатъ: пора одѣваться, а она все меня удерживаетъ...

— Кто? Про кого ты говоришь?

— Какъ про кого? Да про Лидію Васильевну, разумѣется, Майскую. Какъ ей идетъ русскій костюмъ, прелесть! Вотъ увидишь.

— Почему это она будетъ мною интересоваться, я ее вовсе не знаю.

— Да она-то тебя знаетъ. Едва только услышала твою фамилію, сейчасъ спросила, какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству и не служишь ли ты въ Сенатѣ, и когда я сказалъ, что зовутъ тебя Александромъ Васильевичемъ, она вся вспыхнула и вскричала: это онъ!

— Вотъ какъ: даже вспыхнула. Гдѣ жъ она меня видѣла? Никакой Майской я не знаю.

— Да вѣдь это ея театральное имя.

— Правда, я забылъ: вѣдь всегда играютъ подъ псевдонимами! А какъ ея настоящая фамилія?

— Это секретъ. Но ты ее сейчасъ увидишь, она увѣрена, что ты ее узнаешь.

Да, я ее узналъ, но не вдругъ. И даже когда нельзя ужь было сомнѣваться, что это она, когда, отыскавъ меня глазами между зрителями (что было не трудно: я былъ въ первомъ ряду), она улыбнулась и кивнула мнѣ, какъ знакомому, даже и тогда не вѣрилъ я своимъ глазамъ.

— Ну, что, узналъ? Кто она такая, замужняя или дѣвушка? Даже и антрепренеръ этого не знаетъ, вотъ какъ старательно хранитъ она свою тайну. Гдѣ познакомился ты съ нею? Когда? закидывалъ меня вопросами мой пріятель. — Она выдаетъ себя за вдову...

Выдаетъ себя за вдову. Я, разумѣется, тайны ея не выдалъ и отвѣчалъ на всѣ вопросы уклончиво—изъ словъ моихъ ничего нельзя было вывести.

Неожиданная встрѣча меня взволновала и привела нервы въ такое возбужденіе, что въ одно и то же время я смотрѣлъ на ея раскрашенное лицо и прислушивался къ ея голосу, стараясь уловить въ немъ знакомые звуки и припоминалъ тысячи подробностей изъ далекаго прошлаго. Давно забытыя сцены проходили одна за другой въ моей памяти такъ живо и ясно, что я порой терялъ сознаніе дѣйствительности и не могъ сообразить, во снѣ или на яву вижу я все, что происходитъ вокругъ меня. По временамъ аплодисменты, довольно, впрочемъ, жидкіе и далеко не дружные, или замѣчаніе сосѣда заставляли меня на мгновеніе очнуться отъ забытья. Въ публикѣ чувствовалось какое-то недоумѣніе; повидимому, были недовольны дебютанткой, но пріятель мой продолжалъ за нее стоять и усердно приглашалъ меня поддерживать ее и хлопать.

— А вѣдь очень мила, не правда ли? Я тебѣ говорилъ, что стоитъ на нее посмотрѣть, ты вѣдь знатокъ,—высказывался онъ нарочно громко, чтобъ быть услышаннымъ сосѣдями.

Озадаченный моимъ молчаніемъ, онъ спѣшилъ оговориться.

— Разумѣется, привычки къ сценѣ у нея еще нѣтъ, — но огонекъ, feu sacré, вотъ что у нея есть. Сейчасъ видно, что изъ общества, не какая-нибудь. Вѣдь ты ее знаешь?

Я зналъ ее давно, но того человѣка, о которомъ я вспомнилъ при первомъ взглядѣ на нее, я зналъ еще раньше, съ дѣтства. Онъ приходился мнѣ дальнимъ родственникомъ, и симпатичнѣе трудно было найти кого-нибудь на свѣтѣ. Онъ росъ сиротой, у родныхъ своей матери, богатыхъ людей, довольно недружелюбно относившихся къ сыну раззорившагося „Донъ-Кихота“, какъ прозвали его отца. Къ счастью, природа надѣлила его желѣзной волей, хорошимъ здоровьемъ, умомъ и недюжинными способностями. Онъ рано вышелъ въ люди и завоевалъ себѣ независимость и рано женился. — Хочу наверстать потерянное время, вѣдь у меня съ пяти лѣтъ нѣтъ семьи, говорилъ онъ съ улыбкой, приглашая меня на свою свадьбу. И какая это была радостная улыбка! Весело было смотрѣть на него. Въ жену свою онъ былъ влюбленъ, какъ мальчишка. Еще бы! Это была его первая любовь. До сихъ поръ жизнь была къ нему такъ сурова, что ему было не до женщинъ и любви онъ не зналъ. Взялъ онъ дѣвушку бѣдную, изъ хорошей дворянской семьи, воспитанную такъ, какъ ихъ всѣхъ теперь воспитываютъ: гимназія, а затѣмъ какіе-нибудь курсы, прерванные на половинѣ замужествомъ. Намъ она всѣмъ понравилась миловидностью, живостью характера. Даже въ недостаткахъ ея была извѣстнаго рода привлекательность. Молодость все краситъ, какъ солнце. Онъ со смѣхомъ сознавался, что у жены его много лишняго хлама въ головѣ отъ всей этой полунауки, но что это такъ мило она говоритъ! У нея была замашка хвастаться познаніями, почерпнутыми изъ учебниковъ, и произносить мудреныя слова съ какимъ-то подчеркиваніемъ, и я помню, какъ онъ любовно и деликатно старался выправлять ея свихнутый курсами умъ и испорченное сердце, развивать въ ней здравыя понятія. Какъ онъ оберегалъ ее отъ всякаго столкновенія съ грубой стороной жизни, какъ мечталъ сдѣлать изъ нея одну изъ тѣхъ женщинъ, передъ которыми всѣ преклоняются, одну изъ тѣхъ матерей, о которыхъ дѣти вспоминаютъ съ благоговѣніемъ, любовью и благодарностью всю свою жизнь, завѣщая эти чувства потомству. Были такія женщины, мы ихъ знали, мы до сихъ поръ ощущаемъ на себѣ ихъ вліяніе и кто изъ насъ теперь тщетно не мечталъ найти подругу, похожую на нихъ?

Мнѣ дали командировку въ Сибирь, длившуюся года три, и, вернувшись назадъ, я не нашелъ въ Петербургѣ моего пріятеля, онъ уѣхалъ съ семьей на югъ, гдѣ получилъ мѣсто. У нихъ уже было двое дѣтей. Первое время мы переписывались, но потомъ письма его приходили все рѣже и рѣже, въ нихъ проглядывало смутное недовольство и разочарованіе. Меня это особенно не удивило, я приписывалъ его хандру непривычкѣ къ однообразію мѣстной жизни, неумѣнью сходиться съ людьми и небольшимъ разочарованіямъ, неминуемо выпадающимъ на долю человѣка, когда онъ приступаетъ къ новому дѣлу въ незнакомомъ мѣстѣ и чуждой средѣ. Но мало-по-малу переписка наша совсѣмъ прекратилась, и года четыре къ ряду я не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій. Можно себѣ представить мое изумленіе, когда въ актрисѣ, дебютировавшей на театрѣ одного изъ городовъПоволжья, я узналъ его жену. Какъ она сюда попала? Что-за буря стряслась надъ ихъ милымъ, уютнымъ гнѣздомъ? Можетъ быть, она не лжетъ, выдавая себя за вдову? Но для чего же ей было поступать на сцену, у мужа ея было состояніе. Но, можетъ быть, онъ разорился? А гдѣ ихъ дѣти? Неужели тоже умерли? Что жъ, все могло быть!

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія спектакля, чтобъ все это узнать. Чѣмъ больше смотрѣлъ я на нее, тѣмъ больше убѣждался, что только самая горькая нужда могла вытолкнуть ее на подмостки. Таланта у нея не было ни малѣйшаго, только хорошенькое личико, да развязность, съ которою она подражала разнымъ театральнымъ „знаменитостямъ“. На нее было просто тяжело смотрѣть.

Все болѣе и болѣе скучающая публика начинала уже громко выражать свое неудовольствіе, и когда въ 3-мъ дѣйствіи, послѣ патетическаго монолога, мой сосѣдъ попытался ей аплодировать, раздалось шиканье.

— Что жъ ты насъ не поддерживаешь, обратился ко мнѣ съ досадой мой пріятель—а еще знакомый Лидіи Васильевны.

Вмѣсто отвѣта я указалъ ему на ложи: тамъ всѣ хохотали. Это было еще хуже свистковъ.

— Ну да, видишь, надо сознаться, роль не по ней, я это вижу, проговорилъ ея сконфуженный покровитель, но она прегранціозная и прехорошенькая. И какая веселая, остроумная! Мы вчера отлично провели время у Матвѣя Ивановича. Представь себѣ, она и шансонетки какъ умѣетъ пѣть!

Часъ отъ часу не легче! Но я ужъ пересталъ удивляться.

— Голосъ у нея небольшой, продолжалъ мой сосѣдъ, но владѣетъ она имъ съ шикомъ, вообще...

— Вообще когда нѣтъ таланта, лучше на сцену не выходить, угрюмо прервалъ я его.

Но онъ со мной не соглашался.—Да развѣ можно такъ судить, по одному дебюту! Увидишь, наша публика къ ней привыкнетъ...

— Какъ? Неужели она рѣшится еще здѣсь играть?

— Почему же ей не играть?

— Послѣ такого пріема?

— Что жъ пріемъ! Пріемъ ничего не значитъ. Она на десять представленій ангажирована, замѣтилъ онъ, ужь совсѣмъ разсерженный.

Десять представленій! Десять разъ къ ряду подвергаться такой нравственной пыткѣ, ломаться передъ публикой, смѣющейся надъ каждымъ ея словомъ и движеніемъ, надъ стараніями ей угодить!

Мнѣ было невыносимо тяжело за нее.

— А пріемъ мы, при концѣ, аплодисментами да букетами совсѣмъ затушуемъ, и слѣдовъ не останется, увидишь, началъ утѣшать и себя и меня мой пріятель.

Человѣкъ онъ былъ веселый и долго сердиться не могъ. Кивнувъ съ усмѣшкой на губернаторскую ложу, онъ прибавилъ:—что тамъ ни говори этотъ пузырь-адъютантъ, хотябы у нея и совсѣмъ не было таланта, а все же она прелестная женщина, и поощрять искусство долгъ всякаго образованнаго человѣка.

— Да и за букеты уже заплачены деньги, замѣтилъ я.

— Именно! согласился онъ, смѣясь.

Впрочемъ, смѣхъ былъ натянутый; въ антрактахъ онъ что-то бѣгалъ за кулисы и возвращался оттуда взволнованный.

— Что? Утѣшаешь?

Онъ съ досадой передернулъ плечами.—Я тебя не понимаю. Женщина посвятила себя искусству, изъ кожи лѣзетъ, доставить удовольствіе старается... Этого ты отрицать не можешь, она старается, а тебѣ все смѣшки. Нельзя такъ, голубчикъ, не всѣ же родятся съ крупнымъ талантомъ, хорошихъ-то актрисъ и въ Европѣ двѣ-три, да и обчелся, а тамъ культура не наша...

— Но кто же ихъ гонитъ на сцену, этихъ бездарностей-то? Крайность? Невозможность чѣмъ другимъ заработывать себѣ средства къ существованію—это я еще понимаю,

но эта госпожа вовсе не въ такомъ положеніи, возразилъ я, все болѣе и болѣе раздражаясь.

— А любовь къ искусству?

Я молчалъ. Онъ принялъ мое нежеланіе съ нимъ спорить за согласіе и продолжалъ распространяться. Искусство великая вещь; о, великая! Стоитъ разъ ему предаться, до конца жизни не отстанешь. Сколько артистовъ умирало на сценѣ? Да, сыграютъ роль, выйдутъ за кулисы и умрутъ. Вотъ что значитъ искусство-то! А ты смѣяться. Смѣяться-то легко, а ты лучше поддержи, вотъ что! Не въ осужденіи твоемъ нуждаются, а въ поощреніи. Вотъ она, бѣдняжечка, съ какимъ страхомъ и трепетомъ приговора твоего ждетъ...

— Моего приговора?

— Ну да, сейчасъ спрашивала у меня, какъ ты ее находишь, что ты про нее говоришь. Ну, я ужь, извини, словъ твоихъ ей не передавалъ,сказалъ: восхищается, моя красавица, восхищается! Обѣщалъ въ антрактѣ привести тебя, теперь самое время, пойдемъ.

— Нѣтъ, я ужь лучше послѣ букетовъ и овацій.

— Какъ хочешь.

Когда, по окончаніи спектакля, я вошелъ въ коморку, называемую уборной, въ ней была такая толпа и стоялъ такой дымъ и чадъ отъ папиросъ и коптившей въ черномъ стеклѣ керосиновой лампы, что я не вдругъ могъ разглядѣть г-жу Майскую, но она тотчасъ же узнала меня и прервала оживленную бесѣду съ пріѣзжимъ адъютантомъ, чтобъ протянуть мнѣ руку и развязно спросить, какъ мнѣ нравится ея игра?

— Князь увѣряетъ, что я напоминаю ему Сарру Бернаръ, прибавила она, не дожидаясь моего отвѣта и указывая на флигель-адъютанта жеманнымъ жестомъ руки, обтянутой по локоть въ красную, шелковую перчатку.

— О, да и Сарру Бернаръ, подхватилъ онъ, покручивая усъ. Только Лидія Васильевна, конечно, свѣжѣе, моложе, красивѣе и симпатичнѣе,

— Князь, вы меня просто конфузите.

Несчастная! подозрѣвала ли она даже, что надъ ней издѣваются.

— Право. Напрасно вы медлите дебютомъ въ столицѣ, тамъ нуждаются въ ingenues dramatiques.

— Я думаю въ будущемъ году попытать счастье.

— Попытайте. Мы васъ поддержимъ!

Жалко и тяжело было слушать. Она, кажется, даже не за-

мѣчала ни его тона, ни жалости и досады, съ которой я смотрѣлъ на нее. Въ легонькой накидкѣ изъ дешевой матеріи, спитой однако по послѣдней модѣ, въ чудовищно высокой шляпѣ, изъ тѣхъ, что фабрикуются въ петербургскихъ магазинахъ третьяго разряда для провинцій, съ лицомъ, обтянутымъ пунцовымъ тюлемъ, она показалась мнѣ еще менѣе похожей на ту Лидію Васильевну, которую я зналъ три года тому назадъ, чѣмъ въ костюмѣ. Гримировка не такъ безобразила ее, не такъ искажала ее всю, какъ этотъ нарядъ кокотки средней руки; въ немъ и развязность ея манеръ, и кривлянье казались еще противнѣе и еще болѣе раздражали. Говорила она и смѣялась громко, съ утрированнымъ оживленіемъ, какъ говорятъ и смѣются только на сценѣ, показывая съ замѣтнымъ стараніемъ бѣлые зубки и кокетливо щуря глаза.

Когда успѣла она всему этому научиться? Всего три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ вполнѣ приличной, порядочной особой. Женщины — удивительно гибкія созданія. И неужели внутренняя метаморфоза ея шла параллельно съ внѣшней? думалъ я, лежа на широкомъ диванѣ моего номера въ ожиданіи самовара. Спать не хотѣлось. Да и не стоило ложиться, пароходъ отходилъ въ пять часовъ утра. Разводили пары; изъ раствореннаго окна доносилось пыхтѣніе машины и плескъ воды подъ веслами рыбаковъ, отплывающихъ закидывать сѣти къ островкамъ и на противоположный берегъ. Прорѣзывая черноту безлунной ночи мерцающими красными пятнами, то тутъ, то тамъ загорались костры, и доносилась издалека заунывная, родная пѣсня, смолкая въ утренней дали. Наконецъ и костры погасли одинъ за другимъ, и пѣсня смолкла, все заснуло. Засвѣтало. Съ рѣки повѣяло свѣжестью. Я отложилъ въ сторону недописанное письмо, потушилъ свѣчи и подошелъ къ окну. Постепенно расплываясь все шире и шире по безоблачной лазури, розовый блескъ занимающейся зари разлился по рѣкѣ до парохода, озаряя мимоходомъ длинныя водоросли со спящими между ними лодочками и зелень островковъ. Пробуждающаяся природа, при торжественномъ безмолвіи всего живаго, была такъ прекрасна, навѣвая мирное настроеніе на душу. Хотѣлось молиться, любить. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда одиночество даетъ себя чувствовать сильнѣе обыкновеннаго, когда полжизни, кажется бы, отдалъ, чтобъ было тутъ, возлѣ тебя, дорогое существо, которое можно было бы прижать къ сердцу, и вмѣстѣ съ нимъ наслаждаться чудной картиной разгорающагося утра,

вдыхать свѣжій, пропитанный запахомъ сирени, воздухъ, любоваться переливами золотистаго пурпура по рѣкѣ, трепещущей подъ лучами восходящаго солнца; такое существо, съ которымъ можно было бы вполнѣ слиться душой и на всю жизнь, чтобъ думать съ нимъ вслухъ, дѣлиться всякой мыслью, чувствомъ, съ увѣренностью быть любимымъ и понятымъ... Есть же избранные, выпадаетъ же имъ на долю такое счастье!

Замелькали въ воображеніи милые образы встрѣченныхъ на жизненномъ пути. Счастье, казалось, было близко и возможно, и чувство, похожее на раскаяніе, шевелилось въ душѣ. Можетъ быть, отъ меня зависѣло не быть теперь одному, я, можетъ быть, не сумѣлъ понять счастье, когда оно проносилось мимо меня, и еслибъ я былъ рѣшительнѣе...

Мечтанія мои были прерваны стукомъ колесъ о мостовую, и къ подъѣзду гостиницы подкатила коляска съ шумной, подгулявшей компаніей. Поднялась суматоха. Привычная къ подобнымъ нашествіямъ прислуга выскочила на крыльцо встрѣчать „гостей“. Лѣстница и корридоры огласились голосами, смѣхомъ и говоромъ. Это длилось нѣсколько минутъ и затѣмъ все смолкло, но очарованіе было нарушено, смотрѣть на рѣку, на небо и на восходящее солнце не хотѣлось уже больше, я затворилъ окно и бросился, не раздѣваясь, на диванъ, чтобъ хоть немного заснуть передъ отъѣздомъ. Глаза мои начинали уже смыкаться, когда корридорный постучалъ въ мою дверь и спросилъ, могу ли я принять г-жу Майскую?

Я не вдругъ понялъ вопросъ.

— Г-жа Майская?

— Точно такъ-съ, г-жа Майская, актриса, что сегодня въ театрѣ играли. Сейчасъ только изволили вернуться. Онѣ у насъ остановились, и прочіе тоже. Съ господами въ гостиницѣ „Дрезденъ“ ужинали и, какъ выходили изъ коляски, увидали васъ у окошка. Знакомый, говоритъ, мой, спросите, можетъ ли меня принять, я долго ихъ безпокоить не стану. Онѣ тутъ, въ корридорѣ, дожидаются.

Во время этой рѣчи я успѣлъ вскочить съ дивана и привести кое-какъ себя въ порядокъ.

— Просите.

Она была ужъ тутъ. Я поспѣшно сбросилъ съ кресла вещи въ раскрытый чемоданъ возлѣ и молча указалъ ей кресло.

Но она не сѣла здѣсь. Она выбрала уголокъ потемнѣе, спиною къ окну, вѣроятно, чтобъ не слишкомъ поразить

меня своей худобой и синеватой блѣдностью, выступавшей особенно рѣзко при яркомъ дневномъ свѣтѣ.

— Спустите, пожалуйста, стору.

Я исполнилъ ея желаніе, но и это не помогло, я все-таки не могъ не видѣть, какъ она измѣнилась и, должно быть, это отражалось на моемъ лицѣ, потому что она съ досадой передернула плечами и, съ усмѣшкой пренебреженія, спросила:

— Что вы на меня такъ смотрите? Развѣ я ужь такъ перемѣнилась, что меня узнать нельзя?

И не дожидаясь отвѣта, она объявила, что очень рада нашей встрѣчѣ. Ей о многомъ надо со мною потолковать и посовѣтоваться. Она для этого хотѣла отказаться отъ ужина, устроеннаго для нее здѣшнимъ обществомъ любителей драматическаго искусства, но было невозможно, на нее бы разсердились, а возстановлять противъ себя публику невыгодно, не правда ли?

Я пробормоталъ что-то.

— Это не весело, эти ужины послѣ спектакля, но что жъ дѣлать. Я все время думала про васъ, застану ли я васъ по возвращеніи домой, мнѣ сказали, что вы отправляетесь съ тѣмъ пароходомъ, что уходитъ сегодня утромъ, и я хотѣла ѣхать васъ провожать, но, на мое счастье, вы еще не спали, когда мы подъѣхали, я васъ видѣла у окна и рѣшила теперь же съ вами побесѣдовать, это лучше, чѣмъ на пристани, гдѣ будетъ пропасть народу и намъ будутъ мѣшать... Но вамъ это, можетъ быть, непріятно? Вы меня, можетъ быть, презираете?

Послѣднее слово она произнесла иронически, подражая, съ претензіей, чьей-то чужой интонаціи. Она ужь теперь ни слова не могла сказать спроста и безсознательно рисовалась каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ. Но что ей было неловко и даже жутко со мной, и что она только для храбрости ломается, этого она все-таки вполнѣ скрыть не могла. Губы складывались въ привычную, жеманную усмѣшку, но въ глазахъ было такое тревожное, такое умоляющее выраженіе, что я съ болью въ сердцѣ спѣшилъ ее успокоить.

— Я къ вашимъ услугамъ, Лидія Васильевна, произнесъ я вполнѣ искренно и серьезно.

— О! я злоупотреблять не стану, мнѣ только надо предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Все, что вамъ угодно.

— Благодарю васъ. Вы давно изъ Петербурга? продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ.

— Я выѣхалъ оттуда на прошлой недѣлѣ.

— И Пасху тамъ провели?

— Тамъ.

— Скажите... вы не видѣли Алешу?

И подмѣтивъ мое недоумѣніе, она поспѣшила прибавить:—моего мужа?

Да развѣ онъ живъ? чуть было не вырвалось у меня, но я во-время воздержался.

— Вы знаете, онъ ужь больше не служитъ, продолжала она,—онъ поселился въ деревнѣ, его тамъ въ мировые судьи выбрали, и онъ ѣздилъ весной въ Петербургъ съ той депутаціей, что хлопочетъ о проведеніи желѣзной дороги черезъ ихъ уѣздъ, вотъ почему я у васъ и спрашиваю, не видались ли вы съ нимъ?

— Непремѣнно повидался бы, еслибъ зналъ, что онъ въ Петербургѣ, но я не зналъ.

— Ну да, вѣдь вы съ нимъ были такіе друзья. Неужели вамъ неизвѣстно, что мы разошлись? Вы, говорятъ, очень удивились, увидавъ меня на сценѣ... Такъ вы ничего не знаете? Странно, по милости Алексѣя Ивановича, исторія наша прогремѣла чуть не по всей Россіи... Онъ такъ дико отнесся къ моему желанію сдѣлаться актрисой, всѣмъ жаловался, къ архіерею даже ѣздилъ совѣтоваться на мой счетъ, и тотъ меня увѣщевалъ... Разумѣется, все это ни къ чему не повело, и я все-таки поставила на своемъ. Знаете, когда есть призваніе, тутъ ничего не подѣлаешь. Я очень люблю и мужа моего, и дѣтей, но отказаться отъ театра не въ силахъ. И, право, не понимаю, изъ-за чего Алексѣй Ивановичъ поднялъ такую бурю и такъ возненавидѣлъ меня. Еслибъ я къ любовнику отъ него ушла, ну, тогда дѣйствительно, но я вѣдь съ нимъ разсталась, чтобъ служить искусству. Вбилъ себѣ въ голову, что я его позорю, и ничѣмъ его не разубѣдишь, ничѣмъ...

Она говорила быстро, не дожидаясь отвѣтовъ, точно торопясь выложить скорѣе передо мной накопившуюся у нея на душѣ свою досаду, обиду, и чѣмъ больше слушалъ я ее, тѣмъ болѣе жалкою она мнѣ казалась. По временамъ сухой, отрывистый кашель прерывалъ ея рѣчь, и отъ вопроса моего, не простудилась ли она и давно ли у нея этотъ кашель, она беззаботно отмахнвалась, какъ человѣкъ, привыкшій болѣть и страдать одинъ и котораго чужое участіе только раздражаетъ. Много дѣтскаго, наивнаго было въ ней, недомыслію

просвѣчивало въ каждомъ словѣ, отсутствіе всякой логики, всякой связи между маленькими мыслями, кружившимися въ ея мозгу, какъ былинки въ вихрѣ. Прежде она не была такая. Прежде жила она нормальною жизнью, и тѣхъ сильныхъ ощущеній, что постоянно потрясали ей теперь душу, у нея тогда не было.

— Алеша ко мнѣ очень жестокъ; знаете, онъ не позволяетъ мнѣ даже видѣться съ дѣтьми! Я въ прошломъ году заболѣла въ Кіевѣ, ему телеграфировали, и онъ даже не отвѣчалъ на депешу. Мнѣ кажется, еслибъ я умерла, онъ былъ бы радъ, право! Развѣ это не жестоко?

Въ голосѣ ея дрожали слезы.

Что было отвѣчать? она такъ отвыкла отъ суровыхъ условій дѣйствительности, что объяснять ей ихъ не стоило. Ей хотѣлось, она требовала, чтобъ въ жизни выходило все такъ, какъ на сценѣ, чтобъ драма кончалась, если не совсѣмъ благополучно, то по крайней мѣрѣ красиво и утѣшительно, чтобъ не уносить черезчуръ тяжелаго впечатлѣнія изъ театра. Какъ ей объяснить, что въ жизни почти всегда выходитъ наоборотъ, и что конецъ драмы обыкновенно хуже, тяжелѣе и безотраднѣе начала? Я попробовалъ заговорить о томъ, какъ тяжело было ея мужу потерять ее, но она опять не дала мнѣ договорить. Что значили его страданія передъ тѣмъ, что сама она переноситъ! У него есть состояніе, его всѣ уважаютъ, съ нимъ дѣти. Онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что значитъ зависѣть отъ каждаго проходимца-антрепренера, отъ капризовъ публики, отъ зависти и недоброжелательства товарищей.

— Вотъ вчера, напримѣръ, за что всѣ на меня окрысились? Играла я, какъ всегда, и даже лучше, я знала, что и вы на меня смотрите, и мнѣ особенно хотѣлось отличиться, я старалась болѣе обыкновеннаго, и ни одного хлопка! Только подъ конецъ опомнились. Каково это переносить? Да еще въ такомъ паршивомъ городишкѣ, гдѣ и десяти настоящихъ цѣнителей не найдете, тогда какъ въ Кіевѣ, въ Одессѣ...

— Тамъ былъ успѣхъ?

— Еще бы!!

Она оживилась. Отъ печали и отчаянія не осталось уже и слѣда; разсказы полились безостановочно, и въ какихъ-нибудь полчаса я узналъ всю ея жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ, со всѣми ея страннымп волненіями, радостями и печалями. Пустота, мелочность и грязь этой жизни поразили меня. А между тѣмъ она въ нее совсѣмъ погрузилась, другими интересами кромѣ тѣхъ, что касались сцены, она

ужь не способна была увлекаться и всюду, куда только ни закидывала ее судьба, видѣла только театръ съ его закулисными дрязгами и интригами. Читать могла она исключительно однѣ комедіи и драмы, да и то только тѣ, гдѣ были для нея роли; въ газетахъ просматривала она однѣ только рецензіи о спектакляхъ; людей для нея не существовало, была „публика“, хлопающая или шикающая—первую она обожала, вторую ненавидѣла—да товарищи по профессіи, внушавшіе ей зависть или презрѣніе. Ни дружбы, ни любви, ни семейныхъ радостей, полнѣйшая невозможность уединиться, быть самой собой, ни минуты покоя и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, и вѣчное цыганское скитаніе съ мѣста на мѣсто, постоянныя столкновенія съ новыми лицами, полнѣйшая невозможность не только сойтись дружески съ кѣмъ бы ни было, но даже привыкнуть къ кому-нибудь. И вѣчно скачки изъ одной крайности въ другую, восторгъ или отчаяніе, сегодня ужинъ съ шампанскимъ и музыкой, а завтра поиски за гривенникомъ на хлѣбъ. Букеты по двадцати пяти рублей рядомъ съ ворохомъ квитанцій заложенныхъ вещей, до послѣдней тряпки, до сорочки. Какую надо было имѣть желѣзную или пустую натуру, чтобъ выносить такую пытку, да еще безъ таланта, безъ того священнаго огня, которымъ все искупается и очищается, который на все набрасываетъ свое царственное покрывало, облагораживая своимъ прикосновеніемъ самое низкое и грязное.

Но она воображала, что у нея есть талантъ и что она все это терпитъ изъ любви къ искусству. Тоже мученичество въ своемъ родѣ!

И неужели нѣтъ никакой возможности открыть ей глаза, убѣдить, спасти ее? печально размышлялъ я, выслушивая ея бредъ и стараясь уловить въ немъ хоть тѣнь раскаянія. Но раскаянія не было, была только досада, что подъ нее всѣ подкапываются и вредятъ ей изъ зависти, убѣжденіе, что только это и мѣшаетъ ей сдѣлаться всесвѣтной знаменитостью. Всѣ ей завидуютъ, даже ея мужъ. Онъ „извѣстный ненавистникъ женской эмансипаціи“, онъ заперъ бы ее въ монастырь или въ домъ умалишенныхъ, еслибъ только могъ. Эту пытку, лишать ее счастья видѣть дѣтей, онъ для того только и придумалъ, чтобъ заставить ее отказаться отъ сцены... Но онъ напрасно на это разсчитываетъ!.. Она очень любитъ дѣтей своихъ и „страшно тоскуетъ“ безъ нихъ, она дорого бы дала, чтобъ обнять ихъ, расцѣловать, посмотрѣть, какъ они выросли и перемѣнились, узнать, помнятъ ли они ее, но отказаться отъ сцены? ни за что! ни за что

— Вѣдь вы только подумайте, мое имя извѣстно, антрепренеры меня сами разыскиваютъ. Не дальше какъ на прошлой недѣлѣ я получила приглашеніе ѣхать въ Иркутскъ. Очень можетъ быть, что зимой мнѣ устроятъ дебютъ въ Москвѣ. Этотъ флигель-адъютантъ, который сегодня ночью съ нами ужиналъ, далъ мнѣ честное слово переговорить объ этомъ съ дирекціей...

Солнце поднималось все выше, городъ просыпался, улицы оживлялись, потянулись возы къ базарной площади, загромыхали дрожки и линейки по направленію къ пристани. Мнѣ пришли напомнить, что пароходъ отходитъ черезъ часъ.

— Какъ жаль, что вы ужь уѣзжаете, вздохнула моя посѣтительница, поднимаясь съ мѣста.—Неужели вы не можете остаться хоть на одинъ день, мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобъ вы меня видѣли въ „Орлеанской дѣвѣ“!

Меня разбирала досада. Рѣзкость такъ и просилась съ языка; чтобъ не быть грубымъ, я промолчалъ.

— Это одна изъ моихъ лучшихъ ролей, продолжала она, принимая мое молчаніе за колебаніе, въ Саратовѣ предсѣдатель общества любителей драматическаго искусства,— тамъ тоже есть такое общество, какъ и здѣсь,—упросилъ меня сдѣлать портретъ въ костюмѣ Іоанны д'Аркъ. О какъ онъ ко мнѣ идетъ, этотъ костюмъ! Говорятъ, что я въ немъ напоминаю....Но вы останетесь, я вамъ подарю мою карточку съ надписью... Останетесь?!

— Не могу, Лидія Васильевна.

Вещи мои были запакованы, сумка надѣта черезъ плечо. У подъѣзда давно ужь стоялъ заказанный мною наканунѣ извощикъ, съ берега свистки раздавались все чаще, и по корридорамъ шла та возня и суматоха, что всегда въ гостинницѣ предшествуетъ отъѣзду путешественниковъ. Медлить дольше было нельзя и чтобъ сгладить рѣзкость тона, съ которымъ у меня вырвался отказъ на ея просьбу, я прибавилъ мягче, что желаю ей всего лучшаго и дружески протянулъ ей руку на прощаніе.

Она встрепенулась, точно ее разбудили отъ сна, и въ глазахъ ея выразилось опять то выраженіе беззащитной тревоги и мольбы, которое такъ тронуло меня, когда она вошла въ комнату.

— Вы ужь ѣдете... а я вамъ еще не сказала... у меня къ вамъ просьба, проговорила она нерѣшительно.

Я положилъ шляпу.

— Что вамъ угодно?

— Алеша нынѣшней осенью опять будетъ въ Петер-

бургѣ, вы его, вѣрно, увидите, начала она, запинаясь передъ каждымъ словомъ.

Она была такъ смущена и взволнована, что я ждалъ отъ нея просьбы, если не помирить ее съ мужемъ, то по крайней мѣрѣ, выпросить у него позволенія повидаться съ дѣтьми, но я ошибся,—ей нужно было совсѣмъ другое.

— Вы меня вчера видѣли въ одной изъ лучшихъ моихъ ролей, за эту роль мнѣ поднесли браслетъ въ Рыбинскѣ, и вотъ при васъ вчера князь сказалъ, что я напоминаю ему Сарру Бернаръ, помните?

— Ну-съ?

— Я не знаю... можетъ быть, я вамъ и не понравилась... можетъ быть, на васъ повліялъ пріемъ, сдѣланный мнѣ публикой, ну, однимъ словомъ, я замѣтила, что вы не совсѣмъ въ восторгѣ отъ моей игры... но я прошу васъ не говорить этого Алексѣю Ивановичу...

— Что именно? Что желаете вы, чтобъ я не говорилъ ему? переспросилъ я въ недоумѣніи передъ такой странной просьбой.

— Да вотъ, что меня вчера такъ дурно приняли, до послѣдняго акта не аплодировали... и все это... ну, что я провалилась, однимъ словомъ... Это была интрига, увѣряю васъ, интрига, и я даже знаю, кто именно устроилъ мнѣ эту штуку, но мѣры уже приняты, сегодня ничего подобнаго не повторится. Какая досада! вы не можете остаться до завтра, вы были бы свидѣтелемъ моего тріумфа и описали бы все это моему мужу, вамъ бы онъ повѣрилъ, я знаю...

— Ни тріумфовъ вашихъ, ни неудачъ я описывать вашему мужу не стану, Лидія Васильевна, сказалъ я.

И обернувшись къ проходившему мимо корридорному, приказалъ ему снести вещи внизъ. Пожелавъ ей еще разъ всѣхъ благъ, я съ нею разстался, мысленно досадуя на встрѣчу, подъ впечатлѣніемъ которой я долго не могъ придти въ хорошее расположеніе духа. Ко всѣмъ попадающимся мнѣ на пути барышнямъ долго я относился какъ-то подозрительно, — мнѣ все казалось, что это тоже будущія жертвы „любви къ искусству“...

Н. МЁРДЕРЪ.

Наше военное дѣло за 1886 годъ.

Излишне было бы указывать на огромное значеніе военнаго дѣла вообще и въ особенности теперь при всеобщихъ заботахъ о вооруженія во всей Европѣ. Картина положенія этого дѣла у насъ, на сколько она можетъ быть выяснена по имѣющимся даннымъ, получаетъ несомнѣнно высокій интересъ.

Только-что отпечатанный Всеподданнѣйшій отчетъ военнаго министерства за 1886 годъ представляетъ обзоръ состоянія и дѣятельности всѣхъ главныхъ управленій военнаго вѣдомства и кромѣ общаго вывода, по всѣмъ отдѣламъ, состоитъ изъ 12-ти отчетовъ каждаго изъ нихъ. Разсматривая ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ они помѣщены въ общемъ сводѣ, замѣтимъ, что насколько отчетъ богатъ статистическими свѣдѣніями и переполненъ вычисленіями всякаго рода, настолько же въ немъ недостаточно выводовъ и заключеній, которыя могли бы вытекать изъ богатаго численнаго матеріала. Не обиленъ онъ и объясненіемъ причинъ, давшихъ тѣ или другіе результаты. Самымъ полнымъ въ этомъ отношеніи представляется отчетъ главнаго военно-медицинскаго управленія. Его даже можно признать и самымъ откровеннымъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ онъ смѣло указываетъ на недостатки, о которыхъ могли бы сказать въ своемъ мѣстѣ и другіе отдѣлы, каждый по принадлежности. Ниже мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Часть Главнаго Штаба. Числительная сила нашей регулярной арміи къ 1-му января 1886 г. состояла изъ 30.655 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и изъ 824.762 нижнихъ чиновъ [1]).

[1]) Въ виду множества цифръ, которыя предстоитъ указать, мы позволяемъ себѣ откидывать единицы тамъ, гдѣ онѣ не имѣютъ значенія.

Сравнивая наличное состояніе арміи съ тѣмъ, что положено имѣть въ ней по штату мирнаго времени, оказывается, что въ ней недоставало 424-хъ офицеровъ, нижнихъ же чиновъ было 52 тысячи сверхъ комплекта. Послѣднее составляетъ обычное явленіе начала каждаго года, когда, вслѣдствіе поступленія новобранцевъ, въ частяхъ войскъ временно удерживается, для обученія призывныхъ, нѣкоторое число людей, подлежащихъ увольненію въ запасъ. Этотъ сверхкомплектъ постепенно потомъ понижается и къ концу года обыкновенно обращается въ некомплектъ Выставленныя въ отчетѣ цифры представляютъ наглядное разъясненіе подобнаго явленія. Такъ къ 1-му января 1886 года армія имѣла 39 тысячъ сверхъ комплекта, который къ 1-му марта возросъ до 63 тысячъ, а къ 1-му іюня понизился до 35 тысячъ. Къ 1-му сентября сверхкомплектъ обратился въ некомплектъ 11.200 человѣкъ, а 1-го ноября армія имѣла уже 90.300 человѣкъ некомплекта, который быстро пополнился прибытіемъ въ войска новобранцевъ. Что касается вышеуказаннаго некомплекта офицеровъ, то онъ оказался въ пѣхотѣ и затѣмъ въ артиллеріи; кавалерія же имѣла 33 офицера сверхъ комплекта.

Призыву на службу по жеребьеметанію въ 1886 году подлежало 836.395 человѣкъ, родившихся въ 1865 году; но изъ нихъ нѣсколько болѣе 50% имѣло право на льготу, такъ что принято на дѣйствительную службу 232.600 и 530.800 зачислено въ ополченіе [1]).

Нормальная числительность контингента новобранцевъ, по разсчету 5-ти и 6-ти лѣтняго срока службы, составляла въ отчетномъ году 190 тысячъ человѣкъ; остальныя 45 тысячъ были приняты въ видѣ резерва, для пополненія текущей годовой убыли и для образованія разряда однолѣтокъ. О причинахъ, вызвавшихъ учрежденіе подобнаго разряда и о его числительности, мы не нашли въ отчетѣ никакихъ указаній. Остается предполагать, что онъ введенъ для скорѣйшаго приведенія запаса въ надлежащій составъ военнаго времени.

Чтобы судить о томъ, что дала общая воинская повинность въ смыслѣ привлеченія на службу привилегирован-

[1]) Для избѣжанія недоразумѣній, считаемъ необходимымъ оговорить, что приводимыя нами цифры не во всѣхъ случаяхъ будутъ тождественны съ выставленными въ отчетѣ. Это происходитъ оттого, что мы не принимаемъ въ разсчетъ людей, зачисленныхъ прямо въ запасъ арміи и флота, и отъ округленія итоговъ черезъ откидываніе единицъ.

ныхъ сословій, разсмотримъ поступившій контингентъ новобранцевъ по степени ихъ образованія и по происхожденію. Изъ числа принятыхъ въ 1886 году на службу было получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда всего 317 человѣкъ, 2 го разряда—398, 3-го разряда—1.914 и 4-го разряда—8.746 человѣкъ, всего же имѣющихъ право на сокращенные сроки службы слишкомъ 11.375 человѣкъ. Что же касается сословій, то дворянъ поступило—1.819, почетныхъ гражданъ—1.326, купцовъ—318, мѣщанъ и цеховыхъ—27.389 и крестьянъ—195.662 человѣка.

Вникая въ эти цифры, вниманіе невольно останавливается на ничтожномъ числѣ призванныхъ на службу купцовъ, сравнительно съ другими классами населенія. Купцовъ въ Россіи гораздо болѣе чѣмъ дворянъ, а между тѣмъ ихъ принято въ 6 разъ менѣе. Нельзя думать, чтобы молодые люди этого сословія были слабосильнѣе своихъ сверстниковъ изъ другихъ слоевъ общества; вѣроятно, ихъ не болѣе другихъ подлежало и увольненію отъ призыва по семейному положенію и по правамъ образованія. Остается искать причину въ извѣстномъ нерасположеніи этого класса къ военной службѣ, нерасположеніи, едва-ли меньшемъ еврейскаго. Но если принимаются мѣры противъ жидовскихъ увертокъ отъ службы, то почему бы не сдѣлать того же въ отношеніи купечества, или, по крайней мѣрѣ, указать причины столь страннаго явленія. Если же особенно много было купцовъ въ числѣ 15.200 человѣкъ, вовсе не явившихся къ призыву, то не лишнее было бы выставить и это.

Нельзя не обратить вниманія и на другое обстоятельство, указывающее на постепенное измельчаніе народонаселенія. Съ каждымъ годомъ число поступающихъ въ войска малорослыхъ новобранцевъ увеличивается, и въ отчетномъ году было уже принято свыше 6.500 человѣкъ, имѣвшихъ всего 2 аршина $2^1/_2$ вершка, то есть, наименьшую норму роста, допускаемую при пріемѣ. Трудно предположить, чтобы эти люди, обязанные нести на себѣ полуторапудовую тяжесть своего снаряженія и вооруженія, могли выдержать всѣ трудности походнаго времени, и было бы интересно, еслибы медицинская статистика указала, какой процентъ этихъ 6.500 человѣкъ выбылъ изъ строя, не дослужа своего срока.

По словамъ отчета, дѣятельность военнаго министерства въ 1886 году представляетъ частію дальнѣйшее осущест-

вленіе предпринятыхъ въ предшествующіе годы мѣропріятій по приведенію вооруженныхъ силъ въ соотвѣтствіе съ потребностями государства, частію же заключалась въ принятіи новыхъ мѣръ, клонившихся къ усиленію боевой готовности арміи и къ улучшенію системы военнаго управленія.

Изложимъ вкратцѣ мѣропріятіе каждой изъ этихъ двухъ категорій.

Осуществлены слѣдующія мѣры, предпринятыя или намѣченныя въ прежніе годы:

1) Вся кавалерія (исключая кирасиръ гвардіи) переформирована изъ 4-хъ въ 6-ти эскадронный составъ и приведена въ число рядовъ, положенныхъ по штатамъ военнаго времени. Взамѣнъ же бывшихъ резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ сформированы кадры кавалерійскаго запаса.

2) Утверждены новые штаты и положеніе объ управленіи крѣпостями, съ расширеніемъ круга власти и отвѣтственности комендантовъ.

3) Въ окружныхъ штабахъ образованы особыя мобилизаціонныя отдѣленія, а въ Варшавскомъ округѣ добавлено 8 управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

4) Христіанское населеніе Закавказья и инородцы Терской и Кубанской областей привлечены къ отбыванію воинской повинности, съ обязанностію состоять 3 года на дѣйствительной службѣ и 12 лѣтъ въ запасѣ, лица же мусульманскаго исповѣданія этихъ мѣстностей, взамѣнъ исполненія воинской повинности въ натурѣ, временно обложены извѣстнымъ налогомъ.

5) Для молодыхъ людей, получившихъ высшее и среднее образованіе, увеличены сроки дѣйствительной службы: для поступившихъ по жребію—вмѣсто полутора года до двухъ лѣтъ, а для поступившихъ вольноопредѣляющимся—вмѣсто трехъ и шести мѣсяцевъ—до одного года, и затѣмъ установлено только два разряда вольноопредѣляющихся.

Увеличеніе срока службы до производства вольноопредѣляющихся въ офицеры вызвало и параллельную этому мѣру произвдства ихъ въ унтеръ-офицеры не ранѣе шестимѣсячной выслуги въ званіи рядоваго. То и другое имѣетъ свои основательныя причины, потому что избавляетъ армію отъ офицеровъ скороспѣлокъ. До этого закона, студентъ, кончившій курсъ университета, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о дисциплинѣ и строевой службѣ, выдержавъ испытаніе въ теоріи военныхъ наукъ, производился въ офи-

церы черезъ 3 мѣсяца. Не ознакомясь ни съ духомъ военной службы, ни съ бытомъ войскъ, онъ и въ офицерскомъ мундирѣ оставался тѣмъ же статскимъ, какимъ былъ до поступленія на службу.

Столь же необходима была и другая мѣра—ограниченія пріема въ пѣхотныя и юнкерскія училища нижнихъ чиновъ съ образованіемъ ниже средняго и объ установленіи болѣе строгихъ требованій для поступленія въ старшій классъ этихъ училищъ тѣхъ, кто имѣлъ на то право, по образовательному цензу, безъ экзамена. Все это видимо клонилось къ поднятію въ военной молодежи уровня тѣхъ знаній, которыя ей необходимы для дальнѣйшаго самообразованія.

Не съ меньшею заботливостью отнеслось военное министерство и къ матеріальному положенію тѣхъ офицеровъ, на которыхъ лежатъ самыя главныя и основныя обязанности воспитанія и образованія войскъ. Мы подразумѣваемъ ротныхъ и эскадронныхъ командировъ и начальниковъ кадра кавалерійскаго запаса. Всѣмъ имъ прибавлено по 300 р. въ годъ къ получаемому каждымъ содержанію, а для того, чтобы помощники полковыхъ командировъ въ кавалеріи, батальонные командиры и младшіе штабъ-офицеры получали хотя нѣсколько болѣе подчиненныхъ имъ ротныхъ и эскадронныхъ, и имъ прибавлено по 120 р. къ столовымъ.

Вообще 1886 годъ замѣчателенъ въ военномъ вѣдомствѣ улучшеніемъ матерьяльнаго положенія офицеровъ. Кромѣ указаннаго, къ этому же слѣдуетъ отнести: а) разрѣшеніе выдавать при командировкахъ внѣ мѣстъ настоящаго прикомандированія, генераламъ по 3 р., штабъ-офицерамъ по 2 р. 25 коп. и оберъ-офицерамъ по 1 р. 50 к. въ сутки; б) въ виду неизбѣжныхъ расходовъ при экстренныхъ посылкахъ частей войскъ, по требованію гражданскихъ властей, изъ мѣстъ квартированія, даны суточныя деньги: за дни перемѣщенія штабъ-офицерамъ по 1 р. 50 к. и оберъ-офицерамъ по 75 коп., а за все остальное время, первымъ по 60, вторымъ, равно, какъ подпрапорщикамъ и подхорунжимъ—по 30 к. въ сутки; в) въ возмѣщеніе лишеній и издержекъ, претерпѣваемыхъ офицерами во время передвиженія по степямъ азіатскихъ нашихъ владѣній, установлено особое путевое довольствіе.

Что касается мѣръ второй категоріи, то есть улучшенія системы военнаго управленія, то между ними имѣетъ осо-

бенное значеніе освобожденіе строевыхъ войскъ отъ конвоированія арестантскихъ партій и отъ наружной охраны гражданскихъ тюрьмъ, для чего изъ мѣстныхъ войскъ сформировано 567 конвойныхъ командъ, которыя содержатся на суммы, отчисляемыя изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, а комплектуются новобранцами на общемъ основаніи. Позволимъ себѣ замѣтить, что едва-ли послѣдняя мѣра достаточно гарантируетъ исправную охрану тюрьмъ и исправное конвоированіе арестантовъ, такъ какъ для того и другого нужна извѣстная служебная опытность и находчивость, чего трудно ожидать отъ прослужившаго хотя бы и годъ новобранца. Кромѣ того, полное освобожденіе полевыхъ войскъ отъ конвойной службы не вполнѣ полезно, такъ какъ ничто не даетъ солдату такой практики въ обращеніи съ людьми всевозможныхъ характеровъ и такой привычки къ отвѣтственности, какъ конвойная служба, а потому можно думать, что было бы полезно привлечь и дѣйствующую пѣхоту къ несенію своей доли въ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ 18 военныхъ госпиталей преобразованы въ мѣстные лазареты, что́ дало возможность на образовавшуюся экономію перевести всѣ военные лазареты съ поштатнаго на посуточное содержаніе больныхъ [1]). Поштатный окладъ былъ крайне для войскъ невыгоденъ, такъ какъ полки затрачивали на содержаніе лазарета гораздо болѣе того, что получали, а потому пополняли передержку изъ остатковъ отъ другихъ отпусковъ. Вслѣдствіе этого посуточный отпускъ принятъ войсками какъ мѣра дѣйствительно полезная, улучшающая положеніе ихъ хозяйства.

Далѣе отчетъ указываетъ, что вмѣсто трехъ отдѣльныхъ линій производства капитановъ армейской пѣхоты въ подполковники установлена одна общая линія по всѣмъ безъ исключенія частямъ арміи.

Перемѣны, сдѣланныя въ послѣдніе годы въ системѣ производства офицеровъ, вызвали у многихъ военныхъ авторовъ самыя разнообразныя и даже противоположныя мнѣнія. Уже одно это доказываетъ, до какой степени этотъ вопросъ существенъ и въ какой мѣрѣ онъ задѣваетъ самые жизненные интересы военно-служащихъ.

---

[1]) Поштатнымъ содержаніемъ назывался отпускъ на каждаго человѣка, состоящаго по штату, 25 коп. въ годъ. Изъ этого составлялась сумма, которая шла на лѣченіе больныхъ, сколько бы ихъ ни перебывало въ лазаретѣ части въ теченіе года.

Въ виду этого, считаемъ нелишнимъ высказать тѣ сужденія, которыя до сихъ поръ еще вызываются введенными 3 года назадъ правилами производства строевыхъ капитановъ и ротмистровъ въ первый штабъ-офицерскій чинъ. Съ новыми правилами скорѣе бы примирились заинтересованныя лица, скорѣе бы свыклись съ ними, еслибы повышеніе однихъ не служило къ невыгодѣ другихъ, т. е. съ требованіемъ удаленія изъ службы тѣхъ капитановъ, которые достигли 50 лѣтняго возраста. Опредѣлять неспособность людей только тѣмъ, что они, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, имѣя 50 лѣтъ, не получили извѣстнаго чина,—едва-ли правильно. Не случается ли это, и довольно часто, отъ того, что человѣкъ попадаетъ въ такую колею производства, изъ которой, при всемъ своемъ стараніи, безъ счастливой случайности ему невозможно выбраться. Намъ кажутся непонятными причины, почему капитанъ, не удовлетворяющій условіямъ штабъ-офицерскаго чина, долженъ считаться неспособнымъ для строевой службы въ томъ же чинѣ, если онъ ни въ чемъ не замѣченъ, и если часть, которою онъ командуетъ, не заслуживаетъ нареканій. Наконецъ, въ военномъ вѣдомствѣ не мало должностей, на которыхъ положено имѣть только оберъ офицеровъ, напримѣръ начальниками мѣстныхъ и конвойныхъ командъ, уѣздными начальниками младшаго разряда, смотрителями казенныхъ зданій, начальниками мастерскихъ и проч. Почему бы, вмѣсто увольненія, не давать этихъ мѣстъ капитанамъ, достигнувшимъ предѣльнаго возраста. Они были бы вполнѣ довольны, что получаютъ болѣе или менѣе постоянное мѣсто, а при пріобрѣтенной ими привычкѣ къ исполнительности и точности, принесли бы болѣе пользы, чѣмъ малоопытные молодые люди, не знакомые съ жизнью.

Независимо отъ этого, общая линія производства, по всѣмъ безъ исключенія частямъ арміи, вызвала неудобство и для тѣхъ капитановъ, которые помимо старшинства производятся за отличіе. При подобномъ уравненіи производимыхъ по округамъ, большая ихъ часть переводится не только изъ одного корпуса въ другой, но часто изъ одной окраины на противоположную. Стоитъ представить себѣ положеніе человѣка семейнаго (какими бываетъ половина лицъ, достигшихъ капитанскаго чина), служившаго постоянно въ Ташкентѣ или на Кавказѣ, когда онъ долженъ переселиться въ Кіевъ, или Варшаву, имѣя сына или дочь, напр., въ одномъ изъ Тифлисскихъ учебныхъ заведеній. Немудрено, что нѣ-

которые подаютъ просьбы о томъ, чтобы ихъ не представляли къ производству, лишь бы остаться на мѣстѣ.

Не думаемъ, чтобы подобное ежегодное перемѣщеніе сотни капитановъ не было чувствительно и въ денежномъ отношеніи, не только для переводимыхъ, но и для финансовой смѣты министерства.

Размѣщеніе и перемѣщеніе войскъ. Изъ этого отдѣла отчета весьма утѣшительнымъ признакомъ заботливости военнаго вѣдомства объ удобствахъ войскъ является то, что начатая 5 лѣтъ назадъ постройка казармъ, распоряженіемъ военнаго начальства, постепенно принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры и производилась уже въ 24-хъ пунктахъ. Это дало возможность изъ общаго числа полевыхъ дѣйствующихъ войскъ помѣстить 57% въ казармахъ; затѣмъ 31% помѣщался въ частныхъ домахъ казарменнымъ порядкомъ и только 12% квартировало по обывателямъ. Есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ вся армія получитъ свои собственныя помѣщенія, что́ неминуемо выгодно отзовется на ея хозяйственномъ устройствѣ и на степени ея образованія.

Что касается перемѣщенія войскъ, то они состояли преимущественно въ обычномъ ежегодномъ сосредоточеніи ихъ къ пунктамъ лагерныхъ сборовъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣщеніяхъ въ предѣлахъ своего округа. Значительныя передвиженія происходили только въ Варшавскомъ и Виленскомъ округахъ, для большихъ маневровъ въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска.

Къ отдѣлу для передвиженія войскъ разсматриваемый отчетъ присоединилъ почему-то и отдѣльную перевозку грузовъ, причемъ указываетъ, что ихъ было перевезено по желѣзнымъ дорогамъ до 3-хъ милліоновъ 650 тысячъ, безъ участія подрядчиковъ, что́ доставило значительныя выгоды. Въ томъ же отдѣлѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя данныя о постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги, изъ которыхъ видно, что на ея достройку и продолженіе, отъ Аму-Дарьи до Самарканда, въ 1886 г. было ассигновано 6 милліоновъ рублей и открытъ кредитъ, въ счетъ слѣдующихъ годовъ, еще на 6 милліоновъ 650 тысячъ рублей; что на нее доставлено было 38 паровозовъ, 180 платформъ и 350 вагоновъ. Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о постройкѣ столь интересовавшаго общество сооруженія, возбуждавшаго такъ много толковъ въ средѣ интеллигентнаго и торговаго сословія. Что касается эксплоатаціи открытаго въ 1886 г. участка, то свѣдѣнія

объ этомъ даются въ отчетѣ только за первую половину года.

Къ той же рубрикѣ о перевозкѣ грузовъ отчетъ относитъ и разсчеты съ желѣзными дорогами за расходы по бывшимъ военнымъ обстоятельствамъ. Изъ нихъ видно, что наши желѣзнодорожныя общества еще далеки отъ сознанія, что въ военное время, при напряженіи всѣхъ силъ и средствъ государства, и они должны бы были нести посильныя жертвы. Между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ войны, они не примнули получить отъ казны 236 тысячъ, не только за провозъ больныхъ и за приспособленіе товарныхъ вагоновъ, но даже за дезинфекцію станцій и за перевозку грузовъ бывшаго московскаго благотворительнаго общества. Является вопросъ, въ чемъ состояла столь дорого стоющая дезинфекція и какъ контролировалась она въ то время?

Труды отдѣла главнаго штаба по передвиженію войскъ, въ отчетномъ году, заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что они могутъ успокоительно дѣйствовать на общественное мнѣніе, какъ доказательство того, что все могущее ускорить мобилизацію арміи, въ смыслѣ заготовленія плановъ и росписаній, уже сдѣлано, а именно: 1) составлены подробные разсчеты на посадку въ поѣзда частей войскъ всѣхъ родовъ оружія и парковъ, по новой организаціи обозовъ; 2) выработанный въ предшествовавшемъ году типъ приспособленій для посадки и нагрузки испытанъ, и представленъ проектъ правилъ о пользованіи, храненіи, ремонтировкѣ и повѣркѣ этихъ приспособленій на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ; 3) составленъ планъ перевозки нижнихъ чиновъ запаса, по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ, призываемыхъ при приведеніи арміи въ военное положеніе, и перевозки укомплектованныхъ частей, для сосредоточенія ихъ къ театру военныхъ дѣйствій, со всѣми потребными при исполненіи этого вѣдомостями и приложеніями.

Занятія войскъ. Въ 1886 г. существенныхъ измѣненій въ системѣ обученія войскъ не произошло, но сравнительно съ прежними годами, значительное развитіе получило маневрированіе. Не только въ Варшавскомъ и въ Виленскомъ округахъ, гдѣ происходили большіе маневры въ Высочайшемъ присутствіи, но и въ округахъ Московскомъ и Одесскомъ были примѣнены совершенно новые пріемы маневрированія. Вмѣсто прежняго ограниченія района движеній и дѣйствій войскъ ближайшими окрестностями лагерныхъ расположеній, полкамъ названныхъ округовъ даны были для маневровъ такія предполо-

женія, которыя требовали удаленія ихъ отъ лагерей на значительное пространство. При этомъ ни одной изъ маневрирующихъ сторонъ не были извѣстны: ни силы противника, ни мѣста его расположенія, ни направленіе, которое онъ приметъ. Нужно было все это узнавать и развѣдывать, совершать передвиженія съ готовностію къ неожиданной встрѣчѣ, что болѣе прежняго уподобляло маневрированіе настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Упоминая о программѣ военнаго образованія и о планѣ распредѣленія годовыхъ занятій, отчетъ не знакомитъ читателя ни съ ихъ объемомъ, ни съ степенью ихъ выполненія. Вслѣдствіе этого интересующемуся ими приходится обращаться къ частнымъ свѣдѣніямъ. Хотя они бываютъ и не всегда точны, тѣмъ не менѣе исходятъ отъ людей, обязанныхъ выполнять программу и вести занятія по указанному распредѣленію, выражаютъ мнѣнія, которыя нельзя не принимать въ соображеніе. Большинство лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу военнаго воспитанія и развитія солдата, находитъ, что требованія программы до того обильны и разнообразны, что, для выполненія ихъ въ тотъ короткій срокъ, который опредѣленъ для приготовленія новобранцевъ въ строй, нужно особое напряженіе силъ и учащихъ, и обучаемыхъ. Торопливость, съ которою приходится вести занятія, невольно приводитъ къ тому, что существенное находится на одной степени съ второстепеннымъ, и твердость знанія приносится въ жертву формальности и эффекту. Входить въ подробныя доказательства справедливости подобнаго вывода не составляетъ предмета настоящей статьи, но нельзя не указать, что одно перечисленіе тѣхъ отраслей знанія, которыя требуются программою отъ солдата, и перечень тѣхъ спеціальныхъ командъ, въ которыя командируются люди изъ строя, достаточны для того, чтобы вѣрить чрезмѣрному стремленію къ расширенію требованій. Независимо отъ строеваго обученія, программа требуетъ, чтобы каждый рядовой обязательно зналъ: назначеніе солдата, значеніе знамени и присяги, время сформированія части, въ которой служитъ, и отличія, полученныя ею за военные подвиги; зналъ бы имена лицъ императорской фамиліи, шефа своей части, чинъ и фамилію своихъ прямыхъ начальниковъ, начиная отъ унтеръ-офицера до корпуснаго командира, начальника округа и военнаго министра включительно, и какъ титуловать ихъ; въ чемъ состоитъ воинская дисциплина и какія обязанности она налагаетъ; порядокъ поданія просьбъ

и жалобъ, роды дисциплинарныхъ взысканій и степень власти начальниковъ; обязанности дневальнаго, часоваго, конвойнаго; правила сторожевой и развѣдочной службы; правила обращенія съ винтовкою, ея сбереженіе и устройство. Кромѣ этихъ теоретическихъ свѣдѣній, на пріобрѣтеніе которыхъ дается всего три первые мѣсяца, новобранецъ долженъ быть обученъ фронту, стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фехтованію. Наконецъ въ каждой ротѣ назначается извѣстное число людей въ слѣдующія спеціальныя команды: учебную, саперную, охотничью, велосипедистовъ, носильщиковъ и сигнальщиковъ, что не избавляетъ ихъ отъ обязанности знать и то, что переименовано выше. Сверхъ этого индивидуальнаго образованія нижнихъ чиновъ, по плану распредѣленія годовыхъ занятій, требуется обученіе ихъ въ составѣ ротъ, батальоновъ и полковъ: маневрированію малыми частями, съ примѣненіемъ къ мѣстности, сторожевой службѣ, ночнымъ и походнымъ движеніямъ, конвопрованію транспортовъ. На все это въ рѣдкихъ случаяхъ удѣляется въ большихъ лагеряхъ болѣе недѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлается, судя по опубликованнымъ свѣдѣніямъ, въ Красносельскомъ лагерѣ. Не думаемъ, чтобы, продѣлавъ каждое изъ перечисленныхъ упражненій по одному разу, хотя бы съ каждою частью, можно было обучить ее какъ должно. Не вѣрнѣе ли назвать это исполненіемъ одной формальности, ради того, чтобы сказать, что обученіе производилось, значитъ, и программа исполнена.

Нельзя не замѣтить и того увлеченія къ различнаго рода проектамъ, открытіямъ и изобрѣтеніямъ, которыми такъ обогатилась въ послѣдніе годы военная техника. Конечно, было бы неосторожно оставаться равнодушными зрителями того, что вводится въ иностранныхъ арміяхъ, но и нельзя безъ разбора примѣнять къ нашей того, что не соотвѣтствуетъ ея народному характеру, или условіямъ нашего климата.

Въ числѣ причинъ, отвлекавшихъ, по словамъ отчета, части Кавказскаго округа отъ лагерныхъ сборовъ, названо привлеченіе ихъ къ проложенію ввозныхъ въ военномъ отношеніи путей въ Закавказьи. Въ смыслѣ государственной пользы едва-ли возможно считать подобное отвлеченіе неблагопріятнымъ. Еслибы сравнили обученіе бывшихъ на подобной работѣ частей съ тѣми, которыя не были привлечены къ ней, то едва-ли бы оказалась особенная разница, а между тѣмъ важное государственное предпріятіе осуществлено бла-

годаря содѣйствію войскъ, безъ чего оно могло бы остаться не выполненнымъ, или стоить двойныхъ издержекъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, все зависитъ отъ своевременной смѣны частей и отъ распорядительности ихъ командировъ. Было время, когда цѣлыя дивизіи чередовались на государственныхъ работахъ, и учебная часть не ослабѣвала въ нихъ, а тогда къ совершенству обученія относились несравненно строже.

Въ отношеніи маневровъ нужно еще замѣтить, что разсчетъ дней, показанныхъ по отчету, не всегда совпадалъ съ дѣйствительностію. Такъ, напримѣръ, въ Красномъ Селѣ маневры считались пятидневными, тогда какъ войска маневрируютъ въ сущности 2 или 3 дня, употребляя остальные на переходы къ сборнымъ пунктамъ, или на дневки.

Къ числу занятій войскъ отнесено и увольненіе нижнихъ чиновъ на вольныя работы. Отчетъ указываетъ, въ какихъ именно округахъ и въ какое время происходило увольненіе, но какого рода работы были дозволены и сколько каждою частью заработано - не говорится. Быть можетъ, эта неполнота свѣдѣній происходитъ отъ того, что въ послѣдніе годы въ военномъ вѣдомствѣ замѣчается не мало сторонниковъ мнѣнія, будто бы вольныя работы вредны для образованія войскъ и ведутъ къ упадку въ нихъ порядка и дисциплины. Хотя все это и можетъ быть опровергнуто, но здѣсь не мѣсто входить въ подробности спорныхъ вопросовъ. Если же мы упомянули о мнимомъ вредѣ вольныхъ работъ, то нельзя не сказать и о пользѣ ихъ для экономическаго быта не только самихъ войскъ и санитарнаго состоянія арміи, но и для промышленнаго класса населенія. Содѣйствіе нижнихъ чиновъ при уборкѣ травъ и хлѣбовъ въ большихъ экономіяхъ, при экстренныхъ выгрузкахъ и нагрузкахъ судовъ, при лѣсныхъ пожарахъ и проч., поддерживаетъ общественное благосостояніе.

Караульная служба. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ военное министерство послѣдовательно стремится къ уменьшенію караульнаго наряда и съ похвальною настойчивостью достигаетъ возможнаго облегченія столь тягостной службы. Въ теченіе 1886 года цифра ежедневнаго караульнаго наряда уменьшилась на 2.050 человѣкъ и составляла во всей Россіи 22.200, изъ коихъ собственно для нуждъ военнаго вѣдомства выступало ежедневно въ караулъ 10.713, а 11.490 человѣкъ наряжались для потребностей министер-

*

ства внутреннихъ дѣлъ и 676 человѣкъ для учрежденій министерства финансовъ.

Значительный расходъ людей на охрану тюремъ съ давняго времени озабочивалъ военное начальство. Еще въ 1883 году военное вѣдомство вошло по этому поводу въ соглашеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и постепенно достигало нѣкотораго сокращенія въ нарядѣ для тюремныхъ карауловъ. Теперь же, съ сформированіемъ конвойной стражи, цѣль эта почти вполнѣ достигнута, и строевыя войска, за малыми исключеніями, не занимаютъ карауловъ при тюрьмахъ.

Командировки войскъ. Если не считать непродолжительныхъ командировокъ для охраны желѣзныхъ дорогъ во время Высочайшихъ путешествій, на что въ теченіе года было употреблено 77.640 человѣкъ, то случаевъ, вызывавшихъ содѣйствіе войскъ, было весьма немного, а именно:

1) Для предупрежденія и прекращенія безпорядковъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, на неопредѣленное время были командированы отряды, составъ которыхъ колебался отъ команды въ 16 человѣкъ до 9-ти баталіоновъ и 16 орудій. Столь значительный отрядъ потребовался для водворенія спокойствія въ нѣкоторыхъ аулахъ Чечни. Затѣмъ въ Путивльскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ, для той же цѣли, было командировано 6 баталіоновъ.

2) Для усиленія пограничной стражи на Кавказѣ и полиціи на постахъ нѣкоторыхъ трактовъ было потребовано 17 конныхъ сотенъ.

3) Наконецъ, для истребленія разбойничьихъ шаекъ на Кавказѣ, посланъ былъ баталіонъ съ 3-мя сотнями. Всѣхъ же случаевъ требованія гражданскими властями содѣйствія войскъ было въ теченіе года 33.

Сдѣланный въ отчетѣ перечень происходившихъ въ присутствіи Государя Императора смотровъ представляетъ обычное, ежегодно повторяющееся въ различныхъ пунктахъ явленіе. Исключеніемъ изъ этого было происходившее въ Петербургѣ въ годовщину боя подъ Горнымъ-Дубнякомъ открытіе памятника „Славы“, для чего были вызваны депутаціи изъ всѣхъ частей войскъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней войнѣ съ турками.

Хотя и существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что въ послѣдніе годы всякаго рода награды даются съ бо́льшею сдержанностію чѣмъ прежде, тѣмъ не менѣе въ

теченіе года, какъ значится въ отчетѣ, было дано 2.468 орденовъ и роздано 573.900 руб. деньгами. Если принять во вниманіе, что эта сумма ассигнуется для 30.600 генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, то ее нельзя считать особенно большою, и было бы весьма интересно знать, какъ число денежныхъ наградъ и размѣръ ихъ по военному министерству относится къ такимъ же наградамъ и къ числу служащихъ въ другихъ министерствахъ.

Увольненіе въ отпускъ и въ запасъ. Въ разсматриваемомъ отчетѣ говорится только о тѣхъ отпускахъ, на которые испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе, по поводу сохраненія содержанія свыше 2-хъ мѣсяцевъ. Такихъ увольненій въ теченіе цѣлаго года было только 54, и на содержаніе уволенныхъ выдано 40.400 рублей. Что же касается прочихъ отпусковъ, разрѣшаемыхъ непосредственнымъ начальствомъ, то хотя отчетъ и не даетъ объ этомъ свѣдѣній, но извѣстно, что, со времени расширенія въ 1881 году правъ военно-начальствующихъ лицъ по увольненію въ отпуска, послѣдніе сдѣлались гораздо возможнѣе, чѣмъ прежде, и ими нерѣдко пользуются съ отступленіемъ отъ утвержденныхъ правилъ. Неговоря о негласныхъ кратковременныхъ отпускахъ, вызываемыхъ иногда экстреннимп обстоятельствамп и частнымп надобностями, случаются увольненія и во время лагерныхъ сборовъ, что прежде было обставлено большими затрудненіями и разрѣшалось не иначе, какъ съ представленіемъ документальныхъ доказательствъ о необходимости отпуска. Говоримъ это не въ смыслѣ осужденія подобныхъ льготъ, разъ что число остающихся офицеровъ достаточно для отправленія службы, но выставляемъ какъ фактъ нѣкотораго измѣненія во взглядахъ на обязанности военнослужащихъ.

Что касается увольненія въ запасъ, то лица, интересующіяся его состояніемъ, какъ силою арміи при ея мобилизаціи, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ за то, что мы приведемъ рядъ цифръ, указывающихъ, какое количество чиновъ было уволено въ теченіе года на пополненіе запаса.

Въ 1886 году уволено въ запасъ: генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ 186, тогда какъ въ отставку ихъ выбыло 728.

Нижнихъ чиновъ, въ общей сложности, въ томъ же году, перечислено въ запасъ 182 тысячи.

Затѣмъ общая числительность всѣхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ составляла 1.664.600 человѣкъ.

Въ какой мѣрѣ юнъ составъ нашей арміи,—можно судить по тому, что въ ней къ 1-му января 1887 года состояло: прослужившихъ 3 года—135.800, 2 года—151.100, 1 годъ—155.500 и менѣе года 174.200; итого 616.600 человѣкъ, а старше 3 лѣтъ службы было всего 310 тысячъ.

Движеніе дѣлъ. Движеніе дѣлъ какъ въ главныхъ, такъ и въ военно-окружныхъ управленіяхъ, поражаетъ своею громадностью и доказываетъ, что переписка въ военномъ вѣдомствѣ, несмотря на издаваемыя правила о ея сокращеніи, за 5-лѣтіе съ 1882 по 1886 годъ включительно, не только не уменьшилась, но напротивъ увеличилась. Слѣдующія приводимыя изъ отчета цифры подтверждаютъ это.

По главнымъ управленіямъ было бумагъ:

въ 1882 году входящихъ 260.700, исходящихъ 210.650
въ 1886 „ „ 291.170, „ 212.210

По войсковымъ управленіямъ и частямъ войскъ:

въ 1882 году входящихъ 5.795.000, исходящихъ 7.328.160
въ 1886 „ „ 5.694.900, „ 7.791.540

Мы остановимся на этомъ предметѣ нѣсколько долѣе. Прежніе штаты различныхъ присутственныхъ мѣстъ военнаго вѣдомства указываютъ, что въ учрежденіяхъ, гдѣ лѣтъ 40 назадъ было 3 или 4 отдѣленія, теперь ихъ 6 или 8; гдѣ число чиновниковъ не доходило до 50, теперь болѣе сотни, а между тѣмъ числительность арміи того времени была больше, и, по словамъ тогда служившихъ, дѣла шли скорѣе. Чтобы такъ много писать, нужны составители и переписчики бумагъ. Существующія въ управленіяхъ и штабахъ типографіи, литографіи и различные приборы для копированія оказываются недостаточными. Повсюду требуется множество писарей, такъ что, сверхъ 8 штатныхъ, полкамъ разрѣшено имѣть еще по 8 прикомандированныхъ отъ ротъ, но и ихъ держатъ гораздо болѣе; сверхъ того каждая рота и эскадронъ имѣетъ своего писаря, а поэтому въ пѣхотномъ полку ихъ бываетъ до 33, а въ кавалерійскомъ 14; слѣдовательно, въ отдѣльныхъ баталіонахъ самое меньшее будетъ 8. Если эти числа умножить на 192 пѣхотныхъ и 95 кавалерійскихъ полковъ и на 187 баталіоновъ, то получится 6.732 писаря. Затѣмъ сдѣлаемъ самое скромное предположеніе, что во всѣхъ главныхъ управленіяхъ и штабахъ, въ артиллеріи съ ея парками, заводами, арсеналами,

складами и мастерскими, во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ мѣстныхъ и конвойныхъ командахъ, въ комендантскихъ и генералъ-губернаторскихъ канцеляріяхъ, во всѣхъ иррегулярныхъ войскахъ, въ госпиталяхъ и различныхъ комитетахъ будетъ 10 тысячъ писарей,—то выходитъ, что 16.732 писаря числится на службѣ въ мирное время. Въ запасѣ же ихъ состоитъ до 8 тысячъ; значитъ общій итогъ выйдетъ 24.732, что составляетъ числительность цѣлаго корпуса въ военномъ составѣ. Не лучшее ли это доказательство необходимости принять мѣры противъ эпидемическаго распространенія переписки.

Отчетъ по части главнаго штаба заканчивается обзоромъ дѣятельности военно-ученаго комитета Николаевской академіи генеральнаго штаба и военно-топографическаго отдѣла. Въ числѣ трудовъ ученаго комитета, кромѣ военно-статистическихъ изслѣдованій иностранныхъ армій, названы: 1) Сборникъ новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ Европейскихъ и Азіатскихъ государствъ; 2) Италія—ея вооруженныя силы; 3) Сборникъ различныхъ матеріаловъ по Азіи; 4) Военное обозрѣніе западной Россіи и пограничныхъ областей Пруссіи и Австріи; 5) Обученіе войскъ въ иностранныхъ арміяхъ, и 6) Переводчики турецкаго, персидскаго, сартскаго и китайскаго языковъ.

Свѣдѣнія о Николаевской академіи генеральнаго штаба ограничиваются только указаніемъ числа учащихся, прибывшихъ и выпущенныхъ.

Совершенно иною представляется дѣятельность военно-топографическаго отдѣла, работы котораго одновременно велись во всѣхъ пограничныхъ округахъ и въ особенности на Кавказѣ и въ Бухарскихъ владѣніяхъ.

Часть интендантская. Отчетъ интендантскаго вѣдомства, самаго обширнаго по своему хозяйственному значенію и расходамъ, наполненъ статистическими свѣдѣніями всякаго рода. Свести ихъ въ такіе итоги, которые дали бы ясное понятіе объ оборотахъ отчетнаго года, весьма трудно, потому что, напримѣръ, въ отдѣлъ о заготовленіи вещей включены остатки прежнихъ заготовленій, а изъ назначенной на отчетный годъ суммы, въ 15½ милліоновъ рублей, значительная часть употреблена на пріобрѣтеніе вещей и матеріаловъ по сроку слѣдующаго 1887 года.

Способы заготовленія матеріаловъ для одежды и обуви, несмотря на несомнѣнное развитіе промышленности, оста-

вались прежніе, то есть подрядный—посредствомъ торговъ и долгосрочные контракты. Казалось бы, что то и другое значительно старо для того, чтобы не замѣнить ихъ самымъ натуральнымъ и самымъ выгоднымъ способомъ пріобрѣтенія суконъ, холстовъ и сапожнаго товара прямо отъ производителей, не ставя между ними и покупателемъ третье лицо, въ видѣ подрядчика, или коммисіонера. При этомъ можно было бы избѣжать какъ увеличенія числа чиновниковъ, командируемыхъ на заводы, фабрики и въ промышленные центры, такъ и усложненія переписки и отчетности, еслибы деньги на пріобрѣтеніе матеріаловъ отпускались прямо въ тѣ части, для которыхъ они требуются. Большая часть полковъ и отдѣльныхъ бригадъ, въ настоящее время, квартируютъ въ такихъ пунктахъ, гдѣ хозяйственныя управленія частей безъ затрудненія могли бы купить все то, что получается теперь въ натурѣ изъ интендантскихъ вещевыхъ магазиновъ, или доставляется подрядчиками. При существующемъ положеніи о полковомъ хозяйствѣ и при коллегіальномъ его управленіи, злоупотребленія едва-ли могли бы имѣть мѣсто. Контролированія отвѣтственныхъ начальниковъ, въ лицѣ бригадныхъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ командировъ, лично заинтересованныхъ въ исправномъ состояніи ихъ частей, служили бы достаточнымъ ручательствомъ противъ всякаго беззаконія. Что же касается расходовъ казны на вещевое довольствіе войскъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они значительно бы уменьшились уже вслѣдствіе того, что затраты на перевозку, укупорку, на содержаніе чиновъ пріемной коммисіи, на ремонтъ магазинныхъ зданій были бы излишни.

Попытки для перехода къ удовлетворенію войскъ вмѣсто вещей и матеріаловъ въ натурѣ деньгами на ихъ пріобрѣтеніе были уже сдѣланы. Изъ отчета видно, что нѣкоторымъ частямъ, на пріобрѣтеніе собственнымъ попеченіемъ суконъ и вещей, по сроку 1887 года, было отпущено 165.288 рублей. Вѣроятно, изъ отчета за этотъ годъ можно будетъ знать, къ какому заключенію и къ какимъ результатамъ привелъ этотъ опытъ.

Въ отдѣлѣ о снабженіи войскъ вещами замѣчательно то, что новобранцы призыва 1886 года получили собственно для нихъ построеннаго обмундированія только 55% годовыхъ вещей и 65% мундирныхъ, все же остальное было взято на нихъ изъ числа вещей, поступившихъ къ зачету, отъ убыли нижнихъ чиновъ въ запасъ. Какую это составило выгоду изъ общей ассигнованной на призывъ суммы—изъ от-

чета не видно. Другой фактъ, обращающій на себя вниманіе, тотъ, что лежавшее въ прежніе годы на гражданскомъ вѣдомствѣ снабженіе новобранцевъ полушубками, въ отчетномъ году, возложено было на обязанности интендантства, которое издержало на это 64.700 руб.; по цѣнамъ же, платимымъ въ 1881 году гражданскимъ вѣдомствомъ за то же количество вещей, это обошлось бы въ 90 тысячъ, то есть, въ полтора раза дороже, тогда какъ цѣны на полушубки съ каждымъ годомъ повышаются.

На измѣненіе взгляда интендантства относительно способа заготовленій посредствомъ обращенія къ производителямъ и покупкою матеріала изъ первыхъ рукъ, наглядно повліяла покупка сапожнаго товара прямо отъ кожевенныхъ заводчиковъ, дѣйствительно занимавшихся этимъ дѣломъ. Къ чести распорядителей этою частью въ интендантствѣ нужно отнести то, что чрезъ подобную мѣру были устранены отъ поставки лица, лишь номинально числящіяся заводчиками, въ сущности же скупщики разнороднаго товара сомнительнаго качества. Не мало содѣйствовало улучшенію этого рода довольствія еще то, что, вмѣсто поставки подрядчиками товара въ раскроенномъ видѣ, введена сдача его цѣлыми чепраками, то-есть цѣлыми серединными частями кожи. Это устранило возможность выдѣленія изъ казенной поставки въ частную продажу лучшихъ и плотнѣйшихъ частей.

Вопросъ объ окончательномъ установленіи формы пѣхотнаго снаряженія, какъ видно изъ отчета [1]), все остается нерѣшеннымъ, такъ какъ образцы 1882 года измѣнены и испытываются въ войскахъ. Вѣроятно, въ отчетахъ слѣдующихъ годовъ будетъ упомянуто о результатѣ этихъ измѣненій.

Заготовленіе провіанта, въ отчетномъ году, обошлось казнѣ 18 милліоновъ 348 тысячъ рублей. По этой операціи подрядный способъ былъ тоже преобладающимъ и составлялъ болѣе 80% всей потребности, тогда какъ въ 1884 году подрядомъ было заготовлено только 65%. Но все-таки видно, что въ отношеніи провіанта, интендантство склоняется на предоставленіе его закупки войскамъ. Въ 1885 г. оно отпустило въ различныя части, въ видѣ опыта, 385 тысячъ, а въ отчетномъ году—уже 780 тысячъ, что составляетъ около 5% всего заготовленія. Подобный опытъ долженъ закончиться въ 1889 году, и тогда выяснится, окажется ли онъ выгоденъ и практиченъ. Подобная передача заготовки провіанта была

[1]) См. стр. 60 отчета интендантской части.

допущена и въ тѣхъ видахъ, чтобы, при застоѣ отпуска хлѣба заграницу, дать землевладѣльцамъ возможность поставлять хлѣбъ прямо въ войска, оживить этимъ сбытъ и отстранить скупщиковъ-монополистовъ отъ участія въ подрядахъ.

Съ цѣлью обсудить этотъ вопросъ при участіи помѣщиковъ-производителей, прошлою зимою, была образована особая коммисія, но, сколько извѣстно, она не пришла къ положительному выводу, хотя въ ней и выяснилось, что крупные хлѣбопромышленники ставятъ провіантъ въ войска за такую цѣну, противъ которой землевладѣльцы-производители не въ состояніи конкуррировать съ ними. Не указываетъ ли это на то, что взявшій подрядъ, скупая хлѣба у крестьянъ малыми партіями, сбиваетъ цѣны до минимума и находитъ возможнымъ извлекать выгоду, практикуя при покупкѣ фальшивую мѣру, или неправильный вѣсъ, а, сдавая провіантъ, пользуется различными ухищреніями лабазничества, на что никто изъ помѣщиковъ не рѣшится. Всѣ подобныя продѣлки кулаковъ-хлѣботорговцевъ, несомнѣнно, болѣе или менѣе отзываются на качествѣ получаемаго войсками хлѣба.

Къ числу нововведеній, по части провіантскаго довольствія, нужно отнести, что въ Вильнѣ, Одессѣ, Варшавѣ и Москвѣ, вмѣсто муки, интендантство заподряжало рожь, которую перемалывало, частью въ частныхъ паровыхъ мельницахъ въ Динабургѣ, Варшавѣ и Москвѣ у извѣстныхъ братьевъ Малкіель, частью же на военныхъ мукомольняхъ крѣпостей: Ивангорода, Бреста и Новогеоргіевска, а также въ Одессѣ и Кременчугѣ. Этотъ перемолъ обошелся казнѣ: на казенныхъ мельницахъ—$33^1/_3$, а на частныхъ—по $62^2/_4$ коп. съ четверти, но отчетомъ не выяснено, приняты ли были при этомъ въ разсчетъ расходы на устройство мукомолень и стоимость содержанія состоящихъ при нихъ людей. Если же перемолъ на частныхъ мельницахъ обошелся почти вдвое дороже, то стоило ли дѣлать имъ заказы.

Въ отдѣлѣ *пищеваго довольствія* замѣчаются два нововведенія: во-первыхъ, заготовленіе, въ видѣ опыта, 60.000 порцій людскихъ галетъ и во-вторыхъ—испытаніе на большихъ маневрахъ у Бреста желѣзныхъ разборныхъ печей, изъ которыхъ была сформирована полевая хлѣбопекарня въ 22 печи. Какой результатъ дала замѣна хлѣба или сухарей галетами и были ли ими довольны нижніе чины—неизвѣстно. О полевой же хлѣбопекарнѣ отчетъ говоритъ, что она дѣй-

ствовала удовлетворительно, но изъ того же отчета мы видимъ, что полевая хлѣбопекарня далеко не могла удовлетворить войска тою пропорціею хлѣба, которая требовалась на Брестскихъ маневрахъ по ихъ числительности, такъ какъ за одинъ подвозъ сухарей, хлѣба и галетъ изъ Вильно, Варшавы и Новогеоргіевска къ сборнымъ пунктамъ отрядовъ, интендантство уплатило 51.700 руб. и при этомъ хлѣбъ оказался полежалымъ и попорченнымъ плесенью[1]).

Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій интендантства по провіантскому довольствію арміи видно, что оно имѣло три спеціально устроенныя хлѣбопекарни въ Вильнѣ, Брестѣ и Варшавѣ, но какая пріобрѣтается отъ нихъ выгода, сравнительно съ тѣмъ, что стоило бы приготовленіе хлѣба и сухарей самими войсками, рѣшить трудно, такъ какъ въ отчетѣ сказано: „отъ приготовленія хлѣба въ трехъ военныхъ пекарняхъ казна на двухъ—Брестъ-Литовской и Виленской—получила 16.165 руб. прибыли, а на Варшавской хлѣбопеченіе обошлось дороже противъ стоимости, еслибы войска исполняли сами эту операцію, на 17.682 руб.“ Но въ устройствѣ военныхъ хлѣбопекарень мы видимъ другую выгоду, именно то, что онѣ, избавляя войска отъ работы, сберегаютъ для строя значительное число людей, которые были бы употреблены на это дѣло.

На довольствіе нижнихъ чиновъ приваркомъ, т. е. на покупку мяса, соли, овощей и другихъ съѣстныхъ припасовъ, отпускались войскамъ, по обычному порядку, приварочныя деньги, по утвержденному для каждой мѣстности годовому окладу на человѣка. Оклады эти, въ зависимости отъ цѣны на мясо, колебались въ отчетномъ году между 12 р. 41 к.—въ Омскомъ округѣ и 40 р. 88 коп.—въ Закаспійской области. Средній же годовой окладъ на каждаго человѣка равнялся 18 р. 6¼ коп., что составило годовой расходъ на всю армію въ 15.105.500 руб., къ которому слѣдуетъ присоединить еще 2 милліона, ежегодно разрѣшаемые въ видѣ добавка къ окладу тѣхъ мѣстностей, для которыхъ это оказывается необходимымъ.

Довольствіе войскъ винными порціями въ 1886 году замѣнено повсемѣстно довольствіемъ чаемъ и сахаромъ въ размѣрѣ 78 золотниковъ чая и 2 ф. 42 золотниковъ сахару на 100 человѣкъ въ день. Только въ мѣстностяхъ Кавказскаго

---

[1]) Отчетъ интендантской части, стр. 45.

военнаго округа, 5-ти отдаленныхъ округовъ и въ Закаспійской области производилось довольствіе винными порціями, съ предоставленіемъ усмотрѣнію ближайшаго начальства замѣны ихъ чаемъ. По вышеприведенному разсчету дневной дачи на 100 человѣкъ, замѣна вина чаемъ стоила 169.800 рублей.

Фуражное довольствіе въ 1886 году обошлось казнѣ въ 16 милліоновъ и 16 тысячъ рублей. Заготовленіе фуража происходило преимущественно съ торговъ, но какъ въ нихъ допущено было участіе войскъ, то и оказалось, что полки взяли на себя, по меньшимъ цѣнамъ, до 73% всей потребности. Не доказываетъ ли это, что участіе подрядчиковъ въ поставкахъ всякаго рода ведетъ къ увеличенію, а не къ уменьшенію расходовъ казны.

Относясь со вниманіемъ къ выставленнымъ въ отчетѣ цифрамъ, замѣчается, что два факта требовали бы болѣе подробнаго объясненія. Извѣстно, что урожай сѣна и соломы въ 1886 году почти повсемѣстно былъ гораздо обильнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ, а между тѣмъ заготовленіе фуража обошлось на 384 тысячи дороже. Затѣмъ разнаго рода расходы по фуражному довольствію показаны въ круглой цифрѣ 600 тысячъ, тогда какъ, сложивъ 441 тысячу, издержанную на травяное довольствіе, съ 80-ю тысячами, выданными на воспособленіе хозяйства кавалерійскимъ частямъ, въ итогѣ получаемъ 521 тысячу. Къ какого же рода расходамъ относятся остающіяся 79 тысячъ—изъ отчета не видно.

Обозъ. Наслышавшись о тѣхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя испытали войска въ минувшую войну, интересующееся всѣмъ, что касается военнаго быта, общество желало бы знать о многомъ, чего не встрѣчаетъ, въ отношеніи перевозочныхъ средствъ, въ разсматриваемомъ отчетѣ. Онъ говоритъ только, что въ 1886 году происходила передача повозокъ прежнихъ типовъ изъ однихъ складовъ и изъ однѣхъ частей въ другія, что, по мѣрѣ поставки повозокъ новаго образца, онѣ распредѣлялись въ войска, что сдѣланъ заподрядъ повозокъ для военно-врачебныхъ заведеній и что войска 8-ми округовъ снабжены недоставленною упряжью. Что же говорятъ эти данныя? Во-первыхъ передача повозокъ изъ однихъ складовъ въ другіе, или распредѣленіе ихъ по войскамъ, не составляетъ предмета дѣятельности, во-вторыхъ, заподрядъ повозокъ, безъ означенія ихъ количества, точно также, какъ и снабженіе сбруею, безъ

указанія—какою именно, не опредѣляютъ въ должномъ свѣтѣ той дѣятельности, на которую указывается. Между тѣмъ интересующимся вопросами о готовности войскъ къ дѣйствію весьма было бы желательно знать, въ какой мѣрѣ признана въ арміи практичность повозокъ новыхъ типовъ, достаточно ли онѣ упрощены для того, чтобы всякое въ нихъ исправленіе, во время похода, могло быть исполнено средствами части; какое количество повозокъ, согласно положенію о полковомъ и дивизіонномъ обозѣ, состоитъ на лицо и сколько ихъ недостаетъ еще до штата, наконецъ, для всѣхъ ли дивизій, которыя будутъ формируемы изъ резервныхъ частей, имѣются обозы въ складахъ. Такъ какъ мы говоримъ о дѣятельности и распоряженіяхъ интендантства за 1886 годъ, то вполнѣ возможно, что въ теченіе двухъ лѣтъ, минувшихъ со времени представленія отчета, всѣ приведенные нами вопросы уже получили должное разрѣшеніе.

Мы позволили себѣ говорить о подъемной части войскъ съ нѣкоторою настойчивостью собственно потому, что по возвращеніи съ кампаніи, въ военной средѣ ни на что такъ не сѣтовали, какъ на несовершенство конструкціи, на „тяжесть, непрочность и громоздскость“, повозокъ того образца, который былъ данъ войскамъ въ 1865 и 1876 годахъ. Между тѣмъ есть данныя предполагать, что типы повозокъ того времени еще существуютъ въ арміи. Но есть и другой слухъ, будто бы тѣмъ частямъ, которыя къ моменту мобилизаціи не успѣютъ получить форменнаго обоза, предоставлено будетъ пріобрѣсти повозки произвольнаго образца. Судя по бывшимъ примѣрамъ, можно предполагать, что эти части будутъ подвижнѣе снабженныхъ форменными повозками, такъ какъ извѣстно, что всѣ полки, бывшіе за Дунаемъ, оставили свои обозы въ сѣверной Болгаріи и обзавелись вьюками или повозками мѣстнаго устройства и только съ ними, переступя Балканы, дошли до Константинополя. Желательно было бы имѣть ручательство, что настоящее устройство обозовъ и заботы интендантства о ихъ усовершенствованіи приведутъ къ инымъ результатамъ, то есть дадутъ войскамъ возможность всегда имѣть подъ руками все то, что полагается возить въ повозкахъ.

Къ числу весьма выгодныхъ для казны операцій интендантства, въ отчетномъ году, относится поставка товариществомъ „Магдональдъ и Суровичъ“ прессованнаго сѣна, въ теченіе десяти лѣтъ, по 36 коп. за пудъ. Въ первый же годъ это распоряженіе дало 24.846 р. прибыли, сравнительно

съ цѣнами, существовавшими въ тѣхъ пунктахъ, куда оно доставлено.

Хотя по всѣмъ главнымъ управленіямъ военнаго вѣдомства существуютъ различные не пополненные начеты, но ни въ одномъ они такъ не велики, какъ въ интендантствѣ. Къ 1 января отчетнаго года они достигли 5.378.548 руб.; къ слѣдующему же году необезпеченныхъ начетовъ считалось 3.155.232 рубля. По всей вѣроятности, большая часть этихъ суммъ относится къ минувшей кампаніи.

Отчетъ интендантской части заканчивается весьма полными свѣдѣніями, касающимися перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою. Изъ нихъ видно, что перевозка войскъ, новобранцевъ и тяжестей производилась по 6 казеннымъ и 50 частнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ и на судахъ 32 пароходныхъ обществъ. Стоимость этихъ перевозокъ въ мирное время кажется громадною, такъ какъ за нихъ, считая и призывъ новобранцевъ, уплачено 2.731.629 рублей.

Артиллерійская часть. Всѣ три казенные оружейные заводы: Тульскій, Ижевскій и Сестрорѣцкій, вѣроятно, вслѣдствіе имѣющихся запасовъ оружія, получили на 1886 годъ весьма умѣренный заказъ и исправно выполнили его. Ими было сдано къ 1 января наступавшаго 1887 года: 70 тысячъ пѣхотныхъ, 10 тысячъ драгунскихъ и 3 тысячи казачьихъ винтовокъ. Только Златоустовская фабрика горнаго вѣдомства оказалась, въ отношеніи исполненія наряда, хотя и болѣе исправною, чѣмъ въ прежніе годы, но, по сдачѣ $37^1/_2$ тысячъ шашекъ, ихъ все-таки за нею осталось въ недодѣлѣ, отъ нарядовъ прежнихъ лѣтъ, до 80 тысячъ. О причинахъ подобной неисправности фабрики въ отчетѣ не упомянуто. Независимо казенныхъ нарядовъ заводамъ, въ видѣ поддержки ихъ дѣятельности, было разрѣшено принимать заказы какъ отъ войскъ, такъ и отъ частныхъ лицъ на охотничьи ружья. Этою мѣрою была достигнута возможность не увольнять, вслѣдствіе незначительности наряда, опытныхъ мастеровъ и рабочихъ ружейнаго дѣла; казна же получила нѣкоторый доходъ, составляющій 10% стоимости всего количества изготовленнаго заводами въ продажу оружія. Но его было заказано всего 1.294 одноствольныхъ и 657 двухствольныхъ ружей, на сумму 26.611 рублей, такъ что весь доходъ казны состоялъ только изъ 2.036 рублей.

Работы Петербургскаго орудійнаго завода, а равно Пе-

тербургскаго, Брянскаго и Кіевскаго арсеналовъ, заключались въ окончательной отдѣлкѣ первымъ 232 орудій и въ изготовленіи послѣдними: 350 лафетовъ, 20 тысячъ различныхъ артиллерійскихъ принадлежностей, запасныхъ частей для полевыхъ батарей и жестяныхъ футляровъ для снарядовъ. Но не всѣ перечисленные предметы были окончены къ сроку. Причины этого происходили частью отъ поздняго доставленія желѣза съ казенныхъ горныхъ заводовъ, частью же вслѣдствіе полученія арсеналами экстреннаго наряда по изготовленію обоза для горныхъ батарей.

Дѣятельность казенныхъ пороховыхъ заводовъ выразилась въ отчетномъ году приготовленіемъ 105.400 пудовъ пороху. Кромѣ того, 15 тысячъ пудовъ было заказано частнымъ пороховымъ заводамъ: Финлянскому „Турна“, Шлюссельбургскому и Екатерининскому (близъ станціи Саблино) каждому по 5 тысячъ пудовъ. Послѣдній изъ нихъ оказался впрочемъ несостоятельнымъ и сдалъ всего 1.800 пудовъ.

Стоимости пороха, изготовленнаго какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ заводахъ, изъ отчета не видно, между тѣмъ, было бы интересно знать, который изъ способовъ пріобрѣтенія выгоднѣе.

Заготовленіе патроновъ производилось на Петербургскомъ патронномъ заводѣ, который сдалъ 60 милліоновъ, и на частномъ, Гилленшмидта въ Тулѣ, приготовившемъ $54^1/_2$ милліона.

Выраженные приведенными цифрами наряды, данные всѣмъ заводамъ и арсеналамъ на 1886 годъ, нельзя считать особенно большими, между тѣмъ изъ отчета видно, что какъ главное, такъ и окружныя артиллерійскія управленія, на удовлетвореніе всѣхъ потребностей артиллерійскаго вѣдомства, сдѣлали различныхъ заготовленій на 5.282.950 руб. и издержали 1.250.000 на прогоны, порціоны и перевозку различныхъ предметовъ.

Въ заключеніе укажемъ на 3 слѣдующіе, заимствованные изъ отчета факта: 1) За отпущенное княжеству Болгарскому въ 1880 году оружіе, патроны и прочее, числится за нимъ, съ разсрочкою до 1890 года, 556.370 рублей. 2) Ни въ одномъ изъ главныхъ управленій военнаго министерства не было столь обильной переписки, какъ въ артиллерійскомъ. 3) Кромѣ своихъ заводовъ артиллерійское вѣдомство продолжало дѣлать заказы заводу Круппа, на которомъ было изготовлено 12 удлиненныхъ полевыхъ мортиръ, находящихся на испытаніи въ батареяхъ Московскаго округа. 4) Тому же заводу заказаны, для опыта, стальные

фугасные снаряды, но въ какомъ количествѣ и на какую сумму—не сказано. Замѣчательно то, что русскій чугунный заводъ въ Тулѣ предложилъ поставлять такіе же снаряды изъ ковкаго чугуна, не уступающіе стальнымъ крупповскимъ, но стоющіе гораздо дешевле. Этому заводу данъ нарядъ ста фугасныхъ снарядовъ для испытанія. Въ виду того интереса, который возбужденъ вооруженіемъ иностранныхъ армій магазинными ружьями различныхъ системъ, желательно было бы знать результаты тѣхъ опытовъ и изысканій, для опредѣленія наилучшей системы, которые производились у насъ; но въ отчетѣ они не указаны.

Введеніе въ крѣпостной артиллеріи электрическихъ приборовъ и начатый въ 1885 году опытъ обученія обращенію съ ними офицеровъ и нижнихъ чиновъ далъ столь удовлетворительные результаты, что на маневрахъ въ Красномъ Селѣ и при вооруженіи форта въ Брестъ-Литовскѣ электрическіе аппараты дѣйствовали вполнѣ удачно, безъ участія постороннихъ техниковъ, а исключительно при офицерахъ и нижнихъ чинахъ крѣпостной артиллеріи.

Вообще изъ отчета артиллерійской части видно, что въ 1886 году ея главное управленіе не мало сдѣлало для усовершенствованія артиллерійскаго дѣла. Такъ, напримѣръ, для доставленія возможности производить мѣткую стрѣльбу по невидимымъ изъ крѣпости пунктамъ непріятельскаго расположенія, испытывался французскій способъ сосредоточенной стрѣльбы по закрытымъ цѣлямъ, для примѣненія его къ нашимъ сухопутнымъ крѣпостямъ. Но какъ для этого требовались новые планы, то сдѣлана провѣрка всѣхъ существующихъ и произведены нивеллированныя работы въ Ивангородѣ и Брестѣ. Кромѣ того, съ цѣлью увеличить бронепробивающую способность нашихъ береговыхъ пушекъ, проектированы одиннадцати и 13½ дюймовыя пушки, длиною въ 35 калибровъ. Ихъ заказано Обуховскому заводу 8, Крупповскому—6 и Пермскому—1. Вѣсъ 13½ дюймовой пушки—5.100 пудовъ, а ея стальной бомбы—39 пудовъ. Наконецъ, на основаніи результатовъ, полученныхъ при изслѣдованіи свойствъ бураго призматическаго пороха, изготовленнаго въ Германіи, на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ былъ изготовленъ образчикъ такого же пороха, и онъ, при произведенной на главномъ артиллерійскомъ полигонѣ стрѣльбѣ, оказался нисколько не уступающимъ германскому.

Инженерная часть. Оставляя въ сторонѣ числительный составъ частей инженернаго вѣдомства, какъ вошедшій

общій итогъ войскъ, указанный въ отчетѣ главнаго штаба, перейдемъ къ числу крѣпостей и зданій, состоящихъ въ завѣдываніи этого вѣдомства. Изъ отчета видно, что Россія имѣла въ 1886 году 16 крѣпостей, изъ которыхъ Ковно и Осовецъ возведены, а Карсъ, Варшава и Брестъ усилены въ настоящее царствованіе.

Укрѣпленій числится 12. Изъ нихъ къ числу возведенныхъ или усиленныхъ въ послѣдніе годы принадлежатъ находящіяся въ вѣдѣніи особыхъ строителей: Николаевскія, Очаковскія, Новгородскія, Ивангородскія, Варшавскія по Вислѣ и Дубненскія.

Зданій, въ крѣпостяхъ и внѣ оныхъ, къ январю отчетнаго года было 20.412; выбыло 419, вновь возведено и перешло отъ другихъ вѣдомствъ 2.207 и затѣмъ къ 1-му января 1887 года, состоитъ 22.200. Произведено строительныхъ работъ на 14.360.602 рубля [1]).

Имѣло ли инженерное вѣдомство какое-либо вліяніе на войсковыя коммисіи, производившія постройку казармъ, изъ отчета не видно; есть только указаніе, что въ 1886 году утверждены правила о способѣ ремонтированія и содержанія казармъ, принимаемыхъ инженерами отъ этихъ коммисій. Это какъ-бы указываетъ, что построенныя войсками казармы будутъ ремонтироваться не ими, между тѣмъ какъ обыкновенный ремонтъ нѣкоторыхъ инженерныхъ зданій найдено болѣе удобнымъ производить хозяйственнымъ распоряженіемъ войскъ. Выходитъ, что одно распоряженіе не согласуется съ другимъ, хотя то и другое касается того же предмета.

Занятія инженерныхъ войскъ по гальванической, телеграфной и минной частямъ состояли въ слѣдующемъ: 1) Въ производствѣ опытовъ надъ дѣйствіемъ пирокселина на каменныя постройки; 2) въ пополненіи запаса крѣпостей различными гальваническими, телеграфными и телефонными принадлежностями и въ устройствѣ военныхъ телеграфовъ и телефоновъ въ крѣпостяхъ; 3) въ разсмотрѣніи и испытаніи различныхъ изобрѣтеній и предложеній, и 4) въ разработкѣ вопросовъ по воздухоплаванію. Независимо отъ этого, во всѣхъ саперныхъ бригадахъ обучали офицеровъ и нижнихъ чиновъ телеграфированію.

Для изученія воздухоплаванія и его примѣненій къ военнымъ цѣлямъ, существуетъ только небольшая кадровая команда, въ составѣ нѣсколькихъ офицеровъ и 30-ти нижнихъ

---

[1]) Въ этомъ числѣ подрядньмъ способомъ на 10.398.695; коммерческимъ способомъ на 2.512.699; наличною покупкою на 1.382.393 р.

чиновъ. Предметами ея занятій были: обученіе фотографіи, обращенію съ телефонами, устройство воздушныхъ шаровъ, наполненіе ихъ газомъ, обращеніе съ аппаратомъ для добыванія водорода, подъемъ на привязныхъ шарахъ и производство съ нихъ наблюденій.

Къ предметамъ, входящимъ въ инженерную часть, кромѣ воздухоплаванія, отчетъ почему-то присоединяетъ и голубиныя почты. Опыты на Брестскихъ маневрахъ надъ спускомъ почтовыхъ голубей были произведены въ столь маломъ размѣрѣ и на такомъ незначительномъ перелетѣ, что изъ нихъ нельзя вывести особенныхъ заключеній.

Что же касается техническихъ изобрѣтеній, разсмотрѣнныхъ инженернымъ комитетомъ, то изъ всѣхъ поступившихъ въ него отъ различныхъ мѣстъ и лицъ предположеній, по усовершенствованію и развитію инженернаго дѣла, отчетъ указываетъ заслуживающимъ вниманія только покрытіе крышъ гальванизированнымъ желѣзомъ, что̀ признано полезнымъ, какъ предохраненіе желѣзныхъ листовъ отъ окисленія. Другое же предположеніе можетъ заслуживать вниманіе только по своей странности,—это замѣна русскихъ бань горячими душами, по системѣ какого-то нѣмецкаго фабриканта Греве. Несмотря на то, что предложеніе было сдѣлано завѣдывающимъ гальваническою частью инженернаго вѣдомства, оно было отклонено.

Военно-медицинская часть. Главное военно-медицинское управленіе, хотя и представило въ своемъ отчетѣ массу статистическихъ данныхъ, но не всѣ приводимыя этимъ отчетомъ числа совпадаютъ съ итогами главнаго штаба, которому числительный составъ арміи долженъ быть лучше извѣстенъ. Такъ, напримѣръ, по медицинскому отчету, къ 1 января 1886 года на дѣйствительной службѣ показано 817.999 человѣкъ; по отчетамъ же главнаго штаба значится 824.762. То же самое должно замѣтить и о числѣ состоящихъ въ запасѣ. За исключеніемъ этого различія, отчетъ военно-медицинской части представляетъ полную и откровенную картину санитарнаго состоянія арміи, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Изъ него видимъ, что въ теченіе отчетнаго года:

заболѣвало на 1000 человѣкъ списочнаго состава 653,4
умерло 7,5,

что̀ доказываетъ какъ заботливость объ уходѣ, такъ и благопріятные результаты лѣченія.

Наибольшее число умершихъ было: въ Петербургскомъ, въ Варшавскомъ и Казанскомъ военныхъ округахъ, менѣе же всего умерло въ Харьковскомъ округѣ.

Выписано неспособными изъ тысячи списочнаго состава 29,62. И въ этомъ отношеніи наиболѣе неспособныхъ оказалось въ Петербургскомъ округѣ, гдѣ приходится на тысячу человѣкъ 45,22, въ Казанскомъ—39,30 и въ Варшавскомъ—36,15. Но такъ какъ часть неспособныхъ, по перечисленіи въ нестроевые и по окончаніи отпуска, возвращается въ ряды войскъ, то невозвратимая убыль, то есть совершенно уволенныхъ изъ службы по слабости здоровья на всю армію, составляла 10,41% общаго числа неспособныхъ.

Самое большее число заболѣвшихъ падаетъ на январь и самое меньшее на ноябрь мѣсяцы; умирало же болѣе другихъ мѣсяцевъ въ мартѣ, апрѣлѣ и ноябрѣ.

Скоропостижно умершихъ было всего 271 и самоубійствъ 147 [1]).

Въ числѣ множества находящихся въ отчетѣ таблицъ укажемъ на слѣдующія: 1) о невозвратной убыли людей по округамъ; 2) о уволенныхъ по неспособности въ отпускъ и отставку; 3) о движеніи болѣзненности и смертности по мѣсяцамъ; 4) сравненіе смертности по третямъ года, и 5) болѣзненность и смертность по родамъ оружія, по дивизіямъ и отдѣльнымъ бригадамъ.

Преобладающею болѣзнью войскъ была перемежающаяся лихорадка, а затѣмъ сифилисъ. Онъ былъ особенно распространенъ въ частяхъ, квартирующихъ въ Западномъ краѣ и въ Поволжьѣ.

Главными причинами заболѣванія въ арміи отчетъ выставляетъ: недостатки казарменныхъ и обывательскихъ помѣщеній, грязные дворы и тѣсноту размѣщенія, сырыя и холодныя казармы, неудовлетворительныя мѣста заключеній, недостатокъ прачешныхъ, бань и даже столовыхъ, во многихъ частяхъ дурныя лагерныя стоянки и заносъ болѣзней отъ населенія.

Хотя въ началѣ настоящей статьи, основываясь на отчетѣ главнаго штаба, и сказано, что 57% арміи расположены въ казармахъ, но главное медицинское управленіе

---

[1]) Самою частою причиною скоропостижной смерти было: утопленіе (116), затѣмъ самоубійство застрѣливаніемъ (85), смерть отъ насилій (58), отъ ушибовъ (25), отъ спиртныхъ напитковъ (17), повѣсилось (40), зарѣзалось (5), отравилось (9) и утопилось (8).

указываетъ, что изъ 345 полковъ и отдѣльныхъ бригадъ только 56 въ среднемъ выводѣ имѣетъ въ своихъ помѣщеніяхъ нормальную ёмкость воздуха, и лишь у 57 объемъ свободнаго пространства превышаетъ $1^1/_2$ кубическія сажени. Затѣмъ около 52 отдѣльныхъ частей по содержанію воздуха подходили близко къ нормѣ; въ остальныхъ же 185 размѣръ свободнаго пространства былъ недостаточенъ. Зимою, особенно съ прибытіемъ новобранцевъ, когда нижніе чины большую часть дня проводятъ въ казармахъ, свободное пространство уменьшается и доходитъ всего 0,57 кубической сажени и въ нѣкоторыхъ частяхъ даже до 0,25 [1]). Тѣснота и недостатокъ воздуха становятся еще ощутительнѣе оттого, что зимою занятія производятся въ жилыхъ помѣщеніяхъ.

Не менѣе вредно, по словамъ отчета, вліяли на здоровье почвенныя и климатическія условія нѣкоторыхъ лагерей, особенно тѣхъ, которые извѣстны уже давно своею лихорадочностью и обиліемъ болотъ [2]). Кромѣ того отчетъ указываетъ, что не только въ лагеряхъ, но и въ мѣстахъ постояннаго расположенія многихъ частей вода была неудовлетворительнаго качества, и это особенно проявлялось въ густо населенныхъ центрахъ, въ районахъ западнаго края, на Кавказѣ и въ Поволжьѣ.

Невыгодное впечатлѣніе производитъ указаніе отчета еще на то, будто бы подготовленіемъ почвы для развитія болѣзней служитъ недостаточное и по качеству, и по формѣ, а нерѣдко и по относительному количеству питаніе солдата [3]). Приведемъ по этому поводу подлинныя слова отчета: „Солдатскій раціонъ, установленный уже давно, при недостаточности приварочныхъ денегъ, становится неудовлетворительнымъ. Не говоря уже о постной пищѣ, даже установленные $^1/_2$ фунта мяса не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительною дачею для человѣка полнаго силъ и поставленнаго въ условія солдатскаго режима".

Не вдаваясь въ подробности дальнѣйшихъ замѣчаній медицинскаго вѣдомства о причинахъ болѣзненности, находимъ, что его доводы слишкомъ строги и не соображены съ неизбѣжными условіями военной службы. Съ несовершенствомъ казармъ, съ тѣмъ, что встрѣчаются мѣстности съ водою дурнаго качества, что въ помѣщеніяхъ войскъ мало воздуха, съ этимъ мы готовы согласиться,

---

[1]) Отчетъ медицинской части, стр. 59.
[2]) Отчетъ медицинской части, стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 61.

хотя и думаемъ, что и это встрѣчается какъ исключеніе, но едва-ли кто-либо, подробно знакомый съ солдатскимъ раціономъ, признаетъ его недостаточнымъ. Если при полуфунтѣ мяса пища оказывается неудовлетворительною, то это происходитъ или отъ хозяйственныхъ упущеній и беззаботности о солдатѣ, или отъ злоупотребленій завѣдующихъ продовольствіемъ. Многіе ли изъ поступающихъ на службу, въ своемъ первобытномъ состояніи, могли пользоваться такою пищею, какую имѣетъ солдатъ; многіе ли изъ нихъ въ домашнемъ быту могли получать ежедневно мясную порцію? Если замѣчается, что большая часть заболѣваній падаетъ на долю новобранцевъ и молодыхъ солдатъ, то правильнѣе отнести это скорѣе къ нравственнымъ, чѣмъ къ матеріальнымъ причинамъ. Мы считаемъ болѣе основательнымъ то мнѣніе, что главною причиною, обусловливающею повышеніе заболѣванія и неспособности къ службѣ, надо считать неудовлетворительный контингентъ новобранцевъ. Изъ отчета видно, что уже много лѣтъ врачи жалуются на все болѣе и болѣе увеличивающійся процентъ новобранцевъ, прибывающихъ съ задатками хроническихъ страданій и настолько истощенными, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ приходится назначать въ неспособные. Виною этого общность положеній и инструкцій для пріема новобранцевъ. То, что переносится уроженцемъ нашихъ сѣверныхъ и великороссійскихъ губерній, не можетъ быть перенесено уроженцами западныхъ окраинъ, представляющими недостаточное физическое развитіе, обусловленное общимъ ослабленіемъ организма въ народѣ, особенно у занимающихся на фабрикахъ.

Изъ особенныхъ способовъ лѣченія, принятыхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ, отчетъ указываетъ:

Лѣченіе водою тамъ, гдѣ для этого были устроены необходимыя приспособленія, чѣмъ особенно отличался Московскій госпиталь, а затѣмъ Виленскій, Петербургскіе—Николаевскій и Семеновскій и въ Варшавѣ Уѣздовскій. Изъ 246 человѣкъ, пользовавшихся въ Московскомъ госпиталѣ водою, выздоровѣло 228, получило облегченіе 17 и не поправился 1.

На минеральныя воды было отправлено 2.426, и самое большее число къ Цѣхоцинскимъ и Старорусскимъ. По успѣшности же лѣченія первое мѣсто занимали Сергіевскія воды. Кумысомъ спеціально пользовались больные только въ Казанскомъ и Омскомъ округахъ, а кефиръ и молоко

употреблялись повсемѣстно, но какіе дали результаты—не указано.

Лѣченіе электричествомъ производилось въ Московскомъ госпиталѣ, имѣющемъ для этого наибольшія средства. Въ немъ же впервые примѣненъ и Пастеровскій способъ лѣченія водобоязни. Всѣхъ лѣчившихся отъ нея было 80 человѣкъ, изъ которыхъ 76 вполнѣ выздоровѣло.

Результаты произведенныхъ въ 1886 году въ госпиталяхъ и лазаретахъ операцій указываютъ на громадные успѣхи нашей военной хирургіи въ послѣднее время, успѣхи тѣмъ болѣе поразительные, что произведена была масса самыхъ трудныхъ и опасныхъ операцій, число которыхъ простиралось до 2.628, изъ которыхъ 2.416 имѣли благополучный исходъ, 102 неблагополучный и 164 неизвѣстный [1]). Какъ на особый фактъ, обратившій на себя вниманіе военной медицины, укажемъ на появленіе въ войскахъ Закаспійской области совершенно новой болѣзни, названной индійскою язвою. Заболѣваніе ею, въ нѣкоторыхъ расположенныхъ тамъ частяхъ, доходило до 80%. Хотя для выясненія причинъ и изысканія мѣръ противъ этой новой болѣзни было командировано на мѣсто особое лицо, а представленный имъ отчетъ заслужилъ одобреніе военно-медицинскаго ученаго комитета, но въ чемъ состоитъ самая болѣзнь и какихъ требуетъ она мѣръ для излѣченія—изъ отчета не видно.

Мы остановились надъ отчетомъ военно-медицинской части нѣсколько долѣе, нежели надъ двумя предшествовавшими отдѣлами, вслѣдствіе его замѣчательной полноты, богатства всевозможныхъ статистическихъ выводовъ и его

---

[1]) Чтобы судить о значеніи сдѣланныхъ операцій, назовемъ важнѣйшія изъ нихъ, съ показаніемъ ихъ числа и благополучнаго исхода.

	всего	*благополучный исходъ*
Ампутацій предплечья, плеча и бедра	136	104
Вылущеніе костей	88	81
Резекцій и выскабливанія костей	488	403
Вскрытій дыхательнаго горла	29	12
Проколъ и разрѣзъ грудной стѣнки	122	77
Разрѣзъ брюшной стѣнки	22	20
Сѣченіе моче-пускательнаго канала	9	7
Операцій надъ расширенными венами	25	21
Глазныхъ операцій	554	553

Вообще на 100 операцій было 90 благополучныхъ исходовъ.

смѣлыхъ указаній на тѣ недостатки, устраненіе которыхъ столь необходимо для улучшенія санитарнаго состоянія войскъ.

Военно-судная часть. Въ 1886 году во всѣхъ военныхъ округахъ, за исключеніемъ трехъ, уже были открыты военно-судебныя учрежденія, образованныя на основаніи военно-судебнаго устава. Только въ отдаленныхъ: Омскомъ, Иркутскомъ и Приамурскомъ округахъ еще существовали суды прежняго устройства, дѣйствовавшіе на основаніи военно-уголовнаго устава 1859 г. Изъ приводимыхъ отчетомъ статистическихъ свѣдѣній о движеніи дѣлъ оказывается, что въ 1886 году всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ находилось въ производствѣ 4.028. Наибольшая ихъ часть принадлежала Кавказскому, Варшавскому и Петербургскому округамъ; наименьшая (172) Кіевскому. Вообще дѣла этого рода имѣли довольно быстрое теченіе, а именно 1.958 дѣлъ производились менѣе мѣсяца, 790—болѣе мѣсяца, а болѣе года—всего 95 дѣлъ. Причины, почему послѣднія требовали столь продолжительнаго времени для разслѣдованія, въ отчетѣ не выставлено. Такъ какъ болѣе одной трети состоящихъ подъ слѣдствіемъ лицъ обыкновенно содержится подъ арестомъ, то нельзя не замѣтить, что причина продолжительнаго содержанія имѣетъ весьма важное, не только служебное, но и нравственное значеніе.

Военно-судныхъ дѣлъ въ отчетномъ году поступило 12.872. Самое большое число ихъ касалось служившихъ въ Кавказскомъ, Варшавскомъ и Виленскомъ округахъ, и самое меньшее въ Казанскомъ округѣ, что объясняется незначительнымъ количествомъ расположенныхъ въ немъ войскъ.

Рѣшено было въ теченіе года 11.636 дѣлъ (изъ нихъ въ публичныхъ засѣданіяхъ 10.927 и при закрытыхъ дверяхъ 709). Самое невыгодное отношеніе преданныхъ суду къ общему списочному состоянію чиновъ, состоявшихъ въ округахъ, падаетъ на Иркутскій округъ (1:35,1), и самое благопріятное принадлежитъ Кавказскому (1:70). Если же брать тѣ же отношенія по родамъ оружія, то выходитъ, что болѣе всего преданныхъ суду было въ артиллеріи (1:37) и менѣе всего въ кавалеріи (1:68); въ мѣстныхъ же войскахъ предавался суду 1 изъ 104.

Свѣдѣнія, касающіяся рода преступленій, указываютъ, что бо́льшая цифра падаетъ на кражи (4.477 случаевъ), а затѣмъ на преступленія, которыя менѣе всего должны бы были повторяться въ военной средѣ, именно за побѣги (2.115); за

нарушеніе воинскаго чинопочитанія и подчиненности судилось 2.022. Не мало было также судимо за нарушеніе воинскаго благочинія и ограждающихъ его постановленій (1.572) и за нарушеніе обязанностей службы въ караулѣ и во время дежурства. Судимыхъ по законамъ военнаго времени былъ только одинъ.

Разсматривая приложенныя къ отчету таблицы о наложенныхъ по суду наказаніяхъ, оказывается, что было приговорено: къ каторжнымъ работамъ безсрочно—18, на срокъ—41, сослано на поселеніе—12, отдано въ дисциплинарные баталіоны и роты—804.

Упомянувъ о дисциплинарныхъ баталіонахъ, слѣдовало бы сказать о нихъ болѣе подробно, но такъ какъ въ январьской и февральской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ былъ тщательно разработанъ вопросъ, въ какой мѣрѣ дисциплинарные баталіоны не соотвѣтствуютъ цѣли своего учрежденія, то мы считаемъ излишнимъ вторично помѣщать въ томъ же журналѣ то, что уже разъ было высказано и доказано, и ограничимся приведеніемъ статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ отчета. Всѣхъ заключенныхъ въ дисциплинарные баталіоны къ началу отчетнаго года было 3.022.

Самое большое ихъ число, по срокамъ службы, падаетъ на прослужившихъ 3, 4 и 5 лѣтъ; по роду же преступленій—1.638 человѣкъ заключены за нарушеніе дисциплины.

Въ Усть-Каменогорскомъ каторжномъ отдѣленіи состояло военныхъ арестантовъ всего 14 человѣкъ, между тѣмъ какъ гражданскаго вѣдомства—36, а потому нѣсколько странно, что означенное заведеніе причислено къ военному вѣдомству. Каторга содержащихся въ немъ состояла: въ хозяйственныхъ занятіяхъ для самихъ же себя, въ мастерствахъ по ремонту помѣщеній, по починкѣ одежды и обуви, въ плетеніи коробовъ и исправленіи телѣгъ. Спрашивается, кто же изъ нижнихъ чиновъ, несущихъ службу, при самомъ похвальномъ поведеніи, не занятъ подобными же работами и гдѣ же тутъ наказаніе? При этомъ еще добавлено, что арестанты занимались работами *съ охотою и старательно*.

Военно-учебныя заведенія. Въ 4-хъ военныхъ училищахъ, 22-хъ кадетскихъ корпусахъ, 4-хъ военныхъ прогимназіяхъ и 4-хъ военныхъ школахъ къ началу 1886 года состояло: юнкеровъ и воспитанниковъ 10.507. Изъ нихъ въ спеціальныхъ классахъ находилось 1.519 и въ общихъ, съ курсомъ реальнаго характера,—7.658; остальные 1.420 были въ прогимназіяхъ и школахъ.

Изъ этого числа было выпущено въ офицеры 695; поступило въ войска на правахъ вольноопредѣляющихся 2 разряда 274 и уволено за неуспѣхи 32 и за проступки 5.

Въ числѣ получившихъ образованіе было дѣтей военнаго сословія: въ спеціальномъ курсѣ 57,79%, въ кадетскихъ корпусахъ 59,47%, остальные принадлежали прочимъ сословіямъ.

Кромѣ того, въ вѣдѣніи главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній находилось: 16 юнкерскихъ училищъ и 20 школъ солдатскихъ дѣтей при полкахъ гвардіи.

Содержаніе всѣхъ военно-учебныхъ заведеній обошлось правительству въ отчетномъ году 5.587.522 рубля. Распредѣляя эту сумму по роду заведеній и числу воспитывавшихся въ нихъ, видимъ, что содержаніе стоило:

Каждаго юнкера Николаевскаго кавалерійскаго училища.	983 руб.
Кадета Финляндскаго кадетскаго корпуса . . .	706 „
Каждаго пажа	654 „
Кадета Николаевскаго кадетскаго корпуса. . .	518 „
Кадета прочихъ кад. корпусовъ	391 „

Столь значительная разница, объяснимая въ отношеніи пажей и кавалерійскихъ юнкеровъ тѣмъ, что первые имѣютъ дворцовую форму, а въ содержаніе вторыхъ входитъ лошадь, дѣлается совершенно непонятною въ отношеніи кадетъ Финляндскаго и Николаевскаго корпусовъ, сравнительно съ другими корпусами.

Можетъ быть, что такая разница была объяснена въ отчетахъ прежнихъ годовъ и имѣетъ свои причины, но если она происходитъ отъ различія отпусковъ на пищу кадетъ, то этого допускать бы не слѣдовало, а между тѣмъ извѣстно, что въ отношеніи стола ни одно заведеніе не можетъ конкуррировать съ Николаевскимъ кадетскимъ корпусомъ. Могутъ сказать, что тамъ всѣ кадеты своекоштные, и вносимая ими плата настолько велика, что допускаетъ это. Но не лучше ли брать меньше, чѣмъ развивать въ дѣтяхъ невольно зарождающуюся зависть, или возбуждать толки и жалобы на свое заведеніе? Разъ, что мальчики подчинены однимъ и тѣмъ же требованіямъ по воспитательной и учебной частямъ, однимъ и тѣмъ же гигіеническимъ и дисциплинарнымъ условіямъ, матеріальное ихъ содержаніе должно быть одинаково.

Этимъ мы покончимъ съ статистическою частью отчета, такъ какъ далѣе идутъ обычныя указанія процентнаго содержанія къ общему числу: по происхожденію, по вѣроисповѣданію, по возрасту, по платѣ за содержаніе. Что же касается учебно-воспитательной части, то въ отчетѣ говорится только то, что было объявлено въ приказахъ по военному вѣдомству. Что же касается особыхъ распоряженій, то между ними укажемъ: 1) на учрежденіе новаго положенія и штата для кадетскихъ корпусовъ и 2) о преобразованіи Александровскаго кадетскаго корпуса, учрежденнаго исключительно для экстерновъ, въ заведеніе для интерната.

Въ отношеніи учрежденнаго въ 1886 году новаго положенія о кадетскихъ корпусахъ и одновременно отпечатанной съ нимъ инструкціи по воспитательной части, замѣтимъ, что военно-учебныя заведенія съ 1848 года руководствовались „Наставленіемъ для образованія воспитанниковъ“, составленнымъ Я. И. Ростовцевымъ, по указаніямъ Великаго Князя Михаила Павловича, и что лучшей инструкціи для военно-нравственнаго воспитанія будущихъ офицеровъ желать трудно.

Когда совершилось переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса, всѣ ожидали, что послѣдуетъ полное ихъ преобразованіе и что военно-учебныя заведенія возвратятся къ прежнему своему режиму, съ тѣмъ, чтобы съ дѣтства пріучать кадета къ безусловной и точной исполнительности, къ перенесенію трудовъ, сообразныхъ возрасту, къ признанію и уваженію старшинства, однимъ словомъ, ко всему тому, что составляетъ главныя основы военной службы и достоинства военнаго званія. Но найдено было необходимымъ оставить многое въ томъ же видѣ, какъ было въ гимназіяхъ и вести преобразованіе слабыми попытками измѣнить кое-что въ прежнемъ направленіи. Одни находили, что такъ и слѣдовало; другіе, болѣе преданные стройному порядку и помнившіе, чѣмъ были кадетскіе корпуса прежняго времени, сѣтовали на медленность, но все-таки надѣялись, что дѣло будетъ доведено до конца. Эти надежды усилились, когда въ обществѣ узнали, что двумъ старшимъ классамъ дана ротная организація, выданы ружья и что корпуса будутъ ходить въ лагерь. Почему же надѣялись, почему желали этого? Потому что слышались, да и теперь еще слышатся, жалобы на ослабленіе въ офицерскихъ обществахъ духа товарищества и единства. Эти важнѣйшіе элементы нравственной силы и связи могутъ быть возстановлены только тѣмъ, если кадетъ будетъ кончать свое воспитаніе тамъ же,

гдѣ оно началось. Переводъ изъ корпуса въ военныя училища, необходимый для гимназиста, въ смыслѣ военнаго воспитанія, совершенно не нуженъ для кадета. Онъ-то и порождаетъ ту рознь, которая ощущается въ военной средѣ. Явленіе вполнѣ понятное, такъ какъ въ училище стекаются молодые люди разныхъ корпусовъ, между ними нѣтъ ничего общаго, ихъ ничто не связываетъ между собою, они переходятъ туда, гдѣ ихъ никто не знаетъ. Два года, проведенные въ зрѣломъ возрастѣ въ стѣнахъ училища, не сдѣлаютъ, въ смыслѣ товарищества и любви къ заведенію, того, что дѣлаетъ 5 лѣтъ жизни въ дѣтскомъ возрастѣ, въ стѣнахъ корпуса.

Оставлять корпуса въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, значитъ останавливаться на полудорогѣ. Возьмемъ для примѣра хоть то, что въ образовавшейся изъ старшаго класса ротѣ утверждены званія унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, званія, облеченныя извѣстными правами и и властью, имѣющія по закону опредѣленныя обязанности и отвѣтственность, какъ и было въ прежнихъ корпусахъ. Какую же отвѣтственность и обязанность имѣютъ теперешніе кадетскіе унтеръ-офицеры? Никакихъ,—а это уже измѣняетъ понятіе о томъ значеніи, какое имѣетъ унтеръ-офицерское званіе въ войскахъ. Между тѣмъ какъ отвѣтственность за своихъ подчиненныхъ и за свою часть должна быть въ основѣ служебныхъ правилъ того, кто готовится быть офицеромъ. Въ возрастѣ, когда кадетъ переводится въ военное училище, уже поздно пріучаться къ этому. Если лучшихъ кадетъ отличаютъ унтеръ-офицерскими нашивками, то необходимо возложить на нихъ извѣстныя обязанности и отвѣтственность и установить опредѣленную къ нимъ подчиненность.

Вотъ мысли, которыя мы желали высказать, съ надеждою найти въ отчетахъ слѣдующихъ годовъ болѣе ясныя указанія на то, что начатое въ 1882 году преобразованіе не ограничится тѣмъ, что сдѣлано до сего времени и что кадетскіе корпуса не останутся въ теперешнемъ, какъ бы переходномъ положеніи, а возвратятся къ тому вполнѣ военному воспитанію и къ тѣмъ традиціямъ, которыя въ теченіе полутора столѣтія давали Россіи составъ офицеровъ вполнѣ надежныхъ, въ которыхъ вѣровалъ и солдатъ, и фельдмаршалъ, вѣровало и общественное мнѣніе.

Казачьи войска. Послѣднимъ отдѣломъ отчета военнаго министерства за 1886 годъ поставленъ отчетъ главнаго управленія казачьихъ войскъ. Многое высказанное въ немъ интересно не только въ военномъ, но и въ общественномъ

смыслѣ, такъ какъ даетъ понятіе о томъ громадномъ преимуществѣ, которое имѣетъ Россія передъ другими государствами, обладая 10-ю областями, населенными казачьимъ сословіемъ [1]), обязаннымъ по штатамъ выставлять 830 конныхъ и 70 пѣшихъ сотенъ, что составляетъ 158.968 человѣкъ и 152.965 лошадей. Къ 1-му января 1887 года въ казачьихъ войскахъ состояло по спискамъ: 3.742 генерала, штабъ- и оберъ-офицера, 292.134 казаковъ и 436.925 лошадей.

Эти числа указываютъ, что, въ случаѣ надобности, за исключеніемъ неспособныхъ и уволенныхъ за денежное вознагражденіе, казачьи войска могутъ выставить, кромѣ штатнаго числа, еще 136.786 человѣкъ и 283.940 лошадей. Несмотря на значительность этихъ цифръ, онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ силъ населенія и составляютъ только 3,8% всего войсковаго населенія мужескаго пола.

Служивый составъ казаковъ распредѣляется на 3 разряда: *приготовительный*—срокъ службы 3 года, *строевой*—12 лѣтъ и *запасный*—5 лѣтъ, а всего 20 лѣтъ обязательной службы, въ возрастѣ отъ 18 до 38 лѣтъ. Этому подчиняются всѣ области, исключая Уральской, гдѣ практикуется своеобразный, особый отъ другихъ войскъ способъ отправленія воинской повинности, называемый *наемкою*. Въ сущности, это ни-

---

[1]) Состоящіе въ вѣдѣніи военнаго министерства казачьи области образуютъ слѣдующія войска, съ народонаселеніемъ войсковаго сословія:

1) *Донское*, составляющее отдѣльную область, раздѣленную на 6 военныхъ и 2 гражданскихъ округа (народонаселеніе 898.997).

2) *Кубанское*, поселенное въ Кубанской области Кавказскаго края, имѣетъ 3 военные отдѣла (582.562).

3) *Терское*, въ Терской области того же края, имѣющее 2 отдѣла (145.657).

4) *Астраханское*, расположенное въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ, съ запасными землями въ Самарской, и раздѣленное на 2 отдѣла (24.551).

5) *Оренбургское*—входитъ въ составъ Оренбургской губерніи и имѣетъ 3 отдѣла (313.675).

6) *Уральское*, въ Уральской области, съ 3 отдѣлами (99.238).

7) *Сибирское*, расположенное въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и въ Томской губерніи степнаго генералъ-губернаторства и имѣетъ 3 отдѣла (101.327).

8) *Семирѣченское*—находится въ Семирѣченской области и составляетъ 1 отдѣлъ (21.817).

9) *Забайкальское*, въ Забайкальской области Приамурскаго края, дѣлится на 4 отдѣла (161.660).

10) *Амурское*, расположенное въ Амурской и Приморской областяхъ, имѣетъ 3 округа (21.935).

что иное, какъ вербовка казаковъ-охотниковъ на денежный сборъ, которымъ облагается все населеніе Уральскихъ казаковъ. Изъ отчета видно, что вся операція по найму на службу въ 1885 году обошлась войску въ 300 тысячъ рублей, причемъ каждый поступившій охотникомъ въ полевые полки получилъ отъ 250 до 300 рублей.

Обходя таблицы, указывающія, въ какомъ порядкѣ стоятъ области казачьихъ войскъ въ отношеніи служиваго состава къ населенію и числа неспособныхъ или увольняемыхъ отъ службы за денежное вознагражденіе въ пользу войсковыхъ и станичныхъ суммъ, замѣтимъ, что самое большое число таковыхъ падаетъ на Донское войско, гдѣ оно составляетъ 14 проц. служиваго состава, а это, по словамъ отчета, слѣдуетъ приписать или развитію болѣзней въ этомъ составѣ, или слабости организма въ населеніи вообще.

Обращаясь къ народонаселенію, живущему на войсковыхъ территоріяхъ, видимъ, что собственно войсковаго сословія къ 1886 г. было 2.370.919, всѣхъ же сословій 3.510.098. Одна изъ вѣдомостей указываетъ на фактъ, что въ отчетномъ году громадное число родившихся въ невойсковомъ сословіи Донской области, превышающее число младенцевъ войсковаго сословія, заставляетъ предполагать, что постороннихъ лицъ, постоянно живущихъ въ этой области, по крайней мѣрѣ на 100 тысячъ больше, чѣмъ показывается по отчетамъ.

Въ отношеніи религіи замѣчается, что между населеніемъ казачьихъ областей довольно много раскольниковъ, въ числѣ которыхъ: непріемлющихъ священства 52.711, молоканъ и духоборцевъ 3.703; іудействующихъ 1.522 и другихъ сектъ 224. Въ отношеніи къ войсковому сословію ихъ больше всего въ Донскомъ, Уральскомъ и Оренбургскомъ войскахъ.

Землевладѣніе въ казачьихъ территоріяхъ основано на различныхъ мѣстныхъ условіяхъ и обычаяхъ. Даже общее количество земли опредѣлено только въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, гдѣ была произведена инструментальная съёмка, а таковая, до 1887 года, была исполнена только въ Донскомъ, Терскомъ, Астраханскомъ, Уральскомъ и отчасти въ Сибирскомъ войскѣ. Вообще же всѣ земли, принадлежащія казачьему сословію, дѣлятся на *войсковыя*, *станичныя* и *частныхъ лицъ*, но Уральское войско и въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, такъ какъ въ немъ не существуетъ раздѣленія земель на войсковыя и станичныя. Состоя изъ двухъ общинъ,—Уральской и Илецкой,—войско это пользуется землею сообща, хотя между количествомъ земли, приходящейся на душу мужскаго населенія, въ Илецкихъ и Уральскихъ станицахъ

существуетъ громадная разница. Въ первыхъ приходится отъ 19 до 46 десятинъ, тогда какъ во вторыхъ 160 десятинъ на душу. Такой земельный просторъ далъ возможность развиться въ этой области обширному скотоводству. Впрочемъ, въ 1886 году, и въ Уральскомъ войскѣ положенъ предѣлъ безплатному пользованію землею сверхъ установленной нормы, и извѣстная часть пахатной земли обложена пошлиною въ пользу войсковыхъ доходовъ.

Въ Семирѣченскомъ войскѣ пользованіе землею временное, такъ какъ тамъ не рѣшенъ еще вопросъ о нормѣ душеваго надѣла. Въ Кубанскомъ и Забайкальскомъ войскахъ еще не опредѣлена внѣшняя граница областей и въ послѣднемъ земли состоятъ въ распоряженіи станичныхъ обществъ. Но оригинальнѣе всего право землевладѣнія въ Амурскомъ войскѣ. Тамъ, по словамъ отчета, трудно даже приблизительно опредѣлить общее пространство войсковой земли, а предоставлено каждому поселку, въ видѣ временной мѣры, пользоваться землею на 8 верстъ въ обѣ стороны по берегамъ Амура и Уссури и по 10 верстъ въ глубь.

Такъ называемыя частныя земли, во многихъ казачьихъ войскахъ, составляютъ уже потомственную собственность, которая при продажѣ переходитъ къ лицамъ и неказачьяго сословія и въ томъ числѣ: къ нѣмцамъ, молоканамъ и даже евреямъ, или отдается имъ въ аренду. До какой,—можно сказать, безобразной—дешевизны доходитъ арендная плата за десятину земли, сдаваемой войсками, можно судить по слѣдующему: въ Донскомъ войскѣ—за 68 копѣекъ, въ Астраханскомъ—за 33, въ Семирѣченскомъ—за 27, въ Терскомъ—за 21, въ Оренбургскомъ—за 14, и въ Сибирскомъ—за 2; только въ одномъ Кубанскомъ войскѣ земля отдается въ аренду за 1 р. 98 коп. съ десятины. Несмотря на это, громадность пространства земель повсюду такова, что даже Сибирское войско выручило въ 1886 году за аренду его земель 32.057 рублей.

На занимаемыхъ казачьимъ сословіемъ территоріяхъ развиты слѣдующіе промыслы:

1) *Хлѣбопашество*—дающее наилучшіе урожаи въ Уральскомъ, Семирѣческомъ и Кубанскомъ войскахъ.

2) *Табаководство*—имѣетъ значеніе въ земляхъ Кубанскихъ казаковъ, гдѣ оно принимаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее развитіе. Въ Донскомъ, Сибирскомъ и Семирѣченскомъ войскахъ его можно считать только въ зародышѣ.

3) *Рыболовство и звѣроловство*. Первое доставило наиболь-

шій доходъ уральцамъ (3 милліона); затѣмъ кубанцамъ (461.800 и донцамъ (172.310). Звѣроловствомъ занимаются Забайкальскіе казаки въ лѣсахъ Яблоноваго хребта и Байкальскихъ горъ, производя ловлю пушнаго звѣря, какъ-то: медвѣдей, изюбра, лисицъ, рыси и соболей; затѣмъ Амурскіе казаки пріобрѣли звѣроловствомъ до 48 тысячъ, а въ Семирѣческомъ войскѣ эта промышленность совершенно устрачиваетъ свое значеніе.

4) *Пчеловодство*—развито въ Кубанскомъ, Донскомъ и Терскомъ войскахъ, изъ которыхъ въ первомъ считается до 107 тысячъ ульевъ, и, несмотря на это, оно, по словамъ отчета, замѣтно падаетъ сравнительно съ тѣмъ, что было прежде.

5) *Скотоводство*— составляетъ главный источникъ богатства наронаселенія всѣхъ казачьихъ территорій. Наибольшее число лошадей находится въ войскѣ Донскомъ (437.890), а затѣмъ въ Оренбургскомъ (223.927). Рогатаго скота въ Донскомъ войскѣ считается болѣе $1^1/_2$ милліоновъ головъ, а въ Кубанскомъ почти милліонъ. Овцеводство процвѣтаетъ въ Донскомъ ($3^1/_2$ милліона), Кубанскомъ (2 милліона) и Уральскомъ (672 тысячи) войскахъ. Въ послѣднемъ и Забайкальскомъ войскѣ содержится по нѣсколько тысячъ верблюдовъ.

6) *Добываніе соли* — производилось въ самомъ большомъ размѣрѣ въ Уральскомъ войскѣ (1 милліонъ пуд.) и затѣмъ въ Донскомъ.

7) *Горный промыселъ* состоитъ въ добываніи каменнаго угля и нефти, а также въ незначительномъ количествѣ желѣзной руды. Развитіе каменноугольной промышленности каждогодно возрастаетъ; въ теченіе послѣднихъ 22 лѣтъ она увеличилась въ 8 разъ; это видно изъ того, что въ 1864 г. было добыто 8 милліоновъ пудовъ, а въ 1885 году уже 62 милліона.

Нефтяные источники Кубанскаго войска имѣютъ на Кубани то же значеніе, что залежи каменнаго угля на Дону. Къ сожалѣнію, всѣ эти источники сданы войсковымъ управленіемъ въ аренду французской компаніи, до 1892 года за 25 тысячъ въ годъ. Нефть добывается, но въ меньшемъ размѣрѣ, и въ Терскомъ войскѣ, получающемъ за нее ежегодной аренды всего 12.500 рублей.

Территорія Оренбургскаго войска содержитъ нѣкоторыя минеральныя богатства, какъ-то: золотыя розсыпи, мѣдную и желѣзную руды и каменный уголь. Содержащіе золото участки находятся въ распоряженіи казны, сдающей ихъ

желающимъ отъ себя, за что она и платитъ въ войсковой доходъ 42 тысячи рублей.

Войсковые капиталы. Расходъ на общественное управленіе и благоустройство казачьихъ войскъ покрывается ихъ собственными доходами, которые, главнымъ образомъ, получаются: а) отъ оброчныхъ статей; б) отъ процентовъ съ разныхъ капиталовъ; в) изъ вспомоществованій государственнаго казначейства за отошедшіе въ казну сборы: по праву торговли, по акцизу съ питей и взамѣнъ ископаемыхъ богатствъ Оренбургскаго округа; г) вспомоществованіе казны казакамъ восточной Сибири, неимѣющимъ средствъ для покрытія своихъ расходовъ; д) отъ пошлинъ съ каменноугольныхъ копій, съ солянаго промысла и съ ярмарочныхъ помѣщеній, и е) отъ сбора съ казаковъ за увольненіе отъ воинской повинности.

По отчету за 1886 годъ наибольшій капиталъ имѣло войско Донское (9.952.340)), затѣмъ Кубанское (5.262.462), потомъ Оренбургское (1.700.100), за нимъ Уральское (1.556.016), Астраханское (737.304) и наконецъ Семирѣченское (198.169).

Въ вѣдомости доходовъ встрѣчается еще одинъ, о которомъ не упомянуто въ вышеприведенномъ перечнѣ,—это доходъ отъ продажи лѣсовъ, несмотря на то, что почти всѣ казачьи территоріи, кромѣ Кавказа и Урала, состоятъ изъ степныхъ пространствъ; лѣсной доходъ далъ въ 1886 году: Донскому войску 81.595 рублей и Оренбургскому 52.961. Въ Кубанскомъ, Терскомъ и Сибирскомъ войскахъ онъ совершенно ничтоженъ, а въ прочихъ вовсе не показанъ.

Судя по отчету, нельзя сказать, чтобы войсковыя администраціи прилагали особенную заботливость о народномъ здравіи. Кромѣ Донскаго и Кубанскаго войскъ число больницъ въ остальныхъ крайне ничтожно. Что же касается врачей или фельдшеровъ, то ихъ меньше тамъ, гдѣ больницъ больше, напримѣръ, въ Кубанскомъ войскѣ ихъ приходится по одному на 5.525 душъ мужскаго пола и въ Донскомъ—по одному же на 4.105 душъ, а гдѣ меньше больницъ или вовсе нѣтъ ихъ, тамъ оказывается одинъ врачъ или фельдшеръ на 455 человѣкъ,—какъ, напримѣръ, въ Астраханскомъ войскѣ.

Въ заключеніе сдѣланныхъ нами выводовъ изъ отчета казачьихъ войскъ остается сказать о состояніи въ нихъ въ 1886 году народнаго образованія. Какъ видно изъ введенныхъ въ текстъ таблицъ, на учебную часть отпускаются средства изъ трехъ источниковъ: отъ казны, изъ войсковыхъ доходовъ и изъ земскихъ суммъ. Наиболѣе тратятъ

на это дѣло тѣ войска, гдѣ болѣе народонаселенія. Такъ, напримѣръ, Донскому войску народное образованіе обходится въ общемъ 795.349 р. на 1 милліонъ 600 тысячъ общаго населенія, но если взять, сколько приходится расхода по тому же предмету на каждую душу обоего пола, то первенство принадлежитъ Астраханскому войску, въ которомъ затрачивается по 1 р. 15 коп. на душу, въ Донскомъ же только по 48 копѣекъ, что̀ можно принять среднимъ расходомъ остальныхъ войскъ, исключая Забайкальскаго, гдѣ расходъ на народное образованіе выражается слишкомъ скромною цифрою 7 копѣекъ на душу.

Сводъ разсмотрѣнныхъ нами свѣдѣній, по различнымъ отраслямъ военнаго управленія, заканчивается краткими отчетами главныхъ военно-кодификаціоннаго и госпитальнаго комитетовъ, но какъ въ нихъ заключаются только данныя, вошедшія въ другіе уже разсмотрѣнные нами отдѣлы, то мы и не касаемся этихъ отчетовъ.

Подробное разсмотрѣніе отчета военнаго министерства еще впервые является на страницахъ „Русскаго Вѣстника“, со времени его основанія. Нельзя не признать такія свѣдѣнія весьма важными для всѣхъ, кто интересуется состояніемъ нашихъ вооруженныхъ силъ. А кто же, въ виду настоящихъ политическихъ колебаній и общаго стремленія всѣхъ государствъ къ усиленію своихъ боевыхъ средствъ, можетъ не интересоваться этимъ?

***

МОЛЕНЬЕ ВѢТРУ.

(Изъ быта мурманскихъ поморовъ).

I.

Въ темной, грустной, безличной необъятности осенней ночи сѣвернаго поморья тонкою желтенькою полоскою только-что обозначился востокъ. Полоска свѣта все росла, удлинялась, становилась лентою, все краснѣе, выше и шире и по мѣрѣ того какъ заревой свѣтъ отвоевывалъ себѣ въ небѣ все бо̀льшую и бо̀льшую площадь, отвѣсныя скалы мурманскаго берега, на ихъ тысячеверстномъ протяженіи отъ Норвегіи до Святаго Носа и дальше, въ глубь Бѣлаго моря, по его западной окраинѣ, проступали все яснѣе и яснѣе. Онѣ тоже тянулись лентою, но только темною, каменною, неподвижною, тогда какъ небесная заря противупоставляла имъ ленту свѣта подвижную, живую, быстро уширяющуюся, какъ бы кѣмъ-то рисуемую; она, эта лента зари, могла бы на этотъ разъ, какъ это здѣсь часто бываетъ, и вовсе не появляться, еслибы не случилось на небѣ, со стороны востока, прогалины въ тучахъ, тогда какъ темная лента мурманскихъ скалъ на этой окраинѣ русской земли неизмѣнна отъ вѣка.

При первомъ зарожденіи дневнаго свѣта встрепенулся на мурманскомъ побережьи прежде всего его пернатый міръ. Закричали неисчислимыя чайки, гагары, утки, нырки, лебеди и буревѣстники и, слетая одни за другими міріадами, словно свѣваемыя вѣтромъ, со всѣхъ выступовъ, изо всѣхъ щелей прибрежныхъ гранитовъ, налегли, каждая посвоему, на воду. Одни изъ нихъ потянули стремглавъ въ прояснявшуюся даль, другіе закружились широкими кольцами на мѣстѣ, третьи, то взвиваясь отвѣсно, то перепархивая на недалекія разстоянія, толпились вдоль ближнихъ

утесовъ, не отваживаясь далѣе, четвертые сѣли на воду, а тяжелый глупышь только слетѣлъ со скалы на ближній песокъ побережья и снова сѣлъ и будто уснулъ. Во всемъ сказались особые характеры.

Осенній день воцарялся.

Но еще раньше пернатыхъ проснулись женщины по очень немногочисленнымъ прибрежнымъ деревнямъ и поселкамъ кандалакскаго побережья, только этого не было такъ замѣтно—женщины закопошились въ домахъ своихъ. Закопошились онѣ потому, что эти дни поздней осени важные для нихъ дни, а именно: возвращались къ нимъ одни за другими поморы съ дальнихъ промысловъ,—мужья, отцы, дяди, сыновья и братья. И это было не простое возвращеніе послѣ разлуки, длившейся все лѣто,—нѣтъ, это было возвращеніе, полное самыхъ трепетныхъ, самыхъ потрясающихъ неожиданностей. На безконечныхъ протяженіяхъ тѣхъ мѣстъ нѣтъ ни торныхъ путей, ни обыкновенной почты, ни телеграфовъ, и вѣсть о погибели того или другаго суденышка, того или другаго человѣка можетъ не придти къ его семейству до самой зимы. Съ подобными условіями возвращенія „своихъ“ людей „баламóнить“ — шутить, „басалáить“—повѣсничать—не приходится, и вотъ почему всѣ домашнія хозяйства или, по-здѣшнему, „обрядни“, въ лицѣ ихъ хозяекъ зашевелились ранымъ рано, ранѣе пернатыхъ просыпавшагося поморья.

По мѣрѣ того, какъ разжижалась свѣтомъ темень небесная, меркли огоньки въ окнахъ поселка, ясно обозначавшіе въ ночи его широкое протяженіе.

Проснулась раньше другихъ, а то, пожалуй, и совсѣмъ не спала — Марѳа, бездѣтная жена помора Еремы, баба молодая и красивая. Вотъ уже пятую осень встрѣчаетъ она, вмѣстѣ съ другими женщинами, возвращающихся; никогда не встрѣчала она Ерему съ радостью, какъ-то встрѣтитъ она его теперь, когда полюбила другаго?

Да и какъ не любить этого другаго? И другія его любятъ. Когда онъ, этотъ другой, Петръ по имени, раннею весною захилѣлъ въ лютой болѣзни, такъ что не только на промыселъ выйти не могъ, но всему поселку „блазнило“ — мерещилось, что смерть его возьметъ, у дѣвокъ только и рѣчи было, что о немъ. Возвратилось, наконецъ, здоровье, но Петру нечего было и думать идти на дальніе промыслы; гдѣ за ними угонишься, когда промышленниковъ уже съ апрѣля мѣсяца по океану разбросало? Оставалось Петру одно—береговая ловля; выходилъ онъ въ море недалеко, по

сосѣдству, много разъ возвращался и опять уходилъ, а одна изъ дѣвушекъ, Агафья, та всегда его раньше другихъ встрѣтитъ, да и смотритъ, смотритъ, глазъ съ него не сводитъ, а когда удастся, такъ и ласковымъ словомъ подаритъ.

Не слушаетъ Петръ этихъ словъ, не хочетъ видѣть этихъ взглядовъ, потому что все его помышленіе къ бѣдной Марѳѣ ластится, будто струя морская берегъ облюбовываетъ и, то лазурью отливаетъ, когда тихо, то пѣнистымъ буруномъ бьетъ, если мысль о суровомъ мужѣ ея къ другимъ мыслямъ примѣшается.

А возвратится Ерема, пожалуй, сегодня. Что-то будетъ? Что-то случится?

Еще вчера рѣшено было бабами, что, для обезпеченія благополучнаго возвращенія промышленниковъ, нужно имъ „вѣтеръ молить“, потому что за послѣднее время дуетъ онъ все не оттуда, откуда желательно; съ сѣвера бы ему холодомъ дохнуть и пригнать шняки поморскія къ тихимъ пристанямъ, а онъ, то и дѣло, по звѣздѣ ходитъ, никакой прочности нѣтъ въ немъ.

По-своему ожидаетъ возвращенія мужа Марѳа.

Поморскій домъ — двухъ-этажный, деревянный и по внѣшности своей, по бѣлымъ занавѣскамъ у оконъ, по окладамъ образовъ, по мебели, и, въ особенности по дивану съ деревянною спинкою и ручками, богъ вѣсть откуда сюда попадающему, но обязательному въ мало-мальски достаточномъ хозяйствѣ, всегда, почти, обманываетъ въ мысли о достаткѣ хозяина. Хозяинъ всегда бѣднѣе чѣмъ можно судить по обстановкѣ, и въ особенности, по одѣяніямъ женской половины семьи.

Много и у Марѳы жемчуговъ на кокошникахъ; хороши ея сарафаны тяжелыхъ шелковыхъ тканыхъ матерій, прошитые золотою и серебряною нитью, сложенные одинъ на другомъ въ длинномъ зеленомъ, разными фигурками раскрашенномъ сундукѣ. Круглыя, пузырчатыя, финифтяныя пуговицы одного изъ сарафановъ, несомнѣнно старо-венеціанской работы, торговалъ, какъ-то, баринъ-англичанинъ, пріѣзжающій сюда чуть не ежегодно на рыбную ловлю, но Марѳа ихъ не продала. Сундукъ съ сарафанами также необходимая принадлежность въ достаточномъ поморскомъ домѣ, какъ диванъ,самоваръ и занавѣски.

Еще недавно перебирала Марѳа сарафаны, одѣвала ихъ и становилась передъ зеркаломъ, одна одинехонька. Какъ ни плохо было зеркало нижегородской работы, съ непо-

движною рябью по стеклу, но все-таки оно служило, и Марѳа, невольно поглядывая на себя, думала:

— Пригожа, нечего сказать, пригожа! но вѣдь и Агафья тоже пригожа! ея темныя, хитрыя очи лучше, видно, моихъ, сѣрыхъ... Злая она дѣвка, ехидная, но за то въ себѣ совсѣмъ свободна... а я? я нѣтъ.

И вились черныя мысли въ головѣ Марѳы, и все ей казалось, что, вѣдь, можетъ же лгать и Петръ, что если онъ ей теплое слово говоритъ, цѣлуя—такъ это только для отвода... умнѣй ея Агафья „сквилить“ —насмѣхаться—мастерица, и это Марѳа очень хорошо знаетъ. И какъ это Агафья ей насмѣшливо вчера вечеромъ сказала:

— А вѣтеръ молить прійдешь, Марѳушенька?

— Приду, отвѣтила ей сквозь зубы Марѳа, и защемило ея сердце, защемило глубоко. И не надо было ей быть такой слущенной....

Теперь при близости возвращенія, тяжесть налегла на душу еще сильнѣе, Марѳа вовсе не ложилась спать. Такъ темна и непроглядна эта завершающаяся ночь, а что же будетъ въ долгое зимнее время, когда эта ночь станетъ на цѣлыхъ три мѣсяца и все надо быть съ нимъ, съ этимъ суровымъ Еремой, тутъ, въ этомъ домѣ, съ глазу на глазъ. Порою, правда, соберутся сюда на вечерницу, пѣсни будутъ пѣть, плясать, но вѣдь потомъ еще хуже, опять всѣ по домамъ разойдутся и опять Ерема, опять съ нимъ, опять безконечная ночь; вся жизнь сосредоточится въ стѣнахъ немилаго дома, потому что въ глубокую темень трехъ мѣсяцевъ что же можетъ значить улица? О, какъ знакомы Марѳѣ эти скучныя стѣны. Вотъ то мѣсто на стѣнѣ, противъ кровати, гдѣ виситъ мужнина шапка; какъ часто мерцала эта бѣлая стѣна полуночнымъ розовымъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія и чернѣла другая его шапка—треухъ, шитый изъ оленьяго мѣха съ тремя отгибающимися на уши и на затылокъ отворотами; огромный треухъ, необходимый въ морѣ.

Пріѣдетъ Ерема съ промысла, одѣнетъ снова вотъ эту шапку, а треухъ повѣситъ.

— Починить развѣ, посмотрѣть! мелькнуло по мысли Марѳы, и она переставила небольшую керосиновую лампу на комодъ, подъ шапку, сняла ее, осмотрѣла, надо чинить; отыскала „могильникъ“, кожанный игольникъ съ иглами, нитками и другими принадлежностями шитья и принялась за работу. Шьетъ, а сама все на часы поглядываетъ.

Зашипѣли часы передъ боемъ, ударили разъ, два...

стали опускаться гири. Марѳа сосчитала—пять. Она поспѣшно бросила работу, накинула душегрѣйку, платокъ на голову, погасила лампу и выбѣжала на дворъ, заперевъ за собою на замокъ двери.

— Въ послѣдній разъ! въ послѣдній! до будущаго лѣта, послѣдній разъ! а тамъ Богъ вѣсть что можетъ случиться къ тому времени...

Несмотря на глубокую тьму, Марѳа шла очень быстро вдоль хорошо знакомой ей тропинки, протоптанной между крупными булыжниками отъ дома въ заполье, отъ берега моря къ скаламъ, вдоль небольшаго потока, шумѣвшаго по камнямъ, особенно рѣзко въ глубокой, еще чуть тронувшейся утренней темнотѣ.

— Онъ тамъ, онъ ждетъ! думала Марѳа и торопилась. Нѣсколько разъ споткнувшись на пути, отойдя отъ дому безъ малаго съ версту, она остановилась и прислушалась. Ей чудилось, что кто-то слѣдовалъ за нею. Нѣтъ, никого! Потокъ шумѣлъ, надутый обильными дождями послѣднихъ дней, сердито и звучно; кромѣ него не было слышно ничего въ этомъ подавляющемъ царствѣ ночи; вѣтеръ, гудѣвшій съ вечера, замолкъ совсѣмъ, что бываетъ на Мурманѣ къ перемѣнѣ погоды, но длится очень не долго. Сердце Марѳы стучало сильно, назойливо; еще нѣсколько шаговъ, и ей предстояло свернуть съ тропинки въ скалы, къ давно знакомому мѣсту. Она опять остановилась. Желтая полоска свѣта обозначившаяся на востокѣ, помогла ей разглядѣть хорошо извѣстныя очертанія. Вотъ налѣво, поперегъ потока поставленъ заколъ для ловли рыбы; значитъ, надо вправо свернуть. Но все кто-то идетъ сзади? Вернуться на встрѣчу къ идущему было дѣломъ одного мгновенія. Да, да, вотъ онъ, еле замѣтный надъ камнями въ мерцающемъ свѣтѣ медленно устанавливающейся зари.

— Петръ, Петръ! быстро проговорила Марѳа и кинулась къ нему...

Но она стала лицомъ къ лицу съ Агафьей.

Ошеломленная Марѳа отшатнулась назадъ и остановилась какъ вкопанная.

— Что жъ? вѣтеръ молить пойдешь али не будешь? сказала ей, смѣясь, Агафья и покачала головою. Рѣзче всего проступали въ полутьмѣ ея красивые, бѣлые зубы, открытые улыбкою.

Марѳа схватилась за сердце и ничего не отвѣтила.

— Онъ прошелъ! прошелъ! видѣла? ждетъ! смѣясь добавила Агафья и, кивнувъ головой, быстро повернулась, за-

хохотала и медленно пошла обратнымъ путемъ. Марѳа могла отличить только, что она, уходя, нѣсколько разъ оборачивалась и кивала головою. Въ помутившемся сознаніи ея меньше всего оставалось воли. Тѣмъ не менѣе прослѣдивъ глазами Агафью, она пошла вторично старымъ путемъ.

Вотъ опять, почти поперегъ тропинки, виднѣется загородь закола; надо повернуть вправо, это Марѳа какъ будто помнила. Она двигалась совершенно отуманенная; улыбка и насмѣшливый взглядъ Агафьи мерещились „блазнѝли“ ей въ невѣрныхъ тѣняхъ утра, мигавшихъ миріадами какихъ-то недобрыхъ, сѣрыхъ глазъ. Али не будешь? раздавалось у нея въ ушахъ; прошелъ! ждетъ! слышалось ей вмѣстѣ съ этимъ, и злобный смѣхъ раскатывался такъ звучно... ноги ея двигались сами собою неохотно, неустойчиво; душегрѣйка, не придерживаемая руками, качалась на плечахъ и чуть-чуть отдувалась въ стороны снова поднимавшимся вѣтромъ.

— Марѳа! раздалось подлѣ нея совершенно неожиданно. Быстро охватилъ ее Петръ руками подъ исподь душегрѣйки и страстно прижалъ къ себѣ... душегрѣйка скатилась на землю.

Марѳа откликнулась:

— Ты слышалъ? спросила она его еле внятно, оставаясь въ его рукахъ совершенно неподвижною.

— Слыхалъ! какъ не слышать? аспидъ-дѣвка...

— Что-то будетъ теперь со мною? еще тише проговорила она, и припала головою на грудь помора, обезсиленная, безотвѣтная, холодная.

II.

Часу въ десятомъ утра того же дня кипѣла на берегу моря бабья „заворо̀ха“; заворо̀хой называютъ на Мурманѣ всякое общественное дѣло.

Собрались бабы на берегъ „молить вѣтеръ“ о счастливомъ возвращеніи промышленниковъ и особенно людно стало побережье, верстахъ въ двухъ отъ поселка къ сѣверу, къ океану. Острымъ мысомъ выдавался здѣсь берегъ. Отвѣсные утесы его, сажень въ двѣнадцать вышины, не касались непосредственно волны; между ними и волнами тянулась широкая песчаная полоса и обрамляла подножье черныхъ скалъ мыса. Если на это мѣсто ударяло солнце, пески казались розовыми; если солнца не было, какъ въ день бабьей

„заворохи", — они лежали блѣдные, почти бѣлые. Сумрачны и черны оставались всегда только угрюмые граниты, возвышаясь надъ песками. Полоса песку бѣлѣла слово бѣлыя тесьмы черныхъ похоронныхъ одѣяній. На самомъ концѣ мыса нависала и самая высокая часть скалъ: остроконечная шапка гранита, когда-то расщепленная, разсѣлась на двое и образовала два острыхъ рога, замѣтныхъ съ моря издали; на эти скалы держали обыкновенно рулевые, направляясь къ поселку, и скалы эти такъ и называли въ народѣ рогами. Къ самому поселку плыли въ хорошую погоду между мысомъ и небольшимъ безъимяннымъ островкомъ, лежавшимъ какъ разъ противъ него въ полуверстѣ разстоянія; въ дурную погоду приходилось давать большой крюкъ и подъѣзжать къ поселку съ юга, такъ какъ съ сѣверной стороны камней навалилось видимо-невидимо, и всѣ они въ отливъ выступали блестя на солнцѣ.

Ни одной травинки не виднѣлось далеко кругомъ, ни по песчаной полосѣ, ни по валунамъ, ни на скалахъ. Могъ бы разнообразить зеленый цвѣтъ растительности выкинутыхъ на песокъ водорослей, но они были желты и облегали берегъ длинными бугристыми грядами.

Оживленіе на побережьи было большое, но кромѣ женщинъ и дѣтей не виднѣлось никого. Было холодно, почти морозно. На всѣхъ виднѣлись тулупы и душегрѣйки, головы были закутаны въ платки, а на ногахъ темнѣли высокіе, по колѣна, сапоги. Однѣ изъ женщинъ пріѣхали на лодочкахъ, къ которымъ то и дѣло подплывали новыя; другія прибѣжали пѣшкомъ и, собравшись въ кучки, толковали болѣе всего о предстоящемъ возвращеніи поморовъ.

— Сынъ-то у меня одиночка, Власьюшка, на него вся и надѣя! говорила сорокалѣтняя баба своимъ собесѣдницамъ; што какъ не прйдетъ. Надысь Николѣ Морскому Богу молилась... обѣщаніе дала сюда придтить.

— По вѣрѣ, значитъ по своей, въ церковь не ходишь, отвѣтила ей широкоплечая Пелагея, пятидесятилѣтняя крупная баба-раскольница, оно и дѣло, что въ церковь не ходишь, а сюда пришла!

— И другожды,—въ другой разъ,милости просимъ, подтвердила другая раскольница.

Поодаль отъ разговаривавшихъ, у самаго края воды, копошились въ двухъ, трехъ мѣстахъ мальчишки, камни швыряли, дрались, баляснчали. Дѣвушки составили свои кружки, и одна изъ нихъ разсказывала другимъ, какъ ея дяинька съ теткой новый домъ строить хотятъ; среди нихъ

виднѣлась и Агафья, то и дѣло поглядывавшая въ сторону къ поселку, откуда она ожидала прибытія Марѳы. По глади прибрежныхъ песковъ весело носились взадъ и впередъ собаки. Запоздавшія лодки между тѣмъ продолжали подплывать; подходили изъ поселка, одиночками и по-парно, женщины и дѣвушки. Замѣтила Агафья еще издали шедшую на бабью завороху Марѳу.

— Глянь-ко, дѣвушки, Еремина спѣсивица тоже жалуетъ, проговорила она, знать тоже измаялась, по мужѣ извелась...

— Мужъ мужу рознь, возразила Агафья, Ерема скоро и совсѣмъ „залѣтенъ"-старъ станетъ...

— Широки ворота запрешь, а мірскаго ротка не забьешь, Агафьюшка; это о тебѣ люди пословицу сложили, отвѣтила дѣвушка.—Гляди, какъ-бы опосля и на тебя какой сплетки не вышло! Ссорить да мутить ты горазда!

Агафья не удостоила эти слова возраженіемъ и, взявъ подъ руки двухъ ближайшихъ къ ней товарокъ, повела ихъ въ сторону къ поселку навстрѣчу медленно подходившей Марѳы, и начала имъ свое повѣствованіе:

— Только-что сбѣжала я по тропинкѣ къ заколу, говорила она, ранымъ рано, чуть свѣтъ, какъ, слышу, сзади меня Петръ идетъ; я, это, въ камни-то и приткнулась...

И раздавался разсказъ Агафьи навстрѣчу приближавшейся Марѳѣ.

Если утромъ на ранней зарѣ спряталась Агафья отъ Петра какъ пугливая ящерица въ камни, то въ полномъ свѣтѣ дня, на людномъ берегу, навстрѣчу Марѳѣ, не пряталась она болѣе. Темные глаза ея, когда соперницы, повстрѣчались, проводили Марѳу неподвижнымъ, холоднымъ взглядомъ, и всѣ три дѣвушки, шедшія подъ руки, даже уступили блѣднолицей женщинѣ дорогу. Такъ очищаютъ путь встрѣчные люди похоронному шествію...

Съ приходомъ женскаго населенія на берегъ моря только продолжалось исполненіе стариннаго обряда, начатое еще наканунѣ. Къ этому же самому мѣсту приходили женщины вчера въ вечеру, начинали молить вѣтеръ. чтобы онъ не серчалъ и „давалъ льготу" дорогимъ лѣтникамъ-промышленникамъ; вчера ночью собирались онѣ на ближайшій потокъ, послѣ заката, мыли котлы и били камнемъ или полѣномъ флюгарку, чтобы она „тянула повѣтерье"; тогда же, подъ звуки флюгарки, пересчитывали они поименно, кто кого вспоминалъ, но исключительно только плѣшивыхъ сельчанъ и знакомыхъ, стараясь насчитать ихъ числомъ трижды де-

вять и отмѣчали каждаго сосчитаннаго углемъ на лучинахъ; Агафья назвала Ерему. Уже въ глубокую ночь, съ этими помѣченными лучинами въ рукахъ, ходили бабы по задворкамъ и, перименовывая добрые и недобрые вѣтры, голосили во все горло:

— Встокъ до обѣдникъ, пора потянуть, западъ да шалоникъ, пора покидать, тридевять плѣшей всѣ сосчитаны, пересчитаны, встокова плѣшь напередъ пошла!

И пока выкрикивали бабы эти слова, бросали онѣ лучины себѣ черезъ голову, а затѣмъ припѣвали:

— Встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!

Въ ту же глубокую темень минувшей ночи слѣдовалъ осмотръ брошенныхъ лучинъ,—какъ которая упала? Гаданье предсказывало, что на слѣдующій день вѣтеръ будетъ съ той стороны, въ которую ложились лучины крестами. Желателенъ былъ, конечно, вѣтеръ сѣверный, пригонявшій суденышки съ моря, но не всѣ лучины обѣщали такой вѣтеръ, и вотъ съ этими-то неподатливыми дурными пророками предстояла своеобразная расправа.

Пелагея раскольница явилась признанною распорядительницею, запѣвалою всей совершавшейся обрядности. Окинувъ взглядомъ побережье и видя, что всѣ въ сборѣ, подняла она съ земли старую флюгарку и ударила въ нее камнемъ. Рѣзкій, хриплый звукъ стараго желѣза, насквозь проржавѣвшаго за долгіе годы, разнесся далеко по побережью, и сколько ни виднѣлось кругомъ женскихъ головъ, всѣ онѣ сразу повернулись въ сторону звука. Пелагея, ударившая всполохъ, неустанно продолжала свою музыку, и всѣ немедленно направились къ ней; женская толпа, стянувшаяся къ раскольницѣ какъ къ центру, обступила ее плотнымъ кольцомъ, и легкій паръ отъ дыханія задымился возлѣ нея по широкому кругу. Однѣ только собаки продолжали рыскать по-прежнему, и надъ всѣмъ этимъ въ неподвижности поднималась отвѣсная, темная скала съ ея двумя острыми рогами.

Пелагея, увидѣвъ, что всѣ собрались, положила подлѣ себя на земь флюгарку, бросила камень и стала спрашивать: у кого тѣ лучины съ собой принесены, которыя вчера на дурной вѣтеръ пали?

— Вона, во, на мою! завопили по сторонамъ ея многія бабы и дѣвушки, и бѣлыя лучинки просовываясь къ Пела-

геѣ между платковъ и тулуповъ, замелькавъ въ толпѣ во многихъ мѣстахъ.

— Ну а тараканы, дѣвушки? спрашивала Пелагея.

— И тараканы тутъ, раздалось съ нѣсколькихъ сторонъ одновременно.

— Сажай ихъ, дѣвушки, сажай какъ установлено, быстро проговорила Пелагея, а намъ тѣмъ временемъ лодки справлять!

Толпа для приведенія въ исполненіе словъ Пелагеи, раздалась пошире, и во многихъ мѣстахъ началось оригинальное сажанье таракановъ на лучины: сдѣланы разщепы и въ каждый изъ нихъ, на каждой лучинкѣ, ущеплено по таракану.

— Теперь, кто готовъ, на воду, дѣтки, на воду! кликнула Пелагея; да смотри не мѣшкать—вода уходитъ!

Вода дѣйствительно уходила съ быстротою замѣтною для глазъ, будто кто гналъ море съ отливомъ прочь отъ берега; крайнія къ берегу струи воды, словно слизывали пески, укатывая, унося съ собою самыя легкія песчинки. Бабы и дѣвки, съ лучинами въ рукахъ, кинулись было къ лодкамъ, торопились вскочить въ нихъ, собираясь отъѣхать отъ берега и пустить на воду лучины, чтобы „тараканы сѣверный вѣтеръ подняли“, какъ вдругъ кто-то изъ оставшихся на берегу неожиданно кликнулъ:

— Наши плывутъ! наши!

Этого клика было совершенно достаточно, чтобы быстрое, суетливое движеніе на берегу замерло мгновенно въ неподвижную живую картину. Всѣ глаза обратились къ одной сторонѣ, къ сѣверу, и острое зрѣніе поморянокъ не замедлило отличить въ указанномъ направленіи нѣсколько черныхъ точекъ. Еслибы эти черныя точки, поморскія шняки, держали не на рога, не къ поселку, имъ предстояла другая путина—лѣвѣе, далѣе отъ берега; еслибы это были не свои, а чужіе люди, они, въ этотъ часъ отлива, не отважились бы, для сокращенія пути, идти этимъ мѣстомъ, между темными грядами быстро обнажавшихся повсюду камней.

Дрогнули многія сердца на берегу, дрогнули неодинаково; бились, должно быть, сердца и тѣхъ, что были въ морѣ, потому что, иначе, зачѣмъ бы такая торопливость, короткій путь въ непогоду выбирать? Успливавшійся съ сѣвера вѣтеръ убѣждалъ въ томъ, что шняки будутъ на мѣстѣ никакъ не болѣе какъ черезъ часъ. Женщинамъ предстояло немедленно отправляться въ обратный путь къ поселку, кто какъ прибылъ. Одни повскакали въ лодки и отчалили, другія пошли по пескамъ, и вся эта масса сѣрыхъ и тем-

ныхъ цвѣтовъ, всѣ эти бабы, дѣвки, мальчишки и собаки, временно оживившія пустынное побережье, свѣлись съ него въ одну сторону, къ поселку, словно опавшіе листья, гонимые вѣтромъ по осени. Это былъ тоже своеобразный, быстрый отливъ людей, только иныя силы отгоняли одновременно съ ними убѣгавшее море.

Неподвиженъ чернѣлъ крайній, высокій утесъ съ его рогами. Онъ, будто сознавая, что на него теперь, въ эти минуты, пристально глядятъ рулевые на шнякахъ, вырѣзывался среди сѣраго, безсолнечнаго, но яснаго дня, со всѣми изломами своихъ сложныхъ очертаній. Съ удаленіемъ женщинъ снова потянули къ нему разныя морскія птицы. Спокойно разсаживаясь по его богатырскимъ бокамъ и загибамъ черныхъ щелей, они, словно испуганныя, отпархивали только отъ его вершины. Между двухъ скалъ-роговъ стоялъ Петръ. Неподвижно, нахлобучивъ на шапку, онъ осиливалъ взглядомъ далекія, слегка бѣлѣвшія по гребешкамъ, подъ дыханіемъ „сѣвера“, морскія волны.

Чтобы видѣть Марѳу, надо было присутствовать при „моленьи вѣтру“. Петръ, прямо отъ свиданія съ нею, прошелъ хорошо знакомымъ ему „путикомъ“ вдоль „няши“— тинистаго болота, и очутился на утесѣ къ тому времени, когда стали прибывать первыя лодки съ женщинами. Не сказалъ онъ объ этомъ своемъ намѣреніи Марѳѣ, но цѣли своей достигъ: видѣлъ онъ ее, никѣмъ не замѣчаемый, съ высокаго утеса, слышалъ ржавые звуки флюгарки, слѣдилъ за тѣмъ, какъ пошла Марѳѣ навстрѣчу Агафья, подъ руку съ двумя дѣвушками.

На его глазахъ совершился неожиданный перерывъ бабьей „заворохи“, и всѣ они потянулись обратно къ поселку. Замѣтилъ онъ также, что Агафья помѣстилась въ одну лодку съ Пелагеей.

— Завойлочитъ, запутаетъ, ехидная! думалось помору.

Не могъ онъ также не замѣтить, что Марѳа пошла къ поселку послѣднею, остатнею, одинокою...

— Голубушка! родная моя! думалъ Петръ, и недобрыя мысли, злые всполохи чувства сказались въ немъ.

Очистилось побережье; быстро приближались шняки. Хорошо знакомый съ ними поморъ отличилъ—чьи они? вотъ и Еремина второю идетъ, и Ереминъ треухъ у руля виднѣется. Приди шняки часомъ ранѣе, они бы у самаго берега прошли, а теперь, съ отливомъ, пришлось имъ дальше держаться, и бѣгутъ шняки, бѣгутъ быстро и килевой вѣ-

теръ гонитъ ихъ мимо утеса, на которомъ стоитъ Петръ и наблюдаетъ.

И когда шняки протянулись мимо, сталъ онъ сходить съ утеса, но уже не въ сторону болота, а въ сторону къ морю, короткимъ путемъ, соскользнулъ съ него и направился песчаною полосою къ поселку. Отбѣжало море, обнажились безсчетные черные камни и похрустывали, и давали брызги подъ ногами помора длинныя водоросли, только-что оставленныя на берегу водою, еще полныя ею и не начавшія обсыхать. Сердце его нагнетала печаль безъисходная.

— И какъ это, думалось ему, шла Мареа горемычная позади всѣхъ, блѣднехонька, одинехонька, голову понурила!.. и какъ это, когда шняки мимо меня „сѣверомъ“ гнало, и Еременъ треухъ вмѣстѣ съ ними, словно бы вся радость, все счастье уплывали... извести бы... его, проклятаго...

Эта мысль была совсѣмъ новою мыслью для Петра; онъ, будто испуганный, оглядѣлся, словно боясь, не подслушалъ ли кто? Но кромѣ водорослей ничего подлѣ не виднѣлось; шумѣлъ вѣтеръ, а отъ поселка, до котораго оставалось недалеко, шелъ веселый говоръ и смѣхъ. Шняки успѣли подойти и причалиться. Прибывшіе поморы сошли на берегъ. Петръ направился прямо къ толпѣ.

Въ одномъ мѣстѣ скопленіе народу было особенно велико; туда-то и пошелъ Петръ. Окруженные вплотную женщинами, виднѣлись ему еще издали поморы, отыскивая, какъ бы пробраться въ самую кучку, любопытные мальчишки шныряли вокругъ, стараясь найти лазейку между бабами, но никакой возможности не находили; то вправо, то влѣво, стараясь заглянуть внутрь кучки, нагибались головы тѣхъ, что стояли снаружи... Происходило что-то необычайное. Еременъ треухъ высился выше прочихъ.

— Чтой-то? спросилъ невольно Петръ у первой попавшейся ему навстрѣчу Пелагеи.

— Утопъ! коротко отвѣтила она.

— Кто утопъ?

— Ерема на покрутчинѣ.

— А Мареа гдѣ? спросилъ Петръ, совершенно невластный въ себѣ и своихъ словахъ.

— Омморокъ съ нею, въ омморокѣ лежитъ, отъ того и кучка подлѣ, отвѣтила Пелагея.

Кучка поддалась могучимъ рукамъ помора. Бросившись къ ней, онъ протискался прямо по направленію къ большому Еремину треуху.

Точно! шапка Еремы, но человѣкъ подъ нимъ другой—Никита знахарь.

А на холодномъ пескѣ, окруженная говорящими поморами, только-что окончившими разсказъ о томъ, какъ именно потонулъ мгновенно свалившійся со шняки въ море, Богъ вѣсть почему пошедшій вдругъ камнемъ ко дну, Ерема, и какъ попалъ треухъ его, всплывшій на воду, на голову къ Никитѣ,—лежала неподвижная, „безрудая“, блѣдная какъ смерть Марѳа; бабы усердно хлопотали около нея; насупившись стояли по кругу поморы и лицомъ къ лицу съ Петромъ виднѣлись черныя, устремленныя на него въ упоръ, очи Агафьи. Обморокъ Марѳы сдался только тогда, когда, раскрывъ ей съ большими усиліями стиснутые зубы, ей влили въ ротъ, нѣсколько капель, всегда имѣющагося при поморахъ, норвежскаго рома. Едва только открыла она глаза свои, какъ отыскала ими Петра, стоявшаго рядомъ съ другими; она уставила ихъ на него и снова закрыла, но только на короткое время и со сладкимъ, глубокимъ вздохомъ облегченія. Марѳа вдругъ поднялась съ земли... проводили ее до дома. Привѣтливъ и свѣтелъ показался ей этотъ домъ. Такъ и все въ жизни бываетъ. Кому бѣда, кому радость...

К. СЛУЧЕВСКІЙ.

ЛУЧИ И ТѢНИ.

Стихотворенія Н. П—о.

I.

Дни короче, темнѣй.... алымъ блескомъ горя,
Дышетъ холодомъ осени въ небѣ заря,
Ночи долги, безмолвны... лишь вѣтеръ порой
Набѣгаетъ и шепчетъ, стучася волной
Мнѣ въ окно,
Что всѣ свѣтлые дни миновали,
Что цвѣты облетѣли, завяли
Ужь давно
И къ подушкѣ холодной прильнувъ головой,
Я томлюся безъ думъ и зову лишь покой.
А въ отвѣтъ только маятникъ мѣрно стучитъ,
И немолчно твердитъ:
„Это время идетъ,
Все придетъ, все пройдетъ,
Все затихнетъ тогда,
И наступитъ покой навсегда!“

II.

Еслибъ надъ каждой могилою памятникъ пышный стоялъ,
Еслибъ цвѣты и деревья надъ ними всегда расцвѣтали,
Птицы бы пѣли надъ ними всегда и летали,

Міръ бы съ печалью быть можетъ порою о нихъ вспоминалъ.
Еслибы каждый печаль свою всѣмъ повѣрялъ;
Еслибы тайныя слезы всѣ въ пѣсни слагались,
Эти бы пѣсни другими тогда распѣвались,
И о печали былой долго бъ міръ вспоминалъ.
Но вѣдь какъ много страданій никто никогда не узнаетъ,
Много, какъ много невѣдомыхъ, темныхъ могилъ!
Время ужь сгладило ихъ, міръ о нихъ позабылъ,
Только лишь вѣтеръ надъ ними траву колыхаетъ...

III.

Тусклая лампа поетъ въ тишинѣ,
Блѣдныя тѣни дрожатъ на стѣнѣ.
Въ полночи часъ, въ часъ полночи глубокой,
Думой одной о тебѣ лишь полна,
Я надъ тобой этой думой сильна,
Близко ли ты здѣсь со мной иль далеко—
Вмѣстѣ мы дѣлимъ ночное молчанье...
Встрѣчи земныя и жизни свиданья—
Стоитъ ли ихъ ожиданія мука?
Въ мысляхъ мы ближе другъ къ другу съ тобой;
Что намъ пространство, и что намъ разлука...
Души всесильны одна надъ другой!

IV.

Мнѣ снилось: зима; на дворѣ вечерѣло,
Крещенскій морозъ становился сильнѣй,
Холодное, ясное небо темнѣло,
И тѣни сухихъ, обнаженныхъ вѣтвей
За мерзлыми стеклами тихо качались,
А въ комнатахъ сумерки молча сгущались,
Лишь слышенъ былъ шумъ моихъ тихихъ шаговъ,
Да маятникъ мѣрно стучавшихъ часовъ.
Была я одна.—Только въ дальнемъ углѣ,
Недвижною тѣнью рисуясь во мглѣ,

Согбенная, молча старуха сидѣла,
И взоромъ туманнымъ въ глаза мнѣ глядѣла
Какъ будто не въ силахъ прервать тишину;
Она лишь беззвучно губами жевала,
И мнѣ головою сѣдою кивала,
Въ уныломъ безсильи клонясь ко сну,
А окна тускнѣли... Ни слова, ни звука!..
Старуху я знала,—зовутъ ее *скука*...

V.

Зари вечерней лучъ прощальный
Погасъ, и теменъ небосклонъ,
Душистой влагой степи дальной
Окрестный воздухъ напоенъ.
Открой тоскующія очи,
Не жди забвенія и сна,
Спокойна глубь весенней ночи,
Но жизнью дышетъ тишина;
Ночныхъ пѣвцовъ несутся звуки,
Не спитъ окутанная даль...
Забудь свои дневныя муки,
Свою минувшую печаль.
Подъ чащей ивъ, въ глуши прибрежной
Затихъ какъ зеркало ручей...
Смири мечты, порывъ мятежный,
И о прошедшемъ не жалѣй...

VI.

Въ мутномъ небѣ луна и мутна и блѣдна,
Затуманилась даль въ чистомъ полѣ,
Не сверкнетъ огонекъ и дорога темна,
Лишь скрипитъ старый кустъ подъ окномъ у меня,
Пригибаясь къ землѣ поневолѣ...
Все какъ будто грозитъ неминучей бѣдой.

Гдѣ жъ ты, доля моя, запропала?
Или въ краѣ далекомъ, падучей звѣздой,
Безъ слѣда и безъ звука упала?
Я ждала тебя долго—устала я ждать,
Опустились безсильныя руки.
Кто придетъ мою тайную грусть разгадать,
Разрѣшить затаенныя муки?
Но во мракѣ ночномъ путь безмолвенъ лежитъ
И никто на мой зовъ издали не спѣшитъ,
Только дымныя тучки несутся,
Шепчетъ въ чащѣ садовой густая листва,
Да неслышно качается въ полѣ трава,
И акаціи старыя гнутся...

VII.

Зимней порою въ ночной тишинѣ
Голосъ загробный твой слышится мнѣ:
„Ѣдемъ!.. Ужь время... пора торопиться!
Слово мы дали другъ другу съ тобой.
Мѣсяцъ подернулся мутною мглой,
Даль вся въ туманѣ летучемъ клубится
Прочь отъ разсвѣта; мы вмигъ безъ конца
Вмѣстѣ помчимся быстрѣе мятели,
День не догонитъ... Огни догорѣли,
Блѣдные кони храпятъ у крыльца".
—„Другъ мой, прости—но пора не настала,
Сердце не все еще съ жизнью порвало.
Горькую чашу дай выпить до дна
Видишь: какъ прежде тревоги полна
Вновь я готова любить и молиться,
Но не надолго—душа утомится,
Вѣрная данному слову, тогда
Буду твоею—твоей навсегда".

VIII.

Жара спадала. Тихо пролетая,
На встрѣчу дулъ прохладный вѣтерокъ.
Мы шагомъ ѣхали, отъ зноя отдыхая,
Сдавъ вольно повода. За нами потухая,
Свѣтился день, а впереди востокъ
Уже погасъ, и въ небѣ голубомъ
Стояла блѣдная и круглая луна...
Все степь да степь широкая кругомъ,
Въ вечернемъ воздухѣ покой и тишина,
Надъ нами ясно такъ, ни тучки въ небѣ чистомъ,
Далеко въ полѣ слышенъ стукъ копытъ глухой,
И пахнетъ въ воздухѣ татарникомъ душистымъ,
Вечерней свѣжестью и мягкою травой.

IX.

То былъ ли только сонъ, иль дней далекихъ быль:
Мнѣ видѣлись пустынныя поля,
Еще чернѣлась мерзлая земля,
Холодный воздухъ, рѣзкій и безмолвный,
Безъ тѣней свѣтъ, безжизненный и ровный,
А вѣтеръ снѣгъ взрывалъ, и разносилъ какъ пыль...

X.

Тамъ гдѣ горе и смерть, и гдѣ стонъ погибающихъ,
Тамъ гдѣ ропотъ, и плачъ, и молитвы людей,—
Это ѣдетъ Она, въ колесницѣ высокой своей,
И не слышитъ земли голосовъ, къ ней взывающихъ,

И что ей до того, что внизу она здѣсь попираетъ,
И что значитъ ей вся мимолетная жизни печаль!
На челѣ Ея отблескъ разсвѣта лучей ужь играетъ,
Ея очи глядятъ, устремясь въ безпредѣльную даль,
Гдѣ все шире и ярче заря разгорается...
Сожалѣній въ ней нѣтъ, нѣтъ сомнѣній ни въ чемъ,
Она тихо, спокойно впередъ подвигается
Въ созерцаньи безмолвномъ, безстрастномъ своемъ.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ [1].

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XXI.

Передъ грозою.

Разставшись съ Іонаѳаномъ-ламданомъ, господинъ Горизонтовъ позабылъ даже объ обѣдѣ, ожидавшемъ его въ другой комнатѣ, и озабоченно зашагалъ изъ угла въ уголъ, обкусывая себѣ ногти. Свиданіе съ Бендавидовскимъ „пленипотентомъ“ привело его въ нервное состояніе и потому онъ болѣе обыкновеннаго поддавался теперь непроизвольнымъ движеніямъ своего безсознательнаго тика: то и дѣло, хватался рогулькой изъ двухъ пальцевъ поправлять на носу очки и „мазалъ“ при этомъ въ стороны косящимися глазами, выдѣлывая ртомъ какую-то невозможную гримасу.

„Да неужто же никакъ нельзя поправить?!“ гвоздила его все одна и та же досадная мысль.—„Чортъ возьми!.. Подумаешь, этакія деньги, и вдругъ легче легкаго могли бы теперь лежать въ карманѣ, кабы не торопливость дурацкая... Вотъ дура-то! ругалъ онъ самого себя:—вотъ болванссимусъ! Такого маху дать... И изъ-за пустяка-то какого!“

И въ самомъ дѣлѣ, попридержи только Горизонтовъ бумагу къ Серафимѣ хотя бы до вечера, все разрѣшилось бы какъ нельзя проще. Бумагу можно бы было и вовсе не отправлять, предъ Каржолемъ отговориться несогласіемъ вла-

[1]) См. „Р. В.“ Октябрь, 1888 г.

дыки, деньги благороднымъ манеромъ возвратить ему, а владыкѣ завтра доложить, что, по выяснившимся обстоятельствамъ, все дѣло и самое участіе въ немъ Каржоля представляется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ; даже самоё игуменью можно бы было понудить возвратить дѣвчонку роднымъ, дать ей на этотъ счетъ самое строгое формальное предписаніе. Да, все это весьма было бы возможно, и такъ легко, такъ просто. А теперь... Что теперь подѣлаешь?!.. Но нѣтъ, какъ ни какъ, а поправить промахъ надо. Главное, бумагу бы только выцарапать назадъ; остальное же все пустяки,— остальное все можно перевернуть по-своему.

— Митрофанъ Миколаичъ, што-то ужь совсѣмъ почитай простымши, напомнила ему объ обѣдѣ высунувшаяся въ дверь стряпуха.

Это нечаянное напоминаніе вернуло его изъ сферы досадливыхъ размышленій къ повседневной дѣйствительности, и ему вдругъ стало ужасно досадно—Богъ-вѣсть съ чего и за что, но досадно такъ, что своими руками готовъ былъ избить эту толстую дурищу. Однако не избилъ, а удовольствовался тѣмъ, что ни за что ни про что ругательски изругалъ ее, лишь бы на комъ-нибудь зло сорвать. Впрочемъ, за столъ все-таки сѣлъ и обычный „опрокидонтъ“ учинилъ, „вонзивъ“ въ себя рюмку „очищенной“ и хотя ѣлъ со всегдашнимъ своимъ чавканьемъ и цмоктаньемъ, но совсѣмъ безъ удовольствія, наскоро и съ досадой, все швыряя отъ себя и на все фыркая, потому что въ головѣ неотступно вертѣлась все та же проклятая мысль о Бендавидовскихъ трехъ тысячахъ и Каржолевской сторублевкѣ, на которую онъ, болванъ изъ болвановъ, польстился какъ Исавъ на чечевичную похлебку. Попадись ему въ эту минуту Каржоль, да онъ бы, кажись, всѣ глаза ему проплевалъ. Этакъ вдругъ подвести человѣка самымъ безсовѣстнымъ образомъ, да это чортъ знаетъ что-за подлость! Этому имени нѣтъ! И дернула же его нелегкая связаться съ такимъ прощалыгой, съ аристократишкой! Не видѣлъ онъ, что-ли, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Да и какъ это затмѣніе такое на него вдругъ нашло,—какъ было не догадаться, что не оставятъ же жиды этого дѣла безъ того, чтобы не придти къ нему понюхать, нельзя ли какъ поправить его?!. Такъ нѣтъ же, радужная всѣ мозги отшибла!—„Богу-де на масло, братьѣ консисторской на молитву!“—безкорыстіемъ, вишь, щегольнуть захотѣлось... Но досаднѣе всего было Горизонтову то, что, сознавая необходимость поправить это дѣло

какъ можно скорѣе, онъ никакъ не могъ еще придумать, какимъ бы способомъ половчѣе это сдѣлать.

— Э, была не была! махнулъ онъ, послѣ обѣда, рукой и, противъ обыкновенія, не ложась соснуть, угрюмо надвинулъ до бровей свою мягкую поярковую шляпу и отправился пѣшкомъ въ женскую обитель.—По дорогѣ, на вольномъ воздухѣ, онъ авось-либо придумаетъ подходящій способъ дѣйствія. Надо поторопиться, пока тамъ не ударили ко всенощной.

Былъ въ исходѣ пятый часъ дня, когда келейница Наталья доложила „матушкѣ“ о приходѣ консисторскаго секретаря,—очень-де просятъ принять, потому, какъ имъ по очень важному дѣлу.

Внутреннее чувство почти инстинктивно подсказало Серафимѣ, что этотъ необычный въ такую пору визитъ не къ добру,—вѣроятно, каверза какая-нибудь затѣвается,—но, уповая на свою твердость и сдержанность, она приготовилась въ душѣ ко всему худшему и приказала просить господина Горизонтова.

Горизонтовъ вошелъ очень скромно, съ нѣкоторымъ почтительнымъ согбеніемъ шеи и даже съ любезною улыбкой на безцвѣтныхъ, тонко растянутыхъ губахъ. Что до почтительности, то онъ вообще не баловалъ ею духовныхъ особъ, сознавая, что онъ и самъ, въ нѣкоторомъ родѣ, если и не „особа“, то „сила“, ворочающая не только консисторскими дѣлами, но подъ-часъ и самимъ владыкой. Въ качествѣ консисторской „силы“, онъ, напротивъ, привыкъ, чтобы эпархіальное духовенство ему оказывало извѣстное почтеніе: но тутъ секретарь понималъ, что любезность и почтительность съ его стороны не будутъ излишни, дабы тѣмъ легче расположить игуменью къ уступчивости.

Серафима предложила ему садиться и, сѣвъ сама на диванъ, повернулась къ нему съ тѣмъ вопросительно ожидающимъ видомъ, съ какимъ обыкновенно изъявляется молчаливая готовность выслушать дѣловую просьбу или заявленіе отъ человѣка, съ которымъ желаютъ остаться на нѣсколько оффиціальной ногѣ.

— Мы тутъ къ вамъ... нынче... одну бумажку отправили, мягко началъ секретарь, нѣсколько поёживаясь и заминаясь.—Изволили получить?

— Получила, слегка кивнула ему головой Серафима,

продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же вопросительно ожидающимъ выраженіемъ.

— Оказывается, мы нѣсколько поторопились... Тутъ, изволите ли видѣть, открываются нѣкоторыя обстоятельства, совсѣмъ измѣняющія дѣло... Оно тутъ совсѣмъ даже въ другомъ свѣтѣ выходитъ...

— Какія обстоятельства? спросила игуменья, не выходя изъ своей нѣсколько оффиціальной сдержанности.

— Да видите ли, прежде всего-съ, эта дѣвица Бендавидъ оказывается несовершеннолѣтнею... значитъ, дѣйствуетъ не съ полнымъ разумѣніемъ... Да и участіе къ ней нѣкоторыхъ особъ, вамъ извѣстныхъ, далеко не безкорыстно... Ее просто сбили съ толку, вскружили голову, чтобы воспользоваться ея состояніемъ... Тутъ деньги-съ, вотъ что! И на насъ съ вами можетъ пасть очень даже нехорошая тѣнь: насъ просто могутъ обвинить въ пособничествѣ.

Игуменья вспомнила свой давешній разговоръ съ Тамарой и, на основаніи его, возразила Горизонтову, что что до денегъ, то можетъ смѣло увѣрить его въ совершенной неосновательности такого предположенія,—сама-де Тамара сказала ей, что, съ переходомъ въ христіанство, она лишается всего, и наслѣдства, и всѣхъ своихъ собственныхъ средствъ и, тѣмъ не менѣе, это ее не останавливаетъ, она знаетъ на что идетъ и что теряетъ, а потому и у тѣхъ людей, которые будто бы „вскружили ей голову“, едва-ли есть какіе-либо разсчеты на ея состояніе,—не могутъ же они не знать объ этомъ!

— Ну, это еще, знаете, темна вода во облацѣхъ, недовѣрчиво усмѣхнулся секретарь:—есть ли тамъ какіе разсчеты, нѣтъ ли—судить мудрено, въ чужую душу не заползешь... Да и не о томъ собственно рѣчь, продолжалъ онъ:—я, главное, забочусь, какъ бы на насъ-то съ вами тѣни какой не пало... тѣмъ болѣе, что никакого внутренняго убѣжденія у этой дѣвочки нѣтъ, да и быть не можетъ,—одно только пустое увлеченіе.

— Я говорила съ ней, возразила ему игуменья:—я спрашивала ее на счетъ ея побужденій, и могу увѣрить васъ, что и въ этомъ вы точно также ошибаетесь. Напротивъ, тутъ именно внутреннее убѣжденіе, и такое глубокое, такое христіанское убѣжденіе, какого я даже и не ожидала.

— Хорошо-съ, но вѣдь родные ея поднимутъ скандалъ, они—я знаю—этого дѣла такъ не оставятъ...

— А потому? проговорила Серафима, какъ бы приглашая этимъ вопросомъ замявшагося секретаря не стѣсняться и

договаривать свою мысль до конца. Въ тонѣ его послѣднихъ словъ ей слишкомъ явно сказалось намѣреніе запутать ее, подъ видомъ дружескаго предупрежденія.

— А потому, подхватилъ Горизонтовъ:—мое мнѣніе, лучше не доводить до скандала.

— То есть, что же?

— Да просто умыть себѣ руки—возвратить ее роднымъ... Достигнетъ совершеннолѣтія, тогда пускай-себѣ и дѣлаетъ, что хочетъ.

— Объ этомъ вамъ слѣдовало подумать раньше, до присылки мнѣ бумаги, вѣско замѣтила ему Серафима.

— Да, но... раньше намъ, къ сожалѣнію, не были извѣстны всѣ обстоятельства.

— Да вы откуда же ихъ узнали, эти обстоятельства, и почему вы думаете, что они справедливы, когда я вамъ дала уже, кажется, достаточно доводовъ, что это не такъ?

Припертый такимъ вопросомъ, что называется, къ стѣнѣ, Горизонтовъ замялся еще больше.

— Такъ говорятъ.... такъ слышно, неопредѣленно промолвилъ онъ, пожавъ плечами.

— Хм... „говорятъ“,—этого еще слишкомъ не достаточно, слегка усмѣхнулась Серафима. — Надо знать *кто* говоритъ?

— Говорятъ ея родные, поправился Горизонтовъ:—родные, которымъ это дѣло, полагаю, ближе всего извѣстно.

— А вы говорили съ ними? Вамъ самимъ они это высказывали?

Снова припертый къ стѣнѣ, Горизонтовъ, при всей своей привычкѣ къ беззастѣнчивому обхожденію съ духовными лицами, даже сконфузился,—на сколько это было для него возможно. Онъ не зналъ, какъ отвѣтить на послѣдній вопросъ, предлагаемый, какъ показалось ему, съ какою-то особенною цѣлью: признаться ли, что самъ лично слышалъ это отъ Бендавидовскаго „пленипотента“, или отдѣлаться опять какою-нибудь неопредѣленностію? Признаться—значитъ дать подозрѣніе (а она, кажись, ужь и такъ подозрѣваетъ), что онъ тутъ въ стачкѣ и потому-де сталъ вдругъ тянуть руку Евреевъ. Конечно, подозрѣваетъ,—иначе, къ чему бы эти настойчивые вопросы!—Нѣтъ, ужь лучше не признаваться.

Между тѣмъ, отъ проницательнаго взгляда монахини не скрылось это внутреннее колебаніе Горизонтова, и она приняла его къ свѣдѣнію.

— Я такъ слышалъ, уклончиво вильнулъ онъ отъ пря-

маго отвѣта:—но слышалъ отъ людей, которые могутъ знать все это дѣло довольно близко.

— Кто же именно эти люди? съ выдержкой полнаго спокойствія, но настойчиво продолжала она допытывать.

— Это безразлично-съ. Вы все равно ихъ не знаете... люди доброжелательные, повѣрьте.

— Нѣтъ, далеко не безразлично, возразила Серафима.— Въ моемъ положеніи относительно этой дѣвушки, нельзя принимать во вниманіе одни только темные слухи и анонимные разговоры. Но не въ томъ дѣло, перебила она самоё себя:—я желала бы знать, по какой собственно надобности *вы* ко мнѣ пожаловали?

— Да вотъ... на счетъ бумажки-съ, которую мы къ вамъ препроводили.

— Она получена, я уже вамъ сказала.

— То-то, что получена! слегка хихикнулъ Горизонтовъ, опять принимая на себя, какъ вначалѣ, тонъ нѣсколько развязной любезности.—То-то и бѣда-съ!.. Надо бы вернуть ее обратно-съ.

— Это зачѣмъ? удивленно подняла на него глаза Серафима.

— Владыко безпокоиться будутъ... Собственно, оно бы и ни къ чему, но... въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, о которыхъ я вамъ докладывалъ, владыкѣ, конечно, было бы пріятнѣе, если бы онъ тутъ былъ въ сторонѣ... Ужь вы, мать игуменья, будьте такъ добры, возвратите намъ эту бумажку!.. Это вѣдь собственно въ интересахъ владыки, я прошу васъ...

— Странно... очень странно, какъ бы про-себя проговорила монахиня.—Всего часъ, какъ получили бумагу, и вдругъ назадъ. Владыко у насъ, кажется, пока еще не слабоуменъ, и надѣюсь, даетъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ,—не зря же онъ, въ самомъ дѣлѣ, кладетъ свою подпись...

— Да, но тутъ, повторяю, эти обстоятельства, которыя часъ тому назадъ не были еще намъ извѣстны.

— Я уже вамъ сказала, что эти обстоятельства совершенный вздоръ, и я имѣю основанія не вѣрить имъ ни на волосъ, убѣжденно подтвердила ему Серафима:—полагаю, что и вы могли бы мнѣ повѣрить.

— Да, но владыко... началъ было Горизонтовъ и вдругъ запнулся, какъ бы затрудняясь продолжать.

— Что же владыко?.. Онъ самъ послалъ васъ ко мнѣ?

Секретарь, въ затрудненіи потирая себѣ руки и поту-

пивъ глаза, оставилъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, точно бы не дослышалъ.

— Признаюсь вамъ, все это кажется мнѣ очень страннымъ, проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія. — Здѣсь, очевидно, какое-то недоразумѣніе, по которому надо бы лично объясниться съ преосвященнымъ...

И подумавъ, она прибавила рѣшительно:

— Я сама поѣду къ нему.

Горизонтовъ встрепенулся и быстро поднялъ на нее глаза, какъ-будто даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Сами-съ?.. То-есть какъ же это?.. завтра послѣ литургіи?

— Зачѣмъ же завтра,—сейчасъ.

— Да, но какъ же такъ?.. Надо бы предупредить... Преосвященный не совсѣмъ-то здоровъ, это можетъ его встревожить...

— Какая же тревога? Дѣло вѣдь ему извѣстно?

— Да, конечно, но не совсѣмъ... Владыко, собственно, пока еще не знаетъ про эти обстоятельства, о которыхъ я...

— Не знаетъ? удивленно перебила его Серафима: — Тогда о чемъ же мы съ вами столько говорили?

— То-есть, видите ли, пояснилъ Горизонтовъ, какъ бы оправдываясь и впадая даже въ нѣсколько минорный тонъ: — я прошу васъ собственно отъ себя, потому какъ мнѣ дорого съ одной стороны спокойствіе владыки, а съ другой и свое собственное служебное положеніе... Если владыко, не дай Богъ, прогнѣвается на меня, скажетъ „ты подвелъ меня“, — что же, я, значитъ, послѣдняго куска хлѣба долженъ лишиться... Я человѣкъ бѣдный, подумайте... у меня въ Вологодской губерніи мать есть, старуха... Долженъ же я позаботиться... Вѣдь потому только и прошу... Ужь будьте такъ снисходительны, благоволите возвратить!

— Но какъ же я могу возвратить? въ недоумѣніи пожала она плечами: — бумага оффиціальная, за номеромъ; въ разсыльной книгѣ вашей есть росписка въ ея полученіи, да и въ монастырскій входящій журналъ она занесена уже.

— Это ничего не значитъ, съ живостію подхватилъ секретарь убѣжденнымъ тономъ знатока и дока.—Если вы только объ *этомъ* безпокоитесь, такъ повѣрьте, это пустяки-съ. Дѣло домашнее... Мы вамъ затѣмъ же самымъ нумеромъ завтра другую бумажку пришлемъ на счетъ того же предмета, только заднимъ числомъ и въ нѣсколько измѣненной редакціи... Вотъ и все-съ.

— То-есть, другими словами, вы предлагаете мнѣ быть

участницей подлога, холодно глядя въ упоръ на него, пояснила Серафима.

— Зачѣмъ же-съ подлога!? Помилуйте, какъ можно! захихикалъ онъ съ самымъ невиннымъ видомъ. —Какой же тутъ подлогъ!—Дѣло, говорю, домашнее... Еслибы еще съ другимъ какимъ постороннимъ вѣдомствомъ, а то у себя же... Смѣю васъ честью завѣрить, никакого тутъ подлога и тѣни нѣтъ,—просто, исправленіе маленькаго промаха, и только. Дѣло самое чистое-съ.

— На этотъ счетъ, позвольте мнѣ остаться при моемъ взглядѣ, сдержанно и твердо отрѣзала ему Серафима. — Я смотрю на это, какъ на подлогъ, и потому ни въ какомъ случаѣ бумагу не выдамъ.

Горизонтовъ даже позеленѣлъ отъ злости и нервно заёрзалъ на стулѣ, тыча въ очки своею рогулей.

— Это очень странно-съ, заговорилъ онъ, пофыркивая. — Если вы видите тутъ мой личный разсчетъ, такъ очень ошибаетесь... Лично мнѣ нѣтъ никакого интереса... и смѣю васъ увѣрить, мнѣ рѣшительно все равно. А если я хлопочу, такъ ради васъ же, изъ расположенія къ вамъ, чтобы обитель не компрометтировать... Тутъ дѣло общее. Если, не дай Богъ, какой скандалъ,—на васъ же все обрушится, ваше же имя будетъ страдать...

— Позвольте, остановила его игуменья:—при чемъ тутъ мое имя и что-такое можетъ компрометтировать обитель?

— Какъ что?!. Да васъ прямо назовутъ участницей во всей этой грязной исторіи; скажутъ, что обитель все это изъ своекорыстныхъ цѣлей, чтобы воспользоваться состояніемъ этой богатой дурочки, да и насъ съ владыкой приплетутъ... На чужой ротокъ не накинешь платокъ, а на еврейскій тѣмъ паче.

— Это меня не безпокоитъ, и никакой клеветы я не боюсь, разъ что моя совѣсть чиста передъ Богомъ, возразила монахиня тономъ, исполненнымъ спокойнаго достоинства.

— Эхъ, матушка игуменья, да добро бы было изъ-за чего! съ душевно убѣждающимъ видомъ принялся доказывать ей Горизонтовъ.—Если бы еще дѣвченка была дѣйствительно убѣждена, но тутъ этого нѣтъ... Ей-Богу, вы ошибаетесь!.. Не убѣжденіе, а блажь, одни фокусы, штуки амурныя... Роднымъ ужь это, повѣрьте, лучше знать, чѣмъ намъ съ вами... Да и что-за корысть возиться вамъ съ нею?!. Пускай бы еще пользу церкви какую могла она принести своими капиталами, — ну, это я еще понимаю. Но вы сами

же говорите, что у нея ничего больше нѣтъ. Ужь будемте говорить откровенно: если брать вопросъ съ матеріальной стороны, такъ гораздо же выгоднѣе имѣть дѣло съ самимъ Бендавидомъ... Я вѣрнѣе вѣрнаго знаю, что старикъ готовъ пожертвовать вамъ на обитель—сколько хотите?—ну, десять, двадцать, тридцать тысячъ?.. Онъ не постоитъ за суммой, онъ дастъ, сейчасъ же дастъ, только возвратите ему внучку.

Этотъ доводъ, высказанный даже съ нѣкоторымъ азартомъ, былъ послѣднимъ козыремъ въ игрѣ Горизонтова, и онъ былъ увѣренъ въ душѣ, что перспектива такой выгодной сдѣлки непремѣнно должна поколебать Серафиму. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто ожидаемой податливости или, по крайней мѣрѣ, раздумья, онъ увидѣлъ, что монахиня, вся блѣдная отъ негодованія и боли нанесеннаго ей оскорбленія, поднялась со своего мѣста.

— Послѣ этихъ словъ, сдержанно заговорила она, выпрямившись во весь ростъ и видимо подавляя въ себѣ взрывъ возмущеннаго чувства: — послѣ этихъ словъ, господинъ Горизонтовъ, намъ не о чемъ больше говорить съ вами. Прошу васъ удалиться отсюда.

— Это за что же-съ? удивился опѣшенный секретарь, тоже вставая съ мѣста.—Я, кажется, не сказалъ вамъ ничего такого... О вашихъ же пользахъ радѣю... Мнѣ дорога только честь епархіи, чтобы на епархію нашу не было какихъ нареканій въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ... Мы вѣдь здѣсь, не забывайте, на окраинѣ-съ...

— Прошу васъ удалиться отсюда, настойчиво повысивъ голосъ, повторила монахиня.

Горизонтовъ молча пожалъ плечами и хихикнулъ съ обычною своею ухмылочкою. Онъ убѣдился, что дѣло его окончательно не выгорѣло, и три тысячи улыбнулись...

— Извольте-съ, я удаляюсь, проговорилъ онъ, силясь придать себѣ равнодушно-саркастическую улыбку, тогда какъ самъ чуть не захлебывался отъ злости и досады:—Я удаляюсь... Но помните, какъ бы вамъ не пришлось покаяться... жестоко покаяться, да ужь поздно будетъ!..

И повернувшись безъ поклона игуменьѣ, Горизонтовъ раздраженно быстрыми шагами вышелъ изъ келіи.

Оставшись одна, Серафима нѣсколько времени стояла, какъ ошеломленная, въ полномъ оцѣпенѣніи, и затѣмъ медленно провела по лицу руками, точно бы приходя въ себя отъ какого-то подавляющаго кошмара. Для нея было теперь

совершенно ясно, что Горизонтовъ подкупленъ Евреями и что подкупъ этотъ состоялся уже послѣ отправленія къ ней бумаги, имъ же самимъ скрѣпленной. Изъ его оскорбительнаго предложенія сдѣлки съ Бендавидомъ, будто бы готовымъ бросить на это дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ, ей не трудно было уразумѣть, что Евреи не отступятся легко отъ своей задачи вырвать изъ монастыря Тамару какими бы то ни было способами. Точно такъ же было ясно, что Горизонтовъ—ихъ полный союзникъ и что онъ не кончитъ на этомъ визитѣ свою попытку; напротивъ, онъ теперь настойчиво и ловко станетъ дѣйствовать на владыку, и весьма вѣроятно, что тутъ со всѣхъ сторонъ будутъ пущены въ ходъ разныя вліянія и давленія на нее, Серафиму, и бороться съ этими вліяніями ей одной будетъ трудно, можетъ, и совсѣмъ невозможно. Кто знаетъ, можетъ быть, тотъ же Горизонтовъ завтра убѣдитъ владыку подписать новую бумагу, въ отмѣну сегодняшней; можетъ быть, съ другой стороны, въ дѣло вступится губернская власть, прокурорскій надзоръ, жандармы, благотворительныя дамы, и всѣ они, вмѣстѣ съ епархіальнымъ начальствомъ, настойчиво станутъ приставать къ ней, просить, совѣтовать, требовать и понуждать ее отступиться отъ Тамары, выдать ее головой еврейскому кагалу... И нѣтъ сомнѣнія, что подъ давленіемъ еврейскихъ происковъ—гдѣ лестью, гдѣ тайнымъ соблазномъ, гдѣ во имя либерализма и Богъ-вѣсть чего еще—всѣ они примутся ковать это желѣзо, пока оно горячо,—дремать и медлить, конечно, не станутъ... А между тѣмъ, изъ своего разговора съ Тамарой она вынесла полное убѣжденіе, что въ ней дѣйствуетъ глубокое внутреннее влеченіе ко Христу, что для нея окончательно уже нѣтъ возврата въ еврейство, что выходъ изъ монастыря въ покинутую среду равносиленъ для нея самоубійству. Послѣ этого, выдача ея была бы предательствомъ, осужденіемъ живой, стремящейся къ свѣту, души на конечную гибель, великимъ грѣхомъ, который легъ бы тяжелымъ и вѣчнымъ бременемъ на совѣсть самой Серафимы,—нѣтъ, этого она не сдѣлаетъ, не въ состояніи сдѣлать.

Серафима понимала, что кромѣ нея, у Тамары нѣтъ теперь прибѣжища и защиты, что еслибы она ушла отсюда къ своему женниху,—кто бы онъ ни былъ,—это не спасетъ ее отъ преслѣдованій,—напротивъ, еще ухудшитъ ея положеніе потерею добраго имени. Въ качествѣ кого войдетъ она къ нему, не будучи христіанкой, не имѣя права стать сейчасъ же его законною женою? Это та же погибель. Но,

какъ же тутъ быть? чѣмъ защититься?.. Ясно одно, что медлить и ждать невозможно, надо принимать мѣры, но надо дѣйствовать, не теряя ни минуты.

— Господи!.. Помоги и вразуми, что мнѣ дѣлать? скорбно прошептала Серафима, вскинувъ глаза на образъ.

И войдя въ свою спаленку, она пала на колѣни предъ озареннымъ лампадою кіотомъ и горячо стала молиться — безъ словъ, однимъ внутреннимъ порывомъ души, тою мысленною молитвой, для которой ни на какомъ языкѣ человѣческомъ нѣтъ выраженій. Благоговѣйно склонясь челомъ до земли, она какъ бы ждала себѣ напитія и просвѣтленія свыше. Да и кромѣ того, молитва эта была для нея не только отвлеченіемъ въ другую сторону, но и побѣдой надъ тѣмъ чувствомъ возмущенія и негодованія, которое невольно, по человѣческой природѣ, поднялось въ ея душѣ отъ оскорбительныхъ словъ Горизонтова. Не долга была молитва, но послѣ нея Серафима встала успокоенная, примиренная внутренно сама съ собою, укрѣпленная на дальнѣйшую борьбу духомъ бодрости, съ запасомъ новыхъ нравственныхъ силъ и съ безповоротною рѣшимостію.

Она присѣла къ письменному столу и стала составлять телеграмму въ Петербургъ, на имя одной изъ своихъ высокихъ покровительницъ, гдѣ обстоятельно изложила все дѣло и положеніе, какъ Тамары, такъ и свое въ данномъ случаѣ и, въ виду энергично и всѣми путями дѣйствующей еврейской интриги, умоляла ее безотлагательно взять беззащитную дѣвушку подъ свою высокую руку, и тѣмъ доставить ей возможность спокойно и безъ помѣхи принять святое крещеніе, чего въ Украинскѣ достигнуть едва-ли будетъ возможно, такъ какъ озлобленіе и дерзость Евреевъ дошли уже до того, что независимо отъ тайныхъ происковъ кагала, еврейская уличная толпа держала сегодня обитель нѣкоторое время въ осадѣ, бросала во святыя ворота и черезъ стѣну во дворъ монастырскій каменья, повышибала въ сторожкѣ стекла и даже разбила камнемъ стекло на надвратномъ образѣ Живоначальныя Троицы.

Серафима очень осторожно и рѣдко, только въ исключительныхъ и важнѣйшихъ случаяхъ монастырской жизни, позволяла себѣ обращаться съ просьбами и представленіями въ Петербургъ, къ тѣмъ высокопоставленнымъ особамъ, которыя сохраняли къ ней свое благоволеніе, въ память ея прежней близости ко двору, на что нѣкогда, до монашескаго клобука, давало ей право и ея рожденіе, и положеніе въ высшемъ обществѣ, соединенное съ придворнымъ званіемъ.

Но настоящій случай былъ сочтенъ ею на столько важнымъ, что она рѣшилась безотлагательно прибѣгнуть къ этому чрезвычайному и послѣднему своему средству.

Прежде, однако, чѣмъ отправить свою телеграмму, она призвала къ себѣ Тамару и откровенно объяснила ей, что происки о возвращеніи ея домой, къ роднымъ, уже начались и, безъ сомнѣнія, пойдутъ еще дальше и выше, и неизвѣстно, гдѣ и на чемъ остановятся. Можно ожидать всего худшаго, даже того, что игуменьѣ просто прикажутъ удалить ее изъ монастыря, на попеченіе родственниковъ, какъ несовершеннолѣтнюю и, стало быть, еще не самостоятельную, не полноправную особу, и она, Серафима, не въ силахъ будетъ бороться одна противъ напора съ разныхъ сторонъ и особенно со стороны оффиціальной, если и послѣдняя вмѣшается въ дѣло. А что вмѣшательство ея возможно, на это, къ сожалѣнію, уже имѣются нѣкоторые признаки. По ея мнѣнію, есть одно только средство защиты, которое кажется ей наиболѣе вѣрнымъ, это—обратиться въ Петербургъ и тамъ просить покровительства. У Серафимы есть надежда, что въ этомъ покровительствѣ не встрѣтится отказа, и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, послѣдуетъ одно изъ двухъ: или Тамарѣ будетъ совершенно обезпечено ея дальнѣйшее пребываніе въ монастырѣ, пока для нея будетъ въ томъ надобность, или же ей придется уѣхать, по вызову, въ Петербургъ, гдѣ не оставятъ ее безъ надежнаго крова и крѣпкой защиты, и тамъ уже спокойно готовиться ко крещенію. Согласна ли она на это?

Тамара отвѣчала, что приметъ съ покорностью и благодарностью все, что угодно будетъ сдѣлать для нея Серафимѣ, такъ какъ увѣрена, что это можетъ быть ей только къ добру. Она еще разъ просила игуменью вѣрить, что рѣшеніе ея принять христіанство есть результатъ не легкомысленнаго увлеченія, а очень сложнаго душевнаго процесса, очень трудной и мучительной работы надъ собою, что оно въ ней совершенно добровольно и твердо, какъ вполнѣ сознательное, продуманное рѣшеніе, а потому она еще и еще разъ повторяетъ, что въ еврейство никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ болѣе не возвратится.

Тогда Серафима прочитала ей свою телеграмму,—и обрадованная Тамара со слезами на глазахъ бросилась благодарить ее, цѣловала ей руки и просила ускорить отправленіе депеши. Письмо Каржоля, незадолго до сего переданное ей по секрету келейницей Натальей, она успѣла не только хорошо прочитать, но и хорошо запрятать его у себя на груди,

еще ранѣе призыва своего къ игуменьѣ. Теперь она еще болѣе вѣрила въ этого человѣка и была убѣждена, что какъ только онъ узнаетъ о ея отъѣздѣ въ Петербургъ,—если этому суждено случиться,—то и самъ не замедлитъ пріѣхать туда же, чтобы вести ее отъ купели къ вѣнцу. О, тамъ они наконецъ будутъ невозмутимо счастливы!.. Новая, глубоко искренняя вѣра во Христа, свѣтлая первая любовь, новая радостная жизнь, новое общество, новый міръ и новый житейскій разумный трудъ доброй жены, а со временемъ, дастъ Богъ, и матери,—вотъ та заманчивая заря тихаго, честнаго семейнаго счастья, которая, казалось ей, начинаетъ уже для нея заниматься... А тамъ, узнавъ о ея счастіи, о маленькихъ правнукахъ, дастъ Богъ, и дѣдушка съ бабушкой когда-нибудь примирятся съ нею, простятъ ей,—вѣдь есть же у нихъ сердце, вѣдь они же такъ ее любятъ!..

Спустя около получаса послѣ того, какъ растроганная Серафима, поцѣловавъ и успокоительно обласкавъ Тамару, съ миромъ отпустила ее отъ себя, Украинская телеграфная станція уже передавала по назначенію длинную и подробную телеграмму игуменьи.

Въ этотъ же день, вечеромъ, спѣшно уложивъ свои чемоданы и разсчитавшись, при помощи Блудштейна, съ домашнею прислугой, графъ Каржоль, со своимъ датскимъ догомъ, въ послѣдній разъ усѣлся въ свою „собственную“ карету, на козлахъ которой, рядомъ съ кучеромъ, помѣстился его излюбленный камердинеръ, и отправился на желѣзную дорогу, подъ конвоемъ все тѣхъ же двухъ своихъ „мучителей“, Блудштейна и Брилльянта, которые слѣдовали сзади его на извощикѣ.

На вокзалѣ милѣйшій и обязательнѣйшій Абрамъ Іоселіовичъ самъ взялъ въ кассѣ билеты прямаго сообщенія до Москвы—одинъ первоклассный для графа, другой—собачій, для его дога, и два третьяго класса, для камердинера и еще для одного „человѣчка“,—но этотъ послѣдній уже, такъ сказать, „по секрету“, какъ для графа, такъ и для его слуги; затѣмъ самъ сдалъ въ багажъ графскіе чемоданы, самъ занялъ для его сіятельства удобное мѣсто въ отдѣльномъ купе́, самъ расплатился съ носильщиками и даже самъ приглядѣлъ, какъ рабочіе, при содѣйствіи графскаго камердинера, усаживали и подпихивали датскаго дога, не желавшаго лѣзть въ собачью кануру, за рѣшотку.

А рабби Іонаѳанъ, между тѣмъ, издали слѣдилъ за самимъ Каржолемъ, который равнодушно, съ фланирую-

щимъ видомъ человѣка, пріѣхавшаго отъ нечего-дѣлать развлечься на вокзалъ, прогуливался по платформѣ. Пять тысячъ рублей, пріобрѣтенные цѣною подписи пятидесятитысячнаго векселя, лежали теперь въ его бумажникѣ, и это обстоятельство значительно способствовало внутреннему успокоенію графа. Онъ былъ увѣренъ, что и съ такими маленькими деньгами не только не пропадетъ, но въ концѣ концовъ даже восторжествуетъ надъ всѣмъ Украинскимъ кагаломъ. Хотя въ душѣ и было ему очень досадно и больно, что дѣло, начатое имъ столь ловкимъ и блестящимъ образомъ, затягивается на неопредѣленное время, благодаря такой неожиданной случайности, какъ эта скупка векселей, но нечего дѣлать, приходится пока уступить. Онъ уступаетъ, но въ душѣ далеко не отказывается отъ своего стратегическаго плана. Уступка его лишь временная, — въ этомъ онъ самъ твердо увѣренъ, или, по крайней мѣрѣ, ему такъ кажется, будто это и въ самомъ дѣлѣ увѣренность. Принимая на себя равнодушно-спокойный видъ, графъ сознавалъ, что иначе ему нельзя, что *надо* казаться спокойнымъ, какъ бы на высотѣ своего всегдашняго положенія, „faire bonne mine à mauvais jeu“, для поддержанія собственнаго „престижа“, тѣмъ болѣе, что на вокзалѣ встрѣтилось ему двое-трое знакомыхъ, одинъ изъ которыхъ даже спросилъ его, не ѣдетъ ли онъ куда-нибудь, и куда именно? Графъ отвѣчалъ, что получилъ сегодня телеграмму, вслѣдствіе которой ему необходимо экстренно съѣздить въ Москву, по одному важному дѣлу, но что ѣдетъ онъ совсѣмъ налегкѣ, такъ какъ разсчитываетъ черезъ нѣсколько дней вернуться. Сказано все это было такимъ естественнымъ тономъ, что для знакомыхъ не оставалось никакихъ причинъ усомниться въ истинѣ словъ Каржоля.

Между тѣмъ, рядомъ съ наблюдавшимъ за нимъ Брилльянтомъ, стоялъ родной племянникъ Блудштейна, молодой еврейчикъ въ „цивильномъ“, то-есть общеевропейскомъ костюмѣ, съ дорожною сумкой черезъ плечо, и этому еврейчику, не спуская глазъ съ Каржоля, ламданъ наскоро, но внушительно передавалъ на еврейскомъ жаргонѣ нѣкоторыя инструкціи и наставленія. Еврейчикъ, отъѣзжавшій какъ бы по собственнымъ дѣламъ, долженъ былъ отконвоировать Каржоля до самой Москвы, не подавая ему, однако, и тѣни подозрѣнія, что онъ за нимъ наблюдаетъ, но въ то же время зорко слѣдя на каждой станціи, чтобы графъ не вздумалъ дать стрекача куда-нибудь въ сторону, въ предѣлахъ края. Въ этомъ случаѣ соглядатай долженъ слѣдовать за нимъ и

тотчасъ же извѣстить о семъ Блудштейна по телеграфу. Для наиболѣе удобнаго, такъ сказать, ежеминутнаго наблюденія, надо непремѣнно сѣсть въ одинъ вагонъ съ графскимъ человѣкомъ, и какъ можно ближе къ сему послѣднему, вступить съ нимъ въ случайный разговоръ и постараться вывѣдать, что можно, о планахъ и намѣреніяхъ его барина. Въ Москвѣ еврейчикъ точно такъ же долженъ не упускать Каржоля изъ виду, остановиться, по возможности, въ одной съ нимъ гостинницѣ, въ наиболѣе дешевомъ, конечно, нумерѣ, и вообще тайно слѣдить за нимъ повсюду, пока наконецъ графъ не осядется вполнѣ въ какомъ-либо опредѣленномъ пунктѣ, гдѣ можно будетъ устроить дальнѣйшее негласное наблюденіе за нимъ посредствомъ когонибудь изъ тамошнихъ мѣстныхъ Евреевъ. Только въ этомъ случаѣ еврейчикъ будетъ въ правѣ считать свою миссію оконченною. Паспортъ соглядатая давалъ ему право на пребываніе внѣ черты еврейской осѣдлости, — стало быть, съ этой стороны, на счетъ полицейскихъ придирокъ, онъ могъ быть вполнѣ спокоенъ, а деньги на путевые и прочіе расходы были въ достаточномъ количествѣ вручены ему на вокзалѣ дядюшкой-Блудштейномъ, за счетъ Бендавида. Такимъ образомъ, предупрежденіе, сдѣланное сегодня Каржолю „милѣйшимъ“ Абрамомъ Іоселіовичемъ, о томъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, еврейскій глазъ всегда будетъ слѣдить за нимъ,—очевидно, но было одною лишь фразой, угрожающей въ пустую. Еврейская „полиція внѣ полиціи“ и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, оставалась на высотѣ своего особаго назначенія во Израилѣ.

По второму звонку, графъ спокойно вошелъ, въ сопровожденіи того же Абрама Іоселіовича, въ занятое для него купе, гдѣ Абрамъ Іоселіовичъ передалъ ему съ рукъ на руки биллетъ съ квитанціей отъ багажа, а такъ какъ это случилось въ присутствіи одного изъ знакомыхъ графа, тоже отъѣзжавшаго куда-то по-близости, то даже простился съ его сіятельствомъ самымъ любезнѣйшимъ образомъ, пожелавъ ему всякаго благополучія „увъ его путю“. Глядя на это, посторонніе люди могли бы подумать-себѣ, что, безъ сомнѣнія, у Каржоля съ Блудштейномъ какія-нибудь дѣла, и что Блудштейнъ состоитъ у него даже на маленькихъ дружескихъ послугахъ, какъ у такого „гроссъ-пурица“ [1]).

Въ то же самое время еврейчикъ-соглядатай, вслѣдъ за графскимъ камердинеромъ, юркнулъ въ сосѣдній вагонъ

[1]) Большаго барина.

третьяго класса,—и по послѣднему звонку, поѣздъ медленно тронулся съ мѣста. Абрамъ Іоселіовичъ стоялъ на платформѣ и, приподнявъ свой „петерзбургскій цилиндеръ“, какъ самый цивилизованный Еврей, „деликатно“ посылалъ Каржолю пріятныя улыбки и прощальные поклоны, тогда какъ остававшійся поодаль Іонаѳанъ-ламданъ выразительно грозилъ пальцемъ высунувшемуся въ окошко еврейчику,—дескать, смотри жъ ты мнѣ, гляди въ оба!

Съ вокзала оба они полетѣли къ Бендавиду сообщить радостную вѣсть, что „шейгецъ“ Каржоль уже благополучно сплавленъ изъ Украинска подъ надежнымъ надзоромъ, и Абрамъ Іоселіовичъ передалъ при этомъ старику послѣдній пятидесяти-тысячный вексель графа, сдѣлавъ на немъ передаточную надпись.

Въ тотъ же вечеръ, по „заходѣ шабаша“, то есть съ закатомъ солнца, когда обыкновенно весь Украинскій Израиль высыпаетъ „на шпацеръ“, наполняя бульваръ и улицы еврейскихъ кварталовъ пестрыми, по-праздничному разряженными группами Евреекъ и Евреевъ, со чады и домочадцы,—между всѣми этими „шпацирующими“ группами только и разговора было, что о побѣгѣ Тамары. Вся исторія, при передачѣ ея изъ устъ въ уста, со множествомъ поясненій, догадокъ и дополненій, принимала, конечно, самые чудовищные, даже фантастическіе размѣры. Израиль видимо волновался, и особенно женская его половина. Для однихъ все это дѣло представляло интересъ величайшаго скандала, для другихъ давало пріятный поводъ позлорадствовать надъ Тамарой и семействомъ Украинскаго „гвира“, но злорадствовать, разумѣется, не иначе какъ со вздохами фарисейскаго сокрушенія и сожалѣнія о случившемся, какъ того требуетъ еврейское приличіе. Большинство же усматривало въ приключеніи Тамары величайшее оскорбленіе всему Израилю. Одни утверждали, что это кара за грѣхи, за то, что Евреи, забывъ отеческіе завѣты, стали воспитывать своихъ дѣтей не по-еврейски, отдавать ихъ, вмѣсто хедеровъ и ешеботовъ, въ гимназіи и на разные „курсы-фурсы“; другіе же озлобленно взвинчивали себя по этому поводу на самый фанатическій ладъ противъ „гойевъ“.

Но въ то же время, среди волнующагося Израиля замѣчалось и еще одно, совершенно новое, теченіе. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ и группахъ—гдѣ таинственнымъ и боязливымъ шепотомъ, а гдѣ и громко—высказывались порицанія и даже прямыя обвиненія Украинскаго кагала въ томъ, что

онъ не только допустилъ, но и самъ соборне совершилъ вопіющее, да еще мало того: публичное нарушеніе святости дня субботняго. Кагалъ оскорбилъ и осквернилъ святую Субботу тѣмъ, что повелѣлъ подъ страхомъ херима [1]) безотлагательно произвести въ этотъ день сдѣлки по обязательной передачѣ векселей Каржоля въ руки Бендавида, разрѣшилъ, вопреки закону, давать и принимать за нихъ деньги, то-есть совершать въ субботу куплю и продажу, писать и подписывать акты и документы и т. п. Передавалось изъ устъ въ уста, что весь этотъ рядъ сегодняшнихъ противузаконныхъ дѣйствій поднялъ большіе толки, ропотъ и протесты въ нѣкоторыхъ миніонахъ [2]) и вызвалъ истинное возмущеніе въ средѣ хассидовъ; при этомъ называлось имя извѣстнаго Иссахаръ Бера, какъ человѣка, который имѣлъ мужество первымъ поднять благочестивый голосъ противъ такого религіознаго безчинства. Говорили, что Иссахаръ-Беръ, въ качествѣ бывшаго парнеса [3]), нарочно посѣтилъ нѣсколько хассидскихъ собраній, чтобы объяснять своимъ друзьямъ ужасный смыслъ и истинную подкладку всѣхъ этихъ беззаконій кагала, что у Иссахара образовалась уже цѣлая партія единомышленниковъ, которая теперь, по заходѣ шабаша, распространяя его идеи и взгляды, агитируетъ вездѣ, гдѣ можно, противъ кагала и все больше и больше вербуетъ Иссахару сторонниковъ между всякими „малконтентами“ и разными ремесленниками; что все „святое Хевро“ (погребальное братство) стоитъ уже на его сторонѣ и что противъ такой силы пречистому кагалу, пожалуй, не сдобровать.

Все это, разумѣется, не могло не дойти стороной и до нѣкоторыхъ членовъ кагала, которые учуяли тутъ серьезную опасность и для авторитета самаго учрежденія, и для

---

[1]) Проклятія и отлученія, послѣ чего отверженецъ поставляется внѣ закона.

[2]) *Миніонъ*—частная молельня. Каждый желающій Еврей можетъ, съ разрѣшенія кагала, открыть у себя временную или постоянную молельню, куда могутъ собираться для совмѣстной молитвы, духовнаго чтенія и душеспасительныхъ бесѣдъ, родственники, друзья и сосѣди хозяина, въ числѣ не менѣе десяти совершеннолѣтнихъ мужчинъ (считая совершеннолѣтіе съ 13-ти лѣтъ и 1 дня). За право открытія и существованія миніоновъ вносится въ кагалъ опредѣленная сумма денегъ хозяиномъ дома, или сообща, по раскладкѣ между постоянными посѣтителями молельни.

[3]) *Парнесы*—избранные представители и попечители еврейскихъ общинъ. О значеніи хассидовъ и хассидизма говорилось раньше, въ примѣчаніяхъ къ главѣ XVII.

себя лично, для собственнаго привиллегированнаго положенія.—Какъ!.. Осмѣлиться колебать народное довѣріе къ непогрѣшимости кагала, подрывать незыблемость его авторитета, подводить интригу и мины подъ всѣхъ и каждаго изъ его членовъ,—да это что жъ такое?!—Ниспроверженіе всѣхъ вѣковѣчныхъ основъ религіознаго и общественнаго строя, посягательство на личное положеніе (это главное) и личную честь каждаго изъ членовъ кагала, чтобы дискредитировать ихъ, и самому со своими гнусными друзьями-хаборами [1]) сѣсть на ихъ мѣсто... Да это разбой, грабежъ,—болѣе того: это бунтъ, революція!—Нѣтъ, этого такъ пропустить невозможно! Надо пресѣчь зло сейчасъ же, надо съ корнемъ вырвать опасный духъ возмущенія, согнуть въ дугу крикуновъ, въ бараній рогъ возмутителей, чтобы другимъ не повадно было!—И члены кагала, какъ черные тараканы въ потемкахъ, повылазили изъ своихъ щелей и, подъ покровомъ вечерней тьмы, забѣгали одинъ къ другому сообщать и совѣщаться объ опасности, грозящей пречистому кагалу.

Иссахаръ Беръ представлялся врагомъ серьезнымъ. Во-первыхъ, онъ самъ дока въ законѣ, талмудъ-хахомъ, бороться съ которымъ на гибкой и зыбкой почвѣ талмудической казуистики очень трудно; во-вторыхъ, онъ одинъ изъ габаевъ погребальнаго братства и при томъ бывшій парнесъ,—стало быть, занимаетъ видное и вліятельное положеніе, способное создать ему сильную партію изъ разныхъ недовольныхъ лицъ—мало ли есть такихъ!—а главное, изъ хассидовъ, потому что и самъ онъ хассидъ. Онъ изъ честолюбія давно уже добивается избранія въ члены кагальнаго Совѣта, но это такой безпокойный и желчный человѣкъ, и такой у него вздорный, неужившивый нравъ, да при томъ еще такое адское самомнѣніе, такая сатанинская жажда первенствовать, главенствовать, считать себя умнѣе и ученѣе всѣхъ, что члены Совѣта, при каждыхъ выборахъ въ выпускные дни Пасхи, пускали въ ходъ—конечно, негласнымъ и подпольнымъ образомъ—все свое вліяніе на „*асифа*“ и „*бореримъ*“ [2]) и всѣ ма-

---

[1]) *Хаборъ* значитъ собственно товарищъ, братчикъ, членъ какого-либо союза или братства. Въ прежнія времена названіе *хаборъ* присвоивалось, какъ титулъ, членамъ ученой корпораціи; но позднѣе, этихъ ученыхъ начали титуловать „*морейне*“, и съ тѣхъ поръ словомъ *хаборъ* начали уже обозначать лицъ, не получившихъ спеціально талмудическаго образованія.

[2]) По свидѣтельству Я. А. Брафмана (Кн. Кагала, т. I, 90), еврейская община представляетъ собою въ настоящее время систему пра-

хинаціи къ тому, чтобы помѣшать избранію Иссахаръ Бера, или провалить его. Довольно, молъ, съ него и того, что успѣлъ пролѣзть въ габаи Хевро! Но теперь... теперь они не могли не сознавать, что дали противъ себя сильное оружіе въ руки Иссахаръ Бера... Надо бороться, надо совокупить для борьбы всѣ свои силы, всѣ средства и, такъ или иначе, сокрушить рогъ противника и оторвать отъ него весь его гнусный хвостъ, всѣхъ этихъ пустосвятовъ, пустозвоновъ и приспѣшниковъ.

Предсѣдатель кагальнаго Совѣта, „смиренный“ Борухъ бенъ Іосель Натансонъ сдѣлалъ по этому поводу секретное словесное распоряженіе, чтобы завтра всѣ члены кагала собрались въ бейсъ-гакнесетъ къ шахрису [1]), послѣ котораго общими силами они обсудятъ, что̀ дѣлать.

вильно организованныхъ учрежденій, съ совершенно яснымъ разграниченіемъ между ними власти и съ выборнымъ началомъ. Учрежденія эти, соблюдая тѣснѣйшую связь между собою, какъ части одного цѣлаго, распадаются на административныя, судебныя, духовныя, учебныя и союзныя. Совокупность всей власти, или высшая власть общины, сосредоточена въ рукахъ „*асифа*“—общаго собранія, состоящаго изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины, изъ „*морейне*“, т. е. такихъ, которые получили талмудическое образованіе. Изъ этого уже ясно, что управленіе еврейской общины носитъ на себѣ аристократическій характеръ, ибо человѣкъ, не получившій талмудическаго образованія, какъ плебей, считается лицомъ неполноправнымъ и не принимаетъ участія въ „асифа“. Дѣла, подлежащія обсужденію „асифа“, рѣшаются по большинству голосовъ, но рѣшенія подписываются не всѣми участвовавшими въ собраніи лицами, а лишь семью *тубами*, т. е. лицами, признанными избраніемъ общины въ качествѣ ея почетныхъ членовъ. Вѣдѣнію *асифа* подлежатъ: 1) избраніе *раввина* (предсѣдателя кагала и суда), *хазана* (синагогальнаго кантора) и *сифре-ведайне* (кагальнаго нотаріуса), 2) избраніе изъ своей среды пяти членовъ-избирателей (*боберимъ*), на обязанности которыхъ лежитъ выборъ должностныхъ лицъ, во-первыхъ, для кагала (общественнаго управленія) и, во-вторыхъ, для бетъ-дина (суда). Для кагала избираются: *роши*—головы, *лемалоты*—кандидаты ихъ, *тубы*—почетные представители, *икоры*—дѣйствительные члены и *габаи*—старосты. Для бетъ-дина же—*дайонимъ кебуимъ* и *дайонимъ шеномъ кебуимъ*, т. е. постоянные и временные судьи. Затѣмъ, вѣдѣнію „*асифа*“ подлежатъ еще: утвержденіе чрезвычайныхъ сборовъ и налоговъ, необходимыхъ для покрытія расходовъ по дѣламъ, касающимся мѣстной общины или еврейства всего края, и разрѣшеніе открытія новыхъ благотворительныхъ учрежденій, постройки новыхъ молитвенныхъ домовъ и т. д. Выборы эти происходятъ ежегодно въ выпускные дни праздника Пасхи. Актомъ назначенія избирателей (*боберимъ*) и экстренными засѣданіями въ году исчерпывается роль „*асифа*“, и вся совокупность правъ его уже переносится и дѣлится между двумя установленными имъ органами, административнымъ и судебнымъ, т. е. кагаломъ и бетъ-диномъ.

[1]) Шахрисъ или шахритъ—утреннее богомоленіе.

ГЛАВА XXII.

Бегулесъ у-Махлейкесъ.

Еще до начала шахриса, зала бейсъ-гакнесета, къ удивленію членовъ кагала, оказалась почти полна, вовсе не побудничному, да и во время самаго богомоленія разный еврейскій людъ продолжалъ наполнять ее все болѣе и болѣе. Во всѣхъ присутствовавшихъ тамъ замѣчалось сильное возбужденіе, взрывы котораго пока еще сдерживались только уваженіемъ къ самому акту богомоленія; но разные многозначительные взгляды и улыбки, кивки, перемигиванія и перешептыванія среди лицъ этой публики показывали, что нервно подвижная семитская натура еле перемогаетъ себя и ждетъ-не дождется момента, когда, наконецъ, можно будетъ сбросить съ себя узду обязательной сдержанности. Ожидалось, въ нѣкоторомъ родѣ, генеральное сраженіе между двумя лагерями, созданными вчерашнимъ случаемъ. Одни изъ публики, подстрекаемые зудомъ семитскаго любопытства, пришли сюда лишь за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, что и какъ будетъ и чѣмъ кончится; большинство же явилось съ цѣлью принять живѣйшее участіе въ борьбѣ двухъ партій. Всѣ члены кагала были на лицо, и по ихъ озабоченнымъ, недовольнымъ и кислымъ физіономіямъ можно было догадываться, что они чувствуютъ себя не совсѣмъ-то хорошо. Особенно было досадно имъ это необычное стеченіе публики, которое одно уже, само по себѣ, ясно показывало, что вчерашнее словесное распоряженіе авъ-бейсъ-дина [1]) не сохранилось въ тайнѣ и что противники ихъ, узнавъ о немъ заблаговременно, успѣли предупредить его. Но принять противъ всей этой публики крутыя мѣры, выгнать ее по-вчерашнему, члены кагала сегодня уже не отваживались: это могло бы только породить еще новыхъ недовольныхъ, озлобить большинство, создать новыхъ противниковъ, которые, имѣя въ виду вчерашній опытъ, сегодня, пожалуй, оказали бы шамешамъ и шотрамъ болѣе серьезное сопротивленіе. Кагалъ опасался кровавой свалки и драки въ стѣнахъ самой синагоги. Но какъ ни непріятно было присутствіе лишней публики, удалять ее казалось ему тѣмъ болѣе не политичнымъ,

---

[1]) *Авъ-бейсъ-динъ*—предсѣдатель кагала и суда, главный раввинъ. Въ буквальномъ смыслѣ—*отецъ судилища.*

что вмѣстѣ съ противниками пришлось бы удалить и своихъ сторонниковъ, а кагалъ нуждался въ ихъ поддержкѣ, потому что ему нужно было, во что бы то ни стало, оправдать себя передъ всею общиной. Но онъ разсчитывалъ сдѣлать это иначе: онъ думалъ, что ему удастся обсудить свое положеніе келейно, въ закрытомъ засѣданіи, и затѣмъ уже опубликовать особымъ манифестомъ, во всеобщее свѣдѣніе, объясненіе всѣхъ мотивовъ своихъ дѣйствій, согласно съ подходящими статьями и пунктами талмудическихъ постановленій. Увы! эта надежда, повидимому, оказывалась тщетною.

Между присутствующими замѣчалось не малое число сторонниковъ Иссахаръ Бера, какъ завѣдомыхъ, такъ и предполагаемыхъ: много членовъ братства „Хеврò“, еще больше разныхъ хассидовъ, но самого Иссахара еще не было. Онъ явился только въ концѣ богомоленія и не безъ труда протискался впередъ, къ ступенямъ амвона, съ высоты котораго обыкновенно раздается слово проповѣдника. Появленіе его, видимо, произвело извѣстное впечатлѣніе, какъ между членами кагала, такъ и въ публикѣ, гдѣ сейчасъ же прошла колеблющаяся волна общаго движенія впередъ и пробѣжалъ легкій гулъ сдержаннаго полушепота. Почти каждый приподымался на цыпочки и вытягивалъ шею, чтобы получше разглядѣть предметъ всеобщаго вниманія и любопытства. Съ появленіемъ его, напряженное ожиданіе толпы дошло до крайней степени нервности и нетерпѣнія.

Но вотъ, едва закончилось богомоленіе, какъ Иссахаръ Беръ быстро взбѣжалъ на амвонъ и, простря къ народу руки, зычно воскликнулъ:

— Бней Изроель!—Дѣти Израиля! Братья мои! Къ вамъ мое слово! Прошу вниманія!

Въ народѣ тотчасъ же обнаружилось сильное движеніе, и пошелъ гулъ возбужденнаго говора. Кто-то изъ членовъ кагала крикнулъ:—„Что-за самовольство!?..Долой съ амвона! Снять его!“—и шотры съ мешуресами уже бросились-было исполнять это приказаніе, какъ вдругъ толпа сторонниковъ Иссахара быстро бросилась впередъ, съ гвалтомъ оттѣснила шотровъ и стала живою стѣной между амвономъ и остальной залой, готовая защищать своего вожака отъ всякихъ покушеній. У многихъ изъ этой толпы виднѣлись въ рукахъ даже кастеты и торчавшіе изъ-подъ рукава безмѣны и мѣдные пестики отъ кухонныхъ ступокъ,—на случай, еслибы шотры, по-вчерашнему, вздумали пустить въ ходъ свои трехвостки и „жезлы Ааронovы“.

— Шша!.. Тише вы!.. Слушайте!.. Дайте благочестивому мужу сказать свое слово! раздавались убѣждающіе возгласы въ разныхъ концахъ залы, тогда какъ другіе, махая руками, кричали: — Не надо!.. Не хотимъ!.. Долой его!

Въ такомъ положеніи прошло нѣсколько минутъ. Общее волненіе и гулъ голосовъ не унимались. Тогда торжественно и важно поднялся на биму [1]) самъ авъ-бейсъ-динъ, высокомудрый раввинъ Борухъ Натансонъ и высоко поднялъ вверхъ правую руку, въ знакъ того, что хочетъ говорить къ народу. Вслѣдъ за своимъ предсѣдателемъ, поднялись на биму, одинъ за другимъ, и всѣ остальные члены кагала. Говоръ, между тѣмъ, въ виду поднятой раввинской руки, на половину сталъ тише, и раввинъ, собравъ всѣ силы своего старческаго голоса, сказалъ:

— Успокойтесь и слушайте!.. Пусть этотъ человѣкъ на амвонѣ скажетъ все, что имѣетъ сказать! Не будемъ мѣшать ему!

Такой ловкій пріемъ, менѣе всего ожидавшійся отъ представителя обвиняемой стороны, поразилъ толпу всеобщимъ удивленіемъ и многихъ изъ числа безразличныхъ людей даже расположилъ въ его пользу: во-первыхъ, это-де въ высшей степени безпристрастно и великодушно, а во-вторыхъ, значитъ, кагалъ не боится и, должно быть, стоитъ на твердой почвѣ, если такъ смѣло рѣшается дать впередъ столько шансовъ своему обвинителю. Послѣ этого волненіе мало-по-малу улеглось, и когда наконецъ водворилась достаточная тишина, Иссахаръ Беръ началъ сразу весьма патетическимъ ораторскимъ пріемомъ:

— Я оглушенъ общимъ ропотомъ противъ неслыханнаго, небывалаго нарушенія святости Субботы, и кѣмъ же?—Тѣми, кто наиболѣе строго и точно обязанъ блюсти ее!.. О, горе, горе Израилю!.. Этотъ величайшій изъ великихъ грѣховъ можетъ на цѣлыя тысячелѣтія отдалить *геула* [2]), даже совсѣмъ отвратить отъ Израиля лицо Господа—Гашемъ йисборейхъ! [3]) Талмудъ учитъ насъ, что кто нарушаетъ публично субботніе обряды, тотъ считается, какъ акимъ [4]).

---

[1]) Возвышенная эстрада посреди залы, съ которой читаются во время богослуженія Тора и Пророки.

[2]) Подъ словомъ *геула* разумѣется у Евреевъ пришествіе Мессіи, долженствующее сдѣлать ихъ владыками вселенной.

[3]) Да будетъ благословенно имя Его!

[4]) Христіанинъ, т. е. человѣкъ, хуже и презрѣннѣе котораго нѣтъ для Еврея.

Или забыли это вы,—вы, члены пречистаго кагала?! Скажите, что сдѣлали вы вчера, во имя кого и чего рѣшились вы взять такой ужасный грѣхъ, не только на свои души, но навести его черную тѣнь и на другихъ, на всю нашу злополучную общину, которая, въ силу вашего херима, была вынуждена совершать вчера куплю и продажу, брать деньги, писать документы, испытывать соблазнъ и смятеніе духа, вмѣсто того, чтобы пребывать въ свѣтло-радостномъ спокойствіи и молитвѣ?.. Что случилось такого особеннаго, изъ-за чего вы посягнули на это страшное преступленіе? Что какая-то дѣвка со своимъ любовникомъ убѣжала въ монастырь?.. Только-то??.. Отчего жъ вы раньше никогда не подымали такого гвалта, когда другія дѣвки сбѣгали?—А вѣдь такіе случаи бывали.—Отчего вы тогда не принимали и сотой доли тѣхъ мѣръ, что вчера, не смотря даже на то, что такіе побѣги къ ленухримъ [1]) случались и въ будни?.. Да, я понимаю,—это все оттого, что то были дѣвки простыя, плебейскихъ или бѣдныхъ семей, а тутъ вдругъ объявилась дѣвка-аристократка, внучка извѣстнаго гвира, родовитаго богача милліонера. Поэтому? Да?.. Небойсь, сбѣги моя дочь—хась вешолаумъ! [2]) вы бы и пальца объ палецъ не ударили, чтобъ спасти ее, а тутъ вдругъ и самую Субботу даже нашли возможнымъ нарушить! Почему такъ?—Отвѣчайте!.. Молчите?.. Ну, такъ я отвѣчу за васъ. Потому что вы—презрѣнные холопы, хамы нечестивые, наругавшіеся надъ отцомъ своимъ Ноахомъ въ лицѣ всего еврейства настоящаго, прошедшаго и будущаго! Оттого, что вы не Евреи, не слуги Господа и народа избраннаго, а слуги Ваала, пресмыкатели предъ тельцомъ златымъ,—вотъ вы кто, нечестивцы! Акимы вы, гойи!.. Потому и Суббота для васъ ничто; вы ее и за ломаный шелегъ продать готовы. Господи, Боже нашъ, Богъ Израилевъ! И это наши избранники,—Ты видишь ихъ,—наши „представители“, наши „лучшіе люди“!.. Ха, ха, ха!.. Позоръ... позоръ!.. Душа моя покрыта пепломъ скорби... И Ты, о Господи, сносишь еще въ долготерпѣніи Своемъ ихъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ?! И Ты не сотрешь ихъ съ лица земли ударомъ Твоего громоноснаго гнѣва?!.. О, адъ-моссай, адъ-моссай,—доколѣ еще сносить намъ такое нечестіе, такое попраніе святаго Твоего закона, такое поруганіе священнѣйшихъ установленій вождя и пророка

---

[1]) Къ чужимъ, иновѣрцамъ.
[2]) Сохрани Боже!

нашего Мойше—оловъ гашаломъ [1])—и всѣхъ отеческихъ завѣтовъ!.. Плачь, Израиль, сокрушайся, рви на себѣ одежду скорби, посыпь главу свою пепломъ и возгорись праведнымъ гнѣвомъ:—ты никогда еще не былъ посрамленъ и оскорбленъ болѣе, чѣмъ нынѣ. Шилхенъ Урихъ [2]), глава 72-я, гласитъ, что Суббота столь же важна, сколько всѣ заповѣди Божьи, вмѣстѣ взятыя, и что поэтому кто соблюдаетъ Субботу, какъ слѣдуетъ, тому воздастся за это, какъ бы за исполненіе всего закона; кто же нарушаетъ правила Субботы, тотъ поступаетъ, какъ отступникъ отъ всего закона. На основаніи сего, объявляю васъ, весь Совѣтъ Украинскаго кагала, въ полномъ его составѣ—*мойхалымъ шаббесъ*, нарушителями и осквернителями Субботы, отступниками отъ святаго закона еврейскаго, и торжественно, во всеуслышаніе заявляю вамъ, что отнынѣ ни единый честный и богобоязненный человѣкъ, не только нашей, но и никакой общины не можетъ признавать васъ кагаломъ, и не будетъ болѣе повиноваться никакимъ вашимъ постановленіямъ. Долой съ бимы, богоотступники! Вонъ отсюда, нечестивцы!

— Вонъ! вонъ!.. Не признаемъ васъ больше! раздались вдругъ горячіе крики въ толпѣ сторонниковъ Иссахара.— Вонъ! Долой!.. Собрать асифа!.. Асифа!.. Пусть назначатъ новые выборы!

Опять поднялся общій гамъ, и пошла сумятица, и снова поднялъ вверхъ свою руку Борухъ Натансонъ. Но теперь унять толпу оказалось гораздо труднѣе, тѣмъ болѣе что и на многихъ сторонниковъ кагала рѣчь Иссахара навела раздумье и сомнѣнія въ законности дѣйствій Совѣта. Иссахаръ торжествовалъ и считалъ уже свою битву выигранной. Одни кричали за него, другіе противъ, но послѣдніе были уже въ меньшинствѣ, и дѣло ежеминутно грозило дойти до общей свалки. Еврейскія „Бегулесъ“ и „махлейкесъ“—то есть смуты и раздоры, казалось, достигли полнаго разгара. Тщетно раздавались съ бимы громкіе удары кожаной хлопушки,

---

[1]) Блаженной памяти или миръ его праху — выраженіе, всегда прибавляемое къ имени святыхъ и пророковъ, чтимыхъ Евреями.

[2]) Собственно *Шулхонъ Орухъ*, но наши южные Евреи, отличаясь отъ сѣверныхъ нѣсколько инымъ произношеніемъ, говорятъ *Шилхенъ Урихъ*. Сочиненіе это (по-русски „Накрытый столъ“), написанное въ четырехъ томахъ, въ половинѣ XVI столѣтія, раввиномъ Іосифомъ Каро, представляетъ извлеченіе изъ Талмуда, развитое комментаріями автора. То же самое относится и до южнаго произношенія слова *нухримъ*, вмѣсто правильнаго еврейскаго *нахримъ* (иновѣрцы).

чтобы возбудить вниманіе толпы; тщетно шамеши и шотры молили эту возбужденную толпу успокоиться хоть на время и выслушать оправданія и доводы другой стороны... Наконецъ-то послѣ долгихъ усилій, авъ-бейсъ-дину удалось возстановить спокойствіе на столько, что стало возможно держать къ собранію слово.

— Вы требуете асифа? началъ Борухъ Натансонъ.— Хорошо, будь по-вашему, мы соберемъ его. Но прежде, во имя справедливости и безпристрастія, вы должны выслушать и насъ, какъ мы слушали вашего витію. Онъ сказалъ все, что̀ ему хотѣлось, и Совѣтъ пречистаго кагала, сильный сознаніемъ своей правоты, не только не прервалъ его ни разу, но съ кротостью и смиреніемъ, подобающими чистой совѣсти, имѣлъ терпѣніе выслушать до конца всѣ неслыханныя оскорбленія и поносныя ругательства этого человѣка. Опираясь на Талмудъ, человѣкъ этотъ говоритъ, будто кагалъ нарушилъ Субботу. Это неправда. Тотъ же Талмудъ и великіе учители наши, Маймонидъ и другіе свидѣтельствуютъ иное...

— Хассиды не признаютъ Маймонида, рѣзко перебилъ оратора Иссахаръ Беръ:—по уставу хассидовъ, мудрованія его считаются подъ запретомъ, и ссылки на него для насъ не обязательны [1]).

— Когда хассидамъ на̀ руку, они его признаютъ, когда же нѣтъ—отвергаютъ, мы это знаемъ. Но хассиды не суть

---

[1]) Маймонидъ—еврейскій ученый, мыслитель, философъ, медикъ и теологъ. Г. Богровъ („Записки Еврея", стр. 7, изд. 1874) говоритъ, что сочиненія Маймонида по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ такъ противорѣчивы, что, читая одно, полагаешь имѣть дѣло съ вольнодумцемъ, тогда какъ въ другомъ сочиненіи онъ—ярый поклонникъ Талмуда. Ставя его на степень великаго авторитета, хассиды вмѣстѣ съ тѣмъ презираютъ нѣкоторыя изъ его сочиненій и, по своему уставу, относятъ книгу его къ числу запрещенныхъ. Кромѣ того, по свидѣтельству Я. А. Брафмана (кн. Каг. т. I, 66, 67), въ самомъ Талмудѣ сплошь и рядомъ по одному и тому же вопросу высказываются крайне противорѣчивыя мнѣнія. Даже главные догматы іудейства Талмудъ разсматриваетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, не стѣсняясь при этомъ высказывать самыя смѣлыя мнѣнія, при которыхъ иногда все іудейство падаетъ, превращается въ прахъ, въ дымъ. Однимъ словомъ, изъ Талмуда можно черпать какія угодно противорѣчивыя воззрѣнія, правила и т. п. Въ похвалу, напримѣръ, одному изъ своихъ корифеевъ, Талмудъ (Эрубинъ, л. 13, Сангердинъ, л. 9) говоритъ, что онъ могъ найдти всегда въ Талмудѣ сорокъ девять доводовъ и основаній къ разрѣшенію и къ запрещенію одного и того же предмета, къ обвиненію и оправданію за нарушеніе одного и того же закона.

еще все еврейство, спокойно возразилъ ему раввинъ:—еврейство признаетъ его. Мы же стоимъ на твердой почвѣ еврейства, а не на зыбкой поверхности той или другой партіи. И такъ, раббосай, продолжалъ онъ:—великіе учители еврейства свидѣтельствуютъ иное. Пусть тотъ, кто знакомъ съ Талмудомъ, заглянетъ въ трактатъ „Іума“, въ трактаты Маймонида о Субботѣ и Запрещеніяхъ, и онъ найдетъ тамъ ясное толкованіе, что *никакая* работа не возбраняется въ день субботній, когда есть *секонасъ нефошосъ*—опасность жизни, или опасность для души еврейской. Въ субботу разрѣшается помогать больному, тушить пожаръ, сражаться противъ враговъ отечества и т. д. Гаоны [1]) наши говорятъ: „Суббота, какъ и другія заповѣди, преступаются, если только соблюденіе оныхъ можетъ стоить намъ или другимъ жизни“ и „Тотъ достоинъ хвалы, кто, преступая Субботу, спѣшитъ на помощь находящимся въ опасности“. Въ подлежащемъ случаѣ имѣются на лицо всѣ данныя, чтобы не только оправдать нарушеніе Субботы, но и заслужить хвалу за это.

Среди хассидовъ раздались насмѣшливые и негодующіе возгласы протеста.

— Позвольте, не торопитесь съ вашими возгласами! спокойно остановилъ ихъ раввинъ.—Здѣсь была явная опасность и для жизни, и для души еврейской. Въ этомъ случаѣ чуть не лишилась жизни достопочтенная фрау Сарра, супруга досточтимаго ребъ Соломона Бендавида, да и самъ онъ былъ на краю той же опасности.

— Это дѣло доктора, а не ваше. Докторъ и подалъ ей помощь, грубо перебилъ раввина Иссахаръ Беръ.

— Талмудъ не понимаетъ секонасъ-нефошосъ такъ узко, какъ угодно этому человѣку, продолжалъ Борухъ Натансонъ, съ тою же замѣчательною выдержкой хладнокровія:—Талмудъ, къ счастію для Евреевъ, разумѣетъ опасность не только физическую, для тѣла, но и моральную, для души. А развѣ нѣтъ такой опасности, когда живая, Богомъ вдохнутая, еврейская душа готова погибнуть для еврейства, для нашей святой религіи и обратиться въ нечестіе, въ конечную гибель? Во что же мы цѣнили бы тогда это дыханіе Божіе?!.. Развѣ не должны всѣ мы всемѣрно стремиться спасти ее, удержать на краю пропасти, сохранить ее для еврейства?... Если мы молимся и читаемъ особый кадешъ [2]) за

[1]) Великіе учители, мудрецы.
[2]) Заупокойная молитва.

души нашихъ усопшихъ, дабы облегчить имъ поднятіе хотя бы на одну ступень изъ мрака кафакала [1]) ко свѣту престола Господня, то какъ же было допустить погибель души живаго существа человѣческаго, души еще не пропавшей, не осужденной, а только стремящейся въ преисподнюю, къ нравственному самоубійству?... Душа этой несчастной дѣвушки—заблудшая душа, стоящая на пути потемнѣнія разсудка. Это—то же помѣшательство, сумасшествіе или, какъ говорятъ нынѣ, невмѣняемый аффектъ страсти. Ну, а сумасшествіе—болѣзнь, вы сами это знаете. Стало быть, мы *обязаны* подать помощь болящему, ибо сказано: „Не должно колебаться и медлить ни на минуту для совершенія въ Субботу *всякой* работы ради больнаго“.

— Беферейшъ! Ясно, толково сказано! Очень хорошо! Вѣрно! раздались сочувствующіе возгласы съ разныхъ сторонъ залы. Хассиды молчали и пасмурно переглядывались между собою, не находя подходящаго возраженія.

— Иду далѣе, продолжалъ, между тѣмъ, раввинъ.—Разрѣшено тушить пожаръ и сражаться противъ враговъ отечества. Но что разумѣть подъ „пожаромъ“ и „врагами“? Одинъ ли только пожаръ матеріальнаго достоянія нашего отъ видимаго огня и однихъ ли только солдатъ непріятельской арміи?—Нѣтъ, всякій пожаръ — пожаръ лжемудрыхъ и вольнодумныхъ идей, пожаръ суесловія, пожаръ строптивости, возмущенія и бунта, пожаръ преступныхъ и пагубныхъ страстей, а въ томъ числѣ и страсти беззаконнаго любовнаго увлеченія, и т. д. Вотъ противъ этого-то пожара страсти, охватившаго больную душу несчастной дѣвушки, мы и боремся, мы и стремимся потушить его. Для этого и были вчера приняты противъ нея сильныя и рѣшительныя мѣры, благодаря которымъ она, съ Божьей помощью, быть можетъ, образумится. Затѣмъ, что до „враговъ отечества“, то, увы!—отечества у насъ нѣтъ въ настоящее время, покуда Израиль несетъ иго *голуса* [2]). Наше отечество нынѣ — это наши еврейскія общины, разсѣянныя по лицу земли, и у этихъ общинъ есть свои заклятые враги, явные и тайные, и не только между невѣрными, но, къ несчастью, и между своими... Одинъ изъ такихъ враговъ явился соблазнителемъ названной душевно-больной дѣвицы, чтобы окончательно погубить ея душу и завладѣть ея громаднымъ состояніемъ,

---

[1]) *Кафакалъ*—блуждающее состояніе душъ грѣшниковъ, не осужденныхъ еще въ адъ, но непопадающихъ и на небо.

[2]) Изгнаніе.

которое, еслибъ ему удались его козни, было бы навѣки потеряно для еврейства. Сколько нашихъ бѣдныхъ лишились бы помощи! Сколько прекрасныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ дѣлъ и учрежденій не осуществились бы!.. Памятуя священный принципъ еврейства „одинъ за всѣхъ и всѣ за одного“, скажите сами, должны ли мы были бороться противъ такого врага, или нѣтъ?.. Отвѣчайте!.. Должны ли мы были сидѣть сложа руки и ждать, когда время не терпитъ, когда дорогъ не только день, но каждый часъ, каждая минута?.. Что жъ молчите вы?!. Отвѣчайте, должны или нѣтъ, по-вашему?

Но отвѣтъ аудиторіи сказался лишь въ ея смущенномъ молчаніи. Головы оставались потупленными, глаза опущенными въ землю. При видѣ такого настроенія толпы, Иссахаръ Беръ, весь блѣдный, дрожалъ отъ волненія и кидалъ вокругъ себя злобные и растерянные взгляды. Онъ ждалъ и искалъ между друзьями подержки, столь необходимой именно въ эту критическую минуту,—друзья безмолвствовали.

— А, вы молчите, вамъ нечего сказать! воскликнулъ торжествующій раввинъ.—Что жъ, благодарите Господа,—стало быть, въ васъ есть еще здравый смыслъ и совѣсть. Не хорошо, дѣти Израиля!.. Стыдно!.. Стыдно лишать своего довѣрія тѣхъ, кто всю душу за васъ полагаетъ. Но вы раскаеваетесь, я вижу это по глазамъ вашимъ, и это миритъ меня съ вами. Ну, а что до обвиненій насъ въ разрѣшеніи, якобы, купли и продажи, продолжалъ онъ уже измѣнившимся, почти небрежнымъ и слегка насмѣшливымъ тономъ:—то обвиненія эти, послѣ всего мною сказаннаго, такъ ничтожны, такъ жалки, что на нихъ, по-настоящему, и возражать-то не стоило бы. Но все равно, за одно уже! Деньги воспрещается брать въ субботу голыми руками. Да, воспрещается, это вѣрно. Ну, а если твои руки въ перчаткахъ, можно ли назвать ихъ голыми? Или если ты принимаешь монету въ полу одежды твоей, или въ какой-либо сосудъ, напримѣръ, въ блюдечко, и съ блюдечка, не касаясь самъ до нея руками, спускаешь ее въ твой кассовый ящикъ, какъ дѣлаетъ въ день субботній самъ суровый нашъ обвинитель, что намъ доподлинно извѣстно,—значитъ ли это, что ты бралъ деньги руками твоими? Конечно, строго говоря, въ шабашъ *все* грѣхъ, даже и то, что Еврей дѣлаетъ *магилъ* [1]), но можетъ ли, по законамъ природы, человѣкъ из-

[1]) Суббота у Евреевъ, по свидѣтельству г. Г. Богрова (стр. 19) пользуется такимъ невообразимымъ изобиліемъ запрещеній, что нѣтъ почти человѣческой возможности по субботамъ ступить но-

бѣгнуть своей собственной тѣни! Вѣдь для этого пришлось бы и въ пятницу не зажигать шабашовыхъ свѣтильниковъ —стало быть, прямо не исполнять законъ, а Господь Богъ долженъ былъ бы запретить солнцу своему свѣтить по субботамъ. Такъ точно и это. Да и наконецъ, Талмудъ говоритъ только о деньгахъ металлическихъ, а не о бумажкахъ и документахъ; бумажка же не есть собственно деньги, а только кредитный документъ государственнаго банка, которому ты воленъ вѣрить или не вѣрить. Монета—иное дѣло, монета, разъ что она не фальшивая, имѣетъ свою постоянную, незыблемую цѣнность, а курсъ на бумажки подверженъ биржевымъ колебаніямъ, и объявись государственный банкъ банкротомъ, ты за всѣ твои бумажки ни гроша не получишь. Стало быть, бумажка не деньги, и принять или отдать ее, хотя бы даже голою рукою, можетъ и не считаться нарушеніемъ закона.

Послѣдній аргументъ, разыгравшійся на самой чувствительной и достолюбезной для Еврея стрункѣ, не только успокоилъ, но даже пріятно развеселилъ аудиторію, которая отвѣтила на него легкимъ гуломъ единодушнаго смѣха, видимо выражавшаго удовольствіе и чувство внутренняго удовлетворенія. Послѣ такихъ „неотразимыхъ“ аргументовъ, ловко подкупавшихъ инстинкты своекорыстія и стяжательности, еврейская совѣсть примирилась съ фактомъ вчерашнихъ нарушеній Субботы.

— Ага! верблюду захотѣлось имѣть рога, ему обрѣзали уши [1]), громко замѣтилъ кто-то изъ сторонниковъ кагала. Всѣ поняли, что это по адресу Иссахаръ Бера и расхохотались. Иссахаръ поблѣднѣлъ еще больше отъ злости. Полчаса назадъ уже торжествовавшій свою побѣду, онъ понялъ, что этотъ смѣхъ — вѣрнѣйшій признакъ его пораженія.

Въ это время выступилъ впередъ шамешъ-гакагалъ, съ открытымъ пинкесомъ въ рукахъ, и громко заявилъ, что онъ тоже „имѣетъ сказать свое слово“, а затѣмъ объяснилъ „всему благородному и благочестивому собранію“, что хотя

гой, сдѣлать малѣйшее движеніе, раскрыть ротъ, произнести звукъ, чтобы не согрѣшить при этомъ противъ Гилхесъ шаббасъ (уставъ субботній). Ступилъ нечаянно Еврей ногою въ рыхлую землю—грѣхъ, нечаянно скрипнулъ стуломъ или дверью—грѣхъ, нечаянно убилъ насѣкомое, сломалъ соломинку, порвалъ волосъ—грѣхъ, грѣхъ и грѣхъ. Чтобы какъ-нибудь не согрѣшить въ субботу, Еврею слѣдовало бы висѣть цѣлыя сутки въ воздухѣ, безгласно и неподвижно, но и тогда онъ согрѣшилъ бы, потому что онъ своею особой *оьлаетъ тьнь—маилъ*, а это тоже грѣхъ.

[1]) Талмудическая пословица.

извѣстныя постановленія Совѣта и были сдѣланы, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вчера, но запись о нихъ въ пинкесѣ значится подъ сегодняшнимъ числомъ,—вотъ, глядите и читайте сами: „*Первый день недѣли, Отдѣлъ Бейалейсхо, 18 Сивана 5636 года*“ [1]).

— Это ложь! Обманъ! Подлогъ! завопилъ съ амвона Иссахаръ Беръ, понимая, что этою канцелярскою уловкой предусмотрительный кагальный нотаріусъ сбиваетъ его и съ послѣдней боевой позиціи.—Писали вчера, надрывался онъ во все горло, обращаясь къ толпѣ:—Да, вчера, а выставили сегодняшнее число, чтобы не было формальной улики!.. Не только народъ морочатъ,—самого Господа Бога обмануть хотятъ!.. Я утверждаю, что это подлогъ!

— Подлогъ? иронически обратился къ нему шамешъ.—Его честь изволитъ говорить „подлогъ“? Его честь можетъ доказать это?.. было бы очень любопытно послушать,—его честь такъ хорошо доказываетъ. Докажите, пожалуйста!

— Подлогъ! Наглый подлогъ! вопилъ, между тѣмъ, вконецъ обозленный Иссахаръ, теряя послѣднее самообладаніе.

— Никто доказать этого не можетъ, спокойно отвѣчалъ ему шамешъ.—Никто! Потому что запись сдѣлана мною уже по заходѣ шабаша. Свидѣтельствуюсь, раббосай, вами всѣми, обратился онъ къ толпѣ:—что ребъ Иссахаръ Беръ своими словами нанесъ тяжкое оскорбленіе моей чести, за которое я призываю его къ суду бейсъ-дина.

— Куда хотите! Хоть къ отцу вашему, Дьяволу! сильно жестикулируя и внѣ себя отъ бѣшенства, кричалъ Иссахаръ охриплымъ, надорваннымъ голосомъ.—Всѣ вы мерзавцы, мошенники!.. Я не боюсь васъ и ни одному вашему слову не вѣрю!.. Все, что вы здѣсь говорили, все это ложь, софизмы, натяжки!.. Я протестую противъ такихъ безстыд-

---

[1]) При общественныхъ богомоленіяхъ, три раза въ недѣлю, а именно, по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ, равно и въ праздники, совершается чтеніе изъ Торы. Для этой цѣли, согласно числу субботнихъ дней въ году, все пятикнижіе раздѣляется на 54 отдѣла (*сидросъ*), изъ коихъ одинъ, иногда два (указанные въ еврейскомъ календарѣ) читаются каждую субботу въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, такъ что вся священная Тора должна быть прочитана въ теченіе года. Для этихъ чтеній, каждый отдѣлъ раздѣляется, въ свою очередь, на отдѣленія—*паршосъ*, и носитъ свое особое названіе, напр. Берешитъ, Ноахъ, Лехъ, Ваэра и т. д. Именемъ отдѣла обозначается вся недѣля, предшествующая субботѣ. Въ годы, заключающіе въ себѣ 55 субботнихъ дней, отдѣлъ Шемина читается два раза. Первый же отдѣлъ пятикнижія (*бэрешитъ*) читается осенью, въ первую субботу послѣ праздника Кущей, знаменуя собою начало еврейскаго года.

ныхъ доводовъ!.. Я предамъ поступокъ вашъ гласности, я обращусь открытымъ письмомъ ко всѣмъ нашимъ цадикамъ, ко всѣмъ гаонамъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и пусть они разсудятъ между нами! [1]).

Нѣкоторые изъ наиболѣе горячихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ Иссахара снова-было заволновались и подняли

---

[1]) Цадиками называются современные еврейскіе святые и чудотворцы. Лучшую характеристику этого рода людей находимъ у г. Г. Богрова (стр. 92, который говоритъ, что цадики „это ядовитые паразиты, питающіеся потомъ и кровью своихъ безчисленныхъ жертвъ; это сѣятели суевѣрія и тьмы, безсовѣстные факторы на биржѣ религіи, коварные посредники между небомъ и землею, торгаши райскими продуктами; это неизлѣчимый ракъ на наболѣвшемъ организмѣ еврейской націи". Цадикъ достигаетъ своего величія и народнаго довѣрія не упорнымъ трудомъ, какъ ученый, и не постомъ и молитвой, какъ аскетъ, но прямо изъ утробы матери рождается на свѣтъ готовымъ цадикомъ. Безъ всякаго труда, онъ вкушаетъ всѣ блага земныя, на него трудятся тысячи рукъ, и женится онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, причемъ жена его получаетъ титулъ раввинши (*рабецене*). Цадики живутъ просторно, роскошно, иногда даже изящно, имѣютъ цѣлую шайку тѣлохранителей, помощниковъ и глашатаевъ, распространяющихъ молву о чудныхъ, необыкновенныхъ дѣяніяхъ этихъ великихъ мужей. Цадики обладаютъ большимъ количествомъ драгоцѣнностей, держатъ своихъ лошадей и щегольскіе экипажи; иные даже содержатъ у себя на дому цѣлые еврейскіе оркестры, для которыхъ сами сочиняютъ пьесы, переходящія затѣмъ къ Евреямъ, какъ святыня. Къ цадикамъ со всѣхъ сторонъ стекаются легковѣрные сыны Израиля, обманутые ихъ ложною славой. За деньги, цадики лѣчатъ отъ неплодія и исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней; когда же исцѣляемый умираетъ, то это приписывается тому, что онъ, вѣроятно, опять нагрѣшилъ или не исполнилъ въ точности наставленія цадика; но слава самаго цѣлителя ни мало не страдаетъ отъ такой неудачи. Если цадикъ кого проклянетъ, тотъ погибъ. Заклинанія цадиковъ почти всегда сбываются съ изумительною точностью. Скажетъ цадикъ „да накажетъ его Господь огнемъ!"—и черезъ нѣсколько времени все имущество несчастнаго сгораетъ (поджигателями являются сами же ловкіе приспѣшники святаго мужа. „Да обнищаетъ онъ какъ Іовъ!" проклянетъ цадикъ—и проклятый, въ короткій промежутокъ времени, обѣднѣетъ, потому что Евреи, страшась гнѣва всемогущаго цадика, немедленно прекращаютъ съ отверженцемъ всякія коммерческія отношенія, кредиторы приступаютъ чуть не съ ножемъ къ горлу, а должники считаютъ себя въ правѣ не платить ни одного гроша. Будучи круглыми невѣждами въ законѣ, цадики тѣмъ не менѣе считаютъ себя компетентными разрѣшать, по собственному усмотрѣнію, юридическіе и религіозные вопросы. Благодаря громадному вліянію цадиковъ на еврейскія массы, ихъ боятся всѣ, даже просвященные люди между Евреями, вполнѣ понимающіе все ихъ шарлатанство. Поэтому нельзя не признать большимъ подвигомъ со стороны г. Богрова рѣшимость открыто разоблачить сущность цадикизма.

говоръ и „галласъ“; но въ это самое время послышались вдругъ какіе-то новые крики, не внутри, а снаружи бейсъ-гакнесета. То были громкіе вопли паники, скорби и отчаянія, гдѣ сливались голоса дѣтей, мужчинъ и женщинъ,— и въ ту же минуту въ синагогу ворвалась со двора толпа блѣдныхъ, окровавленныхъ и ошалѣлыхъ отъ ужаса людей.

— Ой-вай!.. Вай-миръ!.. Гевалтъ! неистово вопили они дикими, перепуганными голосами.—Спасайтесь! Спасайтесь! Бѣда! Насъ бьютъ и грабятъ... врываются въ домы, ломаютъ лавки... Погромъ!.. Погромъ всеобщій!..

— Кто?.. Гдѣ?.. Что такое? вопрошали ихъ всполошенные члены кагала и другія лица.

— Акимы, гойи бьютъ и рѣжутъ... Разорили базаръ, шинки поразбивали... преслѣдуютъ по всѣмъ улицамъ... Цоресъ!.. цоресъ грейсе!.. Конецъ Израилю! Михшауль— погибель!..

Видъ ворвавшихся въ синагогу людей былъ ужасенъ. У однихъ — изодранныя и перепачканныя грязью и кровью одежды, у другихъ—синяки подъ глазами, или разбитые въ кровь носы и зубы, вырванныя на половину бороды, исцарапанныя лица и руки... Все это слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовало о какой-то страшной, нежданно стряслейся бѣдѣ и какъ-будто прочило еще большія бѣды. Вой, стонъ, плачъ и рыданія оглашали стѣны молитвенной залы. У всѣхъ присутствующихъ дрогнуло сердце.—Рибоно шель оломъ! [1]) Что тамъ такое?!.. За что?.. Зачѣмъ?.. Почему?.. У каждаго изъ нихъ есть свой домъ, своя семья, малыя дѣти,—что съ ними въ эту минуту? Цѣлы ли, живы ли? Господи Боже!..

И вся синагога, какъ одинъ человѣкъ, стремительно бросилась къ выходу спасать свои домы и семьи.

ГЛАВА XXIII.

Еврейскій погромъ.

Послѣ того какъ полиція прогнала отъ женскаго монастыря толпу еврейскихъ ешеботниковъ и приставила къ обоимъ монастырскимъ воротамъ временные посты, безпо-

[1]) Создатель міра! —Одно изъ обычныхъ еврейскихъ восклицаній.

рядки больше не возобновлялись. Остальной день прошелъ на улицахъ совершенно спокойно, и потому вечеромъ губернаторъ разрѣшилъ полицеймейстеру снять къ ночи оба монастырскіе поста, въ виду вообще недостаточнаго числа полицейской силы въ городѣ. Ночь прошла тоже въ полномъ спокойствіи.

Настало ясное утро воскреснаго дня,—и въ городъ со всѣхъ окрестностей потянулись на волахъ крестьянскіе возы, нагруженные дровами, сѣномъ и другими сельскими продуктами, такъ какъ по воскресеньямъ въ Украинскѣ, на базарной площади, обыкновенно открывался большой торгъ, въ силу давнымъ-давно уже установившагося обычая. Вмѣстѣ съ возами, шло въ городъ не мало и сельскаго люда, въ праздничныхъ нарядахъ. Многія бабы несли на продажу куръ, сметану, да яйца, или „рядно“ собственнаго тканья, а изъ мужиковъ—иной тащилъ на смычкѣ залишняго бычка, тотъ гналъ поросятъ, этотъ гусей или „качекъ“; большинство же просто брело себѣ безъ ничего, съ дымящимися „люльками“ въ зубахъ, степенно опираясь на дубинки, а кто помоложе —на батожки, и мирно „балакая“ сосѣдъ съ сосѣдомъ. Шелъ весь этотъ людъ, какъ и всегда по воскресеньямъ, отстоять въ соборѣ обѣдню и тамъ всласть послушать архіерейскихъ пѣвчихъ, а затѣмъ потолкаться по базару, купить чего-нибудь въ лавкахъ, выпить съ пріятелемъ „кручокъ горілки“ въ шинкѣ, погулять на народѣ, на людей посмотрѣть и себя показать.

Ряды возовъ уже громоздились на площади, и зоркіе жидки пронырливо шныряли между ними, приглядываясь, принюхиваясь и прицѣниваясь къ тому или другому сельскому товару, въ то время какъ полицейскіе чины съ базарными старостами устанавливали тамъ и сямъ извѣстный порядокъ между вновь прибывавшими возами. Множество крестьянскихъ бабъ въ „очипкахъ съ намітками“, молодицъ въ яркихъ „хусткахъ“ на головѣ и дѣвчатъ съ цвѣтущими барвинками, васылями и бархатцами въ волосахъ,—всѣ въ чистыхъ сорочкахъ и въ распахнутыхъ бѣлыхъ свиткахъ-„сукняцяхъ“ поверхъ шерстяныхъ „плахтъ“ и „спидныць“, со множествомъ „монистъ“ и „коралекъ“ на шеѣ,—разсѣлись говорливыми группами на травѣ соборнаго сквера и, въ ожиданіи, когда ударятъ къ обѣднѣ, обували свои босыя ноги въ шерстяные чулки и новые башмаки или чоботы, бережно пронесенные всю дорогу въ рукахъ, до этого самаго мѣста. Между ними виднѣлось не мало и молодыхъ „парубковъ“ въ смазныхъ чоботахъ и смушковыхъ шапкахъ;

иные изъ подгородныхъ щеголяли даже „по-городскому“, въ картузахъ и новомодныхъ „спинжакахъ“, или въ синихъ сюртукахъ съ короткою таліей. Но большинство парубковъ держалось отдѣльно, своими особыми кучками, и занималось болѣе всего разглядываньемъ висящихъ на колокольнѣ „дзвоновъ“, рѣшая внизу „якій дзвонъ мусп быть важчій, якій гулчій и якій самый тонѣсенькій?“ Все это предвѣщало, какъ и всегда, самый мирный и оживленный праздникъ.

Но вотъ, по базару и скверу пошли мало-по-малу смутные слухи и разговоры, будто въ женскомъ монастырѣ кто-то ночью вымазалъ святыя ворота дегтемъ и перепачкалъ грязью, даже хуже чѣмъ грязью, написанные на нихъ святые лики.—А извѣстно, что значитъ у южно-русскаго народа смазать дегтемъ чьи-либо ворота. Кто могъ сдѣлать такую мерзость и зачѣмъ? невольно возникали въ народѣ вопросы.—Кому же, кромѣ жидовъ! было на это всеобщимъ, единомысленнымъ отвѣтомъ, и, въ подтвержденіе такого заключенія, нѣкоторые изъ горожанъ здѣсь же, на площади, сообщали, что вчера еще „жидюга“ нападала на монастырь, разбила надъ вратами образъ и убила камнемъ одну монашенку,—больно много ужь воли дали жидамъ! Совсѣмъ сѣли да поѣхали на крещеномъ народѣ!.. Всѣ эти разговоры и слухи, передаваясь изъ устъ въ уста, сдѣлались вскорѣ достояніемъ всего базара. У нѣсколькихъ парубковъ и бабъ явилась охота самимъ пойти къ монастырю, чтобы собственными глазами убѣдиться, правда ли это? Отправились.

А передъ монастыремъ, противъ святыхъ воротъ, въ это время стояла уже толпа человѣкъ до ста жиденятъ и разной взрослой еврейской сволочи, поощренной вчерашнею безнаказанностью. Вчера никому ничего не сдѣлали, никого не забрали, не засадили въ кутузку, не искали зачинщиковъ—разогнали только,—значитъ, можно! Валяй!.. Наболѣе пылкіе изъ ешеботниковъ и гимназистовъ, на основаніи такой безнаказанности, пришли даже къ убѣжденію, что ихъ боятся, и потому ничего имъ сдѣлать не посмѣютъ. Мы-де въ своемъ правѣ протестовать и требовать удовлетворенія,—пускай возвратятъ намъ нашу Еврейку.

Въ разношерстной толпѣ взрослыхъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей виднѣлись и лапсардыки еврейскихъ рабочихъ, и длиннополые сюртуки ремесленниковъ, и „цивильные“ костюмы болѣе „цивилизованныхъ“ Евреевъ, даже нѣсколько форменныхъ гимназическихъ фуражекъ; но пре-

обладающимъ элементомъ, болѣе чѣмъ на половину, являлась все-таки еврейская чернь, изъ числа поденщиковъ, носильщиковъ, крючниковъ и тому подобнаго люда, существующаго мускульнымъ трудомъ и уличными „профессіями“. Толпа эта стояла пока спокойно, но видимо издѣвалась надъ чѣмъ-то и науськивала голоштанныхъ жиденятъ въ ермолкахъ и лапсардыкахъ, поощряя ихъ выходки смѣхомъ и одобрительными возгласами. Уличные мальчишки взапуски швырялп въ ворота комками грязи и каменьями, вертѣлись передъ нимп, какъ стая чертенятъ, въ припрыжку и припляску, и кричали: „Шварце тыме! шварце тыме!.. Бейсъ-гоимъ и сахъ Адойпой!“ [1]) или напѣвали нестройнымп крикливыми голосёнками извѣстныя каждому школьнику пѣсни: „Каккъ пнъ клештеръ махъ ацейлемъ“ и „Цейлемъ фацейлемъ, а тохесъ ацейлемъ, унъ галэ гундъ“ [2]). Случайные и рѣдкіе прохожіе изъ христіанъ пріостанавливались на минутку въ изумленіи, при видѣ этой кривляющейся „жидовы“ и, не понимая, въ чемъ дѣло, или только удивляясь про-себя:—гдѣ же, молъ, эта полиція и чего она смотритъ!—проходили мимо, тогда какъ другіе, держась по-отдаль, оставались на мѣстѣ и ждали, что̀ будетъ дальше. Но скромное присутствіе пяти-шести такихъ человѣкъ нисколько не смущало толпу еврейскихъ озорниковъ; напротивъ, это бездѣйствіе, это отсутствіе протеста со стороны такихъ случайныхъ свидѣтелей, какъ бы подмывало ихъ еще болѣе показывать свою удаль.

Въ это-то время подвалившая съ базара кучка парубковъ и женщинъ приблизилась къ монастырю и видитъ во-очію разбитое стекло на образѣ, мазки дегтя на воротахъ, лики святыхъ угодниковъ, забросанные грязью, и эту самодовольно издѣвающуюся жидовскую араву. Чувство негодованія охватило крестьянъ, пораженныхъ видомъ такого безобразія.

— Господы Боже-жъ мій! Що се такé!? качая головами

---

[1]) Черная нечисть (т. е. монастырь и монахини). Домъ гойевъ (т. е. церковь) Богъ сокрушитъ! Послѣднее изреченіе изъ Притчей Соломоновыхъ. гл. XV, 25, примѣненное Евреями къ современности.

[2]) По преданію еврейскихъ фанатиковъ, требуется, чтобы каждый мальчикъ-Еврей, учащійся у меламда, зналъ возможно больше гадкихъ, богохульныхъ стиховъ на христіанскую религію, а меламды стараются этимъ отличаться передъ родителями учениковъ (И. Люстостанскій, стр 33, 34). Приведенные стихи, хорошо извѣстные каждому Еврею, начиная отъ самаго закоренѣлаго невѣжды и фанатика и до самыхъ образованныхъ, заключаютъ въ себѣ такія хулы на св. Крестъ, что на переводъ ихъ по-русски рука не подымается.

и крестясь, загомонили возмущенныя женщины:—хиба жъ начальство не бачить?!.. Чи то жъ можно такъ?!.. Яку шкоду наробыли, та-й ще рыгочуть!.. Хлопци! та чого жъ вы мовчки стопте? Та накладыть-бо имъ, пархатымъ, по горбу!

— Гэть видсюды! До біса, псяюха! кинулись на жидовскую араву подзадоренные парубки и стали здорово накладывать, кому по чемъ попало, и по шеямъ, и по мордѣ.

Евреи-было подались сначала, но видя себя въ большинствѣ, остановились и, въ свою очередь, подзадоренные кѣмъ-то изъ своихъ, бросились съ кулаками и каменьями на парубковъ. Завязалась горячая драка. Сознавая перевѣсъ силы на своей сторонѣ, озлобленные жидки вошли въ азартъ и дружнымъ натискомъ поперли христіанъ къ базару. При этомъ досталось отъ нихъ и женщинамъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, опередивъ своихъ отступавшихъ и отбивавшихся парубковъ, первыми прибѣжали въ полурастерзанномъ видѣ на базаръ и подняли крикъ: „Ратуйте, хто въ Бога віруе! Жиды нашихъ хлопцювъ бьють!“

Какъ нарочно, въ это самое время, на базарной площади, какой-то пьяный великороссъ-рабочій былъ вытолкнутъ взашей изъ жидовскаго шинка на улицу, и такъ неудачно, что, при паденіи со всѣхъ ногъ, расквасилъ себѣ носъ до крови.

— Братцы! народъ хрещёный! слезно взмолился и завопилъ онъ, поднявшись кое-какъ на ноги.—За что же такъ?!. Майстроваго человѣка бьютъ... Сами, значитъ, обсчитали, сами ограбили, да еще—во какъ, въ кровь!...

Сторону пьяненькаго собрата тотчасъ же приняли другіе великорусскіе рабочіе, — а было ихъ тутъ не мало: и желѣзнодорожные, и фабричные съ сахарозаводскими, и землекопы. Пошелъ промежь нихъ ропотъ:—„Что жъ это, и въ самъ-дѣлѣ! Жидъ нонѣ Рассею ужь обижать сталъ, — нешто это порядокъ!?.. Да чего глядѣть-то имъ въ зубы!.. Проучить жидову. На царапъ ее! Не дадимъ рассейскихъ въ обиду!.. Нут-ка! На уру!..

И живо образовавшаяся толпа рабочихъ бросилась разбивать жидовскій шинокъ, изъ котораго за минуту предъ симъ былъ вышвырнутъ ихъ сотоварищъ.

Этотъ моментъ случайно совпалъ съ крикомъ прибѣжавшихъ отъ монастыря женщинъ. Вопли ихъ подняли на ноги и всю малорусскую публику. Раздались по базару призывные крики:—„Гей, панове-громада! Жиды церкву розбыли!

свѣятый хрестъ спаскудыли! нашихъ хлопцювъ бьють!..Гайда жидівъ бить!" — И одна гурьба бросилась на выручку своихъ отступавшихъ парубковъ, другая стала тутъ же, на площади, бить жидовъ-торговцевъ, скупщиковъ и перекупщиковъ, разбивая и разнося въ-размётъ ихъ ятки, лари и рундуки, а затѣмъ накинулась на скученныя вокругъ базара мелкія лавченки со всякой всячиной,—и черезъ нѣсколько минутъ вся еврейская торговля, какъ на площади, такъ и въ окружающихъ ее лавочкахъ, уже не существовала. Работавшіе сначала какъ бы въ разбродъ, независимо одни отъ другихъ, „хохлы" и „кацапы" [1]), покончивъ съ базаромъ, соединились въ общую дружную массу и разлились отдѣльными толпами по разнымъ, выходящимъ на площадь, улицамъ, направляясь въ особенности въ узкіе и тѣсные еврейскіе кварталы. Въ улицахъ слышался глухой шумъ, гулъ и стукъ отъ спѣшно запиравшихся еврейскихъ лавокъ и магазиновъ и раздавались тревожные крики, мѣшавшіеся съ перекатнымъ „ура" наступавшихъ крестьянъ и рабочихъ. Позатворявъ лавки, Евреи спѣшили расходиться по домамъ, но толпа кидалась вслѣдъ за бѣгущими. Впереди ея, по большей части, работали мальчишки и подростки, выбивая на пути стекла въ еврейскихъ домахъ и магазинахъ. Евреи торопливо запирали у себя ставни, ворота и двери, и старались запрятаться на чердакахъ, въ подвалахъ или въ домахъ и квартирахъ обывателей-христіанъ, въ особенности у Русскихъ. Видя, что въ этихъ квартирахъ, какъ и въ русскихъ домахъ, выставлены въ окнахъ образа, и что толпа, яростно набрасывалась только на еврейскіе дома и лавки, заботливо обходитъ тутъ же, рядомъ, отворенные магазины русскихъ купцовъ, гдѣ всѣ товары оставались на выставкѣ, въ обыкновенномъ порядкѣ, и гдѣ хозяева нисколько не боялись за свою безопасность, — болѣе состоятельные Евреи молили Русскихъ снабдить ихъ на время своими образами и предлагали купцамъ за подержаніе иконъ большія деньги. Кромѣ того, они усердно чертили мѣломъ на своихъ дверяхъ и воротахъ кресты, забывъ, что изображеніемъ этого ненавистнаго имъ „шесы-войэревъ" наносятъ величайшее оскорбленіе своимъ собственнымъ вѣрованіямъ, и вымаливали у русскихъ купцовъ отпустить къ нимъ за деньги своихъ прикащиковъ, въ томъ разсчетѣ, что авось-либо толпа, увидя за прилавкомъ русскаго человѣка, приметъ и лавку за русскую. Но толпу обмануть бы-

[1]) Такъ на Украйнѣ зовутъ великоруссовъ.

ло трудно: она чутьемъ угадывала, и всегда безошибочно, что̀ дѣйствительно принадлежитъ христіанамъ и что̀ жидамъ. Не трогая ничего у первыхъ, она останавливалась передъ каждой еврейской лавкой, или магазиномъ и, прежде всего, при помощи камней изъ разобранной мостовой, разбивала у ставень и дверей желѣзные болты и запоры, сбивала замки, или просто высаживала тѣми же болтами и кольями дверь, открывая себѣ такимъ образомъ входъ во внутрь помѣщенія. Тѣ, кто были ближе и руководили атакой, входили первыми въ магазинъ и выбрасывали товары на улицу толпѣ, тѣсно облегавшей входъ. Все, что̀ попадало въ ея руки, немедленно ломалось, разрывалось на части и въ испорченномъ, исковерканномъ видѣ топталось на мостовой. Цѣлыя штуки голландскихъ полотенъ, сукна и матерій предварительно надрѣзывались вдоль на нѣсколько частей, затѣмъ раздирались и смѣшивались съ грязью. Изъ бакалейныхъ складовъ вылетали и бились въ дребезги бутылки шампанскаго, ликеровъ, дорогихъ винъ и прованскаго масла, банки съ вареньемъ и разные консервы, боченки и ящики со сластями, пряностями, сигарами и сушеными фруктами; головы сахара кидались въ сточныя канавы, цыбики чая и бочки кофе разсыпались по улицѣ. Въ шинкахъ и винныхъ подвалахъ разбивались и выливались на землю бочки съ водкой, такъ что въ подвалахъ этихъ люди ходили буквально по колѣна въ „жидывьской горілци“. Прилегавшая къ базару Соборная улица, на которой находились лучшіе магазины, положительно сплошь была устлана перепачканными коврами, мѣхами, сукнами, бархатомъ, шелковыми и другими матеріями, кружевами и лентами. Все, что̀ не могло быть втоптано въ прахъ и въ грязь водосточныхъ канавокъ, неслось на базаръ и тамъ втискивалось въ бочки съ дегтемъ. Осколки фарфора и хрусталя изъ посудныхъ лавокъ, духи и косметики, разныя пзящныя вещицы и „галантереи“, принадлежности мужскаго и дамскаго туалетовъ,—покрывали всѣ тротуары, всю улицу. Мѣдная и жестяная посуда, кастрюли и самовары летали какъ мячи и бросались о камни до тѣхъ поръ, пока не приняли видъ безформеннаго металла...

Покончивъ гдѣ-либо съ нижнимъ этажемъ, нѣсколько вожаковъ, по внутреннимъ лѣстницамъ, а мальчишки даже по водосточнымъ трубамъ, добирались до верхняго этажа. Стоящая внизу толпа нѣсколько отступала, въ ожиданіи, чѣмъ-то сейчасъ обнаружится верхняя дѣятельность застрѣльщиковъ. Эти же не заставляли долго ждать ея результатовъ: быстро, со звономъ и дребезгомъ, вылетали одна за другой

нѣсколько оконныхъ рамъ, и вслѣдъ затѣмъ на улицу летѣло все, что могло пролѣзть въ окна; остальное же портилось на мѣстѣ. Письменные столы и денежныя кассы взламывались и опустошались. Все, что тамъ хранилось—документы, банковыя и дѣловыя бумаги, коммерческія и иныя книги, записи и счеты, даже кредитныя бумажки—все это разрывалось въ мелкіе клочки и пускалось по вѣтру.—„Не добромъ нажйте, не добромъ и погйне!“ говорили при этомъ крестьяне. Появленіе въ разбитыхъ окнахъ цѣнныхъ и громоздкихъ вещей, въ родѣ люстръ, зеркалъ и вазъ, или столовъ, піанино и швейныхъ машинъ, шумно привѣтствовалось радостными криками толпы, которая доканчивала внизу разрушеніе этихъ предметовъ. Но наиболѣе оживленную веселость возбуждали тѣ минуты, когда появлялись въ окнахъ „жидывьски бе́бехи“—подушки и перины, и изъ нихъ выпускались тучи мягкаго пуха, долго носившагося потомъ въ воздухѣ и покрывшаго собою крыши, деревья и улицы, точно снѣгомъ. „Отò жидывьска зима!“ острили между собою крестьяне. Бе́бехамъ еврейскимъ доставалось чуть-ли не больше всего остальнаго.

Проходя всесметающимъ ураганомъ по улицамъ, великоруссы въ толпѣ обыкновенно шли впереди, сильно жестикулируя и ободряя другихъ: „Не оставай, братцы! Вали дружнѣе!.. Разъ, два, три-бери! Ура-а!“—Малороссы не отстаютъ, но идутъ спокойно и, принявшись за работу, продолжаютъ ее не горячась, съ настойчивостью и увѣренностью въ успѣхѣ. „Кацапы“, соединясь съ „хохлами“, какъ бы восполняли другъ друга: первые начинали и производили погромъ наскоро, быстро, лишь бы успѣть разгромить побольше домовъ и лавокъ; вторые — шли за ними и разрушали, но такъ, что послѣ нихъ не оставалось уже ровно ничего, что можно было бы еще испортить. Въ тѣхъ домахъ, которыхъ коснулась ихъ рука, уцѣлѣли буквально одни лишь полы да стѣны; все же остальное—окна, рамы, двери, посуда, одежда и рухлядь—все это разрушено, поломано, выкинуто и изодрано. Женщины неистовствовали не менѣе мужчинъ.—„А то̀ за усѐ вже разомъ, трясця ихъ матери!“—И замѣчательно, что не смотря на совершаемыя безчинства, настроеніе толпы, въ общемъ, было вовсе не злое,—напротивъ, скорѣе веселое, даже, можно сказать, добродушное. Побои, болѣе или менѣе жестокіе, ограничились только первыми минутами, когда надо было отстоять своихъ и отомстить за „майстроваго человѣка“, но за тѣмъ, толпа уже не била, кромѣ какъ при встрѣчѣ со стороны Евреевъ

особаго сопротивленія, а только истребляла товары и имущество.—„Та я бъ ёго й не бивъ, може винъ и добрый чоловікъ; та дѐ же тамъ було взнаваты, якій винъ! Хиба-жъ я повиненъ, що винъ жидомъ вродывся!“ оправдывались потомъ арестованные крестьяне. Вообще, видно было, что противъ каждаго Еврея, въ отдѣльности, толпа и ничего, пожалуй, не имѣетъ, а тѣшится и кружитъ коршуномъ надъ „жидовствомъ“ вообще, вымещая на немъ, за одно уже, все, что̀ накипѣло долгими годами отъ него на крестьянской шкурѣ, все жидовское презрѣніе къ ней, всѣ плутни, обманъ, обмѣръ, недовѣсъ, экономическій гнетъ шинкарей и „поссесоровъ“ и всяческую эксплоатацію.

Погромъ начался около десяти часовъ утра, когда не начинали еще благовѣстить къ обѣднѣ. Узнавъ о „безпорядкахъ“, начальство страшно переполошилось. Губернаторъ въ первую минуту совсѣмъ было потерялъ голову и не зналъ, что̀ дѣлать, на что̀ рѣшиться. Полицеймейстеръ поставилъ на ноги весь штатъ городской полиціи; но что̀ могли тутъ сдѣлать какіе-нибудь два-три десятка городовыхъ и пожарныхъ!.. Наконецъ, супруга надоумила „Мон-Симона“ обратиться къ помощи войска. Онъ тотчасъ же полетѣлъ къ командиramъ уланскаго полка и стрѣлковаго баталіона и потребовалъ отъ нихъ содѣйствія для усмиренія „бунта“, послѣдствіемъ котораго можетъ быть „соціальная революція“. Въ городѣ, при штабѣ полка, находились только дежурный эскадронъ, да учебная команда, которыя тотчасъ же были выведены по тревогѣ въ конный строй, а остальнымъ эскадронамъ, расположеннымъ по деревнямъ, посланы съ нарочными повѣстки о немедленномъ прибытіи въ городъ. Баталіонъ тоже выслалъ отъ себя, на первый разъ, двѣ роты, держа остальныя, про всякій случай, въ полной готовности, въ казармахъ. Послѣ того, какъ войска были выведены на площадь, появился тамъ и губернаторъ, не забывъ накинуть на себя форменное черное пальто на красной подкладкѣ, со жгутами, и фуражку съ краснымъ околышемъ. Командиры выведенныхъ частей ожидали его распоряженій, но какъ и чѣмъ распорядиться, онъ и самъ пока еще не зналъ. Предъ его глазами лежала почти пустая площадь, съ нетронутыми возами дровъ и сѣна, но за то усѣянная остатками ятокъ и ларей, обломками всякой мебели, разметанными повсюду товарами, жизненными припасами, лоскутьями и пухомъ. Въ воздухѣ стоялъ спиртуозный запахъ отъ изобильно выпущенной на землю водки. Толпы

тутъ не было, но гулъ ея побѣдныхъ криковъ долеталъ сюда изъ разныхъ улицъ и еврейскихъ кварталовъ. Наконецъ, полицеймейстеръ предложилъ, чтобы уланы, разбившись на нѣсколько разъѣздовъ, охватили угрожаемую часть города съ ея окраинъ и наступали по главнымъ улицамъ къ центру, на встрѣчу толпѣ, тогда какъ пѣхота и полицейскіе частями будутъ напирать на нее въ тѣхъ же улицахъ отъ центра къ окраинамъ и, стѣснивъ такимъ образомъ съ двухъ сторонъ каждую изъ громительскихъ партій, принудятъ ихъ, такъ или иначе, сдаться. Губернаторъ согласился и рекомендовалъ командирамъ частей употребить всѣ усилія къ прекращенію безпорядка, но отнюдь не прибѣгать къ силѣ оружія, а заставить толпу повиноваться лишь силою увѣщаній и убѣжденій; вообще, принять мѣры, какія угодно, смотря по обстоятельствамъ, но только не оружіе. Войска разбились на мелкіе отрядцы—гдѣ взводъ, а гдѣ и меньше,—и направились, по указанію полиціи, въ разныя стороны. Одинъ полувзводъ остался на площади, въ видѣ резерва, и къ нему присоединились главныя административныя силы. Воинскіе отрядцы вскорѣ натолкнулись тамъ и сямъ на нѣсколько партій. Офицеры приступили къ увѣщаніямъ, но толпа нигдѣ не слушала ихъ и продолжала свою разрушительную работу. Ну, и что жъ теперь дѣлать?.. Каждый командиръ, не смѣя употребить оружія, рѣшалъ этотъ важный вопросъ по-своему, смотря по темпераменту: одни безучастно смотрѣли, какъ громятъ дома и лавки и выпускаютъ пухъ; другіе бросались въ толпу и надсаживали себѣ грудь и глотку, уговаривая въ потѣ лица своего перестать безобразничать и разойтись, пока до бѣды, мирно; третьи, видя безплодность увѣщаній и не будучи въ состояніи оставаться въ пассивномъ и безполезномъ ожиданіи, командовали наступленіе на толпу, стараясь ее оттѣснить, а когда это не помогало, приказывали бить прикладами, только не особенно сильно. Послѣднее, впрочемъ, излишне было и добавлять,—достаточно было взглянуть на солдатскія лица, чтобы убѣдиться, насколько имъ не по нутру такая роль. Сочувствіе солдатъ видимо оставалось не на еврейской сторонѣ, а потому и приклады, по большей части, дѣйствовали только „примѣрно“, не нанося никакого существеннаго вреда своимъ прикосновеніемъ.

Между тѣмъ, многіе Евреи, увидя появленіе войска, сильно пріободрились и стали собираться сначала въ отдѣльныя кучки, а тамъ и въ цѣлыя сборища, гдѣ преобладала, впрочемъ, еврейская чернь и, отчасти, виднѣлись *баале-батимъ*—

люди средняго класса. Нѣкоторыя изъ такихъ сборищъ, въ ослѣпленіи горести отъ своихъ потерь и въ озлобленіи противъ громителей, рѣшались давать имъ дружный отпоръ, при нападеніи на жилища и лавки еще нетронутыя. Изъ этого, естественно, возникали драки; солдаты и полицейскіе бросались разнимать ихъ и старались, по возможности, захватывать и арестовывать какъ съ той, такъ и съ другой стороны, главныхъ коноводовъ и зачинщиковъ, отправляя ихъ затѣмъ, подъ надежнымъ конвоемъ, на базарную площадь, къ резерву.

Иссахаръ Беръ, опрометью прибѣжавъ изъ синагоги къ своему дому, нашелъ его уже вконецъ разгромленнымъ. Быстро обѣжалъ онъ всѣ комнаты, отыскивая свою семью и призывая жену, дѣтей, всѣхъ домашнихъ,—никакого отвѣта. Въ домѣ никого не было. Иссахару вообразилось, что жена и дѣти его схвачены и уведены толпою, которая ихъ избила и, можетъ быть, уже замучила до смерти. Къ несчастью для себя, ему не пришло на умъ заглянуть въ темный подвалъ, гдѣ въ это самое время пребывала цѣлой и невредимой вся его семья, забившаяся въ самый темный уголъ, за пустыя бочки и ящики, не смѣя въ страхѣ и ужасѣ подать о себѣ голосъ. Но ужасъ и отчаяніе Иссахара дошли до крайняго предѣла, когда, вбѣжавъ въ свой кабинетъ, онъ увидѣлъ взломанный столъ, пустые ящики и разбросанные по полу всѣ свои документы и деньги въ мелкихъ клочкахъ. Возбужденный и оскорбленный до крайности еще въ синагогѣ, при пораженіи всѣхъ своихъ надеждъ и плановъ, онъ дошелъ теперь до полнаго изступленія и, схватившись за голову, побѣжалъ по улицѣ, самъ не зная куда, какъ помѣшанный, потрясая кулаками и громко взывая, невѣдомо къ кому:

— „Нейкомесъ! Нейкомесъ!..“[1])

Въ концѣ улицы онъ наткнулся, какъ-разъ, на одно изъ еврейскихъ сборищъ, поджидавшее въ сильномъ волненіи толпу громителей изъ сосѣдняго переулка. Евреи были еще въ нерѣшительности — отступить ли имъ назадъ, или дать отпоръ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставались еще нетронутыми нѣсколько шинковъ и лавченокъ, хозяева которыхъ слезно умоляли заступиться за ихъ добро, не дать его на разграбленіе. Въ еврейской толпѣ были и вооруженные,—кто ломомъ, кто дубиной, или коломъ, а большинство просто уличными камнями. Подбѣжавшій Иссахаръ, какъ раненый

[1]) Нейкомесъ или Некомаусъ—отмщеніе, возмездіе.

быкъ на аренѣ, тяжело дыша всею грудью, пасмурно, изподлобья оглядѣлся вокругъ помутившимся, мрачнымъ взоромъ, и вдругъ, увидѣвъ въ переулкѣ громителей, съ дикою радостью восклинулъ:—„Ага! Наконецъ-то!..“ И, вырвавъ у одного изъ рабочихъ дубину, онъ стремительно выбѣжалъ съ нею впередъ, предъ толпу своихъ единовѣрцевъ и, въ какомъ-то фанатическомъ экстазѣ, началъ произносить слова изъ извѣстныхъ пасхальныхъ молитвъ.

— „Услыши, Господи, вопль и ярость утѣснителей Твоего народа!“ громко взывалъ онъ, поднявъ глаза и правую руку къ небу:—„Напитай ихъ край собственной ихъ кровью! Удобри ихъ землю собственнымъ ихъ жиромъ, и да восходитъ къ небу смрадъ ихъ труповъ!..“ „Излей, о, Господи, на нихъ злобу Твою, зане Израиля поругали и жилища его разорили! Да постигнетъ ихъ разъяренный гнѣвъ Твой! Гони ихъ яростію и сотри изъ-подъ небеснаго Твоего свода!“[1])

И съ послѣднимъ словомъ, ухвативъ въ обѣ руки свою дубину, онъ высоко замахнулся ею надъ головой, и въ изступленномъ самозабвеніи, съ крикомъ „Мейсъ легойимъ!“[2]) яростно бросился на приближавшуюся толпу громителей.

Увлеченные этимъ примѣромъ, Евреи кинулись вслѣдъ за нимъ—и началось новое побоище.

— Ага! кричали они:—вы зъ насъ випускали пухъ, мы зъ васъ будемъ випускать духъ!

Къ счастію, въ самомъ началѣ столкновенія налетѣлъ на дерущихся уланскій разъѣздъ и энергично сталъ разгонять ихъ напоромъ своихъ лошадей и тупыми концами опущенныхъ пикъ. Остервенѣлый Иссахаръ, не разбирая уже, по комъ и по чемъ бить, замахнулся было дубиной на врѣзавшагося въ свалку лихаго вахмистра. Но тотъ, замѣтивъ это, во-время успѣлъ отпарировать страшный ударъ, полоснувъ саблей по концу дубины съ такой силой и такъ ловко, что сразу вышибъ ее изъ рукъ противника. Въ это время съ тылу успѣлъ подбѣжать цѣлый взводъ стрѣлковъ и, съ ружьями на руку, оцѣпилъ всѣхъ перемѣшавшихся въ свалкѣ Евреевъ и Русскихъ. Въ виду склоненныхъ на толпу штыковъ, драка прекратилась. Двое уланъ, соскочивъ съ коней, схватили Иссахаръ Бера и, скрутивъ ему чумбуромъ руки назадъ, передали, какъ арестанта, своимъ товарищамъ, вмѣстѣ съ дубиной, захваченной, кстати, въ качествѣ ве-

---

[1]) Первая изъ этихъ молитвъ читается въ утро втораго пасхальнаго дня; вторая—при торжественномъ обрядѣ пасхальной вечери.

[2]) Смерть гояймъ!

щественнаго доказательства. Свободный конецъ чумбура принялъ одинъ изъ всадниковъ, и Иссахаръ очутился на привязи. „Кацапы“ и „хохлы“, а отчасти и сами Евреи, изъ наиболѣе малодушныхъ и перетрусившихъ въ виду собственнаго ареста, единогласно указывали на него, какъ на зачинщика и вожака послѣдней драки. Всѣмъ окруженнымъ, безъ различія національности, приказано было бросить на мѣстѣ всѣ свои дреколья, безмѣны, ломы и камни, и затѣмъ, обезоруженные, они, всѣ вмѣстѣ, были отведены подъ сильнымъ конвоемъ на базарную площадь. Иссахаръ, какъ полупомѣшанный, блуждая налитыми кровью глазами, шелъ между двухъ опущенныхъ пикъ впереди прочихъ совершенно твердымъ шагомъ, какъ бы гордясь и даже рисуясь своимъ положеніемъ народнаго героя-борца и мученика, и всю дорогу не переставалъ фанатически взывать къ небу громкимъ голосомъ:—„Напитай ихъ край собственной ихъ кровью! Удобри ихъ землю собственнымъ ихъ жиромъ!“

По приводѣ на площадь, административная власть распорядилась отправить тотчасъ же всѣхъ арестованныхъ въ тюренный замокъ.

Не избѣгъ погрома и домъ Соломона Бендавида, даже подвергся ему однимъ изъ первыхъ, благодаря своей близости къ центру города, въ одной изъ лучшихъ улицъ.

Ничего не зная и не подозрѣвая о происходящемъ въ городѣ, старикъ оставилъ больную, только-что заснувшую жену на попеченіе старой родственницы-приживалки и одной изъ служанокъ, а самъ на цыпочкахъ удалился въ свой кабинетъ, чтобы разобраться въ ворохѣ доставленныхъ ему Каржолевскихъ документовъ. Онъ былъ удрученъ двойною скорбью и по внучкѣ, и по женѣ, у которой, послѣдствіемъ вчерашняго нервнаго удара, оказался параличъ всей правой половины тѣла. Окоснѣвшій языкъ ея и на половину скосившіяся губы уже не могли произносить словъ, а лепетали лишь какіе-то невнятные звуки, похожіе больше на мычанье; но лѣвая рука сохранила еще слабую способность движенія. Докторъ Зельманъ, навѣстившій больную вчера еще разъ, вечеромъ, утѣшалъ старика, что это-де хорошій признакъ,—все-де ничего, бываетъ и хуже, да проходитъ, а тутъ, съ Божьей помощью, электричество да поѣздка на воды еще такъ поправятъ почтенную *фрау*, что она и до ста лѣтъ доживетъ, пожалуй. Но въ душѣ докторъ Зельманъ не вѣрилъ собственнымъ словамъ, и утѣшалъ раббп Соломона лишь для того, чтобы поддержать въ немъ надежду и необходи-

мую бодрость духа. Старикъ, между тѣмъ, и самъ видѣлъ, что дѣло плохо, но старался вѣрить обнадеживаньямъ добраго доктора. — „Никто какъ Богъ, думалъ онъ:—захочетъ спасти и спасетъ, какъ спасаетъ другихъ“. Сегодня утромъ показалось ему, какъ будто старухѣ нѣсколько лучше, какъ будто взглядъ ея сталъ яснѣе и бодрѣе, даже на его утренній привѣтъ постаралась она отвѣтить ему нѣкоторымъ подобіемъ улыбки, взяла свободною рукой его руку и поднесла къ своимъ губамъ для поцѣлуя, и держала ее, не выпуская, пока, наконецъ, не заснула. Рабби Соломона это очень обрадовало, такъ какъ почти всю ночь она провела безъ сна, лежа недвижимо, съ открытыми глазами. Воспользовавшись минутами этого отдыха, онъ и ушелъ въ кабинетъ, приказавъ дать ему знать, какъ только жена проснется. Онъ самъ тоже нуждался въ отдыхѣ, но... это успѣется,—думалось ему,—это послѣ; организмъ его такъ силенъ, что выносилъ до сихъ поръ всякія передряги, — авось, и теперь не крякнетъ... Подождемъ сперва доктора, что докторъ скажетъ, тогда и отдохнемъ, если все будетъ ладно.

Засѣвъ за письменный столъ, рабби Соломонъ мало-помалу такъ погрузился въ разборъ документовъ и сведеніе по нимъ счетовъ, что не обратилъ и вниманія на глухо доносившійся съ улицы отдаленный, необычный гулъ, который между тѣмъ постепенно становился все ближе и ближе. Онъ тогда только откинулся въ недоумѣніи отъ стола, когда послышалось хлопанье спѣшно затворявшихся въ его домѣ ставень, и когда онѣ, одна вслѣдъ за другой, захлопнулись и въ кабинетѣ, внезапно оставивъ его въ темнотѣ. Не понимая, что могло бы это значить и негодуя, кто осмѣлился такимъ шумомъ нарушить покой жены, онъ пошелъ самъ справиться у дворника, но уже въ кухнѣ наткнулся на только-что вбѣжавшихъ туда двухъ своихъ прикащиковъ, которые, въ совершенно растерянномъ, смятенномъ видѣ, объявили ему, что въ городѣ бунтъ, христіане грабятъ и рѣжутъ Евреевъ. Не успѣлъ рабби Соломонъ распорядиться, чтобы спустить съ цѣпи дворовыхъ собакъ и подпереть изнутри кольями ворота и дверь подъѣзда, какъ послышался страшный стукъ разбиваемыхъ съ улицы ставень, и вслѣдъ затѣмъ въ кухню быстро вошла перепуганная родственница-приживалка:

— Рабби, Бога ради, ступайте скорѣе... Тамъ что-то ужасное... къ намъ кто-то ломится въ парадныя комнаты, въ вашъ кабинетъ...

— Балбостѣ очень дурно... Скорѣе къ балбостѣ! [1]) кричала, между тѣмъ, бѣжавшая изъ внутреннихъ покоевъ служанка.

Бендавидъ бросился въ спальню, къ женѣ. Неподвижная, блѣдная какъ смерть, старуха, съ выраженіемъ страшнаго испуга, недоумѣнія и ужаса въ глазахъ, глядѣла на него изъ своихъ бѣлыхъ подушекъ. Заплетавшійся языкъ ея какъ будто сплился что-то сказать, но вмѣсто того, изъ захлебывавшейся глотки вылетало одно только булькающее хрипѣнье. Раббн Соломонъ, перемогая собственный испугъ и волненіе, заботливо и любовно припалъ къ ея постели, взялъ ея руки и бормоталъ какія-то ободряющія и успокоительныя слова, а самъ отыскивалъ глазами на столикѣ капли, прописанныя на случай крпзпса докторомъ. Помочь ему было некому.—Куда же, однако, дѣвались обѣ этп дуры? Убѣжали, и не идетъ ни одна!

— Эй!.. Кто тамъ!.. Подите же сюда скорѣе! крикнулъ онъ въ полный голосъ, но никто ему не отозвался. Онъ еще громче повторилъ свой призывъ,—никто не идетъ. А между тѣмъ, въ комнатахъ, выходившихъ на улицу, уже раздавался трескъ разлетавшихся рамъ и дребезжащій звонъ стеколъ... Прошло еще нѣсколько ужасныхъ мгновеній,—и вслѣдъ затѣмъ послышались неистово веселые, торжествующіе крики „ура!“ и грубый топотъ чьихъ-то многочисленныхъ шаговъ въ залѣ. Вотъ шаги приближаются... вотъ они разбредаются уже по сосѣднимъ комнатамъ... кажись, направляются сюда, въ спальню.—Раббп Соломонъ подбѣжалъ къ двери и, только-что успѣлъ запереть ее на ключъ, какъ чья-то рука стала сильно дергать съ той стороны дверную ручку. Вслѣдъ за этимъ раздались удары дубинъ и камней въ самую дверь, отъ которыхъ она сотрясалась и трещала. Старикъ схватился за тяжелый старинный шкафъ и изо-всѣхъ силъ надрывался, чтобы передвинуть его въ самую дверь и тѣмъ загородить входъ грабителямъ. Но громоздкая вещь туго поддавалась его усиліямъ. Видя, что одному не справиться, онъ бросилъ, наконецъ, этотъ напрасный трудъ и—будь, что будетъ!—кинулся къ женѣ. Умирать, такъ ужь вмѣстѣ!..

И со словами: „Сарра! милая!.. Никто какъ Богъ! Его святая воля!“ онъ припалъ къ ея груди, какъ бы стараясь и тутъ еще охранить ее и успокоить.

---

[1]) *Балбоста*—хозяйка дома.

Но Сарра отвѣтила на его порывъ какимъ-то страннымъ, неестественнымъ спокойствіемъ.

Онъ пристально заглянулъ въ ея глаза, дотронулся до ея лба рукою,—все то же неподвижное, мертвое спокойствіе. Передъ нимъ лежалъ уже трупъ, съ лица котораго какъ-бы сбѣгала какая-то тѣнь, оставляя по себѣ восковую желтизну и застывающее во всѣхъ чертахъ выраженіе какой-то серьезной, недосказанной мысли.

Старикъ поднялся на ноги и, ставъ у изголовья, вполголоса началъ читать *Виддуй*,—отходную [1]).

Сътрескомъ распахнулась, наконецъ, выломанная дверь,—и въ комнату ворвались два-три громителя.

Рабби Соломонъ даже не дрогнулъ, даже не взглянулъ на нихъ. Глаза его были устремлены на лицо жены, губы лепетали слова молитвы.

Пораженные столь неожиданнымъ зрѣлищемъ, громители остановились на полушагѣ, точно что отшатнуло ихъ назадъ, и они замерли въ безмолвномъ смущеніи. Присутствіе только-что совершившейся смерти, незримо-таинственное, какъ бы чувствовалось еще въ этой комнатѣ и обвѣвало находящихся въ ней своимъ тихимъ вѣяніемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно также поражало и это величавое спокойствіе старика-Еврея. Этотъ, видимо, ихъ не боялся и готовъ былъ умереть отъ ихъ руки хоть сію минуту, такъ же спокойно, какъ стоялъ, не сопротивляясь и не моля о пощадѣ.

Громители тихо и молча попятились назадъ. Въ это время нѣсколько человѣкъ, веселою гурьбою проникшихъ въ смежную комнату, съ шумомъ и гамомъ готовы были уже идти и въ спальню, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь „кацаповъ“ остановилъ ихъ предупреждающимъ движеніемъ руки:

— Нишкни, ребята!.. Не ходи сюда, здѣсь мертвецъ лежитъ.

Безшабашное настроеніе гурьбы разомъ упало, какъ бы рухнуло.

— Мертвецъ?.. гдѣ мертвецъ? слышались среди ея недоумѣвающіе вопросы, но тонъ ихъ былъ уже не буйно-веселый, а какой-то опѣшенный, точно бы всѣ эти люди вдругъ опомнились, отрезвились отъ чада своихъ безобразій. Послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ входили изъ любопытства въ спальню, посмотрѣть, какой-такой мертвецъ, и постоявъ тамъ съ минутку, безмолвно удалялись осторожными шагами.

[1]) Собственно, сознаніе или покаяніе въ грѣхахъ, которое читается въ смертный часъ.

*

— И въ самъ-дѣлѣ, мертвецъ... Ну, его, ребята!.. Оставимъ.

— А и справди, що такъ. Не ворушъ ёго, хлопци! Ходьмо лѣпшей до сосіда,—тамъ багáцько добра,—знáйдемо що робыти.

— Якъ до сосіда, то-й до сосіда, нехай такъ... Гайдà, брàтыки!

И гурьба спокойно направилась вонъ изъ комнаты.

Нѣкоторое время послѣ этого слышались еще топочущіе шаги, вмѣстѣ съ трескомъ, шумомъ и вознею, въ залѣ и въ кабинетѣ, гдѣ остальные люди той же партіи доканчивали еще свою работу. Но вскорѣ стихло все и тамъ. Громители покинули домъ Бендавида.

Докончивъ *Виддуй*, старикъ самъ закрылъ вѣки надъ мертвыми глазами жены, самъ задернулъ лицо ея простыней и тихо вышелъ позвать кого-нибудь изъ прислуги. Но ни въ кухнѣ, ни въ людской не было ни души. Во дворѣ тоже нѣтъ. Всѣ куда-то разбѣжались, попрятались; на окрикъ не отзываются. Онъ обошелъ всѣ комнаты,—пусто... Повсюду слѣды страшнаго погрома. Въ кабинетѣ всѣ шкафы разбиты, старинныя рѣдкостныя вещи переломаны, драгоцѣнные древніе фоліанты, всѣ книги его дорогой библіотеки сброшены съ полокъ и многія перерваны; ящики письменнаго стола взломаны и опустошены... Уцѣлѣлъ одинъ лишь металлическій несгораемый шкафъ, съ секретнымъ замкомъ, гдѣ хранились всѣ банковые билеты и важнѣйшія бумаги Бендавида. Съ этимъ мудренымъ, тяжелымъ шкафомъ, какъ ни старались, ничего подѣлать не могли,—ни отворить его, ни взломать, и ограничились тѣмъ, что опрокинули его съ досады на полъ. Но за то всѣ документы Каржоля, оставленные на письменномъ столѣ,—увы!—исчезли. Ничтожная часть ихъ валялась въ маленькихъ разрозненныхъ клочкахъ на полу, остальное пущено по вѣтру.

— Минъ гошо маимъ—такъ суждено свыше, тихо прошепталъ Бендавидъ, покорно склоняя голову:—Богъ далъ, Богъ и взялъ,—да будетъ Его святая воля!..

И одинокій, покинутый всѣми, онъ возвратился къ тѣлу жены своей.

XXIV.

Рѣшающее слово.

Къ двумъ часамъ дня, когда наконецъ прибыли въ городъ на полныхъ рысяхъ остальные эскадроны уланъ и были выведены еще двѣ роты стрѣлковъ, остававшіяся въ запасѣ, погромъ сталъ стихать и вскорѣ совсѣмъ прекратился. На площадь, то и дѣло, приводили теперь подъ конвоемъ то отдѣльныхъ вожаковъ, то цѣлыя партіи погромщиковъ, среди которыхъ не мало попадалось и Евреевъ, захваченныхъ въ дракахъ. Между арестованными христіанами болѣе чѣмъ на половину было теперь пьяныхъ, напившихся даромъ еврэйскою водкой. Наиболѣе пострадавшихъ, избитыхъ и раненыхъ отводили въ городскую больницу и военные лазареты; остальныхъ же препровождали, впредь до разбора, подъ арестъ, на гауптвахту, на полицейскій дворъ, въ пожарную команду или въ тюремный замокъ. Всѣ мѣста заключенія въ городѣ были переполнены „невольниками“, какъ называли ихъ крестьяне. Но многіе успѣли и разбѣжаться еще до ареста.

— Ваше превосходительство, обратился къ губернатору правитель его канцеляріи, тоже присутствовавшій, въ числѣ властей, на площади: — сейчасъ вотъ проѣхала къ монастырю карета преосвященнаго... Это онъ, должно быть, къ матери-Серафимѣ.

— Такъ что же? повернулся къ нему губернаторъ.

— А какъ я давеча докладывалъ вамъ, что вся причина этихъ бѣдъ — внучка Бендавида, и вы выразили готовность уговорить игуменью, чтобъ она ее отпустила, такъ вотъ теперь, мнѣ кажется, было бы самое настоящее время отправиться къ ней вашему превосходительству... Вмѣстѣ бы съ преосвященнымъ. Онъ, вѣроятно, тоже поѣхалъ уговаривать ее.

— Почему вы такъ думаете?

— А мнѣ секретарь консисторскій сказывалъ, — недавно вотъ встрѣтился здѣсь, на площади; тоже поглядѣть приходилъ на побоище.

— Такъ вы полагаете, что теперь было бы удобно, раздумчиво спросилъ губернаторъ.

— Самое время, ваше превосходительство, самое настоящее время. Съ двухъ-то сторонъ принявшись, вѣрнѣй ее уломаете.

— Что жъ, пожалуй, сосласился губернаторъ и, передавъ на время распоряженіе всѣми дѣйствіями вице-губернатору, велѣлъ подать себѣ свою коляску.

У Серафимы онъ засталъ уже преосвященнаго.

— Какое ужасное происшествіе! соболѣзновательно качая головой, обратился къ нему владыко.

— Фу-у!.. Слава Богу, уже покончилось! облегченно вздохнулъ на это губернаторъ, съ видомъ человѣка, только-что свалившаго съ шеи громадный грузъ.—Но это что! Это только инцидентъ, продолжалъ онъ:—а главная-то возня пойдетъ только теперь,—всѣ эти донесенія въ Петербургъ, объясненіе причинъ, разборка всѣхъ арестованныхъ, слѣдствіе... Это все такія непріятныя хлопоты.

— Вы упомянули объ объясненіи причинъ, отнесся къ нему преосвященный:—скажите, ваше превосходительство, какъ по-вашему, что было причиной?—Меня этотъ вопросъ весьма интересуетъ.

— Мм... многое, отвѣтилъ тотъ, принимая на себя значительный и даже государственно глубокомысленный видъ:—очень многое... Это вопросъ весьма сложный... Тутъ замѣшаны и экономическіе, и соціальные, и національные стимулы... Но главная причина, такъ сказать, причина всѣхъ причинъ, это—побѣгъ внучки Бендавида.

— Вотъ мы только-что объ этомъ говорили,—обратился архіерей къ игуменьѣ.—Вотъ, только-что передъ вашимъ превосходительствомъ, я говорилъ то же самое, повернулся онъ къ губернатору.—Пожалуйста, убѣдите мать Серафиму.

— Но въ чемъ же его превосходительству убѣждать меня? вмѣшалась монахиня:—что оскорбили святыню обители,—это я знаю; что сдѣлали это изъ-за дѣвицы Бендавидъ, мнѣ тоже извѣстно. Въ чемъ же еще?

— Н-нѣтъ, знаете, не то, слегка заминаясь, мягко началъ губернаторъ.—Мое мнѣніе, если позволите откровенно высказать, лучше бы развязаться съ ней, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— То-есть, какъ это? спросила Серафима.

— Да просто, возвратите ее роднымъ, и конецъ.

— Этого я сдѣлать не могу, рѣшительно и твердо отказала игуменья.

— Mais... pardon, si je ne vois pas des raisons... Почему же собственно? Что васъ останавливаетъ?

— Именно, это побоище, пояснила она.—Выдать имъ ее теперь, подумайте, что ее ожидаетъ, когда всѣ такъ озлоблены противъ нея.

— Что ожидаетъ? подхватилъ губернаторъ:—ничего не ожидаетъ. Moins que rien! Родные ее любятъ, я знаю ихъ,—ну, пожурятъ немножко, и конецъ. А что до остальныхъ, то, повѣрьте, Бендавидъ настолько богатъ и вліятеленъ, что никто ничего ей сдѣлать не посмѣетъ... И наконецъ, я-то на что же? Развѣ я, какъ представитель власти, допущу, чтобы кто-либо смѣлъ ей сдѣлать какое зло!?

— О, для зла путей много! замѣтила съ горькой усмѣшкой Серафима.— Но и кромѣ того, продолжала она:—выдать имъ ее послѣ того, что они сдѣлали надъ православной святыней, это значило бы показать слабость... Для нихъ, конечно, это будетъ торжество, но для насъ...

— Нѣтъ, позвольте, возразилъ губернаторъ:— воля ваша, но я нахожу, что Евреи здѣсь правы.

Правы?! удивленно откинулась въ кресло Серафима.

— Правы-съ. Поставлю себя на ихъ мѣсто: еслибы они вдругъ вздумали подобнымъ образомъ обращать въ іудейство мою дочь, да я... я не знаю, на что бы я рѣшился!.. Нѣтъ, какъ хотите, это даже и не политично. Наша, такъ сказать, государственная задача здѣсь, на окраинѣ,—не раздражать les éléments de la population, а умиротворять, смягчать, какъ можно болѣе, toutes ces rudesses des antipathies nationales et des народныя страсти. Вѣдь мы тутъ на виду у Европы... Что Европа скажетъ, что заговоритъ вся пресса, подумайте!.. Вѣдь это выходитъ съ нашей стороны какой-то средневѣковый фанатизмъ, вѣдь мы этимъ компрометтируемъ наше отечество въ глазахъ всего просвѣщеннаго міра... Au fond, я вовсе не либералъ, но въ этомъ смыслѣ разумно либеральныя уступки духу времени,—это нашъ долгъ, notre devoir le plus sacré, если мы любимъ свое отечество и желаемъ чтобъ и другіе его уважали.

. . . . . .

— Н-да; къ сожалѣнію, я долженъ буду представить въ своемъ донесеніи всю правду, предупредилъ губернаторъ, съ многозначительнымъ и даже нѣсколько внушающимъ видомъ.—Сколь ни непріятно, продолжалъ онъ:—но нельзя же умолчать о причинѣ, потому что, разъ эта причина не устранена, я не отвѣчаю за спокойствіе моей губерніи... Такія катастрофы, какъ сегодня, могутъ повториться, и тогда что же?!

— Да позвольте намъ взглянуть на эту госпожу Бендавидъ, предложилъ архіерей:—любопытно бы поразспросить ее, поговорить... что-за убѣжденная такая дѣвица?

— Это лучше всего,—прекрасная идея! съ живостію

подхватилъ губернаторъ:—и въ самомъ дѣлѣ, поглядимъ, поговоримъ,—я, кстати же, знакомъ немножко съ нею,—можетъ, общими силами, дастъ Богъ, и разубѣдимъ ее.

— Это ее только разстроитъ, но ни въ чемъ не разубѣдитъ, возразила ему Серафима:—она слишкомъ уже убѣжденная христіанка.

— А почемъ знать... Вы все-таки, будьте такъ добры, разрѣшите позвать ее.

Въ это время у входной двери игуменьи послышался обычный предупреждающій стукъ и молитвенный возгласъ.

— Аминь, отвѣтила Серафима.

Почтительно вошла келейница Наталья и, отвѣсивъ по поясному поклону владыкѣ и игуменьѣ, подала ей телеграмму.

— Къ вашему превосходительству тоже есть, обратилась она съ такимъ же поклономъ къ губернатору. Разсыльный несъ-было къ вамъ, да увидѣлъ здѣсь коляску и проситъ доложить — не угодно ли будетъ принять, за одно уже, и росписаться?

— Очень радъ, отчего же, — если мать игуменья позволитъ,—охотно согласился губернаторъ.

Келейница принесла и ему телеграмму. Губернаторъ прочиталъ ее про-себя и удивился,—очень удивился даже, такъ что перевернулъ листокъ на другую сторону, чтобы убѣдиться, точно ли къ нему адресовано?.. Гм... несомнѣнно, къ нему — „Начальнику Украинской губерніи“... Внимательно перечиталъ еще разъ и, совершенно опѣшенный, выжидающе взглянулъ на Серафиму.

— Опасенія ваши, владыко, на счетъ того, какъ взглянутъ въ Петербургѣ, напрасны, обратилась она къ архіерею:—тамъ уже взглянули... Не угодно ли прослушать?

И она прочитала телеграмму, гдѣ ей предлагалось немедленно же снарядить и отправить Тамару въ Петербургъ, въ сопровожденіи благонадежной сестры, которая доставитъ и сдастъ новокрещаемую въ пріютъ N-ской Общины. Расходы будутъ возмѣщены.

— Ну-съ, а я, вставилъ слово губернаторъ: — я получилъ отъ подлежащаго вѣдомства предложеніе оказать вамъ въ этомъ дѣлѣ все зависящее отъ меня содѣйствіе.

— Стало быть, ваше превосходительство, всѣ наши разсужденія, какъ видите, были тоже напрасны, съ легкой усмѣшкой замѣтила игуменья.—Что же до содѣйствія, продолжала она:—то при иныхъ обстоятельствахъ я, конечно, попросила бы васъ командировать надежнаго полицейскаго офицера, чтобы онъ проводилъ моихъ путницъ до границы

края, но теперь, послѣ погрома, полагаю, Евреи такъ притихнутъ, что едва-ли въ этомъ есть надобность.

— Нѣтъ, нѣтъ, отчего же!.. Все-таки понадежнѣе будетъ, съ живостію возразилъ губернаторъ:—я все-таки сдѣлаю распоряженіе, сейчасъ же, и радъ, отъ всей души радъ, какъ Русскій, какъ христіанинъ, наконецъ, что вопросъ кончается такимъ образомъ! Прекрасно! Превосходно!..

И онъ откланялся Серафимѣ вмѣстѣ съ преосвященнымъ, который на прощанье преподалъ ей свое благословеніе, сказавъ, что умолкаетъ предъ волей выше его поставленной, тѣмъ болѣе, что еще вчера, своею бумагой, доказалъ полную свою готовность содѣйствовать столь благому дѣлу.

Такимъ образомъ, господинъ Горизонтовъ и ловкій правитель губернаторской канцеляріи окончательно остались „при печальномъ интересѣ“.

Снарядить Тамару было не долго и не трудно,—оставалось лишь пополнить кое-чѣмъ необходимымъ тотъ узелокъ, который она захватила съ собою изъ дому, да снабдить ее на дорогу сакомъ для вещей и болѣе теплою верхнею одеждой. Это все нашлось въ самомъ монастырѣ, такъ что не надо было обращаться и въ лавки. Губернаторъ былъ такъ любезенъ и внимателенъ, что за часъ еще до прихода вечерняго поѣзда прислалъ въ монастырь свою собственную карету—отвезти путницъ на вокзалъ. Мон-Симонша тоже почтила Тамару самымъ радушнымъ заочнымъ привѣтомъ, котораго, конечно, не было бы, еслибы не извѣстная телеграмма изъ Петербурга. Привѣтъ изложенъ былъ по-французски на прелестномъ листкѣ раздушеной парижской бумаги, и заключалъ въ себѣ пожеланія Тамарѣ всякихъ благъ и успѣховъ „dans le monde“, съ изъявленіемъ сожалѣнія, что досадная „névralgie“ не позволяетъ Мон-Симоншѣ лично проводить ее на поѣздъ и съ увѣреніями, что сохранитъ къ ней на всегда „les plus beaux sentiments d'amitié et les meilleurs souvenirs“. Къ письму было и приложеніе, въ видѣ бомбоньерки съ конфектами и коробки со сладкими пирожками.

Когда все уже было готово къ отъѣзду, игуменья позвала Тамару къ себѣ въ келію проститься. Дѣвушка была очень взволнована, хоть и старалась казаться спокойной

— Ну, дай вамъ Богъ всего хорошаго. Очень рада, что могла для васъ что-нибудь сдѣлать, сердечно сказала ей Серафима.—Прощайте, моя дорогая.

Тамара, подъ давленіемъ нѣкотораго внутренняго колебанія, замедлилась предъ Серафимой на нѣсколько мгновеній. Ей чувствовалось, что въ этомъ прощаньи чего-то не достаетъ, что надо еще что-то такое, что окончательно удовлетворило бы и успокоило ее духовно,—такъ сказать, освятило бы первый шагъ ея на новомъ жизненномъ пути, гдѣ видны ей пока только ближайшія вѣхи, а что за ними, что будетъ дальше—неизвѣстно...

— Благословите меня, тихо проговорила она, опустясь предъ монахиней на колѣни и наклонивъ впередъ голову.

Серафима троекратно осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ, и умиленная дѣвушка схватила и покрыла благодарными поцѣлуями благословившую ее руку.

— Не оставляйте, не забывайте меня въ сердцѣ вашемъ, говорила она сквозь слезы: — позвольте мнѣ хоть изрѣдка писать къ вамъ, какъ къ матери... у меня нѣтъ ея... Вы такъ много для меня сдѣлали,—не откажите и въ этомъ... Будьте мнѣ матерью!..

— Всегда, дитя мое, всегда! съ чувствомъ проговорила монахиня, прижавъ ея голову къ своей груди и поцѣловала ее добрымъ, материнскимъ поцѣлуемъ.

И затѣмъ, она прошла на минуту въ свою спаленку и вынесла оттуда образокъ Богоматери.

— Вотъ тебѣ мое материнское благословеніе, сказала она, осѣнивъ имъ дѣвушку, и надѣла его ей на шею.—Ну, теперь поѣзжай съ Богомъ... Пора. Господь съ тобою!

Хотя южные вечера темны, а Украинскіе уличные фонари не отличаются особенно яркимъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе, еще неприбранные слѣды погрома, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе освѣщаемыхъ, мѣстахъ, были видны довольно ясно: черныя дыры выбитыхъ оконъ, зіяющія пасти воротъ безъ створъ и входовъ безъ дверей, обломки громоздкой мебели на мостовой,—все это не могло не броситься въ глаза проѣзжавшей мимо Тамарѣ.

— Что это такое? Отчего это? въ недоумѣніи отнеслась она къ своей спутницѣ.

— А погромъ же былъ, простодушно отозвалась монахиня.

— Какой погромъ? Когда? еще болѣе недоумѣвая, переспросила Тамара.

— Сегодня утромъ. А вы развѣ не знаете?

— Ничего не знаю, и не понимаю даже, что-за погромъ такой?

— Какъ же, большой погромъ, сказываютъ... Евреевъ били.

При этомъ словѣ, Тамару точно бы что́ кольнуло въ самое сердце.

— Евреевъ?! подхватила она, внутренно вздрогнувъ: — вы говорите, Евреевъ?.. Кто билъ?.. За что?

— А вотъ, кацапы да мужики... Вообще, христіане били.

— Христіане? недовѣрчиво повторила Тамара. — Христіане?.. Можетъ ли это быть?!

— Да вотъ, видите, какое разрушеніе, спаси Господи... Очень сильно, говорятъ, били; много раненыхъ, войска вызывали...

— Но за что же?.. за что? допытывала встревоженная дѣвушка.

— Не знаю въ точности, пожала та плечами:—наше дѣло монастырское, не въ міру живемъ... А только говорятъ, будто драка какая-то вышла передъ нашей обителью, — съ того и пошло.

„Передъ обителью“... А, это значитъ, изъ-за нея, изъ-за Тамары? Вчера тоже было что-то такое,—въ обитель ломились... Значитъ, что же,—причина бѣдствія для соплеменниковъ,—это она, Тамара?...

И дѣвушка почувствовала, какъ въ душѣ ея что-то болѣзненно сжалось и заныло, точно бы вдругъ прозвучалъ тамъ какой-то рѣзкій диссонансъ, мгновенно нарушившій всю, только-что налаженную, гармонію ея внутренняго міра.— „Христіане“... тѣ самые христіане, къ которымъ она такъ стремится...

И видитъ она по всѣмъ улицамъ, гдѣ проѣзжаетъ карета, все тѣ же ужасные слѣды раззоренія, тѣ же обломки, мостовыя бѣлыя отъ пуху. — Значитъ, это дѣйствительно было что-то большое, громадное, на весь городъ... избіеніе какое-то... Можетъ быть, та же участь постигла и домъ ея старпковъ... „Били“... Господи! неужели и ихъ тоже били!?.. Изъ-за нея, изъ-за ея поступка!..

Тоскливая мысль о старикахъ, о томъ, что и они, вѣроятно, не избѣгли общей участи, обдала ее холодомъ ужаса. Въ сердцѣ ея защемѣло что-то жгучимъ укоромъ себѣ и жалостью къ нимъ, одинокимъ, покинутымъ ею,—заговорилъ голосъ родства, голосъ крови и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порывъ негодованія противъ тѣхъ изверговъ, что́ смѣли совершить такое страшное злодѣяніе. Въ душѣ ея кричалъ призывъ къ своимъ роднымъ, и всю ее подмывало стремленіе бѣжать

скорѣе къ нимъ,—хоть бы взглянуть только, что съ ними? цѣлы ли, спокойны ли?.. О, что бы дала она теперь за возможность утѣшить дѣдушку, приласкаться къ бабушкѣ Саррѣ, опять водворить своимъ присутствіемъ миръ и спокойствіе въ ихъ душахъ, увидѣть ихъ довольными и примиренными съ нею.—Да нѣтъ, гдѣ ужь!.. Хоть бы знать только за вѣрное, что съ ними ничего не случилось,—и это одно уже было бы счастіемъ. Но, увы!—Тамара сознавала, что и такая малость въ настоящую минуту неосуществима.—Кому какое до нихъ дѣло и какой кому интересъ узнавать въ точности, что было съ ними! Да и кто, наконецъ, можетъ сообщить ей объ этомъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда, на станціи?—Не Евреи же, которые всѣ отвернутся отъ нея со злобой и презрѣніемъ. А ей бы такъ нужно объ этомъ знать, чтобы хоть чуточку успокоить свою душу, свою совѣсть... Но вотъ уже и станція—сейчасъ отъѣздъ, сейчасъ прощай, прощай всему прошлому, на вѣки!.. Тамара знала, что рѣшающее слово уже произнесено, роковой шагъ сдѣланъ, и назадъ нѣтъ возврата. Рыданія подступали ей къ горлу, хотѣлось бы выплакать всю свою боль и кручину; но она стѣснялась, ей совѣстно было плакать и тѣмъ обнаруживать состояніе своей души въ присутствіи посторонней свидѣтельницы, которая, вдобавокъ, и не пойметъ тутъ ничего, или объяснитъ все это себѣ совсѣмъ иначе.—И Тамара перемогала себя всѣми усиліями собственной воли, чтобы только не разрыдаться. О, какъ хотѣлось ей быть одной въ эту минуту! Но есть нѣчто другое, что выше и больше ея личнаго хотѣнія и чему она—хочешь-не-хочешь—*должна* теперь подчиниться: она уже не свободна, не въ правѣ располагать собой; она связана своимъ словомъ, своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, своей любовью и волей любимаго человѣка, своимъ поступкомъ, наконецъ, и всѣмъ тѣмъ, что ради нея уже сдѣлано чужими добрыми людьми,—этою Серафимой, напримѣръ, которую всего лишь нѣсколько минутъ назадъ она молила быть ея матерью... Да; она сама связала себя, своею доброю волей, и назадъ ей опять-таки нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ возврата,—потому что иначе, гдѣ же правда, и въ чемъ она?

Съ этой роковой минуты Тамара почувствовала, что въ душѣ ея водворилось какое-то ужасное, непримиримое раздвоеніе и что оно не пройдетъ,—нѣтъ, оно будетъ жить въ ней всегда, ибо это—*она сама*. Раздвоеніе это будетъ отравлять собою лучшія, самыя свѣтлыя и радостныя минуты ея существованія. Оно, какъ внутреннее противорѣчіе съ са-

мой собою, какъ вѣчный диссонансъ будетъ нарушать гармонію ея души и вѣчно служить источникомъ еще многихъ и многихъ нравственныхъ страданій въ ея жизни.

Но... жребій брошенъ, „корабли сожжены“, — остается только кидаться впередъ, въ это новое „море житейское“, и—будь что будетъ!

Спустя нѣсколько минутъ, Тамара, безъ всякихъ приключеній со стороны Евреевъ, тихо и благополучно уѣхала изъ Украинска. На станціи, впрочемъ, не было ни одной души еврейской,—Израиль еще не успѣлъ опомниться отъ погрома.

XXV.

Торжество Кагала.

Спустя двое сутокъ послѣ побоища, въ часъ утренняго пріема просителей, къ губернатору явилась депутація отъ городскаго еврейскаго общества. Онъ былъ уже подготовленъ къ ней своимъ правителемъ канцеляріи, котораго еще наканунѣ не оставилъ на этотъ счетъ въ неизвѣстности все тотъ же „милѣйшій“ Абрамъ Іоселіовичъ Блудштейнъ,—и не только въ неизвѣстности, но и не безъ нѣкоторыхъ тонкихъ внушеній и обѣщаній.

Въ составѣ еврейской депутаціи находились всѣ члены кагальнаго Совѣта, in corpore, но уже не въ качествѣ членовъ этого учрежденія, считаемаго, по законамъ Россійской Имперіи, яко-бы упраздненнымъ повсемѣстно еще съ 1844 года, а только въ качествѣ общественныхъ избранниковъ, собственно ради настоящаго случая. На сей разъ „для виду“, кагалъ прихватилъ съ собой, въ составъ „депутаціи“, и такъ называемаго, „казеннаго раввина“, обыкновенно считаемаго въ еврейской средѣ за ничто или, пожалуй, за нѣчто въ родѣ правительственнаго чиновника, на жалованьи отъ общества, который получаетъ его—не столько за исполненіе обязанностей, возложенныхъ на него русскимъ закономъ, сколько именно за то, чтобы не исполнять ихъ и дѣйствовать всегда и во всемъ согласно велѣніямъ и пользамъ кагала. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, оффиціально признанный фантошъ, служащій для кагала, въ иныхъ случаяхъ „козломъ отпущенія“ передъ русскою властью.

На сей разъ, представляя губернатору благодарственный адресъ, депутація даже заставила этого оффиціальнаго „козла“ держать за нее слово предъ его превосходительствомъ.

Губернаторъ, конечно, принялъ Евреевъ во всемъ благосклонномъ величіи своего положенія,—нарочно даже надѣлъ вицъ-мундирный фракъ со звѣздой, и вышелъ въ залу, сіяя государственнымъ глубокомысліемъ и въ то же время самою привѣтливою, обворожительною улыбкой. Свиту его составляли полицеймейстеръ, въ полной формѣ, правитель канцеляріи, съ портфелемъ, и дежурный чиновникъ, съ бумажкой для записыванія именъ и просьбъ просителей.

— Ваше превосходительство! торжественно обратился въ нему „казенный раввинъ“, отчасти держа рѣчь „своими словами“, а больше — заглядывая въ текстъ раскрытаго адресса: — позвольте вамъ выразить, что общество наше спѣшило и не медлило избрать своихъ излюбленныхъ представителювъ къ вашему превосходительству.

Губернаторъ сдѣлалъ благосклонный кивокъ головой и одобрительно шевельнулъ бровями.

— Вы знаете, продожалъ ораторъ:—какъ всегда мы васъ любили, а теперь продолжаемъ излюбливать васъ еще больше, за тово, что вы насъ такъ энергически защитили. Да воздастъ вамъ Богъ за это щедрою десницей воздаянія! Да сохранятъ васъ ангелы Его на всякомъ путю вашемъ, какъ самаго царя Давида, да не споткнетесь съ ногою вашею на камень! И да возносится отніамъ богомоленій нашихъ за здравіе и благополучность вашего превосходительства и драгоцѣннѣйшей супруги вашей, ея превосходительства!

Опять сановно благосклонный кивокъ и комплиментарный жестъ со стороны губернатора.

Ораторъ шморгнулъ носомъ, быстро проведя подъ нимъ указательнымъ пальцемъ, и продолжалъ:

— Справедливыя дѣйствія ваши относительно насъ, вѣрноподданныхъ россійскихъ Евреевъ, заслужили вамъ общаго нашего особеннаго одобренія и благодарностью, и заставляютъ насъ даже навертывать слиозы на глаза наши.

Для пущей наглядности, ораторъ полѣзъ даже въ задній карманъ за платкомъ, нарочито чистымъ, и сдѣлалъ видъ, будто дѣйствительно отираетъ „слиозы“.

— Н-но! вздохнулъ онъ какъ бы изъ глубины сердца:— все-таки дышать намъ оставалось и остается трудно, по той самой причинѣ, что въ самомъ обществѣ нашемъ существуютъ

ядовитые зжмѣи-искусители, плевелы въ доброй пшеницѣ израильской, которыхъ мы желаемъ истребить, вырвать съ корнемъ изъ себя.

Губернаторъ многозначительно и удивленно поднялъ брови.

— Такъ, ваше превосходительство. Говоримъ съ откровенностью, что если въ воскресенье было такое вжасное побоище, то не безгрѣшны въ этомъ и сами Евреи. Съ охотнымъ сердцемъ сознаемся въ томъ. У насъ были даже свои зачинщики, и еслибы ихъ не было, то ничего бы не было. Поэтому мы не намѣрены скрывать ихъ отъ взоровъ закона и сами спѣшимъ и не медлимъ на помощь закону, да покараетъ онъ виновныхъ! Мы бы не осмѣлили себя представать исъ такою просьбой предъ лицо вашей губернаторской особы, кабы могли устоять настоятельнѣйшимъ просьбамъ всего общества, которое вполномочило насъ передать къ вашему превосходительству благодарственный адрессъ и общественный приговоръ, за надлежащими подписами, что мы, Украинское еврейское общество, не желаемъ больше имѣть на своей средѣ такихъ плевеловъ и зжмѣевъ, какъ обыватель Иссахаръ Беръ и другіе, поименованные въ приговору, которые давно уже заставляли опасаться наши сердца за своею даже политическою неблагонадежностію и которые при злополучномъ погромѣ проявили такъ живописно свою финатизму и свирѣпый характеръ. Мы будемъ кричать большимъ крикомъ къ вашему превосходительству, чтобы вы избавили насъ отъ нихъ!

Вся депутація, съ почтительными поклонами, — руку на сердце, — единогласно подтвердила и повторила эту просьбу, добавивъ, что ей „вже не вмочно“.

— Нашъ общественный приговоръ, продолжалъ „казенный раввинъ“: — присуждаетъ ихъ въ ссылку на Сибиръ, какъ злокачественныхъ прыщовъ, дабы не зачумляли собой нашево молодова поколѣнія. А за симъ, какъ будетъ увгодно мудростю вашего превосходительства, но мы имѣть ихъ въ своемъ обществѣ больше не желаемъ и за нихъ не отвѣчаемъ.

Вся депутація вторично, въ одинъ голосъ подтвердила слова своего краснорѣчиваго оратора и почтительно представила начальнику губерніи вмѣстѣ съ адрессомъ и формальный общественный приговоръ, осуждавшій на выселеніе въ Сибирь Иссахаръ Бера и пять человѣкъ наиболѣе видныхъ его сторонниковъ [1]).

[1]) Въ настоящее время приговоры общества требуютъ утвержденія высшей власти, потому что въ прежнія времена еврейскія общества, по свидѣтельству г. Г. Богрова (стр. 13), часто злоупо-

Такое заявленіе пришлось губернатору какъ нельзя болѣе на руку. Съ помощью его, онъ, такъ сказать, убивалъ трехъ зайцевъ разомъ. Во-первыхъ, „Европа“, то-есть вѣнская жидовская „пресса“, которой онъ очень боялся, не посмѣетъ уже такъ безшабашно кричать о „русскомъ варварствѣ“, да и *тамъ*, въ Петербургѣ, не такъ легко повѣрятъ этимъ крикамъ, послѣ того, что сами же Евреи документально заявляютъ, что первыми зачинщиками были ихъ соплеменники и даже указываютъ на личности. Во-вторыхъ, и для Петербурга—тѣ же самые Евреи своимъ благодарственнымъ адрессомъ выдали ему, такъ сказать, аттестатъ зрѣлости, за его энергичныя дѣйствія по прекращенію „безпорядковъ“, не прибѣгая къ оружію, и за его гуманность, такъ и справедливость, покоряющія ему всѣ сердца и симпатіи всего населенія. Наконецъ, въ-третьихъ, этотъ общественный приговоръ значительно облегчаетъ и сокращаетъ разборъ всего дѣла, все слѣдственное о немъ производство: виновные указаны прямо и уличаются авторитетнымъ свидѣтельствомъ своихъ же единовѣрцевъ,—чего жъ еще болѣе! Остается найдти нѣсколько „зачинщиковъ“ изъ Русскихъ, но это никогда не трудно, и, такимъ образомъ, является счастливая возможность покончить все это непріятное дѣло въ самый непродолжительный срокъ. Виновные понесутъ заслуженную кару, общественная совѣсть получитъ должное удовлетвореніе; услужливые корреспонденты прославятъ въ отечественныхъ, а можетъ даже и въ самихъ еврейскихъ газетахъ примѣрную дѣятельность и распорядительность мѣстной администраціи; въ петербургскихъ еврейскихъ салонахъ барона Г. и „генераловъ“ П. и В. заговорятъ о томъ же и въ такомъ же духѣ,—а къ этимъ салонамъ, какъ извѣстно, очень и очень прислушиваются—и... и, въ концѣ концовъ, Мон-Сэмонъ получитъ благодарность. Во всякомъ случаѣ, фонды его *тамъ*, въ Петербургѣ, несомнѣнно повысятся.

Онъ отвѣчалъ еврейской депутаціи изъявленіемъ своей сердечной благодарности за адрессъ, прибавивъ, что такая лестная и безпристрастная оцѣнка его служебной дѣятельности, именно со стороны ихъ, обывателей-Евреевъ, весьма ему пріятна и служитъ даже утѣшительнымъ воздаяніемъ за всѣ его труды и заботы о пользахъ и спокойствіи гражданъ

требляли силою своихъ приговоровъ, при которыхъ, вдобавокъ, пускали въ ходъ систему подкупа. Стоило захотѣть обществу,—и по его приговору отдавались въ рекруты, изгонялись изъ города и ссылались даже въ Сибирь, на поселеніе, всѣ тѣ, кто имѣли неосторожность попасть въ немилость обществу, т. е. кагалу.

ввѣренной ему губерніи. Затѣмъ, добавилъ, что общественному ихъ приговору немедленно же дастъ законный ходъ, благодарилъ ихъ за то, что они сами такъ охотно помогаютъ правительственному правосудію въ раскрытіи истины и, въ заключеніе, сообщилъ, что вчера еще назначилъ особую коммиссію, куда войдутъ и члены отъ еврейскаго общества, для разбора и опредѣленія суммы понесенныхъ Евреями убытковъ.

Такимъ образомъ, обѣ стороны разстались въ полномъ взаимномъ удовлетвореніи. Евреи-депутаты были въ восторгѣ.

— Ай, хѝпшесъ гибернато́ресъ! Да̀с-исъ айнъ вѝрклихесъ нача́льникесъ! восклицали они между собою, при выходѣ изъ губернаторской залы, нарочно для того, чтобъ и эти, такъ сказать, интимныя похвалы ихъ были услышаны посторонними и переданы по назначенію.

Иссахаръ Беръ, какъ уличенный „зачинщикъ“, взятый къ тому же съ поличнымъ, не былъ выпущенъ изъ тюрьмы, когда выпускали всѣхъ арестованныхъ „статистовъ“ этого погрома, какъ христіанъ, такъ и Евреевъ. На поруки же взять его было некому, такъ какъ ни одинъ Еврей не отважился бы на это, подъ страхомъ *херема*. Черезъ нѣсколько недѣль ему „вышло рѣшеніе“—и общественный приговоръ всецѣло былъ исполненъ, какъ надъ нимъ, такъ и надъ пятью его единомышленниками,—нужды нѣтъ, что эти ни въ чемъ не попались и ни въ чемъ даже не были уличаемы. Общественный приговоръ—и довольно! Семьи ихъ остались въ круглой нищетѣ, потому что недвижимое имущество ихъ было секвестровано кагаломъ, якобы за неуплаченные ихъ долги еврейскому обществу [1]).

---

[1]) Чтобы читателю, незнакомому съ характеромъ карательной дѣятельности современнаго кагала, не показалось страннымъ, даже невѣроятнымъ, все разсказанное, авторъ, кромѣ вышеприведенной ссылки на еврейскаго же писателя, г. Богрова, считаетъ необходимымъ подкрѣпить ее еще однимъ свидѣтельствомъ. Я. А. Брафманъ (т. I, стр. 61, 62) говоритъ, что разница, которою дѣятельность позднѣйшаго народнаго еврейскаго трибунала отличается отъ дѣятельности Сейма и Синедріона минувшихъ временъ, заключается въ томъ, что вмѣсто закона о публичныхъ карательныхъ мѣрахъ, пришлось вводить систему тайныхъ мѣръ къ уничтоженію Евреевъ, виновныхъ предъ еврейскими аконами, властями и т. п. Объ этой перемѣнѣ Талмудъ сообщаетъ намъ слѣдующее: „Со дня паденія храма, хотя Синедріонъ былъ уничтоженъ и четыре рода смертной казни отмѣнены (Римскимъ правительствомъ), однако законная сила четырехъ родовъ смертной казни не прекратилась: кто подлежитъ побіенію камнями, тотъ или съ крыши упадетъ, или хищный звѣрь

По поводу этой кары, Украинскій кагалъ объявилъ слѣдующій манифестъ ко всему мѣстному Израилю:

„Мазелъ-товъ! [1]) Слѣдующею радостію да возрадуется всякій! 18-го Сивона истекающаго года, всѣ добропорядочные обыватели нашей благочестивой общины—да процвѣтетъ она и возвеличится! — были поражены неслыханною дерзостью, съ какою бывшій *морейне*, нынѣ *амъ-гаарецъ* [2]), Иссахаръ Беръ и его гнусные сотоварищи такіе-то (перечисляются поименно) осмѣлились публично, въ домѣ молитвы, поносить весь Совѣтъ пречистаго Кагала и обличать его якобы въ нарушеніи и оскверненіи святой Субботы. Высокомудрый, высокочтимый, достойнѣйшій и великій нашъ раввинъ и господинъ, Борухъ-бенъ-Іосель Натансонъ—сей ослѣпительный свѣтъ іудейства и перлъ всякой учености, мудрости и благочестія—да возвысится слава его!—тогда же неопровержимо изобличилъ, съ непреложною очевидностію и изумительнымъ остроуміемъ, всю жалкую слѣпоту и непониманіе этихъ грубыхъ невѣждъ и интригановъ. Десница Всевышняго не оставила ихъ безъ воздаянія и достойно покарала сихъ нечестивцевъ, за оскорбленіе пречистаго Кагала, рукою адоне-гаареца [3]). Да уразумѣютъ это и остерегутся всѣ остальные единомышленники этихъ негодяевъ, и да вѣдомо имъ будетъ напередъ, что пречистый Кагалъ знаетъ ихъ всѣхъ, на перечетъ, и неусыпно станетъ слѣдить за ними, по вся дни живота ихъ,—ибо такая же кара отъ руки адоне-гаареца ожидаетъ и ихъ скудоумныя головы, при

его загрызетъ; кто подлежитъ сожженію, тотъ погибнетъ отъ пожара, или змѣй (эмблема хитрости и коварства) его поразитъ; кто подлежитъ усѣкновенію мечемъ, того (по ложному доносу) предадутъ въ руки правительства (иновѣрческаго), или разбойники нападутъ на него; а кого слѣдуетъ удавить, тотъ утонетъ или умретъ отъ того, что у него сдавитъ горло“ (Сангедринъ, л. 37, б.)—„Намъ желательно было бы, говоритъ Я. Брафманъ, умолчать о подобной постыдной чертѣ въ древней организаціи еврейской общины, еслибы документы и факты ясно не доказывали, что приведенная звѣрская система самосуда, при которой правительственныя учрежденія и власти нерѣдко являются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Евреевъ, преслѣдующихъ антиправительственныя цѣли,—примѣняется и по сіе время въ подпольной дѣятельности еврейскихъ учрежденій“.

[1]) Привѣтственное восклицаніе, смыслъ коего означаетъ *въ добрый часъ*! или *день добрый*!

[2]) Еврейскій кагалъ, какъ возводитъ угодныхъ ему людей въ морейне, такъ и разжалываетъ ихъ въ *амъ-гаарецы*, т. е. въ плебеи, даже хуже: въ паріи, лишенные всякихъ правъ въ еврейской общинѣ.

[3]) Нееврейское, оффиціальное правительство, въ буквальномъ смыслѣ—невѣжественное, некомпетентное.

малѣйшемъ оказательствѣ съ ихъ стороны строптивости или вольнодумства. За малѣйшее нарушеніе постановленій Кагала, за порицаніе ихъ, за сомнѣніе въ ихъ безусловной правильности и за колебаніе кагальнаго авторитета—виновные безпощадно подвергнутся ссылкѣ въ Сибирь, или иному тяжкому наказанію, по уставу о нарушеніи херима. На такихъ отступниковъ отъ Израиля и Закона будутъ прежде всего наложены большіе штрафы и не пощадятся ни личная честь нарушителей, ни честь ихъ женъ и семействъ, и никакія отговорки и оправданія не будутъ приняты. Покорнымъ же да будетъ пріятно, да низойдетъ на нихъ доброе благословеніе и да возрадуются они на праздникахъ и торжествахъ своихъ и сыновей своихъ, и дочерей своихъ, и внуковъ. Миръ Израилю. Да будетъ на то воля Господня! Аминь".

Манифестъ этотъ, равно какъ и самая кара, разразившаяся надъ Иссахаромъ и его друзьями, произвели громовое впечатлѣніе на все, не только Украинское, но и дальнее еврейство. А въ городѣ водворилась просто паника. Противники не смѣли и рта разинуть, держались ниже травы, тише воды, даже на улицу показаться боялись... Да и сами „вѣрные" и „благочестивые" хотя и ликовали, но тоже держало ухо востро и опасались за каждое свое неосторожное слово.

За то Кагалъ,—Кагалъ торжествовалъ.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

КОНЕЦЪ КНИГИ ПЕРВОЙ.

КРИТИКА.

I.

Живой глаголъ русской археологіи.

Описаніе Тверскаго музея. Археологическій Отдѣлъ А. К. Жизневскаго съ примѣчаніями графа Уварова.

Русскимъ археологамъ извѣстенъ Тверской музей, составленный любителемъ, отдавшимся дѣлу собиранія Тверскихъ древностей съ рѣдкою приверженностью, со страстью. Посѣщающіе Тверской музей имѣютъ обыкновенно вожатаемъ самого его учредителя. А. К. Жизневскій, показывая предметы наиболѣе выдающіеся, отмѣчаетъ тутъ же ихъ значеніе и особенность находки, такъ что посѣтитель уноситъ съ собою цѣлый запасъ впечатлѣній: множество свѣдѣній о тверской старинѣ, о княжескихъ удѣлахъ великаго княженія, о живыхъ лицахъ исторіи, о забытыхъ и неизвѣстныхъ въ наукѣ иноческихъ обителяхъ—наконецъ объ иконописцахъ Тверской земли, о производствахъ: токарномъ, кузнечномъ въ древнія времена, о тканяхъ роскошныхъ и обыденныхъ, о женскихъ нарядахъ Торжка, или Осташкова, объ искусствѣ вышиванья и узорахъ, наконецъ объ утвари домашней, о постройкахъ.

Въ настоящее время въ музеѣ находится, внесенныхъ въ описи, 4668 предметовъ мѣстныхъ древностей и 3587 рукописей (15 окт. 1888 г.).

Нынѣ появилось въ свѣтъ описаніе Тверскаго музея, какъ отдѣльный оттискъ „Древностей“, издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Это цѣлый томъ in 8° большаго формата въ 242 и XVIII страницъ, съ добавленіемъ къ нему 18-ти таблицъ рисунковъ хромолитографій, литографій и фотографій. Сверхъ того въ текстѣ множество политипажныхъ изображеній.

Трудъ г. Жизневскаго представляетъ много живаго интереса, почему я счелъ нелишнимъ подѣлиться съ читателями этимъ замѣтнымъ явленіемъ въ области археологіи, широкой, общей по разносторонности описанныхъ предметовъ и узкой, тѣсной по отношенію къ данной мѣстности.

Это описаніе древностей *тверскихъ*, исключительно тверскихъ. Вещи не тверскаго происхожденія принадлежатъ или тверской почвѣ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. найдены въ землѣ, или были во владѣніи жителей городовъ и селъ нынѣшней Тверской губерніи. Идея мѣстнаго музея одушевила собирателя, и она-то и придала особый интересъ собранію.

Г. Жизневскій, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, намѣренъ былъ ограничиться собираніемъ, предоставляя описаніе другимъ. Только согрѣтый сочувствіемъ покойнаго графа Уварова и ободренный имъ собиратель рѣшился приступить къ описанію музея. Въ 1877 году въ „Древностяхъ“, издаваемымъ Моск. Археологическимъ Обществомъ, появилась первая часть этого, нынѣ довершеннаго описанія. Покойный гр. А. С. Уваровъ снабдилъ тогда трудъ г. Жизневскаго рисунками и примѣчаніями. Въ 1883 году появилось въ томъ же журналѣ продолженіе, остановившееся за тѣмъ до нынѣшняго года.

Описаніе Тверскаго музея дѣлится на 10 отдѣловъ: I древности первобытныя (каменныя орудія и курганные предметы), II камни съ надписями и изображеніями, III каменный гробъ, IV каменные кресты, V и VI церковные памятники: иконы, кресты, покровы, фелони, епитрахили, поручи, свѣчи, подсвѣчники, паникадила и проч. Статья о крестахъ весьма обширна и дѣлится на двѣ части: кресты наперстные и кресты ручные. Самое большое мѣсто принадлежитъ первой части, систематизированной слѣдующимъ образомъ:

Отдѣленіе: I. кресты четырехконечные, равноконечные, иначе византійскіе (курганные) безъ христіанскихъ изображеній. Отдѣленіе: II. кресты съ христіанскими на нихъ изображеніями; эти, въ свою очередь, подраздѣляются на кресты четыреконечные, осьмиконечные, семиконечные безъ верхняго конца, такіе же съ выступами и кресты шестиконеч-

ные двухграненные, или двойные. Кресты четыреконечные подраздѣляются на 9 родовъ, и каждый родъ имѣетъ по нѣскольку опредѣленныхъ видовъ. Къ статьѣ о крестахъ прибавлено весьма интересное окончаніе остатковъ мастерскихъ для отливки отдѣльныхъ крестовъ.

VII отдѣлъ—домашняя утварь имѣетъ слѣдующія рубрики: серьги, перстни, пуговицы, запонки, наряды, посуда, вѣсы, домашнія принадлежности, письменныя принадлежности, портреты.

VIII отдѣлъ—оружіе и доспѣхи, IX строительный отдѣлъ и X отдѣлъ—нумизматическій—съ рубриками: иностранныя монеты, найденныя въ Тверской губерніи; монеты великаго княжества Тверскаго, монеты тверскія безъ имени великихъ князей, монеты городенскія, кашинскія, микулинскія, монеты московскія, рязанскія, разныхъ удѣльныхъ князей, новгородскія, псковскія. За тѣмъ идутъ царскія монеты серебряныя и мѣдныя, съ означеніемъ мѣстъ вкладовъ, найденныхъ въ Тверской губерніи. Изъ этого оглавленія уже отчасти видна система описанія и содержаніе труда г. Жизневскаго.

Послѣ крайне интересныхъ примѣчаній гр. Уварова въ текстъ описанія входятъ опредѣленія вещей со словъ другихъ извѣстныхъ спеціалистовъ-археологовъ и ссылки на ученую археологическую литературу. Собиратель, если онъ не обладалъ подлинникомъ какого-нибудь замѣчательнаго и завѣдомо *тверскаго* памятника, пріобрѣталъ для музея его точный снимокъ. Такъ рядомъ съ подлинниками древнихъ рогатинъ въ музеѣ помѣщенъ снимокъ, а въ книгѣ описана рогатина великаго князя Тверскаго Бориса Александровича, хранящаяся въ Оружейной Палатѣ. Такъ въ ряду брачныхъ вѣнцовъ помѣщены точные снимки на деревѣ съ вѣнцовъ XV вѣка, которыхъ нельзя было добыть въ музей. Вѣнцы эти изъ церкви погоста Кожина, Кашинскаго уѣзда. Намъ сообщается народное къ нимъ уваженіе въ приходѣ Кожинскомъ и въ придачу даются свѣдѣнія о самой, хранящей ихъ древней церкви, около которой погребены родители и жена св. Макарія Калязинскаго.

Серьги, найденныя близъ деревни Мазловой, Корчевскаго уѣзда, очень своеобразныя, найденныя при рытіи пня, въ кубышкѣ, вмѣстѣ съ монетами Бориса Годунова сопоставлены въ музеѣ и книгѣ по сходству съ серьгами, оставшимися послѣ смерти одного огнепоклонника (гебра), пере-

селившагося въ Петербургъ и умершаго въ домѣ извѣстнаго президента Академіи Художествъ Оленина.

При описаніи наиболѣе выдающихся и уже отмѣченныхъ наукою памятниковъ, хранящихся въ Тверскомъ музеѣ, г. Жизневскій даетъ страницу—и двѣ убористой печати, посвященныя исторіи вопроса по опредѣленію предмета, иногда отъ Карамзина до гр. Уварова. Таково, между прочимъ, описаніе *Бѣжецкаго камня*, таковы поясненія Старицкаго и другихъ камней съ трехконечными крестами и мнѣніе о Стерженскомъ каменномъ крестѣ 1133 года. При поясненіи крестовъ авторъ „Описанія" опирается на извѣстнаго знатока и владѣтеля первостепенной коллекціи крестовъ Подклюшникова и на знаменитаго археолога-москвича Филимонова, —въ другихъ церковныхъ древностяхъ на того же Филимонова и Берсенева. Нужно ли говорить, что при описаніи гирекъ мы встрѣчаемся съ именемъ Прозоровскаго, при опредѣленіи восточнаго клада—съ именемъ барона Тизенгаузена.

Свои собственные выводы г. Жизневскій, главнымъ образомъ, подкрѣпляетъ сравненіемъ. Такъ, напр., на одномъ бронзовомъ орнаментѣ, онъ находитъ сходство въ изображеніи бѣгущаго звѣря съ подобнымъ же изображеніемъ на монетѣ Тверскаго вел. кн. Михаила Борисовича. На мѣдномъ медальёнѣ фигура пляшущаго человѣка съ мечемъ въ одной рукѣ, и ножнами въ другой, сходствуетъ съ подобнымъ же изображеніемъ на тверскихъ монетахъ.

Всѣ подписи, какія встрѣчаются на предметахъ иконописныхъ, изваянныхъ, чеканеныхъ, битыхъ, рѣзныхъ, тканыхъ, вышитыхъ,—точно и внимательно передаются въ книгѣ и при этомъ отмѣчаются особенности правописанія, а собственное имя вызываетъ иногда и цѣлое изслѣдованіе о лицѣ.

Въ нумизматическомъ отдѣлѣ, при перечисленіи сокровищъ музея дѣлаются ссылки на №№ ученыхъ каталоговъ и описаній Шодуара, Черткова, Солнцева, графа Толстаго, и другихъ. Въ этомъ отдѣлѣ для русской науки особенно важно мѣстонахожденіе большихъ кладовъ. При каждой монетѣ упомянуто, гдѣ таковая найдена. Обрѣзками монетъ, (XVI в.) рѣзаными деньгами оканчивается отдѣлъ и самая книга.

Таковы ученые пріемы автора „Описанія Тверскаго музея". Изъ книги этой получается цѣлая картина Тверскаго края, съ археологической точки зрѣнія, картина полная живыхъ красокъ.

Могилы и городища съ курганами каменныхъ орудій, вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ положенія скелетовъ особенностей и череповъ, при пояснительныхъ примѣчаніяхъ графа Уварова, обогащаютъ многими данными вопросъ о каменномъ вѣкѣ въ мѣстностяхъ Верхне-Волжскаго края.

Вниманію историка представляется прежде всего *Окскій мысъ*, упомянутый въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ"—въ Осташскомъ уѣздѣ, съ урочищами *Оковцы* и *Оковецкое*. Тутъ водный путь на сѣверъ—къ Новугороду. Тутъ найденъ и крестъ-камень, занимающій второе мѣсто, по древности, послѣ пресловутаго Тмутараканскаго камня. Это былъ знакъ на водномъ пути, поставленный тамъ, гдѣ Волга довольно узка и мелководна.

Надпись: *6641 года мьсяца Июля 14 почахъ рыти рѣку сю азъ Иванко Павловичь и крестъ съ поставихъ.*

Крестъ этотъ поставленъ близко истоковъ Волги и истоковъ Западной Двины и Днѣпра—сообщеніе между Смоленскомъ, Полоцкомъ и Великимъ Новгородомъ.

Двѣнадцатый вѣкъ представленъ крестами съ надписями и изображеніями, мѣдною двустворчатою панагіею съ распятіемъ и предстоящими и еще нѣкоторыми другими вещами.

Татарскія времена даютъ печать Узбека, печати великихъ и малыхъ князей и намѣстниковъ великокняжескихъ и великаго Новагорода. Возникаютъ передъ нами мало извѣстныя княжества: Микулинское, Городекское. Мы видимъ вещи великихъ князей Тверскихъ,—изображенія на иконахъ и на надгробіи св. Владиміра и Агрипины, князя и княгини Ржевскихъ. Это было потомство Мстиславa Торопецкаго, послѣдніе удѣльные князья города Ржева. Въ послѣдствіи этотъ городъ на рубежѣ земель управлялся намѣстникомъ, то подъ властью Новгорода, то подъ Тверью, иногда подъ Литвою, пока не достался Москвѣ.

Художественно написанный извѣстнымъ художникомъ-иконописцемъ Ушаковымъ ликъ св. Аркадія Новоторжскаго становится въ рядъ съ изображеніями Ржевскихъ чудотворцевъ. Есть и другая икона, гдѣ тотъ же св. Аркадій изображенъ вмѣстѣ съ св. Ефремомъ Новоторжскимъ; икона съ надписями и видомъ Торжка. Городъ Старицу полюбилъ Іоаннъ Грозный, пробывшій тамъ нѣсколько недѣль во время ливонской войны. Описаніе не сохранившагося, разобраннаго въ прошломъ вѣкѣ, строеннаго при Иванѣ Ва-

сильевичѣ Грозномъ собора и самый планъ его равно находимъ въ книгѣ г. Жизневскаго.

Снимокъ фрагмента съ находящагося въ музеѣ паникадила, вырытаго въ 1871 году въ селѣ Оковцахъ, напоминаетъ пору Грознаго. Это мѣдное паникадило состояло изъ нѣсколькихъ шарообразныхъ и овальныхъ частей, надѣтыхъ на желѣзный стержень съ двумя рожками для свѣчей. Орнаментъ его—рыцарскія головки съ двуглавымъ орломъ на матицѣ. Древнія царскія двери того же столѣтія, изъ упраздненной церкви села Покровскаго. Вышневолоцкаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Цны, даютъ матеріалъ для цѣлаго этюда по иконописи и орнаментикѣ XVI столѣтія. Г. Жизневскій сближаетъ нѣкоторыя изображенія съ рисунками на 5 таблицѣ, приложенной къ сочиненію Н. П. Кондакова: „Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей“.

Описаніе музея даетъ свѣдѣнія о церквахъ уже не существующихъ, объ иноческихъ упраздненныхъ обителяхъ. Память объ иныхъ изъ нихъ донеслась случайнымъ намекомъ археологическаго памятника, или надписью. Такіе намеки г. Жизневскій подтверждаетъ на мѣстѣ народнымъ преданіемъ, или остаткомъ постройки, и такимъ образомъ открываетъ слѣды забытаго и давно не существующаго монастыря. Близъ села Опекалова, Старицкаго уѣзда, онъ напалъ на каменныя ступени, по которымъ монахи спускались къ рѣкѣ Бойнѣ черпать воду.

Семнадцатое столѣтіе было у насъ вѣкомъ *возрожденія*. Церковныя познанія воплощались въ иконописи. Явились иконы сложныя по компановкѣ, полныя богословскаго содержанія. Явилось изящество въ ликѣ святаго; духовная сторона оживила традиціонныя нѣмыя очертанія; техника достигла невиданной дотолѣ красоты. Для исторіи символики, книга г. Жизневскаго представляетъ не мало данныхъ. Болѣе всего интересно подробное и отчетливое описаніе иконы „ангела-хранителя“ съ похожденіями, назначенной, по словамъ гр. Уварова, для наглядной и понятной передачи религіозныхъ идей, изложенныхъ въ „Словѣ отъ видѣнія ап. Павла о денно-нощной молитвѣ“. Художникъ долженъ былъ иконописно изобразить все, что въ „Словѣ“ содержалось. Икона преп. Іоанна Лѣствичника есть какъ бы микрокозмъ монашескаго міросозерцанія. Икона св. мучениковъ Флора и Лавра, съ всадниками, съ ножами въ рукахъ и съ лошадьми, пьющими воду, наглядно поясняетъ народное вѣро-

ваніе. Икона: „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь", искусно, мастерски написанная, есть какъ бы хвалебное пѣніе въ лицахъ.

На стр. 49 читаемъ описаніе иконы съ надписью, что писалъ ее *въ 7185 году изографъ Пиминъ Ѳедоровъ, зовомый Симонъ Ушаковъ*. Икона поражаетъ одушевленными ликами святыхъ. Надпись даетъ имя и ученика Ушакова, Георгія Терентьева-Зиновьева, человѣка помѣщика Островскаго.

На стр. 45 является еще имя изографа, писавшаго въ 1720 году замѣчательную икону съ видомъ Торжка и Борисоглѣбскаго въ немъ монастыря. То былъ новоторжецъ, филиповскій пономарь, Евфимій Недоносковъ. Исповѣдныя росписи духовной консисторіи подтвердили г. Жизневскому, что дѣйствительно былъ такой пономарь при Филиповской церкви. Икона эта важна для древней русской архитектуры, такъ какъ передаетъ видъ соборной церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 1038 г. и разобранной въ прошломъ столѣтіи.

Свѣдѣнія о знаменитомъ защитникѣ Троице-Сергіевой Лавры, архимандритѣ Діонисіи, чрезвычайно любопытны. Преподобный архимандритъ, какъ оказывается изъ описной книги, хранящейся въ Старицкомъ монастырѣ, былъ родомъ изъ Ржева, въ мірѣ звался *Давидъ Ѳедоровичъ Зобниновскій*. Онъ вскорѣ послѣ смерти своей былъ изображенъ многими изографами. Въ книгѣ помѣщенъ икона-портретъ ему современный (копія съ оригинала, находящагося во Ржевѣ). Черты крупныя, лицо круглое, съ виду напоминаетъ Новогородскаго поселянина.

То же столѣтіе кромѣ того даетъ подлинный портретъ Нектарія, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго, пушки Калязинскаго монастыря и тѣ малыя пушечки, которыми снабжалась волжская флотилія Стеньки Разина, и сверхъ того множество бытовыхъ предметовъ: ткани, вышивки, серебряныя братины, оружіе холодное (сѣкиры, алебарды, протазаны, бердыши) и огнестрѣльное.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя покровъ временъ царя Михаила Ѳедоровича на св. дары, шитый на дымчатой шелковой матеріи золотомъ, серебромъ и шелками. На немъ изображенъ дискосъ, Іисусъ Христосъ въ видѣ младенца, Духъ Святый въ видѣ голубя. По угламъ ангелы съ рипидами, деисусъ и символы евангелистовъ; на боковыхъ каймахъ преп. Михаилъ Малеинъ, ангелъ царя Михаила Ѳеодоровича, а пониже преп. Ксенія—ангелъ матери его вели-

кой государыни инокини Марѳы Ивановны, въ мірѣ Ксеніи; наконецъ ангелъ отца государева—мученикъ Ѳеодоръ и дѣда по матери—Іоаннъ Лествичникъ. На нижней каймѣ св. Ѳекла, а по краямъ Пятница (Параскева) и Акилина.

Покровъ этотъ хранился въ Преображенской церкви погоста Рогожи Осташковскаго уѣзда. На этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь, называвшійся Пелагеиною пустыней.

Осьмнадцатое столѣтіе ознаменовано въ музеѣ очень многими предметами. Издѣлія изъ слоновой кости тверской работы весьма искусны и затѣйливы. Одинъ изъ такихъ предметовъ представляетъ жертвоприношеніе Исаака. Типы лицъ совершенно русскіе—Исаакъ обстриженъ подъ гребенку и въ сорочкѣ. Онъ лежитъ на жертвенникѣ со связанными руками. Искусство сравнительно новое, какъ видно, не искало тутъ новыхъ образцовъ. Совсѣмъ не то представляетъ слоновой кости гребень тверской же работы: на немъ два амура, стоящіе одинъ противъ другаго, одинъ держитъ за ноги зайца, а другой стрѣляетъ въ него изъ лука—позади стрѣлка бѣжитъ собака.

Баулы, ящички для бѣлилъ и румянъ, зеркала, бокалы съ вензелями, разукрашенныя стклянки переносятъ всецѣло въ эпоху Анны и Елисаветы. То всѣ вещи, бывшія достояніемъ богатыхъ горожанъ Твери и Торжка.

Помѣщичій бытъ того же времени представленъ фрагментомъ дома. Два деревянные горельефа изображаютъ крестьянскія свадебныя сцены, благословенье молодыхъ, свадебный пиръ и пляску. Всѣхъ фигуръ 35 и одна собака. Домъ этотъ находился въ селѣ Новосельцахъ, Корчевскаго уѣзда, въ старой барской усадьбѣ Пассекъ.

Архіерейскій бытъ прошлаго столѣтія отмѣченъ остатками тверской *архіерейской капеллы* и епитрахилью съ латинскими надписями. Воеводы и воеводскія канцеляріи, приказы и подъячіе оставили музею чернильницы, печати. Выдающіяся личности, какъ механикъ-самоучка Волосковъ и строитель шлюзовъ Сердюковъ передъ нами въ подлинныхъ портретахъ. Большіе стѣнные часы работы Терентія Ивановича Волоскова, сдѣланные прежде астрономическихъ часовъ, находящихся во Ржевѣ у г-жи Образцовой,—также въ музеѣ.

Портреты и другія вещи бывшаго губернаторомъ въ Твери принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго и великой княгини Екатерины Павловны заключаютъ собою исторію Твери въ музеѣ текущимъ столѣтіемъ.

Не полонъ бы былъ нашъ отчетъ о впечатлѣніи, какое

производитъ книга г. Жизневскаго, еслибы мы не упомянули о бытовой археологіи. Музей вводитъ насъ въ домъ торжковскаго богатаго обывателя XVII вѣка. Передъ нами его кувшинъ, и братина, и стопа; шелковая ткань съ золотою вышивкой, и набойка золотомъ по холсту, серьги, запонки, и перстни его жены, свадебная ширинка и рукавичка. Мы видимъ, что домъ его украшался и иноземными, преимущественно нѣмецкими издѣліями, какъ напр., тамъ былъ мѣдный ларецъ старинной нѣмецкой работы съ изображеніемъ Ревекки у колодца, достающей воду, чтобы напоить Авраамовыхъ слугъ и верблюдовъ, и—встрѣчи Исаака съ невѣстой. Мы видимъ, какая у него была копилка и какія монеты русскія, польскія и голландскія хранились въ ней. Кафель изъ бѣлой глины украшалъ печь; рисунокъ на немъ розетка съ лиліями; клеймо на кафлѣ—римская цифра VII (въ Торжкѣ, на мѣстѣ, гдѣ находился Никольскій монастырь). Глиняный орнаментъ съ узорами изъ цвѣтовъ украшалъ иногда и наружный входъ (найденъ на огородѣ въ городѣ Кашинѣ). Иконы въ домѣ были въ ризахъ сканной работы и съ надписью: моленье такого-то раба, плирабы.

На затворахъ хозяйственныхъ сооруженій висѣли замки сничные, замки-личины, замки-глездуны. (Цѣлая коллекція замковъ музея разсортирована и разъяснена въ книгѣ г. Жизневскаго). Въ добавокъ имѣемъ передъ глазами вѣсы, разновѣски, туалетныя вещи—щипчики, какими дергали волосы изъ уса, уховертки и проч.

Земледѣльческій бытъ былыхъ временъ оставилъ въ музеѣ косу въ 19 дюймовъ, загнутую къ верху, найденную въ землѣ. Такія косы еще сохранились въ глухихъ мѣстахъ Череповскаго уѣзда: онѣ прикрѣпляются къ короткой рукояткѣ подобно ножу, а не подъ прямымъ угломъ къ косовищу. Ими косятъ нагнувшись.

Таково впечатлѣніе музея, оживленнаго идеей при его составленіи и пріуроченнаго къ извѣстной мѣстности. Такой музей, какъ Тверской, и такое его описаніе, можно назвать живымъ глаголомъ археологической науки.

И. ХРУЩОВЪ.

II.

Новая книга о Китаѣ.

С. Георгіевскій.—„Принципы жизни Китая“, Спб., 1888.

Небесную имперію почему-то долгое время считали типомъ неподвижности, думали, будто въ лицѣ китайцевъ желтая раса достигла высшаго для нея возможнаго прогресса и дальше, по самой природѣ своей, шагнуть не въ состояніи.

Гердеръ смотрѣлъ на Небесную имперію, какъ на набальзамированную мумію, изукрашенную письменами и укутанную въ шелкъ. Другіе мыслители видѣли въ этомъ громадномъ государствѣ лишь сонъ и оцѣпенѣніе, сравнивали его съ болотомъ, предсказывали Китаю скорое разложеніе и гибель. „Надобно удивляться“—восклицаетъ профессоръ Васпльевъ: „какъ народы дальняго востока, перебпрающіе въ теченіе тысячелѣтій все одно и то же, не умерли отъ монотонности!“ Но въ томъ-то и вопросъ, коснѣли ли они дѣйствительно въ непонятномъ застоѣ пли жили богатою внутреннею жизнью, ни въ чемъ не уступающею европейской. Относительно Небесной имперіи защитникомъ выступилъ итальянскій писатель Феррари. Въ пзданномъ имъ трудѣ „La Chine et l'Europe“ онъ старается доказать, будто эволюція ея шла параллельно съ западной, испытывала одинаковые перевороты въ области духа. „Философы тамъ учили приблизительно во времена Пиѳагора; завоеватели прославлялись при Александрѣ Македонскомъ и римлянахъ; варвары нападали тогда же, когда ими громилась кесарская цивилизація; императорская власть облекалась саномъ первосвященниковъ при папѣ Григоріи Великомъ; китайская ученость процвѣтала въ эпоху Абеляра и Ѳомы Аквпната; театральное искусство достигло совершенства, когда въ Италіи создалась Божественная комедія; лучшіе поэты Небесной имперіи, ея вѣкъ возрожденія и изученія своей древности близки къ временамъ Петрарки, Бокаччіо, соотвѣтствуютъ пробужденію классическаго міра. Вестфальскій договоръ, французская революція имѣютъ аналогичные примѣры въ исторіи Китая. Въ продолженіе первыхъ двухъ третей своего фактическаго существованія онъ цѣлымъ поколѣніемъ опережаетъ Европу. Въ средневѣковой періодъ

и тамъ, и тутъ знаменательнѣйшіе годы совпадаютъ съ такою изумительною точностью, что это граничитъ съ чудомъ. Съ 1400 г. Китай отстаетъ, быть можетъ, лѣтъ на тридцать". Иными словами, между отдаленнѣйшими другъ отъ друга странами какъ-бы есть таинственная связь, въ нѣдрахъ человѣчества какъ-бы производится однородная по напряженію работа. Поэтому поспѣшный выводъ, будто родина Конфуція населена, по опредѣленію Токвиля, слабоумно-варварскимъ народомъ, совершенно несправедливъ, также какъ и самодовольное убѣжденіе въ нашемъ несомнѣнномъ всестороннемъ превосходствѣ надъ нимъ. По мнѣнію г. Георгіевскаго, китайцы и жили, и живутъ весьма нормально, руководствуясь твердыми, стародавними принципами, которые одухотворяютъ весь ихъ государственный организмъ, и никакихъ признаковъ упадка, дряхлости не замѣчается. Соприкоснувшись съ западомъ, Китай сначала пришелъ въ смущеніе при видѣ его матеріальнаго могущества, но такъ какъ и самъ онъ издавна устремилъ свои взоры едва-ли не исключительно на все земное, заботится особенно о благоденствіи въ этой жизни, воспитываетъ многіе милліоны позитивистовъ, держится строго-утилитарной точки зрѣнія,— то сыны Небесной имперіи, не умаляя и не превознося достоинствъ чужой культуры, постепенно стали усваивать ее, поскольку она способна разнообразить удобства ихъ существованія и примѣнима къ естественнымъ условіямъ края. Частности западнаго быта для китайцевъ безразличны: они слишкомъ горды своей цивилизаціей, чтобы безъ разбора, слѣпо хвататься за все иноземное, но въ то же время и слишкомъ практичны, чтобы не позаимствовать все пригоднѣйшее. Первое, что они съ успѣхомъ сдѣлали для реакціи, это—слѣдующее: стали необходимыми пришельцамъ, сумѣли связать ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ. Ни одинъ дѣятель съ запада не въ силахъ обойтись безъ помощи и посредства туземцевъ, значитъ и не бываетъ de facto полнымъ хозяиномъ какого бы то ни было предпріятія. Они являются на мѣстѣ лучшими поварами, составляютъ весь штатъ домашней прислуги, становятся искусными ремесленниками на западный ладъ, выдѣляются, какъ музыканты, фотографы и т. д. Образцовая гостиница на о. Гонконгѣ содержится китайцами. Розничною торговлей европейскими и американскими товарами завладѣли коренные жители. Стоитъ пойти по улицамъ благоустроенныхъ приморскихъ городовъ, и видишь, что магазины съ привозными вещами принадлежатъ туземцамъ.

Въ Шанхаѣ сходнѣе можно купить кусокъ манчестерской матеріи у китайца, чѣмъ у англичанина.

Не имѣя себѣ соперниковъ въ области коммерческой сообразительности, мѣстные купцы понемногу вытѣсняютъ иностранцевъ со своей территоріи и едва-ли далеко то время, когда весь импортъ и даже экспортъ перейдетъ къ китайцамъ. Уже въ 1881 г. корабль Мѣй-фу отвезъ въ Англію грузъ чая (32.500 ящиковъ) и соломенныхъ издѣлій. Если сынамъ Небесной имперіи не чужда мысль самимъ доставлять на европейскіе рынки произведенія своей родины, то вскорѣ они сами же будутъ закупать на чужбинѣ, что нужно. Для этого найдутся и энергія, и сноровка, и капиталы. До 1873 г. туземцы не владѣли ни однимъ пароходомъ, а теперь распоряжаются десятками, почти совершенно устранили иностранцевъ отъ занятія перевозкою грузовъ между портами Китая, стремятся на свой счетъ завести товаро-пассажирское сообщеніе съ Европой и Соединенными Штатами. Дабы не быть въ зависимости отъ заморскихъ державъ, подданные богдыхана заводятъ у себя заводы, фабрики, зная, что родина изобилуетъ шелкомъ, хлопкомъ, шерстью, желѣзомъ, каменнымъ углемъ. Вскорѣ западной промышленности придется сократить свои операціи и уступить значительную долю получаемыхъ выгодъ китайцамъ, которые примѣрно трудолюбивы, легко всему учатся и дѣлаются мастерами всякаго дѣла.

Телеграфъ заводится по иниціативѣ правительства. Въ принципѣ оно рѣшило обзавестись и рельсовыми путями, но медлитъ, не располагая достаточнымъ количествомъ собственныхъ инженеровъ и не желая отдавать эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ пришельцамъ. Но черезъ 15 лѣтъ первое затрудненіе неминуемо упразднится. Много туземныхъ юношей старательно знакомятся съ реальными знаніями. Синологъ Эдкинсъ непрерывно переводитъ на китайскій языкъ европейскія естествовѣдныя книги. Умственныя силы величайшей державы крѣпнутъ и растутъ съ каждымъ годомъ. Избытокъ ихъ невольно подталкиваетъ къ колонизаціи. Она направляется и въ Центральную, и въ Южную Америку, и на острова Тихаго океана, и въ Сингапуръ, и въ Уссурійскій край. Конфуціанскій принципъ глубокаго уваженія къ наукѣ, привычка народа трудиться надъ усвоеніемъ премудрости, не стѣсняясь числомъ лѣтъ, показываетъ, что въ восточной Азіи современемъ можетъ явиться просвѣщеннѣйшая нація.

Сочиненіе г. Георгіевскаго разсматриваетъ Небесную

имперію со стороны ея религіозно-нравственныхъ основъ, пытается (и, надо сказать, очень успѣшно) уяснить, чему она обязана существованіемъ, чѣмъ обусловливается ея двутысячелѣтняя стойкость и стройность. Для иронизирующаго европейца китайская жизнь извнѣ можетъ представляться каррикатурной, китайцевъ можно съ пренебреженіемъ называть „фанатиками порядка", видѣть въ нихъ подобіе маленькихъ бездѣлушекъ изъ слоновой кости туземнаго производства,—но, съ критической точки зрѣнія, такое высокомѣріе не оправдывается и когда-нибудь жестоко отомститъ опрометчивымъ отрицателямъ чужой духовной мощи.

Въ виду поражающей вѣротерпимости китайскаго правительства и вообще всего народа, иные поверхностные наблюдатели склонны предполагать, будто туземцы равнодушно относятся къ религіи и въ сущности никакимъ культомъ не дорожатъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Главную роль въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и среди общественнаго строя искони играло почитаніе усопшихъ родителей и предковъ. Никакія философскія разрушительныя теоріи не могли поколебать его или разрушить характеръ связанной съ нимъ обрядности. Покидая бренную тѣлесную оболочку, человѣкъ, по мнѣнію китайцевъ, продолжалъ жить по-прежнему обычными радостями и горестями, нуждался въ любви и заботѣ ближнихъ, томился одиночествомъ. Неудовлетворенно-скорбное состояніе духа усопшихъ неблагопріятно отражалось на быту живущихъ, повергало послѣднихъ въ тревогу. Поэтому надо было угождать покойникамъ, заручаться ихъ расположеніемъ, поклоняться имъ. Сначала почитаніе совершалось на могилахъ, но потомъ обстоятельства заставили устроить для этого культа домашнія кумирни и помѣстить тамъ въ особыхъ шкафахъ таблички съ именами незабвенныхъ и дорогихъ усопшихъ. Ежедневно глава семьи отправлялся туда на поклонъ, возжигалъ куренья, приносилъ, когда слѣдовало, жертвы, сообщалъ незримымъ хранителямъ своего очага обо всѣхъ мелочахъ, касающихся семейнаго благополучія и т. д. Для полноты связи съ невидимымъ міромъ, живущіе прибѣгали къ гаданіямъ, медіумизму и прочему. Воля предковъ руководила дѣйствіями благоговѣющаго потомства, которое само по себѣ и не хотѣло, и не рѣшалось жить безъ сознанія, чему учитъ прошлое. Оно же давало только хорошіе совѣты, облагороживало перечисленіемъ яркихъ примѣровъ добродѣтели, грозило суровою карою за уклоненіе отъ завѣтной старины. Культъ усопшихъ род-

ственниковъ тѣмъ успѣшнѣе могъ процвѣтать въ Китаѣ, что нигдѣ отцы и матери такъ не уважались дѣтьми, какъ здѣсь. Молодое поколѣніе положительно выростаетъ съ мыслью о томъ почтеніи, которое надо оказывать старшимъ; стараясь съ дѣтства пріучить всѣхъ къ исполненію того, что въ принципѣ признано должнымъ, тамъ не смотрятъ снисходительно на капризы, своенравность, упрямство, непослушаніе, эгоизмъ и фальшивость, но искореняютъ, пока не поздно, или заглушаютъ дурныя качества; направлять желаніе малолѣтнихъ на то или другое помощью лакомствъ или невиннаго будто-бы обмана считается непозволительнымъ. Родители требуютъ не теоретическаго только знанія этики, но и постояннаго практическаго ея примѣненія. При этомъ они обходятся безъ наказаній, съ пеленокъ внушая дѣтямъ послушаніе и умѣніе ограничивать себя. Близкія по крови семьи сплочены бываютъ въ цѣлое и ради общей пользы устраиваютъ собранія, гдѣ молодежь читаетъ вслухъ полезныя книги, а затѣмъ каждый изъ присутствующихъ приглашается къ чистосердечному признанію, нѣтъ ли у него какихъ-нибудь житейскихъ затрудненій, долговъ, недоимокъ, тяжбъ; всякое дѣло сообща обсуждается, каждому положенію пріискивается исходъ, въ случаѣ возможности бѣдѣ помогаютъ сборомъ денегъ для родича. Такой порядокъ вещей, во-первыхъ, препятствуетъ размноженію нищихъ (ихъ мало въ Китаѣ и стать настоящимъ пролетаріемъ трудно, если человѣкъ окончательно не оттолкнулъ отъ себя кровныхъ близкихъ),а, во-вторыхъ, удерживаетъ нерѣдко отъ преступленій.

Женщина поставлена высоко какъ мать и жена, но семейный бытъ огражденъ отъ посторонняго вліянія и соблазновъ, обставленъ такъ, что прелюбодѣяніе не вызывается никакими внѣшними условіями. Если же кто не хочетъ вести нормальный образъ жизни, то прямо надо стать въ извѣстную категорію и не предъявлять правъ на званіе уважаемаго члена общества. Браки заключаются по усмотрѣнію родителей и совѣщанію съ предками: романы внѣ этого не санкціонируются обычаями, и тѣмъ не менѣе молодые нерѣдко находятъ счастье. Георгіевскій приравниваетъ подобныя явленія къ супружеству нашего духовенства, повидимому, не имѣющаго данныхъ непремѣнно найдти въ случайныхъ невѣстахъ истинное благополучіе и взаимное пониманіе, но обыкновенно находящаго и то, и другое. Апріорныя чувства до совмѣстнаго житья слишкомъ мало говорятъ

въ пользу будущаго: лишь время можетъ скрѣплять отношенія и развивать сознательную любовь.

Отъ простолюдина до монарха, всѣ проникнуты стремленіемъ памятовать дѣянія предковъ и служить имъ, ежеминутно ощущая свою зависимость отъ духовъ. Въ древности жертвенные предметы не покупались, но приготовлялись самими чествующими усопшихъ. Впослѣдствіи это стало неисполнимымъ, но выдающіяся въ имперіи лица доселѣ въ видѣ обряда придерживаются сѣдой старины. Каждогодно богдыханъ лично пашетъ землю въ столицѣ, важнѣйшіе чиновники—въ провинціи, а царица кормитъ шелковичныхъ червей. Въ Европѣ думаютъ, будто такимъ путемъ власти желаютъ пріохотить населеніе къ работѣ. Это не вполнѣ справедливо; императоръ и императрица дѣйствительно показываютъ примѣръ, но не трудолюбія, какъ понимаемаго самого по себѣ, а сыновняго почтенія, которое требуется культомъ предковъ и результатомъ котораго является трудолюбіе.

Утрированная забота о благоденствіи существъ въ загробномъ мірѣ, конечно, иногда граничитъ съ областью комическаго или же приводитъ къ звѣрству, когда оставшимися въ живыхъ руководитъ месть. Положимъ, умираетъ мальчикъ—нельзя его оставить навсегда холостымъ, онъ соскучился бы: родители пріискиваютъ имя дѣвочки, день рожденія и смерти которой соотвѣтствуетъ дню рожденія и смерти ихъ сына. Устраивается такъ-сказать посмертный бракъ. Въ назначенное время куклу, изображающую жениха, несутъ въ домъ фиктивной невѣсты, откуда эта кукла возвращается уже въ сопровожденіи другой, изображающей просватанную дѣвочку и съ ея кумиренной табличкой. Свадьба празднуется, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ два человѣка соединялись тѣсными узами, и затѣмъ табличка новобрачной помѣщается въ храмѣ жениховыхъ предковъ. Дѣти при жизни родителей дарятъ имъ прочные гробы въ знакъ любви и преданности и т. д.

Жертвовать на могилѣ сердце убитаго врага китайцы находятъ крайне приличнымъ. Въ 1818 г. одинъ чиновникъ отравленъ былъ слугами. Богдыханъ приказалъ свести злодѣевъ къ гробницѣ и изрубить ихъ на куски.

Всюду сыны Небесной имперіи склонны замѣчать присутствіе и воздѣйствіе духовъ. Объ успокоеніи многихъ изъ нихъ пекутся потомки и для этого стараются, чтобы родъ не угасалъ,—но затѣмъ еще остается несмѣтное количество давно забытыхъ, безсемейно скончавшихся, казненныхъ

людей. Изъ опасенія, какъ-бы они не вздумали насылать несчастіе,. весь Китай разъ въ годъ чествуетъ ихъ. Въ даръ душамъ обездоленныхъ сожигаются бумажныя одѣянія, золотыя и серебряныя бумажки, изображающія деньги. Вечеромъ по рѣкамъ ѣздятъ лодки, съ которыхъ такіе же воспламененные предметы бросаются въ воду, а также и рисъ, овощи въ жертву утопленникамъ. Дабы они, блуждая во тьмѣ, легче находили приношенія, на волны спускаются тысячи лампадокъ, помѣщенныхъ въ глиняные горшечки. При этомъ далеко кругомъ въ ночной тишинѣ раздаются заунывные звуки тамтамовъ и молитвенное пѣніе объ усопшихъ.

Въ сочиненіи г. Георгіевскаго очень много мѣста отводится разсмотрѣнію китайской философіи и ея вліянія на народную жизнь. Попытка восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ тѣмъ болѣе цѣнна, что до сихъ поръ вообще у насъ весьма неясно затрогивался вопросъ о глубинѣ важнѣйшихъ восточныхъ умозрѣній. Подробнѣе всѣхъ писавшій объ этомъ предметѣ В. П. Васильевъ довольно скептически, даже непріязненно, относится къ тому, что изучалъ. Переводя какіе-нибудь замѣчательные по значенію тексты, онъ иногда самъ съ пренебреженіемъ характеризовалъ ихъ какъ безсмысленный наборъ словъ. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Георгіевскаго. Онъ до того вникаетъ въ чужую философію, такъ тонко и понятно анализируетъ изреченія китайскихъ философовъ, что намъ остается только пожалѣть, почему почтенный синологъ не высказался en connaissance de cause объ изслѣдованіяхъ европейцевъ, которые задались тою же благодарною темою — познакомить образованныхъ людей съ метафизическими началами самобытнаго азіатскаго міра. Мы нисколько не сомнѣваемся, что у русскаго китаиста были свои уважительныя причины, почему онъ умолчалъ о спеціальныхъ трудахъ въ одномъ съ нимъ направленіи. Онъ слишкомъ начитанъ и далекъ отъ узкаго взгляда, чтобы считать себя новаторомъ въ давно уже открытой области знанія, игнорировать имена и работы западной синологіи. Остается лишь предположить, что г. Георгіевскій пока еще не находитъ нужнымъ подвергать послѣднія разностороннему критическому разбору и произноситъ о нихъ рѣшительный приговоръ. Это очень жаль, потому что пора же наконецъ намъ стать во всемъ на одинъ уровень съ иностранной наукой, которая слѣдитъ за малѣйшими подробностями и оттѣнками китайскаго міровоззрѣнія, освѣщаетъ въ немъ все запутанное и загадочное

блестящими аналогіями. Относительно условій быта, географіи, прошлаго Небесной имперіи мы уже богаты своеобразными изысканіями на русскомъ языкѣ. Наступаетъ время еще обстоятельнѣе и шире посмотрѣть на нее, спустившись въ тайники отвлеченнаго вѣдѣнія. Тогда наши оріенталисты свободно и увѣренно заговорятъ о выводахъ Виктора Штрауса, Плата, Георга Габеленца, Грубе.

Хотя знатоки дальняго востока, съ миссіонерами во главѣ, долго спорили, есть ли даже у китайцевъ подходящія выраженія для передачи нашихъ представленій о Богѣ, но несомнѣнно, что чистая монотеистическая идея издревле присуща была китайскому сознанію. Чтилось не матеріальное небо, но и то, что за нимъ. Извѣстному путешественнику по Небесной имперіи графу Эскейракъ-де-Лотюру одинъ туземецъ справедливо доказывалъ невозможность опредѣлить непостижимое. Высшая абстракція всегда останется таковою, сколько бы ни пріискивать названій. У мусульманъ есть сто „прекрасныхъ“ именъ для Аллаха, и все-таки религіозное настроеніе послѣдователей Магомета страдаетъ многими несовершенствами.

Сверхъестественное чувствуется, безмолвно почитается. Принципъ разумнаго порядка въ природѣ, верховное незримое могущество кого-то и признается, и указываетъ на божественную подпочву народнаго міроученія. Матеріалистическія теоріи, возникавшія въ средневѣковой Небесной имперіи, не находили себѣ опоры въ завѣтныхъ воззрѣніяхъ соотечественниковъ. Даже основа вещей (*тай-дзи*), передаваемая Габеленцомъ какъ „*Urprinzip, Allgrund*“, различается отъ самаго Творца ихъ, есть только *terminus a quo* существованія тварей. Она проникнута *ци* (дуновеніемъ жизни). Съ одной стороны замѣчается движеніе, властвуетъ свѣтъ—съ другой противъ нихъ пассивно борются косность и мракъ. Это близко соотвѣтствуетъ дѣйствію Промысла съ богословской точки зрѣнія и космологіи Декарта—съ философской. Два принципа (небо и земля, какъ лоно воспринимающаго и созидающаго покоя) недостаточны безъ присутствія человѣка, который является третьей міровой силой, цѣлью и вѣнцомъ творенія, наиблагороднѣйшимъ изъ всего, что вмѣщаетъ вселенная. При такомъ взглядѣ, конечно, должна была хорошо развиться этика. Она же проповѣдовала необходимость поддержанія равновѣсія между небеснымъ и земнымъ, считала примиреніе противорѣчій праведною дорогой.

Олицетвореннымъ владыкой неба и земли, создателемъ нравственной природы людей, награждающимъ добрыхъ и карающимъ злыхъ является *Шанъ-ди*. Викторъ Штраусъ величаетъ его *Supremus Imperator*, выдающійся англійскій синологъ Джемсъ Легге (*30 лѣтъ* миссіонерствовавшій въ Китаѣ) прямо переводитъ „Богъ“. Когда онъ впервые рѣшился передать такимъ образомъ упомянутое слово въ издаваемыхъ Максомъ Мюллеромъ „Sacred Books of the East“, то многіе оскорбились и *23* лица письменно обратились къ послѣднему съ жалобой. Тридцатаго декабря 1880 г. издатель возразилъ имъ въ „*Times'ѣ*“, оправдывая китаиста. Онъ былъ, по-своему, безусловно правъ, если принять во вниманіе, что Шанъ-ди принимаетъ не меньшее участіе въ судьбахъ китайцевъ чѣмъ Яхвэ у евреевъ и что подъ нимъ подразумѣвается совокупность предковъ-правителей, имѣющихъ такой смыслъ для послѣдующихъ поколѣній. Фарисейство англичанъ не можетъ не казаться страннымъ. Доминиканцы-проповѣдники, правда, двѣсти лѣтъ назадъ обвиняли китайцевъ въ атеизмѣ, но и тогда уже іезуиты не соглашались съ этимъ мнѣніемъ. Осенью 1700 г. Сорбонна, правда, объявляла еретиками тѣхъ, кто называлъ жителей Небесной имперіи вѣрующими въ Бога, но вѣдь эта выходка цитируется теперь какъ забавный анекдотъ. Лѣтомъ 1723 г. философъ Вольфъ читалъ въ Галле лекцію о китайской морали и отзывался о ней похвально. Козни его враговъ-богослововъ побудили короля Фридриха-Вильгельма I отдать приказаніе, чтобы неблагонадежный профессоръ, подъ страхомъ висѣлицы, въ 48 часовъ покинулъ прусскія владѣнія. Хотя къ Легге и не стремились примѣнить какую-нибудь кару, но даже упрекъ, сдѣланный ему, звучитъ какъ-то дико: обвиняютъ не черствaго и равнодушнаго къ религіи спеціалиста, а человѣка, отдавшаго всю свою душу миссіонерской дѣятельности.

Древніе мудрецы Небесной имперіи, кромѣ Шанъ-ди, пользовались еще однимъ выраженіемъ *дао* для обозначенія таинственной первопричины всего. Терминъ этотъ весьма важенъ (особенно, въ виду того, что самый цѣнный философскій памятникъ Китая *дао-дэ-дзинъ*, „книга о пути и добродѣтели“, мыслителя VI в. до Р. Хр. *Лао-дзы*, опирается на представленія о дао). Мнѣ кажется, г. Георгіевскій слишкомъ мало мѣста (только 7 страницъ) отвелъ анализу и характеристикѣ того и другаго. Нельзя было такъ мимолетно коснуться сочиненія, которое по содержанію почти не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи духа, которымъ Европа давно инте-

ресовалась какъ феноменомъ, одиноко выдающимся среди колоссальной литературы его родины. Наибольшее участіе къ Лао-дзы („достопочтенному философу“) сказалось въ нашъ вѣкъ. Сначала дао-дэ-дзиномъ внимательно занялся Абель Ремюза. Преемникъ его на каѳедрѣ синологіи при Collège de France, Станиславъ Жильэнъ обработалъ и перевелъ эту книгу. Въ 1868 г. Чалмерсъ напечаталъ о ней свое изслѣдованіе, а въ 1870 г. напечатаны три сочиненія о системѣ Лао-дзы (два по-нѣмецки въ Лейпцигѣ, одно по-англійски на Хонконгѣ). Изъ нихъ глубже всего заглянулъ въ дао-дэ-дзинъ Викторъ Штраусъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о г. Георгіевскомъ. Онъ смотритъ на упомянутое твореніе глазами недружелюбно-настроенныхъ конфуціанцевъ и, повидимому, не видитъ ничего удивительнаго въ умозрѣніяхъ Лао-дзы, хотя послѣдній отличается едва-ли не Новозавѣтнымъ міропониманіемъ. За шестьсотъ почти лѣтъ до прихода Спасителя въ Китаѣ выражены такія мысли, что, стань онѣ только достояніемъ толпы, проникновеніе ими обусловливало бы полнѣйшую сердечную близость къ истинамъ Откровенья и еще болѣе смягчило бы души и безъ того довольно кроткихъ китайцевъ. Быть можетъ, проникнутые ученіемъ Лао-дзы они бы не сплотились въ огромнѣйшее государство,—это такъ; но за то идеалъ гуманности осуществился бы на далекомъ востокѣ.

На первый взглядъ главы и даже части дао-дэ-дзина (метафизика и богословіе на теософической основѣ, затѣмъ этика и политика) кажутся ничѣмъ между собою не связанными высокими альпійскими вершинами, только свыше озаряемыми тѣмъ же небеснымъ свѣтомъ; но если спуститься къ ихъ подножію, то ясно станетъ, какая могучая основа объединяетъ разрозненныя горы. Лао-дзы никогда не сообщаетъ о ходѣ своей умственной работы, а только изрекаетъ ея результаты, притомъ сжато, мѣтко, парадоксально. Мудреца поэтому упрекали, будто онъ безъ всякаго плана накопляетъ рядъ афоризмовъ. Въ рецензіи о переводѣ Жюльэномъ дао-дэ-дзина извѣстный оріенталистъ Шоттъ писалъ въ 1842 г.: „книга эта—характера лирическаго; Лао-дзы, вѣроятно, лишь чувствовалъ, что именно хотѣлъ сказать“. Его способъ писать, замѣчали вообще критики, отличается такою ему одному свойственною неясностью, что вникнуть въ темный смыслъ его изложенія и, хотя бы приблизительно, имъ овладѣть составляло величайшую трудность даже для китайскихъ толкователей. Дѣло въ томъ однако, что комментаторы Небесной имперіи обсуждали дао-дэ-дзинъ съ предвзя-

той точки зрѣнія той секты, къ которой они принадлежали: никто не сумѣлъ оглядѣть его систему во всей ея цѣлости. Въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ они относились къ творенію Лао-дзы какъ еврейскіе истолкователи къ Ветхому Завѣту, не обладающіе настоящимъ ключемъ, чтобы войдти въ святилище. Христіанскому западу предстояло объяснить Китаю значеніе дао-дэ-дзина.

Возникновенію неба и земли предшествовала нераздѣльность, неопредѣленность элементовъ. Надъ этой хаотической массой, въ видѣ Духа, парящаго надъ водами, искони обрѣталось начало безграничное и безмолвное, неизмѣнное и обладающее способностью вѣчно творить. Это—дао, имѣющее множество значеній, и конкретныхъ, и абстрактныхъ. Источникъ сущаго („священная глубина, бездна“) дао почти невозможно передать ни на какомъ языкѣ подходящимъ философскимъ терминомъ. Отчасти, пожалуй, дао соотвѣтствуетъ Логосъ, который, по Платону, своей божественной силой устроилъ видимый міръ. Англичанинъ Уотерсъ приравниваетъ дао понятію ἄπειρον (безпредѣльное) іонійскаго философа Анаксимандра или субстанціи Спинозы, или абсолютному Шеллинга. *Дао* пытаются переводить черезъ „великая творящая природа“, и, зная, что *Лао-дзы* его *мыслитъ тріединымъ*,—черезъ „Богъ“. Дѣятельность дао проявляется тѣмъ, что оно разумно проникаетъ всѣ вещи и всѣ событія, осуществляется посредствомъ ихъ. „Кто съ нимъ ищетъ единенія, тотъ мудръ и святъ“. Почему-то г. Георгіевскій не счелъ нужнымъ привести и оцѣнить по достоинству тѣ именно мѣста въ дао-дэ-дзинѣ, гдѣ этическое ученіе Лао-дзы поражаетъ величественною простотою. Мы подразумѣваемъ особенно главы 49, 64, 81. „Съ хорошимъ я поступаю хорошо, *съ дурнымъ тоже*. Добрый человѣкъ среди міра находится въ постоянной тревогѣ, какъ бы не осквернить своего сердца его зломъ“.

„Знающій другихъ—глубокомысленъ, изучившій же потаенные изгибы собственной души—еще мудрѣе. Побѣждающій другихъ—могущественъ, самого себя побѣждающій—еще могущественнѣе“. Такому человѣку не подобаетъ причинять вредъ буквально ничему живущему, а естественно вполнѣ всецѣло проникаться симпатіей ко всему и такъ держать себя, какъ будто его личной жизни совсѣмъ нѣтъ. По ученію Лао-дзы, *„надо платить добромъ за зло*. Высокая добродѣтель себѣ самой не кажется добродѣтелью, а потому она и есть такова,—низшаго же порядка напрасно мнитъ себя непогрѣшимой“. Совершенное познаваніе зависитъ отъ

строя нравственной жизни въ человѣкѣ, отъ нравственныхъ актовъ воли. Мистицизмъ дао-дэ-дзина не имѣетъ ничего общаго съ квіэтизмомъ. Сочиненіе кончается изреченіемъ: „*святому подобаетъ дѣлать, а не спорить*“. Мудрецъ различаетъ двоякаго рода дѣятельность: одна желательна, другая нѣтъ. Высшая добродѣтель обходится безъ такъ-называемыхъ громкихъ дѣлъ, шумной и суетливой дѣятельности. Уразумѣвшій и усвоившій дао долженъ поучать личнымъ примѣромъ: *dum tacet, clamat*.

Міросозерцаніе Лао-дзы до того казалось некитайскимъ, что философа заставляли странствовать по Азіи, отрицали самобытность его системы, говорили, что она заимствована на чужбинѣ. Ремюза фантазировалъ на тему, не заѣзжалъ ли мудрецъ изъ Небесной имперіи въ Аѳины (!). Въ „Annales de philosophie chrétienne“ высказывалась гипотеза о встрѣчѣ его съ пророкомъ Даніиломъ во время плѣненія вавилонскаго. Профессоръ Георгіевскій указываетъ на Индію какъ на возможный источникъ. Но уже Шеллингъ сомнѣвался, чтобы система Лао-дзы сложилась подъ вліяніемъ эллинской, еврейской или браминской культуры. Къ тому же, насколько намъ извѣстно, пока еще очень спорно, были ли на югъ отъ Гималаевъ умозрительныя школы до историческаго Будды (онъ же училъ, вѣроятно, между концомъ VI и началомъ IV в.), не явились ли онѣ въ качествѣ реакціи противъ нарождающагося религіознаго движенія. Мистическое направленіе Лао-дзы необходимо считать чѣмъ-то индивидуально прирожденнымъ. Аскетизмъ его этики не похожъ на индійскій, ибо нигдѣ не принимаетъ уродливыхъ формъ и равномѣрно освѣщается мягкими лучами альтруизма. Столь же неудовлетворительна и безпочвенна догадка, не учился ли китайскій мудрецъ у себя дома у евреевъ-переселенцевъ, которые еще въ эпоху царя Соломона, вмѣстѣ съ тирскими флотиліями, стали достигать Китая, а съ VIII в. сухимъ путемъ туда эмигрировали и сохраняютъ тамъ свой типъ до нашихъ дней.

Лао-дзы нельзя упрекнуть ни въ атеизмѣ, ни въ пантеизмѣ.

По мнѣнію г. Георгіевскаго, другой знаменитый мудрецъ Небесной имперіи Кхун-дзы (латинизированное миссіонерами его имя—Конфуцій) будто-бы важнѣе и выше только-что отмѣченнаго нами предшественника. Это однако еще большой вопросъ. Культъ этого втораго философа тѣмъ не менѣе представляетъ нѣчто поразительное. Ему строются кумирни, его изображаютъ въ царскомъ одѣяніи. Оказыва-

ніе божескихъ почестей простому смертному, который не заботился о глубокомъ религіозно-нравственномъ перерожденіи своего народа (подобно автору дао-дэ-дзина), который какъ строгій консерваторъ радѣлъ только о сохраненіи порядковъ старины и исключительно на земное устремляя свои взоры,—такая антрополатрія не могла не оказывать отрицательнаго вліянія на Китай. Жители его постепенно доходили до самопоклоненія, и въ этомъ-то именно и таится причина, почему и они роковымъ образомъ должны рано или поздно дойти до соціальнаго недуга, колебавшаго уже не разъ основы могущественнѣйшихъ государствъ, до страшнаго безъисходнаго отчаянія, внезапно охватывающаго массы и служащаго всегда предвозвѣстникомъ чего-то лучшаго. Чудотворное прикосновеніе христіанства одно лишь въ состояніи будетъ уврачевать это непонятное томленіе и страданіе, успокоить это неминуемое современемъ смятеніе.

И. СУГОРСКІЙ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Воронежскіе акты.—Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Томъ первый. Воронежъ, 1887 г.

Еще въ теченіе 1885 — 1886 г.г. изданы десять выпусковъ „Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній". Тогда не дѣлали выбора изъ множества архивныхъ документовъ, имѣя единственно въ виду спасти наиболѣе пострадавшіе свитки отъ разрушительнаго вліянія времени. Затѣмъ выбрали изъ, такъ сказать, черноваго изданія наиболѣе интересные документы, расположили ихъ по отдѣламъ, придерживаясь по возможности хронологическаго порядка, составили систематическіе указатели и словари словъ иностранныхъ и старинныхъ русскихъ, наконецъ приложили къ изданію снимки съ рукописей и современныхъ имъ чертежей, а также карту Воронежскаго края въ XVII столѣтіи. Въ такомъ видѣ вышелъ первый томъ „актовъ", заключающій въ себѣ документы отъ 1620 до 1705 года, объемистый томъ въ 420 страницъ.

Отдѣлу царскихъ грамотъ принадлежитъ почти двѣ трети текста, затѣмъ слѣдуютъ дѣла воеводскія, изъ копхт. 49 документовъ касаются бунта Стеньки Разина.

Изъ царскихъ грамотъ очень любопытна грамота царя Алексѣя Михайловича, отъ 18 мая 1670 г., воеводамъ украинскихъ городовъ объ измѣнѣ Стеньки Разина. Боярину и воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому повелѣвалось, по прочтеніи сей грамоты, послать ее въ Бѣлгородъ къ товарищу своему, стольнику и воеводѣ, Петру Скуратову и наскоро разослать списки во всѣ города Бѣлгородскаго полка къ воеводамъ и приказнымъ людямъ,

чтобы, собравъ тѣхъ городовъ ратныхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей, сказали имъ великого государя милостивое слово и прочли грамоту всѣмъ вслухъ. Со словъ атамана донскихъ казаковъ Михайла Самаренина, грамота сообщаетъ, что Стенька Разинъ, измѣнивъ великому государю и всему московскому государству, „про Спасителя Нашего Іисуса Христа говоритъ всякіе хульные слова... церквей Божіихъ на Дону ставить и никакого пѣнія не велитъ, и священниковъ съ Дону сбиваетъ и велитъ вѣнчатца около вербы“. Разсказывая далѣе про „Стенькино воровство“, грамота грозитъ царскимъ гнѣвомъ всякому, кто будетъ ходить на Донъ по своимъ частнымъ или торговымъ дѣламъ, покамѣстъ Донъ „отъ того воровства очиститца“. И буде кто или торговые люди „учнутъ съ какими товары и съ инымъ съ чѣмъ на Донъ ѣздить... изъ тѣхъ людей хто кого поймаетъ или по чьему извѣту изъимутъ... казнить смертью безо всякія пощады и служилыхъ людей помѣстья и вотчины роздать челобитчикомъ, хто ихъ поимаетъ или хто въ томъ на нихъ извѣститъ, и по извѣту ихъ пойманы они будутъ; а торговыхъ людей животы и промыслы отдавать такимъ же челобитчикомъ“. О томъ же посланъ указъ „и на Усмонь и въ Козловъ и въ Чюгуевъ и на Коротоякъ“. Мѣстность, по которой гуляли государственные воры, старательно изолировалась, какъ бы зараженная чумою; потеря жизни и имущества ожидала всякаго, кто дерзалъ переходить за граничную черту бунта.

Съ какими тягостями соединялось, при тогдашнемъ безлюдьи, городовое (крѣпостное) строительство на окраинахъ московскаго государства, показываетъ грамота отъ 10 февраля 1677 года. Къ этому времени „порушились городовыя и острожныя крѣпости“ Воронежа. Для ихъ починки царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указываетъ воеводѣ Гаврилу Хрисанѳовичу Волкову, „изготовя всякій лѣсъ, тѣ городовые и острожные деревяные и земленые крѣпости росписать на себя и на служилыхъ, и на жилецкихъ на всякихъ чиновъ, и на уѣздныхъ людей и на подъячихъ, чтобъ нигдѣ никаковъ человѣкъ въ избылыхъ въ томъ дѣлѣ не былъ“. „И они бъ однолично (т. е. самолично) на всякое городовое дѣло лѣсъ изготовили и вывезли нынѣ вскорѣ, и тѣ городовые крѣпости сдѣлали и во всемъ на осаду укрѣпили, для своей же и домашнихъ своихъ осторожности“. Ни дворяне, ни подъячіе, ни самъ воевода, никто изъ мірянъ не могъ уклониться отъ работы, и царь предостерегаетъ воеводу, чтобы онъ „никому въ той работѣ не норовилъ и посуловъ

и поминковъ отъ того ни у кого ничего не ималъ". Посланы-де будутъ на Воронежъ дозорщики „и если по ихъ досмотру у тебя (воеводы), гдѣ чего будетъ не сдѣлано, и отъ Насъ, Великаго Государя, за то тебѣ быть въ великой опалѣ, да на тебѣ жъ взято будетъ денежные пени двѣсте рублевъ (по нынѣшней вещной цѣнности денегъ болѣе 3.000 р.) и болши". И въ московскомъ государствѣ была не за обычай такая поголовная работа. Царь предвидитъ неудовольствіе и наставляетъ воеводу: „А Воронежцомъ гродцкимъ служилымъ и жилецкимъ всякихъ чиновъ людемъ говорилъ (бы), чтобъ они того себѣ во оскорбленіе и въ тягость не ставили, потому что тѣ крѣпости напередъ сего были сдѣланы и нынѣ надобно сдѣлать для береженья отъ приходу воинскихъ людей на сохраненіе и на осторожность имъ же, всякихъ чиновъ людемъ и ихъ женамъ и дѣтемъ и сущимъ младенцомъ".

Государево дѣло требовало дружныхъ усилій и тяжелыхъ трудовъ. Нужна была твердая и грозная власть, чтобы государственная машина могла работать правильно. При Петрѣ впервые учреждена особая почта для пересылки писемъ по тракту: Москва, Молоди, Серпуховъ, Вашана, Тула, Дѣдиловъ, Богородицкое, Никицкое (sic), Ефремовъ, Елецъ (sic), Донъ, Хлѣвной, Воронежъ. По царскому указу отъ 20 февр. 1700 г., „ту почту съ почтовыми письмами гонять посадцкимъ людемъ и инымъ градцкимъ жителемъ, а ямщикомъ той почты гонять не велѣно; а на почтѣ держать по два мерина самыхъ добрыхъ со всякою гонебною рухледью и гонять тое почтовую гоньбу городъ отъ города и станъ отъ стану въ указные числа и часы и четы безо всякаго замедленія, чтобъ посадцкіе люди и иные градцкіе жители стояли на почтѣ днемъ и нощію непрестано и были бъ добрые люди, а не пьяницы и *не наемщики* и возили бъ почтовые письма въ сумкахъ бережно, на дорогѣ бъ надъ тѣми же почтовыми письмами хитрости никакіе не чинили и пьянствомъ бы тѣхъ писемъ не обронили". Не довѣряя ни наемщикамъ, на ямщикамъ, включая гоньбу почтовыхъ писемъ въ число повинностей городскаго населенія, указъ грозитъ тяжкою карою за малѣйшую неисправность: „а будетъ почтари учнутъ съ почтовыми письмами гонять не въ указные числа и часы и четы, или хотя малою какою оплошкою тѣмъ почтовымъ письмамъ учинятъ какое замедленіе, и тѣмъ почтарямъ отъ Насъ, Великаго Государя, быть *смертной казни* безо всякіе пощады".

Первый томъ „воронежскихъ актовъ" представляетъ во-

обще не мало документовъ, въ высокой степени любопытныхъ и важныхъ для освѣщенія административнаго быта XVII вѣка на тогдашнихъ окраинахъ московскаго государства.

II.

Архивъ юго-западной Россіи. Часть вторая, томъ II. Кіевъ, 1888 г.

Изданныя въ этомъ томѣ 106 инструкцій и постановленій дворянъ трехъ воеводствъ: кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, найдены археографическою коммисіею во владиміро-волынскихъ книгахъ и относятся ко времени съ 9 декабря 1654 по 2 мая 1697 года. Акты эти являются цѣннымъ матеріаломъ для исторіи провинціальныхъ сеймиковъ югозападнаго края во-второй половинѣ XVII вѣка, а эти послѣдніе служатъ зеркаломъ политической жизни и порядковъ Рѣчи Посполитой—дворянской республики. Уже въ грамотѣ Сигизмунда Августа, отъ 30 декабря 1565 года, говорится, что въ сеймикахъ могутъ принимать участіе „панове рада, князи, панове врадники земскіе и дворные и вси станы *народу шляхетскаго и стану рыцерскаго*, гдѣ хто въ которомъ повѣтѣ осѣлость маетъ“. Во второй половинѣ XVII вѣка необходимымъ условіемъ для участія въ сеймикахъ, кромѣ дворянскаго происхожденія, была осѣдлость и принадлежность къ извѣстной административно-территоріальной единицѣ.

„Сеймики, говоритъ г. Стороженко въ своемъ предисловіи къ разсматриваемому тому, имѣли широкую компетенцію, такъ что въ ихъ дѣятельности отражалась почти вся внутренняя жизнь государства. Наиболѣе разнообразные по содержанію преній были сеймики, собиравшіеся за нѣсколько недѣль передъ генеральными сеймами. На этихъ сеймикахъ королевскій посолъ читалъ свою инструкцію, въ которой излагались предметы обсужденій будущаго сейма, послѣ чего удалялся, предоставляя полную свободу преніямъ. По обсужденіи инструкціи, приступали къ разсмотрѣнію мѣстныхъ нуждъ и при этомъ постановленія, сдѣланныя съ общаго согласія (unanimo consensu nostro et nemine contradicente), записывались и вторично разсматривались, послѣ подтверждались подписями сенаторовъ, если таковые были въ числѣ присутствовавшихъ на сеймикѣ, и сеймиковаго маршалка. Въ концѣ сеймика выбирали пословъ на генеральный сеймъ большинствомъ голосовъ“. Когда послы возвращались съ генеральнаго сейма, то опять созывался сей-

микъ, такъ называемый реляційный, на которомъ послы докладывали о результатахъ сейма и въ частности о постановленіяхъ, касавшихся ихъ воеводства или повѣта. Бывали еще и спеціальные сеймики: военные, финансовые и судебные. На первыхъ обсуждались мѣры къ защитѣ отечества, дѣлались постановленія о созывѣ „посполитаго рушенія“ (ополченія), о расходахъ на укрѣпленія и на содержаніе регулярныхъ войскъ (жолнеровъ), производили выборы военачальниковъ и депутатовъ въ военный судъ. На финансовыхъ сеймикахъ занимались опредѣленіемъ размѣровъ и установленіемъ новыхъ налоговъ и податей, выбирали сборщиковъ, ревизоровъ и люстраторовъ, постановляли производить люстраціи. Наконецъ, на судебныхъ сеймикахъ происходили выборы депутатовъ въ коронный трибуналъ, въ земскіе, городскіе, скарбовые и иные суды.

Такія широкія полномочія въ концѣ прошлаго столѣтія сдѣлались отчасти достояніемъ и великорусскаго сословія дворянъ, но во второй половинѣ XVII столѣтія дворяне московскаго государства представляли еще совершенно неорганизованную, политически безправную массу служилыхъ людей. Не государственная граница, а крайнее различіе въ политическихъ правахъ легло въ основу того отчужденія, которое окончательно произошло въ это время между двумя частями высшаго слоя единоплеменнаго и единовѣрнаго народа. Поставленные совсѣмъ въ иныя, чѣмъ московскіе дворяне, сословно-общественныя и сословно-политическія условія, дворяне западной Руси, послѣ люблинской уніи, полонизировавшей областное управленіе Рѣчи Посполитой, естественно должны были примкнуть къ коренному польскому дворянству и мало-по-малу слиться съ нимъ во-едино. Постепенно происходившую перемѣну въ воззрѣніяхъ западно-русскаго дворянства по вопросамъ сословнымъ, русской народности и православія превосходно изображаютъ сеймиковые акты второй половины XVII вѣка. Лучшіе люди изъ поляковъ (напр., извѣстный дипломатъ Станиславъ-Казиміръ Бѣневскій) сами замѣчали недостатки въ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой и неестественность въ отношеніяхъ шляхетства къ русской народности; но западно-русскіе дворяне ревниво охраняли именно вредныя стороны старой польской конституціи. Они упорно стояли за свои привилегіи, не допускали усиленія королевской власти и въ то же время съ полнымъ равнодушіемъ относились къ „гадяцкимъ пактамъ“, гарантировавшимъ политическую и религіозную свободу русской народности въ ко-

ронныхъ и литовскихъ областяхъ. Въ южно-русскомъ краѣ XVII вѣка, какъ и въ московскомъ государствѣ, національныя воззрѣнія находились въ тѣсной связи съ религіозными, а потому католическая пропаганда имѣла здѣсь успѣхъ преимущественно среди дворянства. Къ концу столѣтія въ немъ, за исключеніемъ немногочисленныхъ волынскихъ дворянъ, горячо и искренно ратовавшихъ за православіе, стала развиваться нетерпимость къ вѣрѣ предковъ и ревностная приверженность къ своей новой религіи. Такъ, въ 1670 году кіевскіе дворяне писали въ своей инструкціи: „религія греческая, одобренная государственными постановленіями, подтвержденная королевской присягой, подвергается такимъ насиліямъ въ католическомъ христіанскомъ государствѣ, въ свободной и вольной Рѣчи Посполитой, какимъ не подвергаются даже греческіе христіане въ неволѣ бусурманской“; въ 1672 и 1676 годахъ они наказываютъ своимъ посламъ *имѣть на сердцѣ* заботу объ успокоеніи православной вѣры, считая свободу исповѣданія необходимою для „успокоенія воеводствъ“ и „спокойствія въ отечествѣ“ (акты №№ XVIII, XXIX и XLIV), а въ 1682 году тѣ же дворяне просятъ уже о сохраненіи за католиками, владѣльцами имѣній, права патроната по отношенію къ церквамъ и монастырямъ, находящимся въ ихъ имѣніяхъ, и о награжденіи уніатскаго епископа Льва Заленскаго за ревностное распространеніе уніи, *что достойно всякой похвалы* (№ L).

Западно-русскіе дворяне не сознавали тогдашнихъ тягостей крестьянскаго быта и все поручали своимъ посламъ хлопотать о пресѣченіи крестьянскихъ набѣговъ мѣрами карательными и запретительными. Ближайшими пособниками пановъ въ угнетеніи крестьянъ были евреи, объ изгнаніи которыхъ подумывали сами же дворяне. Въ одной изъ инструкцій 1665 года сказано, напримѣръ: „страшно вспомнить, какія нечестивыя преступленія учинилъ жидовскій народъ, чему можно постоянно видѣть примѣры, а такъ какъ за такія преступленія аріяне, по большей части наши братья, изгнаны, то тѣмъ болѣе враги вѣры, почти рабы, должны быть выгнаны и объявлены лишеннымп имущества“ (№ XXVII). Но евреи нашли себѣ сторонниковъ въ средѣ католическаго духовенства. Сильно раззоренные, они съ конца XVII вѣка принуждены были дѣлать займы какъ у свѣтскихъ лицъ, такъ въ особенности у различныхъ духовныхъ учрежденій: костеловъ, конгрегацій, монастырей и духовныхъ орденовъ. Займы у послѣднихъ заключались обыкновенно безсрочные и подъ обезпеченіе кагальною недвижимостью. „Та-

кимъ образомъ, большая часть недвижимыхъ имуществъ кагаловъ находилась въ безсрочномъ залогѣ, и образовалась тѣсная экономическая связь между духовными учрежденіями католичества и еврейства".

Внимательное изученіе актовъ приводитъ къ заключенію, что вслѣдствіе полонизаціи юго-западной Руси въ эпоху люблинской уніи тамошнее русское дворянство было выдѣлено изъ общей массы населенія, возвышено на счетъ другихъ сословій и, дорожа своимъ привилегированнымъ положеніемъ, стало стремиться къ полной равноправности, а затѣмъ и ассимиляціи съ польскою шляхтою. Отступившись отъ своихъ національныхъ и религіозныхъ традицій, оно стало во враждебныя отношенія къ остальнымъ классамъ населенія, а кровавая борьба съ защитниками русской народности и православія, казаками, еще болѣе оттолкнула дворянъ отъ національныхъ воззрѣній и вѣры ихъ предковъ. „Результатомъ всѣхъ этихъ взаимнодѣйствующихъ причинъ, говоритъ г. Стороженко, было почти полное ополяченіе и окатоличеніе западно-русскаго дворянства къ концу XVII вѣка".

Акты, по обыкновенію, изданы коммисіей очень тщательно, а въ концѣ тома приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ. Къ сожалѣнію, для неспеціалистовъ очень затрудняется чтеніе польскаго текста, испещреннаго, по обычаю того времени, латинскими выраженіями. Но зато желающіе ознакомиться только съ общимъ содержаніемъ и значеніемъ актовъ найдутъ полное удовлетвореніе въ предпосланной тексту довольно обширной (49 страницъ) статьѣ г-на Стороженко: „Отношеніе западно-русскихъ дворянъ второй половины XVII вѣка къ вопросамъ религіознымъ и сословнымъ".

III.

Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова, томъ первый. Петербургъ 1889 г.

Имя автора въ данномъ случаѣ достаточно ручается за качество его труда. Мы не на столько избалованы сочиненіями и изслѣдованіями, чтобы не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ новому по русской литературѣ серьезному труду. Г. Сухомлиновъ задался цѣлью познакомить желающихъ изъ первыхъ источниковъ съ различными эпизодами по исторіи русской литературы. Это не систематическій

курсъ, а рядъ отдѣльныхъ монографій и статей, основанныхъ на документальныхъ данныхъ, такъ какъ авторъ справедливо находитъ, что „правдивая исторія цѣлаго невозможна безъ тщательной разработки частей, которая и составляетъ одну изъ прямыхъ и неотложныхъ задачъ исторіи литературы, находящейся въ тѣсной связи съ исторіей просвѣщенія".

Первый, вышедшій въ настоящее время, томъ заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе исторіи и судьбы русскихъ университетовъ въ царствованіе Императора Александра I. Это обширная монографія, занимающая добрую половину книги. Въ ней съ возможной полнотой изложено все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ университетамъ. Вездѣ приведены подлинные документы, протоколы, постановленія, отдѣльныя мнѣнія. Въ приложеніи приведены ссылки на указы, законы, библіографическія замѣчанія, указанія на книги, картоны рукописей Публичной Библіотеки, такъ что желающему и интересующемуся предметомъ предоставляется полная возможность вести его самостоятельно далѣе. Особенно подробно изложена исторія Казанскаго университета въ эпоху Магницкаго и извѣстное дѣло Петербургскихъ профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. Эта, во всякомъ случаѣ, любопытная страничка изъ исторіи нашего просвѣщенія, снабжена цѣлой массой документовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что она впервые является передъ публикой въ такомъ полномъ видѣ. Точно также подробно изложено и дѣло Радищева, автора извѣстнаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".

Къ числу достоинствъ новаго труда должно отнести и полнѣйшее безпристрастіе автора. Г. Сухомлиновъ всегда объективенъ и не старается высказать свое мнѣніе. Если послѣдующіе томы будутъ изданы въ такомъ же духѣ, то получится масса данныхъ, характеризующихъ цѣлую эпоху просвѣщенія въ Россіи. Кстати о послѣдующихъ томахъ. Мы должны здѣсь сдѣлать маленькое замѣчаніе. Трудъ автора недостаточно планированъ, по крайней мѣрѣ, для публики. Въ коротенькомъ предисловіи г. Сухомлиновъ говоритъ, что будутъ помѣщены еще монографіи о Лагарпѣ и его дѣтельности, о Новиковѣ, а также далѣе относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности Пушкина, Гоголя, князя Вяземскаго, Полеваго и другихъ писателей. Жаль, что авторъ, хотя бы вкратцѣ, не познакомилъ публику, что̀ именно предполагается. Будутъ ли это біографіи помянутыхъ писателей, или воспоминанія о нихъ тѣхъ и другихъ лицъ?

Какимъ образомъ эти „данныя“ будутъ приведены въ связь съ общей цѣлью книги—исторіей просвѣщенія въ Россіи? Почему, говоря о такихъ, все-таки второстепенныхъ писателяхъ, какъ напр., Полевой, авторъ обходитъ молчаніемъ другихъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ одинаковыя права на вниманіе? Почему литература прошлаго вѣка представлена у него лишь Радищевымъ и Новиковымъ и обойдены такіе крупные факторы въ исторіи этой литературы, какъ Ломоносовъ, Державинъ и Фонъ-Визинъ? Въ виду важнаго значенія новой книги г. Сухомлинова, мы вправѣ предложить подобные вопросы. Современемъ же, можетъ быть, найдемъ возможность познакомить болѣе подробно читателей журнала съ этимъ, въ высшей степени почтеннымъ и серьезнымъ, трудомъ.

IV.

М. В. Крестовская. Раннія грозы. Испытаніе. Внѣ жизни. Уголки театральнаго мірка. Петербургъ, 1889 г.

Повѣсти и разсказы, изъ которыхъ составлены два изящные томика, лежащіе передъ нами, первоначально были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Симпатичный талантъ молодой писательницы, всего нѣсколько лѣтъ выступившей на литературное поприще, сразу обратилъ на себя вниманіе, и въ настоящее время мы отъ души привѣтствуемъ появленіе этихъ двухъ книжекъ, составляющихъ хорошій вкладъ въ русскую литературу.

Въ разсказахъ г-жи Крестовской есть то, что не всегда встрѣчается у нашихъ современныхъ беллетристовъ. Въ нихъ слышится и чувствуется *правда*. Это-то, такъ сказать, внутреннее чувство правды, вмѣстѣ съ тонкимъ изяществомъ изложенія, и составляетъ отличительную черту таланта молодой писательницы. Въ ея разсказахъ нѣтъ погони за трескучими эффектами, нѣтъ сложной фабулы, нѣтъ, такъ излюбленныхъ нѣкоторыми, разныхъ *гражданскихъ* мотивовъ. Авторъ отмежевалъ себѣ интимную область чувства, и распоряжается въ этой области съ мастерствомъ истиннаго художника. Г-жа Крестовская можетъ отнести къ себѣ слова Мюссе: „mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre!“ Дѣйствующія лица ея разсказовъ не похожи на *героевъ*, въ шаблонномъ смыслѣ этого слова. Это обыкновенные живые люди. Всякій ихъ видѣлъ, всякій ихъ знаетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все съ ними происходящее

интересуетъ и производитъ сильное впечатлѣніе. Передъ вами, напр., обыкновенная семья: мужъ, жена, ребенокъ, 15 лѣтъ если не счастливаго, то мирнаго сожительства. Затѣмъ разладъ, обычная драма... она полюбила другаго, они разъѣхались. Какъ видите, это совсѣмъ alte Geschichte, но и въ этой старой исторіи авторъ заставилъ звучать новыя струны, онъ обратилъ свое вниманіе на положеніе дочери, дѣвочки-подростка, чуткимъ сердцемъ давно уже сознавшей разладъ въ семьѣ. Характеръ Наташи въ повѣсти *Раннія грозы* выдержанъ прекрасно. Дѣвочка любитъ мать, любитъ и жалѣетъ отца, видитъ, что семейное счастіе разрушено и не знаетъ, что дѣлать; она уже не маленькая; родители, разставаясь другъ съ другомъ, предоставляютъ ей самой рѣшить, съ кѣмъ остаться. Дѣвочка остается съ матерью, но ея спокойствіе уже нарушено. Она понимаетъ горе отца, видитъ, какъ постепенно разбивается жизнь матери, попавшей въ руки бездушнаго негодяя, всѣми силами своей далеко не дѣтской души ненавидитъ этого негодяя, но сдѣлать ничего не можетъ. „Раннія грозы“ прошли надъ ея головой, но раннія грозы не всегда проходятъ безслѣдно; это не весеннія грозы, освѣжающія воздухъ. Онѣ могутъ испортить всю только-что складывающуюся жизнь, могутъ ожесточить молодое сердце.

Повторяемъ: тонкій анализъ г-жи Крестовской далъ намъ на этотъ разъ возможность заглянуть въ тайники женскаго сердца. До сихъ поръ обыкновенно описывали *его* чувства, *ея* чувства. Авторъ ввелъ въ нихъ третье лицо. Кобальскій и Марья Сергѣевна, можетъ быть, виноваты, можетъ быть, правы, смотря по тому, кто какъ смотритъ. Но чѣмъ виноватъ ребенокъ? Вотъ въ чемъ драма. Наташа не испортилась; добрыя наклонности взяли верхъ, но часто ли это бываетъ? А между тѣмъ, въ каждой семьѣ есть дѣти, эти невольные свидѣтели, и ихъ не остерегаются, ихъ не принимаютъ во вниманіе.

Въ другой большой повѣсти г-жи Крестовской, „Внѣ жизни“ выведенъ давно извѣстный типъ институтки. Кто не писалъ институтскихъ воспоминаній? Но и въ этой темѣ авторъ сумѣлъ остаться оригинальнымъ. Онъ начинаетъ тамъ, гдѣ другіе обыкновенно кончаютъ. Г-жа Крестовская говоритъ очень мало объ институтской жизни своей Женички. Но она беретъ всю ея жизнь послѣ института. И Женичка молода. И она мечтаетъ, какъ всѣ институтки, о будущемъ, которое представляется ей въ какомъ-то розовомъ туманѣ. Она не знаетъ, что ее ждетъ *тамъ*, за высо-

кими стѣнами, изъ-за которыхъ виднѣется только широкая рѣка, да иногда слабо доносится гулъ жизни большаго города, но она убѣждена, что ее ждетъ что-то очень хорошее. Но это *тамъ* не приходитъ. Волею судебъ Женичка должна остаться въ институтѣ, гдѣ ея мать классной дамой, и помимо котораго имъ некуда дѣться. До поры до времени она довольна и счастлива. Ее любятъ и ласкаютъ взрослые и дѣти, она дѣлается пепиньеркой и сама классной дамой. Но время идетъ и, какъ волны этой рѣки, что катятся подъ стѣнами института, катится мимо нея и жизнь, вмѣстѣ съ молодыми грезами унося и самую молодость. Въ первый разъ Женичка просыпается точно послѣ долгаго сна, когда ея бывшая подруга привозитъ въ институтъ уже свою дочь. Съ горькимъ удивленіемъ видитъ она, что прошло уже долгихъ 12 лѣтъ, что она уже старая дѣва, что прошлаго не вернешь и быстро улетающую молодость за крылья не схватишь. И вотъ, Женичка, миловидная Женичка, при одномъ приближеніи которой, бывало, улыбались большіе и радостно бѣжали на встрѣчу дѣти, превращается мало-по-малу въ Евгенію Ивановну и, наконецъ, въ „Евгеньищу“, старую высохшую интригантку, которую ненавидятъ взрослые и отъ которой пугливо разбѣгаются дѣти. Жизнь прошла, цѣлая долгая жизнь, но жила ли бѣдная Женичка?..

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Страхи „Вѣстника Европы“.—Его отвѣтъ на наши возраженія.—Въ чемъ состоитъ органическій порокъ нынѣшняго земскаго представительства?—Лжесвидѣтельствующіе мировые судьи.—По поводу мнѣній М. Н. Каткова.—Благонамѣренные либералы.—Податное верховенство земства; необходимость огражденія частныхъ интересовъ.—Подвиги либеральнаго художника.—Финансовый законъ 8 ноября, конверсія и „золотой заемъ“.

Послушать нашихъ либераловъ, такъ на Россію налегла темная сила въ образѣ „реакціи“, которая грозитъ сдвинуть страну съ пути „законности, равноправности, мирнаго развитія“ и толкнуть ее на путь „произвола, привилегій и застоя“. По ихъ мнѣнію, конецъ законности и мирному развитію наступитъ у насъ рѣшительно со введеніемъ предположенной реформы мѣстнаго управленія. Эта реформа неминуемо затормозитъ „движеніе“, составляющее, будто бы, „лучшій завѣтъ минувшаго царствованія“, завѣтъ, свято хранимый лучшими людьми, солью земли русской, т. е. нашими либералами. Правительство, задумавшее преобразовать мѣстное управленіе, является, такимъ образомъ, врагомъ законности и мирнаго развитія, а печать, сочувственно относящаяся къ такому его намѣренію, явно заражена обскурантизмомъ, намѣренно потворствуетъ „произволу“ и призываетъ „застой“. Участвовать въ такомъ зломъ дѣлѣ, разумѣется, можетъ только печать *реакціонная*, представителями которой служатъ-де „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“. Оба эти изданія занимаются „эскамотажемъ“ [1]) по отношенію къ земскимъ и судебнымъ учреж-

[1]) Въ такой деликатной формѣ выражается о насъ „Вѣстникъ Европы“, оговариваясь, впрочемъ, что употребляетъ „это не совсѣмъ вѣжливое выраженіе только за недостаткомъ въ русскомъ языкѣ эквивалента для неперево-

деніямъ, выставляя начала, положенныя въ основаніе названныхъ учрежденій, несовмѣстимыми съ традиціоннымъ строемъ русскаго государства, тогда какъ „въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ люди самыхъ высокопробныхъ консервативныхъ взглядовъ признавали самостоятельное земство и независимый судъ чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ въ монархическомъ самодержавномъ государствѣ". Самое видное мѣсто въ аргументаціи возражающаго намъ „Вѣстника Европы" занимаютъ ссылки на авторитеты консерватизма (sic), но затѣмъ этотъ органъ либераловъ высказываетъ и свой взглядъ на „свободныя учрежденія" въ государствѣ съ единоличною верховною властью. „Независимый судъ и дѣятельное участіе общества въ мѣстномъ управленіи цѣнны вездѣ и всегда, говоритъ онъ, — но особенно цѣнны они именно въ самодержавномъ государствѣ, хотя они и не могутъ въ немъ достигнуть полнаго своего развитія. Съ перваго взгляда, это мнѣніе можетъ показаться парадоксальнымъ—но только съ перваго взгляда. Если въ центрѣ государства кипитъ политическая жизнь, она неизбѣжно проникаетъ въ самыя отдаленныя окраины, вноситъ свѣтъ въ самые глухіе уголки, облегчаетъ раскрытіе и изобличеніе злоупотребленій, устраняетъ возможность неподвижности и застоя. Всякое неправильное распоряженіе мѣстной власти, всякое пристрастное рѣшеніе суда можетъ сдѣлаться предметомъ запроса съ парламентской трибуны, предметомъ полемики въ печати. Произволу должностныхъ лицъ со всѣхъ сторонъ противопоставлены преграды; имъ одинаково трудно застыть въ бездѣйствіи и апатіи — и выйти, въ избыткѣ усердія, за предѣлы благоразумія и законности. Только этимъ (въ связи, конечно, съ національными свойствами и историческимъ наслѣдствомъ) можно объяснить, напримѣръ, сравнительное равнодушіе французовъ къ развитію мѣстнаго самоуправленія. Но гдѣ нѣтъ могучаго корректива политической свободы, тамъ ничто не можетъ восполнить недостатка самостоятельныхъ и независимыхъ учрежденій. Чѣмъ былъ нашъ до-реформенный судъ, какъ велось наше до-реформенное земское хозяйство—это слишкомъ хорошо извѣст-

---

димаго нѣмецкаго слова: „Wegexpliciren". Подумаешь, какъ бѣденъ русскій языкъ! Къ счастію, лексикологическія свѣдѣнія публицистовъ „Вѣстника Европы" не исчерпываютъ собою всего богатства нашей народной рѣчи; нѣмецкое Wegexpliciren (очень худое нѣмецкое слово) вполнѣ переводимо на русскій языкъ словомъ *кривотолкъ*. Этимъ послѣднимъ почти буквально и точно передается смыслъ германо-латинскаго (а не нѣмецкаго) слова Wegexpliciren.

но и не будетъ забыто, сколько бы ни старались отбить у насъ память реакціонные органы печати. Нужно быть совершенно слѣпымъ или считать слѣпыми всѣхъ другихъ, чтобы проповѣдывать, какъ это дѣлаетъ „Русскій Вѣстникъ", возвращеніе къ тѣмъ кореннымъ національнымъ началамъ, которыми жила и крѣпла русская земля, и частныя, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, допущенныя отступленія отъ которыхъ привели мѣстное наше управленіе въ состояніе разстройства". Далѣе „Вѣстникъ Европы" дѣлаетъ видъ, будто мы отстаиваемъ до-реформенный судъ и до-реформенное земство, отстаиваемъ прошлое, „съ язвами крѣпостнаго права, продажнаго суда, продажной администраціи". Но всего забавнѣе, что оппозиціонный журналъ поучаетъ насъ многочисленными выписками изъ статей, писанныхъ М. Н. Катковымъ, когда рука объ руку съ правительствомъ онъ становился на сторону *независимаго* суда и *самостоятельнаго* земства, и заключаетъ такою дилеммою: „Одно изъ двухъ: или Катковъ, когда писалъ или печаталъ эти слова участвовалъ въ „походѣ противъ авторитета власти" (выраженіе „Моск. Вѣд.", ред. г. Петровскаго) и стремился къ измѣненію нашихъ основныхъ законовъ,—или въ отстаиваніи самостоятельности и независимости земскихъ и судебныхъ учрежденій нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ политическою благонамѣренностью". По мнѣнію нашего возражателя, „для *Моск. Вѣдомостей* и *Русск. Вѣстника* выборъ между обѣими частями дилеммы предрѣшенъ заранѣе; нельзя же имъ отречься отъ своего патрона и причислить его къ совѣту нечестивыхъ"...

Приведенныхъ выписокъ, кажется, достаточно для выясненія взглядовъ нашей либеральной оппозиціи на предстоящее согласованіе мѣстнаго управленія съ общественнымъ и государственнымъ строемъ Россіи. „Вѣстникъ Европы"—надо отдать ему справедливость—никогда не былъ ни личнымъ органомъ его издателя, ни органомъ господствующаго правительственнаго или общественнаго мнѣнія. Онъ неуклонно и неизмѣнно стоялъ и стоитъ подъ знаменемъ буржуазнаго либерализма, съ которымъ никогда не разставался и, по всей вѣроятности, никогда не разстанется, не смотря на всѣ его провалы у насъ и на Западѣ, не смотря на всю несостоятельность его попытокъ замѣнить „свободными учрежденіями" единственно цѣнную для всѣхъ и каждаго свободу гражданскую. Неудивительно поэтому, что названный журналъ остается глухъ къ жалобамъ населенія на коренные недостатки нашего земскаго самоуправленія, созданнаго по образцу западно-европейскихъ свободныхъ учрежденій. Наши

либералы часто заподозрѣваютъ подобныя жалобы въ добросовѣстности, а рѣшительныя мѣры правительства противъ земской неурядицы выдаютъ за „напасть“ по наущенію „реакціонеровъ“. Череповецкое земство, напр., приводитъ въ разстройство мѣстное хозяйство и своими дѣйствіями вынуждаетъ правительство, въ огражденіе интересовъ населенія, пріостановить въ уѣздѣ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, временно замѣнивъ выборные органы правительственною коммисіею (см. IX кн. „Русск. Вѣстн.“). „Вѣстникъ Европы“ находитъ такую мѣру загадочною, роется въ „Земскомъ Ежегодникѣ“, отыскивая въ немъ „кружковую тенденцію“, разумѣется, ничего не обнаруживаетъ и въ концѣ концовъ приходитъ въ „недоумѣніе“. А между тѣмъ на глазахъ у всѣхъ всеобъясняющій фактъ, извѣстный и либеральному журналу; послѣдній въ своей общественной хроникѣ отъ 1-го октября отмѣчаетъ: „мы знаемъ только, что земская касса, въ моментъ открытія дѣйствій правительственной коммисіи, была пуста, и служащимъ по земству предстоитъ заплатить за прежнее время болѣе 6.000 рублей“. На взглядъ всякаго здравомыслящаго человѣка, этого „только“ вполнѣ достаточно для собственнаго убѣжденія и доказательства другимъ, что череповецкіе земцы—плохіе хозяева, что ихъ неразсчетливость, неумѣніе распорядиться средствами или слишкомъ широкія затѣи и были искомой причиной затруднительнаго положенія мѣстнаго общественнаго хозяйства; но, по мнѣнію „Вѣстника Европы“, фактъ совершеннаго опустошенія земской кассы и ея задолженности служащимъ за прежнее время (явленіе не удивительное развѣ только въ Турціи) „ничего не означаетъ“ и все еще остается „вопросъ—въ его причинѣ или причинахъ“. Либеральный журналъ глубокомысленно предполагаетъ даже, что „увеличить *неисправность плательщиковъ*—здѣсь, молъ, корень зла—могли именно слухи о предстоящемъ закрытіи земскихъ учрежденій“. Надо совсѣмъ не знать уѣздной жизни, чтобы сдѣлать подобное предположеніе. Но оно какъ нельзя болѣе въ духѣ нашихъ либераловъ, стремящихся всякую земскую неурядицу объяснять недостаткомъ „полномочій“, слабымъ „логическимъ развитіемъ“ самоуправленія и тѣми „тормазами“, которые государственная власть, по наущенію реакціонеровъ, не перестаетъ накладывать на дѣятельность „свободныхъ учрежденій“.

Населеніе уѣздовъ не имѣетъ надобности рыться въ „Ежегодникѣ“ для уясненія себѣ причинъ несостоятельности

земской „автономіи“. Для него очевидны и самый фактъ этой несостоятельности, и его причины, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ „движеніемъ“, которое проповѣдуется либеральною доктриною. Плательщикамъ земскихъ сборовъ нуженъ прежде всего порядокъ въ завѣдываніи дѣлами общественнаго хозяйства и важно такое веденіе этихъ дѣлъ, чтобы, по мѣрѣ силъ и возможности, имъ достигалось общественное благоустройство. Они рѣшительно предпочитаютъ „застой“ въ порядкѣ и благоустройствѣ ничего, кромѣ развѣ новыхъ налоговъ, не обѣщающему движенію къ политической „равноправности“, о которой огромное большинство русскаго народа никогда и не думало. Къ сожалѣнію, земская машина весьма плохо работаетъ въ этомъ единственно желательномъ для нихъ направленіи. Работаетъ она плохо потому, что дурно прилажена не только къ государственному (о чемъ было подробно говорено въ кн. III, VI и VII „Русскаго Вѣстника“), но и къ общественному строю. Покуда наше земство не будетъ поставлено въ условія, дѣйствительно соотвѣтствующія этому послѣднему, оно не можетъ быть введено и въ общую систему государственнаго управленія какъ полезный органъ общественной самодѣятельности. Дѣло въ томъ, что въ основу якобы всесословнаго земскаго представительства положено чисто буржуазное начало—имущественный цензъ, безъ различія рода имуществъ, и притомъ крайне неравномѣрный, иногда фиктивный, а сословное начало совсѣмъ не получило примѣненія въ средѣ избирателей, наиболѣе располагающихъ досугомъ и наиболѣе способныхъ къ занятію общественными дѣлами, т. е. въ средѣ крупныхъ и среднихъ поземельныхъ собственниковъ. Можно быть различнаго мнѣнія на счетъ сословнаго уклада нашего общества, но нельзя отрицать факта его существованія, тѣмъ болѣе, что законодательною дѣятельностью минувшаго царствованія была создана крестьянская сословная организація и оставлена нетронутою въ основныхъ чертахъ „политическая“ организація сословія дворянъ, сохранившаго за собою въ полной неприкосновенности драгоцѣнное право прямаго обращенія къ верховной власти. Да и условія здоровой государственной жизни не допускаютъ законодательнаго произвола въ упраздненіи народныхъ группъ, сложившихся въ силу исторической необходимости,—это дѣло жизни, требованія которой должны господствовать надъ волею законодателя и на дѣлѣ всегда ее пересиливаютъ. Но это правило государственной мудрости было забыто составителями земскаго Положенія. Пожалуй, съ добрымъ намѣреніемъ, но съ неяснымъ пони-

маніемъ настоящихъ нуждъ населенія и безъ достаточнаго вниманія къ историческому складу общественнаго быта, они задались *сліяніемъ* сословій въ земскомъ представительствѣ, вмѣсто того, чтобы, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени, устроить *единеніе* сословій въ общемъ дѣлѣ завѣдыванія общественнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ. Провалъ земскихъ учрежденій въ Донской области, подведенной подъ общую мѣрку, лучше всего показываетъ, какъ далеки были составители земскаго Положенія отъ правильной оцѣнки дѣйствительности, а затѣмъ повсемѣстное воздержаніе лучшихъ силъ общества отъ участія въ земствѣ и постепенное засореніе „свободныхъ учрежденій“ кулаческимъ элементомъ, со всѣми его печальными для общественнаго хозяйства и общественной нравственности послѣдствіями, были прямымъ отвѣтомъ на ту буржуазную, по западно-европейскому типу, и въ сущности, мнимую равноправность, которая легла въ основаніе мѣстной реформы.

Мы нисколько не ставимъ въ вину минувшему царствованію его крупной ошибки, выдаваемой либералами за одинъ изъ лучшихъ его „завѣтовъ“. При томъ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, который прилагалъ особое стараніе къ разработкѣ началъ мѣстнаго самоуправленія, можно было ожидать еще худшихъ результатовъ. Не даромъ покойный Государь написалъ на докладной запискѣ одного изъ сановниковъ: „кто же мнѣ будетъ сообщать о революціонномъ направленіи, повсюду теперь распространяющемся,—направленіи, которому поддалось само министерство внутреннихъ дѣлъ?“ [1]) Мы отдаемъ должное исполненнымъ благой воли трудамъ незабвеннаго монарха и очень хорошо понимаемъ, какъ страшно трудно было противостоять теченію, правда, скользившему по поверхности общества, но слишкомъ высоко проникшему въ административныя сферы, въ ближайшее окруженіе власти, и причинившему такъ много бѣдъ Россіи разслабленіемъ этой власти.

Нельзя сказать, что правительство до послѣдняго времени не замѣчало органическаго несоотвѣтствія земскаго представительства нашему общественному строю, о немъ не молчала и печать, но все же нуженъ былъ болѣе или менѣе

---

[1]) Изъ письма С. С. Громеки къ А. И. Герцену. Часть переписки обоихъ названныхъ лицъ находится въ нашемъ распоряженіи, и мы надѣемся вскорѣ познакомить съ нею читателей „Русскаго Вѣстника“ въ статьяхъ „Герценъ и его корресподенты“.

продолжительный опытъ для убѣжденія въ совершенной непригодности частныхъ поправокъ, въ родѣ сокращенія числа гласныхъ отъ нѣкоторыхъ группъ избирателей (напр., казаковъ Полтавской губ.), усиленія власти предсѣдателей земскихъ собраній, какъ извѣстно, соединяющихъ эти обязанности съ званіемъ предводителя дворянства, и т. п. палліативныхъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію качественнаго состава земскихъ собраній и порядка въ ихъ занятіяхъ. Оказалось невозможнымъ преодолѣть такими частными поправками равнодушіе лучшихъ мѣстныхъ силъ къ участію въ земскомъ представительствѣ, преодолѣть вторженіе въ его среду крайне нежелательныхъ элементовъ и развитіе въ ней своекорыстныхъ побужденій на счетъ добросовѣстнаго служенія обществу. Избирательная интрига мало по малу перестала гнушаться самыми предосудительными средствами и въ своей нечистой формѣ прививалась тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ быстрѣе раззорялись помѣщичьи гнѣзда, оскудѣвало крестьянское хозяйство и выше поднимали голову представители кулачества и пришлые въ уѣзды бездомовные „интеллигенты“. Обильную пищу земской избирательной интригѣ доставилъ и существующій порядокъ избранія мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ по крестьянскимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что, избираемые и смѣняемые не лучшими людьми, какъ предполагалъ законодатель, а интригою, эти должностныя лица испытали на себѣ послѣдствія земскаго разложенія. Наиболѣе достойные изъ нихъ стали искать коронной службы, стремясь всѣми силами освободиться отъ связи съ „излюбленными“ земскими людьми. Конечно, осталось еще и на мѣстахъ не мало людей способныхъ и добросовѣстныхъ—но въ какомъ окруженіи, въ какомъ товариществѣ! Распинающійся за нынѣшнюю нашу мировую юстицію „Вѣстникъ Европы“ приводитъ изъ „достовѣрнаго источника“ справку, которая наглядно свидѣтельствуетъ о прогрессивномъ упадкѣ судебно-мироваго института. По свѣдѣніямъ либеральнаго журнала, соединеннымъ присутствіемъ кассаціонныхъ и перваго департаментовъ сената были преданы суду:

Въ 1885 году 20 мировыхъ судей
„ 1886 „ 48 „ „
„ 1887 „ 56 „ „

„Полагаемъ, что это не мало“, прибавляетъ къ этимъ голымъ цифрамъ названный журналъ. Даже много, скажемъ мы, особенно если принять въ соображеніе, что ревизіи дѣлъ

у мировыхъ судей производятся не часто, и что эти канцелярскія ревизіи не въ состояніи обнаруживать существенныя нарушенія служебнаго долга. Въ дополненіе къ справкѣ „Вѣстника Европы“ и отчасти въ ея поясненіе, мы можемъ привести еще слѣдующее извѣстіе, самое свѣжее, отъ 11-го ноября, сообщенное въ газеты сѣвернымъ телеграфнымъ агенствомъ:

„Харьковъ. Въ здѣшней судебной палатѣ начнется 15-го ноября, при участіи присяжныхъ засѣдателей, слушаніе дѣла о мировыхъ судьяхъ Коротоякскаго мироваго съѣзда (Воронежской губ.), обвиняемыхъ вмѣстѣ съ крестьянами въ лжесвидѣтельствѣ и подстрекательствѣ къ дачѣ ложныхъ показаній“.

Лжесвидѣтельство цѣлой судебной коллегіи и ея подстрекательство къ дачѣ ложныхъ показаній—это такое постыдное явленіе, указывающее на такую глубокую порчу нравовъ, что у самыхъ ярыхъ защитниковъ выборнаго мироваго института едва-ли хватитъ духу утверждать, что получающіе свои полномочія отъ земскихъ собраній судьи, въ отношеніи честности и добросовѣстности, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Какой бы шумъ подняли наши либералы, если-бы такая же „неудача“ постигла правительственное избраніе! Можно сказать почти навѣрное, что министру юстиціи пришлось бы подать въ отставку и нести послѣдствія своей оплошности. А съ земства что возьмешь? Оно вольно избирать, кого ему вздумается, вольно совершенно безнаказанно надѣлять общество лжесвидѣтельствующими судьями и даже не въ состояніи помѣшать избранію въ судьи людей сомнительной честности, потому что и самый составъ земскаго представительства, которому поручено такое избраніе, является совершенно случайнымъ: каждому изъ гласныхъ прокладываетъ дорогу избирательная интрига.

„Вѣстникъ Европы“ подшучиваетъ надъ нерасположеніемъ „реакціонеровъ“ къ избранникамъ „свободныхъ учрежденій“, —свободныхъ прежде всего отъ обязанностей нравственнаго долга,—но обществу не до шутокъ, когда его членамъ приходится искать защиты своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ у лжесвидѣтельствующей и подстрекающей къ дачѣ ложныхъ показаній судебной коллегіи, когда важными для него дѣлами общественнаго хозяйства и благоустройства завѣдуютъ учрежденія только по имени общественныя, но въ дѣйствительности не состоящія съ обществомъ ни въ какой органической связи, ни въ какомъ духовномъ родствѣ, и завѣдуютъ такъ, что приходится ликвидировать дѣла при помощи

правительственной коммисіи. Разумѣется, Коротоякскій и Череповецкій уѣзды представляютъ явленія исключительныя, но на столько внушительныя, что и общество, и правительство не могутъ не принять ихъ за предостереженіе, тѣмъ болѣе, что подобныя же явленія, хотя и въ менѣе уродливой формѣ, встрѣчаются повсемѣстно и угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на земскую жизнь, на общественное благоустройство, на общественную нравственность, въ чемъ легко убѣдиться изъ данныхъ, собранныхъ въ министерскомъ проектѣ преобразованія мѣстнаго управленія и знакомыхъ уже нашимъ читателямъ по извлеченіямъ, помѣщеннымъ въ разныхъ книгахъ „Русскаго Вѣстника“ за текущій годъ. Не любящимъ наводить подобныя справки, нашимъ оппозиціоннымъ журналамъ, укажемъ только на с.-петербургское уѣздное земство, страдающее хроническими дефицитами, уже давно спустившее свои запасные, остаточные и иные капиталы, закладывающее процентныя бумаги, принадлежащія эмеритальной кассѣ служащихъ, для уплаты жалованья (и то не аккуратно) учителямъ, врачамъ, на расходы по ремонту земскихъ сооруженій и т. п. Выражаясь словами „Вѣстника Европы“, „нужно быть совершенно слѣпымъ или считать слѣпыми всѣхъ другихъ“, чтобы отстаивать неприкосновенность земскаго самоуправленія въ настоящемъ его видѣ и скорбѣть лишь о томъ, что „въ самодержавномъ государствѣ“ оно не можетъ „достигнуть полнаго своего развитія“. Мы вовсе не сторонники до-реформенныхъ порядковъ, какъ въ этомъ пытается увѣрить своихъ читателей „Вѣстн. Евр.“, но лжесвидѣтельство судьи мы нисколько не считаемъ лучше взяточничества, да и кто можетъ утверждать, что лжесвидѣтельствующій и подстрекающій къ дачѣ ложныхъ показаній судья не возьметъ или не беретъ взятокъ? Въ выборныхъ учрежденіяхъ народился даже своеобразный видъ „приношенія“ при „благодарности“ — баллотировочными шарами. А заурядные и постоянно учащающіеся въ земскомъ хозяйствѣ случаи злоупотребленій и хищеній, о которыхъ упоминается въ министерскомъ проектѣ, развѣ не тотъ же административный грабежъ? Затѣмъ, какъ понять случаи назначенія нѣкоторыми земствами *по нѣскольку тысячъ рублей ежегодно* „въ безотчетное распоряженіе исправника“? Но, повторяемъ, мы не сторонники до-реформенныхъ порядковъ и проводили параллель между земскими и неземскими губерніями единственно для доказательства того подтверждаемаго оффиціальною статистикою и *общеизвѣстнаго* факта, что, въ дѣлѣ хозяй-

ственнаго благоустройства, мѣстности, гдѣ введено земское положеніе, не далеко ушли отъ мѣстностей, не облагодѣтельствованныхъ „свободными учрежденіями“, а между тѣмъ населеніе послѣднихъ значительно менѣе обременено сборами на мѣстныя нужды и, что всего важнѣе, сборы эти отличаются устойчивостью, равномѣрностію распредѣленія и, къ выгодѣ населенія, не увеличиваются переложеніемъ на деньги натуральныхъ повинностей, усердно вытѣсняемыхъ передовыми земцами, которые считаютъ такія повинности унизительнымъ для рабочаго класса остаткомъ старыхъ порядковъ. „Тенденціозная дѣятельность по переложенію натуральныхъ повинностей въ денежныя“, какъ мы выразились, и наше замѣчаніе, что крестьянину „гораздо легче отбыть повинность личнымъ трудомъ, чѣмъ уплатить хотя бы нѣсколько лишнихъ копѣекъ денежнаго сбора“—вызвали такую отповѣдь экономистовъ „Вѣстника Европы“: „И такъ, десятокъ меньше единицы? Лучше лишиться заработной платы, составляющей, за одинъ день (а отбываніе повинностей можетъ потребовать и нѣсколькихъ дней), нѣсколько десятковъ копѣекъ, чѣмъ заплатить лишнія двѣ-три копѣйки земскаго сбора? Это—ариѳметика совсѣмъ особеннаго рода“. Хорошо считаютъ гг. либеральные доктринеры, но худо знаютъ быть сельскихъ жителей. Натуральныя повинности отбываются крестьянами обыкновенно въ свободное отъ полевыхъ работъ время, когда большинство изъ нихъ, въ непромысловыхъ губерніяхъ, по неволѣ сидитъ дома сложа руки и ни отъ кого никакой „заработной платы“ получить не можетъ. Для такихъ праздныхъ рабочихъ несомнѣнно выгоднѣе потрудиться день или два, нежели выпрашивать въ займы у сельскаго ростовщика или за безцѣнокъ продавать часть своихъ скудныхъ продовольственныхъ запасовъ... Чѣмъ поучать другихъ ариѳметикѣ, не лучше ли „Вѣстнику Европы“ самому поучиться—народной жизни, знакомства съ которой, кстати сказать, никогда не доставало нашимъ либераламъ всякихъ оттѣнковъ, особенно же журнальнымъ доктринерамъ.

Увлеченіе „свободными учрежденіями“ въ нынѣшнемъ ихъ уродливомъ видѣ мы объяснимъ себѣ оторванностью публицистовъ-доктринеровъ отъ живой дѣйствительности и наивнымъ поклоненіемъ въ кабинетной тиши кумирамъ, созданнымъ ихъ собственнымъ воображеніемъ. Но какого рода мотивамъ приписать увѣреніе возражающаго намъ публициста, что намъ нельзя „отречься отъ своего патрона (!)“, т. е. отъ словъ покойнаго издателя „Русскаго Вѣстника“,

М. Н. Каткова, написанныхъ имъ когда-то? Во-первыхъ, мы никогда не находились подъ *патронатомъ* М. Н. Каткова; во-вторыхъ, самъ Катковъ никогда не выдавалъ своихъ личныхъ убѣжденій за непреложную истину—признаніе которой для насъ единственно могло бы быть обязательнымъ—и не раболѣпствовалъ передъ неподвижными доктринами либерализма, закрывающаго глаза на опытъ цѣлой четверти вѣка; въ третьихъ, наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни основатель „Русскаго Вѣстника“ былъ полнѣйшимъ и несомнѣнно вѣрнымъ выразителемъ *общественнаго мнѣнія* о земскихъ учрежденіяхъ,—мнѣнія, именно вызваннаго двадцати-лѣтнимъ опытомъ. Рѣзкіе отзывы М. Н. Каткова о нашихъ „свободныхъ учрежденіяхъ“, его энергическая проповѣдь „твердой власти“, сверху до низу проникающей государственный бытъ,—не имѣли бы никакого значенія, никакого вліянія, еслибы правда была не на сторонѣ замѣчательно-чуткаго къ доктринерской лжи публициста, еслибы эта правда не была сознана обществомъ и удостовѣрена многочисленными ходатайствами дворянства, сенаторскими ревизіями и постоянными столкновеніями администраціи съ земскими неурядицами, не говоря уже о неурядицѣ городской, судебной, въ области земледѣльческаго труда и проч.

Недоумѣваемъ, для чего нужно нашей либеральной оппозиціи противиться преобразованію забракованныхъ самою жизнью учрежденій. Преобразованіе не есть упраздненіе. Да и въ правительственномъ проектѣ категорически высказано, что „правительство не можетъ отказаться отъ содѣйствія населенія въ завѣдываніи мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ“, что „дѣятельность по этой части однихъ бюрократическихъ органовъ, безъ помощи и контроля представителей мѣстнаго населенія, никогда не оказывалась плодотворною“. Ожидать отъ дальнѣйшаго развитія началъ, положенныхъ въ основаніе нынѣшней организаціи земскихъ учрежденій, новыхъ благъ, въ родѣ обѣщанныхъ нѣкогда „Сѣверною Почтою“ (правительственное изданіе), самъ „Вѣстникъ Европы“ находитъ неосновательнымъ. Онъ очень распространяется о томъ, что „самостоятельное мѣстное управленіе... не заключаетъ въ себѣ ничего безусловно противнаго природѣ неограниченной монархической власти“ и что исторія не представляетъ примѣра „самодержавнаго монарха, доведеннаго, путемъ уступокъ въ области *мѣстнаго* управленія, до раздѣленія власти съ народнымъ представительствомъ“. Но, высказывая такія „благонамѣренныя“ мысли, либеральный журналъ, очевидно съ непривычки, нѣсколько пу-

таётся: заявляетъ, что „центръ тяжести спора переносится въ такую сферу, гдѣ всего менѣе возможна равноправность спорящихъ сторонъ“, (почему *невозможна?*) увѣряетъ, что „можно быть защитникомъ земскаго положенія и судебныхъ уставовъ, не желая никакой перемѣны въ существующемъ государственномъ строѣ“, хотя, „безспорно, возможна и другая комбинація (!)“, и тутъ же увѣщеваетъ „газетныхъ реакціонеровъ“ „отказаться отъ попытокъ чтенія чужихъ мыслей—въ особенности такихъ, которыя не могутъ быть предметомъ всесторонняго обсужденія въ печати“. Бѣдные!

По либеральной логикѣ (у насъ это совсѣмъ особая логика, требующая непремѣнно отрицательнаго отношенія къ дѣйствіямъ правительства), мы приняли на себя „защиту законопроекта о земской реформѣ“; въ дѣйствительности же мы отстаиваемъ не министерскій проектъ, съ нѣкоторыми (весьма существенными) предположеніями котораго не можемъ согласиться (см. внутр. обозр. въ VI кн. „Русскаго Вѣстника“), а законныя права общества и личности. Подъ видомъ самоуправленія въ уѣздахъ воцарилась земская господчина. Земскіе распорядительные органы самымъ серьезнымъ образомъ вообразили себя хозяевами уѣзда и предъявляютъ къ плательщикамъ земскихъ сборовъ такія же требованія, какія предъявлялись худшими изъ помѣщиковъ къ своимъ оброчнымъ крестьянамъ, т. е. берутъ съ нихъ столько, сколько вздумается, менѣе всего соображаясь съ наличностью ихъ платежныхъ средствъ и готовностью нести извѣстные расходы на опредѣленный предметъ. За исключеніемъ развѣ гласныхъ-крестьянъ, никто изъ представителей земства не совѣтуется со своими избирателями, не старается узнавать ихъ желанія и поступать по ихъ волѣ. Такое необходимое для дѣйствительности *самоуправленія* общеніе съ избирателями, въ большинствѣ случаевъ, даже и невозможно при существующей организаціи земскихъ избирательныхъ съѣздовъ, а потому каждый гласный стремится къ выполненію своей собственной программы, если она у него имѣется, или становится слѣпымъ орудіемъ ловкаго коновода въ средѣ земскаго представительства, который держитъ себя уже вполнѣ самостоятельно и рѣшительно никого знать не хочетъ. При такихъ условіяхъ земское податное верховенство ведетъ къ прямому угнетенію общества. Вмѣсто самообложенія на мѣстныя нужды, плательщики земскихъ сборовъ принуждаются къ покрытію расходовъ, нерѣдко составляющихъ прихоть коноводовъ земскихъ собраній. Эти коноводы дѣйствуютъ не только самостоятельно по отношенію къ пра-

вительству, но и независимо отъ воли дѣйствительнаго земства, т. е. населенія уѣздовъ. Непререкаемымъ авторитетомъ въ дѣлѣ обложенія налогами могутъ быть только или государственная власть, или несомнѣнная воля самихъ плательщиковъ, а никакъ не произвольныя усмотрѣнія совершенно случайнаго и мнимаго земскаго представительства. Предлагаемая либералами въ качествѣ поправки, нормировка земскаго обложенія не устраняетъ существенныхъ неудобствъ и коренной лжи земскаго податнаго верховенства: по прежнему останется произволъ земскихъ представителей въ выборѣ предметовъ расхода и распредѣленіи по смѣтнымъ статьямъ итога нормированныхъ сборовъ; по-прежнему земскіе плательщики не найдутъ ни суда, ни управы на виновниковъ неравномѣрнаго распредѣленія сборовъ, благодаря той пресловутой „самостоятельности земскихъ учрежденій въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ“, которая не допускаетъ потерпѣвшихъ несправедливость плательщиковъ отыскивать свои права по суду, совершенно такъ же, какъ крѣпостные крестьяне не допускались къ подачѣ исковыхъ жалобъ на своихъ помѣщиковъ. Извѣстно рѣшеніе общаго собранія Правительствующаго Сената 6-го октября (1872 года, № 588), которымъ разъяснено, что такъ какъ земскія учрежденія, въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно, то существующими узаконеніями не только не установленъ инстанціонный порядокъ обжалованія опредѣленій земскихъ собраній, но и самое *право на такое обжалованіе, со стороны частныхъ лицъ, нигдѣ въ законѣ не допущено.* Сенатъ вообще не считаетъ себя призваннымъ провѣрять распоряженія земскихъ органовъ по существу (ук. 20-го дек. 1873 г.). Между тѣмъ, именно по существу возникаютъ главнѣйшія столкновенія между земскими и частными интересами. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ тѣ часто встрѣчающіеся на практикѣ случаи, когда чрезмѣрное обложеніе имуществъ земскими сборами зависитъ отъ неправильной ихъ оцѣнки. А такъ какъ установленіе подробностей раскладки и самыхъ нормъ для опредѣленія цѣнности и доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію, предоставлено *всецѣло* вѣдѣнію земскихъ собраній (ук. Прав. Сената 2-го января 1873 года, № 5-й), то владѣльцамъ, собственность которыхъ оцѣнена слишкомъ высоко и которые узнаютъ о такой оцѣнкѣ обыкновенно лишь по полученіи окладныхъ листовъ, т. е. когда постановленіе собранія, нарушившее ихъ интересы, вступило уже въ законную силу и не можетъ быть опротестовано губернаторомъ,—остается только

жаловаться земскому собранію и просить о переоцѣнкѣ ихъ имуществъ. Опытъ указываетъ, однако, что такимъ путемъ никогда нельзя достигнуть возстановленія нарушенной справедливости, ибо въ подобныхъ случаяхъ земскія собранія являются судьями въ собственномъ дѣлѣ и притомъ судьями безапелляціонными. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію въ законѣ гарантій отъ произвола земскихъ собраній, эти послѣднія пріобрѣли, по отношенію къ плательщикамъ земскихъ сборовъ, значеніе власти, на которую нѣтъ ни суда, ни расправы. Такова дѣйствительность, дающая себя слишкомъ тяжело чувствовать населенію уѣздовъ и очень хорошо извѣстная правительству изъ многочисленныхъ жалобъ, почти съ самаго начала дѣйствія земскихъ учрежденій (см. напр. циркуляръ министра внутр. дѣлъ, по хоз. деп., отъ 19 іюля 1868 г. № 141), не перестающихъ въ большомъ количествѣ поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Никакими либеральными парадоксами не затушуешь дѣйствительности, и „Вѣстникъ Европы“ совершенно напрасно старается увѣрить русское общество, что въ самодержавномъ государствѣ мѣстныя „свободныя учрежденія“ еще необходимѣе, чѣмъ въ государствахъ конституціонныхъ. Уѣздному обществу, представляющему собою совокупность мѣстныхъ частныхъ интересовъ, нисколько не легче отъ того, что ему приходится терпѣть угнетеніе и несправедливость не отъ до-реформенныхъ распорядителей, а отъ новыхъ „хозяевъ“ уѣзда — земскихъ собраній. Къ тому же, на дѣлѣ оказывается, что тамъ, гдѣ еще дѣйствуютъ бюрократическіе распорядительные комитеты, не происходитъ ни расхищенія земскихъ средствъ, ни непосильнаго обремененія платежныхъ силъ населенія земскими сборами. Если кто и занимается „кривотолками“, alea „эскамотажемъ“, то никакъ не мы, а та либеральная печать, которая выдаетъ такъ называемыя „свободныя учрежденія“ за полное обезпеченіе справедливости и гражданской свободы. Надѣленіе мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ податнымъ верховенствомъ—законодательнымъ и административнымъ самовластіемъ въ дѣлѣ обложенія и распоряженія земскими сборами—не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями ни государственной, ни общественной пользы и существовало у насъ около четверти вѣка единственно по недоразумѣнію. Господчина свободныхъ учрежденій такое же зло, какъ и чиновничій произволъ; не ею ограждается законность, не въ ней живой источникъ правильнаго развитія общества и не она служитъ щитомъ отъ посягательствъ на

нарушеніе равновѣсія въ соціальныхъ отношеніяхъ и равенства, единственно разумнаго равенства всѣхъ въ обязанностяхъ передъ отечествомъ.

Удивительный образецъ проявленій въ жизни нашихъ либераловъ представляютъ напечатанныя въ „Руск. Старинѣ“ воспоминанія художника В. В. Верещагина о „набѣгѣ“ на Адріанополь русскихъ войскъ въ минувшую восточную войну. Гуманные подвиги этого либеральнаго художника, имъ же самимъ преданные гласности въ историческомъ журналѣ, конечно, утвердятъ имя Василія Верещагина въ памяти потомства прочнѣе, чѣмъ забытый уже скандалъ, произведенный въ Вѣнѣ его сенсаціонною живописью. Говоримъ объ этомъ здѣсь потому, что возможность допущенія подобныхъ дѣйствій въ арміи составляетъ, конечно, общественное явленіе.

Послѣ пораженія турецкой арміи подъ Шейновымъ г. Верещагинъ принялъ участіе въ походѣ отряда М. Д. Скобелева къ Адріанополю и, по его разсказу, почти все время находился при генералѣ Струковѣ, исправляя обязанности, не имѣвшія никакого отношенія къ художественному творчеству. Такъ, въ Германлы, „по просьбѣ Струкова“ онъ былъ будто бы занятъ „удержаніемъ солдатъ отъ грабежа и разоруженіемъ жителей“. Можно подумать, что наши кавалерійскіе офицеры не въ состояніи были справиться съ грабительскими наклонностями солдатъ, не сумѣли бы также и разоружить никогда не отличавшихся воинственностью болгаръ ничтожнаго городишки,—иначе зачѣмъ было отвлекать свободнаго художника отъ его палитры. Г. Верещагинъ справился и съ русскими солдатами, и съ болгарами. „Хотя отрядъ, разсказываетъ онъ, стоялъ внѣ города, но солдаты подъ всякими предлогами шлялись по домамъ, искали и даже вымогали денегъ, выпускали пухъ изъ перинъ и подушекъ, разбили нѣсколько погребовъ. Было заявлено много жалобъ, о которыхъ сообщено было въ части, но нѣкоторые начальники смотрѣли сквозь пальцы, если не потакали, то и не взыскивали строго. Тогда я пошелъ по улицамъ и принялся за дѣло“. Подтянулъ дисциплину свободный художникъ, и какъ подтянулъ! „Входишь въ домъ: нѣсколько солдатъ бродятъ изъ угла въ уголъ, осматриваютъ, шарятъ среди терроризованныхъ (sic) жителей“.

„ — Зачѣмъ вы здѣсь?

„ — Квартиры смотрѣть посланы, ваше высокоблагородіе!

„Сначала я думалъ, что это правда, но, узнавши, что все это предлогъ для выглядыванія денегъ или цѣнностей, сталъ безъ

*

церемоніи выгонять вонъ самыми энергичными средствами". „Подзатыльники" считались имъ недостаточно энергичнымъ средствомъ, ибо черезъ нѣсколько строкъ ниже мы узнаемъ, что г. Верещагинъ „давалъ подзатыльники, прогонялъ, но снова то же самое начиналось въ другомъ мѣстѣ". На одной площади онъ засталъ „штукъ (!) 50—60 турчанокъ старыхъ и малыхъ, собравшихся какъ цыплята, въ кучу головами вмѣстѣ и, очевидно, творившихъ молитву". Генералъ Струковъ (а не г. Верещагинъ) „велѣлъ отвести имъ особенное помѣщеніе и приставилъ караулъ".

Подходя къ Адріанополю, ген. Струковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ г. Верещагинъ, „какъ младшій чиномъ" (!), первый подалъ голосъ. Свободный художникъ заявилъ себя единственно храбрымъ человѣкомъ въ этомъ военномъ совѣтѣ кавалеристовъ; онъ требовалъ: „наступать!" Настоящіе же военные предпочитали осторожность, а одинъ изъ нихъ даже замѣтилъ: „хорошо вамъ совѣтовать наступать, *не неся отвѣтственности*". Всякаго другаго такое заявленіе, поддерживаемое доводомъ, что, не дождавшись Скобелева и наткнувшись на непріятельскую пѣхоту, нашей кавалеріи придется покинуть городъ,—заставило бы призадуматься, но „я, повѣствуетъ доблестный г. Верещагинъ, все-таки повторялъ, что надобно наступать".

Вскорѣ затѣмъ прибылъ изъ Адріанополя посланный отъ тамошняго губернатора и держалъ себя такъ передъ генераломъ Струковымъ, что нашъ художникъ попросилъ у генерала позволенія переговорить съ нимъ построже. „Пожалуйста", сказалъ генералъ... Но г. Верещагинъ не разговаривалъ, а „во весь размахъ руки вытянулъ посла нагайкою". Ошалѣлъ не только посланный „пребуйный грекъ", но были озадачены такою неожиданною выходкою и всѣ офицеры вмѣстѣ съ генераломъ. „Однако, строги же вы", сказали они либеральному художнику.

Въ Адріанополѣ г. Верещагинъ былъ уже главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ отрядѣ. Ген. Струковъ *его* слова передавалъ народу; *онъ* отъ имени генерала объяснялся съ австрійскимъ консуломъ и „ловко срѣзалъ" этого дипломата; *онъ*, оцѣпивъ драгунами домъ губернатора, сдѣлалъ внушеніе этому турецкому сановнику; *онъ* осмотрѣлъ городскіе склады, „вытолкалъ воровъ" и приставилъ къ складамъ караулы; *онъ* съ полуэскадрономъ драгунъ проѣхалъ по улицамъ и успокоилъ жителей; *онъ* привелъ къ генералу мародеровъ-драгунъ, которые для примѣра и были наказаны передъ фронтомъ—„наказаніе было *горячее*", объясняетъ гуман-

ный Верещагинъ; наконецъ, *онъ* же устроилъ правильное продовольствіе войскъ...готовою пищею, доставлявшеюся жителями, что, однако, „многіе находили все-таки неприличнымъ“.

Надо думать, что кавалерійскому отряду было въ диковину видѣть художника-живописца въ роляхъ полеваго интенданта, походнаго дипломата и военнаго полицеймейстера, нагайкою и другими „самыми энергичными средствами“ обуздывающаго солдатъ и внушающаго почтеніе къ русскимъ посредствомъ нагайки. Такое небывалое въ русской арміи явленіе наводило насъ на мысль—не имѣлъ ли г. Верещагинъ особыхъ полномочій отъ главной квартиры, какъ бывшій военный испытанной доблести и съ этой стороны хорошо извѣстный войскамъ, тѣмъ болѣе, что онъ упоминаетъ о какомъ-то своемъ „чинѣ“ и принималъ участіе въ военномъ совѣтѣ? Мы навели справку и получили въ отвѣтъ, что „В. В. Верещагинъ былъ допущенъ, съ разрѣшенія Его Высочества (Главнокомандующаго), къ сопровожденію отрядовъ, исключительно, какъ отечественный художникъ, и таковымъ же принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ“. Такимъ образомъ всѣ полномочія нашего либеральнаго художника сводятся къ сопровожденію войскъ съ палитрою и такому участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, какое необходимо для работъ живописца. Главная квартира никакъ не могла разсчитывать, что, вмѣсто палитры, онъ возьметъ въ руку нагайку и, ни мало не расположенный изображать геройскіе подвиги русскаго солдата, но движимый чувствомъ „гуманности“, усердно примется исполосовывать спину этого солдата. Не беремся судить, на сколько отрядъ ген. Струкова нуждался въ такихъ добровольческихъ услугахъ, но изъ воспоминаній г. Верещагина мы видимъ, что онъ былъ очень занятъ примѣненіемъ нагайки, такъ занятъ, что за все время „набѣга“ (словно рѣчь идетъ о какой-то разбойничьей шайкѣ!) на Адріанополь только одинъ разъ взялъ въ руки палитру. И на этотъ разъ тронули его артистическую жилку (не мѣстныя гречанки „поразительной красоты“, любоваться которыми онъ предоставилъ М. Д. Скобелеву „яром у (!) поклоннику женской красоты“), обезображенные звѣрскимъ мученьствомъ албанцы.

„— Привели къ Струкову, разсказываетъ онъ, двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ. Генералъ приказалъ связать ихъ покрѣпче, и драгуны, поставивши ребятъ спинами вмѣстѣ, стянули локти, такъ что они двинуться потомъ не могли. Брошенные на землю, они, какъ два

тигра, мрачно смотрѣли изъ подлобья на окружавшую ихъ толпу болгаръ.

„Я просилъ Струкова повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказалъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть.

„— Хорошо, отвѣчалъ я, попрошу Михаила Дмитріевича: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.

„— Что это вы, Василій Васильевичъ, сдѣлались такимъ кровожаднымъ? замѣтилъ Струковъ. — Я не зналъ этого за вами.

„Тогда я признался (какая откровенность!), что еще не видѣлъ повѣшенія, и очень интересуюсь этою процедурою".

Либеральный художникъ и къ Скобелеву обратился съ просьбою о повѣшеніи разбойниковъ. Тотъ приказалъ нарядить полевой судъ. „Гуманный" г. Верещагинъ уже предвкушалъ удовольствіе передать на полотнѣ *экзекуцію*. Но С—въ (вѣроятно, Струковъ) просилъ не казнить истерзанныхъ разбойниковъ... Нашъ художникъ написалъ ихъ связанными.

Разсказывая про свои подвиги, представитель нашего либерализма въ живописи, повидимому, вовсе не замѣчаетъ отвратительной хлыщеватости тона, выдержаннаго имъ отъ начала до конца разсказа. Едва-ли возможно выдумать... для самооплеванія что-либо болѣе совершенное по формѣ и по содержанію. Реалистъ на полотнѣ, нашъ даровитый художникъ является циникомъ на бумагѣ, выставляя „оборотную сторону медали" не военныхъ подвиговъ, а того художества, которое бьетъ на сенсацію.

Нынѣшнему руководителю министерства финансовъ досталась трудная задача облегченія государственнаго казначейства отъ бремени внѣшнихъ займовъ, заключенныхъ на крайне невыгодныхъ условіяхъ въ тяжелыя для нашего государственнаго и народнаго хозяйства времена восточной войны и наступившаго затѣмъ торгово-промышленнаго кризиса. Результаты исполненія государственной росписи за прошлый годъ (см. XI кн. „Русск. Вѣстн.") показываютъ, что въ настоящее время платежныя силы населенія значительно оправились, явилась не только надежда, но и увѣренность, что для покрытія безотлагательныхъ текущихъ расходовъ государства правительству не потребуется прибѣгать къ займамъ, жить въ долгъ, а потому пора становиться въ иныя отношенія къ своимъ кредиторамъ, пора

избавиться отъ наиболѣе обременительныхъ долговыхъ обязательствъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 8 ноября министру финансовъ повелѣно, „при оказывающейся къ тому возможности по состоянію денежнаго рынка, замѣнять выпущенныя по государственнымъ и гарантированнымъ правительствомъ долгамъ процентныя бумаги—другими процентными бумагами на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ". Министру финансовъ предоставляется, такимъ образомъ, свобода съ выгодою для казны производить конверсію государственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ займовъ всякаго рода, внѣшнихъ и внутреннихъ, писанныхъ на металлическіе или кредитные рубли, срочныхъ и безсрочныхъ. Русское правительство всегда строго воздерживалось отъ малѣйшаго нарушенія разъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ своимъ кредиторамъ; вѣрное мудрому народному правилу: „взявшись за гужъ, не говори, что дюжъ", имѣющему одинаково важное значеніе для прочности какъ частнаго, такъ и государственнаго кредита, оно и въ настоящемъ случаѣ не допускаетъ ни произвольнаго отказа казны отъ условій, гарантировавшихъ особыя льготы владѣльцамъ нѣкоторыхъ государственныхъ %-хъ бумагъ, ни принужденія ихъ къ отказу отъ выговоренныхъ выгодъ безъ соотвѣтственнаго и полнаго вознагражденія. Въ этихъ видахъ указъ 8 ноября обусловливаетъ конверсію уплатою предъявителямъ конвертируемыхъ бумагъ нарицательной ихъ цѣны наличными деньгами въ полной суммѣ капитальнаго долга, если они не пожелаютъ принять взамѣнъ, на условіяхъ, объявленныхъ министромъ финансовъ, вновь выпускаемыя процентныя бумаги. Такой порядокъ разсчета съ кредиторами казны не распространяется на займы, согласно условіямъ ихъ выпуска, погашаемые выше нарицательной цѣны (напр., внутренніе выигрышные займы), а равно на займы, относительно коихъ правительство отказалось отъ права погашенія вполнѣ (напр., 4 „ непрер. доходн. бил. 1859 г.), или до истеченія опредѣленнаго срока (напр., 6% золотая рента). Для предъявленія къ уплатѣ наличными деньгами подлежащихъ погашенію процентныхъ бумагъ должны быть назначаемы сроки не менѣе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія о томъ и по истеченіи тѣхъ же сроковъ обязательно прекращается теченіе процентовъ по такимъ бумагамъ. Досрочное погашеніе или выкупъ долговыхъ обязательствъ правительства рѣшено производить безъ малѣйшаго принужденія капиталистовъ и даже съ нѣкоторою для нихъ льготою: владѣльцамъ погашаемыхъ %-хъ

бумагъ дается достаточно продолжительное время (*не менѣе* трехъ мѣсяцевъ) для пріисканія новаго помѣщенія своимъ капиталамъ, если они не пожелаютъ согласиться на предлагаемыя условія конверсіи. Такое внимательное отношеніе къ кредиторамъ государства можно назвать даже любезностью: во-первыхъ, потому, что никакой должникъ не обязанъ заботиться о *будущности* возвращенныхъ имъ капиталовъ; во-вторыхъ, потому, что всякая задержка въ возвратѣ процентнаго займа, когда для такого возврата уже сдѣланъ новый заемъ, хотя и на болѣе выгодныхъ условіяхъ, ведетъ къ совершенно непроизводительнымъ расходамъ, о чемъ ниже мы скажемъ подробнѣе.

На изложенныхъ общихъ основаніяхъ указомъ 8 ноября министру финансовъ повелѣно нынѣ же конвертировать заемъ, внесенный въ государственную долговую книгу подъ названіемъ „пятипроцентнаго внѣшняго займа 1877 года“.

Не говоря уже о томъ, что, за вычетомъ преміи, жуиссанса и другихъ расходовъ по реализаціи названнаго займа, въ казну поступило всего 74%[1]) его нарицательной суммы въ 307.500.000 германскихъ марокъ, внѣшній заемъ 1877 года и по другимъ своимъ условіямъ болѣе всѣхъ нашихъ государственныхъ займовъ обременителенъ для казны. Полное его погашеніе должно быть произведено въ теченіе 37 лѣтъ, начиная съ 19 іюня (1 іюля) 1878 г., для чего въ погасительный фондъ ежегодно назначается 1% съ полной суммы нарицательнаго капитала. Въ настоящее время осталось непогашеннаго капитальнаго долга по этому займу 263.814.090 марокъ, которыя должны бы были представлять 81.749.375 мет. рублей или 326.997.500 франк., въ дѣйствительности же представляютъ 80.431.126 мет. рублей или 321.724.500 франк.; разница въ 1.318.250 металл. рублей или 5.273.000 франковъ произошла отъ того, что банкирскій домъ Мендельсонъ и К° въ Берлинѣ, будучи единственными въ Германіи коммисіонерами нашими по оплатѣ купоновъ отъ билетовъ внѣшняго займа 1877 года и желая привлечь въ свою кассу всѣ эти купоны, чтобы всецѣло воспользоваться крупнымъ коммисіоннымъ вознагражденіемъ (1/2 %),—выговорили, при заключеніи займа, искусственное пониженіе цѣны германской марки, такъ что 500 фр. = 125 р. были посчитаны за величину, равноцѣнную 410 маркамъ, вмѣсто 404 марокъ—по разсчету содержимаго въ германской монетѣ чистаго золота. Къ сожалѣнію, мы еще не

[1]) Г. Бржескій. Гос. долги Россіи, стр. 223.

можемъ судить въ настоящее время, насколько нашему финансовому вѣдомству, при конверсіи займа, удастся обратить въ пользу русской казны своеобразную финансовую политику гг. Мендельсонъ и К°, но во всякомъ случаѣ, какажется намъ, 5.273.000 франковъ—не такая ничтожная сумма, чтобы ею можно было пренебречь, безслѣдно потопивъ въ банкирской „провизіи".

Для выкупа непогашенныхъ билетовъ внѣшняго займа 1877 года дѣлается новый металлическій заемъ подъ наименованіемъ *россійскаго 4% золотаго займа 1889 года.*

Облигацій новаго займа выпускается на 125 милл. рублей золотомъ. Валюта иностранныхъ государствъ пригнана къ нашей по разсчету внутренней цѣнности (valeur intrinsèque) монетныхъ единицъ, т. е. по количеству содержимаго въ нихъ чистаго золота. На этомъ основаніи 125 рублей=500 франкамъ=404 имперскимъ германскимъ маркамъ=19 фунтамъ 15 шиллингамъ 6 пенсамъ=239 голландскимъ гульденамъ=$96^1/_4$ долларамъ. Никакихъ преимуществъ тому или другому денежному рынку не оказывается, что сильно способствуетъ широкому распространенію заграницею облигацій новаго русскаго займа и придаетъ имъ, можно сказать, значеніе международной процентной бумаги. Успѣшному ихъ обращенію внѣ предѣловъ Россіи не могутъ не содѣйствовать также примѣненная къ западному обычаю оплата купоновъ по четвертятъ года и ихъ освобожденіе „навсегда отъ всякихъ русскихъ налоговъ и пошлинъ"—льгота, несомнѣнно придающая бумагѣ устойчивость курса. Можно надѣяться, что она получитъ прочную осѣдлость на фондовыхъ биржахъ Парижа, Лондона, Амстердама и, пожалуй, переплывetъ даже за океанъ, на нью-йоркскую биржу. Мы ничего не слыхали относительно нью-йоркскихъ банкировъ, но вѣроятно имѣло что-нибудь въ виду министерство финансовъ и особый комитетъ, обозначая на облигаціяхъ сѣверо-американскую валюту. Хотя въ числѣ участниковъ займа названы также и берлинское Торговое Общество, банкирскіе дома Мендельсонъ и К°, Варшауеръ и К°, но германскому денежному рынку еще не подъ силу крупные иностранные займы изъ 4% и по довольно высокому курсу (по слухамъ, 86%), отъ него едва-ли можно ожидать выдающагося реальнаго участія, хотя участіе платоническое и обнаруживается истинно по-нѣмецки: молчаніемъ газетъ, систематически отзывавшихся о Россіи во враждебномъ тонѣ.

Прикусили языкъ, потому что даже въ германскомъ обществѣ не можетъ быть болѣе сомнѣнія на счетъ прочности

русскаго государственнаго кредита, когда ему оказывается довѣріе солиднѣйшими банками и банкирскими домами Парижа, Лондона, Амстердама, когда ожидается его помѣщеніе за океаномъ—успѣхъ, какого не имѣла еще ни одна русская процентная бумага. Относительно высокій курсъ реализаціи (86), низкій процентъ (4) и длинный срокъ погашенія (81 годъ) дѣлаютъ для казны новый заемъ гораздо менѣе обременительнымъ внѣшняго займа 1877 года. Интереса 4% и погашенія $0{,}168.562\%$ съ нарицательной суммы въ 125 милл. составляютъ всего 5.200.703 р. платежей въ годъ по новому займу, тогда какъ на 95.050.000 р., въ круглой цифрѣ, нарицательной суммы внѣшняго займа 1877 г. казнѣ приходилось платить ежегодно 5.700.000 р., т. е., при суммѣ обязательствъ меньшей на 30 милл. руб. золотомъ,—платежи были больше на 500.000 р. золотомъ; не слѣдуетъ, разумѣется, упускать изъ виду значительной разницы въ срокахъ окончательнаго погашенія. Если вѣрны газетные слухи, что реализація имѣетъ состояться по курсу 86 за 100, то, не считая расходовъ по реализаціи, на дѣйствительно полученныя деньги платимый процентъ опредѣлится въ $4{,}651.163$, а съ присоединеніемъ сюда процента ежегоднаго погашенія ($0{,}168.562$), процентное отношеніе всѣхъ платежей къ суммѣ дѣйствительно полученныхъ денегъ выразится въ цифрѣ $4{,}819.725$. При реализаціи 86 за 100 поступитъ въ государственное казначейство 107.500.000 руб. золотомъ, для выкупа же еще непогашенныхъ облигацій конвертируемаго займа потребно всего 81.749.375 р., слѣдовательно получится остатокъ въ $25\frac{3}{4}$ милл. рублей золотомъ, которые могутъ пойти на усиленіе запасовъ размѣннаго фонда.

Когда эти строки уже были написаны, появилось объявленіе Государственнаго Банка, изъ коего видно, что подписная цѣна на облигаціи „россійскаго $4^0/_0$ золотаго займа 1889 года“, при условіи оплаты оныхъ золотою монетою, ассигновками или кредитными билетами, назначена даже нѣсколько выше ранѣе сообщенной газетами, а именно въ $86{,}_{45}{}^0/_0$ съ нарицательной ихъ цѣны, но зато она нѣсколько понижена (до $85{,}_8{}^0/_0$) для подписчиковъ, которые вмѣсто денегъ или ассигновокъ пожелаютъ внести облигаціи внѣшняго займа 1877 года, поэтому сдѣланный нами выше разсчетъ процентнаго отношенія платежей къ суммѣ дѣйствительно вырученныхъ отъ реализаціи новаго займа денегъ и остатка суммъ за выкупомъ непогашенныхъ еще облигацій займа 1877 г.—остается приблизительно вѣрнымъ; сдѣлать болѣе точный разсчетъ въ настоящее время не представляется возможнымъ

при неизвѣстности: какія суммы, при подпискѣ, будутъ внесены наличными деньгами и какія будутъ покрыты погашенными облигаціями. Изъ того же объявленія узнаемъ, что обмѣнъ облигацій 5% внѣшняго займа 1877 года на 4% облигаціи новаго займа будетъ производиться въ Берлинѣ, въ тамошнемъ Торговомъ Обществѣ и въ банкирскихъ домахъ Мендельсонъ и К.° и Робертъ Варшауеръ и К.°, при чемъ 410 марокъ условлено считать равноцѣнными не 125 рублямъ или 500 франкамъ, а 126 р. 85½ коп. или 507 фр. 42 сант.; по такому же разсчету погашаемыя облигаціи засчитываются въ платежи при подпискѣ на новый заемъ. Въ виду уже сказаннаго нами раньше по этому поводу, нельзя не пожалѣть, что не оказалось возможнымъ предохранить казну отъ убытка слишкомъ въ 5¼ милліоновъ франковъ, являющагося слѣдствіемъ допущенной при заключеніи займа 1877 года неправильности.

Потребуютъ ли владѣльцы погашенныхъ облигацій уплаты по нимъ наличными деньгами, или представятъ эти бумаги въ обмѣнъ на новыя облигаціи, они во всякомъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ условій подписки, будутъ пользоваться процентами по старымъ облигаціямъ до 20-го марта (1 апрѣля) 1889 года. Предоставляемый въ ихъ пользу купонъ имѣетъ цѣнность 1 р. 58½ коп. золотомъ на каждыя 410 марокъ нарицательной суммы конвертируемаго займа; такихъ купоновъ остается въ наличности 643.449, слѣдовательно, сумма, которую казна переплатитъ прежнимъ своимъ кредиторамъ, во исполненіе предоставленной имъ указомъ 8-го ноября льготы, составитъ крупную цифру 1.019.866 р. 67 коп. золотомъ. Такая жертва, какъ мы уже говорили, не предписывается нашей казнѣ какими-нибудь правами ея кредиторовъ и потому имѣетъ характеръ любезности, быть можетъ, необходимой для успѣха задуманной финансовой операціи, безспорно выгодной для государства.

Подписка на новый заемъ назначена на 28 ноября съ 10 час. утра до 4 час. по полудни, а окончательная разверстка облигацій послѣдуетъ не позже 10-го декабря.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе дѣлъ въ Кореѣ. — Англійскія продѣлки въ Персіи и Друммондъ-Вольфъ. — Наша дипломатія и опять Корея. — Результаты политическихъ странствій. — Балканскій вопросъ. — Переговоръ Россій съ Ватиканомъ. — Отношенія Австріи и Германіи. — Положеніе кн. Бисмарка. — Дѣла во Франціи. — Юбилей короля Христіана IX. — Новый брачный союзъ. — Послѣднія новости изъ Персіи.

Весьма многіе, вѣроятно, были не мало удивлены, прочитавъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ нашего дипломатическаго „Journal de S.-Pétersbourg“ очень энергическое возраженіе на пущенные въ ходъ англійской оффиціозной печатью слухи о заключеніи русскимъ правительствомъ договора съ Кореей, по которому Россія принимаетъ, будто бы, на себя протекторатъ надъ этой страной. Наша дипломатическая газета старается, во что бы то ни было, доказать, что переговоры, которые въ послѣднее время велись нашей дипломатіей съ корейскимъ комитетомъ иностранныхъ дѣлъ, были направлены исключительно къ разъясненію нѣкоторыхъ пунктовъ прежде заключенныхъ договоровъ и что ни о какомъ протекторатѣ не было и рѣчи. Наша публика, вообще, какъ-то хладнокровно и даже апатично относится къ положенію русской политики въ Средней Азіи и на крайнемъ Востокѣ, а потому, вѣроятно, и не подозрѣвала, что наше правительство было занято послѣднее время какими-нибудь переговорами съ Кореей. Извѣстія англійскихъ газетъ доходятъ до нея въ весьма ограниченныхъ случаяхъ, а потому и появившіеся въ нихъ слухи не только не могли произвести никакой сенсаціи, но, всего вѣроятнѣе, прошли бы вовсе незамѣченными. Слѣдовательно, дипломатическая замѣтка нашей французской газеты имѣла въ виду отнюдь не русское общество, а предназначалась исключительно для успокоенія политическихъ сферъ Европы, и преимущественно

Англіи, не шутя переполошившейся извѣстіемъ объ учрежденіи русскаго протектората надъ Кореей. Наша дипломатія или, по крайней мѣрѣ, ея завѣдомо оффиціозный органъ, повидимому, еще не позабыли свою старую привычку извиняться передъ Европою при каждомъ высказанномъ ею подозрѣніи, что Россія рѣшилась на какой-нибудь серьезный и самостоятельный шагъ, не испросивъ предварительно ея милостиваго соизволенія. Въ Европѣ очень хорошо знаютъ эту привычку и спекулируютъ на нее всякій разъ, когда бываетъ нужно узнать истину относительно какого-либо вопроса, внушающаго какія-либо опасенія нашимъ европейскимъ друзьямъ. Вопросъ объ нашихъ отношеніяхъ къ Кореѣ имѣетъ животрепещущій интересъ для Англіи, которая уже много лѣтъ сряду хлопочетъ о томъ, какъ бы поссорить Россію съ Китаемъ, который, какъ она разсчитываетъ, въ случаѣ недоразумѣній съ Россіей, непремѣнно долженъ будетъ обратиться къ англійскому содѣйствію, что непремѣнно способствовало бы поднятію англійскихъ вліянія и престижа въ Небесной имперіи. До сихъ поръ китайское правительство вело весьма искусную игру съ англійской дипломатіей и очень неохотно и лишь въ незначительной степени, поддавалось англійскому вліянію, а было гораздо предупредительнѣе къ Россіи. Надо предполагать, что русскій протекторатъ въ Кореѣ, еслибы онъ даже сталъ совершившимся фактомъ, не вызвалъ бы никакихъ серьезныхъ недоразумѣній между Россіей и Китаемъ, но онъ навѣрное послужилъ бы весьма подходящимъ предлогомъ для англійской дипломатіи ко вмѣшательству въ отношенія двухъ имперій. Въ Лондонѣ, очевидно, знали о переговорахъ русскаго правительства съ Кореей, но не знали сущности этихъ переговоровъ. Замѣтка „Journal de S.-Pétersbourg“ вывела изъ недоумѣнія иностранную канцелярію маркиза Салэсбюри и оказала ей этимъ большую услугу.

Европейская дипломатія въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ совершенно наоборотъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой изъ ея ходовъ оказывается не совсѣмъ удачнымъ, она спѣшитъ, при помощи своихъ оффиціозовъ, пустить въ ходъ слухъ о достигнутомъ, яко бы ею, блистательномъ успѣхѣ или, по меньшей мѣрѣ, старается всячески затемнить истину и тѣмъ весьма нерѣдко вводитъ въ обманъ своихъ политическихъ соперниковъ. По крайней мѣрѣ, намъ никогда не доводилось встрѣчать на столбцахъ ни лондонскихъ, ни берлинскихъ, ни даже вѣнскихъ оффиціозовъ ничего похожаго ни на оправданіе, ни на извиненіе. Ради какой-то совершенно

излишней щепетильности наша дипломатія считаетъ за нужное оправдываться передъ Англіей, заподозрѣвшей ее въ такомъ шагѣ, который, если дѣйствительно былъ бы совершенъ ею, дѣлалъ бы только честь ея предусмотрительности.

Такое оправданіе является еще менѣе понятнымъ въ виду того, что тотъ же самый маркизъ Салэсбюри, такъ зорко и ревниво слѣдящій за каждымъ шагомъ Россіи на крайнемъ Востокѣ и вообще въ Азіи, нисколько не стѣсняется провозглашать съ должной помпой и торжественностью обо всемъ, что можетъ быть, такъ или иначе, признано за успѣхъ англійской политики тамъ, гдѣ интересы ея сталкиваются съ интересами политики русской.

Еще очень недавно и самъ премьеръ правительства индѣйской императрицы и внушаемыя имъ лондонскія газеты очень громко и ничѣмъ не стѣсняясь высказывали свои ликованія по случаю кончины генерала Пржевальскаго, которая заставила пріостановить предпринятую имъ экспедицію въ Тибетъ, экспедицію, которая внушала серьезныя опасенія въ Лондонѣ, какъ мы указали это въ прошлой бесѣдѣ.

Даже и послѣ неудачи, постигшей нашу тибетскую экспедицію, Салэсбюри имѣлъ еще разъ случай похвастаться своей удачей въ дѣлѣ восточной политики. На послѣднемъ банкетѣ, въ день водворенія въ Сити новаго лорда-мэра, благородный маркизъ, во время обычной рѣчи, порадовалъ своихъ слушателей извѣстіемъ о серьезномъ успѣхѣ англійской политики въ Персіи. Успѣхъ этотъ достигнутъ въ прямой ущербъ торговымъ отношеніямъ Россіи къ Персіи. Дѣло идетъ объ открытіи для англійскаго торговаго пароходства единственной въ Персіи судоходной рѣки Каруна, впадающей въ Шатъ-Эль-Арабъ, куда, по силѣ прежде заключенной конвенціи, могутъ входить только суда англійской компаніи, содержащей пароходство по Тигру и Евфрату. Нужды нѣтъ, что въ настоящую минуту рѣка Карунъ объявлена персидскимъ правительствомъ свободною для судовъ всѣхъ европейскихъ державъ, въ дѣйствительности эта свобода относится только къ Англіи, въ виду выше названной конвенціи. Слѣдовательно, маркизъ Салэсбюри имѣлъ полное право поздравить своихъ слушателей съ побѣдой англійской дипломатіи. Захватъ рѣки Каруна — дѣйствительно побѣда англійской дипломатіи и, къ сожалѣнію, побѣда ни надъ кѣмъ другимъ, какъ надъ Россіей.

По обычаю англійской дипломатіи, побѣда эта совершена ею очень скромно и тихо, и ужь, разумѣется, безъ вѣдома

другихъ европейскихъ государствъ. Европѣ, а главное Россіи, до которой, собственно говоря, только и касается это дѣло, приходится считаться съ совершившимся уже фактомъ. До сихъ поръ значительная часть персидской торговли сосредоточивалась въ рукахъ русскихъ, такъ какъ Каспійское море одной Россіи открывало свободный доступъ въ Персію. Кромѣ того, русское вліяніе всегда было преобладающимъ въ Персіи, которая не разъ уже извѣдала русскую силу и держала себя крайне почтительно въ отношеніи русскаго правительства. Всѣ попытки англійской дипломатіи поколебать русское вліяніе въ Тегеранѣ оказывались до сихъ поръ безуспѣшными, и даже водвореніе тамъ пресловутаго Генри Друммонда-Вольфа, въ качествѣ англійскаго посланника, успѣвшаго сразу заручиться расположеніемъ и дружбой перваго министра шаха Амина-н-Султана, которому пришлось сильно по вкусу англійское золото, не подвигало впередъ дѣла, въ виду того, что и садразанъ, и самъ шахъ боялись навлечь на себя неудовольствіе Россіи и отдѣлывались отъ англійскаго агента одними обѣщаніями. Въ прошломъ октябрѣ, когда русскій посланникъ, князь Долгоруковъ, выѣхалъ изъ Тегерана на Кавказъ, гдѣ находился тогда Государь Императоръ, Друммондъ-Вольфъ успѣлъ воспользоваться его отсутствіемъ и вырвалъ согласіе шаха на признаніе свободы судоходства по Каруну.

Если и въ то время, когда Россія преобладала на персидскихъ границахъ, Англія все-таки умѣла, съ грѣхомъ пополамъ, провозить свои товары, то теперь, когда вся южная часть Персіи становится доступной исключительно для ея судовъ, она, конечно, не замедлитъ запрудить своими произведеніями всѣ персидскіе рынки. Русскіе купцы никогда не отличались умѣньемъ бороться съ иностранной конкурренціей и даже не совсѣмъ умѣло пользовались и тѣми преимуществами, которыя давали въ ихъ руки случай или природа. Трудно предполагать, чтобы въ данномъ случаѣ они могли выйти побѣдителями изъ предстоящей имъ борьбы съ англійскими производителями.

Несмотря на то, что новый шагъ англійской дипломатіи, передающій въ ея руки такія громадныя выгоды, совершился въ отсутствіи главнаго представителя нашего правительства въ Тегеранѣ, все-таки нельзя не удивляться непрочности русскаго вліянія даже въ такой, повидимому, покорной Россіи странѣ, какъ Персія. Достаточно было нѣсколькихъ дней отсутствія русскаго посла, для того, чтобы вліяніе Россіи было принесено въ жертву заигрываніямъ и обѣщаніямъ

представителя Англіи. Вѣдь нельзя, въ самомъ дѣлѣ, серіозно предполагать, чтобы вліяніе Россіи сводилось къ личному престижу того или другаго ея представителя. За отсутствіемъ князя Долгорукова, кто-нибудь долженъ же былъ занять его мѣсто во главѣ русскаго посольства. Да и самъ русскій посолъ, казалось-бы, долженъ былъ знать о переговорахъ, происходившихъ между садразаномъ и Друммондомъ-Вольфомъ, и предвидѣть возможность неблагопріятнаго для Россіи ихъ исхода. Теперь оказывается, что русское посольство или вовсе не знало о переговорахъ съ Англіей, или было безсильнымъ предупредить ихъ роковой результатъ. Такой фактъ едва-ли говоритъ въ пользу предусмотрительности нашей дипломатіи. Быть можетъ, она ожидаетъ, что Англія одумается и, въ свою очередь, извинится передъ нами за свой неделикатный поступокъ. Но увы! она этого не сдѣлаетъ, и англійскій премьеръ еще не разъ, со справедливой гордостью, можетъ похвастать умѣлостью своихъ дипломатовъ.

Мы полагаемъ, что этотъ эпизодъ долженъ бы былъ, по крайней мѣрѣ, навести нашихъ почтенныхъ дипломатовъ на кое-какія поучительныя размышленія. Впрочемъ, говоря правду, казалось бы, что для дѣятелей нашей дипломатіи, весь ходъ современныхъ политическихъ событій представляетъ весьма обширное поле и для дѣятельности, и для размышленій.

Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы тотъ же безконечный и давно набившій всѣмъ оскомину болгарскій или, точнѣе, балканскій вопросъ.

Минулъ еще почти годъ, послѣ послѣдняго оффиціальнаго заявленія Россіи относительно ея воззрѣній на совершающіяся въ Болгаріи событія и желательнаго для нея ихъ исхода. Въ теченіе этого времени въ Европѣ совершились новыя событія, которыя, повидимому, не должны бы были остаться безъ вліянія на ходъ политическаго механизма Европы. Въ Германіи дважды смѣнились лица, призванныя судьбой руководить Германскою имперіей. Молодой императоръ Германіи совершилъ цѣлый рядъ политическихъ поѣздокъ по Европѣ, и общественное мнѣніе съ особенно напряженнымъ вниманіемъ ожидало результатовъ этихъ поѣздокъ, которыя, какъ предполагалось, должны были выяснить взаимныя отношенія государствъ и положить конецъ неопредѣленности политическаго положенія Европы... Между тѣмъ, политическое положеніе европейскаго материка не только не выяснилось, но, кажется, подернулось еще болѣе густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Болгарскій вопросъ не только

не приблизился къ своему разрѣшенію, но еще усложнился событіями въ Сербіи, связь которыхъ съ политическимъ положеніемъ Болгаріи ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать.

Такъ какъ, въ то же время, нельзя отрицать и того, что при серіозномъ желаніи достигнуть рѣшенія болгарскаго вопроса, въ смыслѣ, согласномъ съ желаніями и требованіями Россіи,—Германія, при ея настоящемъ положеніи среди европейскихъ государствъ, то есть при томъ вліяніи, которое она имѣетъ на Австрію и Италію, всегда могла бы настоять на такомъ рѣшеніи, и что, слѣдовательно, неподвижность этого вопроса указываетъ прежде всего на то, что Германія, если даже и не играетъ въ руку Австріи, то, во всякомъ случаѣ, относится по меньшей мѣрѣ индифферентно къ положенію дѣлъ въ Болгаріи. Теперь, когда уже хотя въ общихъ чертахъ опредѣлился характеръ царствованія молодаго императора Германіи, можно безошибочно сказать, что въ отношеніи Россіи онъ намѣревается поддерживать традиціонную политику своихъ предшественниковъ, то есть, сохраняя по возможности самыя дружескія и родственныя отношенія къ нашему царственному дому, не смѣшивать отнюдь эти отношенія съ направленіемъ своей международной политики; направленіе же это подчинить исключительно германскимъ интересамъ. Этотъ характеръ международной политики Германской имперіи наша дипломатія могла бы замѣтить, даже хотя бы въ томъ же вопросѣ о Кореѣ, на который мы указывали выше. Не надо забывать, что иностранною политикой корейскаго короля долгое время завѣдывалъ нѣмецъ Меллендорфъ, который дѣйствовалъ такимъ образомъ, что мѣшалъ освобожденію Кореи отъ вассальныхъ отношеній къ Китаю и сближенію ея съ Россіей. Меллендорфъ только недавно умеръ и мѣсто его занялъ американскій подданный Деннн. Онъ получилъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, по ходатайству пользующагося большимъ уваженіемъ въ Кореѣ Ли-Хунъ-Чанга печелейскаго вицекороля. Дѣятельность Деннн ознаменовалась очень рѣзкой перемѣной въ направленіи внѣшней политики: Корея проявила несомнѣнныя стремленія освободиться отъ вассальныхъ отношеній къ Китаю и желаніе сблизиться съ Россіей, поддержка которой является для нея необходимой въ подобномъ случаѣ. Тогда Ли-Хунъ-Чангъ отказался поддерживать своего протеже и даже потребовалъ его удаленія. Не для кого, между тѣмъ, въ политическихъ кружкахъ, не составляетъ тайны, что Ли-Хунъ-Чангъ находится въ полномъ повиновеніи у германскихъ и англійскихъ дипломатовъ, искусно

лавируя между ними въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты ихъ расходятся. Но въ данномъ случаѣ (несмотря на нѣкоторый антагонизмъ, между Англіей и Германіей, въ области международныхъ отношеній вообще) оба государства вполнѣ сошлись во мнѣніяхъ и готовы допустить скорѣе, чтобы Корея подпала вполнѣ подъ власть Небесной имперіи, нежели ея сближеніе съ Россіей. Трудно съ точностью сказать, чего именно опасаются въ Германіи, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, но Англія боится, чтобы Россія, пользуясь сближеніемъ съ Кореей, не пріобрѣла бы, гдѣ-нибудь на протяженіи ея береговъ, удобный и открытый въ теченіе цѣлаго года портъ. Все это очень подробно выясняется въ недавно изданной въ Нью-Іоркѣ брошюрѣ самаго Деннн. Китайское правительство всячески мѣшаетъ стремленіямъ Кореи къ самостоятельности и разослало въ этомъ смыслѣ сообщенія европейскимъ державамъ, предлагая имъ не вступать въ прямыя отношенія съ Кореей, находящейся въ вассальныхъ къ нему отношеніяхъ.

Если на такомъ отдаленномъ пунктѣ азіатской территоріи, гдѣ, повидимому, не существуетъ никакихъ непосредственныхъ германскихъ интересовъ – германская политика становится на сторону, явно враждебную Россіи, то на европейскомъ востокѣ, куда, быть можетъ, какъ мы ужь не разъ говорили въ нашихъ бесѣдахъ, руководитель германской политики устремляетъ не совсѣмъ безкорыстные взоры, противодѣйствіе (хотя бы скрытое и пассивное) со стороны Германіи русскимъ интересамъ является какъ нельзя болѣе понятнымъ.

Что бы тамъ ни говорили, но все-таки горячимъ сторонникамъ Германіи, вѣрующимъ въ ея чистосердечную дружбу къ Россіи, будетъ не легко подыскать какое-нибудь другое объясненіе видимому бездѣйствію Германіи въ болгарскомъ и вообще балканскомъ вопросѣ. Если мы употребляемъ слово „бездѣйствіе“, говоря о международной политикѣ Германіи, то отнюдь не потому, чтобы предполагали, что корифеи германской политики дѣйствительно „бездѣйствуютъ“. Они бездѣйствуютъ только въ направленіи благопріятномъ интересамъ Россіи... Вообще же есть полное основаніе предполагать, что механизмъ, приводящій въ дѣйствіе пружины международной политики Германіи, работаетъ очень усердно и даже, можетъ быть, энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Но князь Бисмаркъ, въ теченіе многолѣтней практики, успѣлъ настолько усовершенствовать этотъ механизмъ, что онъ работаетъ безъ всякаго шума.

Въ настоящій моментъ посѣщеніе Берлина Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и пріемъ, оказанный ему въ столицѣ Германской имперіи показали весьма наглядно, что россійскій и германскій царствующіе дома находятся между собою въ превосходныхъ отношеніяхъ, но, въ то же время, тонъ германской завѣдомо оффиціозной печати и вторящихъ ей органовъ австро-мадьярскаго кабинета графа Кальноки показалъ, что въ Германіи и при новомъ царствованіи оффиціозная печать стоитъ какъ бы внѣ всякихъ отношеній къ придворнымъ кружкамъ и можетъ придерживаться направленія, даже какъ бы идущаго въ разрѣзъ съ настроеніемъ верховнаго руководителя германской политики. Предполагать, что оффиціозная печать Германіи повинуется только одному канцлеру, не справляясь съ воззрѣніями самаго императора, и что желанія и намѣренія канцлера не всегда тождественны съ намѣреніями его государя, едва-ли представляется возможнымъ. Маститый канцлеръ слишкомъ уменъ и опытенъ для того, чтобы выказывать такой явный антагонизмъ относительно императора. Несравненно болѣе вѣроятнымъ будетъ предположеніе, которое, кстати замѣтимъ, мы высказывали не одинъ разъ, что самъ Вильгельмъ II рѣзко отдѣляетъ свои личныя отношенія къ русскому Августѣйшему семейству отъ сложныхъ комбинацій международной политики Германіи. Тонъ всей германской оффиціозной печати въ отношеніи къ Россіи, за послѣднее время, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать особенно дружелюбнымъ и даже просто миролюбивымъ: старыя заподозрѣванія Россіи въ несуществующихъ и никогда несуществовавшихъ воинственныхъ намѣреніяхъ, указанія на ея чрезвычайныя военныя приготовленія, разглагольствованія на тему о какихъ-то угрожающихъ Европѣ тайныхъ ходахъ панславизма и тому подобная чепуха, изъ года въ годъ пережевываемая нѣмецкой печатью, вновь выползла на свѣтъ Божій. Говорили даже, что прибытіе Наслѣдника Русскаго Престола въ Берлинъ побудило берлинское правительство внушить особенно выдающимся руссофобамъ берлинской печати о необходимости хотя временной сдержанности, въ границахъ извѣстныхъ приличій. Мы не удивляемся тому, что австро-мадьярская печать не можетъ говорить о Россіи иначе, какъ съ пѣною у рта. Россія является единственнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ на пути достиженія Австро-Венгріей ея цѣлей. Къ тому же Габсбурги никогда не проявляли никакихъ особыхъ симпатій ни къ Россіи, ни къ Русскому Императорскому дому, а напротивъ того, всегда являлись тайными или явными ан-

тагонистами русской политики. Иное дѣло Германія... Неужели же князь Бисмаркъ дѣйствительно настолько великъ и всемогущъ, что можетъ идти наперекоръ волѣ и намѣреніямъ своего императора?.. Все это, на нашъ взглядъ, ни въ какомъ случаѣ не говоритъ за лойяльность и прямодушіе нѣмецкой политики. Ниже мы увидимъ новое фактическое доказательство отсутствія этихъ свойствъ въ политикѣ Германіи.

Отношенія германской оффиціозной печати къ переговорамъ, происходящимъ въ настоящее время между Россіей и Ватиканомъ, являются такимъ именно доказательствомъ.

Еще неизвѣстно пока, къ какимъ результатамъ приведутъ эти переговоры, а часть германской оффиціозной печати уже на всѣ лады не перестаетъ твердить, что предполагаемое соглашеніе Ватикана съ русскимъ Императорскимъ правительствомъ направлено не къ чему иному, какъ ко вреду интересовъ Германіи. Особенно многословно распространяющаяся на эту тему ультра-консервативная „Post“, конечно, сама не въ силахъ выяснить съ надлежащею опредѣленностью, въ какомъ именно отношеніи можетъ быть нанесенъ предполагаемымъ соглашеніемъ ущербъ нѣмецкимъ интересамъ, но тѣмъ не менѣе, выходитъизъ себя отъ негодованія. „Nord. Deut. Allg. Zeit.“ въ качествѣ лейбъ-органа канцлера взялся *„вразумить“* своего собрата. Но намъ сильно сдается, что это „вразумленіе“ преслѣдуетъ совершенно иную цѣль. Лейбъ-рептилія очень краснорѣчиво и убѣдительно доказываетъ, что соглашеніе Россіи съ папской куріей не только вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ германской политики, но даже доставитъ не малое удовольствіе ея представителямъ. Если мы припомнимъ, что настоящія отношенія Льва XIII къ Германіи вовсе не таковы, чтобы можно было заподозрить римскаго первосвященника въ особенно горячемъ желаніи доставить удовольствіе германскому императору или его канцлеру, то явится возможность предполагать, что князь Бисмаркъ нашелъ нужнымъ высказать свое удовольствіе по поводу предполагаемаго соглашенія, исключительно для того, чтобы помѣшать этому соглашенію.

Намъ могутъ поставить вопросъ: почему именно соглашеніе Россіи съ Ватиканомъ можетъ противорѣчить видамъ германскаго канцлера?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ и не сложенъ: Льву XIII, поставившему себѣ задачей возстановленіе, если не свѣтской власти папъ, то по крайней мѣрѣ, престижа римской куріи, необходимо имѣть на своей сторонѣ ко-

торую-нибудь изъ великихъ и наиболѣе могущественныхъ европейскихъ державъ. При настоящемъ положеніи и группировкѣ этихъ державъ, выборъ его, само собою разумѣется, можетъ колебаться только между Россіей и Германіей. Ни Франція, утратившая свое международное значеніе, послѣ 1870 года, ни Австрія, въ сущности ходящая на бисмарковскихъ помочахъ, не представляютъ для Ватикана надежной точки опоры. Если „Ватиканскій узникъ“ не найдетъ такой точки въ великой сѣверной имперіи, то онъ волей-неволей долженъ будетъ обратиться снова къ Германіи, которая, какъ обнаружилось, во время пребыванія Вильгельма II въ Римѣ, далеко не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя Левъ XIII, впрочемъ, совершенно преждевременно и не основательно возлагалъ на нее. Князь Бисмаркъ, какъ это уже вполнѣ обрисовалось теперь, остался крайне недоволенъ поѣздкой своего императора въ Римъ и, безъ всякаго сомнѣнія, готовъ на многое для того, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе, оставленное въ Ватиканѣ. Послѣдняя выборная борьба и участіе въ ней германскаго католическаго духовенства еще разъ напомнили начинающему видимо дряхлѣть автору Kulturkampf'a, что не настало еще время покончить счеты съ главой католичества. Если бы папѣ удалось встать въ такія отношенія съ Россіей, что онъ бы могъ разсчитывать не встрѣтить ее въ рядахъ своихъ противниковъ, то онъ бы сталъ, конечно, гораздо болѣе требовательнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Германіи, нежели въ томъ случаѣ, когда, не сойдясь съ Россіей, онъ останется по-прежнему одинокимъ среди европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, совершенно понятно, что интересы нѣмецкой политики заставляютъ канцлера желать, чтобы переговоры папы съ русскимъ правительствомъ не привели ни къ какому серіозному результату.

Не даромъ, имѣющая всегда очень хорошія свѣдѣнія „Correspondance de l'Est“ напечатала письмо своего корреспондента изъ Рима, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что многія и притомъ весьма вліятельныя лица, какъ изъ среды ближайшихъ совѣтниковъ Льва XIII, такъ и изъ числа представителей дипломатическаго міра, ведутъ весьма дѣятельную агитацію въ Римѣ съ цѣлью не допустить благопріятнаго исхода переговоровъ представителя Россіи г. Извольскаго съ куріей. Корреспондентъ названнаго листка, котораго уже, конечно, нельзя заподозрить въ сочувствіи къ Россіи, однако, положительно утверждаетъ, что русскій уполномоченный хотя и снабженъ весьма ограниченными

полномочіями и постоянно долженъ обращаться въ Петербургъ за разъясненіями, но что эти полномочія носятъ крайне примирительный характеръ, и что Россія, въ данномъ случаѣ, дѣйствуетъ вполнѣ лойяльно и совершенно чистосердечно желаетъ подыскать почву для такого соглашенія съ папскимъ престоломъ, которая, не нарушая существенныхъ интересовъ сторонъ, могла бы сдѣлать ихъ отношенія дружественными и устойчивыми. Русскій агентъ въ такомъ именно смыслѣ и высказывается въ своихъ бесѣдахъ какъ съ самимъ святымъ отцомъ, такъ и съ кардиналомъ Рамполла. Совершенно иное нашептываютъ въ Ватиканѣ враги Россіи. Они утверждаютъ, что русское правительство руководится какими-то заднимп мыслями и имѣетъ въ виду только затянуть дѣло и убаюкать папу блестящими обѣщаніями, которыхъ оно, разумѣется, никогда не исполнитъ.

Кто же эти вліятельные враги Россіи?—Это, само собою разумѣется, прежде всего тѣ представители римскаго духовенства, которые до сихъ поръ не могутъ понять необходимости отдѣлить вопросъ о положеніи католической церкви въ Россіи отъ вопроса—о судьбахъ Польши и польшизны, а затѣмъ это—лица „стоящія весьма близко къ германскому посольству въ Римѣ“.

Заграничная польская печать въ свою очередь выбивается изъ силъ, чтобы помѣшать соглашенію папы съ Россіей или, по меньшей мѣрѣ, умалить значеніе этого соглашенія въ глазахъ политической Европы. „Краковскій Часъ“ является по обыкновенію застрѣльщикомъ въ этомъ наступленіи на Россію. Онъ заручился какимъ-то петербургскимъ корреспондентомъ, который, съ крайне компетентнымъ видомъ, доказываетъ, что если соглашеніе Ватикана съ Россіей и состоится, то оно вовсе не устранитъ существующихъ недоразумѣній и не принесетъ никакой пользы католической церкви въ Россіи, а главное полякамъ. По мнѣнію этого куріознаго корреспондента, если русская дипломатія и проникнута примирительнымъ духомъ въ отношеніи Ватикана, то такого направленія вовсе не раздѣляютъ ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни вѣдомство православнаго исповѣданія, которыя главнымъ образомъ заинтересованы отношеніями русскаго правительства къ римской куріи. Эти свѣдѣнія „достовѣрнаго корреспондента“ ультрапольской газеты настолько нелѣпы, что, разумѣется, не заслуживаютъ даже опроверженія. Гораздо куріознѣе измышленія римскаго корреспондента той же газеты, касающейся того же предмета. Сей глубокомысленный политиканъ вто-

ритъ своему петербургскому собрату, удостовѣряя, что Левъ XIII и всѣ политики Ватикана очень хорошо сознаютъ ничтожность результатовъ, къ которымъ могутъ привести переговоры съ Россіей и очень мало заботятся объ этихъ результатахъ. Цѣли и намѣренія святѣйшаго отца несравненно серіознѣе и выше: онъ желаетъ имѣть при своей особѣ русскаго дипломатическаго агента, въ цѣляхъ сохраненія всеобщаго мира. Папа-де предвидитъ близость великой европейской войны и желаетъ выступить въ роли миротворца. Что это за война и какимъ образомъ, а также и въ чью пользу собирается дѣйствовать Левъ XIII, это такъ и остается неизвѣстнымъ, но забавно, что въ томъ же номерѣ, гдѣ напечатаны обѣ названныя корреспонденціи, „Часъ“ плачется на римскую курію за то, что она уже сдѣлала въ пользу Россіи большія уступки, которыя очень невыгодно отзовутся на положеніи злополучной Польши...

Само собою разумѣется, что всякая попытка разобраться въ сумбурѣ польско-патріотическихъ измышленій будетъ совершенно излишнею. Эти измышленія, какъ равно и скрытое противодѣйствіе соглашенію русскаго правительства съ Ватиканомъ, со стороны германской дипломатіи, указываютъ лишь на то, что переговоры куріи съ петербургскимъ кабинетомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣютъ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ можно думать, судя по отзывамъ польскихъ и нѣмецкихъ газетъ.

Мы, конечно, не знаемъ ни сущности переговоровъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ни положенія, въ которомъ они находятся, но должны замѣтить, что успѣхъ этихъ переговоровъ представляется намъ въ данную минуту весьма желательнымъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Само собою разумѣется, что успѣхъ этотъ желателенъ, лишь въ томъ случаѣ, если въ жертву ему не будутъ принесены эти интересы. Для Россіи, конечно, было бы весьма пріятно установить добрыя отношенія съ римскимъ престоломъ, но лишь въ томъ случаѣ, еслибы папа могъ гарантировать ей полное невмѣшательство подвластнаго ему католическаго духовенства въ политическія отношенія русскаго правительства къ его подданнымъ римско-католическаго закона. Россія, безъ всякаго ущерба для своихъ верховныхъ правъ, могла бы предоставить римскому первосвященнику свободу дѣйствій въ области религіозныхъ нуждъ римско-католическаго населенія Россіи и русскаго католическаго духовенства, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, еслибы она могла быть увѣренной, что глава католичества не только

сумѣетъ и захочетъ серіозно внушить подчиненному ему духовенству его гражданскія и политическія обязанности въ отношеніи верховной власти, но и будетъ строго преслѣдовать съ своей стороны всякое уклоненіе отъ этихъ обязанностей. Если Левъ XIII дѣйствительно желаетъ установить прочныя и добрыя отношенія съ русскимъ правительствомъ, то онъ прежде всего долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что „католицизмъ“ и Польша, въ глазахъ русской государственной власти, суть два совершенно самостоятельныя понятія, которыя никогда не могутъ и не должны быть смѣшиваемы или отождествляемы. Допущеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе было бы первымъ шагомъ на пути къ проведенію въ дѣйствительную жизнь этого убѣжденія. Мы полагаемъ, что только въ томъ случаѣ, если такое убѣжденіе будетъ положено въ основу переговоровъ съ римской куріей—и можетъ русское правительство относиться серіозно къ этимъ переговорамъ. Нечего тапть грѣха, Ватиканъ не разъ уже самымъ безцеремоннымъ образомъ обманывалъ русское правительство и принесъ ему не мало хлопотъ и затрудненій. Было бы крайне непростительной ошибкой со стороны русской дипломатіи попасться еще разъ въ одну изъ тѣхъ ловушекъ, которую такъ мастерски умѣютъ ставить дипломаты-іезуиты, вѣдающіе политику ватиканскаго двора. По слухамъ, доходящимъ до насъ со столбцовъ заграничныхъ газетъ, Левъ XIII настаиваетъ на томъ, чтобы, ранѣе окончательнаго соглашенія между нимъ и петербургскимъ кабинетомъ, былъ назначенъ къ нему постоянный русскій дипломатическій агентъ. Это требованіе мотивируется тѣмъ, что въ такомъ случаѣ будетъ удобнѣе вести самые переговоры. Мы полагаемъ совершенно наоборотъ,—назначеніе постояннаго представителя русскаго правительства при Ватиканѣ можетъ послѣдовать, лишь тогда, когда соглашеніе между ними уже состоится и при томъ состоится въ такомъ видѣ, что будетъ возможно разсчитывать на его прочность. Въ противномъ случаѣ, можетъ легко оказаться необходимымъ отозвать обратно только-что аккредитованнаго агента, какъ это уже и бывало въ прежнія времена. Собственно говоря, Россія очень легко можетъ обойтись, какъ обходится и теперь безъ всякихъ особенно интимныхъ отношеній съ Ватиканомъ. Сближеніе съ нимъ едва-ли можетъ доставить ей какія-либо серіозныя выгоды и въ настоящую минуту оно, конечно, во сто разъ нужнѣе для самого Ватикана, чѣмъ для Россіи, а потому ей ужь ни въ какомъ случаѣ не приходится

идти на какіе-либо компромиссы или уступки въ пользу куріи. Намъ остается лишь ожидать таковыхъ со стороны Ватикана, который, конечно, уже вполнѣ взвѣсилъ всѣ выгоды, которыя можетъ принести ему соглашеніе съ Россіей. Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что результатъ этихъ переговоровъ окажется болѣе серіознымъ и удобнымъ для Россіи, чѣмъ результатъ, увѣнчавшій переговоры 1882—1883 гг.

Въ сущности, католическая церковь въ Россіи, также какъ и всѣ исповѣданія, пользуются такими правами и такой свободой, какими она не пользуется, не только въ полукатолической Германіи, но даже и въ ультра-католической когда-то Франціи. Въ этой послѣдней католическая церковь въ настоящую минуту переживаетъ такія невзгоды и гоненія, какихъ она никогда не переживала въ православной Россіи. Русская вѣротерпимость вообще доходитъ почти до невѣроятныхъ размѣровъ. Давно ли мы видѣли на столичныхъ улицахъ цѣлыя процессіи, обставленныя всѣми внѣшними проявленіями еврейскаго культа? Недавнія похороны двухъ тузовъ еврейско-финансоваго міра показали намъ еврейскую погребальную процессію въ небывалоторжественной обстановкѣ. Раввины и другіе представители еврейскаго духовенства, громадный хоръ пѣвчихъ, въ ихъ оригинальныхъ, религіозныхъ одѣяніяхъ, весьма торжественно шествовали по стогнамъ русской православной столицы, охраняемые представителями полицейской власти, и встрѣчный православный людъ только дивился невиданному зрѣлищу и недоумѣвая, въ чемъ дѣло и кого онъ видитъ передъ собою, благоговѣйно снималъ шапки, а порой и крестился при видѣ гроба, торжественно колыхавшагося подъ сводомъ великолѣпной погребальной колесницы... Это ли еще не вѣротерпимость? и у кого послѣ этого повернется языкъ, чтобы обвинять насъ въ религіозномъ фанатизмѣ и въ преслѣдованіи иновѣрческихъ исповѣданій?.. Упрекая насъ въ религіозной нетерпимости, въ дѣйствительности желаютъ добиться уничтоженія господства православной церкви, желаютъ добиться отъ русскаго правительства, чтобы оно узаконило прозелитизмъ изъ лона православія, но на это-то именно и не можетъ ни въ какомъ случаѣ согласиться государственная власть. Православіе есть не только цементъ, связующій русскій народъ съ престоломъ его царей, но и та сила, которая помогла Россіи сплотиться въ могущественное государство и выдержать на себѣ натискъ монгольскаго нашествія и спасти тѣмъ не только се-

бя, но и всю Европу отъ разгрома полчищами восточныхъ варваровъ. Русскому православію обязана не только Россія, но и вся Европа. На западѣ этого не сознаютъ или, лучше сказать, не желаютъ сознавать, но тѣмъ не менѣе, это—историческая истина, не признавать которой нельзя. Россія обязана стоять на стражѣ православной церкви и всѣми силами оберегать ея цѣлость и неприкосновенность. Отреченіе отъ православія было бы равносильно самоотреченію. Русское православіе, какъ и русское государство, не ищетъ завоеваній, и русская церковь никогда не была „войнствующей церковью". Ея миссіонерская дѣятельность рѣдко переходила за предѣлы русскаго государства, но она не можетъ и не должна допускать иновѣрческихъ миссіонеровъ вербовать прозелитовъ изъ среды ея чадъ. Обязанность государственной власти охранять ее отъ иновѣрческихъ посягательствъ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи русское правительство никогда не допускало никакихъ уступокъ и компромиссовъ. На этомъ только и построено обвиненіе Россіи въ религіозной нетерпимости, и едва-ли римская курія питаетъ какую-нибудь надежду поколебать религіозные устои русской государственной жизни. Какъ ни самонадѣянны дѣятели католицизма, но едва-ли и они могутъ сомнѣваться въ этомъ отношеніи. Всѣ побѣды, совершенныя римскою церковью въ предѣлахъ Россіи, были достигнуты или путемъ насилія, или путемъ обмана. Насилія теперешняя Россія не можетъ бояться, а въ обманъ, будемъ надѣяться, она ужъ не дастъ себя болѣе ввести...

Выше мы говорили, что до сихъ поръ Европа еще не видала результатовъ политическихъ поѣздокъ императора Вильгельма II, по крайней мѣрѣ въ той области международныхъ отношеній, въ какой всего болѣе разсчитывали на эти результаты, то-есть въ области болгарскаго или вообще славянскаго вопроса. Дѣйствительно, эти вопросы не только не приближаются къ развязкѣ, но, напротивъ того, повидимому, все болѣе и болѣе удаляются отъ нея. Хаосъ, царствующій уже болѣе трехъ лѣтъ въ Болгаріи—все болѣе и болѣе распространяется и на Сербію, положеніе которой становится день ото дня болѣе мрачнымъ и угрожающимъ европейскому спокойствію. Едва-ли кто-нибудь, конечно, кромѣ австро-венгерскихъ публицистовъ, станетъ отрицать, что сербское королевство быстрыми шагами приближается къ перевороту, который, надо полагать, окончится сверженіемъ короля Милана, уже окончательно доказавшаго свою политическую неумѣлость и крайнюю недобросовѣстность.

Въ послѣдней бесѣдѣ мы, довольно подробно, разсказали новый ходъ внутренней политики этого диковиннаго и куріознаго короля, управляющаго своимъ королевствомъ подъ диктовку Австріи, а можетъ быть еще кого-нибудь другаго. Миланъ, какъ извѣстно, затѣялъ пересмотръ конституціи и обѣщалъ сербскому народу „своимъ королевскимъ словомъ“ свободу выборовъ въ великую скупщину, которая будетъ заниматься этимъ пересмотромъ. „Королевское слово“ повелителя Сербіи, разумѣется, оказалось настолько же достовѣрнымъ, какъ и всѣ его слова и рѣчи, на которыя онъ никогда не скупился. Готовый на всякія послуги Христичъ, по обыкновенію, распорядился, чтобы „свободные“ выборы были обставлены какъ можно большимъ количествомъ, заведенныхъ имъ, по примѣру Болгаріи, палочниковъ и шпіоновъ; начались безчисленныя побіенія и хватанія въ тюрьму сельчанъ, почему-либо не соглашавшихся на избранія тѣхъ, кого имъ приказывали избирать. Въ Бѣлградѣ между тѣмъ благодѣтельными распоряженіями полиціи была устроена, якобы отъ лица гражданъ, сочувственная Милану демонстрація съ факельцугомъ, иллюминаціей и проч. Но эта демонстрація окончалась свалкой и арестами... Въ странѣ окончательно водворился правительственный терроръ, но, какъ кажется, плохо помогаетъ дѣлу, потому что выборы все-таки дали результаты противные желанію Милана, а въ странѣ развиваются все болѣе и болѣе сильныя волненія, и министерство Христича виситъ на волоскѣ. Перетрусившій Миланъ обратился къ Ристичу, который, кажется, и вступитъ въ министерство. Выборы признаны недѣйствительными и назначены новые, якобы подъ наблюденіемъ представителей всѣхъ партій. Но и это, конечно, ничто иное, какъ отводъ глазъ и не приведетъ ни къ чему... Носятся слухи, что зять князя Николая Черногорскаго, Петръ Карагеоргіевичъ, хотѣлъ обратиться съ манифестомъ къ сербскому народу, но былъ удержанъ отъ этого шага тестемъ и русскимъ правительствомъ. Общая картина Сербіи указываетъ на близость катастрофы, но Миланъ продолжаетъ обмѣниваться ежедневно телеграммами съ Вѣной и Пештомъ и оттуда набирается ума-разума. Въ Австріи, разумѣется, стараются довести положеніе несчастной страны до крайней степени напряженія, чтобы, какъ мы говорили въ прошлый разъ, имѣть возможность ввести туда свои войска. Милану во всѣхъ жидовскихъ и мадьярскихъ органахъ расточаютъ похвалы и преподаютъ совѣты: „быть твердымъ и неуклоннымъ“. Пока все это довольно комично, но очень скоро вся эта непозволительная

балаганщина можетъ превратиться въ весьма плачевную и кровавую трагедію. Таково въ общихъ чертахъ положеніе Сербіи.

Относительно того, что совершается въ настоящую минуту въ Болгаріи, трудно сказать что-либо опредѣленное. Не подлежитъ сомнѣнію лишь одно, что Австрія въ послѣднее время стала принимать, почти совершенно открыто, весьма энергическое участіе въ происходящихъ тамъ безобразіяхъ. Родственники болгарскаго самозванца то и дѣло являются въ Вѣну за совѣтами. Вѣнскіе жиды, кажется, наконецъ рѣшились ссудить Фердинанду Кобургскому денегъ, подъ залогъ болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ. О томъ, какую роль играетъ онъ въ настоящую минуту въ средѣ своихъ самозванныхъ сподвижниковъ, трудно узнать правду, извѣстно только, что зарвавшійся окончательно Стамбуловъ относится къ нему, какъ къ какому-нибудь школьнику и третируетъ en canaille всѣхъ своихъ товарищей по такъ называемому министерству. Засѣдающее въ настоящую минуту въ Сербіи народное собраніе представляетъ собою невиданную до сихъ поръ еще, даже и въ Болгаріи, картину. Тотъ же Стамбуловъ кричитъ на всѣхъ, кто позволяетъ себѣ высказывать мнѣнія, несогласныя съ его взглядами. Вообще въ этомъ куріозномъ собраніи никто не смѣетъ говорить, кромѣ его—Стамбулова и тѣхъ, кто повторяетъ его слова. Не разъ онъ угрожалъ уже разогнать почтенныхъ нотаблей. Кто-то пытался-было заговорить о необходимости внести въ отвѣтный адресъ напоминаніе о необходимости „примиренія“ съ Россіей, которой Болгарія все-таки кое-чѣмъ обязана. Но эта попытка была встрѣчена просто площадной бранью со стороны Стамбулова и не смѣющаго ему противорѣчить большинства. Въ концѣ концовъ, тотъ же Стамбуловъ во все услышаніе заявилъ, что онъ одинъ воплощаетъ въ себѣ болгарское правительство и что ему одному обязаны всѣ повиноваться, а кто этого не желаетъ, съ тѣми онъ сумѣетъ расправиться по-своему. Послѣ такого крайне либеральнаго и вполнѣ конституціоннаго заявленія, разумѣется, не нашлось охотниковъ возражать и теперь г. Стамбуловъ орудуетъ въ качествѣ полновластнаго и неограниченнаго ничѣмъ и ни кѣмъ распорядителя судебъ болгарскаго народа. Кажется, что по отношенію къ Фердинанду имъ окончательно рѣшено не обращать на него ни малѣйшаго вниманія и выставлять его на показъ, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представляется опасность сломать себѣ шею. Вотъ уже подлинно „смѣлость беретъ города“.. Не

доучившійся одесскій семинаристъ, впослѣдствіи фельшеръ и ветеринаръ, фигурируетъ въ качествѣ самодержавнаго властителя созданной русскою кровью и русскими деньгами Болгаріи, и никто не рѣшается препятствовать его „ндраву“. Доходила ли еще когда-нибудь Европа до такого безобразія!.. Та часть болгарскаго народа, которую еще до сихъ поръ называютъ „болгарскимъ войскомъ“ или точнѣе господа, носящіе кличку болгарскихъ офицеровъ, повидимому, ведутъ свою особую игру, не обращая вниманія ни на Фердинанда Кобургскаго, ни на Стамбулова. Въ этой шайкѣ севременныхъ янычаръ, повидимому, не мало субъектовъ, мечтающихъ о возможности возвращенія въ Болгарію—Александра Баттенберга. По крайней мѣрѣ на дняхъ, въ день годовщины Сливнинскаго боя, болгарское офицерство очень усердно пьянствовало за здоровье „Сливнинскаго героя“, какъ извѣстно, преспокойно игравшаго на билліардѣ во все время сраженія подъ Сливницой. Со всѣхъ концовъ Болгаріи въ этотъ день были посланы къ нему поздравительныя телеграммы, изъ которыхъ во многихъ упоминалось о надеждѣ на его возвращеніе въ объятія преданнаго ему болгарскаго народа. Куріознѣе всего, что и самъ слабоумный Фердинандъ счелъ за нужное, на обѣдѣ во дворцѣ, провозгласить тостъ за своего предшественника. Однимъ словомъ, болгарскія событія переходятъ за предѣлы вѣроятнаго, и утрачивается всякая возможность говорить о нихъ мало-мальски серіозно. Очевидно одно, что, въ сущности, въ этой несчастной странѣ господствуетъ полнѣйшая анархія, конецъ которой и исходъ нельзя ни предвидѣть, ни опредѣлить...

Между тѣмъ, все-таки не слѣдуетъ забывать, что продолженіе смутъ въ Болгаріи остается постоянною угрозою европейскому миру, слѣдовательно, бездѣйствіе Германіи въ отношеніи разрѣшенія болгарскаго вопроса въ смыслѣ, который могъ бы удовлетворить справедливыя требованія Россіи, можетъ быть признаваемо за желаніе ея поддерживать въ Европѣ всеобщее опасеніе, вызываемое постоянной возможностью столкновенія Россіи съ Австріей, не смотря на несомнѣнное и вполнѣ искреннее миролюбіе первой изъ нихъ.

Въ послѣднихъ нумерахъ берлинскихъ газетъ мы встрѣчаемъ довольно прозрачные намеки на охлажденіе между Германіей и Австріей, вызванное явнымъ нежеланіемъ императора Вильгельма содѣйствовать желаніямъ Австріи добиться полнаго господства на Балканскомъ полуостровѣ и устраненія вліянія Россіи на балканскихъ славянъ. Австрійская печать, въ свою очередь, также наме-

каетъ на какія-то недоразумѣнія между державами, которыя, еще такъ недавно, взапуски предавались восхваленію другъ друга и увѣреніямъ въ непоколебимой прочности существующаго между ними союза. Если вѣрить французской печати, то намеки на послѣдовавшее затѣмъ охлажденіе имѣютъ основаніе въ личныхъ и будто бы явно непріязненныхъ отношеніяхъ молодаго императора Германіи и наслѣдника Австрійскаго престола Эрцгерцога Рудольфа, который всегда относился враждебно къ австро-германскому союзу и не скрывалъ никогда своего нерасположенія къ Германіи или, говоря точнѣе, къ Пруссіи. Но тѣмъ не менѣе довольно трудно допустить, чтобы Австрія, утрачивающая надежду на могущественную поддержку Германіи, продолжала тѣмъ не менѣе держать себя вызывающимъ образомъ въ отношеніи Россіи. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить вниманіе тѣмъ болѣе, что всѣ подчеркивающіе наступленіе момента охлажденія между союзными имперіями, стараются обратить вниманіе на проявленіе въ Австріи стремленія къ сближенію съ Россіей. Было бы крайне рискованно придавать какое-либо значеніе подобнымъ толкамъ. Австрія до тѣхъ поръ только и будетъ придерживаться аггрессивной политики въ отношеніи Россіи, пока не утратитъ надежды на поддержку Германіи. Какъ только въ Вѣнѣ поймутъ, что разсчитывать на эту поддержку болѣе нельзя, тамъ тотчасъ же перемѣнятъ тонъ и начнутъ заигрывать съ Россіей, продолжая, конечно, тѣмъ не менѣе закулисныя интриги противъ нея. Ожидать отъ Австріи честной и прямодушной политики никто не станетъ. Но въ данную минуту Австрія не находитъ нужнымъ даже и прикидываться добрымъ сосѣдомъ Россіи, слѣдовательно наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что пущенные одновременно и въ Германіи, и въ Австріи слухи объ охлажденіи между ними направлены исключительно къ тому, чтобы еще разъ попробовать, по обыкновенію, отвести глаза русской дипломатіи, благо она всегда оказывалась очень податливой въ этомъ отношеніи.

Намъ не разъ доводилось останавливаться очень подробно на истинномъ значеніи австро-германской дружбы. Германія видитъ въ своей союзницѣ орудіе для достиженія своихъ цѣлей и бережетъ ее на всякій случай. Поддерживать ее въ ея антирусскихъ стремленіяхъ она всегда будетъ лишь настолько, насколько это возможно, не нарушая очевиднымъ образомъ показной стороны своихъ якобы искренно дружественныхъ отношеній къ Россіи. *Явной* поддержки Австрія не дождется отъ нея, вѣроятно, даже и въ случаѣ столк-

новенія съ Россіей, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эта поддержка не сдѣлается необходимой въ чисто германскихъ интересахъ. Въ Вѣнѣ должны быть очень довольны и тѣмъ, что изъ Берлина не мѣшаютъ австро-мадьярскимъ интригамъ, поддерживающимъ на Балканскомъ полуостровѣ смуту, постоянно угрожающую европейскому миру. Пока Германія предоставляетъ своей союзницѣ полную свободу дѣйствій.

Впрочемъ, въ настоящую минуту въ Берлинѣ настолько заняты злобами внутренней политики, что, быть можетъ, менѣе зорко, чѣмъ обыкновенно, слѣдятъ за продѣлками своего коварнаго друга.

Открытіе настоящей сессіи германскаго рейхстага опредѣлило совершенно ясно направленіе внутренней политики императора Вильгельма II. Молодой повелитель Германіи, очевидно, вовсе не намѣренъ вступать въ какія-либо компромиссы съ фракціями, стоящими въ оппозиціи къ имперской власти. Его покойный дѣдъ неоднократно обращался къ представителямъ оппозиціонныхъ группъ, высказывая свое желаніе и прося ихъ уступить этому желанію. Этотъ пріемъ всегда достигалъ цѣли, и желаніе правительства исполнялось. Имперскій канцлеръ, руководившій внѣшней политикой имперіи на столько же самостоятельно, какъ и ея международными отношеніями, нерѣдко прибѣгалъ къ уступкамъ въ пользу той или другой группы и такимъ образомъ привлекалъ ее въ данный моментъ на сторону правительства, чтобы имѣть за собою парламентское большинство. Теперь, повидимому, канцлеръ устраняется мало по малу, по собственному ли желанію, по волѣ ли императора, отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ внутренней политики. Императоръ же, очевидно, не намѣренъ вступать ни въ какія личныя объясненія съ оппозиціей и прибѣгать къ увѣщаніямъ ея представителей. Онъ предпочитаетъ прямо высказывать свою волю и бороться съ упорствомъ оппозиціонныхъ фракцій тѣмъ оружіемъ, которое даетъ въ его руки имперская конституція. Въ недавней бесѣдѣ съ представителями печати, служащей отголоскомъ фракціи такъ называемыхъ свободныхъ мыслителей, онъ въ весьма не двусмысленныхъ выраженіяхъ заявилъ о своей антипатіи къ этой фракціи. Что же касается до группы клерикальнаго центра, то, являясь поборникомъ ортодоксальнаго протестантизма, онъ всегда высказывалъ свои антипатіи къ этой фракціи. Хотя силы оппозиціи и правительственныхъ фракцій почти равны въ настоящемъ составѣ

имперскаго парламента, но избраніе президента и вице-президента изъ числа сторонниковъ имперскаго правительства даетъ ему достаточно твердую точку опоры въ рейхстагѣ. Тѣмъ не менѣе, надо полагать, что настоящая сессія положитъ начало явной борьбѣ двухъ противоположныхъ направленій, хотя уже и давно существовавшихъ въ Германіи, но только теперь обозначившихся совершенно опредѣленно.

Еще неизвѣстно, приметъ ли князь Бисмаркъ непосредственное участіе въ парламентскихъ преніяхъ и выступитъ ли онъ на сей разъ съ обычной рѣчью, которую потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обыкновенно пережевываетъ вся европейская политическая печать. Вообще роль князя Бисмарка, въ дѣлахъ внутренней германской политики, съ наступленіемъ новаго царствованія, далеко еще не опредѣлилась. Судя по тому, что императоръ Вильгельмъ нѣсколько разъ навѣщалъ его въ его сельскомъ уединеніи, слѣдовало бы думать, что отношенія между молодымъ государемъ и маститымъ сотрудникомъ его дѣда не оставляютъ желать ничего лучшаго, но, судя по замѣтному, даже и для непосвященнаго глаза, удаленію князя отъ внутреннихъ дѣлъ имперіи и по тому, что въ международныхъ отношеніяхъ Германіи начинаетъ проглядывать какая-то неопредѣленность и неясность, есть основаніе думать, что далеко не во всѣхъ вопросахъ, даже и внѣшней политики, взгляды императора совпадаютъ съ воззрѣніями князя Бисмарка. Искушенный опытомъ, канцлеръ не можетъ не сознавать, что его политическій выученникъ, видимо, стремится освободиться отъ его опеки и, можетъ быть, умышленно держитъ себя въ сторонѣ, сознавая, что все-таки безъ него не обойдется разрѣшеніе ни одного серьезнаго вопроса. Не даромъ же онъ приблизилъ къ императору своего сына, графа Герберта. Сынъ руководителя политическихъ судебъ Европы ни въ чемъ не походитъ на своего отца и представляетъ изъ себя личность, ровно ничѣмъ не выдающуюся изъ общаго уровня посредственностей. Трудно предположить, чтобы князь Бисмаркъ видѣлъ въ немъ достойнаго себя преемника и не сознавалъ его, извѣстной всей Европѣ, посредственности. Очевидно, что гр. Гербертъ Бисмаркъ попалъ на должность прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ исключительно для того, чтобы быть посредникомъ между своимъ отцомъ и императоромъ, съ которымъ онъ находится въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ. Что бы тамъ ни говорили, но маститый канцлеръ Германіи, еслибы даже и вовсе удалился отъ оффиціальнаго участія

во внѣшней политикѣ Германіи, все-таки сохранитъ за собою вліяніе на политическую жизнь Европы до конца его дней и потому слишкомъ торопятся тѣ, кто увѣряетъ что императоръ Вильгельмъ II успѣлъ уже совершенно эмансипироваться отъ вліянія своего канцлера и не признаетъ никакихъ указаній, кромѣ указаній своей собственной воли... Можетъ быть, долго еще придется европейскимъ дипломатамъ считаться съ волею и планами создателя Германской имперіи.

Трудно сказать, на сколько можетъ быть признаваемо желательнымъ, съ русской точки зрѣнія, удаленіе князя Бисмарка отъ дѣлъ. Мы полагаемъ, что, при извѣстной наблюдательности и зоркости, съ нимъ и удобнѣе, и даже пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Для того, чтобы не быть обманутымъ имъ, слѣдуетъ только менѣе прислушиваться къ его словамъ и пристальнѣе приглядываться къ его дѣйствіямъ. Князь Бисмаркъ—великій мастеръ заговаривать людей и заставлять ихъ такъ внимательно вслушиваться въ его рѣчи, что имъ становится уже некогда слѣдить за его дѣйствіями. Ему надо отдать должную справедливость еще и въ томъ, что даже и въ своихъ рѣчахъ онъ не даетъ себѣ труда прибѣгать къ завѣдомой лжи. Его слушатели обыкновенно обманываются сами, желая какъ можно глубокомысленнѣе истолковать смыслъ его словъ и потому усматриваютъ въ нихъ то, чего и не думалъ влагать въ нихъ ихъ авторъ. Если случалось такъ, что этого величайшаго изъ современныхъ политиковъ обличали во лжи, то это случалось только тогда, когда онъ дѣйствительно не могъ высказывать того, что впослѣдствіи обнаруживалось, какъ напр. въ извѣстной, надѣлавшей въ свое время столько шуму, исторіи съ такъ называемыми „подложными болгарскимя документами“. Въ этомъ случаѣ канцлеръ былъ поставленъ между двухъ огней, между необходимостью, по его мнѣнію, поддержать австрійскую интригу въ Болгаріи и нежеланіемъ доживавшаго послѣдніе дни маститаго императора Вильгельма становиться во враждебныя отношенія къ Россіи. Ошибался канцлеръ или нѣтъ, но онъ признавалъ поддержку Австріи необходимой въ интересахъ Германіи. Но на этотъ разъ не хорошо разсчиталъ всѣ ходы и попался въ просакъ, какъ попадаются простые смертные. Въ оправданіе его можно сказать, что еслибы наша дипломатія не слушала лишь „слова“, а вникала попристальнѣе въ самую суть дѣйствій германской политики, то и эти пресловутые документы не были бы для нея сюрпризомъ. Вѣдь не ошиб-

лась же относительно ихъ истиннаго значенія даже и наша не особенно дальновидная политическая печать.

Вообще необходимо имѣть въ виду, что политическая роль князя Бисмарка далеко еще не сыграна, и нашимъ дипломатамъ рано еще успокоиваться на лаврахъ.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту, какъ мы замѣтили выше, внѣшняя политика Германіи представляется болѣе неопредѣленною и туманною, чѣмъ когда-либо. Если отчасти эта неопредѣленность и объясняется внутреннимъ положеніемъ Германіи и отношеніями канцлера къ ея новому императору, то съ другой стороны она обусловливается въ значительной степени и неопредѣленностью внутренняго положенія Франціи, съ которымъ несомнѣнно соображаются всѣ проявленія международной дѣятельности Германіи. А Франція между тѣмъ, надо признаться съ сожалѣніемъ, никогда, еще со времени событій 1870—1871 годовъ, не представляла собою такой печальной картины внутренняго разложенія и безсилія. Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Русскаго Вѣстника“ мы посвятимъ современному положенію третьей республики особый этюдъ. Въ настоящую минуту остановимся только на послѣднихъ событіяхъ, указывающихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ на послѣдніе симптомы глубоко врѣзавшагося въ государственный организмъ Франціи недуга. Можно подумать, что члены кабинета, имѣющаго во главѣ Флокэ, задались единственной цѣлью—какъ можно скорѣе и безповоротнѣе дискредитировать страну во мнѣніи всѣхъ честныхъ людей, вѣрившихъ доселѣ въ живучесть и внутреннія силы Франціи. Борьба, затѣянная республиканскимъ правительствомъ съ генераломъ Буланже, давно уже доказала несостоятельность этого правительства, показавъ въ то же время самымъ наглядньмъ образомъ, что ни Флокэ, ни его товарищи по кабинету, ни даже самъ президентъ республики Карно, не заботятся ни о чемъ кромѣ тѣхъ привольныхъ мѣстъ, на которыхъ они откармливаются за счетъ государственнаго казначейства. Единственная цѣль этихъ республиканскихъ „патріотовъ своего отечества“, заботящихся лишь о сохраненіи своихъ окладовъ, заключается въ томъ, чтобы остаться на своихъ мѣстахъ и играть роль распорядителей судебъ Франціи, роль, которая какъ теперь оказывается, оплачивается весьма дорогою цѣною. На повѣрку выходитъ, что чиновники третьей республики практикуютъ взяточничество въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и, подобно пресловутому Вильсону, преспокойно торгуютъ — кто, какъ, гдѣ и чѣмъ можетъ. Дѣйствитель-

но, инцидентъ Вильсона въ настоящую минуту, когда на государственной французской службѣ и въ числѣ членовъ обѣихъ палатъ оказалась цѣлая масса его подражателей и послѣдователей, уже не можетъ представляться чѣмъ-то исключительнымъ. Мэръ Нимскаго департамента, нѣкто г. Жилли, бывшій депутатъ, доказалъ, какъ говорится „съ безповоротною ясностью“, что вся бюджетная коммисія состоитъ точно изъ такихъ же Вильсоновъ и что безъ нихъ не обходится и на депутатскихъ скамьяхъ. На первый разъ Нума Жилли никого не назвалъ по имени. Изъ всѣхъ членовъ бюджетной коммисіи только одинъ г. Андріе предъявилъ противъ него обвиненіе въ клеветѣ. По желанію обвиняемаго, къ суду были вызваны нѣкоторые изъ членовъ коммисіи въ качествѣ свидѣтелей. Въ засѣданіи суда онъ объявилъ, что хотя онъ и не отрицаетъ ничего изъ того, что имъ было заявлено, но что Андріе-то именно онъ и не имѣлъ въ виду. Потерпѣвшій долженъ былъ признать себя удовлетвореннымъ, а прокурорская власть не могла болѣе поддерживать обвиненія, тѣмъ покончилось дѣло на первый разъ. Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ процесса, Нума Жилли напечаталъ новую брошюру, въ которой указалъ на цѣлый рядъ продѣлокъ тѣхъ же членовъ бюджетной коммиссіи и при этомъ многихъ изъ нихъ назвалъ по именамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ рукахъ Жилли находится цѣлая масса доказательствъ справедливости его словъ, и онъ хлопочетъ о томъ, чтобы имѣть возможность представить эти доказательства на судебномъ разбирательствѣ. Этого-то, разумѣется, и опасаются господа, задѣтые имъ за живое. Они распускаютъ слухи о своемъ намѣреніи снова обратиться къ суду, но есть полное основаніе предполагать, что они этого не сдѣлаютъ, развѣ правительство, не брезгающее никакими средствами, употребитъ свое вліяніе и повліяетъ на судъ въ такомъ направленіи, чтобы или дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, или чтобы судъ оставилъ безъ разсмотрѣнія доказательства, которыя будутъ представлены обвиняемымъ. Въ современной Франціи и магистратура, которою страна всегда гордилась, утратила свою самостоятельность, и „правительство адвокатовъ“ не стѣсняется топтать въ грязь всѣ традиціи прежнихъ судебныхъ порядковъ. Скандалъ, устроенный министерствомъ Флокэ, по поводу надѣлавшей въ свое время шуму исторіи съ мэромъ Аркашона, въ которой пострадалъ исполнившій свою законную обязанность товарищъ прокурора—доказываетъ какъ нельзя лучше, что правящіе дѣла-

*

ми Франціи республиканцы понимаютъ свободу совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее какой-нибудь полудикій Стамбуловъ. Впрочемъ господа, играющіе судьбами „великаго народа“, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряютъ свои головы и едва-ли уже въ состояніи отдавать себѣ полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Генералъ Буланже и съ каждымъ днемъ растущая его популярность совсѣмъ сбили съ толку псевдогосударственныхъ людей Франціи. Чтобы избавиться отъ него или по крайней мѣрѣ отъ болѣе вліятельныхъ изъ его сторонниковъ, Флокэ и К°, какъ разсказывали газеты буланжистскаго и сочувствующихъ ему лагерей, задумали устроить нѣкоторую пародію государственнаго переворота 2 декабря. Этотъ именно день и былъ избранъ ими, какъ говорили, для приведенія въ исполненіе этого благаго намѣренія. Въ этотъ день, во времена второй имперіи, обыкновенно устраивались антиправительственныя демонстраціи, подъ предлогомъ чествованія памяти республиканскаго депутата Бодена, убитаго на баррикадахъ, въ день знаменитаго наполеоновскаго переворота. Въ то время эти демонстраціи могли имѣть хотя какой-нибудь смыслъ, но, со времени воцаренія республиканскаго режима, они, само собою разумѣется, утратили всякое значеніе. Теперь „прекрасный“ парижскій муниципальный совѣтъ вздумалъ устроить подобную демонстрацію въ пику буланжистамъ и консервативнымъ партіямъ, оказывающимъ имъ поддержку. Упорно носились слухи, что Флокэ задумалъ воспользоваться этой демонстраціей для того, чтобы арестовать генерала Буланже и наиболѣе вліятельныхъ его сторонниковъ и предать ихъ потомъ военному суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Другая версія тѣхъ же слуховъ говорила, что правительство рѣшилось устроить въ этотъ день серіозную драку на улицахъ Парижа и воспользоваться ею для того, чтобы объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и передать управленіе страной въ руки Карно и министерства, которые начнутъ съ того, что распустятъ палаты и арестуютъ тѣхъ депутатовъ, которые имѣютъ продерзость не восторгаться дѣяніями правительства Карно-Флокэ. Но всѣ эти толки оказались выдумкой или республиканскіе правители отказались отъ своей затѣи, а Буланже даже и уѣхалъ на этотъ день изъ Парижа...

День 2-го декабря прошелъ спокойно...

По истинѣ странный и удивительный народъ французы. Въ то время, какъ внутреннее положеніе страны скорѣе похоже на какую-то легализованную анархію, нежели на

мало-мальски правильный государственный строй, они занимаются пустяками, подходящими развѣ школьникамъ средняго возраста, а отнюдь не взрослымъ, а тѣмъ менѣе серіознымъ людямъ. Недавно газета „Militaire“ выпустила въ свѣтъ новую карту Европы, достойную не только всяческаго удивленія, но и просто гомерическаго смѣха. Эта карта изображаетъ „*будущее*“ (?) состояніе европейскаго материка, перемежеваннаго по вкусу какого-то досужаго „французика“, даже можетъ быть „изъ Бордо“. На этой куріозной картѣ Германія и Австрія почти упразднены: первая разбита на множество мелкихъ государствъ, а вторая сведена до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, но за то возстановлены самостоятельно Венгерское королевство и Польша чуть ли не до Смоленска и съ прирѣзкой къ ней Познани и Галичины. Славянскія государства изображены въ видѣ федераціи, часть которой находится подъ протекторатомъ Венгріи, а другая предоставлена протекторату Россіи. Относительно насъ составители карты оказались довольно великодушными: отрѣзавъ отъ насъ въ пользу Польши таки порядочный кусокъ, они предоставили, все-таки, вновь испеченную Польшу русскому протекторату и за это прирѣзали къ намъ полосу отъ Добруджи вдоль по южному берегу Чернаго моря до самыхъ проливовъ, которые тоже великодушно предоставляются въ нашу пользу. Конечно, смѣшно говорить серіозно объ этомъ ребяческомъ упражненіи въ картографическомъ искусствѣ. На подобную карту можно только посмотрѣть и подумать: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось“... Вотъ чѣмъ занимаются серіозные люди современной Франціи...

Въ политическомъ обозрѣніи за текущій мѣсяцъ нельзя не отмѣтить такихъ событій, какъ двадцатипятилѣній юбилей царствованія датскаго короля Христіана IX и помолвка великаго князя Павла Александровича съ принцессой Александрой, дочерью короля и королевы эллиновъ.

Юбилейное торжество маститаго короля Христіана IX было не только семейнымъ, но и политическимъ праздникомъ. Большинство европейскихъ державъ, состоящихъ въ родствѣ съ датской королевской семьей, прислали своихъ представителей изъ числа членовъ царствующихъ династій. Россія, стоящая такъ близко къ Даніи, по семейнымъ отношеніямъ нашей царственной семьи къ маститому королю Даніи, имѣла своимъ представителемъ на копенгагенскомъ праздникѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, внука короля Христіана. Маститый король Даніи пользуется всеоб-

щимъ уваженіемъ не только среди своего народа, но и въ цѣлой Европѣ. Съ началомъ его царствованія совпало какъ разъ нашествіе Пруссіи на слабую Данію и захватъ ею Шлезвига и Гольштейна. Король умѣлъ и при этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ сохранить спокойную твердость и поставить ввѣренную ему Богомъ страну на степень возможнаго, при ея незначительныхъ средствахъ, благосостоянія. Онъ, увеличивъ оборонительныя средства страны и оставаясь всегда на твердой почвѣ конституціи и законности, пріобрѣлъ горячую любовь своего народа. Благодаря его личной твердости и умѣнью употреблять свои конституціонныя права на пользу государства, въ Даніи борьба парламентскихъ партій никогда не имѣла того роковаго значенія, какое представляетъ она нерѣдко въ другихъ странахъ. Несомнѣнно, самыя горячія пожеланія вознеслись въ юбилейный день къ королевскому престолу отъ лицъ вѣрнаго ему датскаго народа. Народъ русскій всѣмъ сердцемъ присоединяется къ этимъ желаніямъ.

Предстоящее бракосочетаніе великаго князя Павла Александровича съ принцессою Александрою греческою еще болѣе закрѣпитъ двоякія узы родства, связывающія нашъ царственный домъ съ греческой королевской семьей. Да послужитъ этотъ союзъ и къ укрѣпленію связи между православной Россіей и единовѣрной ей Греціей, которая до сихъ поръ постоянно дѣлала видъ, что совершенно забыла, что даже и самымъ существованіемъ своимъ она обязана Россіи.

Когда настоящее „обозрѣніе“ было уже набрано, намъ стала извѣстна новая неудача, постигшая совершенно неожиданно нашу дипломатію въ ея сношеніяхъ съ Персіей. Выше мы говорили о захватѣ англичанами судоходства по р. Каруну, передающемъ въ ея руки всѣ рынки южной Персіи. Оказывается, что этотъ захватъ былъ только началомъ дѣйствій англійскаго уполномоченнаго въ Персіи, Друммонда-Вольфа, враждебныхъ русской политикѣ. Наша дипломатія нашла за нужное учредить, въ видахъ охраненія интересовъ русской торговли, генеральное консульство въ Хорасанѣ, гдѣ уже находится англійское военное агентство, учрежденное, конечно, со спеціальною цѣлью наблюденія за дѣйствіями Россіи на путяхъ, ведущихъ къ Индіи. Персидское правительство признало возможнымъ отказать Россіи въ учрежденіи означеннаго консульства. Не вдаваясь въ подробности этого факта и остав-

ляя ихъ до слѣдующей бесѣды, мы замѣтимъ только, что подобный отказъ является дерзостью, не испытанною еще Россіей не только въ ея восточныхъ, но и въ европейскихъ сношеніяхъ. Всего менѣе имѣла она право разсчитывать на подобную дерзость со стороны Персіи, до сихъ поръ уже много лѣтъ подчинявшейся русскому вліянію. Само собою разумѣется, что такой образъ дѣйствій со стороны правительства шаха объясняется лишь вліяніемъ англичанъ, не щадящихъ расходовъ для борьбы съ русскимъ вліяніемъ. Очевидно, пресловутый Друммондъ-Вольфъ сумѣлъ закупить совѣтниковъ шаха и, обѣщая ему поддержку якобы всесильной Англіи, вынудилъ его сдѣлать дерзость русскому правительству. Нигдѣ не достается такъ легко вліяніе, какъ въ полудикихъ странахъ Востока, но и нигдѣ оно не утрачивается такъ скоро, какъ въ этихъ же странахъ. Деньги и страхъ суть два средства, которыми можно съ успѣхомъ дѣйствовать на Востокѣ. Разумѣется, Россіи неприлично перекупать у Англіи ловко захваченное ею вліяніе, но оставить безъ наказанія нанесенную ей дерзость она едва-ли можетъ, не нарушая своего престижа и достоинства. Шаху и его совѣтникамъ слѣдуетъ напомнить, что на границѣ Персіи стоятъ русскія войска, которымъ не трудно справиться съ оборванной ордой, слывущей за персидское войско... Вѣроятно, такъ и будетъ сдѣлано.

Сообщенія и извѣстія.

I.

Финляндскія дѣла.—Погрѣшность редакціи 4-й статьи Т. I Свода Зак. Основныхъ[1]). (Сообщ. К. Ф. Ординымъ). Въ Основн. Зак. Росс. Имп., т. I имѣется 4-я статья слѣдующаго содержанія:

„Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго".

Такимъ образомъ, оказывается, самъ русскій законъ признаетъ существованіе отдѣльнаго финляндскаго престола и даетъ, повидимому, безспорное право финскимъ домогательствамъ на независимое отъ Россіи существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, финскіе писатели и чиновники полагаютъ 4-ю статью во главу угла ихъ такъ называемаго государственнаго права. Къ сожалѣнію, эта статья побуждаетъ и нѣкоторыхъ русскихъ юристовъ допускать существованіе Финляндскаго государства.

Но въ дѣйствительности Финскаго или Финляндскаго престола не было установлено никакимъ законодательнымъ актомъ ни русскихъ государей, ни шведскихъ королей. Финляндія, съ именемъ герцогства, явилась не на долго при Эрикѣ XIV (1560—1568), братъ котораго Іоаннъ, съ титуломъ герцога Финляндскаго, водворенъ былъ въ Або. Вскорѣ однако онъ низвергъ Эрика и занялъ его мѣсто. Герцогство ограничивалось къ тому же лишь малою долей

[1]) О ней упомянуто на стр. 135 „Русск. Вѣстн." за 1888 г., № 5.—Здѣсь предлагается болѣе обстоятельное изложеніе этой немаловажной погрѣшности.

нынѣшней Финляндіи, именно Аландскими островами, западною частью Нюландской и сѣверною Абоской губерній. Короли сохраняли только титулъ герцоговъ Финляндскихъ и столѣтіями не бывали въ Финляндіи. Со времени же великой сѣверной войны, когда часть этой области отошла къ Россіи, шведскіе короли прекратили пользоваться и титуломъ. Лишь въ 1802 году, при Густавѣ Адольфѣ IV, питавшемъ личную непріязнь къ Императору Александру, по рожденіи втораго сына Карла-Густава, ему присвоенъ былъ титулъ великаго князя Финляндскаго. Въ отвѣтъ Александръ Павловичъ повелѣлъ Выборгскую губернію, входившую еще съ Петра Великаго въ составъ Имперіи, наименовать Финляндской губерній.

Вотъ и все, что говоритъ исторія. Но и по другимъ условіямъ 4-я ст. вовсе не должна бы имѣть мѣста въ Сводѣ Законовъ. Подъ нею указано 9 цитатъ. Изъ нихъ 4-я (1815 г. мая 9, №25842) и 7-я (1832 г. февр. 14, № 5165, ст. 2), касаясь исключительно Польши, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣламъ финляндскимъ. Затѣмъ:

1-я цитата—1808 г. марта 20-го, № 22911,—Манифестъ о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи. Въ немъ сказано:

„*Страну сію* оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, *Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи*, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное *престолу Нашему подданство*“.

Иностраннымъ дворамъ о событіи этомъ объявлено было дипломатическимъ путемъ, Наполеону же Императоръ Александръ сообщилъ о семъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ и свойство присоединенія: „j'ai declaré la Finlande Suédoise *province Russe*“ [1]).

Въ Манифестѣ отъ 5 (17) іюня 1808 года (въ Полное Собраніе Законовъ Р. И. не включенъ), обращенномъ къ „Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія“, по принесеніи уже присяги,—сказано также:

„По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію *къ Россіи*, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями *сего края* принесенные на

[1]) Проектъ письма писанъ карандашемъ собственноручно Александромъ I и хранится въ Арх. М-ва И. Д.

вѣрное и вѣчное ихъ *скипетру Россійскому подданство*".

И далѣе:

„Въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію составляющихъ*, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто".

Еще далѣе:

„Подъ сѣнію *Престола Нашего* покоются многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ *въ составъ Имперіи Нашей*, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними".

И еще далѣе:

„Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ предсанности вашей *къ Россіи*. Слово Наше о охраненіи васъ *въ единствѣ* есть непреложно".

Всѣ эти выдержки достаточно показываютъ, что въ цитатѣ 1-й нѣтъ никакого основанія для включенія въ ст. 4-ю упоминанія о „престолѣ" Великаго Княжества Финляндскаго.

2-я и 3-я цитаты 1811 г. декабря 11 (24907) и 31 (24934), имѣютъ въ виду: одна—Манифестъ „о наименованіи старой и новой Финляндіи совокупно Финляндію", въ которомъ сказано:

„Прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будутъ *въ главномъ управленіи для сей страны Нами учреждаемомъ*".

Другая цитата содержитъ въ себѣ подробности этого учрежденія. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о финляндскомъ престолѣ, а о главномъ управленіи.

Единственный документъ, давшій достаточный, повидимому, поводъ къ появленію 4 ст., заключается въ 5-й цитатѣ—Манифестъ 12 декабря 1825 г. о вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича. Въ немъ дѣйствительно сказано:

„.....вступая на Прародительскій престолъ Всероссійской Имперіи *и на нераздѣльные съ нимъ престолы* Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ..." и пр.

Но если сличить эти строки съ сущностью всего вышесказаннаго, то здѣсь несомнѣнно вкралась неточность изложенія [1]); въ нее редакторъ впалъ вслѣдствіе упоминанія

[1]) Слѣдуетъ не упускать изъ виду обстоятельствъ, при коихъ манифестъ былъ писанъ.

тутъ же о престолѣ Царства Польскаго, который тогда и фактически и юридически признавался. О коронѣ польской и о вѣнчаніи его упоминалось въ актахъ даже 1832 г. Ничего подобнаго не было въ отношеніи къ Финляндіи, о коронѣ которой и тѣмъ болѣе о вѣнчаніи нигдѣ не могло быть даже и намека.

Дѣйствительно не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1826 г. (цит. 6-ая) Манифестъ 22-го августа (№ 537) „о порядкѣ наслѣдія Всероссійскаго Престола и объ опекѣ и правительствѣ на случай кончины Государя Императора до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника", — исправилъ погрѣшность на счетъ престола Финляндскаго. Въ манифестѣ говорилось:

„...постановляемъ: *Первое*, какъ дни жизни Нашей суть въ рукѣ Божіей, то на случай кончины Нашей, до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича, опредѣляемъ Правителемъ *Государства и нераздѣльныхъ съ нимъ* (т. е. съ Государствомъ) *Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго* любезнѣйшаго брата Нашего, Великаго Князя Михаила Павловича".

Эта поправка, имѣющая существенное значеніе, могла бы еще оставлена быть безъ вниманія, какъ заключающаяся въ актѣ, сравнительно съ Манифестомъ о восшествіи на престолъ, менѣе важномъ. Однако 8-ая цитата устраняетъ и это сомнѣніе. Равносильный акту 12 декабря 1825 г. Манифестъ о воцареніи Императора Александра Николаевича 18 февраля 1855 г. подтвердилъ исправленіе ошибочной редакціи. Въ немъ именно сказано:

„...въ сей печальный, но и торжественный часъ, вступая на Прародительскій Нашъ *Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею* (т. е. съ Имперіей) Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицомъ невидимо соприсутствующаго Намъ Бога, пріемлемъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества Нашего".

Законъ 18-го февраля 1885 г., отмѣнившій законъ 12 декабря 1825 г., устранилъ, слѣдовательно, всякое упоминаніе о „престолѣ" Великаго Княжества Финляндскаго. То же было и въ изданномъ вскорѣ затѣмъ новомъ Манифестѣ 21-го мая (29341) объ опекѣ и правительствѣ до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника, гдѣ повторены буквально выраженія Манифеста 22-го августа 1826 г.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что изъ 9-ти актовъ, на которыхъ будто бы основана ст. 4-ая Основн. Закон.,—

два вовсе не относятся къ Великому Княжеству Финляндскому, а изъ остальныхъ семи—значеніе единственнаго акта, упоминающаго о престолѣ Великаго Княжества, прямо устраняется и отмѣняется рядомъ послѣдующихъ актовъ, и наконецъ въ двухъ говорится не о престолѣ, а о „главномъ управленіи“ Финляндіи.

Слѣдуетъ прибавить, что и въ Манифестѣ 1-го марта 1881 г. о Финляндскомъ престолѣ не говорится.

II.

Изъ альбома автографовъ. (Сообщено А. А. Катенинымъ).

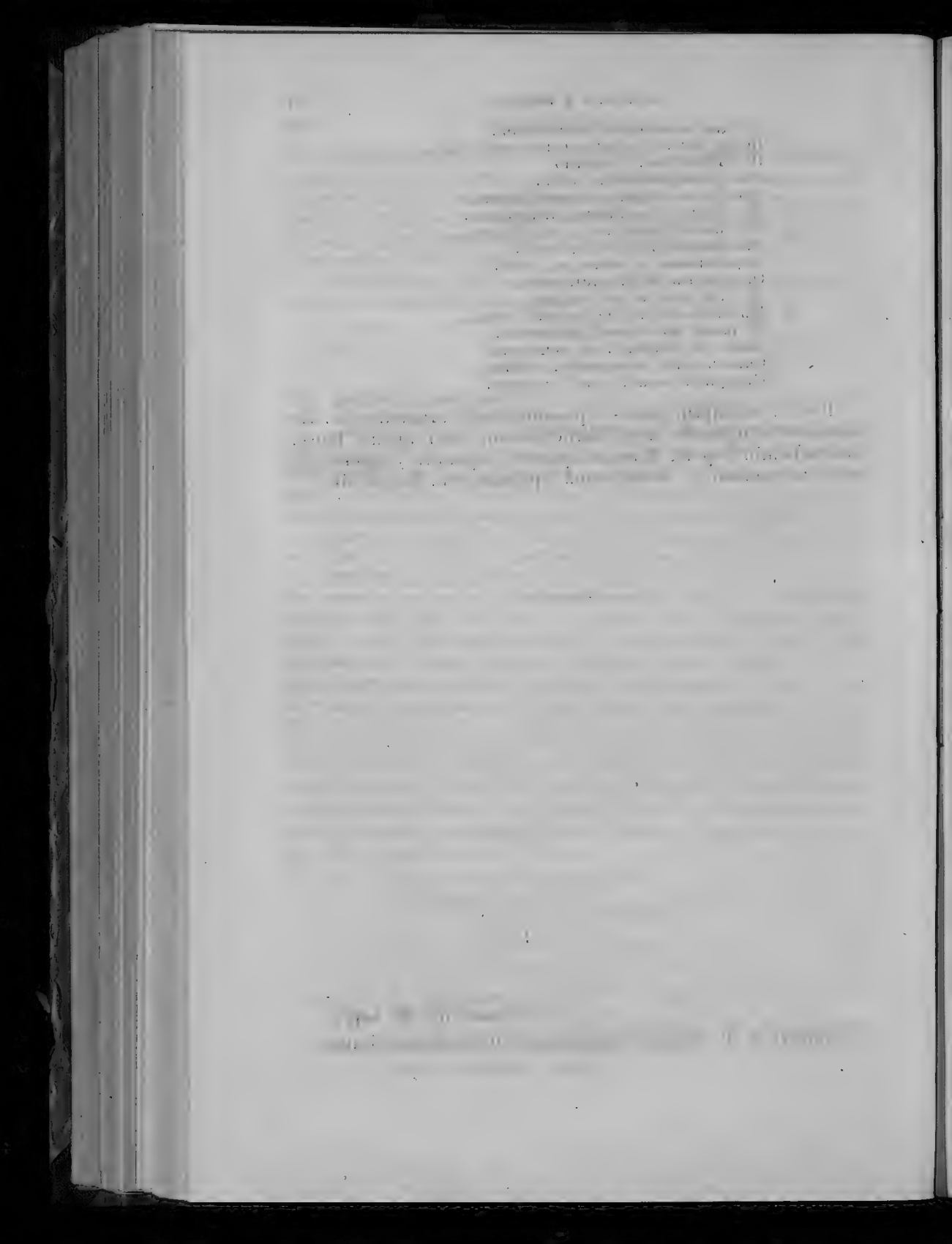
1. **Письмо Князя П. А. Вяземскаго къ С. А. Николаевскому.** Homburg v. d. Höhe $^{12}/_{24}$ окт. 1874 г. Прежде всего зная вашу мнительность и щекотливость,—извините мнѣ мою откровенность—долженъ я принесть вамъ повинную голову и просить васъ простить мнѣ, великодушно или по крайней мѣрѣ безъ злопамятства, поздній мой отвѣтъ на Ваше любезное письмо въ прозѣ и стихахъ. Содержаніе того и другаго оцѣнилъ я съ полнымъ сочувствіемъ. Благодарю Васъ за память и за все лестное, сказанное Вами мнѣ, можетъ быть, и вслѣдствіе поэтической вольности, но, не сомнѣваюсь, и вслѣдствіе Вашего ко мнѣ доброжелательнаго расположенія. А долго неотвѣчалъ я потому, что въ Гомбургѣ дѣлать нечего, а что гдѣ дѣлать нечего, тамъ никогда не успѣваешь дѣлать, что хочешь и что долженъ дѣлать. Вотъ и все оправданіе мое. Милѣйшій Барсуковъ, вѣроятно, передалъ Вамъ статистическое и характеристическое описаніе Гомбурга и моего въ немъ житья-бытья, если можно назвать это жить и быть. Но пока, климатъ и воздухъ Гомбурга, кажется, болѣе благопріятствуютъ моему прозябанію, чѣмъ другіе испытанные мною климаты и воздухи. Вотъ я здѣсь и прозябаю, а тамъ, что Богъ дастъ!

Съ моею музой престарѣлой
Любезничать хотите Вы:
Но не вскружить Вамъ посѣдѣлой
И ужь остывшей головы.
Нѣтъ, муза трезво пробудилась
Отъ соблазнительнаго сна,
Съ годами и остепенилась,
И образумилась она.
Цвѣты поблекли по дорогѣ,
И небо пасмурно глядитъ,
И дома грустно на порогѣ
Она задумавшись сидитъ.

Въ дни молодости беззаботной,
Когда намъ въ радость все что есть,
И легковѣрно, и охотно
Она выслушиваетъ лесть.
Теперь не вѣритъ обольщеньямъ,
Не вѣритъ льстивымъ похваламъ:
Съ самопознаньемъ и смиреньемъ,
Она покорствуетъ судьбамъ.
Передовымъ и книги въ руки!
Она жъ въ обозѣ отсталыхъ:
И если иногда отъ скуки
Къ стихамъ еще подводитъ стихъ,
То развѣ изъ одной привычки,
Какъ на лежанкѣ, въ вечерокъ
Сквозь сонъ передвигая спички,
Старушка вяжетъ свой чулокъ.

Вотъ и я старый *грѣхо-* и риѳмоводчикъ откликнулся. Не взыщите! а примите ихъ благосклонно, какъ прошу Васъ, любезнѣйшій Сергѣй Александровичъ, принять увѣреніе въ моей искренней и неизмѣнной преданности. Вяземскій.

Редакторъ Ф. Бергъ.
Издатели: Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза“.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАГО.

НОЯБРЬ.

стр.

На событіе 17 октября. Стихотвореніе *А. Н. Майкова* . 1
Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ (1853 — 1863 г.). *С. С. Татищева* 3
Неизданныя письма Гоголя и Жуковскаго. *И. А. Бычкова.* 60
Молодежь. Романъ, часть третья, гл. III — V. *К. Ѳ. Орловскаго* 71
Стихотворенія *Я. П. Полонскаго* 102
Школьная жизнь въ Прагѣ. (Изъ воспоминаній). *А. Д. Погодина* 104
Отецъ-командиръ. Разсказъ *К. В. Тхоржевскаго.* . . . 135
Изъ „Шахъ Наме“ Стихотвореніе *кн. Д. Н. Цертелева.* 151
Изъ записокъ сельскаго учителя. *С. А. Рачинскаго.* . . 152
Митрополитъ Иннокентій на крайнемъ Востокѣ. *И. Н. Супорскаго.* 164
Стихотвореніе *С. А. Андреевскаго* 192
Воспоминанія о Сибири (окончаніе). *Б. В. Струве.* . . 193
За работой. Разсказъ. *Д. И. Стахѣева* 218
Письма изъ Рима и Неаполя. *И. В—ва* 246
Критика. I. О личной свободѣ. *Н. Б.*—П. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. *А. М.* . . 278
Новости литературы. I. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенсъ. Т. VIII. — II. Кіевъ теперь и прежде. М. М. Захарченко. — III. Н. С. Суворовъ. Вѣра и дѣла.—IV. П. П. Гнѣдичъ. Семнадцать разсказовъ.—V. Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel. v. Dr. Georg Schmid 302
Письма изъ деревни. Хозяйственное винокуреніе. *Князя Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго.* 316
Внутреннее обозрѣніе. Крушеніе Императорскаго поѣзда.—Высочайшій манифестъ 23 октября.—Исполненіе государственной росписи за 1887 годъ.—Упорядоченіе дѣла общественнаго призрѣнія и благотворительности по почину московскаго городскаго управленія.—Надѣленіе народныхъ школъ землею.—Опять раскаявшійся террористъ. . . . 330

Политическое обозрѣніе. Путешествіе по Европѣ императора Германіи. — Ожидаемые и дѣйствительные результаты этого путешествія. — Пребываніе въ Римѣ и визитъ въ Ватиканъ.—Обновленіе „лиги мира“. — „Мирныя цѣли“ императорскихъ визитовъ. — Другая Императорская поѣздка.—Невольное сравненіе.—Новыя австрійскія интриги.—Подвиги короля Милана. — Во Франціи: пересмотръ конституціи и успѣхи буланжизма 350
Сообщенія и извѣстія. I. Неизданное письмо Гизо о русской политикѣ на Востокѣ въ 1853 году. (Сообщ. С. С. Татищевымъ).—II. Еще о Слѣпцовѣ. (Сообщ. Д. Д. Ахшарумовымъ). — III Народное чтеніе 23 октября. (Сообщ. И. П—вымъ). 368
Объявленія.
Приложеніе: I. Лондонцы. Романъ въ двухъ частяхъ *Э. Х. Муррея*. ч. I-я. Главы III—IV II. Проницатель. Романъ въ трехъ частяхъ. *Вальтера Безанта*. Часть I-я. Прологъ. Главы I—III. . . . . 29—86

ДЕКАБРЬ.

Историко-критическія замѣтки *Д. И. Иловайскаго*. . . 1
Уссурійскій край. V. *А. Я. Максимова* 19
Знакомство съ Герценомъ. (Отрывки изъ воспоминаній). *А. П. Милюкова* 47
Молодежь. Романъ, часть третья, гл. VI—VIII. *К. Ѳ. Орловскаго*. 62
„Море“. Стихотвореніе. Е. В. Короля Оскара II пер. *В. И. Головина* 104
Домъ боярина XVII столѣтія. *Е. Н. Опочинина* . . . 107
Изъ любви къ искусству. Разсказъ. *Н. И. Мёрдеръ*. . 148
Наше военное дѣло за 1886 годъ. ***. 168
Моленье вѣтру. (Изъ быта мурманскихъ поморовъ). Разсказъ. *К. К. Случевскаго* 210
„Лучи и тѣни“. Стихотворенія *Н. П—о*. 223
Тьма Египетская. Романъ. Книга первая, главы XXI—XXV. *Вс. В. Крестовскаго*. 229
Критика. I. Живой глаголъ русской археологіи *И. П. Хрущова*.—II. Новая книга о Китаѣ. Принципы жизни Китая. С. Георгіевскаго. *И. Н. Супорскаго*. 292

Новости литературы. I. Воронежскіе акты. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Томъ первый. Воронежъ, 1887 г.—II. Архивъ юго-западной Россіи. Часть вторая, томъ II. Кіевъ, 1888 г.—III. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Петербургъ, 1889 г.—IV. М. В. Крестовская. Ранніе годы. Испытаніе. Внѣ жизни. Уголки театральнаго мірка. Петербургъ, 1889 г. 314

Внутреннее обозрѣніе. Страхи „Вѣстника Европы“.—Его отвѣтъ на наши возраженія.—Въ чемъ состоитъ органическій порокъ нынѣшняго земскаго представительства?—Лжесвидѣтельствующіе мировые судьи.—По поводу мнѣній М. Н. Каткова.—Благонамѣренные либералы.—Податное верховенство земства; необходимость огражденія частныхъ интересовъ.—Подвиги либеральнаго художника.—Финансовый законъ 8 ноября, конверсія и „золотой заемъ“. 325

Политическое обозрѣніе. Положеніе дѣлъ въ Кореѣ.—Англійскія продѣлки въ Персіи и Друммондъ-Вольфъ.—Наша дипломатія и опять Корея.—Результаты политическихъ странствій.—Балканскій вопросъ.—Переговоры Россіи съ Ватиканомъ.—Отношенія Австріи и Германіи.—Положеніе кн. Бисмарка.—Дѣла во Франціи.—Юбилей короля Христіана IX.—Новый брачный союзъ.—Послѣднія новости изъ Персіи. 348

Сообщенія и извѣстія. I. Финляндскія дѣла.—Погрѣшность редакціи 4-й статьи Т. I Свода Зак. Основныхъ. (Сообщ. К. Ф. Ординымъ).—II. Изъ альбома автографовъ. (Сообщ. А. А. Катенинымъ). Письмо князя П. А. Вяземскаго къ С. А. Николаевскому. 376

Объявленія.

Приложеніе: I. Лондонцы. Романъ въ двухъ частяхъ, *Э. Х. Муррея*. Часть 1-я. Главы V—VII.—Прорицатель. Романъ въ трехъ частяхъ, *Вальтера Бсзанта*. Часть первая. Главы IV—IX. . . . 87—158

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889 ГОДА

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. Двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ 1889 г. составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 г. съ пересылкою и доставкою—девять рублей.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ конторѣ у Печковской (Петровскія линіи); въ Петербургѣ, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 руб. за каждый годъ съ пересылкою. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 7 руб. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія предметныя Росписи за пять, десять, пятнадцать и двадцать лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—ДВА рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.

Открыта подписка на 1889-й годъ (второй годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРЪ"

издаваемый **Вс. С. Соловьевымъ**, подъ редакціей **П. П. Гнѣдича.**

— Назначеніе „Сѣвера"—удовлетворить сознаваемую русскимъ обществомъ потребность въ доступномъ для всѣхъ литературно-художественномъ журналѣ чисто русскаго, отечественнаго направленія. Рисунки, по преимуществу гравюры, исполняются нашими извѣстнѣйшими художниками и граверами. Въ будущемъ году редакція „Сѣвера" сдѣлаетъ все возможное для расширенія и разнообразія художественнаго отдѣла. —

— Въ литературномъ отдѣлѣ составъ сотрудниковъ остается прежній. Для помѣщенія въ 1889 году редакціей пріобрѣтены, между многими другими, слѣдующія произведенія:

П. Д. Боборыкина—«При номерахъ», разсказъ.—**Н. П. Вагнера** (Кота-Мурлыки)—«Свѣтъ и мракъ», повѣсть.—**Кн. М. Н. Волконскаго**—«Князь Никита Ѳедоровичъ», большая историч. повѣсть (врем. царств. Анны Іоанновны).—**П. П. Гнѣдича**—«Сны», повѣсть, и нѣсколько разсказовъ. — **М. А. Загуляева**—«На Западѣ» (изъ записокъ русскаго журналиста).—**А. Я. Максимова** — Два охотничьи разсказа изъ жизни на крайнемъ Востокѣ.—«Дневникъ за старые годы» покойнаго извѣстнаго писателя, **Нестора Васильевича Кукольника.—Алексѣя Лугового**—«Не отъ міра сего», разсказъ.—**Е. Л. Маркова**—«Путешествіе по Востоку».—**В. И. Немировича-Данченко**—«Призраки побѣдили», большая повѣсть. — **А. С. Размадзе**—«Двойникъ», разск.—**М. С. Сковронской**—«Гюнтеръ и Ангеличъ», разск.—**В. А. Тихонова**—«Своя—чужая», пов. и «Деньщикъ», разсказъ.—**К. В Тхоржевскаго** — два разсказа.—**Д-ра Ульрихсона**—«Очерки осады Севастополя».—**А. В. Чуйко**—«Поѣздка за-границу», разск.—**С. В. Эвальда**—«Древняя помѣщица», разсказъ; «Романъ въ вагонѣ» разск.—**І. І. Ясинскаго** (Максима Бѣлинскаго)—«Море», разсказъ.

Въ 1889 г. въ журналѣ „Сѣверъ" будетъ печататься новый историч. романъ (изъ временъ Екатерины II) **Всеволода Соловьева:**

„Великій Розенкрейцеръ".

Того же автора: **«Изъ книги моей жизни»**, воспоминанія и разсказы.

Бесѣды „Сѣвера" по разнымъ общественнымъ вопросамъ, интересующимъ русскихъ людей.

Редакція „Сѣвера", безъ всякаго увеличенія подписной цѣны и какихъ-либо доплатъ на пересылку, разошлетъ всѣмъ своимъ подписчикамъ литературно-художественное приложеніе самаго разнообразнаго содержанія:

„АЛЬМАНАХЪ СѢВЕРА",

въ которомъ примутъ участіе извѣстные русскіе писатели и художники. „Альманахъ Сѣвера" выйдетъ изящно-изданной книжкой не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Каждое произведеніе будетъ сопровождаться **портретомъ автора и его автографомъ.**

— **ЦѢНА** за годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкою 5 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 6 руб., заграницу 8 руб.

— Съ требованіями просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала „Сѣверъ": С.-Петербургъ, Екатерининская (бывшая Малая Садовая), № 4, на имя издателя Всеволода Сергѣевича Соловьева. —

Для служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. „Лондонцы“. Романъ въ двухъ частяхъ. Э. Х. Муррея. Часть первая. Главы V—VII.

II. „Прорицатель“. Романъ въ трехъ частяхъ. Вальтера Безанта. Часть первая. Главы IV—IX.

ЛОНДОНЦЫ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Д. Х. Муррея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

V.

Вскорѣ послѣ завтрака миссъ Фарръ и докторъ вернулись на лужайку и снова занялись фотографіей. М-съ Уайнкотъ, все еще не смягчившаяся относительно Арнольда и не обращавшая на него никакого вниманія, послѣдовала за ними и засѣла въ палаткѣ, Эдита и Арнольдъ остались вдвоемъ.

— Я вижу, сказала старая дѣвица, что вы послушались моего призыва; садитесь, Арнольдъ, мнѣ надо серьезно поговорить съ вами.

Арнольдъ послушно сѣлъ и ждалъ, Эдита придвинула стулъ близко, близко къ нему и положила руку на его руку.

— Я настолько стара, Арнольдъ, что могу говорить съ вами какъ старшая сестра. Я не стану прибѣгать къ изворотамъ,—я ненавижу намеки и секреты.

Послѣ этого предисловія, она заговорила однако не прямо.

— Одинъ молодой джентльменъ, большой мой пріятель и притомъ довольно близкій родственникъ, пріѣзжалъ сюда въ прошломъ году. Въ это же время здѣсь гостила одна молодая особа, и у меня есть всѣ основанія думать, что они полюбили другъ друга. Но вдругъ молодой джентльменъ открылъ, что молодая особа стала богатой невѣстой и, будучи самъ Донъ-Кихотомъ и гордецомъ, онъ обратился въ бѣгство при

первой же возможности и, оставляя бѣдную дѣвушку подъ такимъ впечатлѣніемъ, словно она его чѣмъ оскорбила. Ну вотъ, Арнольдъ, если когда-нибудь вы встрѣтите этого юнаго джентльмена, то скажите ему отъ меня, что онъ поступилъ безразсудно и даже нехорошо.

— Мнѣ все это самому извѣстно, отвѣчалъ Арнольдъ.

Онъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка, и уставился глазами въ дверь.

— Я знаю, что джентльменъ поступилъ такъ, какъ считалъ наиболѣе благоразумнымъ и достойнымъ при существующихъ обстоятельствахъ.

— Развѣ молодая особа отказала ему?

— Нѣтъ. Онъ не рискнулъ объясниться съ нею.

— Арнольдъ, милый, я думаю, что онъ очень былъ въ нее влюбленъ.

— Пожалуйста не говорите больше объ этомъ, сказалъ Арнольдъ, вставая. Если вы пригласили меня сюда, чтобы сказать мнѣ это, то, конечно, я вамъ благодаренъ; я знаю, что вы желаете мнѣ добра. Если даже молодой джентльменъ и питалъ надежды, то онѣ разсѣялись прошлою осенью, и у него нѣтъ больше никакихъ иллюзій.

— Но если то были не иллюзіи? Представьте, что дѣвушка оскорблена?

— Нѣтъ никакого основанія предполагать это, сказалъ онъ такъ рѣзко и рѣшительно, что даже испугалъ свою собесѣдницу.

— Еслибы я думала это, то должна быть очень глупой и дурной женщиной, возбуждая въ васъ надежду. Но я увѣрена, что она все еще не совсѣмъ равнодушна, хотя и болѣе равнодушна, чѣмъ была въ прошломъ году.

Теперь она сама покраснѣла, и на глазахъ ея засверкали слезы и при этомъ она вдругъ какъ бы помолодѣла и похорошѣла.

— Я знавала дѣвушку, продолжала она не то смѣясь, не то плача,—это было почти двадцать лѣтъ назадъ,—эта дѣвушка все на свѣтѣ дала бы за то, чтобы кто-нибудь сдѣлалъ то, что я теперь дѣлаю. Но никто этого не сдѣлалъ, и дѣвушка осталась старой дѣвой. Она не несчастна, конечно, о, вовсе нѣтъ! но далеко не такъ счастлива, какъ желала бы быть.

Арнольдъ нагнулся и поцѣловалъ ее, а она на минутку прислонила голову къ его плечу. Послѣ того она отошла и, вытеревъ глаза, вернулась назадъ по-прежнему спокойная и вполнѣ овладѣвъ собой.

— Я не буду больше говорить о себѣ, а не то вы сочтете меня глупой и сантиментальной старухой.

— Не стану отрицать, сказалъ Арнольдъ, глядя въ пространство и говоря очень медленно и рѣшительно, — что у меня зародились было кое-какія фантазіи. Не стану отрицать, что фантазіи завлекли меня далеко. До сихъ поръ я ни съ одной душой не говорилъ объ этомъ и совсѣмъ не хотѣлъ говорить.

— Я увѣрена въ этомъ.

— Не думаю, продолжалъ онъ также рѣшительно,—чтобы я когда-нибудь нравился миссъ Фарръ. У меня были основанія предполагать, что я ей вовсе не нравлюсь. Тѣмъ не менѣе я рискнулъ бы признаться ей въ своихъ чувствахъ, еслибы она не разбогатѣла.

— Такъ и есть! глупый мальчикъ! закричала Эдита. Я была въ этомъ увѣрена.

— Но отъ женщины, съ ея состояніемъ и ея шансами на свѣтскіе успѣхи, продолжалъ Арнольдъ, не обращая вниманія на перерывъ,—нельзя требовать, чтобы она схоронила себя въ Истъ-Эндскомъ кварталѣ Лондона и жила бы тою жизнью, какою я живу, и водилась съ тѣми людьми, съ какими я вожусь. Я такъ люблю свое дѣло, что не брошу его ни для кого въ мірѣ. Я не имѣю права просить избалованную женщину раздѣлить мою долю. Говоря откровенно, милая Эдита, единственный недостатокъ, какой я открылъ въ характерѣ лэди, о дѣлахъ которой смѣю такъ дерзко разсуждать, это то, что она немножко избалована. То, что для многихъ женщинъ покажется сноснымъ, для нея будетъ нестерпимо. Ну, а теперь пойдемте отсюда и позабудемъ то, что мы говорили, это лучшее, что мы можемъ сдѣлать.

Она бы такъ легко не отошла отъ него, еслибы онъ не былъ такъ рѣшителенъ и стоекъ. Она побоялась, какъ бы онъ не далъ такого зарока, послѣ котораго уже нельзя будетъ отступить назадъ. Какъ искусный дипломатъ, она не хотѣла задавать генеральнаго сраженія и удовольствовалась пустой стычкой, отложивъ рѣшеніе до болѣе удобнаго случая.

Они поболтали о постороннихъ вещахъ и потомъ пошли на лужайку.

— Не благоразумно, шепнула ему Эдита, выходя изъ дому,—выказывать ей такую холодность, какъ сегодня утромъ. Она подумаетъ, что оскорбила васъ.

Это было не особенно хитро для женщины, но Арнольдъ попался на удочку и употребилъ всѣ усилія, чтобы быть любезнымъ.

Миссъ Фарръ тотчасъ же откликнулась на его любезность и, возстановивъ между ними добрыя отношенія, Эдита предоставила ихъ самимъ себѣ. Она подсѣла къ мамѣ, ледяное обращеніе которой, казалось, охлаждало температуру палатки.

Старшая лэди дремала, а младшая вышивала; и это продолжалось съ часъ или два. Тріо на лужайкѣ, какъ казалось Эдитѣ, больше занималось разговорами, нежели фотографіей; откинувъ полу шатра, она увидѣла ихъ лѣниво возсѣдающими въ тѣни громадной березы. Шотландскій говоръ Эльфинстона походилъ издали на жужжаніе пчелы. Онъ, повидимому, не особенно усердствовалъ, такъ какъ голосокъ миссъ Фарръ частенько звенѣлъ, заглушая его голосъ. Было очень жарко, и глубокое и правильное дыханіе м-съ Уайнкотъ, и тихій и низкій баритонъ доктора произвели такое успокоительное дѣйствіе на нервы миссъ Эдиты, что она тоже было задремала, какъ вдругъ ее разбудилъ голосъ одной изъ служанокъ:

— Извините, миссъ, говорила служанка,—миссъ Фарръ прислала меня спросить: угодно ли вамъ, чтобы чай былъ поданъ на лужайку?

— Разумѣется, отвѣтила Эдита, совсѣмъ проснувшись.

Фотографическій аппаратъ снова работалъ, и на этотъ разъ имъ управлялъ докторъ. Миссъ Фарръ и Арнольдъ разговаривали другъ съ другомъ, повидимому, просто и непринужденно. Поэтому Эдита притворилась, что ее интересуютъ фотографическіе подвиги доктора и подошла къ нему, предлагая свои услуги.

— Нѣтъ, нѣтъ, отказался тотъ. Я побился объ закладъ съ Дженетой, что обойдусь безъ всякихъ услугъ. Условія блистательныя, матеріалы тоже превосходнѣйшіе, я произведу chef-d'oeuvre.

Обѣ служанки пришли и принесли одна столъ, а другая подносъ съ чайнымъ приборомъ, а мальчикъ-пажъ принесъ самоваръ.

— Отойдите въ сторону, сказалъ Эльфинстонъ торжественно. Поставьте столъ вонъ тамъ, а не у меня на носу и не смѣйте подходить близко, пока я не скажу, что можно.

Трое слугъ двигались на цыпочкахъ, и м-съ Уайнкотъ, проснувшись, показалась въ дверяхъ шатра. Въ ту минуту, какъ она вступила на лужайку, въ камерѣ стукнуло, и Эльфинстонъ повернулся къ миссъ Фарръ и съ тріумфомъ ей поклонился.

— Надѣюсь, что не ударю лицомъ въ грязь, миссъ Дженета, сказалъ старикъ.

— Очень хорошо, отвѣчала Дженета, а теперь моя очередь.

Она весело принялась за дѣло, утверждая, что свѣтъ не такъ уже ярокъ и что условія конкурса не равны.

— И помните, что я требую такой же неподвижности, какой и вы требовали, прибавила она, передразнивая торжественный тонъ Эльфинстона.

— Хорошо, хорошо, Дженета, успокаивалъ ее докторъ. Ни одна душа не шевельнется подъ угрозою смерти.

Тотчасъ же всѣ затихли, а слуги такъ даже замерли на мѣстѣ, воображая, что съ нихъ снимутъ портреты. Мальчикъ-пажъ скорчилъ забавную гримасу, а дѣвушки-горничныя приняли позу, не лишенную кокетства.

Прошла минута или двѣ, и въ продолженіе этого времени никто не шевелился, кромѣ самой миссъ Фарръ. Она суетилась съ важнымъ и рѣшительнымъ лицомъ. Наконецъ раздался стукъ камеры.

— Можете опять дышать, объявилъ докторъ, и жизнь водворилась на лужайкѣ. Вы правы, миссъ Дженета Фарръ, продолжалъ онъ, конкурсъ не равномѣренъ, вы украли мой фокусъ.

Миссъ Фарръ уже направилась къ дому и, обернувшись, погрозила пальцемъ.

— Чай готовъ, Дженета, крикнула ей вслѣдъ м-съ Уайнкотъ.

— Сейчасъ вернусь, откликнулась она, поднимая руки въ воздухѣ, я должна вымыть руки. Не ждите меня. Я живо сбѣгаю.

И съ этими словами вбѣжала въ домъ, но всего лишь минуту спустя раздался сильный непривычный звонъ колокольчика и затѣмъ послышался звонъ металла, какъ будто бы самъ колокольчикъ ударился о дубовый полъ сѣней. И прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выразить удивленіе и спросить, что это значитъ, миссъ Фарръ появилась у одного изъ оконъ своей спальни, дѣлая почти бѣшеныя усилія, чтобы отворить его. Когда ей это удалось, она высунулась изъ него головой и плечами и закричала взволнованнымъ голосомъ:

— Арнольдъ! Эдита! мои брилліанты!

Арнольдъ, Эдита и докторъ,—всѣ побѣжали въ домъ, оставивъ м-съ Уайнкотъ внѣ себя отъ страха и какъ бы приросшею къ землѣ. Арнольдъ натурально всѣхъ опередилъ и, взбѣгая по лѣстницѣ, увидѣлъ черноволосую, черноглазую

дѣвушку съ лицомъ, блѣднымъ, какъ мраморъ. Она ухватилась за притолоку двери спальни миссъ Фарръ, и взглядъ ея выражалъ неподдѣльный ужасъ. Она и Арнольдъ увидѣли другъ друга одновременно, и дѣвушка быстро проскользнула въ комнату, куда онъ вошелъ вслѣдъ за нею и увидѣлъ, что она стоитъ передъ миссъ Фарръ.

— Мои брилліанты! Мои брилліанты! украли мои брилліанты!

Черноволосая и черноглазая дѣвушка обвела взглядомъ комнату все съ тѣмъ же ужасомъ и Арнольдъ успѣлъ опомниться, какъ она съ крикомъ грохнулась на полъ. Головой она ударилась о рѣшетку камина и лежала на полу, какъ мертвая.

Миссъ Фарръ забыла про брилліанты, бросилась къ ней съ крикомъ ужаса и стала около нея на колѣни. Арнольдъ охватилъ руками неподвижное тѣло дѣвушки и приподнялъ его. При этомъ голова у ней закатилась, но въ ту же минуту вошелъ докторъ запыхавшись и размахивая руками.

— Что у васъ тутъ?

Онъ кинулъ подушку съ постели на кушетку и помогъ Арнольду положить на нее безчувственную дѣвушку. Послѣ того, ловко распустилъ густую косу и спросилъ дѣловымъ тономъ губку. Миссъ Уайнкотъ, вошедшая въ комнату по пятамъ м-ра Эльфинстона, принялась истерически рыдать при видѣ крови, и Эльфинстонъ, повернувшись къ миссъ Фарръ, которая стояла блѣдная и дрожащая около него, спокойно сказалъ:

— Не допускайте миссъ Уайнкотъ разстроивать себя, Дженета. Уведите ее отсюда и успокойте. Пришлите мнѣ нѣсколько большихъ носовыхъ платковъ и ножницы.

Дженета повиновалась. Обѣ служанки и молодой пажъ стояли въ корридорѣ испуганной группой, и когда она проходила мимо, то приказала имъ исполнить приказанія доктора.

— Не могу ли я быть вамъ полезенъ, докторъ Эльфинстонъ? спросилъ Арнольдъ.

— Да, сэръ. Вы можете держать языкъ за зубами. Подайте мнѣ этотъ тазъ съ водой. Подержите его вотъ такъ.

Дѣвушка упала на острый, почти какъ ножъ, край стальной полированной рѣшетки и серьезно поранила себя. Кровь обильно текла изъ раны, но пока нельзя было опредѣлить характеръ и размѣры послѣдней, когда же одна изъ служанокъ принесла ножницы, Эльфонстонъ отрѣзалъ большую прядь волосъ и критическимъ окомъ осмотрѣлъ рану.

— Что значитъ этотъ крикъ о брилліантахъ? спросилъ онъ, когда ему удалось остановить кровоизліяніе посредствомъ холодныхъ компрессовъ.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Арнольдъ, кромѣ того, что миссъ Фарръ объявила, что они украдены, что они очень цѣнны.

— Цѣнны ли? повторилъ Эльфинстонъ. Они стоятъ отъ тридцати до сорока тысячъ фунтовъ. Паціенткѣ пока нуженъ только покой. Слушайте-ка, Гарріета. Садитесь здѣсь и давайте ей время отъ времени нюхать соли.

— Вотъ, должно быть, шкафъ, сказалъ Арнольдъ, откуда они украдены!

Онъ вмѣстѣ съ докторомъ подошли и осмотрѣли шкафъ. Дверца его лежала на полу и въ одномъ мѣстѣ дерево было выломано. Арнольдъ указалъ на это.

— Ага! сказалъ докторъ, вотъ куда они засунули отмычку. Нужно обладать недюжинной силой для такого дѣла.

— Однако, сэръ, безполезно стоять тутъ, замѣтилъ Арнольдъ. Лучше послать за полиціей въ Лондонъ, не теряя времени.

— Возьмите это на себя, м-ръ Эсденъ, отвѣчалъ старикъ, а если потребуется, то я раздѣлю отвѣтственность вмѣстѣ съ вами.

Арнольдъ побѣжалъ въ деревню, на почту и послалъ депешу: „Украдены нѣсколько часовъ тому назадъ брилліанты, стоимостью въ тридцать тысячъ фунтовъ изъ Гилль-Гауза, Уатонъ Гилль, Кентъ. Пришлите опытнаго сыщика немедленно“.

До сихъ поръ ему некогда было размышлять, но когда онъ возвращался домой, то пораженное ужасомъ лицо дѣвушки, которую онъ увидѣлъ на площадкѣ лѣстницы, вспомнилось ему. Выраженіе этого лица нельзя было забыть, и оно неотступно преслѣдовало его. Что это было: угрызеніе нечистой совѣсти? И тутъ же отвѣчалъ себѣ:—нѣтъ. Но кромѣ угрызенія совѣсти, онъ не видѣлъ причины для такого волненія, жертвой какого была особа съ такимъ выраженіемъ лица. Онъ терялся въ догадкахъ, женская ли рука сломала дверцу шкафа? или она была только сообщницей? При всемъ своемъ волненіи онъ испытывалъ родъ жалости къ ней; ему жалко было, что она виновата, и что вину ея неизбѣжно откроютъ, хотя и допускалъ, что нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ подозрѣвать ее.

Въ такомъ настроеніи вернулся онъ домой. Онъ нашелъ тамъ неожиданные миръ и тишину. Старая лэди, ея дочь,

миссъ Фарръ и докторъ сидѣли вмѣстѣ и дожидались его возвращенія. Всѣ они были очень спокойны, хотя лица были торжественно испуганныя.

— Вы получите свои брилліанты обратно, Дженета, сказалъ Эльфинстонъ, когда Арнольдъ сообщилъ о депешѣ. Можно держать пари тысячу противъ одного.—Оказывается, обратился онъ къ Арнольду,—что одна изъ служанокъ входила въ комнату миссъ Фарръ за десять минутъ до нея самой. Все было тогда въ порядкѣ, такъ что воръ не могъ успѣть уйти очень далеко. Они поймаютъ его, будьте спокойны.

— И какой-нибудь бѣднякъ будетъ посаженъ въ тюрьму по моей винѣ, вскричала Дженета. Я бы лучше хотѣла лишиться брилліантовъ.

— Душа моя, успокоивалъ ее докторъ,—вы говорите чувствительный вздоръ. Если человѣкъ не можетъ удержаться, чтобы не ударить меня по головѣ отъ того, что у меня въ карманѣ есть деньги и часы, то я не виноватъ въ томъ, что они лежатъ у меня въ карманѣ, а негодяй, который не можетъ безъ зависти видѣть это, долженъ быть удаленъ изъ общества ради безопасности.

Но Дженета была неутѣшна и горько оплакивала свою глупость и тщеславіе. М-съ Уайнкотъ и Эдита тоже утѣшали ее, хотя соблазнъ сказать: „вѣдь я вамъ говорила“,—былъ очень великъ.

— Ну-съ лэди, сказалъ Эльфинстонъ,—въ естественномъ волненіи мы пропустили пятичасовой срокъ. Я вовсе не хочу, чтобы у меня оказались еще три паціентки на рукахъ, а потому беру смѣлость приказать подавать чай. Тотъ, что стоитъ на лугу, уже остылъ и не годенъ.

Никто не противорѣчилъ, чай былъ принесенъ. Они медленно пили его изъ чашекъ, когда сильный звонокъ у входныхъ дверей заставилъ дамъ вскрикнуть. Онѣ не успѣли придти въ себя, какъ появилась одна изъ служанокъ съ докладомъ:

— Пріѣхалъ джентльменъ изъ Скотландъ-Ярда, ма'амъ. М-ръ Прикетъ.

VI.

Докторъ всталъ и пошелъ въ сѣни, гдѣ стоялъ незнакомецъ, осторожно держа шелковый цилиндръ въ рукѣ и разсматривая сѣни съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ былъ

архитекторъ и собирался выстроить другія, точь въ точь такія же.

— М-ръ Прикетъ? сказалъ докторъ, подходя къ нему.

— Онъ самый, сэръ, отвѣчалъ Прикетъ.

— Мы васъ такъ скоро не ждали.

— Я случайно находился въ Ярдѣ, когда пришла депеша, и черезъ четверть часа уже сѣлъ на поѣздъ въ Гарингъ-Кросѣ.

— Очень радъ васъ видѣть. Пожалуйте сюда, я представлю васъ лэди, у которой украдены брилліанты.

М-ръ Прикетъ пошелъ за нимъ въ гостиную и отвѣсилъ четыре любезнѣйшихъ поклона.

— Здравствуйте, сэръ.

— Слуга покорный, лэди.

М-ръ Прикетъ отличался одной особенностью: спокойнымъ, блуждающимъ взглядомъ, которымъ онъ однако управлялъ въ совершенствѣ. Этотъ взглядъ озиралъ каждую вещь въ салонѣ, забирался во всѣ закоулки и ничего не пропускалъ безъ вниманія. Затѣмъ такъ же спокойно переносился на лица и изучалъ и ихъ въ подробности.

— Вотъ миссъ Фарръ, сказалъ докторъ, — владѣлица брилліантовъ.

— Желалъ бы встрѣтиться съ миссъ Фарръ при болѣе пріятныхъ условіяхъ, почтительно заявилъ м-ръ Прикетъ.

— Прошу садиться, сэръ, вмѣшалась въ разговоръ старая лэди.—Гадкое дѣло случилось, и я увѣрена, что хотя и читаешь объ этомъ въ газетахъ, но никогда не понимаешь, что чувствуетъ человѣкъ, пока самъ...

— Такъ точно сударыня, перебилъ м-ръ Прикетъ.—Всѣ испытываютъ то же самое.

— А теперь, сэръ, позвольте спросить васъ: есть у васъ что мнѣ показать? Не было ли взлома?

— Я долженъ показать этому джентльмену вашу комнату, миссъ Фарръ, сказалъ, какъ бы извиняясь, Эльфинстонъ.

— Я пойду съ вами, отвѣчала Дженета.

— Чѣмъ меньше народу, тѣмъ лучше, замѣтилъ Эльфинстонъ.—Не забывайте, что Гренджеръ лежитъ тамъ раненая. Вамъ интересно будетъ узнать объ этомъ, м-ръ Прикетъ, продолжалъ онъ, уводя сыщика изъ гостиной. Я сообщу вамъ позже, въ чемъ дѣло. А пока попрошу идти какъ можно тише и не говорить безъ крайней нужды въ комнатѣ.

Когда они пришли въ спальню миссъ Фарръ, Эльфинстонъ пальцемъ указалъ на сломанную дверцу шкафа, и сы-

щикъ, подойдя къ нему на цыпочкахъ, внимательно его осмотрѣлъ. Затѣмъ поднялъ дверцу и, тоже осмотрѣвъ, положилъ ее обратно безъ всякаго шума.

Оба джентльмена вернулись въ гостиную, и сыщикъ, вѣжливо дождавшись, чтобы старикъ сѣлъ, тоже усѣлся.

— Одно несомнѣнно, лэди и джентльмены, это не профессіональная работа. Это работа любителя и пренеловкаго любителя. Теперь слѣдуетъ какъ можно точнѣе опредѣлить время, когда это было сдѣлано.

— Оно было сдѣлано, сказалъ Арнольдъ, въ промежутокъ между четырьмя часами десять минутъ и пятью.

— Ого! отвѣчалъ сыщикъ, устремляя на Арнольда свой спокойный, зоркій взглядъ. — Это обстоятельство очень важно, сэръ. Но какъ могли вы опредѣлить его съ такою точностью?

Арнольдъ, какъ оказалось, поглядѣлъ на часы въ тотъ моментъ, какъ миссъ Фарръ уходила съ луга. Горничная, которая входила въ комнату миссъ Фарръ, тоже замѣтила время. Чай приказали подать въ пять часовъ, и она посмотрѣла на часы прежде, чѣмъ сошла съ лѣстницы.

Въ какихъ-нибудь четверть часа времени, м-ръ Прикетъ, благодаря дѣльнымъ разспросамъ, узналъ имя, возрастъ и прошлое всѣхъ слугъ, находящихся въ домѣ. Буфетчикъ и кухарка были мужъ и жена и отпросились въ это утро на свадьбу въ сосѣднюю деревню Гемсли. Двѣ служанки и мальчикъ-пажъ находились на лугу во время роковыхъ десяти минутъ. Единственная особа, оставшаяся въ домѣ въ этотъ промежутокъ времени, это горничная Гренджеръ, а ее-то какъ разъ и нельзя было допросить въ настоящую минуту.

— Я рѣшительно отказываюсь подозрѣвать Гренджеръ, объявила Дженета съ жаромъ.—Ея родители очень почтенные люди, и она мнѣ была рекомендована съ наилучшей стороны лэди Гильтонъ.

— Ну вотъ, видите ли, миссъ, вкрадчиво заговорилъ м-ръ Прикетъ, справедливость требуетъ, чтобы молодую особу выгородили совершенно изъ этого дѣла. Вѣдь подумайте только, пройдетъ много лѣтъ, и вдругъ кто-нибудь попрекнетъ ее тѣмъ, что она находилась въ домѣ, когда совершена была эта кража.

— Она была, вѣроятно, въ своей спальнѣ, отвѣчала Дженета.

Узнавъ, что спальня горничной расположена въ томъ же корридорѣ, какъ и спальня миссъ Фарръ, м-ръ Прикетъ призадумался.

— Вашъ полъ изъ чернаго дуба, сказалъ онъ, и очень звонокъ. Я замѣтилъ это. Она должна была слышать, если кто-нибудь шелъ по немъ. Представьте, что она слышала чьи-нибудь шаги и вдругъ потомъ узнала о покражѣ, ясно, что это могло ее испугать. Видите ли, миссъ, прибавилъ онъ съ успокоительною мягкостью, что она могла себѣ сказать: Эге! да это чьи-то чужіе шаги. Дай-ка погляжу, кто это? А затѣмъ тутъ же прибавила:—ну вотъ пустяки какіе! среди бѣлаго дня кто же чужой войдетъ въ домъ, у меня просто нервы разстроены. Не правда ли, миссъ, это можетъ вполнѣ объяснить ея испугъ и обморокъ, когда она услышала про то, что брилліанты украдены?

Дженета съ восторгомъ ухватилась за это объясненіе и составила очень высокое понятіе объ умѣ м-ра Прикета. Но этотъ хитрый человѣкъ замѣтилъ, что барышня пристрастна къ своей горничной, и старался только расчистить себѣ путь для будущаго допроса.

По его просьбѣ ему дозволили обойти всѣ ходы и выходы въ домѣ, а также и помѣщеніе Гренджеръ; и все подъ предлогомъ выгораживанія послѣдней изъ дѣла. Ничего не найдя достойнаго вниманія, онъ вернулся въ гостиную и изложилъ свой взглядъ на дѣло.

— Вотъ, лэди и джентльмены, что пока можно вывести изъ того, что намъ извѣстно. Сколько мы знаемъ, только двѣ миссъ Уэдсъ, гостившія здѣсь и нынѣ уже уѣхавшія, м-ръ Уайнкотъ Эсденъ, присяжный повѣренный, съ утра уѣхавшій въ Лондонъ да присутствующіе (за исключеніемъ достопочтеннаго клерджимена) единственные люди, знавшіе о томъ, что брилліанты находятся здѣсь въ домѣ. Всѣ вы къ тому же знали, гдѣ они хранятся, но, какъ говорится, никому о томъ ни слова не промолвили. Но оказывается далѣе, что въ тотъ вечеръ, какъ брилліанты показывались, лампы были зажжены, а вотъ этотъ балконъ, выходящій на дорогу, былъ открытъ. О цѣнѣ брилліантовъ заявлялось громко, и объ этомъ могли услышать со двора. А можетъ статься еще кто-нибудь и проговорился. Все это слѣдуетъ принять во вниманіе. Очень, очень жаль, что мы не можемъ разспросить эту молодую женщину. Она, можетъ быть, сообщила бы намъ что-нибудь проливающее свѣтъ на это дѣло. Вы, кажется,—докторъ, сколько я понялъ, сэръ, и какъ только вы позволите мнѣ это, я задамъ ей два или три вопроса.

— Я сейчасъ пойду и погляжу, въ какомъ она состояніи.

— Мнѣ жаль, продолжалъ сыщикъ, когда ушелъ докторъ, очень жаль, что м-ра Уайнкотъ-Эсдена не было здѣсь, когда все это случилось. Я имѣлъ честь профессіонально сталкиваться съ м-ромъ Уайнкотъ-Эсденомъ въ двухъ или трехъ случаяхъ, не знаю во всей адвокатурѣ болѣе ловкаго джентльмена. И настоящее дѣло въ одномъ отношеніи походитъ на другія дѣла этого рода. Любительская кража такъ же плоха, какъ и любительскій розыскъ. Еслибы да профессіональный человѣкъ присутствовалъ здѣсь на мѣстѣ, за часъ до того какъ я пріѣхалъ!.. Боже! вы даже и представить себѣ не можете, что *могло бы* изъ этого выйти. Куда могъ скрыться воръ въ десять минутъ времени. Да м-ръ Уайнкотъ-Эсденъ давнымъ-давно извѣстилъ бы всѣ желѣзнодорожныя станціи по сосѣдству. Да онъ бы уже обѣгалъ мѣстную полицію, разспросилъ бы обывателей про подозрительныхъ лицъ, шляющихся въ околодкѣ, и вора схватили бы, прежде нежели онъ успѣлъ отъѣхать пять миль по желѣзной дорогѣ. Въ промежутокъ времени когда были украдены брилліанты и по сіе время, лэди и джентльмены, шесть поѣздовъ успѣли отъѣхать изъ окрестностей, два на востокъ, и одинъ на западъ отъ соединительной вѣтви въ Гемсли и три изъ Уаттонъ-Гилля. Я бы не понадобился вамъ, будь съ вами м-ръ Уайнкотъ-Эсденъ, и имѣй онъ возможность дѣйствовать по такимъ горячимъ слѣдамъ.

Не смотря на свое волненіе и огорченіе, старой лэди пріятно было слушать, какъ выхвалялъ м-ръ Прикетъ ея любимаго племянника. Она рада была, что Дженета слышитъ эти похвалы. Слова м-ра Прикета показывали, какъ высоко цѣнились таланты Уайнкота людьми авторитетными.

Пока Прикетъ все это говорилъ, докторъ вернулся въ гостиную, и лицо его стало, если только можно, въ десять разъ серьезнѣе прежняго.

— Вы можете повидать дѣвушку, м-ръ Прикетъ, сказалъ онъ, но боюсь, что вы ничего отъ нея не добьетесь. Пойдемте со мной на верхъ. И пожалуйста будьте какъ можно тише и мягче, добавилъ онъ, когда они уже поднимались по лѣстницѣ. Только въ виду крайней важности настоящаго дѣла я разрѣшаю вамъ ее видѣть.

— Будьте спокойны, сэръ. Я ее не испугаю. Это не въ моихъ разсчетахъ.

Одна изъ служанокъ сидѣла около Гренджеръ и съ дѣловымъ видомъ подносила флаконъ съ солями къ ея носу. Докторъ отпустилъ ее. Гренджеръ сидѣла въ креслахъ у окна въ позѣ, изобличавшей крайнюю слабость и изнемо-

женіе. Обрѣзанные волосы и бѣлая повязка вокругъ головы придавали ей зловѣщій видъ, а большіе черные глаза слѣдили за всѣми движеніями обоихъ посѣтителей съ заботой, странно противорѣчившей общему характеру физической усталости.

— Вотъ, джентльменъ, сказалъ Эльфинстонъ, мягко наклоняясь къ ней и говоря медленно и по слогамъ, такъ, какъ еслибы обращался къ иностранцу, плохо знающему англійскій языкъ, — вотъ джентльменъ, который пріѣхалъ изъ Лондона, чтобы разслѣдовать дѣло.

Гренджеръ глядѣла поочереди то на доктора, то на Прикета взглядомъ, выражавшимъ, какъ показалось обоимъ, отчаянный вызовъ.

— Вы, кажется, очень сильно ушиблись, бѣдняжка, успокоивалъ ее Прикетъ. Не бойтесь и не утомляйте себя. Я спрошу только двѣ или три вещи у васъ, если вы въ состояніи отвѣчать, если нѣтъ, я приду завтра. Скажите, миссъ, не слыхали ли или не видали ли вы чего-нибудь, что могло васъ напугать?

Гренджеръ отвѣтила необыкновенно выразительнымъ взглядомъ, но рѣчи ея нельзя было понять. То были какіе-то нечленораздѣльные звуки. Она какъ-будто прочитала на лицѣ Прикета, что тотъ ее не понимаетъ и перевела глаза на доктора.

— Вы страдаете отъ сильнаго потрясенія, сказалъ Эльфинстонъ. Не пугайтесь, но вы говорите неясно. Попробуйте еще. Говорите очень медленно и такъ отчетливо, какъ только можно.

Она опять заговорила, и опять послышалось непонятное бормотанье.

Прикетъ поглядѣлъ на доктора, недовѣрчиво покачивая головой, но Эльфинстонъ погрозилъ ему пальцемъ и, вынувъ записную книжку изъ кармана, раскрылъ ее на чистой страницѣ и вложилъ въ руки дѣвушки.

— Напишите, что вы сказали, и подалъ ей карандашъ.

Она съ удивленіемъ поглядѣла на него и, взявъ карандашъ, стала писать медленно и съ трудомъ, точно ребенокъ, который учится выводить буквы. Когда она кончила, докторъ взялъ изъ ея рукъ книжку и, взглянувъ на нее, передалъ Прикету.

„Я не могу говорить“.

Сыщикъ былъ того мнѣнія, что дѣвушка притворяется, и дивился терпѣнію и мягкости доктора.

— Я не буду больше безпокоить васъ разговорами, ска-

залъ Эльфинстонъ. Отвѣчайте знакомъ: да или нѣтъ. Вы были въ домѣ, когда миссъ Фарръ позвонила?

Дѣвушка кивнула головой, что, да.

— Въ вашей спальнѣ?

Опять кивнула: да.

— Вы были тамъ не меньше десяти минутъ?

Знакъ былъ повторенъ и на этотъ разъ съ энергіей.

— Можетъ быть, и больше?

— Да.

— Не слышали ли шаговъ или какого-нибудь подозрительнаго звука?

Рѣшительный знакъ отрицанія, сопровождаемый взглядомъ ужаса.

— Пока дѣлать больше нечего, объявилъ Эльфинстонъ, и Прикетъ послушно вышелъ за нимъ изъ комнаты, хотя и оглянулся разъ или два на дѣвушку.

— Вѣдь это чистое притворство, сэръ, не правда ли? спросилъ онъ у доктора въ корридорѣ.

— Это рѣдкая и очень мало изслѣдованная форма нервнаго разстройства, отвѣчалъ Эльфинстонъ и, насколько могу судить,—очень опасная. Это результатъ сильнаго нервнаго удара, осложняемаго аграфіей и афазіей.

— Вы не думаете, что молодая женщина притворяется, сэръ? спросилъ Прикетъ.

— Я убѣжденъ, что нѣтъ. Искуснѣйшая актриса въ мірѣ не сумѣетъ такъ притвориться.

— Повторите, сэръ, будьте такъ добры названія болѣзней, только-что сказанныя вами.

Докторъ повторилъ, и Прикетъ задумчиво твердилъ ихъ, сходя съ лѣстницы:—афазія, аграфія, аграфія, афазія.

— Какъ вы думаете, сэръ, это долго продлится? Этой дѣвушкѣ что-то извѣстно. У нея есть что-то на умѣ.

— Это разстройство рѣдко бываетъ неизлѣчимо, когда паціентъ моложе сорока лѣтъ и умѣетъ писать и читать; но какъ долго оно продлится — этого я не могу сказать. Приходится ждать, дѣлать нечего.

Арнольдъ и три лэди тревожно дожидались въ гостиной, но докторъ ничего не сказалъ о настоящемъ положеніи дѣвушки, а только объявилъ, что она пока не можетъ отвѣчать ни на какіе разспросы.

— Я полагаю, сказалъ Прикетъ, что деревенской полиціи уже все извѣстно.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ докторъ. Мы еще никому не давали знать о томъ, что случилось.

— Въ такомъ случаѣ я переговорю съ полицейскими. Они могутъ сообщить мнѣ, не видали ли чужихъ людей въ околодкѣ, а пока я буду въ отсутствіи, миссъ, то попрошу васъ исполнить одну очень важную вещь. Мнѣ нужно самое подробное описаніе вашихъ драгоцѣнностей.

— О! воскликнула Дженета, я могу сейчасъ же дать вамъ ихъ описаніе. Мой дядя составилъ каталогъ, напечатанный незадолго до его смерти. У меня есть нѣсколько копій, и вы можете взять, сколько вамъ требуется.

— Очень хорошо. Я возьму четыре экземпляра, если позволите—одинъ для себя, одинъ для Ярда и по одной штукѣ для двухъ большихъ агентствъ печати.

М-съ Уайнкотъ испустила жалобный вопль.

— Боже мой! Неужели мы попадемъ въ газеты?

— Непремѣнно, ма'амъ, отвѣчалъ м-ръ Прикетъ, и это большое счастье. Каждый закладчикъ въ странѣ, каждый честный ювелиръ и торговецъ драгоцѣнными камнями по всей Англіи будутъ завтра же на нашей сторонѣ и помогутъ намъ искать вора. Если вы соблаговолите сейчасъ же дать мнѣ каталоги, я пошлю три экземпляра въ Лондонъ со слѣдующимъ же поѣздомъ.

Дженета побѣжала по лѣстницѣ и черезъ минуту или двѣ вернулась, запыхавшись, съ каталогами въ рукѣ.

— Полагаю, сказалъ Прикетъ, заглядывая въ одинъ изъ каталоговъ, что ваши собственныя драгоцѣнности здѣсь не показаны, миссъ.

— Нѣтъ, но я могу составить ихъ каталогъ, если хотите.

— Пожалуйста. А теперь, сэръ, обратился Прикетъ къ доктору, я буду вамъ благодаренъ, если вы проведете меня до здѣшней полиціи.

Арнольдъ взялся проводить его въ мѣстную полицейскую контору, и оба вышли изъ дома.

— Вы ничего не записываете? спросилъ Арнольдъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Обыкновенно, сэръ, люди моей профессіи полжизни проводятъ въ записываніи всего, что видятъ и слышатъ, но я не нахожу это нужнымъ.

— Неужели память никогда васъ не оставляетъ?

— Нѣтъ, сэръ. Большею частію люди портятъ память тѣмъ, что читаютъ романы, поэмы и всякую дребедень. У насъ въ Ярдѣ есть субъектъ, который знаетъ наизусть всего Байрона; конечно, голова у него такъ набита, что въ ней нѣтъ мѣста больше ни для чего другаго; вы говорите ему, въ которомъ часу отошелъ поѣздъ, какой цвѣтъ лица у субъ-

екта, какого онъ роста, показываете ему планъ дома. Если онъ все это не запишетъ, то непремѣнно забудетъ. Сколько разъ я говорилъ ему: еслибы вы не набивали голову вздоромъ, изъ васъ вышелъ бы прекрасный сыщикъ, а теперь чего ждать, когда она набита у васъ какими-то стишками.

— Неужели вы никогда ничего не читаете? спросилъ Арнольдъ, заинтересованный.

— Судебные процессы, уголовныя дѣла, отвѣчалъ м-ръ Прикетъ. Просматриваю иногда объявленія въ „Daily Telegraph“. Да, сэръ, вдругъ оживился онъ, и дотронулся пальцемъ, обтянутымъ перчаткой, до рукава собесѣдника, день-то деньской въ головѣ у человѣка точно машина заведена. Она должна идти и что-нибудь переработывать. Ну, вотъ, когда я поступилъ въ полицію, сэръ, я рѣшилъ, что непремѣнно составлю себѣ карьеру. Ну, вотъ, я сказалъ себѣ: — что нужно прежде всего для полицейскаго, и не долго думая:—ему нужно все видѣть, все помнить и не забывать ни лицъ, ни вещей, которыя онъ разъ увидѣлъ. Когда я дежурилъ на стражѣ—а я цѣлыхъ три года дежурилъ—я практиковался въ наблюденіи лицъ прохожихъ. Я узнаю человѣка, который семь лѣтъ тому назадъ прошелъ мимо меня. Я узнаю его изъ милліона людей. Скажите-ка это людямъ, и они подумаютъ, что это ложь, а это святая истина. Оставьте книги въ покоѣ, не засоряйте головы, и глядите во всѣ глаза на все, что кругомъ васъ происходитъ. Вотъ и весь ее секретъ.

— Не думайте, сэръ, продолжалъ помолчавъ м-ръ Прикетъ, очевидно осѣдлавшій своего конька, что я такъ глупъ, что презираю книжную ученость. Если я доживу до старости, и у меня будетъ досугъ, то я стану много читать, но теперь мнѣ недосугъ, и я не могу себѣ этого дозволить.

— Неужели же вы хотите сказать, что ничего никогда не забываете, спросилъ Арнольдъ.

— Конечно нѣтъ, сэръ. Но я ничего не забываю, что разъ видѣлъ. Замѣтьте, сэръ, что люди обыкновенно глядятъ на вещи, не видя ихъ, а потому забываютъ то, что видятъ каждый день. Да вотъ для примѣра, сэръ, вы должны бы знать комнату, гдѣ мы сидѣли, гораздо лучше, чѣмъ я. А вотъ не хвастаясь скажу, что знаю лучше васъ, что въ ней находится.

— Ну, да, отвѣчалъ Арнольдъ.

— Коверъ, началъ Прикетъ, словно диктуя инвентарь для записи клерку—брюссельскій, бѣлый фонъ, усыпанъ крупными розами. Обои подъ цвѣтъ ковру. Напротивъ двери кар-

тина водяными красками: дѣвушка переходитъ черезъ рѣку по камнямъ и дѣлаетъ знаки мальчику, который стоитъ на берегу. Надъ дверью картина водяными красками: старый джентльменъ, въ короткихъ штанахъ, читаетъ книгу въ лѣсу. Двѣнадцать креселъ различнаго фасона: четыре кушетки, три на тонкихъ, точеныхъ ножкахъ, позолоченныя. Небольшой круглый столикъ у окна, на немъ микроскомъ, и этажерка съ книгами: Поэмы Теннисона, переплетъ зеленый съ золотомъ, семь томовъ; „Подражаніе Христу“ въ бѣлой кожѣ съ золотымъ обрѣзомъ; иностранная книжка въ желтомъ переплетѣ, не знаю заглавія, „Передовыя изъ „Times“, два тома, подписаны Филипсъ. Маленькій шкапикъ въ углу, семь ящиковъ, ключъ въ среднемъ ящикѣ; корзинка съ цвѣтами и фотографія лэди надъ нею. На камнѣ украшенія изъ дрезденскаго форфора, олень, запутавшійся рогами въ деревѣ, лѣвый рогъ сломанъ...

— Я не берусь соперничать съ вами, м-ръ Прикетъ, сказалъ Арнольдъ.

Солнце тѣмъ временемъ скрылось за горой, и вся окрестность озарилась мягкимъ и ровнымъ свѣтомъ, отраженнымъ отъ восточной части неба. Кругомъ царила такая тишина, что слышно было, какъ въ отдаленной деревнѣ хлопалъ бичъ извощика, доносился его крикъ на лошадей и стукъ лошадиныхъ копытъ. Въ ста саженяхъ дальше, съ перекрестка послышался звукъ быстрыхъ, но ровныхъ шаговъ, и когда они свернули на него, то увидѣли Уайнкота-Эсдена, быстро шедшаго имъ на встрѣчу, съ чернымъ саквояжемъ въ рукѣ. Увидя ихъ, онъ пріостановился на секунду, затѣмъ пошелъ имъ на встрѣчу.

— Эге, Прикетъ, закричалъ онъ веселымъ голосомъ, какими судьбами вы сюда попали?

VII.

Сбоку дороги тянулась низенькая каменная ограда, и Уайнкотъ, услышавъ новость, оперся на нее рукой, точно нуждался въ опорѣ. Впродолженіе одной секунды онъ глядѣлъ немного дико то на кузена, то на сыщика, а затѣмъ, сдвинувъ шляпу со лба и проведя по немъ рукой, опомнился отъ своего удивленія.

— Смѣлая штука, неправда ли, Прикетъ? сказалъ онъ. Вы, конечно, опытнѣе меня въ этихъ дѣлахъ; я же ни о чемъ подобномъ еще и не слыхивалъ. Вы не теряли времени?

*

— Нѣтъ, сэръ, нельзя сказать. Я не люблю зѣвать, если этого можно избѣжать.

— Располагайте мною, Прикетъ, если вамъ нужна моя помощь.

— Благодарю васъ, сэръ, мнѣ ваша помощь очень будетъ полезна.

И онъ вкратцѣ разсказалъ то, что узналъ самъ. Уайнкотъ внимательно слушалъ.

— Ну, сказалъ онъ, когда Прикетъ кончилъ разсказъ, намъ надо раздѣлить свои силы. Вы ступайте и разспросите Доджа, а я вернусь на станцію желѣзной дороги и тамъ наведу справки. Или нѣтъ, слушай, Арнольдъ, ступай лучше ты на станцію, а я пойду въ Гемсли и тамъ поразспрошу кое о чемъ. Какъ жаль, что ты не сдѣлалъ этого раньше. Теперь воръ навѣрное уже находится въ Бирмингамѣ или въ Дуврѣ. Ты не видѣлъ футляра, гдѣ хранились драгоцѣнности? Онъ величиной въ листъ бумаги in-quarto и четырехъ, а можетъ быть и пяти, дюймовъ толщины. Его нельзя спрятать подъ сюртукъ, чтобы тотъ не оттопырился. Но, можетъ, онъ несъ его прямо въ рукахъ, или же въ мѣшкѣ, а не то и просто завернутымъ въ газету или же въ плэдъ, словомъ на тысячу ладовъ. Главное, узнать бы, не видѣли ли чужаго человѣка съ сверткомъ въ рукахъ на первомъ поѣздѣ, на какой онъ могъ попасть послѣ пяти часовъ. Ты разспроси станціоннаго смотрителя и попроси его освѣдомиться и на ближайшихъ двухъ или трехъ станціяхъ. Я сдѣлаю то же въ Гемсли. Ну, а теперь, гдѣ мы сойдемся?

— Я оставилъ свой мѣшокъ въ „Angler's Prest“, когда пріѣхалъ сюда, сказалъ Прикетъ. Славный трактирчикъ. Можетъ быть, вы заглянете туда ко мнѣ, джентльмены, когда окончите свои развѣдки. Если позволите, м-ръ Эсденъ, я занесу туда вашъ саквояжъ.

— Отлично, отвѣчалъ Эсденъ, передавая саквояжъ. Я вернусь черезъ часъ. Я надѣюсь встрѣтиться тамъ и съ тобою, Арнольдъ.

Онъ ушелъ твердымъ, быстрымъ шагомъ, и Прикетъ съ секунду глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Что я вамъ говорилъ, сэръ, м-ръ Уайнкотъ-Эсденъ не потерялъ бы ни минуточки даромъ, еслибы находился на мѣстѣ. Вотъ какъ слѣдовало дѣйствовать.

— Вы, конечно, правы, отвѣчалъ Арнольдъ уныло.

— О! сэръ, на вашемъ мѣстѣ я бы не сталъ упрекать *себя*. Такого рода дѣло не по вашей части, сэръ. И вы тоже

не теряя времени телеграфировали въ Ярдъ. Кто же могъ бы ожидать, чтобы вы начали сами разслѣдованіе.

Съ того самаго момента какъ Прикетъ указалъ на вѣроятныя мѣры, которыя принялъ бы Уайнкотъ, Арнольдъ упрекалъ себя за то, что не догадался ихъ принять самъ. Но въ жизни каждаго человѣка не оберешься такихъ случаевъ, когда онъ что-нибудь прозѣвалъ и о чемъ-нибудь не догадался. Когда поздно спохватишься о томъ, какъ слѣдовало поступить, то бываетъ ужасно досадно. Поэтому понятно, что юный клерджименъ шелъ на станцію повѣся носъ. Ни онъ, ни Прикетъ, не разузнали ничего интереснаго, и когда Уайнкотъ сошелся съ ними, то оказалось, что и онъ узналъ не больше, чѣмъ они.

Сыщикъ заказалъ себѣ обѣдъ и съ философской флегмой занялся вареной говядиной и домашнимъ пивомъ.

— Аппетитно на видъ, Прикетъ, замѣтилъ Уайнкотъ. Я думаю, что послѣдую вашему примѣру.

— Пикули, сэръ, превосходныя, отвѣчалъ сыщикъ, изслѣдуя банку и разыскивая въ ней лакомые кусочки. Деревенскія пикули всегда лучше всякихъ другихъ, деревенскіе розницы не настаиваютъ ихъ на мѣдныхъ монетахъ, чтобы онѣ были зеленѣе.

— Я тоже присоединяюсь къ вамъ, объявилъ Арнольдъ, я голоденъ, и мы къ тому же избавимъ хозяевъ дома отъ хлопотъ. Обѣдъ тамъ уже отошелъ, да тамъ я думаю и ѣда на умъ нейдетъ.

Всѣ трое сѣли за столъ и стали ѣсть, пока вдругъ Уайнкотъ не отодвинулъ тарелки и не принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Прикетъ, сказалъ онъ, мнѣ пришла въ голову мысль. Я думаю, что мы получимъ украденное имущество обратно.

— Желательно было бы, сэръ, отвѣтилъ Прикетъ, облизываясь.

— Личныя драгоцѣнности миссъ Фарръ можно, вѣроятно, заложить фунтовъ за двѣсти. Я не особенный знатокъ въ этихъ вещахъ, но я видѣлъ ихъ и не думаю, чтобы они стоили дороже шести сотъ фунтовъ. Затѣмъ въ футлярѣ очень много старинныхъ монетъ, драгоцѣнныхъ въ глазахъ людей понимающихъ, но въ которыхъ металла собственно не наберется и на пятьдесятъ фунтовъ. Каждая изъ этихъ монетъ болѣе или менѣе знаменита, но въ рукахъ вора цѣнность представляетъ только металлъ. Каменья всѣ нераненые и отдать ихъ ювелиру для приведенія въ надле-

жащій видъ было бы страшно рискованно и дорого. Ювелиръ захотѣлъ бы, конечно, львиную долю, а вы знаете, за какую пустую сумму идутъ бриллианты въ безчестныхъ рукахъ.

— Я такъ и смотрю на воровство, сказалъ Прикетъ, ковыряя въ зубахъ и откидываясь на спинку стула съ сытымъ довольствомъ. Это обезцѣниваніе имущества, ничего больше. Еслибы я былъ воромъ, то ничего бы не кралъ кромѣ сувереновъ. Всякая другая покража причиняетъ большую потерю владѣльцу и приноситъ очень мало дохода вору. Игра не стоитъ свѣчъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что воръ—дуракъ. Покажите мнѣ вора, и я покажу вамъ природнаго дурака. Это такая профессія, въ которую не сунется здравомыслящій человѣкъ.

— Прекрасно, продолжалъ Эсденъ, терпѣливо выслушавшій эту тираду, мнѣ кажется, что если эта покража и не была произведена въ надеждѣ на вознагражденіе, то обѣщаніе награды можетъ побудить людей, совершившихъ ее, вернуть собственность владѣльцу.

— Не будетъ ли это равносильно наградѣ за воровство, м-ръ Эсденъ? спросилъ Прикетъ.

— Можетъ быть, можетъ быть, согласился Эсденъ. Но скажите мнѣ, взялъ онъ слегка Прикета за плечо, во что, вы говорили, оцѣнилъ драгоцѣнности д-ръ Эльфинстонъ?

— Въ тридцать или сорокъ тысячъ фунтовъ, сэръ.

— Скажемъ тридцать. Остановимся на низшей цифрѣ и скажемъ тридцать. Еслибы вы были на мѣстѣ миссъ Фарръ, то, какъ вы думаете, удержало ли бы васъ чувство общественнаго долга отъ желанія спасти двадцать девять тысячъ? что скажете?

М-ръ Прикетъ улыбнулся.

— Что жъ, сэръ, можетъ быть, и не удержало бы. Не знаю даже, какъ бы я поступилъ, еслибы дѣло шло о четвертой части этой суммы. Это, конечно, не доктрина Ярда, а просто разсужденіе частнаго человѣка, м-ръ Эсденъ.

— Именно, сказалъ Эсденъ. Но власти не будутъ противъ того, чтобы мы предложили тысячу фунтовъ награды.

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ Прикетъ. Въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, вору приходится довѣряться цѣлой толпѣ народа и чѣмъ крупнѣе награда, тѣмъ больше шансовъ, что кто-нибудь ею прельстится. Но тысячи фунтовъ слишкомъ много. Пятисотъ достаточно.

— Пятьсотъ соблазнятъ соучастника, замѣтилъ Эсденъ

а тысяча прельститъ, пожалуй, самого вора. Главная забота миссъ Фарръ это получить обратно драгоцѣнности. Конечно, все это между нами, Прикетъ. Мы говорили теперь просто какъ свѣтскіе люди, а не какъ профессіональные ловцы воровъ. Я еще не имѣлъ случая говорить съ миссъ Фарръ, но почти увѣренъ, что она согласится, а на вашемъ мѣстѣ, прибавилъ Эсденъ съ прежней хитрой улыбкой, не спорилъ бы противъ размѣра награды. Воръ будетъ у васъ въ рукахъ, прежде нежели вы успѣете мигнуть.

Прикетъ сидѣлъ и улыбался; мысль, очевидно, ему нравилась.

— Намъ пора идти, Уайнкотъ, сказалъ Арнольдъ. Нашимъ лэди сегодня вечеромъ будетъ страшновато.

— Я пойду съ вами, джентльмены, если позволите, объявилъ Прикетъ. Миссъ Фарръ хотѣла приготовить для меня кое-какія бумаги, и я хочу поспѣть съ ними на послѣдній поѣздъ.

— Вы сегодня ѣдете въ городъ? спросилъ Уайнкотъ.

— Нѣтъ, сэръ. Но вечеръ такъ прекрасенъ, луна взойдетъ черезъ полчаса и будетъ свѣтло почти какъ днемъ. Я хочу обойти мѣстность и хорошенько ознакомиться съ нею. Смотрите, джентльмены, не пристрѣлите меня какъ-нибудь ненарокомъ изъ окна.

Миссъ Фарръ уже приготовила описаніе своихъ брилліантовъ, когда они пришли въ домъ, и Прикетъ, получивъ документъ, раскланялся и удалился. Уайнкоту пришлось вторично выслушать разсказъ о томъ, что было, и сообщить планъ о предполагаемомъ вознагражденіи. Всѣ съ нимъ согласились и немедленно хотѣли отрядить Арнольда въ городъ, чтобы помѣстить объявленіе во всѣхъ газетахъ, но Уайнкотъ сказалъ:

— Дайте Прикету день или два сроку. Посмотримъ, не найдетъ ли онъ чего-нибудь. Похоже будетъ на недовѣріе къ полиціи, если мы тотчасъ же предложимъ награду. Подождемъ немного. Я очень довѣряю Прикету. Они не могли прислать болѣе компетентнаго человѣка.

Тѣмъ временемъ м-ръ Прикетъ отправилъ свои документы и пошелъ назадъ къ дому на горѣ, наслаждаться хорошей сигарой. Ночь оправдала его пророчество, и луна, выплывшая изъ за-деревьевъ, озаряла всю окрестность съ особенной яркостью. Сыщикъ не торопясь обходилъ усадьбу вдоль наружнаго забора и осматривалъ всѣ ворота и калитки въ немъ. Нѣсколько секундъ простоялъ онъ у одной калитки, которая вела на лужайку передъ домомъ и

замѣтилъ, что дорожка, на которую она выходила, была совсѣмъ прикрыта высокой линіей рододендроновъ.

— Всѣ они находились на лужайкѣ позади сада, размышлялъ онъ, и если кто-нибудь былъ въ домѣ, кромѣ этой дѣвушки, то онъ долженъ былъ войти въ домъ съ этой стороны и какъ разъ черезъ эту калитку. Если она подала знакъ, когда домъ былъ пустъ, то тотъ, кому этотъ знакъ былъ данъ, могъ пройти подъ прикрытіемъ этихъ кустовъ въ домъ и точно также уйти изъ него. Обойдемъ-ка теперь вокругъ забора. Такъ, навѣрное, шелъ и воръ.

Онъ медленно шелъ, оглядываясь направо и налѣво съ зоркостью почти инстинктивной.

— Этотъ старый шотландецъ, кажется, человѣкъ не глупый, размышлялъ онъ. Не думаю, чтобы его такъ легко было провести за носъ, особенно въ его собственной спеціальности. Афазія? Аграфія? Какъ жаль, что я не спросилъ у него, какъ это пишется, а то могъ бы черкнуть словечка два участковому врачу. Спрошу его, какъ увижу.

Онъ дошелъ до конца забора, окружавшаго усадьбу и очутился въ открытомъ полѣ. Съ того возвышеннаго пункта, на которомъ онъ стоялъ, онъ могъ видѣть черную прямую линію, перерѣзывавшую мѣстность за четверть мили отсюда.

— Это рельсы желѣзной дороги. Туда понятно долженъ былъ направиться воръ. Но, конечно, не открытымъ полемъ. Дай-ко поглядимъ, нѣтъ ли болѣе укромнаго пути. Ага! вотъ вдоль этой изгороди.

Около изгороди шла глубокая канава, и при яркомъ лунномъ свѣтѣ видно было, что сырая трава примята.

— Джозефъ! сказалъ себѣ м-ръ Прикетъ, внутренно ликуя, ты братъ не промахъ! Конечно, вдругъ отрезвился онъ, и деревенская корова могла забрести сюда. Да и ребятишки любятъ валяться по канавамъ. Нужды нѣтъ, Джозефъ! Пойдемъ и поглядимъ, куда приведетъ насъ эта канава.

Она привела къ полю, засѣянному горохомъ. Въ изгороди было отверстіе и, глядя въ него, м-ръ Прикетъ замѣтилъ чуть примѣтную кривую линію въ горохѣ, которая могла произойти отъ прохода человѣка.

— Полагаю, что это зовется правонарушеніемъ и будетъ убыткомъ для владѣльца. Не бѣда! Полѣземъ и мы!

Онъ пошелъ по полю, держась проложенной линіи, которая привела его до другой изгороди, тянувшейся по діагонали до желѣзнодорожной траншеи. Тутъ опять была канава, но изгородь бросала на нее густую тѣнь. М-ръ Прп-

кетъ зажегъ восковую спичку и сталъ на колѣни на траву, открылъ новые слѣды шаговъ.

— Какъ разъ та дорога, которую долженъ былъ выбрать воръ, прошепталъ онъ. Все время можно идти въ тѣни, кромѣ небольшаго гороховаго поля.

Онъ осторожно подошелъ къ желѣзно-дорожной траншеѣ. Скатъ былъ крутъ и съ верху до низу шла открытая дренажная труба. Около дренажной трубы трава была сильно примята, какъ бы отъ скатившагося въ этомъ мѣстѣ тяжелаго тѣла. Сомнѣваясь въ томъ, найдетъ ли онъ продолженіе слѣдовъ, сыщикъ осторожно ступилъ на скатъ, но, ступивши, на первыхъ же порахъ скатился внизъ поспѣшнѣе, чѣмъ разсчитывалъ, и съ секунду или двѣ просидѣлъ, оглушенный неожиданнымъ паденіемъ. Но тотчасъ же опомнился и закурилъ сигару такъ хладнокровно, какъ еслибы затѣмъ только сюда и забрался.

Вдругъ что-то свѣтлое мелькнуло въ его глазахъ и пропало. Онъ только-что принялъ другую болѣе покойную позу. Онъ сталъ наклонять голову вправо, влѣво, туда, сюда, чтобы поймать опять свѣтъ, съ фантастической мыслью, не идетъ ли онъ отъ потеряннаго здѣсь драгоцѣннаго камня; отъ этой мысли кровь быстрѣе стала вращаться въ его жилахъ. Опять блеснулъ свѣтъ, и онъ, наклонясь надъ нимъ, поднялъ съ земли, внутренно присвистнувъ, какой-то предметъ, отражавшій его. Онъ зажегъ съ полдюжины восковыхъ спичекъ, соединивъ ихъ въ одну кучу и разсматривалъ предметъ до тѣхъ поръ, пока спички не обожгли ему пальцевъ.

— Рейбенъ, старый пріятель, проговорилъ сэръ очень тихо, я думаю, что тутъ обошлось не безъ тебя. Дай-ка сообразить. Теперь половина одиннадцатаго. Добрая лошадка доставитъ меня въ городъ черезъ полтора часа. Надо мнѣ поговорить съ тобой по душѣ, пріятель Рейбенъ.

Съ этими словами онъ взошелъ на верхъ, выбралъ менѣе крутое мѣсто чѣмъ то, по которому онъ скатился внизъ и быстро направился къ деревнѣ. Время отъ времени онъ подпрыгивалъ на ходу, какъ довольный ребенокъ и, наконецъ, внутреннее довольство такъ охватило его, что онъ принялся шагать по полю такими шагами, точно на немъ были надѣты семимильные сапоги.

Подходя къ трактиру, онъ овладѣлъ собой и вошелъ какъ будто спокойно, хотя лобъ его былъ въ поту, а дыханіе прерывисто. Хозяинъ стоялъ въ дверяхъ, и Прикетъ подошелъ къ нему.

— Мнѣ говорили, хозяинъ, что у васъ водятся добрыя

лошадки на конюшнѣ. Мнѣ нужно сейчасъ же ѣхать въ Лондонъ. Можетъ быть, я вернусь сегодня же ночью, а можетъ и не вернусь. Но мнѣ нужно попасть туда до полуночи. Какъ вы думаете, доставитъ меня туда ваша лошадка?

— Это будетъ стоить вамъ соверенъ, сказалъ хозяинъ.

— Хорошо. Сказано—сдѣлано. По рукамъ, значитъ. Велите сейчасъ же запрягать. Я не могу терять ни одной минуты.

Хозяинъ взялъ соверенъ и пошелъ въ конюшню. Черезъ три минуты легкій догкартъ, запряженный невзрачнаго вида лошадкой, уже стоялъ у дверей.

— Прыгайте, сэръ, сказалъ возница. Куда прикажете васъ вести?

— Въ Гольборнъ.

— Ладно. Черезъ часъ и десять минутъ мы будемъ тамъ.

М-ръ Прикетъ засунулъ свою находку въ карманъ жилета и тщательно застегнулся.

Во время путешествія онъ нѣсколько разъ ощупывалъ жилетъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли его находка, и разъ даже вынулъ ее, чтобы осмотрѣть при лунномъ свѣтѣ. Какими-то таинственными путями извѣстіе о покражѣ уже проникло въ деревню, и званіе м-ра Прикета уже было извѣстно.

— Нашли что-нибудь, сэръ? спросилъ возница, искоса оглядываясь на него.

— Да, молодой человѣкъ, отвѣчалъ сухо м-ръ Прикетъ, кладя обратно находку въ карманъ. Я нашелъ, что нѣтъ ничего глупѣе, какъ говорить о дѣлѣ, когда оно еще не додѣлано.

Послѣ этого они ѣхали молча, до тѣхъ поръ, пока широкая желтая полоса свѣта отъ лондонскихъ фонарей не обозначилась на горизонтѣ, а когда они, наконецъ, поѣхали по улицамъ, то тамъ и сямъ часы пробили половину. Экипажъ доѣхалъ до Гольборна, и тамъ на извѣстномъ ему мѣстѣ Прикетъ дернулъ кучера за рукавъ.

— Остановитесь у перваго двора направо. Вотъ вамъ полкроны. Смотрите, не пейте на всѣ, потому что вамъ придется ѣхать обратно одному. Вы мнѣ больше не нужны.

— Покойной ночи.

Онъ сошелъ съ догкарта, прошелъ во дворъ, вошелъ въ старомодную харчевню и подозвалъ знакомаго хозяина къ себѣ.

— М-ръ Гелъ здѣсь? Слесарь. *Вы* его знаете.

— Да, сэръ, отвѣчалъ хозяинъ. Онъ пьетъ эль во второй комнатѣ. Еслибы онъ ходилъ пить его въ другое мѣсто,

мнѣ было бы пріятнѣе, но онъ посѣщаетъ мое заведеніе уже двадцать лѣтъ, и я не могу его прогнать.

— Скажите ему, что мнѣ надо его видѣть.

Хозяинъ, качая головой и вздыхая, какъ человѣкъ, который предвидитъ непріятности, повиновался, и м-ръ Гелъ немедленно появился. Онъ не выказалъ ни страха, ни удивленія при видѣ Прикета, но подошелъ къ нему, протягивая руку и спрашивая, чѣмъ прикажетъ гость угостить себя. М-ръ Прикетъ заказалъ пуншъ съ лимономъ и стоя выпилъ скромное питье.

— Рейбенъ, сказалъ онъ, поднявъ стаканъ къ газовому рожку и глядя сквозь стаканъ на жидкость, находившуюся въ немъ, если у васъ есть время удѣлить мнѣ пять минутъ, то я вамъ буду очень благодаренъ. Мнѣ надо поговорить съ вами о дѣлѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, м-ръ Прикетъ, отвѣтилъ вѣжливо Гелъ, и сыщикъ зорко оглядѣлъ его искоса, осушилъ стаканъ, поставилъ его на прилавкѣ и направился къ двери.

— Если дѣло приватное, то милости просимъ ко мнѣ въ лавку, сказалъ Гелъ.

Когда они шли по двору, сыщикъ самымъ дружескимъ и фамильярнымъ образомъ взялъ честнаго торговца подъ руку, и Гелъ поглядѣлъ на него съ спокойнымъ любопытствомъ, но ничего не сказалъ. Когда они дошли до лавки, Гелъ отперъ дверь и первый вошелъ. Онъ зажегъ газъ, который вспыхнулъ съ трескомъ, и затѣмъ зашелъ за прилавокъ. Прикетъ заперъ дверь, вынулъ находку изъ кармана жилета и шутливымъ голосомъ, помахивая ею передъ глазами Гела, спросилъ:

— Видали ли вы когда эту вещицу, Рейбенъ?

Гелъ съ удивленіемъ протянулъ руку за предметомъ и, получивъ, внимательно оглядѣлъ его.

— Можетъ статься, что и видалъ, м-ръ Прикетъ, отвѣчалъ онъ, а можетъ статься, что и не видалъ.

На его лицѣ выразилось сомнѣніе и удивленіе.

— Ну, шутки въ сторону, сказалъ Прикетъ, вѣдь это ваша работа, Рейбенъ.

— Можетъ быть. Не стану божиться, что не моя. Кажись, что это часть инструмента, дѣланнаго на заказъ. Въ чемъ дѣло, м-ръ Прикетъ?

— Это половина инструмента, которымъ совершено дѣльце сегодня послѣ полудня въ Уаттонъ-Гиллѣ, отвѣчалъ При-

кетъ, осторожно постукивая пальцемъ по кончику инструмента.

Онъ, какъ кошка сторожилъ Гела, но тотъ глядѣлъ съ искреннимъ удивленіемъ.

— Я объ этомъ ничего не слышалъ, сказалъ онъ; въ вечернихъ газетахъ объ этомъ не говорится.

— О, конечно, вы этого не слышали, но вотъ почему я счелъ нужнымъ придти и сообщить вамъ объ этомъ. Я вѣдь, какъ вы знаете, принимаю въ васъ дружеское участіе, Рейбенъ.

— Натурально. Вы говорите, что дѣльце сдѣлано послѣ полудня, м-ръ Прикетъ? Это совсѣмъ неурочное время. А крупное дѣльце?

— Пропали брилліанты, Рейбенъ, оцѣненные отъ тридцати до сорока тысячъ фунтовъ.

— Святые угодники! закричалъ Гелъ, явно заинтересованный. Вотъ такъ штука! Гдѣ это было?

— Въ Гиллъ-Гаузѣ, Уаттонъ Гиллѣ, въ усадьбѣ м-съ Уайнкотъ.

Гелъ опустилъ глаза на инструментъ, лежавшій на конторкѣ. Онъ взялъ его въ руки и снова оглядѣлъ.

— Уайнкотъ? проговорилъ онъ задумчиво.

Прикету показалось, что онъ слышитъ легкую дрожь въ голосѣ Гела.

— Уайнкотъ? гдѣ я прежде слышалъ это имя?

— Какова игра случая, Рейбенъ, сказалъ Прикетъ шутливо. Молодой джентльменъ, спасшій васъ отъ каторги на прошлой недѣлѣ, можетъ васъ туда отправить черезъ нѣсколько недѣль.

— О! да, припоминаю м-ра Уайнкота-Эсдена. Онъ, кажется, родня этой лэди.

— Онъ ей племянникъ, и я имѣю счастіе пользоваться его содѣйствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ. Онъ теперь на сторонѣ обвинительной власти, замѣтьте это.

— Ну что жъ, желаю вамъ обоимъ успѣха, сказалъ Гелъ, съ рѣшительностью кладя инструментъ на столъ. Что касается этой желѣзной штучки, я ничего не могу сказать навѣрное. Не побожусь, что это не моя работа, но не стану божиться, что и моя.

— Прекрасно. Вы пойдете теперь со мной безъ принужденія.

— Что жъ, м-ръ Прикетъ, если надо идти, такъ, конечно, пойду. Только это напрасно, м-ръ Прикетъ.

— Можетъ быть, можетъ быть.

— Я могу отдать отчетъ о каждой минутѣ времени сегодня. Я былъ у себя въ квартирѣ и разгружалъ товаръ, который приходитъ по каналу изъ Бирмингама. Я былъ тамъ отъ девяти часовъ утра до половины восьмаго вечера въ присутствіи авторитетныхъ и почтенныхъ свидѣтелей, м-ръ Прикетъ. Я столько же знаю объ этомъ дѣлѣ, какъ новорожденный младенецъ. Послушайте: въ которомъ часу было дѣло?

— Около пяти часовъ, Рейбенъ.

— Ну, такъ я спасенъ. Идемте, куда хотите. Съ четырехъ часовъ съ четвертью и до половины шестаго я и Ричардсъ, таможенный надсмотрщикъ, и м-ръ Джорджъ, хозяинъ „Чаша и Корона“ были въ трактирѣ и пили джинжеръ-эль и разсуждали о новомъ ирландскомъ законѣ съ патріотической точки зрѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, Рейбенъ, отвѣчалъ Прикетъ, подбирая инструментъ, кладя его въ карманъ жилета и застегивая плотно пальто въ знакъ готовности тронуться въ путь, вы будете свободны какъ вѣтеръ завтра въ девять часовъ утра. А пока пойдемъ и потолкуемъ. Вы вѣдь человѣкъ не семейный, кажется? Ну вотъ и прекрасно. Никто не будетъ о васъ тревожиться. Джентльмены, ведущіе жизнь полную приключеній, должны были бы по принципу оставаться холостыми. Жена съ ума бы сошла отъ вашихъ періодическихъ исчезновеній.

М-ръ Гелъ провелъ довольно пріятную ночь въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ велъ дружескую бесѣду съ двумя или тремя агентами, которымъ нечего было дѣлать, и они до его прихода скучали до одури. Въ три часа утра, по его собственной просьбѣ, его отвели въ келью и тамъ онъ проспалъ сномъ праведныхъ до девяти часовъ. Въ этотъ часъ м-ръ Прикетъ разбудилъ его извѣстіемъ, что его alibi вполнѣ подтвердилось и что онъ воленъ идти на всѣ четыре стороны.

— Но, послушайте-ка, Рейбенъ, сказалъ м-ръ Прикетъ убѣдительно, вѣдь это все вздоръ, что вы не знаете, откуда взялся этотъ инструментъ. Они вѣдь обѣщаютъ награду, да и какую: тысячу фунтовъ, легко сказать. Всякое извѣстіе, какое вы доставите, будетъ щедро вознаграждено. Подумайте-ка объ этомъ, Рейбенъ.

— Я подумаю отвѣчалъ Гелъ съ обычнымъ спокойствіемъ. И надо отдать ему справедливость: онъ ни о чемъ иномъ весь день и не думалъ. И думы кончились тѣмъ, что послѣ полудня онъ заперъ свою лавку и отправился куда-то по дѣлу.

ПРОРИЦАТЕЛЬ.

Романъ Вальтера Безанта.

Въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Въ каждомъ порядочномъ и старинномъ домѣ есть свои обычаи, традиціи, и свой собственный обиходъ. Только разбогатѣвшіе выскочки похожи одинъ на другаго, и въ ихъ домахъ царствуетъ однообразный, машинный порядокъ. Главной традиціей здѣшняго дома было безмолвіе, незмѣнно царствовавшее въ немъ. Не слышно было ни китайскаго гонга, ни звона колокольчиковъ, ни болтовни слугъ. Единственные звонки въ употребленіи были электрическіе, которые слышны только въ той комнатѣ, куда проведены. Слуги дѣлали свое дѣло, не позволяя себѣ даже шептаться, и лэди Августа разъ отказала буфетчику только за то, что онъ тяжело дышалъ отъ толщины. Считалось, что феноменальная тишина въ домѣ требуется присутствіемъ въ немъ духовъ.

По другой традиціи этого дома, созданой тѣми особенными условіями, въ какихъ жили его обитатели, было разъ навсегда принято, что за столомъ разговоры должны быть о самыхъ возвышенныхъ предметахъ.

Въ настоящемъ случаѣ разговоръ долго не завязывался, во-первыхъ, потому, что всѣмъ хотѣлось услышать, о чемъ заговоритъ прибывшій юный великій человѣкъ, во-вторыхъ, потому что всѣ были голодны и сердиты за то, что ихъ заставили ждать, наконецъ, въ третьихъ, и потому еще, что нѣ-

которые изъ гостей относились другъ къ другу съ нѣкоторою завистью и недовѣріемъ, нерѣдкими между всѣми, кто гонится за аплодисментами публики.

— Сестра Анна Петровна, заговорилъ Пауль,—уже писала вамъ изъ Петербурга, извѣщая о моемъ прибытіи.

— Да. Она предупредила васъ объ этомъ?

— Я зналъ, что не нуждаюсь въ рекомендательномъ письмѣ. Я надѣялся, что вы и Анна можете бесѣдовать помимо обычнаго способа писемъ. Въ этомъ отношеніи русскіе опередили людей запада. Въ Россіи довольно обыкновенное дѣло, чтобы друзья вели бесѣду не смотря на разстояніе. Но это, конечно, разовьется и у васъ.

— Надѣюсь, отвѣчала лэди Августа.—Мы слышимъ время отъ времени о чудесной силѣ, упраздняющей разстояніе, но до сихъ поръ не имѣли счастія видѣть проявленія этой силы. А вы, м-ръ Пауль?

— Пространство и время не существуетъ для „друзей“. Не говорите обо мнѣ, лэди Августа; говорите лучше о моихъ „друзьяхъ“, которые будутъ и вашими.

— О! неужели они будутъ моими друзьями! мы такъ устали,м-ръ Пауль, отъ нашего скучнаго англійскаго и американскаго спиритуализма. Насъ замучили пустые, лживые и злые духи. Мы хотимъ болѣе реальнаго и глубокаго общенія съ духами, которымъ можемъ вѣрить, которые не станутъ насъ обманывать и будутъ присылать намъ вѣсти, способныя согрѣть наши сердца и вознести ихъ надъ дѣйствительностью.

— Вы скоро, скоро придете въ общеніе съ моими „друзьями“, мягко сказалъ онъ.

Лэди Августа глубоко вздохнула.

— Сестра Анна наговорила мнѣ такихъ удивительныхъ про васъ вещей, м-ръ Пауль, что мы съ тѣхъ поръ ни о чемъ другомъ и не думали, какъ только о васъ.

— Я знаю содержаніе ея письма. Мнѣ его сообщили на поѣздѣ, по дорогѣ между Петербургомъ и Берлиномъ.

— Сообщили? О! понимаю.

— Мои „друзья“. Они сообщили еще много вещей, которыя мнѣ могутъ здѣсь понадобиться. Напримѣръ, они многое разсказали мнѣ про васъ.

— Про меня?

Она покраснѣла и смутилась. Довольно неловко слушать отъ незнакомаго человѣка, что онъ знаетъ всю вашу подноготную.

— Не думайте, что я все знаю. Я знаю только то, что

мнѣ сообщили. Такъ, меня познакомили съ м-ромъ Бруденелемъ и вашей падчерицей и еще многое другое... всего вдругъ не перескажешь... но, конечно, еслибы вы вздумали меня экзаменовать, то все же оказалось бы, что я очень мало знаю.

— Какъ странно, что „друзья“ находятъ нужнымъ сообщать такіе пустяки, какъ частныя дѣла нашего семейства.

— Какъ можемъ мы знать, что пустяки и что важное? Напримѣръ, я теперь вашъ гость, но надолго ли, не знаю. Я пріѣхалъ сюда съ опредѣленной миссіей. Конечно, удобнѣе, если я приступлю къ ней не какъ вполнѣ чужой человѣкъ, но какъ человѣкъ знакомый съ предстоящими затрудненіями, характеромъ и настроеніемъ лицъ, среди которыхъ мнѣ придется дѣйствовать. Этимъ выигрывается время и устраняется необходимость скучныхъ объясненій.

— Да. Но не слѣдуетъ ли, чтобы довѣріе было обоюдное?

— Вы хотите сказать, что и вамъ слѣдуетъ все знать обо мнѣ. Разумѣется; но пока еще мои „друзья“ не находятся съ вами въ общеніи. И кромѣ того, извините меня, лэди Августа, но я думаю, что изъ тѣхъ духовъ, съ которыми вы до сихъ поръ сообщались, нѣтъ такихъ, которые бы могли оказать такую простую услугу, какъ сообщить, кто я, и что я.

Къ несчастью, это вѣрно. Нѣтъ ни одного духа, который бы когда-нибудь оказалъ мнѣ практическую услугу.

— У васъ за столомъ, вижу я, медіумъ.

— У насъ ихъ нѣсколько. Вотъ этотъ — м-ръ Эмануэль Чикъ. Вы слышали про него?

— Нѣтъ. Да... я сейчасъ услышалъ о немъ.

М-ръ Пауль вздрогнулъ какъ бы отъ боли.

— Лэди Августа, шепнулъ онъ, не вѣрьте сообщеніямъ этого человѣка. Его духи—лживые духи.

— Вотъ преподобный Эмилій Гортонъ.

Пауль съ любопытствомъ и сомнѣніемъ поглядѣлъ на клерджимена и затѣмъ улыбнулся.

— Онъ игрушка и посмѣшище духовъ. О! я понимаю теперь, почему я не могъ сообщаться съ вами, находясь здѣсь вчера. Вашъ домъ наполненъ низшими духами.

— И ихъ, можетъ, займутъ болѣе благородные духи?

— Увидите. Но у васъ есть гораздо болѣе способный медіумъ... молодая особа.

— Кто такая?

— Я васъ предупреждалъ, что не знаю еще многаго. Я говорю про молодую особу, которая сидитъ рядомъ съ слѣ-

пой дѣвицей... миссъ Лангстонъ, которая тоже въ хорошихъ рукахъ могла бы...

— О! это Гетти Медлокъ, компаньонка Цецилiи Лангстонъ. Вы думаете, что...

— Я не только думаю. Я увѣренъ, что она одарена темпераментомъ медiума.

— Взгляните на мою падчерицу. Какъ обрадовался бы ея отецъ, еслибы вы могли открыть и въ ней силу.

Пауль покачалъ головой.

— Нѣтъ, твердо объявилъ онъ, я не вижу въ ней признаковъ силы. Но вернемся къ тому, о чемъ мы говорили; въ свое время вы все узнаете обо мнѣ, что вамъ нужно. У меня не будетъ секретовъ отъ васъ, лэди Августа, если наши отношенiя будутъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть.

И онъ снова понизилъ голосъ, и взгляды ихъ встрѣтились, причемъ въ его лучистыхъ глазахъ было выраженiе, какое она уже раньше въ нихъ замѣтила.

— Сознаюсь, я ждала совсѣмъ другаго человѣка. Но, конечно...

Она опустила глаза.

— Мы будемъ друзьями, и вы сдѣлаете для меня все, что можете.

Онъ съ улыбкой чуть не счастливаго влюбленнаго выслушалъ эти любезныя слова. Нѣкоторое время они молчали.

— Сознаюсь, начала она, что, представляя васъ себѣ совсѣмъ инымъ, я пригласила много гостей и — она опять покраснѣла — боюсь, что подала имъ нѣкоторыя надежды. Но не обращайте на это вниманiя. Простите меня и не показывайте имъ ничего.

Онъ засмѣялся.

— Вы хотите знаковъ и чудесъ. Хорошо. Это вполнѣ естественно. Но, по крайней мѣрѣ, что касается васъ самихъ, лэди Августа, то вы скоро перестанете въ нихъ нуждаться. Моя миссiя не творить чудеса, но учить людей. Но, смѣю думать, что не обману ожиданiй вашихъ гостей даже въ этомъ направленiи.

— О! неужели?

Спокойныя, непринужденныя, но вовсе не самодовольныя манеры молодаго человѣка внушали ей довѣрiе къ его искренности. Съ этого момента она безусловно увѣровала въ него.

— Древняя мудрость заключается не въ томъ, чтобы заставлять людей удивляться. Она даетъ силу тому, кто ее

заслуживаетъ, и послѣдняя должна служить для ихъ преуспѣянія въ истинномъ знаніи. Вамъ бы хотѣлось видѣть проявленія этой силы?

— Да, да; мы живемъ и неизмѣнно пребываемъ въ низменной сферѣ, а потому и жаждемъ какого-нибудь знаменія. Вѣдь это естественно.

— Старая исторія, печально произнесъ онъ. Лэди Августа, ваши гости получатъ знаменіе... отъ моихъ „друзей".

Наступило молчаніе, и лэди Августа сдѣлала полезное открытіе, что даже высшій философскій умъ и древняя мудрость не лишаютъ молодаго человѣка аппетита. Съ другой стороны они, повидимому, отнимаютъ у него охоту или возможность пить вино. Пауль выпилъ бутылку воды Аполинарисъ.

— Не сочтите меня за любопытную, но могу я спросить, часто ли тайны вашей философіи довѣряются такимъ молодымъ людямъ, какъ вы, тогда какъ въ нихъ отказано такимъ пожилымъ и ревностнымъ приверженцамъ, какъ мой мужъ? спросила лэди Августа.

— Какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Я думаю, около двадцати-двухъ.

— Я не выдаю себя за вѣчнаго жида. Но скажу вамъ странную вещь. Это случилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Можетъ быть, вы этому не повѣрите?

— Я повѣрю, если вы мнѣ скажете, что это правда.

Онъ возвысилъ голосъ. И всѣ за столомъ умолкли и стали слушать.

— Дѣло было въ Абиссиніи. Нѣсколько туземцевъ рыли землю, отыскивая кладъ. Они нашли вмѣсто клада большой каменный сводъ и пробили въ немъ отверстіе, такъ какъ въ немъ не было ни оконъ, ни дверей. Подъ нимъ земля казалась нетронутой въ продолженіе многихъ столѣтій, и росло дерево, которому было, по крайней мѣрѣ, триста лѣтъ. Они нашли подъ сводомъ не кладъ, котораго искали, но стараго, стараго человѣка. Онъ былъ худъ и тощъ, точно скелетъ; борода у него была бѣлая, а голова плѣшивая. Какъ жилъ онъ въ этомъ каменномъ сводѣ? Сколько времени онъ тамъ находился? Повторяю, что не было ни дверей, ни оконъ и никакого доступа для свѣжаго воздуха, ни видимыхъ средствъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, ни какихъ-нибудь способовъ передавать пищу подъ сводъ. И корни дерева, стараго трехсотлѣтняго дерева, разрослись по всему своду. Мы, знающіе больше, чѣмъ вообще всѣ остальные люди, тотчасъ же узнали въ старикѣ знаменитаго фи-

лософа, нѣкогда прославленнаго учениками, давно, давно позабытаго; всѣ эти долгіе годы, пріостановивъ животную жизнь, онъ провелъ въ созерцаніи и экстазѣ — состояніи, какого могутъ достичь лишь весьма немногіе.

— Ну, что жъ дальше? спросила лэди Августа.

— Они вывели его на открытый воздухъ и тогда онъ сталъ дышать, раскрылъ глаза и оглядѣлся. И тутъ удивительная перемѣна произошла въ немъ. Его сморщенная кожа разгладилась, кости опять одѣлись мясомъ, и глаза стали ярки и живы, а волоса почернѣли. Онъ опять сталъ молодымъ и сильнымъ человѣкомъ.

— О! вырвалось у присутствующихъ.

Но Эмануэль Чикъ выпилъ шампанскаго и сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ. А Томъ осклабился.

— Онъ оглядѣлся вокругъ и увидѣлъ вдали городъ, а около себя пастуховъ со стадами. И вдругъ онъ исчезъ и его больше не видали.

— Этотъ молодой человѣкъ вы — м-ръ Пауль? спросила лэди Августа.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ печально. Я желалъ бы имъ быть, потому что этотъ человѣкъ достигъ высшаго счастья, возможнаго для людей. Я разсказалъ вамъ эту исторію, чтобы показать, что для моихъ „друзей“ такія вещи, какъ возрастъ, юность или смерть, не существуютъ иначе, какъ по ихъ доброй волѣ. Другими словами: мои „друзья“ могутъ казаться молодыми или старыми, какъ имъ угодно.

Странно было слушать такія слова въ Лондонѣ за лондонскимъ обѣдомъ. Но это и домъ былъ необыкновенный.

— О! глубоко вздохнула лэди Августа. Я всегда мечтала, но не смѣла надѣяться, чтобы одинъ изъ тѣхъ мудрыхъ людей, о которыхъ мы читали, посѣтилъ мой домъ.

— Среди насъ есть англичане, прибавилъ Пауль; — ихъ немного, но они порвали связь съ трезвыми вѣрованіями настоящаго и пытаются завоевать для себя власть и тайны прошлаго. Но они не желаютъ уѣзжать изъ своего мѣстожительства даже за тѣмъ, чтобы проповѣдывать между своими соотечественниками. Поэтому-то послали меня.

— Нельзя было пріискать лучшаго посла, любезно замѣтила лэди Августа.

По другую сторону Пауля сидѣла давнишняя пріятельница лэди Августы, миссъ Треси Ганли. Она была удостоена сообщеніемъ писемъ сестры Анны Петровны. Все время, пока молодой человѣкъ говорилъ такія необыкновенныя и удивительныя вещи, она думала о томъ, какой эф-

фектъ произведетъ онъ на ея воскресныхъ вечерахъ, въ особенности, если захочетъ „показывать“ явленія. Чѣмъ больше она на него глядѣла, тѣмъ сильнѣе восхищалась необыкновенной красотой его лица и его чудными черными глазами—и все это, главнымъ образомъ, въ виду воскресныхъ вечеровъ. Чѣмъ больше она его слушала, тѣмъ сильнѣе плѣнялась его мягкимъ, музыкальнымъ голосомъ. Если бы только онъ согласился „показывать“ явленія. Молодой человѣкъ съ таинственнымъ именемъ и неизвѣстнаго происхожденія; молодой человѣкъ баснословнаго, можетъ быть, возраста; молодой человѣкъ романической наружности, съ хорошими манерами и одаренный чудесной силой, настоящій древній пророкъ, но только во фракѣ, а не въ овчинѣ. Помилуйте, да такой молодой человѣкъ, если только онъ можетъ „показывать“ явленія, прославитъ ея воскресные вечера.

Лэди Августа оглядѣлась и встала изъ-за стола.

V.

— А чудесъ пока не видать, Додо, шепнулъ Томъ, когда, четверть часа спустя, джентльмены явились въ гостиную.

— Не забывай, что вѣдь это не простой медіумъ, Томъ. Я думаю, что его нельзя просить сѣсть и дѣлать фокусы, какъ м-ра Чика.

— Однако онъ долженъ же чѣмъ-нибудь удивить насъ, настаивалъ Томъ, хотя бы для того, чтобы скрасить тотъ ужасный вздоръ, какой онъ несъ объ абиссинскомъ старцѣ.

Общее настроеніе въ гостиной было дѣйствительно выжидательное. Гости глядѣли другъ на друга и на героя вечера такими глазами, которые явно выражали нетерпѣніе.

— Еще разъ прошу васъ, простите меня м-ръ Пауль, шепнула ему лэди Августа. Я пригласила всѣхъ этихъ людей поглядѣть на васъ, точно на простаго медіума, которые ежегодно являются къ намъ изъ Америки съ тѣмъ, чтобы поживиться отъ насъ деньгами.

— Ваши друзья уйдутъ довольными, отвѣчалъ онъ ей, улыбаясь.

И дѣйствительно общество уже начинало скучать, какъ всегда бываетъ, если программа не выполняется. Никакихъ приготовленій для сеанса не дѣлалось. Между тѣмъ если

позовутъ людей слушать чревовѣщателя, то они естественно ждутъ отъ него чревовѣщанія; если же фокусника, то пусть онъ показываетъ фокусы; если піаниста, то пусть онъ играетъ; если же насъ пригласятъ придти повидать знаменитаго профессора спиритуализма, то мы ждемъ бесѣды съ другимъ міромъ или по крайней мѣрѣ новыхъ свѣдѣній о томъ, какъ идутъ дѣла въ здѣшнемъ.

— Прикажете приготовить комнату? спросила леди Августа. Мои люди очень вымуштрованы въ этомъ отношеніи и въ одну минуту приведутъ все въ должный видъ.

— Ничего не надо. Я совсѣмъ не нуждаюсь въ особенномъ устройствѣ комнаты.

— Гостиную можно въ одну минуту погрузить во мракъ; стоитъ только унести лампы. Не надо ли поставить экранъ у камина? и не слѣдуетъ ли попросить публику сѣсть?

— Не надо мрака. О! лэди Августа!.. и глаза его выражали не упрекъ, но состраданіе.—Мракъ? для духовъ свѣта? „Друзья“ мои, увѣряю васъ, не нуждаются во мракѣ.

Лавинія Медлокъ услышала это и повѣсила голову. Всѣ ея манифестаціи производились въ темной комнатѣ. Она не знавала духа, который согласился бы работать для нее при свѣтѣ.

М-ръ Чикъ услышалъ тоже и вспыхнулъ отъ недовѣрія.

Всѣ усѣлись, кто куда, оставя средину комнаты незанятою. Томъ Лангстонъ замѣтилъ съ интересомъ, что м-ръ Эмануэль Чикъ занялъ позицію около фортепіано. Съ этого пункта ему видна была спина демонстратора, и выборъ его. очевидно, доказывалъ недовѣріе и намѣреніе глядѣть въ оба. М-ръ Руджъ и Лавинія Медлокъ тоже замѣтили этотъ маневръ и догадались объ его смыслѣ и многозначительно кивнули другъ другу, какъ бы желая сказать, что вечеръ окончится, чего добраго, свалкой, если вдругъ кто-нибудь зажжетъ вѣроломную спичку и изобличитъ, что самъ медіумъ производитъ музыку небесныхъ сферъ на аккордіонѣ.

Пауль спокойно выступилъ на средину комнаты.

— Я прибылъ сюда съ миссіей, заговорилъ онъ. Пожалуйста не думайте, что я явился сюда въ качествѣ профессіональнаго истолкователя и медіума, черезъ котораго духи станутъ сообщаться съ вами. Мои „друзья“ и тѣ, что избраны, такъ свободно и безпрепятственно сообщаются съ душами живыхъ и мертвыхъ и съ духами другихъ міровъ, что слабые и ничтожные звуки, достигающіе вашихъ ушей, для нихъ ничто. Загляните, прошу васъ, въ отчеты о сооб-

щеніяхъ и спросите себя: далеко ли вы ушли съ ними. Моя миссія заключается въ томъ, чтобы преподавать тѣмъ, кто этого достоинъ, древнюю мудрость, древній законъ. Вы видите во мнѣ слугу, посла, который только выполняетъ то, что ему повелѣно. Но такъ какъ необходимо доказать чѣмъ-нибудь, что я тотъ, за кого выдаю себя, что я посолъ, то я просилъ и получилъ нѣкоторую силу. Не думайте, прошу васъ, что въ этой силѣ состоитъ моя миссія. Она только знаменуетъ ее. Такая сила, какая мнѣ дана, доступна не всѣмъ,—и онъ, быть можетъ, нечаянно взглянулъ при этомъ на Лавинію Медлокъ,—но нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кто находится въ этой комнатѣ; и тутъ глаза его остановились на Гетти Медлокъ, сидѣвшей впереди, около Цецилій.

— Тотъ, кто хочетъ узнать древній законъ ради того только, чтобы получить эту силу, не далеко уйдетъ по этому пути, доступному лишь чистымъ и не себялюбивымъ душамъ. Слушайте!

Онъ поднялъ обѣ руки и сталъ прислушиваться. Черезъ нѣсколько моментовъ послышалась слабая музыка вдали. Звуки все приближались, но были тѣмъ не менѣе нѣжны и какъ будто носились надъ головой оператора. Потомъ тихо удалились и замерли вдали.

— Славное начало, шепнулъ Томъ; темная комната и концертино заткнуто за поясъ.

Habitués дома—тѣ, которые привыкли къ манифестаціямъ, одобрительно качали головой. Это, конечно, было безконечно и скучнѣе того, что до сихъ поръ производилось въ этомъ родѣ. Но тѣмъ не менѣе они сохраняли критическое отношеніе къ дѣлу, такъ какъ музыка на сеансахъ не диво и не рѣдкость. М-ръ Эмануэль Чикъ фыркнулъ, быть можетъ, потому, что не понималъ, какъ это было сдѣлано; а, быть можетъ, и потому, что считалъ себя обиженнымъ собственными духами, которые никогда не хотѣли порадовать его музыкой, иначе какъ въ темной комнатѣ.

Когда музыка замерла, за ней раздался серебристый звонъ колокольчиковъ, который такъ же, какъ и звуки музыки, все приближался, пока не достигъ того мѣста, гдѣ стоялъ Пауль, и нѣкоторое время звонилъ у него надъ головой, а затѣмъ отдалился и замеръ.

— Ловко подстроено, Додо, шепнулъ Томъ,—но старо. Мы и раньше слыхали колокольный звонъ, конечно, въ темной комнатѣ! Удивительно, какъ этотъ плутъ орудуетъ!

— Но, стой! вотъ уже и чудо! Пауль внезапно протянулъ обѣ руки, и въ нихъ упало два легкихъ и тонкихъ

пакетика изъ серебристой бумаги. Откуда они взялись? Замѣтьте, что комната была полна народа; что всѣ они глядѣли въ оба; что комната была очень ярко освѣщена и, между тѣмъ, всѣ, всѣ до одного человѣка подтвердили бы: пакетики упали въ руки Пауля съ потолка.

Пауль передалъ пакетики лэди Августѣ.

— Подождите распечатывать, сказалъ онъ.—Вы сейчасъ будете свидѣтелями дѣйствительно замѣчательнаго проявленія силы, которою обладаютъ мои „друзья“. Примите это какъ особенный знакъ ихъ милости.

Послѣ того онъ повернулся и оглядѣлъ все общество, но безъ малѣйшаго признака торжества во взглядѣ.

—Видали ли вы когда-нибудь, какъ кроткіе индусы выкидываютъ свои штуки? Если видали, то во всю остальную жизнь будете утверждать, что невозможное стало возможнымъ; что чудеса, совершенныя на вашихъ глазахъ, не могутъ ни съ чѣмъ сравниться; люди обезглавлены на глазахъ у публики и затѣмъ оказываются съ головой на плечахъ; мальчики истыканы кинжалами и это не причиняетъ имъ ни малѣйшаго вреда; смертоносныя змѣи безнаказанно берутся въ руки; сухія вѣтви расцвѣтаютъ какъ жезлъ Ааронов. Да что говорить: одинъ великій остъ-индскій повелитель велѣлъ записать въ лѣтописяхъ,—такъ, чтобы всѣ могли это прочитать,—что къ нему пришли жонглеры и совершили при немъ и при его дворѣ двадцать восемь различныхъ чудесъ, одно поразительнѣе другаго. Думаете ли вы, что они плутуютъ? Нѣтъ, конечно; и, однако, свидѣтели тоже не лгутъ! Что же на самомъ дѣлѣ происходитъ? Еслибы кто-нибудь могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, то онъ могъ бы произвести какъ разъ все то, за что вышеупомянутые жонглеры получили отъ остъ-индскаго императора пятьдесятъ тысячъ рупій задолго до того, какъ эта монета была обезцѣнена.

— Нѣкоторые изъ васъ, сказалъ Пауль,—слыхали про восточныхъ людей, обладающихъ силой, нынѣ неизвѣстной на западѣ. Я говорю: нынѣ, потому что существуютъ свидѣтельства, что, въ средніе вѣка и даже позднѣе, бывали люди и на западѣ, обладавшіе до нѣкоторой степени такою же силой. Были монахи, которые могли разговаривать съ духами. Была монахиня, по имени Хильдегарда, которая въ моменты экстаза могла заставить другихъ монахинь дѣлать все то, что она имъ прикажетъ. Были также и другіе спиритуалисты высшаго порядка. Поэтому то, что вы увидите, не ново. Въ свойствѣ всякой силы есть способность разговаривать на извѣстномъ разстояніи; способность моментально

переноситься другъ къ другу; узнавать, что говорятъ и думаютъ ваши друзья; узнавать то, что на умѣ у постороннихъ людей и заставить ихъ видѣть то, что хочешь, говорить то, что желаешь и думать, какъ вамъ угодно. Эти способности не прирожденныя, но пріобрѣтаются по мѣрѣ того, какъ уходишь дальше по пути мудрости. Вы знаете, что, по мѣрѣ того, какъ вы поднимаетесь выше, воздухъ становится рѣже и зрѣніе острѣе. Такъ и съ древнимъ закономъ. Или возьмемъ другой примѣръ: если вы выроете канаву въ землѣ, то она естественно наполнится водой. Вы не наливали воды. Она набирается по закону природы. Я не претендую на высшую степень этихъ способностей, но попытаюсь проявить передъ вами низшую ихъ степень.

Онъ опять оглядѣлъ комнату. Всѣ лица были обращены къ нему, всѣ глаза устремлены въ его глаза и нѣкоторымъ казалось, что онъ насквозь видитъ все, что творится въ ихъ душѣ. Но, быть можетъ, это происходило отъ того, что ихъ нервы были возбуждены.

Слѣпая дѣвушка, Цецилія Лангстонъ, сидѣла какъ разъ передъ нимъ. Рядомъ помѣщалась ея компаньонка Гетти Медлокъ. Цецилія сидѣла въ ея обычной, пассивной позѣ, сложивъ руки на колѣняхъ, но щеки ея горѣли, и она была взволнована странной музыкой и колокольчиками, и удивительными рѣчами о сверхъестественныхъ силахъ молодаго человѣка съ мягкимъ и музыкальнымъ голосомъ. Пальцы ея нервно сжимались и разжимались, губы дрожали и были полураскрыты.

— Гетти, шептала она,—почему онъ умолкъ? Скажите мнѣ... скажите мнѣ, что онъ дѣлаетъ?

— Онъ проситъ м-съ Треси Ганли поиграть что-нибудь. Она теперь играетъ.

— О! какъ ея игра груба и пошла послѣ той музыки. Говорите, Гетти, что еще дальше?

— О! значитъ правда? неужели же это правда? возможно ли, чтобы это была правда?

Странный вопросъ въ устахъ дочери медіума. Гетти поблѣднѣла и не спускала глазъ съ Шауля.

— Теперь онъ стоитъ совсѣмъ тихо и медленно обводитъ глазами комнату: онъ глядитъ на Сивиллу и на лэди Августу. Онъ глядитъ... о! онъ глядитъ... на *меня*.

Она больше ничего не сказала. Глаза мага встрѣтились съ ея глазами, и она встала и пошла по комнатѣ мимо всѣхъ и остановилась передъ нимъ.

— О! дочь моя! дитя мое! закричала Лавинія Медлокъ.

Но голосъ звучалъ радостью и удивленіемъ, а не страхомъ. Никогда доселѣ не видѣла она такого выраженія на лицѣ дочери: оно говорило—мать съ восторгомъ признала это—о болѣе высшемъ дарѣ, чѣмъ ея собственный—о чудномъ и удивительномъ дарѣ ясновидѣнія.

— Сядьте, сказалъ Пауль.

Нѣкоторые утверждали потомъ, что, когда Гетти встала съ мѣста, посреди комнаты не было никакого стула, но это нуждается въ подтвержденіи.

Гетти повиновалась. Затѣмъ, простымъ движеніемъ руки, онъ закрылъ ей глаза. Дѣвушка откинулась на спинку стула, блѣдная, съ сжатыми губами и закрытыми глазами. Руки ея лежали на колѣняхъ и были крѣпко стиснуты. Казалось, что она не спитъ, но чего-то дожидается; чего—сама не знаетъ.

Пауль наклонился надъ нею и какъ-будто тихо подулъ ей на голову.

— Мы вдыхаемъ кислородъ тѣлесными легкими, объяснялъ онъ. Духовными же мы вдыхаемъ то, что, за неимѣніемъ другаго названія, можно назвать *aura*. Моя *aura* пала на голову этой молодой особы и вошла ей въ душу. Она теперь, какъ вы сейчасъ увидите, будетъ дѣлать только то, что я ей прикажу.

— Этого бы не слѣдовало позволять,пробормоталъ Томъ.

— Почему нѣтъ? спросила опытная Сивилла.—Я видѣла подобное сто разъ, и это не причиняло никакого вреда.

— Да это ничто иное, какъ чистѣйшій месмеризмъ! громко вскричалъ м-ръ Эмануэль Чикъ.

— Покорнѣйше прошу, твердо объявилъ м-ръ Киръ Бруденель,—чтобы не было перерывовъ, послѣ сеанса каждый будетъ воленъ высказать то, что онъ думаетъ, или показать собственную силу въ этого рода манифестаціяхъ.

М-ръ Эмануэль Чикъ покорился, но съ усиліемъ. Пауль, съ своей стороны, не обратилъ никакого вниманія на это восклицаніе.

— Теперь я попрошу лэди Августу передать мнѣ одну изъ бумажекъ, которыя она держитъ въ рукѣ... какую дастъ. Благодарю васъ. Въ этой бумажкѣ есть рисунокъ. Я приказываю этой молодой особѣ увидѣть и сообщить, какого рода этотъ рисунокъ.

Наступило минутное молчаніе. Гетти Медлокъ не шевелилась и не подавала признака жизни. Пауль отдалъ обратно бумажки лэди Августѣ и сдѣлалъ одинъ пассъ правой рукой. Гетти Медлокъ открыла глаза и оглядѣлась.

— Гдѣ я? спросила она.

— Вы въ безопасности... и съ друзьями. Не бойтесь. Вы имѣли видѣніе во снѣ. Можете его разсказать? Помните, что видѣли?

Она колебалась.

— Говорите, не бойтесь.

— Я была за городомъ, не знаю гдѣ. Я была счастлива, гораздо счастливѣе, чѣмъ чувствую себя на яву.

Она говорила съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и какъ бы неохотно.

— Я могла дѣлать все, что хочу, и идти, куда мнѣ хочется. Я могла получить все, что только пожелаю: картины и музыку, и прекрасный домъ, и сады, и денегъ, сколько угодно. Я была не только богата, но могла писать удивительныя произведенія. Народъ пѣлъ сочиненныя мною пѣсни, и я была могущественна. Меня увѣнчали и признали королевой!

— Вы помните мѣсто и то, какъ васъ короновали?

— Да, отлично помню.

— Лэди Августа, будьте такъ добры передать мнѣ бумажку, которую я только-что держалъ въ рукахъ. Благодарю васъ. Скажите мнѣ, миссъ Медлокъ, узнаете ли вы этотъ рисунокъ?

Гетти взяла бумажку. На ней былъ акварельный рисунокъ, хотя бумажка и была тонка. Дѣвушка взглянула на него и вскрикнула отъ удивленія.

— О! да это какъ разъ та самая сцена. А это я сама, и меня коронуютъ. О! дайте мнѣ этотъ рисунокъ.

— Вы получите его, когда всѣ посмотрятъ. Позвольте мнѣ показать его всѣмъ присутствующимъ.

Не было никакого сомнѣнія, что дѣвушкѣ привидѣлась ея собственная коронація. Сонъ былъ какъ разъ такой, какой могъ легко присниться дѣвушкѣ бѣдной, молодой, не особенно умной,—сонъ о несбыточномъ. Да, вотъ блѣдный рисунокъ самой Гетти съ большими глазами, ее очень легко было узнать въ великолѣпномъ царскомъ одѣяніи, и кругомъ народъ привѣтствовалъ ее.

И рисунокъ былъ хорошъ.

М-ръ Киръ Бруденель поднесъ бумажку къ свѣту.

— Водяное клеймо обозначаетъ Петербургъ, сказалъ онъ.

— Должно быть, рисунокъ тамъ сдѣланъ, безпечно отвѣчалъ Пауль. Гдѣ-нибудь же его да нарисовали. Лэди Августа, я исполнилъ, что обѣщалъ. Позвольте мнѣ произвести

еще одинъ опытъ. Могу я попросить миссъ Цецилію Лангстонъ занять мѣсто миссъ Медлокъ?

— О! закричалъ Томъ, оставьте въ покоѣ мою кузину!

— Никакого вреда, ни малѣйшаго вреда не будетъ сдѣлано миссъ Лангстонъ, сказалъ Пауль. Даю вамъ слово— нѣтъ, не джентльмена, но вѣстника моихъ „друзей".

— Для меня это плохая гарантія, пробормоталъ Томъ, и довольный своимъ отвѣтомъ, показавшимся немного рѣзкимъ, не сталъ болѣе противиться.

Но слѣпая дѣвушка поднялась съ кресла по первому же приглашенію и безъ всякой помощи прямо подошла къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ стулъ. Она сѣла на него какъ бы не имѣя ни охоты, ни силы сопротивляться.

— Сильнѣйшее желаніе слѣпыхъ, это видѣть, сказалъ Пауль. Возвращаю вамъ на нѣсколько минутъ зрѣніе, Цецилія Лангстонъ. Скажите мнѣ, что вы видите?

— Я вижу, отвѣчала она, но страннымъ голосомъ, не двигая ни руками, ни головой, и съ закрытыми глазами. Я вижу: Комната полна народа. Вы стоите передо мной. У васъ черные волосы и черные глаза; въ петлицѣ фрака у васъ бѣлый цвѣтокъ. Вы глядите на меня. Да. Я сейсейчасъ огляжу комнату—хотя онъ словами ей не приказывалъ—я вижу и другихъ, но не такъ хорошо, какъ васъ. У нихъ лица какія-то темныя. Отчего это? Я вижу Сивиллу и Гетти, и Тома, и многихъ другихъ; но они не такъ ясно и отчетливо представляются мнѣ, какъ вы. И теперь всѣ снова скрылись, и опять наступилъ мракъ.

— Я не могу возвращать зрѣніе на всегда, сказалъ онъ. Быть можетъ, придетъ время, когда это и многое другое, считающееся теперь невозможнымъ, будетъ въ нашей власти.

— О! я видѣла комнату. Я видѣла всѣхъ васъ. О! это удивительно, удивительно! сказала слѣпая дѣвушка, протягивая безпомощныя руки.

Сивилла подошла къ ней, взяла ее за руки и отвела на прежнее мѣсто.

— Тебя увѣрили въ этомъ, милочка, сказала она. Ты съ нами... съ друзьями. Въ сущности, ничего не случилось... ничего особенно важнаго.

— Ничего особенно важнаго, внушительно повторилъ Пауль.

Присутствующіе ждали, что теперь воспослѣдуетъ.

— Такъ какъ сеансъ оконченъ, сказалъ м-ръ Эмануэль Чикъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что оконченъ, то я думаю, что могу поздравить нашего юнаго друга съ успѣ-

хомъ въ месмерическомъ искусствѣ. Развитіе месмерической силы весьма замѣчательно, да! весьма. До сихъ поръ однако мы ничего не видѣли кромѣ того, что совершается путемъ чистѣйшаго месмеризма. Между тѣмъ я понялъ такъ, что мы приглашены сюда за тѣмъ, чтобы получить сообщенія отъ духовъ. Въ здѣшнемъ домѣ мы привыкли свободно разговаривать съ духами. Намъ же предложили месмерическій сеансъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Очень хорошій месмерическій сеансъ, но это не значитъ бесѣдовать съ духами.

И онъ тряхнулъ головой и фыркнулъ.

— Не мнѣ приличествуетъ обсуждать вещи, только-что здѣсь происходившія, съ достоинствомъ отвѣчалъ Пауль. Быть можетъ, месмерической силой можно объяснить всѣ явленія, которыхъ вы были свидѣтелями. Если такъ, то я ничего не стану возражать. Что касается бесѣдованія съ духами, то мы ежечасно и ежедневно бесѣдуемъ съ тѣми, кого мнѣ дозволено называть своими „друзьями“. То мудрые духи человѣчества, живые и мертвые, витающіе вокругъ насъ, вездѣ и всюду. Они бесѣдуютъ со мной безъ всякихъ стуковъ и тресковъ. Они больше сообщаютъ мнѣ въ четверть часа, чѣмъ вы здѣсь въ Англіи узнали черезъ стуки въ продолженіе сорока лѣтъ. Они уже дважды бесѣдовали со мной. Они и еще заговорятъ, если вы пожелаете. Не пожелаетъ ли кто между вами получить вѣсть утѣшенія или надежды? Но не шутите съ моими „друзьями“; вы можете за это дорого поплатиться. Пусть никто не высказывается иначе, какъ если дѣйствительно глубоко и серьезно желаетъ какой-нибудь вѣсти.

Всѣ сидѣли и молчали. Наконецъ, Цецилія Лангстонъ заговорила:

— Скажите мнѣ что-нибудь о моемъ братѣ.

— О вашемъ братѣ? Кто такой вашъ братъ? О! не говорите. Да, теперь знаю, знаю. Онъ уѣхалъ пять лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ ни разу не писалъ, и вы боитесь, что онъ умеръ. Да... понимаю.

Онъ говорилъ быстро и безсвязно, точно повторяя то, что ему шептали на ухо.

— Понимаю. Онъ ушелъ въ море. Его зовутъ Персиваль,—сэръ Персиваль Лангстонъ. Онъ баронетъ. Онъ не умеръ, онъ живъ и здоровъ.

— О! Цецилія зарыдала.

— Неужели это правда? неужели вы знаете?

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Пауль. Мнѣ это сейчасъ только-что сказали.

— Неужели это правда?

— Мои „друзья“ всегда говорятъ правду. Но вы сами увидите. Сядьте и поднимите глаза на меня. Думайте, что вы меня видите.

И онъ дунулъ ей на голову.

— Лэди Августа, сказалъ онъ, у васъ есть еще пакетикъ. Я-то дивился, зачѣмъ этотъ второй пакетъ присланъ. Пожалуйста, дайте его мнѣ.

Онъ взялъ его въ руки.

— Скажите мнѣ, что вы видите? Она отвѣчала такъ же, какъ и Гетти, какъ будто противъ воли.

— Я вижу корабль, плывущій ночью по бурному морю, подъ мрачнымъ небомъ. Это парусное судно. Палуба мокрая, и волны перекатываются черезъ нее. И у руля стоитъ мой братъ. Онъ одѣтъ въ высокіе сапоги и въ ватерпруфъ. По одеждѣ, онъ простой матросъ и правитъ кораблемъ. Онъ совсѣмъ обо мнѣ не думаетъ; умъ его поглощенъ религіей; онъ не видитъ меня, какъ я его вижу. О! я вижу его лицо и знаю, что это мой братъ, но сама не могу сказать, почему.—Персиваль, закричала она, протягивая руки, Персиваль, поговори со мной, погляди на меня.

Нѣкоторыя изъ дамъ заплакали, а Сивилла опять подошла къ ней на помощь.

— Вы достаточно мучили ее... сказала она. Обманщикъ вы или честный человѣкъ, я не знаю, но вы достаточно мучили ее.

— Вашъ братъ вернется, сказалъ Пауль. Спите спокойно сегодня ночью. Неужели увѣрить ее, что братъ ея живъ и здоровъ,—значитъ мучить?

Онъ раскрылъ пакетикъ и показалъ Сивиллѣ рисунокъ, заключавшійся въ немъ.

Рисунокъ былъ таковъ, какъ его описала Цецилія. На немъ былъ изображенъ корабль, и у руля его человѣкъ: въ окружающемъ мракѣ трудно было ясно различить очертанія корабля.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ Пауль у Сивиллы.

— Сэръ Персиваль Лангстонъ, отвѣчала она.

Пауль передалъ рисунокъ лэди Августѣ, и онъ сталъ ходить по рукамъ.

И тутъ присутствующими овладѣлъ трепетъ. Они находились въ присутствіи человѣка, доказавшаго, что ему дана власть проникать истину. Даже Томъ Лангстонъ пересталъ ухмыляться, хотя и не сдался.

Пауль опять сталъ посреди комнаты и обратился къ

присутствующимъ, безмолвнымъ и устрашённымъ. Онъ говорилъ медленно, торжественно и съ большимъ достоинствомъ.

— Я сдѣлалъ то, что мнѣ было приказано въ этотъ вечеръ. Вы видѣли образчикъ силы, которою владѣютъ мои „друзья“... живые или мертвые. Это не какой-нибудь низшій духъ съ того свѣта, который можетъ оказаться — какъ вы часто сами могли въ этомъ убѣдиться—недостойнымъ довѣрія, насмѣшливымъ и даже задорнымъ — Лавинія Медлокъ громко простонала и опустила голову какъ одна изъ жертвъ довѣрчивости къ недостойнымъ;—это человѣкъ—живъ онъ или мертвъ, облеченъ плотію или нѣтъ—это не важно—мудрый и доброжелательный, который пріобрѣлъ силу, о которой вы даже и не мечтали, и онъ говорилъ съ вами сегодня вечеромъ. Да, есть много существъ, которыхъ я называю своими „друзьями“, но дѣятельность ихъ однородная. Проявленіе было... поученіе не замедлитъ... для тѣхъ, кто его достоинъ.

И послѣ того онъ смѣшался съ толпой и превратился въ обыкновеннаго гостя. Сеансъ, если только можно было его назвать сеансомъ, когда ни одного стука не было слышно, окончился. Но окончился такъ, что сообщилъ торжественность вечеру.

Изъ міра невѣдомаго получена была манифестація, какой еще не бывало. Слѣпые прозрѣвали; отсутствующіе становились видимыми; слѣпая сестра узнала брата, котораго никогда до тѣхъ поръ не видала; она попросила вѣсти о немъ и получила отвѣтъ такимъ таинственнымъ и необыкновеннымъ образомъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ заключительномъ инцидентѣ въ исторіи этого вечера.

Оба рисунка исчезли.

Они ходили по рукамъ и вдругъ исчезли. Быть можетъ, кто-нибудь укралъ ихъ и теперь хранитъ какъ драгоцѣнный образчикъ искусства духовъ; быть можетъ, ихъ взяли назадъ тѣ, которые ихъ прислали. Не смотря на всѣ розыски, ихъ съ тѣхъ поръ такъ и не видѣли.

М-ръ Эмануэль Чикъ подошелъ торопливыми шагами къ Паулю и протянулъ ему руку съ дѣланнымъ чувствомъ.

— М-ръ Пауль, поздравляю васъ. Забудьте, что я говорилъ про месмеризмъ. Я призналъ въ васъ брата съ самой первой минуты. Мы сотрудники и можемъ многому научить другъ друга.

Бѣдный старый профессоръ казался необыкновенно вульгарнымъ и жалкимъ рядомъ съ этимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ. Носъ у него былъ красенъ; щеки одутловаты; онъ пилъ больше вина за обѣдомъ, чѣмъ слѣдуетъ, и языкъ его плохо ворочался.

— Извините меня, отвѣтилъ холодно Пауль, какъ будто не замѣчая протянутой руки,—я думаю, что вы ничему не можете научить меня. Увѣряю васъ, что мы и не братья, и не сотрудники.

Эмануэль Чикъ отошелъ обиженный и раздосадованный. Съ тѣхъ поръ онъ такъ и не оправился отъ этого публичнаго отреченія.

VI.

Гости медленно расходились, и каждый, прощаясь съ хозяйкой на свой ладъ, выражалъ свои чувства. Лавинія Медлокъ оказалась одна изъ восторженнѣйшихъ неофитокъ.

— О! дорогая лэди Августа, вздыхала и ворковала она, пожимая хозяйкѣ руки, — какой дивный вечеръ! Никто, кромѣ васъ, не могъ бы найти и показать такого человѣка! О! какъ мы были счастливы! Какая власть! какая сила! какая способность, и какъ моя бѣдная Гетти была покорена. О! рядомъ съ нимъ, что мы такое, мы, всѣ прочіе, жалкіе медіумы? О! я увѣрена, что онъ слишкомъ великъ, чтобы попасться на удочку лживаго духа, какъ это иногда случается съ нами грѣшными. Подумайте, чѣмъ я была и чѣмъ стала! О! Боже мой, Боже мой! Я такъ довѣряла Питору.

— Да, м-съ Медлокъ, мы теперь совсѣмъ въ иной сферѣ.

— Дѣйствительно; и все-таки мы вѣдь работаемъ въ одномъ направленіи. Лэди Августа, я слышала — тутъ она понизила голосъ — что вы собираетесь открыть коллегію... коллегію для опытовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ; въ первый разъ объ этомъ слышу!

— О! да, объ этомъ всѣ шепчутся на ухо; и я бы такъ рада была быть полезной...

— Увѣряю васъ, м-съ Медлокъ, что я ничего не знаю. Всякое дальнѣйшее развитіе этого дѣла зависитъ не отъ меня.

— Но всѣ знаютъ, что вы нашъ настоящій вожакъ, и я бы такъ охотно помогла вамъ. Ахъ! лэди Августа, вы видѣли мою Гетти... бѣдная Гетти!.. Я никогда ничему не

могла научить ее, а сегодня она выказала удивительныя способности. Она одарена ясновидѣніемъ въ высшей степени. Еслибы только она согласилась дать мнѣ руководить собой.

— Вы не должны учить ее думать о деньгахъ, м-съ Медлокъ, иначе вы ее испортите.

— Конечно... во всякомъ случаѣ, не теперь. Но я надѣюсь, что духи будутъ милостивѣе къ ней, чѣмъ къ ея бѣдной матери. Ахъ! лэди Августа! въ коллегіи потребуются секретари и клерки, и какъ бы я была рада быть полезной. Гетти могла бы сообщаться съ духами, а я, знаете, собирать плату за входъ.

— Право же, объ этомъ слишкомъ рано толковать.

— Это какъ разъ такое дѣло, на которое я гожусь. Я всю жизнь къ нему рвалась. Я могла бы быть такъ вамъ полезна, и, ахъ! еслибы вы знали, какъ я нуждаюсь въ трудѣ. Послѣднее общество разстроилось и... и... вотъ опять этотъ м-ръ Руджъ. Вы знаете, за что ему отказали отъ послѣдняго мѣста?

Тутъ Лавинія удалилась, и достопочтенный Веніаминъ Руджъ подошелъ, сладко улыбаясь.

— Чудный сеансъ, лэди Августа, чудный. Я сегодня же вечеромъ, прежде, чѣмъ лягу спать, напишу полный отчетъ о манифестаціяхъ. Вечеръ былъ полонъ неожиданнаго и поучительнаго, онъ далъ не только умственную и духовную, но и религіозную пищу.. преимущественно религіозную. Будущее увидитъ великолѣпное развитіе того, что мы, полагаю, должны отнынѣ называть древнимъ закономъ. И, по мѣрѣ того, какъ движеніе будетъ расти и развиваться... развиваться и раз-вѣт-вляться — и онъ растопырилъ руки, показывая, какъ оно будетъ развиваться—вамъ понадобится организаторъ, лекторъ, секретарь. Располагайте мною, лэди Августа. Я къ вашимъ услугамъ. Бѣдная Лавинія Медлокъ! Какъ вы добры, что пригласили ее сегодня. Вы знаете, почему она лишилась недавно мѣста. Обычныя непріятности— добавилъ онъ шепотомъ.

Сивилла подошла къ юному прорицателю. Она рѣшила откровенно переговорить съ нимъ. Но въ настоящую минуту она, какъ и всѣ другіе, была подъ вліяніемъ страха.

— М-ръ Пауль, серьезно начала она,—вы дѣйствительно обладаете этой силой. Или же вы только смѣетесь надъ бѣдной дѣвушкой, которая живетъ въ вѣчномъ страхѣ за брата?

— Право, миссъ Бруденель, отвѣчалъ онъ также серьезно,—вы несправедливо подозрѣваете меня.

— Другихъ медіумовъ тоже спрашивали, но они ничего не могли сказать. Но все же такъ легко обмануть дѣвушку, играя ея чувствами.

— Миссъ Бруденель, честью увѣряю васъ...

— То былъ портретъ моего кузена, но въ одеждѣ простаго матроса.

— Я самъ не болѣе вашего понимаю. „Друзья“ мои позволяютъ мнѣ сказать вамъ еще вотъ что. Вашъ кузенъ дѣйствительно въ настоящее время простой матросъ. Онъ среди Атлантическаго океана, на бортѣ „Добровольной Невѣсты“ изъ Квебека, парусномъ суднѣ, нагруженномъ лѣсомъ и плывущемъ въ лондонскій портъ.

— Возможно ли? И онъ высадится на берегъ?

— Не знаю. Повѣрьте мнѣ, что я все вамъ сказалъ... что знаю... все, что мнѣ сказали... мои „друзья“.

— Благодарю васъ.

Сивилла отошла, и ее смѣнилъ джентльменъ, протягивая руку Паулю.

— Желалъ бы покороче съ вами познакомиться, м-ръ Пауль.

У джентльмена была внушительная наружность и замѣчательно низкій голосъ.

— Меня зовутъ Кильбёрнъ... Этельстанъ Кильбёрнъ... имя небезъизвѣстное въ здѣшнемъ спиритуалистическомъ мірѣ, хотя, быть можетъ, въ Абиссиніи...

— Мои „друзья“ всѣхъ знаютъ, м-ръ Кильбёрнъ. Но, сознаюсь, они ничего мнѣ про васъ не сообщали.

— Нужды нѣтъ, я самъ сообщу: Моя исторія, сэръ, это исторія нашего дѣла въ здѣшней странѣ съ самаго его начала. Я отождествился съ нимъ, прежде даже нежели братъ Бруденель всту пилъ въ него. Мы грубые и простые операторы въ сравненіи съ вами, м-ръ Пауль. Но такими, каковы мы, я бы желалъ, чтобы вы узнали насъ. Между нами бывали и плуты... о! между нами много плутовъ... и лживые духи дразнили насъ. Но вы насъ узнаете. И вы пріѣхали учить насъ... и меня въ томъ числѣ, надѣюсь. Покойной ночи, м-ръ Пауль.

И голосъ его прозвучалъ еще глуше, точно онъ самъ готовился провалиться сквозь землю.

Мѣсто его было занято преподобнымъ Эмиліемъ Гортономъ, старшимъ Fellow въ коллегіи короля Генри въ Кембриджѣ. Быть можетъ, знакомые м-ра Гортона, не безъ основанія утверждали, что манеры его нерѣшительны, но за то рѣчь его дышала увѣренностью.

— Скажите, сэръ, занимались ли вы когда исцѣленіемъ?

— Иногда.

— Я самъ обладаю замѣчательнымъ даромъ исцѣленія. Не далѣе, какъ въ прошлое воскресенье, въ Грей-Иннъ-Родѣ, я заставилъ калѣку бросить костыли и пойти безъ ихъ помощи.

— Что, эта сила постоянно въ васъ?

— Нѣтъ... Сознаюсь, что нѣтъ. Она прихотлива. Еслибы она никогда меня не покидала, я могъ бы выступить какъ всеобщій цѣлитель и закрыть всѣ больницы.

— Я самъ по временамъ имѣлъ возможность проявлять эту силу. Въ послѣдній разъ это было годъ назадъ, когда я исцѣлилъ цѣлое селеніе въ Абиссиніи, гдѣ всѣ жители заболѣли холерой.

М-ръ Гортонъ глядѣлъ на него съ восхищеніемъ, не безъ примѣси однако нѣкотораго недовѣрія.

— Дорогой сэръ, если у васъ есть такая сила, то почему вы не избавите міръ отъ болѣзней.

— Это было бы, конечно, превосходно, будь это только возможно; но я отвѣчу на вашъ вопросъ другимъ вопросомъ, м-ръ Гортонъ. Когда васъ посвящали въ священство, что епископъ далъ вамъ право отпускать грѣхи?

— Конечно.

— И давъ вамъ это право, онъ поставилъ вамъ какія-нибудь условія?

— Разумѣется, никакихъ.

— Вы обладаете, значитъ, еще болѣе драгоцѣннымъ даромъ, нежели я, и такъ какъ онъ у васъ есть, то почему же, м-ръ Гортонъ, вы допускаете грѣху тяготѣть надъ людьми? Очистите насъ отъ грѣха, любезный сэръ. И когда вы снимете грѣхъ съ человѣчества, я избавлю его отъ болѣзней.

М-ръ Гортонъ ничего не отвѣчалъ.

Другіе гости ушли, бормоча слова благодарности и надежды, что за этимъ вечеромъ послѣдуютъ другіе, такіе же интересные и удивительные. Всѣ говорили очень любезныя вещи, и молодой человѣкъ отвѣчалъ всѣмъ съ непринужденной привѣтливостью. И дамы всѣ увѣровали въ его искусство и правдивость, благодаря его чуднымъ глазамъ Какъ и предсказывала лэди Августа, онъ уже завоевалъ успѣхъ. Послѣднею простилась м-ссъ Треси Ганли.

— Я прошу васъ посѣтить мои воскресные вечера, м-ръ Пауль, мы ведемъ тихую жизнь: у насъ не бываетъ толпы народа, но въ моемъ салонѣ вы найдете отдыхъ и симпатію... Я чувствую, что послѣ этихъ манифестацій, вамъ нужны

отдыхъ... и симпатія. Васъ не будутъ просить о проявленіи вашей удивительной силы, и вы найдете только друзей... истинныхъ друзей... умѣющихъ вѣрить и любить другъ друга.

— Вы очень добры, отвѣчалъ молодой человѣкъ, удивленный этимъ неожиданнымъ предложеніемъ дружбы со стороны совсѣмъ незнакомаго лица. Я нахожусь въ полномъ распоряженіи лэди Августы.

— Это не помѣшаетъ вамъ пріѣхать. И такъ я буду васъ ждать въ будущее воскресенье вечеромъ.

— Только не непремѣнно въ это воскресенье. Я никогда не назначаю дней, потому что меня могутъ отозвать „друзья“ въ другое мѣсто или поручить какое-нибудь спеціальное дѣло. Позвольте мнѣ пріѣхать въ такое воскресенье, когда я буду свободенъ.

— Конечно, мы всегда будемъ рады васъ видѣть. Не въ качествѣ льва, понимаете: у меня не бываетъ львовъ.

Она говорила правду, но, увы! какъ страстно желала бы она залучить одного или двухъ въ сезонъ.

— У насъ спокойный, интимный кружокъ знакомыхъ; мы разговариваемъ и занимаемся музыкой. Когда люди желаютъ угодить другъ другу, то разговоръ всегда бываетъ пріятенъ. Одно остроуміе, однѣ эпиграммы могутъ оскорбить. Иногда мои друзья занимаютъ другъ друга, какъ умѣютъ. Если вы почувствуете расположеніе... но, нѣтъ, вы будете совсѣмъ, совсѣмъ свободны и не обязаны что-либо обѣщать. Мы будемъ стараться развлекать васъ, м-ръ Пауль, а вы должны отдыхать и быть, какъ дома.

Возможно ли представить себѣ женщину добрѣе или любезнѣе? Она пожала ему руку, сладко улыбнулась и удалилась.

— Пусть только пріѣдетъ, замѣтила она своему мужу,— у котораго было какое-то дѣло въ Сити, гдѣ онъ ежедневно работалъ съ десяти часовъ до пяти, а вечеромъ выѣзжалъ съ женой въ гости, гдѣ и проводилъ время отъ одиннадцати до часу, до двухъ и до трехъ утра, такъ что въ сущности былъ счастливый человѣкъ, — пусть только пріѣдетъ, а я ужь что-нибудь изъ него вытяну, хотя бы только отгадываніе чужихъ мыслей.

Наконецъ всѣ гости разошлись, и остались одни только домашніе. Когда дверь заперлась за послѣднимъ изъ нихъ, заговорилъ м-ръ Киръ Бруденель. До сихъ поръ онъ молчалъ, а теперь заговорилъ. Когда глава раскрываетъ ротъ, то земля въ нѣкоторомъ родѣ содрагается. Онъ заговорилъ

съ дрожью въ голосѣ, показывавшей, что онъ глубоко тронутъ, и съ серьезнымъ убѣжденіемъ, отъ котораго Сивилла чувствовала всегда себя очень виноватой, схвативъ предварительно Пауля за руку.

— Сегодняшній вечеръ знаменуетъ новый поворотъ въ спиритуалистическихъ изслѣдованіяхъ. М-ръ Пауль, благодарю васъ отъ имени всѣхъ тѣхъ, которые, какъ я, вѣрили въ будущность нашего дѣла, не взирая на жестокія разочарованія и самые недостойные обманы. Мы были подобны слѣпымъ людямъ—я теперь вижу это—ожидающимъ вожака, или подобны невѣжественнымъ людямъ, заблудившимся въ лабиринтѣ и пытающимъ всѣ пути, кромѣ настоящаго. Какую пользу приносили намъ Чики и Медлоки? какая въ нихъ сила? какой общеніе съ духами? никакого. Вы посланы намъ тѣми, кого вы зовете „друзьями“, чтобы вывести насъ на настоящій путь. Мы благодаримъ вашихъ „друзей“ черезъ васъ. Мы старались сохранить вѣру, но, признаюсь, бывали времена, когда казалось, что мы уходили въ трясину скрытаго болота. Теперь, благодаря вашимъ „друзьямъ“, мы стоимъ, наконецъ, на прочной, какъ скала, почвѣ. Да, какъ скала!

— Дѣйствительно, вы правы, мягко отвѣтилъ Пауль, вы стоите теперь на скалѣ.

— Давно уже, прежде нежели я понялъ, куда мы придемъ, я рѣшилъ, что мой домъ и всѣ, кто съ нами живетъ, будутъ посвящены высокому преподаванію спиритуальной истины. Я не измѣнилъ этому рѣшенію. Я отдалъ ему жизнь, время и друзей. Моя жена тоже принесла ему въ жертву свою жизнь. Я выбралъ свою дочь и предназначилъ ей быть дѣвственной весталкой нашего великаго дѣла. Если этого всего недостаточно, приказывайте, и я исполню.

— „Друзья“ мои воспользуются тѣмъ, что полезно, отвѣчалъ Пауль, быстро взглядывая на Сивиллу, весталку, въ глазахъ которой и гнѣвномъ румянцѣ щекъ онъ прочиталъ протестъ.

— Быть можетъ, они потребуютъ отъ васъ гораздо меньше того, что вы готовы дать. Но вознаграждены вы будете за все сторицей.

— Но, ахъ! что же мы можемъ вамъ дать? спросила лэди Августа.

— Ничего, кромѣ дружбы... и... любви. Мнѣ не нужно денегъ. „Друзья“ даютъ мнѣ столько, сколько мнѣ нужно. Вотъ поглядите мой кошелекъ.

Онъ вынулъ его изъ кармана и раскрылъ. Въ немъ лежали три или четыре мелкихъ мѣдныхъ иностранныхъ монетъ.

— Вотъ мои капиталы. Пищу и кровъ вы мнѣ дадите.

— Весь домъ къ вашимъ услугамъ, сказалъ м-ръ Бруденель.

— Позвольте мнѣ уходить и приходить, не отдавая никакого отчета.

— Вамъ предоставляется полная свобода.

— Бываютъ времена, когда я по цѣлымъ днямъ, а иногда и недѣлямъ запираюсь въ своей комнатѣ, если „друзья“ требуютъ моего присутствія и отсутствую изъ нея духомъ.

— Вы будете поступать во всемъ, какъ вамъ угодно, сказала лэди Августа.

— Что, вы потребляете пищу, какъ и другіе люди? холодно спросила Сивилла. Что, люди, отсутствующіе духомъ, ѣдятъ или нѣтъ?

— Земное тѣло требуетъ пищи.

— Въ такомъ случаѣ спустимся на землю. Позвольте вамъ сообщить, м-ръ Пауль, что завтракъ подается въ половинѣ десятаго, а полдникъ подается въ половинѣ втораго. Въ нашемъ домѣ нѣтъ китайскаго гонга. Чай мы пьемъ въ пять часовъ, если вы только любите чай. Покойной ночи, м-ръ Пауль.

Она слегка и довольно сухо кивнула головой. Она успѣла уже опомниться отъ удивленія и подумала, что вѣдь въ сущности онъ просто медіумъ.

— Пойдемъ, милая Цецилія. Покойной ночи, мама.

VII.

Въ кабинетѣ Тома Лангстона двое молодыхъ людей спдѣли у камина—пророкъ Древняго Закона и студентъ новѣйшей науки. Никогда еще два молодыхъ человѣка, помимо своей профессіи, не были такъ противуположны другъ другу даже по наружности. Одинъ, силачъ, здоровякъ, богатырь, высокаго роста, съ большими руками и ногами, широкоплечій, закаленный атлетическимъ спортомъ, крокетомъ, игрою въ мячъ, лаунъ-теннисъ и греблей, мужественный, мускулистый и настойчивый; другой тонкій и стройный, хотя и не тщедушный, живой и граціозный, какъ юный французъ, дѣятельный и проворный, какъ леопардъ, съ глазами зоркими, какъ у сокола, съ тонкими, какъ у дѣвушки, чертами лица и длин-

ными нервными пальцами, ни минуты не перестававшими двигаться.

Оба курили папиросы, самъ Гермесъ, трижды великій, курилъ бы табакъ, еслибы жилъ въ наше время, а также и оба Бэкона—Роджеръ и Фрэнсисъ. Передъ каждымъ стоялъ стаканъ сельтерской воды, безъ всякой примѣси водки.

Они сидѣли молча и украдкой поглядывали друга на друга, потому что одинъ подозрѣвалъ другаго, а тотъ догадывался, что его подозрѣваютъ, и кромѣ того впервые въ жизни находился одинъ на одинъ съ юнымъ англійскимъ джентльменомъ, существомъ, какого онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ.

Кромѣ естественнаго раздраженія отъ мысли, что его подозрѣваютъ—съ чѣмъ однако приходится считаться каждому пророку—онъ спрашивалъ себя, удалось ли ему вполнѣ побѣдить нѣкоторыя смолоду пріобрѣтенныя привычки и усвоить себѣ тонъ людей, по рожденію принадлежащихъ къ порядочному обществу.

— Вы думаете обо мнѣ, сказалъ онъ наконецъ.

— Это не трудно было угадать, отвѣчалъ Томъ. Да, я думаю о васъ.

— Вы старались угадать, кто я такой?

— Больше того. Я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ вы это дѣлаете, и потомъ, что дальше будетъ.

— И вы мнѣ не довѣряете?

— Это тоже легко угадать. Я не довѣряю каждому человѣку, который претендуетъ на сверхъестественную силу, какъ бы онъ себя ни звалъ: медіумомъ или спиритуалистомъ—мнѣ все равно.

— И вы не можете отдѣлаться отъ подозрѣнія, что я явился, чтобы ограбить вашего опекуна и что я живу тѣмъ, что показываю,—могу ли я сказать—свою силу, или долженъ сказать,—свое искусство.

— Постойте, отвѣтьте мнѣ только на одинъ вопросъ; на какого чорта вы дурачите людей и выдаете себя не за того, кто вы на самомъ дѣлѣ?

— Какимъ образомъ?

— Вы носите имя, вамъ не принадлежащее. Это нѣмецкое имя, а вы американецъ.

Молодой человѣкъ слегка покраснѣлъ.

— Я вовсе не выдаю себя за нѣмца. Я не принадлежу ни къ какой національности. Вѣрите мнѣ или нѣтъ, но мое имя было мнѣ дано „друзьями“, оно, конечно, не мое по рожденію. Еслибы я разсказалъ вамъ исторію моей жизни, то вы

бы сочли меня еще бо́льшимъ шарлатаномъ, чѣмъ считаете теперь.

— Почему?

— Потому что мнѣ пришлось бы сообщить вамъ много такого, чему вы, при своихъ предразсудкахъ и невѣжествѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, ни за что бы не повѣрили. Ну а еще въ чемъ я морочу людей?

— Вы утверждаете, что то, что̀ вы сдѣлали сегодня вечеромъ, дѣло духовъ.

— Позвольте вамъ напомнить, что я этого не говорилъ. Я говорилъ, что это дѣло моихъ „друзей".

— Вы говорили про миссію.

— Вѣрно. У меня есть миссія. Она дана мнѣ „друзьями". Я здѣсь, чтобы выполнить ее. Моя миссія ко всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ меня выслушать—ко всѣмъ живущимъ въ этомъ домѣ, такъ какъ я въ него пріѣхалъ, и я вамъ... если вамъ угодно...

— Ну возьмите когда такъ, еще папиросу. Если это дѣло вашихъ „друзей", то вамъ ничего не стоитъ, полагаю, повторить его въ этой комнатѣ. Пусть съ моего потолка слетитъ бумажка или заиграетъ музыка, или что вамъ угодно.

Пауль пожалъ плечами.

— Моя миссія не для невѣрующихъ. Дайте взглянуть вамъ въ глаза. Твердый взглядъ. Поглядите мнѣ прямо въ глаза. Такъ. Помилуйте, да я могу всю жизнь потратить на васъ безъ всякаго результата. Вы не въ состояніи повѣрить, что въ мірѣ можетъ быть что-нибудь, кромѣ того, что вы видите. У васъ отсутствуетъ первое и самое элементарное качество, которое нужно для тѣхъ, кто изслѣдуетъ Древній Законъ. Вы вѣрите только явленіямъ.

— Благодарю васъ; однако, я не всему вѣрю, что вижу.

— Вы видѣли, что я заставилъ двухъ лэди думать такъ, какъ мнѣ угодно.

— Это чистѣйшій месмеризмъ. Старикъ Чикъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Вы говорите про стукальщика. Да. Я знаю его братью. Отчасти въ силу того, что вы называете месмеризмомъ, эти лэди должны были думать и поступать, какъ я имъ приказалъ. Многіе люди низшаго разбора обладаютъ этой силой, но не могутъ правильно ее употреблять. Въ рукахъ людей, подобныхъ вашему пріятелю Чику, она подобна электрической машинѣ, показываемой на ярмаркѣ зѣвакамъ. Въ рукахъ моихъ „друзей" эта сила гораздо тоньше и гораздо

могущественнѣе, нежели вы можете себѣ представить. Эта сила есть основаніе всякаго спиритуалистическаго вліянія.

— Красно сказано, но не вздоръ ли это?

— Безъ этой силы, продолжалъ Пауль, не обращая вниманія на рѣзкій перерывъ—общеніе между умами было бы невозможно; живые люди не могли бы вліять другъ на друга, совѣтовать и руководить другъ другомъ; сила ораторская не существовала бы, слова поэтовъ не имѣли бы смысла: писатель тщетно писалъ бы, души живыхъ людей не могли бы бесѣдовать съ душами умершихъ; друзья, находящіеся въ разлукѣ, не могли бы бесѣдовать...

— Ну, ну, полноте.

— Вы ничему не вѣрите. Вы думаете, что все сказано и что вы все объяснили словомъ месмеризмъ. Ученые думали, что все объяснено, когда открыли законъ тяготѣнія. Но открытіе закона не объясняетъ силы, управляемой закономъ. Такъ и объясненіе явленій словомъ месмеризмъ ихъ нисколько въ сущности не объясняетъ. Попросите вашего пріятеля Чика сдѣлать то, что я сдѣлалъ сегодня вечеромъ. И онъ этого не сдѣлаетъ. Почему? Потому что не въ силахъ.

— Сдѣлайте что-нибудь со мною сейчасъ; докажите мнѣ свою силу.

— Нѣтъ; я ничего не могу сдѣлать съ вами или для васъ. Къ чему мнѣ пытаться обратить васъ. Это совсѣмъ не мое дѣло. Еслибы весь свѣтъ вздумалъ вѣрить, то это бы мнѣ не повредило.

— Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

— Говорить съ тѣми, кого это касается. Исполнить свою миссію.

— Вы развѣ разузнавали о насъ, прежде чѣмъ пріѣхать?

— Разумѣется. По дорогѣ изъ Петербурга сюда, мнѣ лично сообщили о вашей семьѣ „друзья“. Я передалъ вамъ кое-что изъ этого. Я не хвастаюсь, что знаю больше того, что мнѣ сказали. М-ръ Киръ Бруденель, вашъ опекунъ, человѣкъ, страстно желающій быть спиритуалистомъ и пріобрѣсти силу. Онъ однако не медіумъ и никогда имъ не будетъ. Его очень много обманывали, и однако онъ принесъ много пользы, подготовивъ умы людей и женщинъ не бояться насмѣшекъ и принять высокую истину. Лэди Августа тоже горячая поклонница, но не медіумъ. Она тоже много принесла пользы своей несокрушимой вѣрой: при этомъ она занимаетъ такое общественное положеніе, которое было и будетъ очень полезно. Миссъ Бруденель не вѣрующая, хотя до сихъ поръ не рѣшалась заявить о своемъ невѣріи. Роль весталки, навязы-

ваемая ей, никогда не будетъ ею выполнена и изъ нея никогда не выйдетъ оракула. Ваша кузина, миссъ Цецилія Лангстонъ, непрерывно оплакиваетъ потерю своего брата, который однако живъ. Онъ ушелъ изъ дому, отказавшись отъ титула и состоянія, лѣтъ пять или шесть тому назадъ, вознамѣрившись раздѣлить жизнь простаго народа, и съ тѣхъ поръ не подавалъ признака жизни. Вы наслѣдникъ его имущества и баронскаго титула, если онъ умеръ. Но я думаю, что вы еще не вступите такъ скоро въ права наслѣдства, потому что онъ вернется. Я повезу къ нему сестру, если онъ къ ней не поѣдетъ.

— Гдѣ же, однако, онъ? и когда вернется?

— Онъ на парусномъ суднѣ, идущемъ изъ Лондона въ Квебекъ. Мнѣ сообщатъ, когда онъ вернется назадъ. Къ чему мнѣ безпокоиться и разузнавать что бы то ни было, когда мои „друзья“ говорятъ мнѣ все, что нужно. Что касается васъ, то ваше состояніе будетъ вамъ передано опекуномъ, м-ромъ Бруденелемъ, черезъ мѣсяцъ, когда вы достигнете двадцати-четырехъ-лѣтняго возраста; и въ этотъ же день какъ разъ вашей кузинѣ исполнится двадцать одинъ годъ. У васъ призваніе къ техникѣ, и вы проводите время, когда отсутствуете изъ физической лабораторіи, въ изготовленіи всѣхъ тѣхъ хорошенькихъ вещицъ изъ мѣди, какія я вижу у васъ на столѣ. Сознаюсь, что ничего въ нихъ не смыслю. Довольно съ васъ?

— Вы, конечно, много знаете. Но вы могли все это узнать изъ разспросовъ. Моя семья люди извѣстные.

— Если такъ, то я сообщу вамъ еще кое-что о васъ самихъ. Вы слегка заражены соціалистическими идеями, какъ и вашъ кузенъ, сэръ Персиваль. Вы считаете, что каждый человѣкъ долженъ жить трудомъ рукъ своихъ.

— Да, сказалъ Томъ, на этотъ разъ удивленный. — Я думаю, что величайшее несчастіе для человѣка родиться богатымъ.

— Вы бы такъ не думали, быть можетъ, еслибы родились бѣднымъ. Вы думаете, кромѣ того, что мы наканунѣ величайшей революціи—всеобщей революціи, какую только видѣлъ міръ.

— Да, я думаю. Откуда вы это знаете?

— И вы правы; только революція будетъ не такого рода, какъ вы думаете. Да—и тутъ глаза его зажглись, и все лицо озарилось одушевленіемъ—то будетъ величайшая изъ революцій, какую когда-либо видѣлъ міръ. Революція во всемъ: богатые станутъ бѣдными, но не такъ, какъ вы думаете, и всѣ призы

снова попадутъ въ руки сильнѣйшихъ, но не такъ, какъ вы думаете. Вы вѣрите въ это и не разъ говорили это своимъ пріятелямъ.

— Говорилъ. Откуда вы это знаете?

— Разумѣется, я не говорилъ ни съ кѣмъ изъ вашихъ пріятелей. Какъ я это узналъ? Посредствомъ месмеризма. Какъ я узналъ всѣ факты относительно вашей семьи? Посредствомъ месмеризма. Какъ я узналъ о существованіи вашего кузена? Посредствомъ месмеризма.

Онъ бросилъ папиросу и подошелъ къ столу, на которомъ лежали колеса и зубцы изъ мѣди, относившіеся къ какой-то любопытной и удивительной машинѣ, которую строилъ Томъ.

— Я съ своей стороны ничего не понимаю въ машинахъ. Колеса и всякія другія штуки смущаютъ меня. Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ зубцы и пружины производятъ такія удивительныя дѣйствія. И, однако, я вѣрю вамъ, когда вы мнѣ говорите, что машины полезны, и что вы понимаете ихъ законы и умѣете съ ними обращаться.

Томъ разсмѣялся.

— Вы хотите меня словить на этомъ. Вы хотите, чтобы я повѣрилъ вамъ, что вы понимаете нѣчто такое, что мнѣ недоступно.

Философъ поглядѣлъ ему прямо въ глаза взглядомъ честнаго человѣка.

— Именно.

— Теперь уже половина перваго, сказалъ Томъ, поглядѣвъ на часы. Какъ долго пробудете вы въ нашемъ домѣ?

— Около мѣсяца, думаю, или около двухъ. Можетъ быть, больше. Поговариваютъ о большой конференціи.

— И все время будутъ происходить разныя чудеса?

— Можетъ быть.

— Старикъ Чикъ, пока не сталъ пьянствовать, наполнялъ весь домъ духами. Они городили неимовѣрную чушь. Право, такихъ глупыхъ духовъ трудно себѣ и представить. Еслибы вы знали, какую толпу шарлатановъ и обманщиковъ поощрялъ и принималъ у себя дядя—если онъ обличалъ одного, то немедленно приглашалъ другаго—то вы бы не удивлялись моему недовѣрію.

— Я нисколько не удивляюсь. Когда я встрѣчаюсь съ такими людьми, какъ м-ръ Чикъ, то дивлюсь силѣ нашего дѣла, если оно переживаетъ даже его.

— Ну вотъ и прекрасно. Но не шутите чувствами

женщинъ! Неужели это неизбѣжно и вы въ самомъ дѣлѣ можете вернуть моего кузена — бѣднаго старика Перси? Если вы это сдѣлаете, то я вамъ все прощу. И... и... Томъ проговорилъ это неохотно... вы совсѣмъ не похожи на всю эту компанію; голосъ вашъ звучитъ правдиво и... ну, мы будемъ пріятелями, пока я не выведу васъ на свѣжую воду. Помните, я буду зорко слѣдить за вами.

Вѣстникъ новаго ученія весело засмѣялся.

— Я говорю вамъ, какъ я дѣйствую, а вы не хотите мнѣ вѣрить. Ну мы будемъ, значитъ, пріятелями, такъ какъ вы никогда меня не выведете на свѣжую воду. Дайте мнѣ руку, Томъ, мы друзья на всю жизнь, потому что, повторяю, вы меня не изобличите въ обманѣ.

Десять минутъ спустя Томъ уже лежалъ въ постели въ спальнѣ, сосѣдней съ кабинетомъ. То былъ молодой человѣкъ, безусловно не склонный къ сверхъестественному: сердце его никогда не сжималось отъ смутнаго ужаса, овладѣвающаго иными людьми порою даже въ такихъ мѣстахъ и въ такое время, когда они всего менѣе ожидаютъ появленія привидѣній съ того свѣта. Онъ могъ бы спать на кладбищѣ, среди скелетовъ и труповъ, и никакія ассоціаціи идей о возможномъ убійствѣ, жестокости, преступленіи и раскаяніи не тронули бы его. Поэтому, когда, засыпая, онъ услышалъ странную музыку надъ головой, повидимому, въ его комнатѣ, онъ нисколько не испугался, но удивился. Онъ вскочилъ съ постели, заперъ дверь и вынулъ ключъ. Послѣ того зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ никого не было, и музыка прекратилась. Онъ задулъ свѣчу и снова легъ въ постель. Послѣ того музыка опять заиграла.

— Очень ловко, сказалъ Томъ. Самый искусный изъ всѣхъ фокусовъ, какіе мнѣ случалось видѣть, и красивая мелодія, вдвое лучше аккордіона стараго Чика. Если его „друзья“ намѣрены быть со мной любезны, то они не теряютъ времени понапрасну. Очень, очень мило. Премного благодаренъ.

Послѣ этого онъ уснулъ, и такъ и не узналъ, долго ли продолжалась сверхъестественная музыка.

VIII.

Послѣ завтрака—торжественной и неторопливой трапезы въ домѣ м-ра Бруденеля, послѣдній повелъ гостя въ свой

кабинетъ. М-ръ Бруденель былъ болѣе нервно возбужденъ чѣмъ когда-либо. Событія предыдущаго вечера наполнили бы его восторгомъ, еслибы не несчастное разоблаченіе на счетъ романа Уйда.

Обвиненіе было справедливое, и такъ какъ Пауль могъ узнать объ этомъ лишь благодаря сверхъестественной силѣ, то обвиненіе получило характеръ упрека или угрозы. Если упрека, то это крайне самонадѣянно со стороны такого молодаго человѣка, если же угроза, то что еще зналъ о немъ этотъ молодой человѣкъ.

— Вотъ моя библіотека, г. Пауль, сказалъ онъ, указывая съ гордымъ смиреніемъ на полки, уставленныя сверху до низу сочиненіями о предметѣ, которому была посвящена вся его жизнь. Здѣсь вы найдете, полагаю, всѣхъ учителей: Корнелія Агриппу, „Небесную Интеллигенцію“ Баррета, Романъ Розы, Элифаса, Лилли и Ди, Отрывки Манетто, „Чернокнижіе“ Сольверта, Апологію Іодэ, и новѣйшія сочиненія Блаватской, Ольхсонъ и Синета.

Онъ вдругъ умолкъ, потому что увидѣлъ, что молодой человѣкъ смотритъ на него, а не на книги.

— Быть можетъ, холодно спросилъ онъ, вамъ уже знакомо содержаніе этихъ книгъ?

— Напротивъ того, отвѣчалъ Пауль. За предѣлами извѣстной черты, я очень невѣжественный человѣкъ. Я, правда, изучалъ Книгу Премудрости Соломона, но въ сочиненія этихъ средневѣковыхъ и восточныхъ шарлатановъ я не давалъ даже себѣ труда и заглядывать. Меня забавляетъ, что вы, глава спиритуализма въ здѣшней странѣ, серьезно предлагаете знакомиться съ этими писателями.

— Однако результатъ средневѣковыхъ изслѣдованій...

— Никакихъ результатовъ не было.

Молодой человѣкъ говорилъ такимъ догматическимъ тономъ, что онъ былъ бы оскорбителенъ, еслибы не спокойная увѣренность его манеръ.

— Никакихъ ровно результатовъ эти изслѣдованія не дали? Книги эти не имѣютъ ровно никакой цѣны?

М-ръ Бруденель надѣлъ очки и оглядѣлъ книги, за которыя онъ заплатилъ нѣсколько сотъ фунтовъ. Неужели изъ нихъ не появится духъ, который бы заставилъ замолчать этого дерзкаго молодаго человѣка.

— Никакихъ результатовъ... никакой цѣны?

— Кромѣ, конечно, исторической. Эти люди, овладѣвшіе частицей истины, блуждали во тьмѣ и ничего не находили.

Книги сохранили исторію ихъ поисковъ. Если это имѣетъ цѣну, то и книги тоже. Если нѣтъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Вы читали ихъ?

— Ни одной.

— Почемъ же вы знаете?

— Я знаю, потому что знаю. Истина Древняго Закона въ томъ и заключается, чтобы отличать правду отъ лжи. Но сколько изъ нихъ вы сами прочитали, м-ръ Бруденель? Вы не отвѣчаете. Я вамъ скажу. Ни одной. Вы перевертывали страницы, въ которыхъ ровно ничего не понимали. Вы ни одной книги не прочитали. Сожгите вашу библіотеку, м-ръ Бруденель. Сожгите ее всю.

— Сжечь мою коллекцію рѣдкихъ книгъ? Сэръ, вы заходите слишкомъ далеко. Я желалъ бы знать...

— Вы не прочитали ни одной книги, м-ръ Бруденель. Вы ничего не знаете объ этомъ предметѣ. Вотъ книга, которая претендуетъ научить, какъ вызывать духовъ.

Онъ взялъ одинъ томъ съ полки.

— Вы знаете ея методу? Вы пытались когда-нибудь вызвать духа? Вотъ другая книга, учащая, какъ найти философскій камень. Вы нашли его? Вотъ тайны астрологіи. Вы сумѣете составить гороскопъ?

— Но... но... вы утверждаете, что всѣ притязанія средневѣковыхъ философовъ неосновательны?

— Не совсѣмъ неосновательны. Въ этомъ же смыслѣ не совсѣмъ неосновательны новѣйшіе такъ называемые черно-книжники-философы и изотерическіе буддисты. Ихъ притязанія опираются на отрывки, полученные съ востока изъ Сиріи. Притязанія средневѣковыхъ изслѣдователей опираются также на отрывки, сохраненные учеными испанскими и мароккскими евреями и передаваемые отъ отца къ сыну. Но въ Абиссиніи у насъ есть совершенная книга, собственная книга царя Соломона, привезенная туда принцемъ Менелекомъ.

— Немаловажно уже и то, что мы имѣемъ отрывки, какъ вы говорите, холодно замѣтилъ м-ръ Бруденель.

— Да; у васъ есть отрывки. Они дали вамъ возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ, но дальше вы не можете идти. Подумайте: вы были духовидцемъ: въ продолженіе тридцати лѣтъ, много ли вы знаете теперь? больше ли сравнительно съ тѣмъ, что знали, когда только-что начали?

— Нѣкоторые думаютъ, что мы очень далеко ушли впередъ.

— Вы нисколько не ушли впередъ, твердо сказалъ Пауль; и если будете продолжать по-прежнему, то никуда не уйдете.

— Ну, возразилъ глава, но довольно слабо, нельзя уронить твореніе тридцати лѣтъ критикой неизвѣстнаго юноши.

— Твореніе!

Пауль выпрямился, и лицо его приняло выраженіе человѣка, который поучаетъ и распекаетъ.

— Твореніе! какое твореніе! у васъ его нѣтъ. У васъ нѣтъ даже мечты, маски, фикціи какого-нибудь творенія. Въ вашихъ мысляхъ я читаю въ настоящую минуту сознаніе неудачи. Сознайтесь! Неудача! вся ваша жизнь—одна неудача! Васъ соблазнили лживыми надеждами! вы ввѣрялись одному обманщику за другимъ. Обманъ слѣдовалъ за обманомъ. Сознайтесь, вся ваша жизнь—сплошная неудача. У васъ нѣтъ ничего прочнаго... ничего... ничего. Сознайтесь!

Черные глаза его сверкали, голосъ звучалъ строго, а указательный палецъ грозилъ. Слыханное ли дѣло, чтобы кто-нибудь такъ обращался съ главой? Видъ его былъ суровъ. М-ръ Бруденель отвернулся, словно боялся встрѣтиться съ этими глазами и повѣсилъ голову, бормоча что-то про радости изслѣдованія, но очень неувѣренно.

— Ваша жизнь—сплошная неудача и вы сознаете это. Признайтесь. Поглядите мнѣ въ лицо. Поглядите мнѣ въ глаза. Такъ.

М-ръ Бруденель медленно и неохотно повиновался, точно противъ воли. Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ твердый, горячій взглядъ сильнаго молодаго человѣка.

— Сознайтесь во всемъ, что у васъ на умѣ.

М-ръ Бруденель опустился на стулъ. Все его достоинство растаяло, и онъ смирился. И не отрывая взгляда отъ глазъ своего гостя, онъ сказалъ:

— Сознаюсь. Моя жизнь—сплошная неудача. Давно, давно уже я понялъ это, но мнѣ было стыдно въ этомъ признаться. Я былъ окруженъ вѣрующими, съ надеждой взиравшими на меня. Еслибы я сознался въ истинѣ, то какой бы это былъ ударъ для моей жены и для всѣхъ. Съ каждымъ годомъ я сознавалъ это сильнѣе и сильнѣе. Я потерялъ уваженіе къ самому себѣ. Я былъ жалкимъ шарлатаномъ и притворялся, что вѣрю. Я приходилъ сюда каждое утро и притворялся, что занимаюсь дѣломъ, а въ

сущности читалъ романы и отдыхалъ отъ спиритуалистическаго лицемѣрія.

— Довольно. Не говорите больше ничего. Но только сознайтесь, что я вѣрно прочиталъ ваши мысли.

М-ръ Бруденель нѣсколько оправился, когда освободился изъ-подъ вліянія этого взгляда. Онъ сидѣлъ на стулѣ и поправлялъ очки.

— Я сказалъ вамъ, м-ръ Пауль, то, чего не думалъ никому сообщать. Вы владѣете тайной моей жизни. Уважайте ее, сэръ.

— Увѣряю васъ, м-ръ Бруденель, что тайна вашей жизни была мнѣ раньше извѣстна. Но не сомнѣвайтесь, что я буду ее уважать.

— Я радъ, что сказалъ вамъ. Теперь вы все знаете, и нѣтъ больше причинъ намъ толковать про феномены. Быть можетъ, современемъ вы скажете мнѣ, какъ вы произвели вчерашнія штуки. Я знаю много фокусовъ, но ваши, сознаюсь...

— Вы сильно ошибаетесь, м-ръ Бруденель, сильно ошибаетесь. Если я былъ присланъ къ вамъ въ ту минуту, когда вы пришли въ совершенное отчаяніе, то не для того, чтобы дѣлать фокусы.

— Было время, продолжалъ глава, не слушая перерыва, когда я радовался своимъ изслѣдованіямъ и со счастіемъ ждалъ полнаго свѣта, который, казалось мнѣ, не замедлитъ придти. Увы! это время прошло, и у меня остались одни только сожалѣнія о томъ, что я убилъ свою жизнь среди энтузіастовъ и простыхъ мошенниковъ. Я признаюсь вамъ, м-ръ Пауль, потому что... вы молоды, но кажетесь честнымъ... потому что вы меня къ этому принудили. Теперь дѣло сдѣлано. Ступайте и пугайте женщинъ, и приходите ко мнѣ сюда посмѣяться, когда штуки удадутся вамъ.

— Опять повторяю, задача моя не въ томъ, чтобы пугать женщинъ и смѣяться съ вами. Ваша прошлая жизнь кончена. Но теперь начнется новая, если вы алчете истины...

— О! могу ли я кому-нибудь повѣрить? безпомощно вскричалъ м-ръ Бруденель. Я не хочу новой жизни. Отнынѣ я буду жить какъ всѣ остальные люди. Я перестану пытать будущую жизнь. Я буду ходить въ церковь съ женой и дѣвочками. Не надо мнѣ новой истины, спасибо. Я со всѣмъ этимъ покончилъ.

Онъ уронилъ руки съ выразительнымъ жестомъ.

— Покончилъ съ этимъ, м-ръ Пауль, говорю вамъ, я покончилъ.

— Позвольте, м-ръ Бруденель. Я прочиталъ въ вашихъ взглядахъ, мало того, въ мысляхъ вашихъ, отчаяніе вчера вечеромъ. Вы ничего не ждали, кромѣ скуки. И затѣмъ удивились. И тогда выразили то, что у васъ проснулось въ ту минуту въ душѣ. Но сегодня утромъ холодная струя сомнѣнія снова прокралась въ вашу душу. Вы не вѣрите болѣе своимъ глазамъ.

— Вѣрно.

— Довѣрительныя грамоты, показанныя мною, удовлетворили всѣхъ, кто ихъ видѣлъ, за исключеніемъ вашего племянника, да еще, быть можетъ, одной особы. Но вы, ставши подозрительнымъ отъ многихъ разочарованій, сомнѣваетесь въ нихъ и не довѣряете. Музыку въ воздухѣ—серебряные колокольчики—вы слыхали нѣчто подобное при темныхъ сеансахъ: они производились вашими Чпками и Медлоками съ помощью концертино; дѣвушекъ въ трансѣ видали и раньше; ясновидѣніе не новая вещь; быть можетъ, картины, вызванныя въ умѣ молодыхъ дѣвушекъ, тоже старый фокусъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не говорю. Вещи эти не новы, но поразительны.

— Прекрасно. Послушайте, м-ръ Бруденель, я спеціально посланъ къ вамъ. Моя миссія касается именно васъ. Если вы не убѣждены, я покажу вамъ новыя вѣрительныя грамоты, чего вы хотите? Просите смѣлѣе. Не бойтесь!

— Сдѣлайте для меня то, что дѣлали чернокнижники. Дайте мнѣ въ руки остъ-индскую газету, вышедшую сегодня.

— Это очень легко, отвѣтилъ Пауль.

Онъ положилъ руку въ карманъ сюртука и вынулъ газету съ остъ-индской маркой, адресованную Киру Бруденелю.

— Вотъ вамъ газета. Это „Friend of India“ отъ сегодняшняго числа. Но прежде, нежели вы распечатаете ее, я долженъ поставить одно условіе. Въ этой газетѣ находятся всякаго рода извѣстія: политическія, общественныя, смерти, браки, состояніе фондовъ—все, что не считается нужнымъ сообщать по телеграфу—которыя *не должны* быть прочитаны прежде обычнаго срока. Распечатайте газету. Убѣдитесь, что это сегодняшняя газета, которая прибудетъ въ Лондонъ только черезъ четыре недѣли; затѣмъ заприте ее въ такое мѣсто, куда нѣтъ никому доступа, кромѣ васъ, и не заглядывайте въ нее до тѣхъ поръ, пока всѣ не прочитаютъ ее обычнымъ путемъ. Обѣщаете мнѣ это?

— Я бы лучше хотѣлъ ознакомиться съ ея содержаніемъ.

— Разсудите сами. Въ ней могутъ быть вещи, которыя лучше узнать въ свое время. Обнародовать сегодня эту газету, значитъ, быть можетъ, раззорить многихъ людей. Обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Ну, въ такомъ случаѣ распечатайте газету.

М-ръ Бруденель сорвалъ бандероль, которую Пауль бросилъ въ огонь. Онъ поглядѣлъ на число. Суббота, 26 марта, 1887 г. Число было напечатано на каждой страницѣ. Онъ свернулъ газету съ глубокимъ вздохомъ.

— Вы сдѣлали удивительную вещь, сказалъ онъ.

— Заприте бумагу въ этотъ несгораемый шкафъ. Вотъ такъ. Выньте ключъ и положите къ себѣ въ карманъ. Никто, конечно, не ходитъ въ этотъ шкафъ, кромѣ васъ. Вы вынете эту газету въ тотъ день, когда она должна придти по почтѣ и прочитаете ее, но не раньше. До тѣхъ поръ никто не будетъ знать объ ея существованіи. Помните, что вы не должны читать газеты или отпирать этого ящика до назначеннаго срока.

М-ръ Бруденель сдѣлалъ, какъ ему говорили.

— А теперь, сядьте и поговоримъ.

Было уже одиннадцать часовъ.

Въ половинѣ перваго Пауль и м-ръ Бруденель пришли къ завтраку.

Дамы тотчасъ же замѣтили, что нѣчто произошло. Я разумѣю нѣчто важное. М-ръ Бруденель ясно показывалъ, что съ нимъ что-то произошло. Въ этомъ домѣ всѣ всегда ждали чего-нибудь необыкновеннаго, и событія прошлаго вечера убѣдили, что они находятся наканунѣ важныхъ перемѣнъ. Поэтому сердце лэди Августы сильно забилось, когда она увидѣла, что ея мужъ имѣетъ нѣчто сообщить.

— Душа моя, шепнулъ онъ, передъ тѣмъ какъ сѣлъ,— сейчасъ произведены были самыя удивительныя, самыя чудесныя манифестаціи. Я разскажу послѣ.

— Что, онѣ были въ родѣ вчерашнихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ иныя. Пауль сдѣлалъ для меня то, чего никакіе чернокнижники не могли сдѣлать; и я былъ перенесенъ духомъ въ Абиссинію. Я провелъ два часа — мнѣ показались они цѣлыми сутками — на горѣ съ единственнымъ обладателемъ мудрости, которую Пауль называетъ древнимъ закономъ. Августа, мы будемъ не только счастливѣйшими людьми въ мірѣ, но также и самыми могущественными и знаменитыми. Будь очень, очень добра съ

нимъ, Августа. Мы, наконецъ, стоимъ на твердомъ основаніи.

За завтракомъ м-ръ Бруденель не могъ ничего ѣсть, будучи все еще подъ вліяніемъ утренней тайны. Его щеки раскраснѣлись, глаза были влажны; нервный, безпокойный взглядъ смѣнился взглядомъ, выражавшимъ полное довольство. Голосъ былъ кротокъ. Большая перемѣна произошла въ его душѣ.

Что касается Пауля, то онъ приступилъ къ завтраку съ аппетитомъ двадцати-четырехъ-лѣтняго молодаго человѣка, и какъ будто бы позабылъ, что впереди предстоитъ еще обѣдъ. Цецилія и Гетти нетерпѣливо ждали свѣдѣній, а Сивилла глядѣла съ подозрѣніемъ.

Послѣ завтрака м-ръ Бруденель, утомленный утренними впечатлѣніями, уснулъ у себя въ кабинетѣ.

Онъ проспалъ съ двухъ часовъ до половины пятаго въ глубокомъ и покойномъ креслѣ у камина, въ которомъ обыкновенно читалъ Уйда, въ то время, какъ люди думали, что онъ занимается кабалистикой и изслѣдованіями. Въ половинѣ пятаго онъ проснулся внезапно и вскочилъ на ноги.

— Боже мой! Неужели это былъ только сонъ?

Онъ бросился къ несгораемому шкафу, раскрылъ его, выдвинулъ ящикъ, въ который положилъ газету „Friend of India“.

Онъ хорошо помнилъ, что положилъ ее именно въ этотъ ящикъ. Но газета исчезла! Исчезла, не оставивъ слѣда. Однако, постой! что это такое? У своихъ ногъ онъ увидѣлъ обрывокъ бандероля съ надписью.... ель, Эскв.“ и уголокъ остъ-индской марки. То былъ, значитъ, не сонъ! И тутъ онъ вспомнилъ, что не долженъ былъ отпирать ящика до указаннаго срока!

Онъ нарушилъ обѣщаніе и лишился газеты! Великій Боже! онъ оказался недостойнымъ величайшаго изъ чудесъ, выказалъ любопытство, котораго постыдился бы ребенокъ! Чудо исчезло. Онъ держалъ сегодня утромъ въ рукахъ газету, перенесшуюся изъ Индіи въ Лондонъ въ нѣсколько часовъ, и вотъ ея нѣтъ больше! Какое чудо! какое несчастіе!

IX.

— Мы говорили вчера про древній законъ, сказалъ Пауль: — быть можетъ, вамъ угодно ближе съ нимъ познакомиться?

Дѣло было послѣ полудня того же самаго дня, въ половинѣ пятаго. Чай былъ поданъ, и за столомъ сидѣли только дамы, въ томъ числѣ и Гетти Медлокъ. Сумерки наступали, но лампы еще не были зажжены и шторы не опущены.

— Сынъ царя Соломона и царицы Савской, началъ онъ...

— Что такое? перебила лэди Августа; ее трудно было удивить, но и она была поражена.

— Сынъ царя Соломона и царицы Савской, повторилъ Пауль,—былъ, какъ всякій абиссинецъ знаетъ, царевичъ Менелекъ. Онъ родился въ столицѣ царицы и былъ воспитанъ въ родной странѣ. Говорятъ, что единственнымъ развлеченіемъ и единственной радостью его матери, когда онъ подросъ, было наполнять его умъ разсказами о величіи и славѣ его отца, мудраго царя Сиріи. Когда онъ выросъ, то рѣшилъ посѣтить городъ, гдѣ отецъ его былъ царемъ, и отправился туда съ большой свитой. Описаніе его путешествія, и очень подробное, сохранилось; оно очень любопытно, но, пожалуй, покажется вамъ не интереснымъ. Онъ спустился по Нилу до нынѣшняго Каира и оттуда прошелъ черезъ пустыню въ Эль-Аришъ, Газзу и Яффу, откуда направился въ святой градъ. Онъ вошелъ въ ворота Іерусалима въ сумерки. И не прошелъ нѣсколькихъ шаговъ, какъ народъ сталъ сбираться вокругъ него, старики рыдали, женщины плакали отъ радости, а молодые люди громко привѣтствовали его, потому что онъ, такъ былъ похожъ на Соломона, что народъ думалъ, что старый царь вернулся къ нимъ, помолодѣвшій...

— Ничего подобнаго, перебила строго Сивилла, нѣтъ ни въ одной части...

— Душа моя! вмѣшалась лэди Августа, это занесено, быть можетъ, въ какую-нибудь современную хронику.

— Шумъ, продолжалъ Пауль, дошелъ до дворца, гдѣ царь засѣдалъ въ совѣтѣ. Они услышали крики народа: „Царь Соломонъ вернулся. Да здравствуетъ царь!“ и послали узнать, что случилось. Сначала хотѣли было отрядить солдатъ и убить человѣка, который былъ такъ похожъ

на покойнаго царя, но затѣмъ рѣшили призвать его къ царю и разспросить. Но вотъ когда онъ предсталъ передъ царемъ, то старики, засѣдавшіе въ совѣтѣ, такъ же принялись вопить, какъ и народъ на улицахъ, отъ удивленія, потому что имъ казалось, что передъ ними стоитъ самъ Соломонъ во всей красотѣ и силѣ молодости. Но молодой человѣкъ скромно держалъ себя и поклонился царю и, когда подалъ ему привезенные подарки, то попросилъ позволенія держать рѣчь и сказалъ:

— О, царь! я Менелекъ, сынъ Соломона Великаго и царицы Савской изъ Абиссиніи, откуда и прибылъ съ дарами къ тебѣ, желая поглядѣть на великій и славный храмъ, который выстроилъ царь, мой отецъ, и его дворецъ, и всю его славу, и затѣмъ съ миромъ вернуться къ себѣ домой, если царю угодно будетъ меня отпустить.

И было сдѣлано по его желанію, и царь радушно угощалъ его и его свиту въ продолженіе тридцати дней. Послѣ того царевичъ Менелекъ собрался уѣзжать. И царь приказалъ передать ему разныя драгоцѣнности въ знакъ дружбы и благоволенія къ брату и въ числѣ этихъ даровъ находился снимокъ, такой точный, что его нельзя было отличить отъ оригинала Ковчега Завѣта, находившагося въ храмѣ, и въ немъ снимки со всего, что хранилось въ Ковчегѣ. И тутъ, разсказываютъ абиссинцы, случилась странная вещь: въ храмѣ былъ жрецъ, по имени Исаакъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и великой учености, знакомый съ чернокнижіемъ, этотъ жрецъ много бесѣдовалъ съ Менелекомъ и такъ полюбилъ его, что захотѣлъ послѣдовать за нимъ Абиссинію со всѣмъ своимъ домомъ. И онъ такъ сильно полюбилъ его, отчасти за то, что тотъ былъ сынъ Соломона, а отчасти потому, что онъ былъ добрый юноша и любилъ бесѣдовать о вещахъ скрытыхъ отъ толпы, что сдѣлалъ странную вещь, о которой евреи и по сіе время не знаютъ. Посредствомъ магической силы онъ околдовалъ сторожей и хранителей храма, такъ что они уснули, или, вѣрнѣе сказать, отвелъ имъ глаза, такъ что они и видѣли и не видѣли, а утромъ позабыли все, что видѣли, хотя и ходили все время какъ бы на часахъ и перекликались и пѣли утренніе псалмы, въ то время какъ сыновья стараго жреца принесли въ храмъ копію съ Ковчега Завѣта и замѣнили ею оригиналъ. И это, говорятъ они, было бы невозможно совершить при жизни царя Соломона, потому что его слуги, Джины, работали на него день и ночь въ храмѣ. И вотъ они унесли Ковчегъ Завѣта вмѣстѣ съ каменными скрижалями и сложили все это на верблюда, прикры-

ли ковромъ и ушли съ Менелекомъ и его свитой изъ Іерусалима. И старикъ-жрецъ взялъ тайно съ собою книгу Премудрости Соломона, о чемъ евреи не знаютъ и по сіе время. И много евреевъ ушло съ ними, потому что они лучше хотѣли служить Менелеку, чѣмъ Ровоаму; и ихъ потомки, которыхъ теперь зовутъ фелахами, пребываютъ и по нынѣ въ Абиссиніи, сохранивъ вѣру своихъ предковъ. И по сіе время Ковчегъ Завѣта находится въ рукахъ царя абиссинскаго. И книга Премудрости, именуемая книгой тайнаго закона, а другими книгой древняго закона,—находится и по сіе время въ рукахъ его жрецовъ. Эта книга—наша книга, эта мудрость—наша мудрость: потомокъ жреца Исаака, мой учитель Исаакъ именуемый Исаакъ-Ибнъ-Менелекъ, и древній законъ есть ничто иное, какъ Премудрость царя Соломона.

Четыре женщины слушали эту исторію. Три изъ нихъ, подобно царицѣ Дидонѣ, слушали во всѣ уши, съ бьющимся шибко сердцемъ. Для нихъ этотъ молодой человѣкъ уже былъ непогрѣшимымъ пророкомъ...

Какихъ-нибудь сутокъ оказалось достаточно для этого молодаго человѣка, чтобы забрать въ свои руки трехъ женщинъ. Если онъ не забралъ четвертую, то только потому, что она была уже влюблена въ другаго. Но что касается остальныхъ, то онъ пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Побѣдой онъ былъ обязанъ столько же своей наружности и манерамъ, какъ и выказанной имъ силѣ! Будь онъ вульгарнымъ, плохо одѣтымъ, пропитаннымъ табачнымъ запахомъ нѣмцемъ, какого онѣ ждали, онѣ признали бы его силу, но безъ всякаго энтузіазма.

— Отъ Исаака, продолжалъ Пауль, я научился всему, что знаю. Онъ непрерывно наставляетъ меня. Я ежеминутно бесѣдую съ нимъ; даже и теперь, когда я говорю, я слышу отъ него слова поученія и поддержки.

— О! это удивительно! прошептала Цецилія. И я видѣла моего брата!

Сивилла украдкой поглядывала на человѣка, который смѣлъ говорить такія вещи! Много людей пріѣзжали въ ихъ домъ и говорили всякую всячину. Много притязаній бывало высказываемо; въ каждомъ она узнавала что-нибудь знакомое, привычное, театральное и по существу дѣла коммерческое.

Но тутъ и рѣчи и претензіи были одинаково новы для нея, и коммерческій элементъ отсутствовалъ. Она, закаливъ сердце, опять взглянула на него, и ихъ глаза встрѣтились.

Взглядъ его былъ властительный и повелительный. И вотъ она почувствовала нѣчто совсѣмъ новое, страшное и удивительное: ея мозгъ какъ бы отуманился, а самоё ее влекло къ этому человѣку, точно на привязи: посредствомъ отчаяннаго усилія она оборвала привязь и прогнала туманъ изъ головы. Ихъ глаза снова встрѣтились, но на этотъ разъ онъ отвернулся.

— Много такихъ женщинъ, сказалъ онъ, какъ много и мужчинъ, которые не могутъ идти по этому пути, еслибы и хотѣли. Но есть другія, ихъ немного, которымъ дана способность, но онѣ не хотятъ воспользоваться ею.

— Онѣ знаютъ, пока свободны, кто онѣ и что дѣлаютъ, проговорила Сивилла; но не знаютъ, что̀ съ ними будетъ, если онѣ отрекутся отъ своей воли и свободы.

— О! пролепетала лэди Августа, показывая самый дурной, какой только можно, примѣръ дѣвушкамъ, когда пророкъ ведетъ, кто можетъ не послѣдовать за нимъ и не отказаться отъ всего?

Цецилія и Гетти вздохнули, и послѣдняя покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, точно въ одной уже мысли о полномъ рабствѣ и подчиненіи заключалось много счастія.

Всего сутки прошло, какъ онъ пріѣхалъ. И не теряя, какъ видно, времени попустому, способами, ему одному извѣстными, онъ овладѣлъ этими тремя женщинами и поработилъ ихъ. Что̀ онъ имъ говорилъ каждой въ отдѣльности—я не знаю. Но всѣ три были его покорными рабынями.

— Удивительно! повторила Цецилія, просто удивительно!

— Я былъ избранъ... не знаю, почему... не знаю, гдѣ... для этого дѣла самимъ Исаакомъ.

— Когда вы были ребенкомъ? спросила лэди Августа.

— Нѣтъ, кротко засмѣялся онъ, я сейчасъ задалъ великое испытаніе вашей довѣрчивости.

— О! послѣ вчерашняго вечера нѣтъ ничего, чему бы мы не повѣрили.

— Благодарю васъ, лэди Августа. Вчерашнія манифестаціи были допущены для васъ и для вашего дома. Сами по себѣ онѣ ничто, но онѣ служили какъ бы вѣрительными грамотами. Вы, значитъ, повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу, что помню себя только съ семнадцатилѣтняго возраста. Что касается моей предыдущей жизни, гдѣ она протекла, какъ меня звали, кто были мои родители, гдѣ мое отечество,—этого я не могу вамъ сказать. Исаакъ назвалъ меня Пауль. Я сначала ни слова не говорилъ на его языкѣ.

— А какой это языкъ?

— Фелахи сохрани ли древній еврейскій языкъ, но между собой говорятъ по-амхарійски. Я воспитался въ этомъ языкѣ. Но для насъ всѣ языки одинаковы. Когда мы находимся въ чужой странѣ, то говоримъ на языкѣ ея жителей.

— Анна Петровна пишетъ, что вы говорите по-русски, какъ русскій.

— Будучи въ Россіи—да, я говорилъ по-русски. Но еслибы вы теперь заговорили со мной по-русски, то врядъ ли бы я сумѣлъ сказать хоть одну фразу. Но одно обстоятельство заставляетъ меня думать, что мой родной языкъ англійскій. Это то, что меня иногда принимаютъ за американца. Это, повидимому, указываетъ на то, что дѣтство мое протекло въ Соединенныхъ Штатахъ и что когда я говорю по-англійски, то говорю на родномъ языкѣ.

— Это возможно, сказала лэди Августа, задумчиво, какъ будто бы она слыхала о такихъ случаяхъ. Но какъ давно очутились вы въ Абиссиніи?

— И этого опять я не знаю. Бываютъ случаи, когда человѣкъ всю жизнь посвятитъ изученію древняго закона и не пойдетъ дальше азбуки. Бываютъ другіе случаи, когда человѣкъ достигнетъ глубокаго знанія въ одинъ годъ или въ два. Наконецъ случается и такъ, что человѣкъ всю жизнь учится и ничему не научается. Я не знаю, какъ давно я изучаю древній законъ, но думаю, что я все еще молодой человѣкъ.

— Что, женщины допускаются къ самостоятельному изученію этого закона?

Пауль колебался.

— Въ наше время въ модѣ, чтобы женщины требовали независимости и равенства. Но въ древнемъ законѣ онѣ не дѣйствуютъ самостоятельно. Но мы еще объ этомъ поговоримъ. А теперь пока вы должны согласиться изучать его подъ моимъ руководствомъ.

Лэди Августа была не прочь поразспросить его еще объ этомъ интересномъ предметѣ, но отложила до болѣе удобнаго времени, когда съ ними не будетъ трехъ дѣвушекъ.

— Я буду руководить вами, пока вы не преуспѣете настолько, что пожелаете выбрать себѣ другаго руководителя. Что касается меня, то, быть можетъ, меня въ скоромъ времени отзовутъ въ Абиссинію, гдѣ я буду предаваться мирнымъ радостямъ изученія и созерцанія.

— Но вѣдь есть еще и славное поприще миссіонера; не забывайте объ этомъ, сказала лэди Августа.

Пауль обратилъ на нее печальный, но не укоризненный взглядъ.

— Вы говорите такъ по незнанію, сказалъ онъ; для насъ не существуетъ такихъ словъ какъ слава или почести. Что-за дѣло, превозносятъ васъ люди, или хулятъ? Насъ учатъ презирать всякую земную суетность: титулы, званія, честь, богатство не имѣютъ для насъ цѣны. Они не помогутъ намъ идти по нашему пути. Я пріѣхалъ сюда не охотно; потому что мнѣ велѣли пріѣхать. Я остаюсь охотно, потому что встрѣтилъ такой горячій пріемъ и такія симпатичныя сердца.

— Да, да, прошептала лэди Августа, протягивая ему руку, оставайтесь съ нами подольше. Намъ надо многому научиться; мы такъ невѣжественны: мы еще и азбуки не знаемъ. О! вы должны пробыть съ нами какъ можно долѣе, м-ръ Пауль.

— Мое имя англійское, зовите меня просто Полемъ. А васъ, сестры, я тоже буду звать по имени.

Сивилла покачала головой,

— Только не меня, пожалуйста.

— Сивилла! съ упрекомъ вскричала Цецилія.

— Будь по-вашему, вздохнулъ Поль, во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ всегда бываетъ рознь... и почему,—это непонятно.

— Обѣщайте, что останетесь съ нами, Поль... нашъ учитель... Поль, проспла лэди Августа.

— Останьтесь съ нами! сказала Цецилія.

— Останьтесь съ нами! повторила и Гетти.

— Хорошо... Я останусь до тѣхъ поръ пока... взглядъ его встрѣтился со взглядомъ Гетти, глаза которой были устремлены на него такъ, какъ должны были устремляться глаза нимфы Делоса на Аполлона, когда тотъ удостоивалъ ее посѣщенія, то есть со страхомъ, почтеніемъ и покорностью.

— Я останусь нѣкоторое время. Я останусь до тѣхъ поръ, пока вы сами не велите мнѣ уѣхать.

— Поль! всплеснула руками лэди Августа, знаете ли вы... понимаете ли, что вы обѣщали.

— Да, отвѣтилъ онъ твердо, не глядя на Гетти. Я останусь до тѣхъ поръ, пока вы сами не прикажете мнѣ уѣхать.

3213

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Конторою Редакціи пріобрѣтенъ отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **12** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

При редакціи журнала „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Иллюстрированное изданіе романъ АЛЬФОНСА ДОДЭ

„ОДИНЪ ИЗЪ БЕЗСМЕРТНЫХЪ“.

Съ 38 рисунками въ текстѣ, и 6 разсказовъ:

Дневникъ отшельника.—Бандитъ Квастана.—Сцены изъ парижскихъ нравовъ.—Звѣзды.—Кадуръ и Катель.—Подъ Рождество.

Цѣна **1** руб. **50** коп.

ПО ПОВОДУ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

Цѣна **50** коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1889 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1889 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15** р. **50** к., съ доставкою **16** р., съ пересылкою во всѣ города Россіи **17** р.

☞ Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня. ☜

49

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — 18 руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ въ Товариществѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъяч., 39), въ Книжномъ Магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Редакціи (Большая Морская, д. 32, кв. 7); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ — на Страстн. бульв., въ Книжн. Магазинѣ „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у П. П. Печковской (Петровскія линіи).

☞ Иногородные адресуются въ Контору „Русскаго Вѣстника“ — Спб., Б. Подъяч., д. 39, въ Товарищество „Общественная Польза“. Ред., Фед. Никол. Бергъ, принимаетъ по вторник. и четверг. до 1 ч. дня. (Б. Морск., д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.